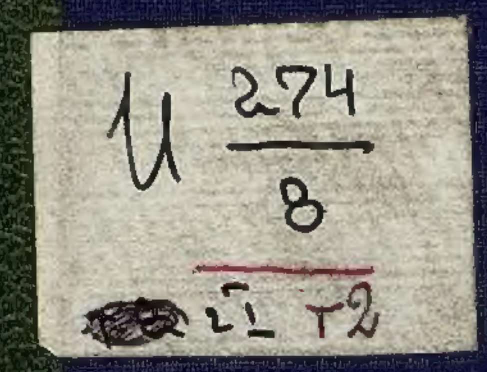
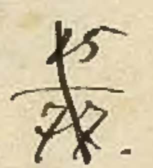

U 274
8
T2

Иванъ Сергѣевичъ
АКСАКОВЪ
ВЪ ЕГО ПИСЬМАХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

УЧЕБНЫЕ И СЛУЖЕБНЫЕ ГОДЫ.

Томъ второй.

Письма 1848—1851 годовъ.

Цѣна обоимъ томамъ 4 руб.

МОСКВА.
Типографія М. Г. Волчанинова, Б. Чернышевскій п., д. Пустошкина,
противъ Англійской церкви.
1888.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

(Стихотворенія Ивана Сергѣевича Аксакова за 1848—1851 г.).

---

15 Февраля 1884 года по поводу нападокъ въ газетахъ и въ обществѣ на новый судъ, Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ писалъ въ «Руси»:

«Старый судъ! При одномъ воспоминаніи о немъ волосы встаютъ дыбомъ, морозъ деретъ по кожѣ!... мы имѣемъ право такъ говорить. Пишущій эти строки посвятилъ служебной дѣятельности въ старомъ судѣ первые, лучшіе годы своей молодости. Воспитанникъ Училища Правовѣдѣнія, стало быть обязательно поступившій на службу по вѣдомству Министерства Юстиціи, еще въ сороковыхъ годахъ—онъ извѣдалъ вдоль и поперекъ все тогдашнее уголовное правосудіе, въ провинціи и столицѣ, въ канцеляріяхъ и въ составѣ суда (въ послѣднемъ какъ членъ по назначенію отъ правительства). Это было во-истину мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ! Со всѣмъ пыломъ юношескаго негодованія ринулся онъ, вмѣстѣ съ своими товарищами по воспитанію, въ неравную борьбу съ судейской неправдой,—и точно такъ же, какъ иногда и теперь, встревоженная этимъ натискомъ стая кривосудовъ поднимала дикій вопль: «вольнодумцы! бунтовщики! революціонеры»!... Помнимъ, какъ однажды молодой оберъ-секретарь Сената, опираясь на забытую и никогда не примѣнявшуюся статью Свода Законовъ, отказался скрѣпить истинно неправедное постановленіе, благопріятствовавшее людямъ, занимавшимъ очень видное положеніе въ высшемъ обществѣ—и съ какимъ шумомъ, съ какимъ гнѣвомъ встрѣтили сановные старики такое необычайное дерзновеніе! Помнимъ, какъ рябой нахалъ съ знатнымъ именемъ подавалъ нашему товарищу для доклада Присутствію

свое письменное оправданіе, рекомендуясь, что «по милости Царской—онъ сынъ барской», и какъ никакими доводами нельзя было предотвратить пристрастнаго въ пользу «барскаго сына» рѣшенія... Предъ нами невольно встаютъ воспоминанія — одно возмутительнѣе другого. Какія муки, какія терзанія испытывала душа, сознавая безсиліе помочь истинѣ, невозможность провести правду черезъ путы и сѣти тогдашняго формальнаго судопроизводства»!

Обстоятельство, о которомъ Иванъ Сергѣевичъ упоминаетъ черезъ 38 лѣтъ съ такимъ живымъ чувствомъ негодованія, заставило его въ Сентябрѣ 1848 года, вскорѣ по возвращеніи его съ Сѣрныхъ водъ, оставить Министерство Юстиціи. Въ это время поступило на рѣшеніе Сената дѣло молодаго Князя ***, совершившаго уголовное преступленіе при самыхъ возмутительныхъ обстоятельствахъ. Дѣло это имѣло большую гласность. Не менѣе того преступникъ, благодаря сильнымъ связямъ въ высшихъ кругахъ, добился оправдательнаго приговора отъ весьма лицепріятныхъ судей высшей Сенатской инстанціи. Молодой оберъ-секретарь отказался наотрѣзъ подкрѣпить своей подписью беззаконный приговоръ и просилъ уволить его отъ должности. Исторія эта надѣлала много шума, дошла до свѣдѣнія Государя Николая Павловича. Онъ приказалъ пересмотрѣть дѣло, и преступникъ подвергся заслуженной карѣ. Но Иванъ Сергѣевичъ тогда уже вышелъ изъ Министерства Юстиціи и поступилъ въ Министерство внутреннихъ дѣлъ подъ начальствомъ Графа Л. А. Перовскаго, который, желая испытать молодаго дѣятеля, отправилъ его въ Бессарабію съ секретнымъ порученіемъ для изслѣдованія тамошняго раскола. Въ Октябрѣ Иванъ Сергѣевичъ пробылъ въ Петербургѣ недѣли двѣ и оттуда отправился черезъ Харьковъ и Одессу въ Бессарабію, гдѣ онъ остался до конца Декабря. Переписка съ родителями начинается опять съ 11 Октября 1848 года изъ Петербурга.

БЕССАРАБСКІЯ ПИСЬМА.

Понедѣльникъ, 11-го Октября 1848 года. Петербургъ.

Наконецъ я въ Петербургѣ, милые мои Отесинька и Маменька. Пишу къ вамъ изъ квартиры Попова и пишу немного, ибо сейчасъ долженъ ѣхать. Петербургъ какъ-то дурно подѣйствовалъ на мое расположеніе духа, и я съ радостью думаю о томъ, что скоро можно мнѣ будетъ отсюда ѣхать... Мы ѣхали довольно тихо; часу въ одиннадцатомъ пріѣхали въ Петербургъ. Отправившись на двухъ извощикахъ съ чемоданомъ и сумками отыскивать Попова, который живетъ далеко отъ Почтамта, я наконецъ отыскалъ его. Можете себѣ представить, какъ онъ обрадовался! Онъ уже приготовилъ мнѣ всѣ нужныя удобства, и я проболталъ съ нимъ часа два, какъ пришелъ случайно Багратіонъ и явился Оболенскій, которому дали знать. Наконецъ мы съ Поповымъ отправились къ Ханыкову, котораго не застали, потомъ къ Надеждину, который очень обрадовался, но съ которымъ я самъ держу себя не въ «абандонѣ». Онъ много спрашивалъ про Васъ; чиновникъ торчитъ въ немъ сквозь семинариста; такъ какъ у него кто-то былъ еще, то онъ и не хотѣлъ объясняться при немъ о моемъ порученіи, но онъ увѣрялъ Попова честнымъ словомъ, что тутъ нѣтъ ничего противнаго нашимъ правиламъ *) и т. п. Онъ посовѣтовалъ мнѣ явиться въ Департаментъ, къ Вице-Директору, ибо Директора нѣтъ, да и Министръ боленъ, на дачѣ. Порученіе мое должно про-

*) Порученіе секретное объ изслѣдованіи раскола въ Бессарабіи.

должиться не болѣе двухъ мѣсяцевъ. Министръ сказалъ, что, принимая меня безъ жалованья, онъ обезпечиваетъ меня этимъ порученіемъ, при которомъ я получу вдвое больше. Но у него есть въ виду для меня вакансія чиновника по особымъ порученіямъ. Боясь, чтобъ она не ушла, я, по совѣту Попова, отправляюсь сію минуту къ Гагарину, который очень хорошъ съ Перовскимъ и который долженъ ему сообщить мое требованіе о мѣстѣ и положительномъ жалованьи.

Середа, 1848 года, Октября 13-го.

Наконецъ, я могу сообщить Вамъ кое-что положительное о своемъ отъѣздѣ. Въ Субботу или даже въ Пятницу я выѣзжаю изъ Петербурга въ Москву, а изъ Москвы поѣду чрезъ Одессу въ Кишиневъ. Что сказать Вамъ о себѣ? Покуда живу довольно хлопотливо и потому скучно. Почти каждый день у кого-нибудь изъ нашихъ товарищей вечеръ по случаю моего пріѣзда, и это наконецъ надоѣло. Третьяго дня вечеромъ былъ я у Веневитинова, который въ Воскресенье самъ пріѣзжалъ къ Попову знакомиться со мной. Веневитиновъ, братъ поэта, добрый малый и неглупый человѣкъ, сохранилъ въ себѣ даже внѣшній видъ москвича, пріятель Хомякова и всею душею любящій Москву. Онъ женатъ на дочери Графа Вельегорскаго и живетъ въ одномъ домѣ съ тестемъ и съ Графомъ Соллогубомъ, женатымъ на другой дочери. Тамъ познакомился я со всею этой семьей, въ которой все-таки лучшія существа—это женщины: Графиня Соллогубъ и сама Веневитинова. Обѣ онѣ, сочувствуя московскому направленію, каждый день читаютъ по церковнославянски, русскія пѣсни и т. п. Конечно, все это еще не исторгаетъ ихъ изъ петербургскаго быта, все это является больше comme du luxe, среди этихъ нагло раззолоченныхъ гостиныхъ, но все же это можетъ современемъ отразиться на ихъ дѣтяхъ, все же это похвально и лучше другихъ занятій. Обѣ онѣ очень набожны, очень скромны и женственны. Надобно отдать честь Попову: онъ, говоря постоянно по-русски, своею неподчиненностью петербургскому обществу заставлялъ ихъ всѣхъ въ присутствіи своемъ вести разговоръ по-русски... Другаго общества петербургскаго я не видалъ,

но думаю, что Константинъ своимъ словомъ могъ бы произвести здѣсь большой эффектъ, если бы не былъ такъ безпощаденъ и ошеломляющъ. Впрочемъ, повторяю, этотъ успѣхъ еще не затрогиваетъ глубоко быта. По крайней мѣрѣ мы, москвичи-славянофилы, пользуемся здѣсь необыкновеннымъ уваженіемъ. Но вы постоянно чувствуете себя несмѣсимымъ съ петербургскимъ обществомъ; вотъ почему, еслибъ Поповъ и не былъ со мною коротко знакомъ въ Москвѣ, то встрѣтился бы со мной здѣсь какъ съ роднымъ, на чужбинѣ; вотъ почему постоянно чувствуется вами одиночество. Читали тамъ «Бродягу». Поповъ, уже въ четвертый разъ во время моего пребыванія въ Петербургѣ читающій его, ревнуя къ чести Москвы, читалъ и въ этотъ разъ съ великимъ стараніемъ и читалъ довольно хорошо. Восторгъ и успѣхъ былъ огромный. Но, скажу къ своей чести, я почувствовалъ, какъ безсильны для меня эти невѣжественныя хвалы! Мой судъ строже ихъ, лучше ихъ всѣхъ понимаю я и требованія искусства и отношеніе моего произведенія къ языку и произведеніямъ народнымъ. Мое произведеніе только отрицательно русское, но самородка русской мысли и слова въ немъ нѣтъ! Я когда-нибудь напишу самъ критику своего «Бродяги», чтобы знали современемъ, что я не обманывался насчетъ его будущей судьбы и того значенія, которое современемъ опредѣлитъ ему критика. А они покуда читаютъ, перечитываютъ и переписываютъ «Бродягу» и вообще уже однимъ чтеніемъ пріобрѣтаются, сколько могутъ, московскому направленію, которое я послѣ всякаго чтенія выставляю впередъ, говоря, что ему я всѣмъ обязанъ и пр.

Четвергъ.

Вчера получилъ я письмо Ваше, милая Маменька, и скоро думаю получить письмо и отъ Васъ, мой милый Отесинька. Впрочемъ, кажется, что недѣли черезъ двѣ, по крайней мѣрѣ, я Васъ увижу проѣздомъ въ Бессарабію. Писать такъ много, что непремѣнно нужно раздѣлить этотъ запасъ по предметамъ. Сначала скажу о себѣ, о своемъ вступленіи на службу и т. п. Я, слава Богу, здоровъ, но не могу быть веселъ. Вы не повѣрите, какое тягостное впечатлѣніе производитъ

на меня Петербургъ. Это оскорбительное великолѣпіе, эти громады, воздвигнутыя какою-то страшною, наглою силой, это отсутствіе всякой религіозной физіономіи, эта страшно развитая удобственность чисто матеріальныхъ благъ, — все это давитъ, болѣзненно давитъ душу. Но что могло бы привести въ отчаяніе при некрѣпкой вѣрѣ въ судьбу Россіи, это именно слышимое и чувствуемое присутствіе какой-то страшной силы во всемъ развратномъ бытѣ Петербурга. Теперь о службѣ. Для порученія бессарабскаго недоставало человѣка, а въ это время получилась моя просьба. На это порученіе и прочили меня съ самаго начала; съ этою мыслью и принялъ меня Министръ. Хотя и имѣется вакансія чиновника по особымъ порученіямъ, но Министръ сказалъ, что онъ никого не назначаетъ на это мѣсто, не испытавъ его предварительно и не познакомившись съ нимъ лично, и потому назначилъ меня сначала состоящимъ при Департаментѣ, безъ жалованья. Однакоже Перовскій сказалъ: «а какъ онъ назначается безъ жалованья, то мы его теперь обезпечимъ достаточно порученіемъ.» Въ Понедѣльникъ я былъ у Н** уже одинъ, и онъ передалъ мнѣ содержаніе этого порученія. Во Вторникъ поутру я ѣздилъ къ Министру на дачу, гдѣ онъ до сихъ поръ еще живетъ по болѣзни. Перовскій принялъ меня очень ласково, посадилъ, просилъ ознакомиться предварительно съ вопросомъ во всѣхъ его частяхъ и потомъ какъ можно скорѣе поспѣшать отъѣздомъ, но только хорошенько приготовившись, ибо мысль объ этомъ порученіи пришла имъ еще въ Августѣ, но исполненіе ея было отложено до моего назначенія, которое оттянулось до сего времени. Взвѣсивъ хорошенько все, я нашелъ, что могу принять порученіе, и принялъ, тѣмъ болѣе, что предметъ его способенъ возбудить во мнѣ самое живое сочувствіе; но порученіе секретное и потому прошу Васъ всѣхъ держать это въ секретѣ: гласность компрометировала бы не только самое дѣло, но и меня самого. Условившись съ Н** приняться за работу черезъ два дня, въ продолженіе которыхъ я окончу визиты, нынче часовъ въ десять (утра) я отправляюсь къ нему, прочту его книгу и, словомъ, займусь дѣломъ. Вамъ, конечно, непріятна эта близость сношеній съ Н**. Она для меня еще непріятнѣе, — но я въ отношеніяхъ своихъ къ

нему такъ самостоятеленъ, и онъ это такъ чувствуетъ, что эта близость ровно ничего не значитъ. Н** старается, впрочемъ, выказать всячески свое усердіе ко мнѣ и къ нашему семейству; здѣсь ратуетъ противъ Нѣмцевъ и, разсказываютъ, недавно гдѣ-то разбилъ въ пухъ Кавелина, защищая славянское направленіе...

Воскресенье, 31-го Октября. Орелъ. 8 часовъ вечера.

Съ часъ тому назадъ, какъ пріѣхалъ я сюда. Тихо ѣду: почти двое сутокъ въ дорогѣ,—и сдѣлано всего 330 верстъ. Это еще по шоссе, а вотъ теперь начинается другая. Я выѣхалъ отъ Васъ въ Пятницу, въ погоду довольно хорошую; но эта тихая теплота разрѣшилась снѣгомъ, который и не переставалъ идти весь послѣдующій день. Онъ, такъ сказать, бѣжалъ передо мной и спѣшилъ одѣть всю природу бѣлымъ цвѣтомъ, такъ что моимъ глазамъ являлись всюду однѣ внѣшнія рельефныя стороны ландшафта. Впрочемъ, ничего и не являлось; при постоянномъ плеваньи въ глаза, я опустилъ кожу сверху и такимъ образомъ продолжалъ путь. Но вечеромъ похода пріутихла, полупрояснилось, вылѣзъ мѣсяцъ, и картина была дѣйствительно очаровательна; такъ въѣхалъ я въ Тулу часовъ въ 9 вечера. Въ Тулѣ мнѣ дали другой тарантасъ до Орла, гораздо просторнѣе и покойнѣе. Ночью хватилъ сильнѣйшій морозъ, я думаю, градусовъ въ 15, съ вѣтромъ прямо въ лицо. День былъ прехолодный, а ночью, вѣрно, пойдетъ опять снѣгъ... Я проѣхалъ слѣдующіе города: Подольскъ, Серпуховъ, Тулу, Чернь, вовсе не похожій на городъ, Мценскъ и Орелъ. Орелъ производитъ очень тягостное впечатлѣніе. Городъ съ пробѣлами: на каждомъ шагу пепелища отъ выгорѣвшихъ кругомъ домовъ. Встрѣчъ никакихъ не было. Въ Мценскѣ, на томъ же дворѣ, гдѣ я останавливался, происходилъ дѣвичникъ или что-то въ этомъ родѣ, по случаю предстоящей свадьбы одной горожанки (мѣщанской дѣвки) съ дворникомъ (содержателемъ постоялаго двора гдѣ-то въ селѣ). Меня предложили величать и повеличали. Пѣсни поются все новыя: все про Голландское полотно да Французскія кружева. Обѣдалъ я въ Тулѣ и Орлѣ въ эти дни вечеромъ, ибо благодаря Мамень-

кѣ, запасъ для завтрака порядочный. Въ Тулѣ изъ тульскихъ вещей, бывшихъ при гостинницѣ, я ничего не купилъ; а здѣсь, въ Орлѣ, изъ тульскихъ вещей купилъ пару карманныхъ пистолетовъ для эффекта и для устрашенія непріятелей однимъ видомъ дула,—за 4 цѣлковыхъ. Разумѣется, я ихъ не заряжалъ. Завтра, къ вечеру долженъ попасть въ Курскъ.

1848 года Ноября 2-го. Курскъ. Вторникъ.

Нынче, часу въ восьмомъ утра добрался я до Курска. Каково! Отъ Орла до Курска всего 155 верстъ, и на это пространство употреблено столько времени, т. е. полтора сутокъ. Слава Богу, я совершенно здоровъ; но трудно найти время сквернѣе для путешествія! За Орломъ шоссе уже нѣтъ; вся взъерошенная поверхность земли покрылась слегка снѣгомъ, но морозъ въ этихъ мѣстахъ не былъ достаточно силенъ, чтобы совершенно окаменить эту грязь и тѣмъ способствовать «накату»: По пяти и по шести часовъ дѣлаютъ одну станцію въ 18 и 20 верстъ! Самая лучшая ѣзда не по дорогѣ, а гдѣ-нибудь цѣликомъ по полю! Самому бываетъ страшно оглянуться назадъ; не вѣришь, чтобы экипажъ могъ проѣхать, а лошади провезти по такой изуродованной землѣ. Если встрѣтишь кого-нибудь на станціи, такъ только и слышишь одни ругательства. Тарантасъ, взятый мною въ Орлѣ, чтобы ѣхать въ немъ до Курска, два раза ломался; два раза починка стоила мнѣ нѣсколько часовъ времени; наконецъ, видя, что онъ слишкомъ тяжелъ по этой дорогѣ, я поѣхалъ въ простой телѣгѣ, придѣлавъ къ ней кибиточный верхъ; телѣги также раза два ломались, наконецъ кибитокъ не хватило на станціяхъ, и я ѣхалъ уже просто, безъ верху: прибавьте къ этому сильный вѣтеръ съ снѣгомъ прямо въ лицо, мокрое платье,—и Вы поймете всю прелесть дороги. Я Вамъ это пишу, во-первыхъ, потому, что мнѣ это все, слава Богу, ни почемъ; во-вторыхъ потому, что когда Вы получите это письмо, то я уже буду находиться подъ благословеннымъ небомъ Юга и пр. пр. пр. Настоящее путешествіе мое имѣетъ только смыслъ средства, а само по себѣ не имѣетъ никакой пріятности. Эта проклятая зима

все забѣлила однимъ цвѣтомъ, всѣхъ загнала внутрь домовъ, всѣхъ мужчинъ и женщинъ одѣла въ одинъ нагольный, безобразный тулупъ. Еще самъ не знаю, на чемъ поѣду: въ саняхъ или въ тарантасѣ.

Что же касается до Курской Божіей Матери, то едва ли мнѣ можно будетъ выполнить Ваше порученіе, милая Маменька: почтовая станція, гдѣ я остановился, совершенно почти за городомъ, т. е. проѣхавъ весь городъ, внизу подъ горой *). Теперь все платье мое сушится, а опять подниматься на гору въ такое время и при такой дорогѣ, право нѣтъ времени.

На нѣкоторыхъ станціяхъ я заглядывалъ въ Терещенко. Драгоцѣнностей пропасть, но Терещенко такой олухъ, что я совѣтую почитать изъ него Отесинькѣ: до такой степени онъ смѣшонъ! Впрочемъ, въ тоже время онъ человѣкъ почтенный за свою искреннюю любовь къ русскому крестьянину.

Четвергъ, 4-го Ноября. Харьковъ.

Нынче въ ночь добрался я наконецъ до Харькова, и какъ это было поздно ночью, то принужденъ былъ остаться переночевать здѣсь. Однакоже черезъ часъ времени намѣренъ отправиться дальше въ путь, на Полтаву, которая отъ Харькова всего въ 138 верстахъ. Дорога отъ Курска до Харькова гораздо лучше предыдущихъ: отъ того ли, что идетъ частію по пескамъ, частію по чернозему, отъ того ли наконецъ, что стало чувствительно теплѣе; подъѣзжая къ Харькову, я нашелъ вездѣ оттепель. Можетъ быть, и у Васъ тоже; но здѣсь это болѣе къ лицу. Обоянь, Вашъ родной городъ, моя милая Маменька, я проѣхалъ часу въ двѣнадцатомъ ночи, когда онъ уже погруженъ былъ въ крѣпкій сонъ, такъ что у станціоннаго смотрителя не могъ ничего узнать о Самбурскихъ *). Зато Бѣлгородъ я проѣхалъ въ

---

*) Ольга Семеновна была родомъ изъ Курской Губ. и имѣла особенное почитаніе къ образу Божіей Матери Знаменія.

*) Сестра Ольги Семеновны была замужемъ за Самбурскимъ, Курскимъ помѣщикомъ.

полдень, при солнечномъ освѣщеніи, въ рыночное время, и онъ произвелъ на меня самое пріятнѣйшее впечатлѣніе, чему причиною отчасти само солнце, котораго я такъ давно не видалъ, и цвѣтъ зелени изъ подъ стаявшаго снѣга. Цвѣтъ на меня просто нервически дѣйствуетъ. Вообще чувствую, что Малороссія произвела бы на меня самое благопріятное впечатлѣніе, еслибъ я ее больше видѣлъ и ѣхалъ лѣтомъ. Досадно, что на станціяхъ вездѣ уже приготовлены пристанища: т. е. пустыя, прохладныя, однообразныя комнаты у станціонныхъ смотрителей, гдѣ и принужденъ останавливаться; такъ что до Харькова можно проѣхать, не услыхавъ почти малороссійскаго звука, ибо ямщикъ не то что мужикъ. Зато, говорятъ мнѣ съ ужасомъ проѣзжающіе господа, отъ Харькова вы не найдете такихъ пристанищъ. А мнѣ того-то и надобно.

1848 года. Ноября 10-го. Одесса.

Наконецъ я въ Одессѣ! «Отъ края моря Балтійскаго до края понта Евксинскаго» шествіе мое. И это еще не конецъ! Нынче въ ночь или завтра поутру ѣду далѣе, въ Бессарабію. Не знаю, скоро ли попаду въ Кишиневъ; можетъ быть, Аккерманъ или Бендеры задержатъ меня на нѣсколько времени; а хотѣлось бы мнѣ поскорѣе снабдиться свѣдѣніями о Васъ. Я приготовилъ было Вамъ письмо въ Кременчугѣ, но оно осталось не посланнымъ, по той причинѣ, что почта въ Москву отходила черезъ пять дней, чего я прежде не зналъ.

Проѣхавъ слишкомъ 1500 верстъ, я, такъ сказать, физически, поневолѣ, подвергся столькимъ нагляднымъ впечатлѣніямъ,—столько смотрѣлъ и видѣлъ глазъ, столько поручила себѣ запомнить память, столько мыслей и замѣчаній проскакало въ головѣ и смѣнилось вмѣстѣ съ перекладкой лошадей и поклажи изъ телѣги въ телѣгу,—что я, право, и не знаю, какъ примусь теперь за подробный отчетъ всѣхъ этихъ дней. Надобно бы, чтобы отстоялась немного голова. Но ждать этого некогда. Въ Бессарабіи я буду путешествовать медленнѣе, останавливаться въ каждомъ городишкѣ, въ каждомъ значительномъ селеніи, и намѣреваюсь вести днев-

никъ или просто писать Вамъ письма; но теперь другое дѣло.

Послѣднее письмо мое было изъ Харькова, гдѣ я ночевалъ. Мудрено у насъ сказать что-нибудь о физіономіи такого или другого города второстепеннаго; всѣ они больше или меньше имѣютъ физіономію казенную, сквозь которую рѣдко пробивается самостоятельный характеръ города. Наружность Харькова не имѣетъ ничего особеннаго: мощеныя улицы, каменныя зданія пошлой архитектуры, магазины, училища и пр. Къ тому же я пріѣхалъ ночью и оставилъ городъ утромъ. Но, кажется мнѣ, что Харьковъ имѣетъ внутреннее сильное значеніе для Малороссіи, которая въ немъ централизируется, которая имѣетъ въ немъ свой университетъ. Университетъ, конечно, плохъ; но хохлы, вѣроятно, ставятъ его выше всѣхъ другихъ, и какъ типъ хохлацкій, не сглаживаясь ничѣмъ на свѣтѣ, дѣлаетъ ихъ смѣшными въ сравненіи съ Москалями, то они, вѣроятно, очень рады, что этотъ типъ находитъ себѣ здѣсь самостоятельное оправданіе... Впрочемъ, въ настоящее время эта самостоятельность значитъ только самостоятельное подражаніе, обезьянство Западу, а не Москвѣ...

До Харькова отъ Курска я еще не могъ замѣтить сильнаго преобладанія малороссійскаго характера; но отъ Харькова къ Полтавѣ и отъ Полтавы къ Кременчугу—вотъ настоящая Хохландія! Несмотря на зимнее время и на то, что разъ ночью хватилъ сильный морозъ съ великолѣпнымъ сѣвернымъ сіяніемъ,—вы чувствуете, что здѣсь теплѣе, что здѣсь нѣжнѣе природа; мнѣ полюбилась Малороссія даже зимой. Природа здѣсь какъ будто на своемъ мѣстѣ, каждое дерево растетъ вволю, смотритъ хозяиномъ, у себя дома, и раскидывается живописнѣе; чистыя мазанки съ садиками и огородами, хутора, разбросанные тамъ и сямъ, обведенные красивыми плетнями, все это, даже зимой, такъ хорошо, такъ привѣтно! Правда, что въ это время случились и солнечные дни, правда, что наши впечатлѣнія не могутъ быть совершенно чистыми и свободными отъ подготовокъ, отъ взглядовъ à priori, —но какъ бы тамъ ни было, а Малороссія произвела на меня пріятное впечатлѣніе. Вездѣ такъ и

торчитъ Гоголь съ своими вечерами на хуторѣ близъ Диканьки. Тутъ только вы почувствуете все достоинство, всю вѣрность этихъ описаній, этой, не столько внѣшней, сколько внутренней характеристики Малороссіи, вполнѣ передающей вамъ и внѣшнюю ея физіономію. Въ томъ-то и дѣло. Я часто думалъ по поводу своего «Алешки» что описаніе внѣшней природы никогда не будетъ ни достаточно вѣрно, ни достаточно подробно, но можетъ скоро стать утомительнымъ для читателя; а въ первой главѣ этотъ недостатокъ у меня есть; во второй же главѣ его меньше.

Потянулись возы съ волами, чумаки съ ихъ люльками, бритыми подбородками, нѣсколько звѣрообразными лицами и тяжелой, медленно лѣнивой поступью; живыя и красивыя физіономіи Хохлушъ или Хохлачекъ въ грязныхъ рубашкахъ и свиткахъ,—костюмъ, который, можетъ быть, очень хорошъ въ идеалѣ и непривлекателенъ въ будничной дѣйствительности; суровыя, серьезныя фигуры Малороссіянъ съ ихъ неподвижностью и неговорливостью... Вотъ что попадалось мнѣ на дорогѣ и что я могъ замѣтить,—остальное было предоставлено моимъ соображеніямъ, догадкамъ. Къ несчастію, теперь уже вездѣ есть станціи или станціонные дома для проѣзжающихъ, гдѣ двѣ, три пустыя, худо протопленныя комнаты, съ извѣстнымъ припасомъ печатныхъ объявленій почтоваго начальства, заставляютъ путешественника торопиться отъѣздомъ. Я проѣхалъ болѣе 60-ти станцій и имѣлъ терпѣніе выходить рѣшительно на каждой; придешь, осмотришь комнаты, переглядишь всѣ картинки по стѣнамъ, толкнешься, будто ненарочно, въ кухню или въ жилыя комнаты смотрителя и рѣдко, рѣдко удастся поймать какое-нибудь живое, замѣчательное слово или завести любопытный разговоръ. Уже рѣже и рѣже встрѣчаются портреты Багратіона и Бобелины; другіе странные сюжеты смѣняютъ ихъ, и преимущественно лица и сцены изъ Шатобріанова романа «Перуанскіе Инки». Встрѣчъ постороннихъ проѣзжихъ со мной было мало. Разъ встрѣтилъ я двухъ гвардейскихъ молодыхъ офицеровъ, которые, бывъ въ Кіевѣ на службѣ и теперь возвращаясь въ Петербургъ, поѣхали чрезъ Харьковъ, чтобы тамъ дорогой покутить и повеселиться, что исполнили и на

что посвятили двѣ недѣли. Коляска ихъ сломалась, и они, дожидаясь на станціи цѣлый день, такъ обрадовались звону колокольчика, возвѣщавшему пріѣзжаго, что, когда я вошелъ въ комнату, они встрѣтили меня словами: милости просимъ, не хотите ли чаю и т. п. Добрые малые, пустозвоны, укладывающіеся всѣмъ составомъ своимъ, вполнѣ въ извѣстный типъ петербургскаго гвардейца; удивительно ихъ счастливое невѣжество, ихъ равнодушное незнаніе вопросовъ и задачъ своего времени, своей земли... И какъ много этихъ господъ въ Россіи. Одинъ изъ нихъ успѣлъ намекнуть мнѣ, указывая на золотое кольцо на пальцѣ, что ему за промедленіе готовится въ Петербургѣ распеканція и т. п. Богъ съ ними; разумѣется, мы разстались друзьями, да еще какими!.. Въ другой разъ нашелъ я на станціи двухъ армейскихъ молодыхъ офицеровъ, ѣхавшихъ на Кавказъ по той причинѣ, «что войны другой пока еще нигдѣ нѣтъ, что европейская война, Богъ знаетъ еще, когда будетъ, и что надо же имъ понюхать пороху и обкуриться,—что военному человѣку надо же что-нибудь дѣлать»!.. Разговаривая между собою и съ какимъ-то старымъ помѣщикомъ, отставнымъ гусаромъ, перебирали они знакомыхъ своихъ, убитыхъ на Кавказѣ, вспоминали славные подвиги славной войны, послѣдней войны, когда люди еще вѣрили въ право, въ законность и достоинство войны. Эти двое, конечно, стоятъ несравненно выше первыхъ, хотя странно было слышать, что они говорятъ о войнѣ, какъ о какомъ-то самомъ законномъ и нормальномъ явленіи. Война, война! Какимъ лучезарнымъ сіяніемъ славы и блеска окружили люди это страшное слово. О, какъ отъ многаго надо отвыкать человѣчеству!.. Къ довершенію картины скажу, что разговоръ этотъ былъ поздно ночью, часу въ третьемъ; на дворѣ было страшно холодно; морозная луна сверкала въ окошко комнаты, освѣщенной всего однимъ сальнымъ огаркомъ, много наплывшимъ и сильно нуждавшимся въ щипцахъ, которыхъ не было и вмѣсто которыхъ явился извощичій староста, одолжившій два своихъ несгораемыхъ пальца; я сидѣлъ въ углу за самоваромъ, не принимая никакого участія въ разговорѣ; жаль, что не узналъ ихъ фамилій: можетъ быть, убьютъ ихъ обоихъ на Кавказѣ!.. На одной станціи нашелъ я за роскошнымъ завтракомъ

ѣхавшаго въ красивой каретѣ съ большимъ аппаратомъ помѣщика С—а, мѣсяца три тому назадъ вернувшагося изъ Парижа. Съ нимъ былъ какой-то молодой офицеръ и артистъ—Французъ. Эти господа Европейцы ѣхали съ необыкновеннымъ трескомъ и блескомъ, en grands seigneurs; самъ С — ъ, впрочемъ, человѣкъ неглупый, но нѣсколько скотъ. Французъ изволилъ отзываться объ Россіи нѣсколько съ презрѣніемъ, за что я его немного осадилъ.—На одной станціи за Полтавой, въ одно время со мною была одна помѣщица съ двумя дочерьми и сынкомъ. Дочери—полтавскія институтки (тамъ есть институтъ). Полтавскія институтки! слѣдовательно не утратившія своего выговора, своей мягкой рѣчи на распѣвъ, довольно пріятныхъ въ женскихъ устахъ. Объ этомъ узналъ я отъ станціоннаго смотрителя; самъ же видѣлъ ихъ вскользь; онѣ довольно миловидны и, проходя мимо меня, ввернули два, три слова по - французски. Сынокъ, отрокъ высокаго роста, болванъ еще нѣжный, обѣщающій быть крѣпкимъ болваномъ. Впрочемъ, я еще не рѣшилъ: будетъ ли онъ дѣятельнымъ болваномъ или пассивнымъ, т. е. будетъ ли онъ бить свою жену, или жена его будетъ бить; во всякомъ случаѣ, кажется, онъ будетъ бить своихъ людей. Вотъ, кажется, всѣ мои встрѣчи. Перевалившись за Харьковъ, я однакоже, повторяю, почувствовалъ себя въ Малороссіи, въ землѣ, гдѣ, кажется, мало сочувствія къ Руси; несмотря на православіе, на самую близкую связь, вы однакоже не чувствуете себя дома; впрочемъ, это относится къ намъ; а русскій человѣкъ вездѣ похаживаетъ незастѣнчиво, хозяиномъ, и съ необыкновеннымъ чувствомъ снисхожденія признаетъ права чужой народности. Это же относится также и къ моему человѣку—Никитѣ. Кстати о немъ. Онъ усердный, хорошій и честный человѣкъ, но весьма глупъ, неграмотенъ, недогадливъ, сонливъ и смотритъ обрубкомъ дерева. Улыбка, производимая на лицѣ его постоянно видомъ хохловъ, разломила ему челюсти; увидавъ одного офицера, везомаго на телѣгѣ парою воловъ, онъ хохоталъ во всю станцію въ 25 верстъ; любимѣйшимъ его занятіемъ было поддразнивать хохла-ямщика; къ языку ихъ онъ скоро примѣнился и съ удивленіемъ услыхалъ я въ рѣчи его употребленіе звательныхъ падежей, сокращеніе глагольныхъ формъ и пр.

Первая станція за Харьковымъ.—Люботино, село изъ двухъ тысячъ душъ, частію помѣщичьихъ, частію казенныхъ: казенные крестьяне, и понынѣ называющіе себя казаками, дѣйствительно казаки, обращенные въ крестьянъ. Село огромное и красивое; Малороссійская деревня не имѣетъ правильнаго характера русской деревни, гдѣ фасадъ стоитъ непремѣнно на улицѣ. Тутъ есть нѣкоторые и помѣщичьи домики. Хотѣлось бы мнѣ тамъ побывать, много, вѣроятно, нашлось бы и старосвѣтскихъ помѣщиковъ, и Шпонекъ, и Григорьевъ Ивановичей, и молодыхъ хохлацкихъ барышень, стройныхъ, гибкихъ, красивыхъ, нѣженныхъ, мечтательныхъ, словомъ, со всѣмъ тѣмъ, что хорошо въ нихъ отъ 16-ти до 20-ти лѣтъ и что потомъ дѣлается несноснымъ... Вы, можетъ быть, скажете, что слова мои отзываются молодостью... Напрасно: я не примѣшиваю тутъ никакого личнаго интереса или чувства; я люблю видѣть все это, какъ явленія жизни.—Въ Полтаву пріѣхалъ я въ снѣжную погоду; снѣгъ, впрочемъ, не остался долго, но помѣшалъ мнѣ разглядѣть Полтаву; сколько однакоже я ее видѣлъ,—могу сказать, что въ ней мало замѣчательнаго. Малороссійскіе города состоятъ большею частью изъ мазанокъ, возведенныхъ въ званіе домовъ. Кажется, есть хорошее одно мѣсто, гдѣ площадь обведена двумя рядами пирамидальныхъ тополей, освѣщаемыхъ фонарями... Въ Полтавѣ пробылъ я недолго, пообѣдавъ только на станціи, гдѣ буфетъ содержитъ какая-то Нѣмка. У этой Нѣмки есть хорошенькая дочка, уже помолвленная за какого-то еще довольно молодаго станціоннаго смотрители; свадьба должна была совершиться дней черезъ пять, и всѣ они были сильно заняты изготовленіемъ очень небогатаго приданаго. Женихъ—Полякъ, она—протестантка, и оба рѣшились принять Православную вѣру, должно быть, для большаго порядка и аккуратности въ домѣ; приходилъ тутъ Жидъ съ разными товарами, и женихъ купилъ невѣстѣ табатерку съ музыкой, къ великому ея удовольствію. Онъ имѣетъ въ перспективѣ перейти съ этой станціи на лучшую; она имѣетъ въ перспективѣ... Что? Жить въ деревнѣ, отдѣльно отъ прочихъ ея жителей, жить, жить, отживать ежедневность! Странная жизнь этихъ станціонныхъ смотрителей.

«Вамъ скучно здѣсь?» спросилъ я одного, еще нестараго, очень порядочнаго и даже получившаго кое-какое, можетъ быть, въ Уѣздномъ училищѣ, образованіе человѣка.— О, нѣтъ, отвѣчалъ онъ, на этой станціи много проѣзжающихъ!.. А вѣдь эти проѣзжающіе останавливаются на 10 минутъ только, и самое наполненное для него время тогда, когда что́-нибудь заставитъ проѣзжаго отночевать на станціи...

Бодрѣе и дѣятельнѣе стало мое любопытство, когда я перевалилъ за Полтаву, когда оставилъ вправо Хороль, и послышались имена казачьихъ городовъ и селъ; я чувствовалъ себя весело и усердно кушалъ всюду борщъ и свиное сало... Впрочемъ, настоящая казачья земля туда вправо, къ Кіевской губерніи. Я всматривался въ мѣстность, въ лица, старался воскресить въ головѣ все это казачество, замѣтить слѣды того быта... Должно сознаться, что мирныя обстоятельства, вѣроятно, еще более придали хохлу лѣни и неподвижности; нужны были Ляхи и Татары, чтобы расшевелить эту природу. Къ тому же хохолъ скрытенъ и недовѣрчивъ, особенно къ Москалю. Да, но вѣдь эта грубая фигура такъ однако способна къ юмору, поетъ пѣсни такой нѣжной художественности... Конечно, Запорожье было не все казачество и составлялось не изъ однихъ хохловъ; конечно, историческое положеніе имѣетъ огромное вліяніе на ихъ бытъ и характеръ; конечно, я даже и права судить объ нихъ не имѣю, проскакавъ только чрезъ Малороссію,—но необходимо пристальнѣе вглядѣться въ это племя, чтобъ ясно уразумѣть въ немъ казака и—художника... Но что касается до костюмовъ, то они отличаются очень отъ нашихъ: воротники стоячіе, на головѣ большею частію рѣшетиловская шапка, рубашка не такая, и долгополыхъ кафтановъ не любятъ.— Здѣсь уже пошли большею *частію* писаря въ станціонныхъ домахъ, вмѣсто смотрителей. «Писарь»—какая то уже усвоенная нами принадлежность Малороссіи; здѣсь также попадаются Евреи и шинки... На одной станціи однакоже удалось мнѣ разговориться съ однимъ хохломъ. Я спросилъ его про разныя пѣсни и обычаи; знаетъ ли онъ «Щедрый вечеръ», «Добрый вечеръ» и многое другое, вычитанное мною дорогой у Терещенки?.. Оказалось, что знаетъ, но говоритъ, что все уже

выводится, что на вечерницы и для игръ на улицы собираться имъ не велятъ, боясь отъ того безпорядковъ, спора, крика, шума и драки, что колядъ почти совсѣмъ затихли, ибо это грѣшно и дѣлается наканунѣ праздника въ противность церковнымъ уставамъ и пр. Послѣднее очень странно: не есть ли это вліяніе русскаго начала?.. Кстати о Терещенкѣ. Совѣтую Вамъ достать его; много тутъ сокровищъ. Прочти, Константинъ, свадебный обрядъ въ Вологодской губерніи: чудо что такое; я не успѣлъ прочесть и десятой доли всего сочиненія, но спасибо ему за это, хоть онъ и дуракъ, какъ изо всего видно... Сколько языческаго во всѣхъ этихъ празднествахъ и обычаяхъ! Да, нашъ народъ принялъ Христіанство какъ младенецъ; онъ не освятилъ его именемъ, какъ западные народы, дикихъ, свирѣпыхъ побужденій, не устроилъ во имя христіанства нехристіанскихъ учрежденій,— но не перемѣнилъ веселой стороны своего языческаго быта. Владиміръ Князь обезпечилъ за нимъ питье вина, и народъ, перекрестивъ крестнымъ знаменіемъ священную языческую рѣку, передѣлавъ имя идола въ имя какого-нибудь Святаго, продолжалъ прежнія игры и веселья. Онъ не почувствовалъ ихъ несовмѣстимости съ Христіанствомъ; напротивъ, такъ сказать, онъ еще пригрѣлъ ихъ тепломъ, пролившимся въ бытъ отъ новаго ученія... Но строже и строже становится время; не можетъ, не долженъ народъ оставаться въ этомъ состояніи безсознательнаго, цѣльнаго быта... Конечно, каждому отдѣльному лицу съ первыхъ годовъ Христіанства до послѣдняго времени возможно было путемъ вѣры и труда освободиться отъ своего быта и достичь полнаго личнаго усовершенствованія; но эту возможность сохранили для человѣчества, на эту возможность указывали только монастырь и пустыня... Долго, не смущаясь, продолжился этотъ безпечный бытъ,—но время напираетъ. Нельзя же всѣмъ идти въ монахи или удалиться въ пустыни; да при этомъ куда бы дѣвалась семья? Но гдѣ же она, эта граница примиренія быта съ требованіями религіи?.. Подъ корень подрублена вѣра въ жизнь, со всею ея красою, со всѣми ея правами; повѣялъ свѣжій, рѣдкій воздухъ, отъ котораго замираетъ духъ, гдѣ нѣтъ земной человѣческой жизни. Надо жить, отвергая жизнь... Рушится бытъ повсюду; взамѣнъ

тепла предложенъ воздухъ горнихъ высотъ, гдѣ такъ страшно высоко; а такъ хорошо иногда бывало внизу!.. Конечно, еще далеко отъ этого преобразованія; но уже вмѣстилось въ насъ это убивающее жизнь пониманіе... Послѣднія времена искусства пришли... Гдѣ же ты, Алешка, торопись жить, пока еще есть время; пусть еще пишутся стихи, покуда ихъ слушаютъ; скоро раздастся послѣдняя лебединая пѣснь...

Однакожъ такимъ образомъ я не доѣду никогда до Кременчуга! Дѣло въ томъ, что много мыслей скачетъ въ головѣ, когда ночью, при звѣздномъ небѣ, несетъ васъ тройка по гладкой степной дорогѣ, въ такомъ экипажѣ, въ которомъ не совѣстно ѣхать, т. е. въ телѣгѣ. Кстати о телѣгѣ. Отъ Харькова до Одессы (слишкомъ 600 верстъ) я ѣхалъ на перекладныхъ въ телѣгѣ и иногда въ кибиткѣ. Я такъ привыкъ къ телѣгѣ, что нахожу ее препокойною, особенно когда сидѣнье устроено высоко. Подъѣзжая къ Кременчугу, я, на одной станціи, по случаю передѣлки комнатъ, отправился пить чай къ содержателю станціи, Еврею. Прекрасная собою Еврейка поставила мнѣ самоваръ; въ хатѣ у нихъ было довольно опрятно; на окошкѣ лежалъ талмудъ и другія Еврейскія книги... Прислуги у нихъ двѣ хохлацкія дѣвки; изъ нихъ одна ходитъ за ребенкомъ. Признаюсь, странно мнѣ было видѣть христіанокъ въ услуженіи у Евреевъ; но онѣ этимъ, кажется, нисколько не оскорблялись; одна изъ нихъ безпрестанно играла съ маленькимъ жидовенкомъ и цѣловала его. Нашъ законъ (гражданскій) запрещаетъ христіанскимъ слугамъ жить въ одномъ помѣщеніи съ Евреями и, дозволяя служить имъ, не дозволяетъ ночевать у нихъ въ домѣ. Впрочемъ, это Еврейское семейство вовсе не носило на себѣ противнаго жидовскаго колорита; я разговорился съ Евреемъ о коробочномъ сборѣ; онъ доказывалъ, что Евреи должны имѣть одинаковыя права, что понятія, составленныя объ нихъ, ложны; и когда я далъ ему денегъ, разумѣется, больше, нежели слѣдовало, то онъ и жена его поблагодарили меня съ такимъ достоинствомъ, что я удивился, не узнавъ въ нихъ корыстолюбивыхъ жидовъ... Ругательство надъ Евреями мало-по-малу выводится, какъ сами они мнѣ сказали... Потомъ я уже видѣлъ много Евре-

евъ, всякихъ сословій, и торгующій Еврей, факторъ дѣйствительно похожи на общій жидовскій типъ, образовавшійся въ нашихъ понятіяхъ. А какъ хороши Еврейки! Изо всѣхъ азіатскихъ лицъ, въ ихъ лицахъ всего болѣе человѣческаго. Въ ихъ чертахъ есть что-то задумчивое... Еврейскихъ костюмовъ они не носятъ (за это берется особая дорогая пошлина); но женщины умѣютъ какъ-то убрать головы такъ, что думаешь видѣть Рахиль, подающую пить воду... помните извѣстную картинку. Онѣ нисколько не дики и охотно разговариваютъ. Но не пугайтесь, не плѣнюсь я Еврейкой, если Вы способны еще опасаться за меня въ этомъ отношеніи. Ихъ красота не составляетъ, такъ сказать, личнаго достоинства человѣка, какъ у насъ; это красота цѣлаго племени, въ которой онѣ не виноваты...

Наконецъ, пріѣхалъ я въ Кременчугъ, городокъ, довольно большой, обстроенный и торговый. Онъ гораздо важнѣе Полтавы для края; населеніе его разнообразно; торговля вся въ рукахъ жидовъ. Здѣсь остановился я на нѣсколько времени, чтобъ отобѣдать и собрать кое-какія свѣдѣнія, нужныя для меня. Тутъ есть и клубъ, и собраніе; здѣсь стоитъ Штабъ огромнаго корпуса; сюда пріѣзжаютъ помѣщики и помѣщицы съ дочками, влюбляющимися въ офицеровъ — и часто бываютъ свадьбы. Кстати, здѣсь, кажется, видѣлъ отрывокъ изъ простонародной свадьбы. Впереди шли музыканты, игравшіе на гудкахъ; потомъ несли вѣтвь съ краснымъ кускомъ полотна; далѣе бабы, разряженныя, разрумяненныя, которыя шли поючи и пляшучи. Здѣсь также много раскольниковъ, принявшихъ Единовѣріе. Я хотѣлъ было выѣхать въ тотъ же день, но, по случаю сильнаго льда на Днѣпрѣ, мостъ развели, а переправлять ночью не стали; надо было переночевать. На другой день столпилось у берега человѣкъ до 300 народу, ждавшихъ перевоза. Ледъ продолжалъ идти; день былъ ясный; Днѣпръ, правда, тутъ не очень широкій, синѣлъ быстрымъ токомъ; на берегахъ шумъ, крикъ, гамъ, брань, давка, ломка экипажей. Все это продолжалось часа три, пока я переѣхалъ наконецъ на ту сторону... Отсюда начинаются Херсонскія степи и самый разнообразный сбродъ поселенія. Тутъ уже мало русскихъ, кромѣ нѣкоторыхъ ямщиковъ и нѣкоторыхъ переселенныхъ деревень, сохранив-

шихъ свой языкъ и костюмъ (Тульской, Орловской губерніи). Но хутора эти, или поселенія, имѣютъ совсѣмъ другой характеръ; всѣ они бѣлыя, неуклюжія, безлѣсныя, выстроенныя изъ дикаго камня, котораго здѣсь множество, и выбѣленныя глиной. Меня поразила одна деревня, населенная государственными крестьянами, переведенными сюда изъ малоземельныхъ губерній. Они обвели у себя по окошечку въ этихъ каменныхъ хатахъ деревянными дощечками; въ деревѣ болѣе мягкости и жизни, оно привѣтнѣе! Здѣсь же нѣтъ дерева и топятъ всюду или соломою, или навозными кирпичами... Все принимаетъ другую физіономію. Снѣга нѣтъ; зеленѣетъ трава; бываетъ морозъ, но въ полдень такой ясный и теплый день, какъ у насъ въ началѣ Сентября. Всюду степь, степь, безграничная степь, зеленая, мѣстами волнистая, та степь, что широко раскинулась,

Къ морю Черному
Понадвинулась!

Рѣки встрѣчаются нечасто; деревьевъ почти нѣтъ, развѣ искусственные сады съ тополями. Дорога чудная, гладкая; земля большею частію черноземъ. Эта степь лучше, теплѣе, отраднѣе нашихъ восточныхъ степей. Встрѣчающіяся лица носятъ на себѣ отпечатокъ южной природы;—даже русскіе, давно поселенные здѣсь, особенно женщины, получаютъ другую физіономію. Здѣсь не человѣкъ порабощаетъ себѣ природу, а природа человѣка; но она нѣжна и мягка, еще непаляща, нежгуча... Хорошо! Поселенія встрѣчаются какъ рѣдкіе оазисы въ этомъ безбрежномъ пространствѣ. Никогда не было здѣсь осѣдлости, вы это чувствуете, да и какъ-то невозможна осѣдлость въ степи! Эта страна искони служила только большою дорогою для цѣлыхъ народовъ. О, тутъ понятно казачество. Здѣсь и бродяжество принимаетъ совсѣмъ не тотъ характеръ, какъ въ Астрахани; въ немъ что-то есть казачьяго... Я воображалъ себѣ постоянно несущагося вихремъ Татарина или нагоняющаго его Казака... И границы этой степи— горы и море! Я ѣхалъ очень шибко, упиваясь впечатлѣніемъ... Вспоминалъ я о Константинѣ. Какъ бы хотѣлось мнѣ, чтобы онъ протрясся вмѣстѣ со мною въ телѣгѣ, пронесся чрезъ эти роскошныя, зеленыя, теплыя степи! За-

звучали татарскія и греческія имена; впрочемъ, Татаръ, чистыхъ Татаръ я не встрѣчалъ...—Разъ ночью былъ сильный туманъ. Туманъ въ степи—это море тумана!

Въ Николаевъ прискакалъ я ночью. Это городокъ важный для здѣшняго края; въ немъ живетъ Адмиралъ и Штабъ всего Черноморскаго флота. Если не ошибаюсь, такъ тутъ впадаетъ Ингулъ въ заливъ Буга, черезъ который я переѣхалъ ночью при сильномъ вѣтрѣ, на паромѣ съ парусами. Меня перевезли только потому, что я ѣхалъ по казенной надобности; разстояніе — слишкомъ верста, но по случаю вѣтра—гораздо больше. Ѣхали очень долго, часа два, и я задремалъ подъ говоръ волнъ; на противоположномъ берегу сѣлъ я въ телѣгу и отправился далѣе. Небо было неясно, дорога гладкая, и я заснулъ. Проснувшись отъ толчка, я поднялъ голову... Боже мой, какъ хорошо! что совершилось между тѣмъ на небѣ! Звѣзды такъ ярко и отчетливо сіяли на темно-голубомъ небѣ, какъ я никогда не видывалъ. Свѣтъ ихъ ярче, теплѣе; небо — не синяго и не бѣлесовато голубаго, но темноголубаго цвѣта; кромѣ звѣздъ и созвѣздій, золотился красивый рогъ луны... Признаюсь, я уже началъ чувствовать въ себѣ охлажденіе къ красотамъ мѣсячной ночи; она уже не производила во мнѣ, какъ бывало въ первые года, грустной мечтательности; мнѣ даже жаль бывало этихъ минутъ. Но красота этой ночи сильно меня растревожила не сладостью, но величавостью впечатлѣній.

И всѣ эти впечатлѣнія должны были уступить другому, сильнѣйшему: я увидѣлъ море. Подъѣхавъ къ Тилигулу, станціи верстъ за сорокъ до Одессы, я уставился глазами въ огромный, синій Лиманъ. Лиманами называются озера или водоемы, оторванные отъ моря пересыпью, но нѣкогда составлявшіе съ нимъ одну массу водъ.. Близко, близко море. Тутъ уже начинаются пески, наносная каменистая почва и подымаются горы. На Лиманѣ плавали дикіе лебеди! Въ нашихъ пѣсняхъ такъ часто говорится про синее море, про бѣлую лебедь, которыхъ нѣтъ въ Сѣверномъ краю, которыхъ никогда и не видывалъ житель Московской или Владимірской губерній, что эти образы были мнѣ какъ-то сродни, точно будто я имѣлъ на нихъ какое-нибудь право. Все это намекаетъ на наше южное происхожденіе. — Отъ

Тилигула дорога повернула къ морю и потомъ вплоть до Одессы идетъ берегомъ, въ виду моря. Я видѣлъ море въ Петергофѣ, но Черное море лучше. Какъ хороша эта волнующаяся синяя масса, не плоскостью разстилающаяся передъ вами, но идущая вверхъ. Вѣтеръ былъ несильный, но все на морѣ принимаетъ широкіе размѣры и волны двигались величаво. Вдали бѣлѣли паруса; Одесса виднѣется верстъ за 30, опоясанная моремъ... Сизыя горы, виднѣющіяся вдали, прибрежныя степи, убѣгающія по суши далеко, океанъ глубокаго неба и синее море... Все это такъ, такъ хорошо, что не хочетъ скуднаго описанія. Все это было описано сотню разъ, и хотя могли-бы отъ меня требовать, по заведенному порядку, стихотворенія на этотъ случай, но я не написалъ стиховъ. Чувствую однако, что эти впечатлѣнія лягутъ во мнѣ широкимъ фундаментомъ для всякой будущей моей поэтической производительности... Кстати, Бродяга» мой не дремлетъ, и хоть я не принимался за него, но онъ сильно спѣетъ.

Во Вторникъ, 9-го ноября, къ вечеру пріѣхалъ я въ Одессу. Городъ поразилъ меня своею торговою дѣятельностью и своею совершенно оригинальною физіономіею. Море съ лѣсомъ мачтъ, красивыя улицы, обстроенныя домами изъ дикаго камня, безъ штукатурки, съ плоскими кровлями, набережныя, обсаженныя деревьями, лоскъ и блескъ Европейской торговли, отсутствіе тяготѣющей власти—все это дѣлаетъ первое впечатлѣніе пріятнымъ. Не судите Одессу какъ русскій городъ. Это разноплеменный рынокъ, гдѣ выгода соединила людей изъ разныхъ мѣстъ въ одно общество. Этотъ городъ,—явленіе искусственное, но однако-же не насильственное, какъ Петербургъ. Это городъ, весь создавшійся изъ иностранныхъ элементовъ, связанныхъ довольно дружелюбно русскимъ цементомъ. Космополиты и либералы—Дюкъ де-Ришелье, Графъ Ланжеронъ и Графъ Воронцовъ придали ему характеръ космополитизма. Торговлѣ хорошо подъ сѣнью русской силы, и она мало заботится о внутреннемъ политическомъ состояніи Россіи,—а Одесса—вся торговля: другаго дѣятельнаго начала въ ней нѣтъ. Плохо будетъ Одессѣ, если отнимутъ у нея porto franco, которое дѣлаетъ здѣшнюю жизнь очень дешевою. Здѣсь все дешево, исключая

дровъ, которыя, впрочемъ, замѣняются углемъ, добываемымъ въ Екатеринославской губерніи. Васъ поразитъ свобода, безцеремонность даже въ оффиціальныхъ сношеніяхъ, здѣсь царствующая: часовой стоитъ съ ружьемъ и куритъ сигару; извощикъ куритъ; благовоніе табаку всюду на улицахъ, чему я очень обрадовался. Разумѣется, этотъ городъ не имѣетъ въ себѣ настоящаго жизненнаго начала, никакой религіозной физіономіи и современемъ долженъ пасть; разумѣется, въ нравственномъ отношеніи онъ стоитъ ниже какой-нибудь Полтавы; но во всякомъ случаѣ онъ очень занимателенъ и достоинъ любопытнаго взора.—Я остановился въ Новороссійской гостинницѣ; немедленно пообѣдалъ (NB. рыба здѣсь очень вкусна и хороша, но я очень умѣренъ въ употребленіи ея и фруктовъ; впрочемъ, холера здѣсь прекратилась), а потомъ явились ко мнѣ факторы-жиды съ предложеніями разныхъ услугъ. Они наконецъ добились того, что я купилъ черезъ нихъ себѣ сигаръ 4 ящика, рубля въ три серебромъ, халатъ персидскій и еще кое-какія вещи, — но отказался отъ покупки экипажа и часовъ. Я нашелъ, что экипажъ покупать мнѣ невыгодно, во-первыхъ, потому, что онъ стоитъ дороже, чѣмъ я предполагалъ; во-вторыхъ, потому, что я уже заказалъ себѣ тарантасъ. Что-же касается до прочихъ вещей, то только сшитое и купленное для собственнаго употребленія не подлежитъ пошлинѣ при выѣздѣ изъ Одессы,—такъ что я и не знаю, какъ вывезу я пять кашемировыхъ, купленныхъ мною платочковъ.—Весь этотъ вечеръ прошелъ у меня въ разговорѣ съ жидами объ ихъ коробочномъ сборѣ. На другой день отправился я, за отсутствіемъ Ѳедорова (исправляющаго должность Новороссійскаго и Бессарабскаго Генералъ-Губернатора) къ Одесскому военному Губернатору Ахлестышеву; но оказалось, что Ѳедоровъ долженъ былъ въ тотъ-же день воротиться. Ахлестышевъ, чиновникъ современно русскій, принялъ меня очень ласково, и я имѣлъ честь такъ ему понравиться, что онъ взялъ съ меня слово отобѣдать у него во второй мой пріѣздъ въ Одессу (ибо я, можетъ-быть, изъ Кишинева заверну сюда опять). Потомъ-былъ я у Вороновскаго, Правителя Генералъ-Губернаторской Канцеляріи, двоюроднаго брата Смирновой и Арнольди, про котораго я много слы-

шалъ отъ нихъ. Онъ славный, испытавшій бѣдность человѣкъ и честно проложившій самъ себѣ дорогу. Ѳедорова ожидали въ тотъ-же день, т.-е. вчера, и я долженъ былъ его дождаться, чтобы вручить ему предписаніе Министра. Послѣ шатанья по магазинамъ, здѣсь великолѣпнымъ, отвезъ кому слѣдовало письма отъ Липранди и Надеждина, былъ вечеромъ въ театрѣ. Театръ очень миленькій; играютъ порядочно. Но строится новый, великолѣпный театръ, который, вмѣстѣ съ предполагаемымъ газовымъ освѣщеніемъ, еще болѣе скраситъ Одессу. Наконецъ нынче поутру былъ я у Ѳедорова, который также принялъ меня очень любезно, долго и съ усердіемъ толковалъ о сельскихъ магазинахъ въ Бессарабіи, подлежащихъ моей ревизіи, и я съ таковымъ-же усердіемъ слушалъ; онъ пригласилъ меня обѣдать къ себѣ, что я и исполнилъ, и теперь пишу къ Вамъ, воротившись отъ него. Нынче вечеромъ изготовятся нужныя бумаги, и завтра поутру я выѣду въ Бессарабію. Сутокъ черезъ трое думаю попасть въ Кишиневъ и найти тамъ Ваши письма...

Теперь Одесса почти пуста. Въ нее съѣзжаются на лѣто; въ театрѣ я не замѣтилъ ни одного лица; мужчины — почти все иностранцы. Все это должно скоро налечь на сердце тяжелою скукой, и жизни здѣсь постоянной я не понимаю; а все-таки впечатлѣніе ея легче, нежели впечатлѣніе Петербурга. Петербургъ громаднѣе, великолѣпнѣе, страшенъ силою средствъ своихъ, своею властью надъ Россіей. Одесса же не имѣетъ никакого политическаго значенія и ея жизнь такъ подходитъ къ окружающей ея природѣ, что въ ней больше естественности.

P. S. Вотъ какое я Вамъ письмо отвалялъ. Писалъ я Вамъ изъ Орла, изъ Харькова и, кажется, изъ Курска. Получили-ли Вы мои письма? Если нѣтъ, такъ это очень жаль. Пожалуйста поберегите письма, которыя буду писать Вамъ; дневника я навѣрно писать не буду, а постараюсь самимъ письмамъ дать приличную форму. Все свободное время въ Одессѣ было у меня занято чтеніемъ книгъ и бумагъ о Бессарабіи и писаніемъ письма къ Вамъ. Когда-то я получу отъ Васъ извѣстіе! Что Вы, какъ Вы? Устроились-ли наконецъ въ домѣ? Занялись-ли Вы чѣмъ-нибудь,

милый Отесинька? Перешелъ ли Константинъ отъ сознанія необходимости труда къ самому труду? Съ нетерпѣніемъ стану ожидать Вашихъ писемъ.—Васъ, можетъ-быть, и утомитъ чтеніе заразъ этого письма, тѣмъ болѣе, что оно не довольно живо, и меня на каждомъ шагу отрывали; но нужды нѣтъ; вотъ Вамъ занятіе: возьмите у Александра мою карту Россіи и слѣдите по ней мое путешествіе. Я теперь отправляюсь въ Бендеры. Я, слава Богу, совершенно здоровъ; даже насморкъ и кашель прошли отъ дороги съ ея толчками *).

Суббота, 1848 года, Ноября. Бендеры.

Здѣсь отражалъ герой безумный
Одинъ, съ толпою вѣрныхъ слугъ,
Турецкой рати натискъ шумный
И бросилъ шляпу подъ бунчукъ.

Вотъ я и въ Бендерахъ! Только часа съ два тому назадъ вступилъ я на Бессарабскую землю, переправился черезъ Днѣстръ и теперь пишу къ Вамъ въ маленькой, чисто выбѣленной комнатѣ, отведенной мнѣ въ квартирѣ достопочтеннѣйшаго городскаго старика Еврея—Мордки Днѣстровскаго. Этотъ «городовой старикъ»... въ каждомъ городѣ есть свой старожилъ, и онъ одинъ изъ тѣхъ; слово это напоминаетъ

---

*) На это письмо Сергѣй Тимоѳеевичъ отвѣчаетъ 28 Нояб. 1848 г. „22 Нояб. Получили мы письмо твое, милый Иванъ, съ приложеніемъ сшитой тетради. Одинъ видъ этого толстаго пакета произвелъ всеобщую радость. Спасибо, сто разъ спасибо тебѣ, милый другъ. Ты самъ можешь представить себѣ, какое было для насъ наслажденіе читать и перечитывать живое изображеніе всѣхъ испытанныхъ тобою новыхъ впечатлѣній. Изъ постороннихъ читали твое большое письмо только Самаринъ и Гоголь; обоимъ оно показалось очень интереснымъ, хотя послѣднему чихнулось немножко отъ нѣкоторыхъ выраженіяхъ о хохлахъ. Благодаримъ Бога, что ты перенесъ благополучно эту гнусную дорогу и молимъ Его, да сохранитъ Онъ тебя на будущее время.

мнѣ «городоваго козла»... Но я начну сначала, т. е. со времени моего выѣзда изъ Одессы.

Одессу я оставилъ часа въ два пополудни, разумѣется. Время было скверное: вѣтрено и изморозь, слегка убѣлившая степь и ея поблеклую зелень. До Бендеръ было всего 105 верстъ; но я не хотѣлъ пріѣхать ночью, чтобы не будить городничаго и не надѣлать тревоги, а потому рѣшился ночевать на станціи, верстахъ въ тридцати отъ Тирасполя, который самъ всего въ двѣнадцати верстахъ отъ Бендеръ. Дорогой ничего не могъ замѣтить особеннаго; да и мудрено было: туманъ покрылъ всю окрестность такъ, что въ десяти шагахъ нельзя было различать предметы. Везли почти все хохлы и русскіе, пришедшіе изъ своихъ губерній на выгодный промыселъ въ Новороссійскій край. Здѣсь очень хороши заработки, очень высока задѣльная плата, что объясняется недостаткомъ рукъ... На дорогѣ попадались мнѣ нѣмецкія колоніи, чистыя, опрятныя, мирныя. Сюда впущены всѣ секты; здѣсь узаконено самое бродяжество, словомъ, приняты всѣ мѣры, только чтобы какъ-нибудь населить край, — и, конечно, нигдѣ Правительство такъ не настряпало много, какъ здѣсь... Оно настроило городовъ съ греческими именами, снабдило ихъ казенными зданіями и казенными учрежденіями, устроило почтовыя станціи, дорогу и почтовую гоньбу, пригнало стаи чиновниковъ и, надо сказать правду, вслѣдъ за Правительствомъ, подъ сѣнью русской силы, приходитъ себѣ сюда и русскій человѣкъ, какъ во вновь пріобрѣтенный свой домъ. Какъ бы тамъ ни было, но кажется, что земля, гдѣ Россія распорядилась такимъ образомъ, едва-ли отторгнется отъ нея. Молдаванскому движенію въ пользу соединенія Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи въ одно государство — здѣсь сочувствія не было. Впрочемъ, я всего проѣхалъ только 12 верстъ по Бессарабіи и могу Вамъ передать только слышанное. — На пути отъ Тирасполя, маленькаго уѣзднаго городишки... Здѣсь, впрочемъ, уѣздные города не похожи на наши: не сверкаютъ кресты издали, не возвышаются кровли домовъ и купола церквей; здѣшній городокъ—рядъ низенькихъ, бѣлыхъ домиковъ, крытыхъ черепицею, обведенныхъ, большею частью плетнемъ и иногда обсажен-

ныхъ тополями, съ кучею наваленнаго на заднемъ дворѣ камыша — вмѣсто топлива. Итакъ, на пути отъ Тирасполя къ Бендерамъ проѣхалъ я Болгарскую колонію и встрѣтилъ Болгаръ, мало отличающихся зимнимъ своимъ костюмомъ отъ нашихъ, ибо всѣ ходятъ въ бараньихъ тулупахъ и бараньихъ шапкахъ, но рѣзко отличающихся физіономіею. Всѣ они, равно и Молдаване, попадавшіеся мнѣ на дорогѣ, довольно звѣрообразны, особенно послѣдніе: какія-то крѣпкія, налитыя кровью и желчью лица. Но эта рѣзкость мужскихъ физіономій должна смягчаться въ женскихъ, которыхъ я еще не видалъ. Переправившись черезъ Днѣстръ, рѣку довольно узенькую, но полноводную, по крайней мѣрѣ въ этомъ мѣстѣ, съ какимъ-то чувствомъ невольнаго почтенія къ историческому имени рѣки, я увидалъ стоящую на Бессарабскомъ берегу Бендерскую крѣпость, верстахъ въ двухъ отъ города; отъ него же въ двухъ верстахъ — мѣсто, гдѣ былъ лагерь Карла XII, послѣ побѣга его изъ подъ Полтавы... Черезъ нѣсколько минутъ я достигъ Бендеръ и приказалъ везть себя къ Городничему, котораго встрѣтилъ выѣзжающимъ изъ воротъ и которому немедленно предъявилъ свой оффиціальный характеръ. Мнѣ тотчасъ же отвели квартиру у Мордки Днѣстровскаго. Хозяинъ мой старикъ 68 лѣтъ, очень бодрый и свѣжій, коренной житель города, сохраняетъ свой Еврейскій костюмъ, т. е. ермолку и черный долгополый нѣмецкій кафтанъ, за что платитъ пошлину. Впрочемъ, немногіе старики еще платятъ пошлину и жертвуютъ казнѣ по пяти цѣлковыхъ, или карбованцевъ, за право носить ермолку, уступая привычкѣ. Молодые, напротивъ, очень довольны тѣмъ, что сольются съ господствующимъ племенемъ своимъ платьемъ, и что Еврей, одѣтый во фракъ, уже не будетъ предметомъ указыванія пальцемъ для мальчишекъ. Хозяйка моя, одесская Еврейка, уже вторая жена Мордки, жаловалась мнѣ, что предразсудокъ городскихъ обывателей мѣшаетъ ей вполнѣ слѣдовать французскимъ модамъ и заставляетъ ее носить какое-то купеческое платье, т. е. обвязывать голову платкомъ и т. п. Впрочемъ, хотя Еврейки здѣсь всѣ ходятъ уже въ ненаціональномъ платьѣ, у нихъ есть что-то особенное въ обуви: онѣ носятъ туфли. Васъ поразитъ сначала ихъ быстрое гортанное говоренье, съ скорыми ужимками, на испорченномъ

Нѣмецкомъ языкѣ, эти названія Мошка, Мордка, Берка, Шмоль; но къ этому привыкаешь скоро. Народъ они довольно гостепріимный и, право, кажется мнѣ, цѣнящій доброе, человѣческое съ ними обращеніе... Домъ моего хозяина постоянно служитъ мѣстопребываніемъ пріѣзжающихъ чиновниковъ, — а въ залѣ у него стоитъ билльярдъ, на которомъ приходятъ играть городскіе жители, за что, разумѣется платятъ деньги... Я сейчасъ подружился съ своими хозяевами, и они накормили меня чѣмъ могли: сыромъ, рыбой соленой и молдаванскимъ виномъ; нынче Суббота, день, въ который они не готовятъ кушанья, не варятъ, и потому другаго съѣстнаго ничего и не было. Въ комнатѣ, гдѣ я стоялъ, висятъ на стѣнахъ картинки изъ какого-то Французскаго романа, изъ Ромео и Юліи и наконецъ изображающія исторію Эсѳири, Амана и Мардохея... Хозяйка показывала мнѣ письма своего сына, молодаго человѣка, студента въ Медицинскомъ факультетѣ Московскаго Университета, и письма одной молодой жидовки-дѣвушки, ея родственницы. Всѣ письма по-русски!.. Сынъ даже, какъ видно, отлично владѣетъ языкомъ. Разсказывая про гулянье подъ Донскимъ монастыремъ, онъ съ восторгомъ говоритъ о томъ впечатлѣніи, которое произвела на него Христіанская обитель, описываетъ богослуженіе, и по всему видно, что онъ совершенно готовъ принять Христіанскую вѣру, но боится огорчить мать; въ такомъ же духѣ письма и молодой Еврейки... Нѣтъ, пройдетъ еще десятка три или четыре лѣтъ, и большая часть Евреевъ станутъ внутрь забора Христіанской Церкви! Это будетъ не вслѣдствіе сознанія прежнихъ заблужденій, не вслѣдствіе потребности Христова свѣта, но вслѣдствіе малодушія, дряблости нравовъ, а отчасти — и потребности въ другихъ, въ новыхъ началахъ жизни. Неужели нуженъ пріемъ гнилой Европейской цивилизаціи, чтобы, разбивъ крѣпкую кору самостоятельности въ народѣ, сдѣлать его сосудомъ, доступнымъ принятію спасительнаго ученія, антидота впущеннаго яда?..

Потребовавъ къ себѣ чиновниковъ Думы и Земское Начальство, я обревизовалъ, что было нужно, заказалъ и получилъ полдюжины разныхъ вѣдомостей и нынче отправляюсь смотрѣть одинъ сельскій магазинъ, верстахъ въ 15-ти отсюда, ибо ревизія хлѣбныхъ магазиновъ также на меня возложена...

Бендеры, говоритъ «Новороссійскій Календарь» на 1848 годъ, имѣютъ 9830 душъ обоего пола, два трактира и одну православную церковь. Населеніе города составляютъ русскіе чиновники. Евреи и старообрядцы, которые здѣсь называются часовниками и имѣютъ въ городѣ часовню; но здѣсь живетъ только одинъ уставщикъ; для совершенія же браковъ и другихъ обрядовъ ѣздятъ въ Измаилъ. Здѣсь также много Молокановъ, которыхъ называютъ Немолякамп, потому что они не молятся, не крестятся. Эти послѣдніе живутъ такъ скрытно, такъ тѣсно между собою, что даже никто изъ здѣшнихъ жителей не знаетъ ихъ житья-бытья... Всѣ свои обряды они совершаютъ ночью. Ихъ много здѣсь, но еще больше въ Таврической губерніи. Тамъ появился у нихъ однажды лжепророкъ, который обѣщалъ взлетѣть на небо и, можетъ-быть, самъ себя увѣрилъ въ томъ; подвязалъ себѣ крылья, сталъ на бочку и въ присутствіи всѣхъ говорилъ: «вотъ полечу, вотъ полечу!» Я убѣжденъ, что онъ самъ вѣрилъ въ это... Разумѣется, онъ не полетѣлъ, бочка опрокинулась, и религіозное напряженіе зрителей окончилось хохотомъ. Большая часть сектантовъ придерживаются ученія — не понимая его, изъ одного упорства, изъ большей довѣренности къ авторитету своихъ собратій, нежели къ авторитету Православной Церкви, принявшему оффиціальный, правительственный характеръ. Откидывая простой путь религіознаго умиленія, предлагаемый обрядами нашей Церкви, они не могутъ однакоже довольствоваться холоднымъ вѣрованіемъ, отвлеченнымъ пониманіемъ и впадаютъ не только въ мистицизмъ, но въ другую, скверную крайность: производятъ въ себѣ религіозные восторги физическими средствами, пляшутъ, кружатся, приходятъ въ изступленіе, которое доводятъ до отвратительнѣйшаго разврата... Бываютъ шалости у дѣтей, за которыя, безъ дальнѣйшихъ околичностей, право всего полезнѣе и спасительнѣе посѣчь. Признаться, приходитъ тоже въ голову, когда смотришь и на нѣкоторыя эти продѣлки! Тѣмъ болѣе, что большая часть не понимаетъ въ чемъ дѣло. Я видѣлъ въ здѣшнемъ острогѣ одну бабу, довольно скверной наружности, Молоканку. Кажется, можно поручиться за нее, что отвлеченность Молоканскаго ученія ей недоступна...

Въ Бессарабіи растительность гораздо сильнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Новороссійскаго края, за исключеніемъ южнаго берега Крыма, и потому здѣсь домики, большею частью, имѣютъ сады; но городокъ хуже любой деревни въ Новороссійскомъ же краѣ. Торговля весьма плоха...

Ноября 15-го. Кишиневъ. Понедѣльникъ.

Сутки провелъ я въ Бендерахъ. На другой день поутру, въ Воскресенье, пошелъ къ обѣднѣ; въ церкви, слава Богу, было довольно тѣсно,—но Молдаванъ (которые, какъ Вамъ извѣстно, одного вѣроисповѣданія съ нами) зажиточныхъ почти не было... Одежда ихъ... странно, одежда крестьянъ почти совершенно русская, но есть что-то такое въ способѣ ношенія одежды, что сильно отличаетъ ихъ. Во-первыхъ, кушакъ. Они не носятъ его жгутомъ, но во всю ширину его, такъ что онъ бываетъ иногда вершковъ въ 5 и 6 ширины, и какъ-то совершенно особенно его подвязываютъ. Шаровары бываютъ и въ сапоги и сверху сапогъ, но чаще сверху. Тулупъ, большею частью, коротенькій; волосы въ кружокъ, но не ровный, какъ у насъ, а идущій отъ верхушки лба къ нижней части затылка, т. е. спереди волосы коротенькіе, на вискахъ длиннѣе, на ушахъ еще длиннѣе и т. д. Эти волосы обыкновенно закручиваются кверху. Впрочемъ, я разсказываю Вамъ костюмъ Молдаванскихъ крестьянъ или Царанъ; настоящаго богатаго Молдаванскаго наряда я не видалъ. Послѣ обѣдни, закусивъ отличнѣйшею яичницей у хозяйки и распростившись съ ними, я отправился къ поселянскому стряпчему Шаховскому, который убѣдительно просилъ меня сдѣлать ему эту честь и которому я посовѣстился отказать. Съ нимъ и съ Земскимъ Начальникомъ (тоже, что у насъ Исправникъ) долженъ былъ я ѣхать осматривать хлѣбный магазинъ въ селеніи Телицахъ, а оттуда прямо проѣхать на станцію, куда велѣлъ я отправиться изъ Бендеръ и Никитѣ съ багажомъ. Болѣе въ Бендерахъ мнѣ нечего было дѣлать. Я былъ въ острогѣ и похлопоталъ объ освобожденіи одной арестантки изъ подъ стражи, хоть это вовсе не входило въ мою обязанность; собралъ нужныя свѣ-

дѣнія о Евреяхъ и сколько могъ по другому предмету, нагрузился разными вѣдомостями, и отправился. Поселянскій стряпчій (здѣсь есть стряпчій для Царанъ, поселенныхъ на владѣльческихъ земляхъ и состоящихъ въ вѣдомствѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ), старичекъ, лѣтъ 35 живущій въ Бессарабіи и десятка полтора лѣтъ собственно въ Бендерахъ, угостилъ меня довольно скромнымъ обѣдомъ и молдаванскимъ виномъ. Вино это преотличное, необыкновенно мягко; его пьютъ стаканами, потому собственно, что воды здѣсь мало и та, большею частью, непріятнаго соленаго вкуса; употребляютъ вино обыкновенно молодое и потому не крѣпкое. Цѣна ему 15 копѣекъ серебромъ око, т. е. 3 фунта... У поселянскаго стряпчаго стоитъ дряхлый рояль, на которомъ двѣнадцатилѣтняя дочь его разыгрываетъ разные танцы. Случилось какъ-то, что въ Бендерахъ прожилъ нѣсколько лѣтъ одинъ фортепьянный мастеръ, уже оставившій было свое ремесло; его заставили давать уроки, и счастливое Бендерское поколѣніе этихъ годовъ будетъ знать музыку! Теперь его нѣтъ, и подростающія дѣвицы будутъ лишены этого знанія...—Наконецъ мы отправились въ село по проселочной дорогѣ... Природа въ Бессарабіи смотритъ еще довольно дико... Почва хотя и плодоносна безъ удобренія, но довольно камениста: постоянно встрѣчаете вы горы и крутыя скалы; воды немного; чернолѣсье оживляетъ картины. Я такъ долго не видалъ лѣсу, что обрадовался здѣшнему... Бессарабія не то, что Новороссійскій край. Въ ней есть туземцы, коренной православный народъ: это Молдаване, которые въ свою очередь потомки римскихъ колоній; языкъ ихъ очень близокъ къ Итальянскому и физіономіи сродны. Но населеніе не соотвѣтствуетъ количеству земли; но черезъ эту страну прошло столько племенъ и народовъ, но Турецкое владычество внесло сюда какой-то особенный элементъ дикости,—что это туземное начало не очень слышно... Въ Телицахъ нашелъ я Волостное Правленіе, гдѣ писарь, старый Задунайскій казакъ, ведетъ письмоводство въ отличномъ порядкѣ. Нигдѣ магазины такъ хорошо не устроены, какъ здѣсь. И это понятно: здѣсь, въ землѣ завоеванной, легче распоряжаться желѣзной волѣ военнаго Губернатора, чѣмъ у насъ. Магазины полны хлѣбомъ всякаго рода, и есть

особенный амбаръ для кукурузы. Кукуруза можетъ лежать безъ перемѣны хоть десять лѣтъ: чѣмъ суше она, тѣмъ лучше. Бываетъ, что на одной шишкѣ находится до тысячи зеренъ! Это любимый хлѣбъ Молдаванъ. Меня поподчивали, по моему желанію, ихъ обыкновенною пищею: мамалыгой и овечьимъ сыромъ. Послѣдній слишкомъ пахнетъ овцой, но мамалыга вкусна и питательна. Она приготовляется очень скоро. Берутъ кукурузную муку, нальютъ горячей воды, замѣшаютъ довольно густо, и все готово... Теперь о Царанахъ.

Царане—это крестьяне, поселенные на владѣльческихъ земляхъ. Помѣщики не имѣютъ на нихъ личныхъ правъ, и они сохраняютъ право перехода; живутъ они по условіямъ или контрактамъ, заключеннымъ съ помѣщиками. Гдѣ въ имѣніяхъ находятся сами помѣщики, тамъ еще довольно хорошо; но здѣсь большая часть имѣній отдана въ поссессію; во время завоеванія большая часть Молдаванскихъ бояръ уѣхали въ Молдавію и Валахію, отдавъ имѣнія свои поссессорамъ или арендаторамъ, которые подчиняли Царанъ самымъ тягостнымъ условіямъ. Правительство вступилось за Царанъ и сдѣлало нормальное положеніе (въ 1834 году), которому должны были слѣдовать всѣ, незаключившіе формальныхъ договоровъ къ извѣстному сроку и наконецъ тѣ, которые были недовольны (та или другая сторона) своими контрактами. При этомъ случаѣ были они раздѣлены на Волости съ устройствомъ Волостныхъ Правленій, съ учрежденіемъ поселянскихъ стряпчихъ и съ подчиненіемъ вѣдомству Министерства Внутреннихъ дѣлъ. Не знаю уже почему, но въ 1846 году вышло новое нормальное положеніе, вѣроятно внушенное богатыми владѣльцами и поссессорами... Это положеніе въ высшей степени стѣснительно для Царанъ. Напримѣръ сказано, что Царанъ, не имѣющій воловъ, получаетъ три фальчи (фальча—немножко поболѣе десятины), за что долженъ работать на помѣщика 12 урочныхъ дней. Въ эти 12 дней обязанъ онъ между прочимъ сжать 16 пражинъ: это полагается въ работу одного дня - но нѣтъ никакой физической возможности сжать это количество иначе, какъ въ три дня. Въ этой пропорціи и еще большей—понимайте всѣ эти двѣнадцать дней. Народъ чрезвычайно бѣденъ и терпѣливъ. Объ облегченіяхъ рабочихъ классовъ въ Галиціи—

сюда еще не доходило. Можетъ быть, другое въ пограничныхъ уѣздахъ. О Царанахъ намѣренъ я представить Министерству критику на Положеніе 1846 года...

Пріѣхавъ въ Цинцерени, я не нашелъ тамъ своего человѣка, между тѣмъ какъ онъ долженъ былъ пріѣхать туда часа за два до меня. Черезъ полчаса пріѣхалъ и онъ, съ объявленіемъ, что у него пропали двѣ моихъ кожаныхъ подушки; говоритъ, что съ телѣгой заѣхалъ онъ въ харчевню пообѣдать, и въ это время случилась пропажа. Этой глупости можно было ожидать отъ него, хотя я ему приказалъ сначала пообѣдать; но какъ бы тамъ ни было, а это чрезвычайно мнѣ было досадно. Во-первыхъ, я долженъ былъ ѣхать въ телѣгѣ безъ подушекъ, во-вторыхъ, долженъ былъ покупать ихъ вновь!.. Я не знаю, какъ это случилось, что имѣя въ виду хорошихъ людей, я выбралъ изъ нихъ самаго худшаго, даже повидимости.

Въ Кишиневъ пріѣхалъ я часовъ въ 11 вечера. Здѣсь порядочныхъ гостинницъ нѣтъ, и ямщикъ привезъ меня къ какому-то Нѣмцу, у котораго довольно плохой номеръ, состоящій, впрочемъ, изъ трехъ комнатокъ, стоитъ 1 рубль 25 копѣекъ серебромъ въ сутки. Ночью былъ сильный морозъ, и вообще я здѣсь зябну гораздо болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, ибо дома на лѣтнемъ положеніи. Маленькая печка, даже не изразцовая—на три комнаты, какой-то особенной Итальянской архитектуры, съ узенькими нишами...

Безпрестанно прерываютъ, то тотъ, то другой.

Кишиневъ. Середа. Ноября 16-го, 1848 года.

Я пріѣхалъ въ Кишиневъ ночью и остановился у какого-то Нѣмца, въ довольно плохомъ нумерѣ, гдѣ сыро и холодно; хоть я заставляю топить по два раза, но топка такая гомеопатическая, что отъ нея мало толку. По утру отправился въ Областное Правленіе, въ Думу, отвезъ письма отъ Липранди къ нѣкоторымъ жителямъ, въ томъ числѣ къ Стурдзѣ, здѣшнему помѣщику и областному предводителю дворянства, брату писателя, живущаго въ Одессѣ, и приступилъ къ ревизіи... Оффиціальнымъ своимъ порученіемъ я поневолѣ долженъ и много и пристально заниматься, ибо про-

тивное привело бы жителей въ сильнѣйшее недоумѣніе. Впрочемъ, я надѣюсь быть полезнымъ Министерству въ этомъ отношеніи и представить двѣ записки о Евреяхъ и о Цараиахъ.

Кишиневъ—обращаюсь опять къ Новороссійскому Календарю—имѣетъ до 40 тысячъ душъ обоего пола; 13 церквей, между коими лучшая Соборная, окруженная прекраснымъ садомъ и бульваромъ; гимназію, разныя училища, въ томъ числѣ и Еврейское, три частныхъ пансіона, будто бы публичную библіотеку, фонтанъ, клубъ и временный театръ... Театра теперь нѣтъ: зимній сезонъ еще не начался, а потому нѣтъ и Собранія; въ клубѣ я не былъ. Городъ очень пустъ,—и жизни въ немъ мало. Гуляющихъ почти не встрѣчаешь. Военнаго Губернатора здѣсь нѣтъ (онъ въ Одессѣ, гдѣ правитъ должность Генералъ-Губернатора) и потому общество здѣшнее лишено главнаго пункта своего соединенія и дѣятельности... Но городъ довольно красивый.—Лѣтъ 10 тому назадъ здѣсь была почти деревушка, а теперь онъ обстроенъ довольно хорошо, и такъ какъ характеръ здѣшнихъ зданій имѣетъ свою совершенно особенную физіономію (я говорю про зданія въ южномъ краѣ вообще) и не подчиняется этому строгому однообразію, то эта нѣсколько насильственная обстройка города не производитъ на васъ болѣзненнаго впечатлѣнія. Все другое выходитъ на Югѣ! Все искупаетъ здѣшняя природа! Я пріѣхалъ зимой, слѣдовательно лишенъ былъ тѣхъ наслажденій, которыя могло бы мнѣ дать лѣто или весна, но чувствую, что бы это было!.. Поблекшій листъ еще держится на деревьяхъ, сырость вступила въ землю, но въ полдень, большею частью, погода яснѣетъ, солнце грѣетъ тепло и очаровательно освѣщаетъ отдаленныя горы съ ихъ обнаженными скалистыми вершинами и просторную зеленую покатость земли, идущую къ нимъ отъ лѣваго берега рѣчки *«Быкъ»*... Дома здѣсь очень невысоки, все каменные, большею частью, выбѣленные, невелики, крыты черепицею; крыши также почти всѣ плоскія; роскоши никакой, въ комнатахъ все очень просто и скромно, все невзыскательно; дома на лѣтнемъ положеніи, и переднихъ почти нѣтъ. Прислуга по большей части женская... Досадно, что негдѣ увидать мнѣ здѣшняго общества и Молдаванскихъ бояръ.

Впрочемъ, ихъ очень мало здѣсь. Коренные Молдаване большею частью перешли въ Молдавію. Молдавская аристократія, говорятъ, гораздо больше отуречилась, чѣмъ низшіе классы; теперь же вся молодежь воспитывается въ Вѣнѣ или въ Парижѣ, такъ что образовался какой-то странный типъ: Итальяно-Греко-Славяно-Турецко-Французскій.

Ходилъ по базару. Все Жиды и частью Молдаване. Базаръ довольно суетливъ; вездѣ раздаются странные для русскаго уха звуки. Здѣшніе Жиды гораздо упорнѣе держатся своего глупаго старонѣмецкаго костюма: вамъ постоянно попадаются худощавыя фигуры въ ермолкахъ, съ пейсиками, съ бородой козлинаго устройства, въ длиннополыхъ кафтанахъ, съ поясомъ, въ чулкахъ и туфляхъ. Напротивъ того, Молдаване, кажется, вполнѣ заслуживаютъ названіе «тяжелыхъ» и расположены къ тучности.—Но физіономіи молодыхъ Молдаванъ и...

Постойте! Дайте отдохнуть. Цѣлый день возился съ Евреями разныхъ партій и до такой степени утомился отъ ихъ скороговоренья, что даже клонитъ ко сну. А спать рано, да и письмо хочется окончить, ибо завтра ѣду осматривать магазины и едва ли ворочусь къ Субботѣ. Вѣроятно, въ самую Субботу я буду здѣсь, но не знаю, въ которомъ часу; между тѣмъ не хочу пропустить почту, которая отходитъ въ Субботу. На чемъ же я остановился?.. Физіономіи молодыхъ Молдаванъ и Молдаванокъ довольно пріятны: но послѣднихъ я еще мало видѣлъ. Надѣюсь увидать ихъ въ Воскресенье, въ церкви. На базарѣ мало Русскихъ. Подскочилъ ко мнѣ одинъ мальчикъ и закидалъ меня гостинно-дворскими зазываніями. Это сидѣлецъ изъ русской лавки, торгующей «Московскими, панскими товарами». Встрѣтилъ я также двухъ, одѣтыхъ въ рубище, но не просившихъ милостыни, говорившихъ между собой довольно тихо порусски; у одного какая-то тряпка на глазу. Замѣчательныя рожи и русскія; бьюсь объ закладъ, что это какіе-нибудь бродяги или сектанты, какой-нибудь Павлушка Колобовъ или Кирсанъ Растегаевъ!.. Вчера я нанялъ извощика (которые здѣсь и въ Одессѣ ѣздятъ не иначе, какъ парой въ пролеткахъ и берутъ, согласно узаконенной таксѣ, по 40 копѣекъ серебромъ въ часъ!) и спрашиваю его: ты русскій?—Русскій.—Давно

ли здѣсь?—Лѣтъ двадцать.—Хорошо ли здѣсь?—Очень хорошо.—Ты бѣглый?..—Бѣглый, Ваше Благородіе. Еслибъ одна вѣра, религіозное убѣжденіе заставляли ихъ такъ легко покидать русскую землю—это бы еще ничего! А то просто выгода! И они переходятъ толпами въ Турцію, подъ Турецкое владычество и даже, какъ говорятъ, не знаю, правда ли, враждуютъ противъ русскихъ. По крайней мѣрѣ, въ послѣднюю кампанію Некрасовцы и Дунайскіе запорожцы, какъ иногда ихъ здѣсь называютъ, дѣйствовали будто противъ русской арміи.

Такъ какъ мое порученіе касается Евреевъ, то Вы можете себѣ представить, какъ они всѣ переполошились,—не отъ страха, а отъ желанія подать и дать выслушать свой голосъ. Вмѣсто того, чтобы ревизовать въ подробности Думы, что было бы очень скучно, я затребовалъ оффиціальныя свѣдѣнія о денежныхъ съ нихъ сборахъ; собираю ихъ мнѣнія и взгляды. Дѣло въ томъ, что въ Министерствѣ просто хаосъ въ понятіяхъ объ нихъ; толкуютъ, хлопочатъ и все не такъ. Здѣсь есть Евреи фанатики, сохранившіе отличительную одежду; здѣсь же есть Евреи, умѣренные въ своихъ требованіяхъ, умные и чрезвычайно образованные, даже коротко знакомые съ русскою литературою, Евреи, заслуживающіе всякаго уваженія. Но странное чувство производятъ они во мнѣ; не могу выкинуть изъ головы мысли, что каждый Еврей продолжаетъ распинать Христа!.. Фанатики Евреи хотятъ такихъ привиллегій, которыхъ даже нѣтъ у русскаго мужика въ нашихъ губерніяхъ, грозя тѣмъ, что въ противномъ случаѣ многіе уйдутъ за границу. Богъ съ вами! думалъ я. Но умный народъ! Здѣсь всмотрѣлся я въ его внутреннюю крѣпкую организацію: разумѣется, вся ихъ крѣпость—не въ обычаяхъ, не въ языкѣ, нѣтъ, они въ Польшѣ Поляки, въ Германіи Нѣмцы, въ Россіи Русскіе, но она вся въ религіи!... Какъ бы ни были они стѣснены, но они крѣпко поддерживаютъ другъ друга; они, безъ пособія Правительства, сами учреждаютъ для себя госпитали, школы. Нынче они возили меня смотрѣть свои училище, которое приготовляетъ дѣтей къ поступленію въ гимназію. Превосходно! Мальчики учатся по Русски, по Еврейски и по Нѣмецки; я заставлялъ ихъ писать подъ диктовку по Русски, говорить выученные

ими наизусть разные русскіе стихи и «остался весьма доволенъ», но едва удержалъ отъ смѣха свою важную физіономію, когда Жидовята громко поздоровались со мною по Еврейски... Они боятся одного: принятія ихъ подъ покровительство Министерства Народнаго Просвѣщенія, которое теперь принимаетъ въ свое завѣдываніе ихъ ученіе и устроило недавно въ Житомірѣ училище для образованія раввиновъ! Это довольно забавно. Христіане хлопочутъ о томъ, чтобы образовать враждебное имъ духовенство. Добро бы съ цѣлью сдѣлать ихъ слугами русскаго Правительства, нѣтъ, а, кажется, отъ простоты сердца. Для этого учредили съ Евреевъ особый сборъ, назначенный для устройства подобныхъ училищъ, а они не хотятъ ни сбора, ни училищъ казенныхъ. Поэтому этотъ сборъ почти весь въ недоимкѣ.... Сами же они дѣлаютъ раскладку между собою, всегда справедливую, и никто на этотъ добровольный сборъ не жалуется. Еслибъ еще христіане брали что-нибудь себѣ изъ этихъ казною учреждаемыхъ сборовъ, такъ было бы понятно. Нѣтъ, эти деньги назначены Правительствомъ въ пользу самихъ же Евреевъ, и оно, впутавшись въ это дѣло, настроило тутъ ужасную путаницу и безтолковщину и навязало себѣ тысячу хлопотъ, Богъ знаетъ изъ за чего. Требуй оно отъ нихъ только уплаты податей и другихъ повинностей и не вмѣшивайся въ ихъ внутреннюю организацію, дѣло было бы гораздо проще....

Нынче Середа. Эти дни я все занимался съ Евреями, гулялъ по городу, писалъ Вамъ письма и даже продолжалъ Алешку. Хотѣлось бы мнѣ кончить до своего возвращенія первую часть и половину второй. Что касается до другаго моего порученія, такъ оно идетъ своимъ порядкомъ, безъ особенныхъ хлопотъ съ моей стороны, и нѣкоторые Евреи сообщили мнѣ изъ чистаго усердія многія любопытныя свѣдѣнія. Завтра поѣду по Кишиневскому уѣзду и заѣду въ нѣкоторые православные Молдаванскіе монастыри; въ Субботу ворочусь. Въ Воскресенье получу еще нѣкоторыя свѣдѣнія и отправлюсь въ Скуляны, а оттуда по Верхней Бессарабіи и въ Хотинъ. Слѣдите мое путешествіе по картѣ...

Нынче зашелъ я обѣдать въ здѣшній ресторанъ. Тамъ нашелъ трехъ Молдаванъ-дворянъ: одного безбородаго юношу—Кантакузена, другаго—какого-то Спирю и третьяго—

котораго фамиліи не знаю. Всѣ они говорятъ между собою по-французски и рѣдко по-русски,—франты, бывавшіе въ Петербургѣ; народъ довольно пустой. Я говорилъ съ ними кой о чемъ и узналъ, что языкъ ихъ рѣшительно не обработывается, литературы никакой нѣтъ, и всѣ они гонятся за чужимъ, заемнымъ блескомъ просвѣщенія... Движеніе, бывшее въ Молдавіи и Валахіи—не было народнымъ движеніемъ или внушеннымъ чувствомъ національности. Кажется, это было простое подражаніе возникшей модѣ, жалкое стараніе воскресить какую-то блѣдную историческую тѣнь! Поневолѣ приходится браться за науку, за ученыя историческія книги, когда въ жизни нѣтъ матерьяла для живой самостоятельности.

Здѣсь, въ Бессарабіи, жилъ Пушкинъ, много проказничалъ, имѣлъ двѣ дуэли и написалъ много чудесныхъ стиховъ, въ томъ числѣ Посланіе къ Чаадаеву. Многіе изъ здѣшнихъ жителей его помнятъ.

Сія пустынная страна
Священна для души поэта,
Она Державнымъ воспѣта
И славы Русской полна!

Однакожъ, это пустыя фразы!

Прощайте. Отъ меня-то Вы будете часто получать письма, да отъ Васъ то я имѣю всего одно. Подчасъ бываетъ очень грустно: здѣсь чувствуешь себя какъ-то особенно одинокимъ.

1848 года. Ноября 22-го. Скуляны.

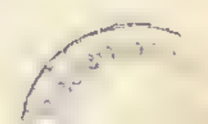
Возьмите карту и отыщите на самой границѣ, верстахъ въ 18-ти отъ Яссъ, столицы Молдавіи, на берегу Прута, мѣстечко Скуляны. Отсюда пишу я Вамъ, но письмо, вѣроятно, пропутешествуетъ со мною до Хотина. Вы знаете, что я долженъ былъ ѣхать осматривать магазины по Кишиневскому уѣзду. Итакъ, въ Четвергъ поутру отправился я вмѣстѣ съ Земскимъ Начальникомъ Ламбровичемъ въ Яловены, село съ магазиномъ,—въ какой-то допотопной бричкѣ...

Ламбровичъ, умный и добрый человѣкъ, самъ презамѣчательное лицо, которому какъ-то прилично быть въ Бессарабіи. Онъ родился въ Смирнѣ, отъ тамошнихъ уроженцевъ, первоначально воспитывался тамъ, потомъ въ Петербургѣ, наконецъ служилъ въ военной службѣ, и въ Турецкую Кампанію, о которой разсказывалъ мнѣ много прелюбопытныхъ анекдотовъ, игралъ очень важную роль, какъ человѣкъ, хорошо знающій Турецкій языкъ и вполнѣ знакомый съ тамошними обычаями; онъ нѣсколько разъ былъ посылаемъ для переговоровъ съ Визирями и для убѣжденія Турокъ къ сдачѣ крѣпостей; имѣлъ полное право ожидать блистательнаго успѣха по службѣ, но постоянное несчастіе мѣшало ему. Напримѣръ... Я разсказываю Вамъ это потому, что удивительно иногда, какимъ сцѣпленіемъ обстоятельствъ, какими случаями жизнь бываетъ совершенно манкирована, говоря въ обыкновенномъ житейскомъ смыслѣ. Напримѣръ: послали его уговаривать какого-то пашу сдать скорѣе крѣпость. Паша долго ломался, любовно бесѣдуя съ Ламбровичемъ по-турецки, наконецъ уступилъ и вынесъ ему ключи. Въ это самое время подъѣзжаетъ Начальникъ ихъ Штаба съ какимъ-то офицеромъ, удивляясь долгому невозвращенію Ламбровича; тотъ показываетъ ему ключи. Прекрасно, говоритъ генералъ, отвезите же ихъ скорѣе къ Главнокомандующему, а я останусь тутъ. Ламбровичъ поскакалъ. Позвольте же однако, любезнѣйшій Иванъ Дмитріевичъ, закричалъ генералъ, какъ же мнѣ быть-то безъ переводчика? Такой-то, отвезите-ка ключи, а мы примемся опять за Пашу. Такой-то поѣхалъ, и когда привезъ Главнокомандующему ключи, такъ онъ обнялъ его и поздравилъ его съ слѣдующимъ чиномъ. Въ другой разъ формуляра не выслали во-время и за пропущеніемъ срока ему отказали въ повышеніи. Въ третій разъ его обошли послѣ какого-то блистательнаго дѣла въ пользу одного старика, которому надо было войти въ милость, и въ той надеждѣ, что Ламбровичъ молодъ, дослужится! Наконецъ пришлось ему везти 20 знаменъ, отнятыхъ у непріятеля, въ главную квартиру. Корпусной Командиръ и всѣ товарищи заранѣе поздравляли его съ наградой. Пріѣхалъ онъ. Но у Главнокомандующаго были гости, какія-то важныя лица. Главнокомандующему было не до

того, къ тому же и поздно становилось; онъ велѣлъ оставить знамена, а офицеру ѣхать и кланяться ихъ Командиру. Ламбровичъ признавался мнѣ, что, возвращаясь отъ него верхомъ въ свои квартиры, поздно ночью, одинъ, онъ всю дорогу проплакалъ, какъ ребенокъ... Можетъ быть, Вамъ все это и скучно читать, такъ какъ рѣчь идетъ не обо мнѣ, и въ особенности Константину, но мои письма замѣняютъ мнѣ дневникъ, и я пишу въ нихъ все, что съ внимательною охотой слушаютъ мои уши... Скоро послѣдовалъ миръ; онъ женился и вышелъ въ отставку, поселясь въ Бессарабіи,—съ грустнымъ чувствомъ неудавшейся жизни. Онъ честолюбивъ и до сихъ поръ, а такимъ людямъ смѣшно было бы говорить о другомъ, высшемъ призваніи человѣка! Жена его родилась отъ отца Нѣмца и матери Польки въ Грузіи, воспитывалась въ Петербургѣ, вышла замужъ въ Бессарабіи!... И здѣсь все такъ. Самые чиновники—какой-то сбродный народъ и почти всѣ говорятъ по-молдавански.

Сдѣлавъ это маленькое отступленіе, возвращаюсь къ Яловенамъ, т.-е. возвращаюсь для того, чтобы опять отправиться дальше. Собственно про Яловены сказать нечего. — Село, какъ всѣ здѣшнія села, но селъ-то здѣшнихъ Вы не знаете! — Здѣшняя природа, т.-е. начиная отъ Кишиневскаго уѣзда, по средней и даже верхней Бессарабіи, носитъ совершенно особенный характеръ, мною еще не виданный, характеръ глуши и дикости. Мѣстоположеніе здѣсь чрезвычайно гористое. Горы больше тѣхъ, которыя видѣлъ я въ Оренбургской губерніи, и не такъ голы; онѣ пространнѣе, шире, почти не прерываются, и какъ дорога шла большею частью по горѣ, то глазъ мой обнималъ далекій горизонтъ, цѣлыя линіи горъ за другими горами и горы надъ горами. Почти всѣ покрыты зеленью, многія еще дѣвственны, потому что лѣнивая рука Молдавана не касалась ихъ богатой почвы. Эти горы образуютъ широкія, большія долины, куда спускаются огромными зелеными ребрами и часто съ обоихъ концовъ замыкаютъ ихъ ущельями. Въ этихъ-то долинахъ обыкновенно и размѣщены здѣшнія деревни, разбросанныя безъ всякой правильности, безъ понятія объ улицѣ; бѣлыя хаты съ темною, нависшею со всѣхъ сторонъ соломою, вмѣсто крыши, не окружены деревьями, какъ въ Малороссіи; лѣсу здѣсь мало,

но по горѣ иногда живописно разсѣяны виноградники, которые въ настоящее время, разумѣется, не представляютъ никакого вида для глазъ. Вездѣ торчатъ колодези, не съ колесомъ, но, какъ бы сказать, съ коромысломъ или быкомъ. И у насъ ихъ много, но здѣсь они дѣлаются особенно. Узкое горлышко земли обкладывается или высверленнымъ жерновомъ или камешками. Воды въ Бессарабіи также немного, и колодезь имѣетъ здѣсь большое значеніе. Часто въ самомъ глухомъ мѣстѣ вы встрѣчаете колодезь, сдѣланный Молдаваниномъ въ память родителей или другихъ, близкихъ ему, на пользу проходящимъ. Хаты плетутся изъ камыша и обмазываются глиною, а потомъ бѣлою известкой, и всегда чисты внутри и снаружи. Это уже дѣло женщины, которыя здѣсь гораздо трудолюбивѣе мужчинъ. Молдаванинъ еще лѣнивѣе хохла. Избалованный неистощимымъ богатствомъ почвы, онъ ни о чемъ не заботится, не думаетъ о зимѣ, какъ у насъ; почти всѣ работы происходятъ на чистомъ воздухѣ, внѣ хаты. Оттого-то она такъ и чиста. Молдаванинъ, которому приходится только разъ, не унавоживая, пройтись по землѣ съ сохою, и она родитъ что угодно, — пашетъ только то пространство, которое ему нужно для ежегоднаго прокормленія себя и своего семейства мамалыгой... Если есть зажиточные, такъ занимающіеся и другими промыслами. Но всѣ могли бы быть вдесятеро богаче. Для хлѣба сбытъ за границу превосходный, и помѣщики здѣшніе въ послѣднее время это поняли. Рогатый скотъ, предпочитаемый по вѣсу другимъ породамъ, покупается охотно въ Австріи, куда перегнать его бездѣлица, ибо кормъ даровой... Русскіе крестьяне, переселенные сюда, сдѣлались богачами какъ разъ, но дешевизна вина ихъ губитъ: пьютъ отчаянно... Видя русскаго мужика, идущаго ночью съ возомъ, Молдаванинъ говоритъ: вотъ, какой дуракъ! Богъ приказалъ работать днемъ, а ночью отдыхать; а онъ заповѣдей не слушаетъ. Поутру онъ не выйдетъ изъ хаты на работу, не позавтракавши;—дотянувшись въ поле съ своими волами, онъ ложится отдыхать; только что примется за работу, ужъ жена несетъ ему туда обѣдъ. Онъ останавливаетъ воловъ распрягаетъ ихъ, обѣдаетъ,—наконецъ, послѣ получаса работы, считаетъ нужнымъ напоить воловъ; мальчикъ погонитъ во-

ловъ, а онъ опять ложится, и все въ такомъ родѣ. Это Итальянская лѣнь! Мудрено узнать въ нихъ потомковъ Римлянъ! Всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ занимается женщина; она помогаетъ ему даже въ полевыхъ работахъ, одѣваетъ его, ткетъ ковры. Войдя въ хату, вы удивитесь чистотѣ, порядку, даже вкусу. Всегда широкія лавки устланы коврами; къ стѣнѣ, вмѣсто спинки, всегда приставленъ коверъ или вышитыя подушки; въ углу, на сундукѣ, почти до потолка, лежатъ сложенные ковры и подушки, въ чистыхъ наволочкахъ домашняго полотна: это приданое дочери; столъ покрытъ скатертью. Хата обыкновенно перегорожена стѣнкою, шириною въ три четверти аршина, съ аркой въ срединѣ; тутъ устроена маленькая печь, куда вкладывается небольшая охапка щепокъ; дымъ нагрѣваетъ всю стѣнку и вылетаетъ въ трубу слабой струей. У тѣхъ, кто побогаче, есть еще отдѣленіе для черновой работы и печь большаго размѣра. На стѣнѣ всегда какое-нибудь украшеніе, хоть изъ пѣтушьихъ перьевъ; но ярлычка, содраннаго съ банки помады Мусатова, приклѣеннаго къ стѣнѣ, какъ видѣлъ я въ нѣкоторыхъ нашихъ избахъ, — здѣсь я не встрѣчалъ. Много значитъ и то, что здѣсь, какъ скоро сынъ подростетъ, его тотчасъ отдѣляютъ и не живутъ большими семьями. Зато въ этихъ чистыхъ хатахъ живетъ самый грубый, глупый, нелѣпый, жалкій народъ, способный вывести изъ терпѣнія всякаго, привыкшаго къ уму русскаго мужика. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь Молдавану нетрудно жить полгода въ избѣ, топить печь полвозомъ дровъ, держать скотъ въ теплѣ, возлѣ себя; не тридцать душъ у него въ хатѣ... Но все-таки не мѣшало бы и русскому чековѣку не жить такъ свиновато; можно отнести клопа въ уголъ, а не давить его на стѣнѣ, какъ дѣлаютъ это не одни мужики. А женщина здѣсь лучше, художественнѣе, опрятнѣе. Впрочемъ, я не встрѣтилъ ни одной красавицы; замѣтилъ только, что онѣ высоки ростомъ и очень стройны. Ихъ одежда состоитъ или изъ юбки и рубашки съ длиннымъ прорѣзомъ въ срединѣ, стянутой крѣпко кушакомъ, часто съ курткой, впрочемъ, не узкой; или же изъ обыкновеннаго платья, застегиваемаго спереди, также съ кушакомъ, голубымъ, краснымъ, зеленымъ, и изъ широкаго, большею частью шелковаго (въ праздники) шушуна,

довольно короткаго, иногда подбитаго мѣхомъ... Голова обвязана, какъ и у насъ, платочкомъ, болѣе или менѣе дорогимъ; волосы заплетаются на двѣ косы. Праздничный мужской костюмъ богатыхъ совершенно похожъ на поповскія рясы,—большею частью шелковыя и подбиты мѣхомъ.— Да, забылъ еще разсказать образчикъ Молдаванской лѣни. Когда выростетъ кукуруза: стебель довольно высокъ, съ человѣческій ростъ, — то Молдаванинъ не срѣзываетъ ее, а ломаетъ самыя головки или кочаны; при ломаньи выпадаютъ, высыпаются зерна на землю; онъ затопчетъ ихъ ногами и больше не сѣетъ. Однакожъ недостатокъ хлѣба въ эти года, происшедшій отъ саранчи или отъ бездождія, примѣръ Русскихъ и требованія Правительства о наполненіи магазиновъ, необходимость снабженія нашихъ войскъ фуражемъ, заставили ихъ быть нѣсколько рачительнѣе и иногда косить траву. Жита, т. е. ржи, и вообще озимаго хлѣба они сѣютъ только для магазиновъ и предпочитаютъ нашему хлѣбу мамалыгу. Все это говорю я не о помѣщикахъ самихъ или поссессорахъ, а о земледѣльцахъ.

Теперь Вы нѣсколько знакомы съ домашнимъ бытомъ Молдаванъ; о его внѣшнемъ устройствѣ и значеніи я скажу послѣ.—Итакъ мы пріѣхали въ Яловены, всего 12 верстъ отъ Кишинева. Это селеніе резешское. Опять Вамъ нужно объяснять, что такое резеши. Резешами называются однодворцы, не въ смыслѣ происхожденія, но имѣющіе собственную землю, даже еслибъ онъ имѣлъ ее на два аршина. Въ прежнія времена господари надѣляли иногда землею какъ: напримѣръ на палецъ во все протяженіе такой-то земли! По этому случаю происходятъ между ними тяжбы, ссоры и драки безпрерывно. Правительство, не уничтожая покуда этого раздробленія, требуетъ теперь, чтобы каждый участокъ и полоса были точно обозначены межеваніемъ, котораго еще здѣсь не было.—Осмотрѣвъ магазинъ въ Яловенахъ, мы перемѣнили лошадей и поѣхали дальше... Вамъ, можетъ быть, смѣшно вообразить, какъ я осматриваю хлѣбные запасы?.. Съ ненарушимою важностью принимаю я изъ рукъ Головы, встрѣчающаго меня со всѣмъ штатомъ, или изъ рукъ выбираемаго дворянствомъ помѣщика попечителя, — вѣдомость, немедленно повѣряю ее по книгамъ, взлѣзаю на лѣст-

ницу и осматриваю закрома, высыпаю изъ нихъ нѣсколько хлѣба для освидѣтельствованія его качества,—словомъ весьма важно. Какъ я довольно остороженъ и предварительно потолковалъ съ нѣкоторыми, то удалось мнѣ сдѣлать нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній. Безъ шутокъ есть тутъ обстоятельство, о которомъ одинъ попечитель подалъ, по моему требованію, на мое имя особую записку, и я надѣюсь быть въ этомъ имъ довольно полезенъ... Головы, большею частью, мало говорятъ по-русски, смотритель и крестьяне вовсе не знаютъ, тѣмъ болѣе, что Земская Полиція вся говоритъ по-молдавански; но письмоводство оффиціальное производится на русскомъ языкѣ Волостнымъ Писаремъ... Въ Яловенахъ встрѣтилъ меня также попечитель помѣщикъ Александръ Руссо. Здѣсь этой фамиліи много и даже есть, кажется, Иваны Яковлевичи. Разумѣется, хлѣба я не мѣрилъ, но распространилъ слухъ, что буду мѣрить, хоть одинъ закормъ гдѣ? неизвѣстно, и поэтому, конечно, все уже было въ возможномъ порядкѣ. Оттуда, чрезъ 20 верстъ, пріѣхали мы въ мѣстечко Ганчешты, принадлежащее Армянину Манукъ-Бею. Отецъ его, укравъ казну у Султана, во-время войны, еще при Александрѣ, бѣжалъ въ Россію, гдѣ получилъ за это чинъ Статскаго Совѣтника, купилъ имѣніе и жилъ хлѣбосоломъ.

Осмотрѣвъ такимъ образомъ магазины въ Ганчештахъ, гдѣ множество Жидовъ, ведущихъ торговлю въ околодкѣ, въ Лопушни, также резешскомъ имѣніи, пріѣхали мы вечеромъ въ Бужоры, и какъ осмотръ должно было отложить до утра, то мы остались ночевать у помѣщика, поручика Кешко, одного изъ богатѣйшихъ во всей Бессарабіи. Кешко принялъ насъ чрезвычайно гостепріимно; я же былъ радъ этой окказіи ближе взглянуть въ домашній бытъ здѣшнихъ жителей. По осмотрѣ оказалось, что Кешко весь—мясо. Это человѣкъ лѣтъ сорока, служившій въ военной службѣ, разумѣется, одѣвающійся по-европейски, съ огромнѣйшимъ брюхомъ, въ разводѣ съ женою и въ ссорѣ съ дѣтьми; думающій только о пріобрѣтеніи денегъ и всею душою презирающій бѣдный простой классъ народа. Несмотря на богатство, домъ его не похожъ на наши дома: такой же низенькій, также выбѣленный, только попросторнѣе и почище.

Онъ бранитъ Молдавію и Валахію и благодаритъ русское правительство за безопасность помѣщиковъ.—О политическомъ положеніи Бессарабіи въ отношеніи къ Молдавіи и къ Галиціи поговорю послѣ; теперь же хочу скорѣе докончить разсказъ, начатый слишкомъ подробно... У Кешко много крѣпостныхъ Цыганъ. Я уже не встрѣчалъ въ Бессарабіи кочующихъ Цыганъ; кочуютъ они еще въ самой Россіи, но кочеванье запрещено, а здѣсь исполненіе строже. Этихъ свободныхъ кочующихъ Цыганъ приписали тамъ, гдѣ застала ихъ ревизія, и большую часть сдѣлали крѣпостными. Можетъ быть, Правительство, и предполагая современемъ дать имъ свободу, думаетъ въ настоящее время чрезъ крѣпостное состояніе вывести ихъ изъ первобытнаго кочеваго... Но они не пашутъ землю, неспособны къ этимъ работамъ и много бѣглыхъ. Тѣ же, которые остались, превращаются помѣщиками въ кучеровъ, въ поваровъ, въ кузнецовъ, въ слугъ и т. п., къ чему они склоннѣе Молдаванъ. Смѣшно и жалко было мнѣ видѣть Цыганскаго мальчика у Кешко, одѣтаго въ длинную, глупую ливрею и подающаго намъ чай, но сохранившаго на лицѣ яркую печать не здѣшней природы, съ черными какъ смоль волосами, съ вольнолюбивыми, быстрыми глазами... Вообще прислуга у здѣшнихъ помѣщиковъ отвратительна. Бѣдно она содержится, въ черномъ тѣлѣ, съ полнымъ къ ней презрѣніемъ, грязно, нечисто. Правда, ея мало; Молдаванскіе помѣщики не живутъ на широкую ногу, какъ наши; слишкомъ разсчетливы. Часто выписываютъ для прислуги расторопную Малороссійскую дѣвку, которая съ босыми ногами, въ грязной, часто мѣшкомъ болтающейся рубашкѣ и свиткѣ, бѣгаетъ себѣ чернопяткой въ кухню изъ гостинной, изъ кухни въ гостинную и т. д. У Кешко отвѣдывалъ я также молоко и масло буйволицъ, слишкомъ питательное, и овечьи сыры разныхъ сортовъ, которые не пришлись мнѣ по вкусу. Вообще здѣсь ѣдятъ скверно, и хотя Бессарабія ведетъ торговлю скотомъ, но въ ней порядочной говядины нѣтъ,—ибо воловъ откармливаютъ во время прогона. Несмотря на Европеизмъ господина Кешко, шелкъ, ковры, подушки, стамбулки, табакъ и другія принадлежности вѣютъ на васъ близостью Азіатскаго быта.—На другой день, въ Пятницу, мы, осмотрѣвъ магазины, поѣхали далѣе, въ Збирой.

Збирой на самомъ берегу Прута, на самой границѣ; имѣніе помѣщичье, гдѣ помѣщикомъ или поссессоромъ—не помню, Грекъ Ганапо. Такъ вотъ куда я доѣхалъ, къ самой границѣ казавшагося безконечнымъ Русскаго государства! Какое это странное чувство. Прутъ очень и очень небольшая рѣка, чрезъ которую лѣтомъ во многихъ мѣстахъ и курица можетъ перейти,—сдерживаетъ здѣсь напоръ такъ далеко и широко раскинувшейся Руси! Противоположный берегъ—Молдаванскій: такія же издали бѣлѣютъ деревни, такой же языкъ, но тамъ уже не то. Вліяніе русское сильно легло на Бессарабію,—на самый народъ. Здѣсь, въ этой пограничной области, сильнѣе, живѣе чувствуется благодѣтельная сѣнь русской силы—и нѣтъ ни малѣйшаго сочувствія. Много и здѣсь крестьянамъ основательныхъ поводовъ къ неудовольствію на помѣщиковъ, но онъ сталъ долготерпѣливѣе и говоритъ только, что Царь не знаетъ ихъ положенія, что бояре его обманываютъ; но вѣрятъ въ расположеніе къ нимъ Царя, любятъ это отдаленное олицетвореніе силы и могущества единовѣрной съ ними Руси. Православная Бессарабія съ радостью перешла отъ Магометанскаго ига къ русскому владычеству, по крайней мѣрѣ народъ. Удивительное дѣло—вѣра, и какъ бы тамъ государства ни возились, но православные народы—будто кровные братья между собою. Въ Молдавіи мужики богаче, но Молдаване, или собственно Царане, не переходятъ туда, хотя нѣтъ ничего легче; кордоны (такъ называются квартиры пограничной стражи) стоятъ на версту и болѣе въ разстояніи другъ отъ друга; ночью, въ туманѣ, можно перейти скрытно цѣлому полку!—Но оттуда часто приходятъ толпами селиться въ Россіи. На этомъ берегу было слышно, какъ возмутители ѣздили по деревнямъ и возбуждали народъ противъ помѣщиковъ, обѣщая свободу и хлѣба; тамъ Поляки, главные виновники всего, откупили всѣ корчмы и поджигали народъ. Разумѣется, здѣсь этого нельзя было сдѣлать; этого ужъ не допустила бы и самая плохая земская полиція;—но смѣшно было видѣть, какъ, несмотря на всѣ эти старанія,—только что русскія войска перешли границу, простой народъ, духовенство встрѣтили ихъ съ крестомъ, съ хлѣбомъ и солью. Одно только обидно имъ, что Россія не только позволяетъ этимъ православнымъ

землямъ платить дань Турецкому султану, но поддерживаетъ этотъ порядокъ. Меня увѣряли многіе Молдаванскіе помѣщики, что цѣль произведеннаго возстанія въ Валахіи—была освобожденіе ихъ отъ Турецкаго ига и образованіе республики, безъ Бессарабіи, подъ покровительствомъ Россіи; что для этого имъ необходимо было преобразовать свое внутреннее положеніе, что они надѣялись, будто Греки также съ своей стороны возстанутъ и выгонятъ Турокъ вонъ изъ Европы и что Россія имъ въ этомъ не помѣшаетъ. Можетъ быть, многіе и думали это, но сильное участіе въ этомъ дѣлѣ Поляковъ заставляетъ предполагать и другое. Говорятъ также, что о Бессарабіи выдумалъ самъ Молдавскій Господарь Стурдза, скотъ первой руки, грабитель и лихоимецъ. Въ Молдавіи дѣйствительно готово было вспыхнуть возстаніе, не въ пользу мечтаній воспитанной въ Парижѣ молодежи, но собственно противъ Стурдзы. Онъ предупредилъ это возстаніе и, чтобы ускорить прибытіе русскихъ войскъ, донесъ, будто возстаніе готовилось не собственно противъ него, но чтобы отторгнуть отъ Россіи Бессарабію и пр... Нѣкоторые здѣшніе помѣщики, съ глубокомысленною улыбкою и значительно покачивая головою, говорятъ, что когда Россія потребуетъ уплаты военныхъ издержекъ и заплатить будетъ нечѣмъ, такъ она приберетъ себѣ Молдавію. Но это вздоръ! Впрочемъ, всѣ утверждаютъ, что Россія платитъ тамъ чистыми деньгами за все: огромные запасы провіанта безпрестанно отправляются туда изъ Россіи; Лидерсъ занялъ одну сторону Бухареста; Турецкія войска другую; производятъ слѣдствіе и всѣ хвалятъ снисходительность и умѣренность Лидерса. Часть русскихъ войскъ стоитъ на Трансильванской границѣ и пугаетъ Венгерцевъ. Впрочемъ, если и возможно возстаніе въ Бессарабіи, то не противъ Правительства, а противъ помѣщиковъ, которые здѣсь, большею частью, величайшіе скоты. О запутанности положенія и отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ я Вамъ напишу послѣ. Само собою разумѣется, что этому возстанію помогли бы здѣсь Поляки... Странно, но случилось такъ, что здѣсь по всей границѣ, въ карантинахъ и таможняхъ служитъ много Поляковъ, за которыхъ нельзя ручаться. Въ Новоселицу, на сухой Австрійской границѣ, было подкинуто множество возмутительныхъ книгъ, которыя, впрочемъ были собраны.

Отъ Збироя до Неморены, отъ Неморены до Ворничени мы ѣхали почти все берегомъ Прута. Во многихъ мѣстахъ берега покрыты густымъ камышемъ, теперь безвреднымъ и по части комаровъ и по части испареній. Ночевали мы въ Ворничени у поссессора, Мозыла. Мозылами называются также однодворцы, имѣющіе собственность, но считающіе себя происходящими отъ дворянскаго сословія. Однакожъ они подлежатъ тѣлесному наказанію, впрочемъ, не иначе какъ по суду. Есть еще и бояринаши, происходящіе отъ бояръ, изъятые отъ тѣлеснаго наказанія, и рупташи, происходящіе отъ духовнаго сословія. Этотъ Мозылъ ни слова не говорилъ по-русски, но весьма былъ осчастливенъ моимъ пріѣздомъ и всячески старался доказать свое гостепріимство, подчивая самодѣльнымъ виномъ. Хата его такая же, какъ и у прочихъ крестьянъ, но нѣсколько просторнѣе, чище и больше въ ней ковровъ и подушекъ. Семейства его, впрочемъ, я не видалъ.

Осчастлививъ такимъ образомъ Мозыла своимъ ночлегомъ, поутру отправился я съ Ламбровичемъ далѣе, и по дорогѣ въ Сырецъ заѣхали мы въ Кипріанскій монастырь.. Монастырь этотъ со всѣми своими угодьями принадлежитъ какому-то монастырю на Святой горѣ. Святогорскіе монастыри имѣютъ здѣсь большія населенныя помѣстья, которыя отдаютъ въ поссессію, иногда и сами управляютъ ими, и еще хуже помѣщиковъ. Этотъ Кипріанскій монастырь чрезвычайно богатъ и имѣетъ то, чего почти нѣтъ или очень мало въ прочихъ мѣстахъ Бессарабіи:—лѣса, изъ которыхъ, впрочемъ, небольшая часть строевыхъ. Разумѣется, нѣтъ ни сосны, ни березы. Береза встрѣчается только въ Хотинскомъ уѣздѣ. Архимандрита въ монастырѣ не случилось; отецъ экономъ, Болгаринъ, показывалъ мнѣ церкви и зданія. Церкви не стары, но чрезвычайно бѣдны какъ архитектурой, такъ и убранствомъ. Внутри все голо, стѣны выбѣлены и небольшой иконостасъ писанъ не древнимъ письмомъ. Монаховъ немного, часть ихъ прислана отъ Святой Горы, куда отсылаются почти всѣ доходы съ имѣнія, отнятаго было у нихъ во времена Турецкаго владычества здѣшними Экзархами, но возвращеннаго имъ при нынѣшнемъ Государѣ. Я замѣтилъ одну особенность: клиросы и сидѣнье Архимандрита устроены не ли-

цомъ къ Царскимъ дверямъ, а бокомъ, другъ противъ друга.— Осмотрѣвъ монастырь и отказавшись отъ угощенія, я поспѣшилъ въ Сырецъ. Ѣхали мы по хребту горы, внизу лежала глубокая долина, вся залитая туманомъ. Это было рано утромъ. Туманъ пытался подняться кверху, и любопытно было глядѣть съ горы на эти облачныя волны, на это бѣлое, туманное море, безпокоившееся внизу. Наконецъ, заглянувши въ Сырецкій магазинъ, насмотрѣвшись вдоволь всякихъ сортовъ хлѣба и кукурузы, добрались мы на несчастныхъ обывательскихъ лошадяхъ, въ половинѣ дня Субботы въ Кишиневъ. Тамъ встрѣтилъ меня соскучившійся Никита и, раздѣвая, спросилъ съ своею улыбкой такого свойства, что на нее нельзя смотрѣть безъ смѣха: «Когда мы уѣдемъ изъ этой жидовской стороны? Ходилъ по базару, все шмыгаютъ жиды, никто по-русски не понимаетъ»... Я его утѣшилъ тѣмъ, что завтра же мы отправимся дальше, въ глубь Бессарабіи, а онъ меня подлинно утѣшилъ, подавъ два Вашихъ письма отъ 4-го Ноября и отъ 8-го.

Новоселица. 27-го Ноября 1848 года. Суббота.

Австрійская граница.

Вотъ откуда посылаю я Вамъ письмо. Вотъ уже недѣля, какъ я кочую по проселочнымъ дорогамъ, по разнымъ деревнямъ и мѣстечкамъ Бессарабіи, такъ что не могу сказать навѣрное, гдѣ тогда-то буду. Отправляясь изъ Кишинева, я даже не зналъ, въ верхнюю или въ нижнюю Бессарабію двинусь я и потому не могъ и распорядиться на почтѣ съ Вашими письмами... Дорога, ночевка у помѣщиковъ, ревизія, новыя лица, чиновники, знакомства на два часа, гостепріимство, отнимающее у гостя всякое свободное время,—все это даже утомило меня, и я хочу здѣсь остаться болѣе сутокъ, чтобы нѣсколько привести въ порядокъ и впечатлѣнія и собранные матерьялы. Къ сожалѣнію, почта отходитъ нынче отсюда въ 12 часовъ, и я только что успѣлъ написать Вамъ второй листъ письма, а между тѣмъ меня дожидаются въ магазинѣ, да и пора мнѣ къ Начальнику здѣшняго Таможеннаго округа, Кишкину, къ которому имѣю письма.

Отсюда отправлюсь разными проселками въ Хотинъ, въ Сороки, въ Бѣльцы, въ Оргѣевъ, можетъ быть даже загляну въ Каменецъ-Подольскъ, который въ двадцати верстахъ отъ Хотина, и потомъ назадъ въ Кишиневъ. Думаю, впрочемъ, что останусь въ Бессарабіи долѣе, чѣмъ предполагалъ... Гдѣ ужъ я не былъ! Вчера, подъѣзжая къ Новоселицѣ, луннымъ вечеромъ, я думалъ, смотря на равнину, которую слабый лунный свѣтъ скрадывалъ и однообразилъ со всякими равнинами, — я думалъ: гдѣ ужъ она мнѣ не свѣтила! Нынче тутъ, на границѣ Австріи, тамъ на лугахъ Полтавы, въ Донскихъ степяхъ... Въ Скулянахъ, пограничномъ мѣстечкѣ, верстахъ въ 18-ти отъ Яссъ, столицы Молдавіи, на Прутѣ (посмотрите карту) улучилъ я время и продолжалъ «Бродягу». Теперь приступилъ къ самому трудному мѣсту во всей поэмѣ, къ описанію барышни съ садомъ. Тутъ ужасно трудно соблюсти мѣру и дать понять эту барышню—вовсе не русскую красную дѣвицу—не выходя изъ общаго тона поэмы...

Подробности моего путешествія Вы получите съ слѣдующею почтой. Вамъ должно разсказать его за всю недѣлю, а это не бездѣлица. Мнѣ кажется иногда, что или отъ безпрерывнаго прерыванія, или отъ того, что уже года не тѣ, но письма мои лишены уже прежней свѣжести впечатлѣній и должны быть иногда скучноваты, т. е. сами по себѣ, если не для Васъ.

Новоселица, 29-го Ноября 1848 года. Понедѣльникъ.

Итакъ въ Субботу я воротился въ Кишиневъ, гдѣ вечеромъ опять занялся жидами и своимъ дѣломъ, т. е. «Алешкой». Все это такъ, урывками; всѣ предметы моихъ занятій такъ разнородны, что память моя не успѣваетъ запоминать всего, что нужно. Писалъ ли я Вамъ о Еврейскомъ училищѣ, куда меня пригласили Евреи? Кажется, писалъ. Поутру Жидъ принесъ мнѣ двѣ заказанныя ему кожаныя подушки; пришли опять разныя лица, и часовъ въ 12 въ Воскресенье, я сѣлъ въ телѣгу съ Никитой и отправился по проселочной дорогѣ въ мѣстечко Скуляны, осматривая по пути магазины. Къ вечеру я пріѣхалъ въ Волчинецъ, гдѣ

долженъ былъ остановиться на ночь, ибо по проселкамъ ночью, на некованыхъ обывательскихъ лошадяхъ трудно ѣхать, тѣмъ болѣе, что я не умѣю объясняться по-молдавански, а наши возницы и каларицы (верховые) почти не понимали по-русски. Въ этотъ день погода была необыкновенно тепла; я ѣхалъ съ большимъ удовольствіемъ; начинало темнѣть, и дикая гористая окрестность принимала неопредѣленный видъ; впереди однообразно прыгало туловище передоваго, скакавшаго передъ нами верхомъ; только Никита во всю дорогу улыбался и покачивалъ головою, съ чувствомъ необыкновеннаго сожалѣнія къ Молдаванской глупости. Заговоритъ ли кто по-молдавански, самъ ли онъ заговоритъ съ ними по-русски и его никто не понимаетъ,— все для него предметъ смѣха и потому улыбка не сходитъ съ его лица... Въ Волчинцѣ встрѣтилъ меня попечитель магазина Грекъ Сербиносъ, здѣшній дворянинъ, въ Молдавапскомъ костюмѣ. Я долго съ нимъ сидѣлъ; онъ говоритъ по-русски, хотя не совсѣмъ чисто, но достаточно понятно, чтобъ уразумѣть въ немъ льстиваго плута Грека. Квартира была мнѣ приготовлена въ хатѣ дьяконицы вдовы, у которой сынъ, не говорившій ни слова по-русски, также здѣсь дьякономъ. Когда я легъ спать, такъ слышу, что мой Никита преспокойно растабарываетъ одинъ по-русски и даже такое, чего вовсе разсказывать не слѣдуетъ. Я его немедленно призвалъ: съ кѣмъ ты тамъ разговариваешь?— Съ дьякономъ.—Да онъ не понимаетъ?—Не понимаетъ.— Такъ зачѣмъ? — Да онъ поподчивалъ меня ужиномъ и сидитъ со мною, такъ я и сталъ говорить... Приказавъ ему молчать, я полюбовался его наивною глупостью и подумалъ объ этомъ человѣкѣ. Онъ дворовый помѣщика Татаринова, которому преданъ всею душой, и осуждаетъ брата своего за намѣреніе откупиться на волю. Я разговаривалъ съ нимъ объ этомъ предметѣ. Онъ даже и не понимаетъ своихъ человѣческихъ правъ; еслибъ это было христіанское смиреніе, другое дѣло. Нѣтъ, онъ другаго порядка вещей и не сознаетъ. Его возраженія какія: «да кто-жъ бы сталъ барину дѣлать то или другое; словомъ, исполнять какую-нибудь прихоть? Не самому же барину это дѣлать; мы его крѣпостными родились» и пр. Онъ говоритъ, что когда баринъ

далъ ему паспортъ, вслѣдствіе будто бы неудовольствій съ экономкою,—то это былъ для него величайшій ударъ; съ паспортомъ онъ сейчасъ опредѣлился къ Депре, котораго очень хвалитъ, но говоритъ, что все-таки ему было ужасно обидно тамъ служить, потому что и за столъ садятся не крестясь, да и выскакиваютъ изъ-за стола во время обѣда. Это послѣднее должно быть очень понутру Константину. Вчера, раздѣвая меня на ночь, онъ, улыбаясь, сказалъ мнѣ: а я прошедшую ночь во снѣ плакалъ: видѣлъ, что вы здѣсь умерли. — Отчего жъ ты плакалъ? — Да я не зналъ, какъ мнѣ быть съ вами здѣсь... Я расхохотался этой причинѣ и спросилъ его, какъ же онъ толкуетъ этотъ сонъ. «Да это должно быть ваша смерть умерла». Выраженіе нелѣпое, но очень эффектное! Я, будто повѣривъ этому, сейчасъ же такъ крѣпко и славно заснулъ, что даже ничего и не грезилось.

Поутру, въ Понедѣльникъ, какъ я проснулся,—бушевала страшная погода. Сильный, пронзительный вѣтеръ съ дождемъ и крупою долженъ былъ подчивать насъ прямо въ лицо. Но дѣлать нечего, отправились. Верстахъ въ пяти дожидалась насъ подмога, чтобы одолѣть трудную, по понятіямъ Молдаванъ, гору. Какъ дорога дѣйствительно была очень скользка и Молдаване, непривычные къ лошадямъ, плохо правятъ, то я велѣлъ слѣзть Молдаванину, посадилъ кучеромъ Никиту, хорошо знакомаго съ этимъ ремесломъ. Ѣхали мы въ простой телѣжкѣ, запряженной четверкой (здѣсь оглоблей нѣтъ); къ этимъ лошадямъ приставали еще 4 пары воловъ, гуськомъ, попарно, да съ боковъ бѣжало человѣкъ десять Молдаванъ съ разными дикими, нелѣпыми восклицаніями: иги-ги..., гайда, гайда и проч. Гора вовсе не заслуживала такихъ хлопотъ, но я покорился и, несмотря на погоду, тѣшился этою картиною. Наконецъ пріѣхали мы къ корчмѣ у столба Потемкина, гдѣ перемѣнили лошадей. Здѣсь умеръ Потемкинъ, проѣзжая изъ Яссъ. О мысляхъ и впечатлѣніяхъ, приличныхъ этому случаю, загляните, пожалуй, хоть въ статью Надеждина Но въ самомъ дѣлѣ, надо же было случиться такъ, чтобы именно Потемкину умереть здѣсь, въ такомъ пустынномъ и дикомъ мѣстѣ, на травѣ, подъ открытымъ небомъ!—Наконецъ, къ вечеру, дотащились мы кое-какъ въ Скуляны, гдѣ, за неимѣніемъ сво-

бодныхъ квартиръ, ибо все занято нашими войсками, — остановился у Головы, которому, впрочемъ, и заплатилъ за это.—Скуляны, мѣстечко съ центральнымъ карантиномъ и таможнею, населенное большею частью Евреями, верстахъ въ 18-ти отъ Яссъ. Сюда Господарь Стурдза, боясь возстанія, присылалъ на сохраненіе сундуки свои съ награбленнымъ добромъ. Если Россія его не смѣнитъ, то это произведетъ очень невыгодное впечатлѣніе. Мѣстечко довольно грязное. Жиды тѣснятся, какъ можно, плотнѣе; ни у одного народа такъ населеніе не возрастаетъ, какъ у жидовъ. Въ Бессарабіи съ 1812 года ихъ увеличилось въ десять разъ. Здѣсь они ходятъ все въ своемъ старонѣмецкомъ костюмѣ, съ пейсиками и сильнѣе удерживаютъ общій жидовскій типъ; живя на границѣ, они то и ведутъ контрабанду и рѣдко попадаются, потому что дружно стоятъ за себя. Во многихъ мѣстечкахъ видѣлъ я цѣлый рядъ домовъ жидовскихъ подъ одною крышей, такъ что товаръ, въ случаѣ поисковъ, немедленно передается другому и т. д. Жидамъ недавно запрещено селиться на границѣ, но Правительство благодушно позволило однако оставаться тамъ Евреямъ, уже получившимъ тутъ осѣдлость стародавнюю. Теперь эти стародавніе жители не умираютъ, и подъ именемъ Шмоля существуютъ Лейбы и другіе безконечно. Это, впрочемъ, они заимствовали у раскольниковъ здѣшнихъ. Нѣтъ, лучше тамъ, гдѣ нѣтъ Евреевъ! Я бы позволилъ въ самой Россіи жить только купцамъ первой и второй гильдій, которые держатъ себя иначе. Въ Скулянахъ начальникомъ центральнаго карантина нѣкто Рожалинъ, уже 35 лѣтъ служащій въ Бессарабіи; хорошій старикъ и служака, одинокій. Прошу покорно этакъ лѣтъ 20 выжить въ Скулянахъ съ жидами. Черезъ его руки безпрестанно проходятъ теперь депеши на имя Государя, которыя онъ только окуриваетъ и содержаніе которыхъ не знаетъ. Вообще удивительно, какъ мало здѣсь знаютъ! Правда, сообщеніе съ заграницею строго воспрещено, и чиновникамъ меньше чѣмъ кому-либо что извѣстно, а торговцамъ, имѣющимъ сообщенія, нѣтъ рѣшительно никакой нужды ни до чего, да къ тому же они и невѣжи. Теперь, впрочемъ, тамъ все спокойно. Дѣйствіе карантиновъ до всѣхъ этихъ происшествій было пре-

кращено, ибо есть карантины въ самой Валахіи и Молдавіи по Турецкой границѣ,—но когда Турецкія войска вступили въ Валахію, то и карантины возобновили. Безъ особаго Высочайшаго повелѣнія никому и паспорта не выдаютъ за границу. — Въ Скулянахъ я писалъ Вамъ письмо, но не успѣлъ отправить. Тамъ пробылъ я полтора сутокъ и въ Середу поѣхалъ далѣе, проселкомъ же, осматривая сельскіе пограничные магазины. Замѣчательно, что почти въ каждомъ селеніи, наполненномъ Молдаванами, на самой границѣ, живетъ по одному Липовану: такъ называютъ здѣсь раскольниковъ; но впрочемъ никто и не заботится здѣсь о томъ, что они тутъ дѣлаютъ, зачѣмъ живутъ... Нѣтъ, что̀ бы ни говорили, а не одно только религіозное убѣжденіе заставляетъ ихъ покидать Русь. Многіе изъ нихъ, перейдя туда, ведутъ самую разгульную жизнь; окруженные Нѣмцами или Турками, они охотно живутъ въ землѣ неправославной; тамъ имъ, конечно, свободнѣе; но тамъ они домогаются, особенно въ Австріи, гражданскихъ правъ не для вѣры только. Развѣ Некрасовцы, которые всѣ раскольники, перешли еще такъ давно тому назадъ отъ притѣсненій вѣры? Ихъ выгналъ туда казачій духъ, который стало сокращать Правительство. Всякій бѣглый каторжникъ, всякій скрывшійся воръ дѣлается раскольникомъ, которые его прячутъ или передаютъ за границу. Ну, пусть бы одни закоренѣлые уходили! Нѣтъ, они легко отторгаютъ отъ Церкви и прочихъ православныхъ. Грамотный, бойкій мужикъ больше имѣетъ авторитета для мужиковъ же, нежели всякій священникъ. Разумѣется, для отвращенія злыхъ послѣдствій раскола нужны другія, радикальныя средства, а не насильственныя или полицейскія.

Когда я перемѣнялъ въ этотъ день лошадей въ Валерусѣ, то поссессоръ тамошній, грекъ Калистрати, служившій въ русской службѣ, задержалъ меня наскоро приготовленнымъ обѣдомъ. Этотъ Грекъ живетъ въ хатѣ, такой же, какъ у всякаго зажиточнаго мужика, и состоящей изъ двухъ комнатокъ. Въ одной помѣщается онъ самъ, въ другой его дочери; я видѣлъ младшую: старшая была гдѣ-то въ гостяхъ. Хоть она и Гречанка и шестнадцати лѣтъ, но не очень красива. Отецъ взялъ ее изъ пансіона, гдѣ было начала

она воспитываться, «чтобы, какъ онъ выражается, не отпускать ее отъ своихъ глазъ». Какова жизнь! Отецъ, который занимается только выученіемъ денегъ и который въ нѣкоторыя минуты, судя по лицу, долженъ быть весьма свирѣпъ; Царане, съ которыми у нея нѣтъ ничего общаго, ни книгъ, ни занятій! Для полноты случая надлежало бы ей быть красавицей, ну да что ужъ дѣлать, она исправляла должность красавицы въ моемъ воображеніи, и, съ позволенія отца, я подарилъ ей для чтенія «Одесскій Альманахъ», гдѣ статья Надеждина и стихи Константина.—Вечеромъ пріѣхалъ я въ помѣщичье имѣніе Б..., гдѣ пригласилъ меня ночевать у себя помѣщикъ Бодаревъ. Несмотря на русское окончаніе фамиліи,—это настоящій Молдаванъ. Онъ старикъ, холостякъ, лѣтъ 65, ходитъ въ Молдаванскомъ или почти Турецкомъ костюмѣ, въ фескѣ и курткѣ, впрочемъ, говоритъ, хоть и не совсѣмъ хорошо, по-русски, зато знаетъ по-турецки и по-гречески. Онъ разсказывалъ мнѣ про военныя кампаніи, въ которыхъ участвовалъ, сильно ненавидитъ Турокъ, привязанъ къ Россіи, хоть и не совсѣмъ любитъ русское управленіе, бранитъ Молдаванскую офранцузившуюся молодежь, и очень гостепріименъ. Я насилу вырвался отъ него поутру, и то онъ заставилъ взять съѣстнаго на дорогу.

Въ Четвергъ вечеромъ добрался я до Липканъ, мѣстечка на Прутѣ, принадлежащаго княгинѣ Гика, съ карантинной и таможенной заставами, населеннаго больше евреями. Какъ тутъ остановиться негдѣ, то Рожалинъ далъ мнѣ письмо къ карантинному коммиссару Алексѣеву, у котораго я и остановился; посмотрѣлъ на жизнь Липканцевъ и удивился, найдя здѣсь людей не только неглупыхъ, но и не безъ образованія. Общество состоитъ здѣсь изъ «трехъ таможенныхъ и трехъ карантинныхъ семействъ», да сверхъ того изъ одного холостаго капитана карантинной стражи, съ армейской любезностью и съ огромнѣйшими рыжими усищами. Впрочемъ, дамъ здѣшнихъ, за исключеніемъ коммиссаровой жены, я не видалъ, зато все время пользовался мужскою бесѣдой. Здѣсь есть докторъ, худой какъ скелетъ, блѣдный и ревностнѣйшій католикъ и полякъ. Газеты получаютъ они изъ Петербурга, но и по газетамъ и по слухамъ онъ слѣдитъ политику шагъ за шагомъ и, кажется, не безъ участія. Не по-

дозрѣвая его ни въ какихъ дурныхъ намѣреніяхъ, я бы однако не держалъ его на самой границѣ, гдѣ, какъ я также замѣтилъ, случайно или нарочно служатъ у насъ вездѣ Поляки. — Этотъ Алексѣевъ хоть и не ученый человѣкъ, но страстный охотникъ раскапывать землю, и на необитаемомъ Змѣиномъ Островѣ въ Черномъ морѣ, куда его посылали строить маякъ, нашелъ тысячъ 15 монетъ самыхъ древнихъ и множество вещей; за этотъ даръ, сдѣланный имъ Одесскому Обществу Любителей Древностей, получилъ онъ 3000 рублей серебромъ. На этомъ острову былъ, думаютъ, храмъ Ахиллесу, и плаватели, проѣзжая мимо, бросали туда монеты. Онъ и теперь роется и здѣсь и потому у него всякихъ монетъ и штучекъ много. Онъ подарилъ мнѣ двѣ— одну куколку Египетскую, привезенную изъ Египта, а другую Греческую, вырытую въ землѣ на Змѣиномъ Островѣ. Что за работа, что за изящество! Эта крошечная куколка изъ чернаго аспида представляетъ сидящую женщину, закутанную въ покрывало. И какой рѣзкій контрастъ съ безобразіемъ Египетской куколки, изображающей, кажется, Изиду... Я берегу эти куколки самымъ тщательнымъ образомъ; онѣ у меня въ хлопчатой бумагѣ и даже въ ящичкѣ; хоть обѣ не выше вершка; но иногда все раскладываю и вынимаю только затѣмъ, чтобы полюбоваться этимъ живымъ памятникомъ невозвратно минувшаго міра, міра искусства и красоты!... Э-эхъ!...

Въ Пятницу отправился я уже почтовымъ трактомъ въ Новоселицу. Дорога, хотя и ровная, но, по случаю вновь наступившаго теплаго времени, такъ распустилась съ своею липкою грязью, что ѣхать было очень трудно. Но какъ я обрадовался, перейдя отъ Молдаванъ къ Руснакамъ. Здѣсь, въ этой части Хотинскаго уѣзда, большая часть Руснаки, тѣ же, которые живутъ въ Буковинѣ и въ Галиціи; они говорятъ по-русски гораздо чище, чѣмъ Малороссіяне. Они смуглы, худощавы, черноволосы и носятъ длинные волосы, падающіе на плечи; неурожай въ здѣшнемъ уѣздѣ, безпорядокъ управленія крестьянами, ихъ неустроенное положеніе— все это привело ихъ къ крайней бѣдности. Обидно видѣть, какъ за три цѣлковыхъ въ годъ нанимаются они въ услуженіе къ жидамъ, которыхъ тѣмъ не менѣе ругаютъ между

собою при всякомъ случаѣ. На станціи въ Новоселицѣ видѣлъ я цѣлое руснакское семейство одного ямщика, съ которымъ я поѣхалъ. Жена его, молодая женщина, лѣтъ двадцати, русначка, такая красавица, какой я не видалъ еще, проѣхавъ всю Бессарабію. И они живутъ у жидовъ! Разумѣется, я не поскупился на водку и искренно обрадовался, услыхавъ снова русскій языкъ въ устахъ народа. Къ вечеру пріѣхалъ я въ мѣстечко Новоселицу, принадлежащее областному предводителю дворянства, Стурдзѣ. Это чистое, прекрасно обстроенное мѣстечко, съ таможнею, находится въ углу, гдѣ смыкаются три границы: Молдавская, Русская и Австрійская. Одинъ ровъ, въ которомъ бѣжитъ ручеекъ, въ аршинъ ширины, отдѣляетъ Россію отъ Австрійскихъ владѣній. Я остановился въ гостинницѣ у какого то Армянина. Поутру занялся писаніемъ писемъ, а потомъ, осмотрѣвъ магазины, поѣхалъ къ управляющему таможнею, Кишкину, старому холостяку и славному человѣку, къ которому имѣлъ письма изъ Петербурга и отъ Стурдзы.—Я рѣшился здѣсь прожить нѣсколько времени, во-первыхъ, чтобы дождаться возвращенія одного купца изъ за границы, имѣющаго право на свободный проѣздъ, и узнать отъ него, что дѣлается въ Черновцахъ, въ Буковинѣ; вовторыхъ, чтобъ отдохнуть здѣсь нѣсколько отъ безпрестаннаго кочеванья, привести въ порядокъ впечатлѣнія и мысли.—Нынче Вторникъ, и я думаю вечеромъ отправиться дальше по сухой границѣ. Я могу сказать, что я былъ одной ногой въ Австрійскихъ владѣніяхъ. На мосту стоятъ двѣ заставы: одна черножелтая—Австрійская, другая наша. Третьяго дня пріѣхала Австрійская почта, и почтальонъ, отдавая письма, передалъ слухъ, будто назначенъ новый Императоръ, молодой, а старый, сказалъ онъ по-польски, «отблагодаренъ за службу». Нынче узнаю, вѣрно ли это. Сообщеніе оффиціальное здѣсь незначительно; мелкіе торговцы, жиды, ничего порядочнаго и передать не умѣютъ; Руснаки, конечно знаютъ объ облегченіяхъ, сдѣланныхъ въ Галиціи рабочему классу, крестьянамъ, но молчатъ и терпятъ. Здѣсь нѣтъ такой ненависти къ помѣщикамъ, какъ въ Галиціи, гдѣ помѣщики Поляки; однако же и здѣшнее положеніе крестьянъ таково, что надо бы заняться ими. Мнѣ говорилъ одинъ Руснакъ, что тамъ лучше.

Нормальный контрактъ, изданный Правительствомъ для тѣхъ, кто не заключитъ добровольныхъ условій, отнимаетъ у крестьянъ почти всю землю, которою они владѣли по прежнимъ обычаямъ, и оставляетъ имъ самое малое количество. Помѣщики, конечно, и не хотятъ заключать добровольныхъ условій, а требуютъ введенія нормальнаго контракта. Крестьяне же не вѣрятъ, чтобъ это было отъ Государя, а думаютъ, что это все бояре сочинили, и противятся введенію этого контракта. Вмѣстѣ съ тѣмъ имъ дано было оффиціально право перехода, и сначала это было просто переселеніе изъ мѣста въ мѣсто и гулянье по всей Бессарабіи; но нигдѣ не нашли они для себя выгодныхъ условій, а только разорились въ конецъ. Какъ разсуждаютъ здѣшніе помѣщики? Вотъ что говорилъ мнѣ Кишиневскій Окружный Предводитель дворянства Доничъ, очень серьезно: отнимая землю у крестьянъ, мы дѣлаемъ имъ величайшее благодѣяніе: чѣмъ меньше земли, тѣмъ болѣе они будутъ ею дорожить, тѣмъ она цѣннѣе, тѣмъ лучше будутъ ее обработывать!... Но земли имъ дается столько, что и вовсе недостаточно!... Кромѣ всего этого, здѣсь дѣлаются неслыханныя злоупотребленія... Я всячески стараюсь собрать по этому предмету вѣрныя свѣдѣнія, но для этого нужны были бы оффиціальные рессурсы, которыхъ я требовать не въ правѣ... (Какіе однако же скоты эти помѣщики, да и не только въ Бессарабіи, и у насъ въ Россіи!)

Между тѣмъ я продолжаю писать и «Алешку». Вѣдь это въ самомъ дѣлѣ странно. Не писалъ ни строчки съ Іюня мѣсяца, а теперь, при другихъ, важныхъ занятіяхъ, кочуя, пишу безпрестанно урывками то здѣсь, то тамъ, на ночлегахъ! Не знаю, что выйдетъ изъ общаго характера этихъ урывками писанныхъ стиховъ. Трудное мѣсто, о которомъ я Вамъ говорилъ, я кончилъ, и оно вышло хуже, чѣмъ мнѣ хотѣлось; не знаю, передаетъ ли оно вполнѣ то впечатлѣніе, которое нужно. Думаю, не доѣхавъ до Кишинева, кончить совсѣмъ первую часть. *)

*) С. Т. отвѣчаетъ 17 Дек.: „Только повидимому странно, что ты продолжаешь писать „Алешку“; дѣятельная, напряженная, безпокойная жизнь (даже огорчительная) натягиваетъ струны человѣческаго организма, и послушныя духовныя способности возбуждаются. Я испыталъ на себѣ подобныя явленія, что трудно повѣрить“.

Что-то у Васъ дѣлается? Привыкаете ли Вы къ Московской жизни, милый мой Отесинька? Устроились ли Вы, милая Маменька? Пользуйтесь хорошимъ расположенiемъ Гоголя, поддерживайте его, пусть его пишетъ. Не надо, чтобы Константинъ разрушалъ въ немъ всякую вѣру въ искусство... Я вполнѣ раздѣляю взглядъ Константина, а все-таки счастливъ, когда пишу. И часто приходитъ мнѣ въ голову: за что это Богъ далъ мнѣ эту преимущественную способность наслаждаться! Но зато порою бываетъ очень, очень тяжело. И здѣсь находила на меня тоска: мнѣ казалось, что я такъ утомился этимъ постояннымъ наблюденiемъ, которое само, безъ усилiй наблюдаетъ и видитъ все, этимъ знанiемъ людей и механизма жизни. Можетъ-быть, впрочемъ, это было одно физическое утомленiе.

1848 года. Декабря 6-го. Сороки.

Вотъ уже откуда пишу я Вамъ. Кажется, въ послѣднiй разъ я писалъ Вамъ изъ Новоселицы, а въ этотъ промежутокъ времени успѣлъ обогнуть Бессарабiю съ другой стороны и побывать въ Хотинѣ. Изъ Новоселицы выѣхалъ я во Вторникъ, помнится, въ тотъ самый день, въ который отправилъ Вамъ письмо. Помню, что выѣхали мы въ прекраснѣйшую погоду; вечеръ былъ теплый, мягкiй; дорога грязная, это правда, но ровная, луговая; везъ насъ безтолковый Молдаванинъ, а лошади обывательскiя были невообразимо плохи; помню, что стало темнѣть, мы въѣхали въ лѣсокъ, и Никита началъ просить у меня пороху для пистолетовъ, въ чемъ я ему отказалъ, потому что ни пороху, ни пуль не было, да и нужды въ нихъ нѣтъ. Слава Богу, вотъ сколько я проѣхалъ по Россiи безо всякаго оружiя. Все мирно. «Куда это мы заѣхали съ Вами», говорилъ Никита,— воронъ бы сюда костей нашихъ не занесъ!» Опять выѣхали мы въ поле, и все такъ смотрѣло, что, кажется, непремѣнно должна была раздаться русская пѣснь. Она и раздалась. Никита не выдержалъ и запѣлъ безъ моего приглашенiя, вполголоса. Напѣвъ русскiй, но я заставилъ его повторить слова и ужаснулся. Ничего не слыхалъ я безобразнѣе и нелѣпѣе: тутъ есть и распрекрасная Маша, которая грозитъ

пистолетикомъ застрѣлить бѣлую грудь, и распревесчастные мальчишки и прочіе цвѣтки лакейской поэзіи... А я чувствовалъ въ себѣ или, по крайней мѣрѣ, понималъ то же самое вдохновеніе, которое испытываетъ русскій ямщикъ, ѣдущій по степи ночью на тройкѣ, но, разумѣется, лишенъ тѣхъ средствъ, тѣхъ выгодъ, которыми онъ обладаетъ, для выраженія. Такъ досадно и грустно порою становится. Наконецъ поднялся сильный вѣтеръ, совершенно покрывшій небо облаками. Мы сбились съ дороги, плутали при отчаяніи Никиты и при совершеннѣйшемъ моемъ безучастіи, но потомъ снова нашли дорогу и пріѣхали въ Грозенцы, имѣніе подлѣ границы генерала Руперта, гдѣ были встрѣчены головою со всѣмъ штатомъ Волостнаго Правленія и гдѣ отвели намъ для ночлега довольно чистую избу. Тамъ, потолковавъ съ этою мѣстною властью о хлѣбѣ, о магазинахъ, о нормальномъ контрактѣ, о Липованахъ (такъ называются здѣсь раскольники, а иногда и русскіе вообще, потому что большею частью приходящіе сюда русскіе мужики—старообрядцы),—я отпустилъ ее и самъ занялся «Алешкой». Да, я забылъ Вамъ написать то, что мнѣ разсказывалъ Никита: въ Новоселицѣ Руснаки спрашивали его: правда ли, что, говорятъ, у нашего Царя есть бумага отъ Бога и что онъ часто ходитъ къ Богу на небо, и Богъ къ нему ходитъ на землю?—Что же ты отвѣчалъ? спросилъ я Никиту.—Да я имъ отвѣчалъ, что они дураки и что Царь въ такихъ же грѣхахъ ходитъ, какъ и мы. Разумѣется, я одобрилъ этотъ отвѣтъ, но вотъ вамъ образчикъ того, въ какомъ видѣ является имъ ихъ отдаленный повелитель! У Руснаковъ и у Молдаванъ уваженіе къ нему безпредѣльное. Когда положеніемъ 1834 года Бессарабскіе крестьяне объявлены были свободными, съ правомъ перехода и съ обязанностью непремѣнно заключать съ помѣщиками добровольныя письменныя условія и договоры, тогда прежде всего послѣдовало переселеніе народовъ. Каждый захотѣлъ попробовать этого права и производилъ это, разумѣется, не соблюдая никакихъ формальностей, — письменныхъ условій заключать не хотѣли, боясь бумаги, какъ огня, и предлагая одно словесное условіе, по которому многія деревни живутъ и понынѣ, соблюдая его очень честно; но въ большей части имѣній возникли споры, ссоры, и они

никакъ не могли договориться. Тутъ бы слѣдовало поступить согласно мнѣнію Хомякова, т. е. дать посредниковъ, учредить посредническія коммиссіи по обоюдному выбору, но сдѣлано не такъ. Крестьяне говорили: пусть Царь дастъ намъ законъ, какъ быть; какъ онъ скажетъ, тамъ мы и будемъ. Царь и издалъ имъ условіе, какъ норму для тѣхъ, которые не заключатъ условій въ извѣстный срокъ, но они не повѣрили. Увидавъ на печатныхъ контрактахъ подпись покойнаго князя Васильчикова, они утверждаютъ, что это сочинялъ писарь Василька, и не принимаютъ контракта. Но я убѣжденъ, что еслибы Государь имъ лично приказалъ принять его, то они тотчасъ бы и безропотно повиновались, несмотря на стѣснительность этого контракта. Я, впрочемъ, не старался разрушать въ нихъ этого почитанія; напротивъ когда одинъ Руснакъ сталъ мнѣ говорить, что за границей, т. е. въ южной Галиціи и въ Буковинѣ, народъ живетъ лучше, что тамъ «панства не робятъ», что Цесарь, т. е. Австрійскій Императоръ, запретилъ это, — то я ему объяснилъ, что зато у тѣхъ за границей Цесарь басурманъ, а у него Царь православный и ходитъ въ такую же церковь, какъ и онъ. Этотъ же Руснакъ поставилъ меня въ затрудненіе вопросомъ: правда ли, что онъ долженъ платить подати за своихъ трехъ умершихъ братьевъ. Надо было сказать, что правда, что до новой ревизіи платятъ за выбылыхъ и не платятъ за вновь родившихся. Кстати о ревизіи. Правительство теперь въ большомъ затрудненіи. Все требуетъ новой ревизіи: холера и разныя бѣдствія столько истребили народу, что платить подати и отбывать разныя повинности за выбылыхъ становится тяжело; между тѣмъ и Правительству слишкомъ невыгодно въ настоящее время ограничиться податьми только съ наличныхъ душъ, ибо вѣрно прибыли родившихся послѣ ревизіи 1834 года меньше, чѣмъ убыли. — Кажется, я написалъ Вамъ много такого, о чемъ уже говорилъ въ прежнихъ письмахъ, но Вы простите. Или память моя слабѣетъ, или постоянное разнообразіе мѣстъ, лицъ, явленій, занятій сбиваютъ меня съ толку. Я бы, можетъ быть, болѣе бы занимался своевременнымъ писаніемъ къ Вамъ писемъ (т. е. писаніемъ, а не отправкою), еслибъ тутъ не подвернулся «Алешка». — Переночевавъ въ Гроденцахъ,

я на другой день поутру, осмотрѣвъ магазины, продолжалъ свой путь. Подулъ холодный вѣтеръ съ Карпатскихъ горъ и погода сдѣлалась скверною. По сухопутной границѣ часовые стоятъ почти на пять верстъ другъ отъ друга; хотя и есть объѣздчики, но контрабадныя и Липованскія сношенія совершаются безпрепятственно, — Липованскія еще лучше, ибо у нихъ есть своя стража. Въ нынѣшнемъ году письмоводитель Хотинской Городской Думы, обокравъ ее, бѣжалъ со всѣмъ семействомъ къ нимъ за границу и, вѣроятно, будетъ тамъ, въ ихъ Бѣлой Криницѣ, скоро пожалованъ въ Архіереи. Всякій бѣглый каторжникъ, всякій мошенникъ, скрывающійся отъ суда, дѣлается сейчасъ Липованомъ и пользуется всѣми удобствами этого званія. Но переходя туда, русскіе раскольники, какъ мнѣ извѣстно, не ограничиваются однимъ спокойнымъ свободнымъ отправленіемъ своихъ обрядовъ и своего богослуженія. Тамъ, окруженные Нѣмцами, въ землѣ, неравнодушной къ политическому быту, они заражаются этимъ духомъ, доводя свои религіозныя побужденія до значенія политическихъ вопросовъ. Конечно, тутъ виновато само Правительство своими преслѣдованіями. Но скрываясь въ катакомбахъ, Христіанская Церковь была чиста и свята; преслѣдуемые и гонимые, раскольники прибѣгаютъ къ нечистымъ средствамъ и живутъ большею частью развратно. Часто одна свобода совѣсти, не препятствующая наклонности къ этой свободной, не признающей никакихъ условій жизни, удерживаетъ ихъ въ расколѣ. Есть одна секта, называемая Акулиновщина, доходящая въ минуты насильственно производимаго изступленія до неистовыхъ мерзостей; сектанты толкуютъ, что въ эти минуты изступленія они состоятъ внѣ человѣческаго закона, подъ благодатью, при которой никакія дѣйствія ихъ негрѣшны! Каково. Напрасно думаетъ Правительство, отнимая поповъ у Поповщинской секты, обратить ихъ къ соединенію съ Православною Церковью. Правда, я знаю нѣкоторыя семейства, которыя рѣшились обратиться къ православнымъ священникамъ, только чтобъ не жить развратно, но почти всѣ другіе, если не имѣютъ возможности держать у себя тайно попа, становятся безпоповщинцами или хуже, ибо выходцевъ поповъ изъ-за границы почти нѣтъ въ Россіи; они слишкомъ боятся. Какъ

тутъ быть? Предоставить имъ держать поповъ, какъ прежде?—Но русскіе ихъ туземные попы были всѣ или бѣглые священники, или мерзавцы разстриги, которые собственно подлежали преслѣдованію Правительства, но прежде находили какое-то странное допускаемое Правительствомъ убѣжище въ званіи раскольничьяго попа. Допустить имъ свободно пользоваться попами новой заграничной фабрикаціи,—это значитъ возстановить и удержать расколъ, ибо свободное существованіе отдѣльной сектой, съ свободой мысли и убѣжденій, противъ которыхъ не властно ничего сдѣлать Правительство, — просто пріятно, оставивъ въ сторонѣ вопросъ о внутренних убѣжденіяхъ. Доказательствъ много: въ Ригѣ много ихъ, носящихъ, Французскую бороду, несоблюдающихъ постовъ, ходящихъ въ театръ. Къ тому же вліяніе заграничныхъ поповъ—не чисто религіозное, оно имѣетъ въ себѣ уже много политическаго... Я имѣлъ секретное свѣдѣніе, что по Бессарабіи разъѣзжаетъ попъ, но Русскій, изъ Черниговской губерніи, и рѣшился не хлопотать о его преслѣдованіи, хотя онъ, подлецъ, деретъ съ нихъ страшныя деньги за совершеніе обрядовъ. Пусть же онъ ихъ совершитъ, пусть окреститъ дѣтей и обвѣнчаетъ бракомъ безбрачныя четы. Впрочемъ, я поступилъ бы иначе съ выходцемъ изъ за границы; о, эти господа не простые сектанты: они Австрійскіе подданные, обнѣмеченные раскольники! Я всетаки не могу переварить оставленія своей родной земли, ибо не вѣрю строгой искренности ихъ убѣжденій. Терпи гоненія, но живи свято, честно, а они живутъ не такъ. Въ Бессарабію много русскихъ зашло еще со временъ Петра, изъ стрѣльцовъ,—потомъ сюда же и за границу перешло много казачества! Вотъ видите однако, я совсѣмъ сбился въ сторону и написалъ Вамъ много такого, что Вамъ должно хранить въ строжайшемъ секретѣ.

Проѣзжая по границѣ, я предлагалъ Никитѣ бѣжать. Стоитъ перескочить ровъ, въ аршинъ шириною, и онъ уже тамъ... Куда, и слышать не хочетъ. Дорогою я часто входилъ въ положеніе жителей, которые въ Хотинскомъ уѣздѣ особенно бѣдны. Совершенный неурожай и сильная холера постигли ихъ. А магазины полны хлѣбомъ, и хлѣбъ кушаютъ не люди, а мыши! Ссуды хотя и дозволены займомъ, но

производятся съ такими затрудненіями мѣстнымъ начальствомъ, боящимся новой недоимки, что не приносятъ почти никакой пользы. Сколько отъ меня зависѣло, я старался это поправить. Въ Климковцахъ, имѣніи помѣщика Головацкаго, мнѣ принесъ жалобу бѣдный мужикъ, у котораго управляющій помѣщика, также Польскій дворянинъ Боржекъ, загналъ, ѣдучи по помѣщичьей надобности, двухъ лошадей совсѣмъ. Уже мѣсяца два, какъ ни помѣщикъ, ни Боржекъ не хотятъ его удовлетворить. Какъ моя дорога въ Хотинъ шла мимо послѣдняго, то я рѣшился къ нему заѣхать, чтобы убѣдить его. Но всѣ мои убѣжденія остались тщетны! Подлецъ проситъ судебнаго разбирательства, зная, что оно протянется десять лѣтъ, и что въ мірѣ грамотности онъ останется правъ. Въ Хотинѣ я настоялъ, чтобы немедленно занялись этимъ дѣломъ. — Наконецъ, пріѣхалъ я и въ Хотинъ, гдѣ мнѣ отвели довольно чистую квартиру у одной старой вдовы, мужъ которой умеръ года два тому назадъ, и пустой домъ которой отбываетъ эту повинность. Впрочемъ, несмотря на это, я вездѣ платилъ за постой, равно и прогонныя деньги за обывательскихъ лошадей. Послѣднее было жителямъ, кажется, въ совершенную диковинку, и они бросались цѣловать у меня руки и полу платья, по туземному обычаю, не понимая своего права. Однако Министерство не разочло, что я почти столько же долженъ былъ заплатить прогонныхъ денегъ за эти разъѣзды, которыхъ оно, впрочемъ, и сосчитать не могло, — сколько за почтовые тракты... А извощикамъ-то на водку, а на великодушіе!

Хотинъ, вмѣстѣ со всею Бессарабіею присоединенный къ Россіи, былъ прежде знаменитою крѣпостью и теперь также имѣетъ крѣпость. Отъ Турецкой цитадели остались одни развалины; городъ некрасивый,—дома большею частію стары, еще турецкой постройки. Грязь въ это время была непобѣдимая, погода скверная, и я не могъ осмотрѣть его хорошо и по этой самой причинѣ не поѣхалъ и въ Каменецъ-Подольскъ, который всего 20 верстъ отсюда. Не хотѣлъ, правда, и времени терять; мнѣ пуще всего желалось добраться скорѣе до Кишинева. Впрочемъ, я вынужденъ былъ пробыть въ Хотинѣ дня два съ половиной и былъ тамъ у одного городничаго, у котораго нашелъ его пле-

мяпницу, довольно жеманную барышню, которая меня уже давно знаетъ, а я и теперь не знаю ея фамиліи. Она жила въ Астрахани въ то время, когда я былъ тамъ; я же въ Астрахани не былъ знакомъ съ обществомъ; потомъ жила въ Москвѣ и гдѣ то меня видѣла; къ тому же имѣетъ и въ Калугѣ много пріятельницъ. Поболтавши съ ней всякаго вздору, чему, какъ отдохновенію, я былъ очень радъ, я пріобрѣлъ еще свѣдѣніе, что въ Хотинскомъ уѣздѣ барышни не называютъ свинью свиньей, находя это слово неприличнымъ, а вмѣсто этого говорятъ очень нѣжно: «не рогатая». — Въ Хотинѣ кончилъ я 3-го Декабря первую часть своего бродяги. Принялся за вторую, — что Богъ дастъ!... Въ этомъ городѣ городничій и прокуроръ еще порядочные люди, но прочіе чиновники рѣшительные скоты. Я уже описалъ Вамъ мою сцену съ поселянскимъ стряпчимъ, очень меня разстроившую. — Въ Хотинскомъ же уѣздѣ много помѣщиковъ и поссессоровъ Поляковъ, подлыхъ шляхтичей, и они-то вмѣстѣ съ поссессорами Армянами и Греками — сосутъ кровь изъ бѣднаго народа. — Изъ Хотина я опять отправился проселкомъ и на обывательскихъ. Вечеромъ завезли меня въ домъ помѣщика Кондака; его самого не случилось дома, и жена и дочь такъ захлопотались по случаю пріѣзда столь именитаго гостя, что я хотѣлъ бѣжать отъ ихъ гостепріимства. Вотъ скука-то! Жена говоритъ плохо по-русски. Дочь, воспитавшаяся въ Каменецъ-Подольскомъ пансіонѣ, да еще «образцовомъ» (въ губерніи другихъ и не бываетъ), не дурна собою, т. е. хороша только своею семнадцатилѣтнею молодостью; въ пожилыя лѣта обѣщаетъ сдѣлаться очень непріятно-некрасивою. Такъ эта дочь, которая, можетъ быть, и мила въ простомъ домашнемъ быту, нарядившись въ лучшее свое платье и затянувшись въ корсетъ, была невыносимо скучна для гостя, во первыхъ, голоднаго, ибо онъ въ этотъ день не съѣлъ ни куска хлѣба, во вторыхъ, уставшаго отъ подлѣйшей дороги и Молдаванской телѣги. «Да, нѣтъ, скажите какъ! Боже сохрани!» послѣднее вовсе не кстати, когда просто скажешь, что на дворѣ холодно; вотъ весь разговоръ. Отъ нечего дѣлать я попросилъ ее поучить меня Молдаванскому языку и узналъ, что «кумы сатанатэ адулм-

ноль востръ» значитъ: какъ ваше здоровье, а „сара буна“ — добрая ночь! И не понимаютъ люди, что мнѣ пріятнѣе было бы остаться одному. Дочь училась и музыкѣ и рисованью, но, разумѣется, окончивши воспитаніе, теперь не рисуетъ, а книгъ и фортепьянъ — въ домѣ не водится. Предметъ ея желаній—открытіе зимнихъ баловъ въ Хотинѣ, куда они иногда ѣздятъ, и гдѣ въ это время соберется вся офицерская молодежь, которой теперь по границѣ много, можетъ быть, и нашъ Володя Самбурскій, котораго никакъ нигдѣ не могъ отыскать. Какова жизнь тутъ въ деревнѣ! Теперь она одна: братья и сестры воспитываются гдѣ-то внѣ дома. Есть одинъ дядя, слѣпой съ самаго малолѣтства!.. Чуть начинаетъ смеркаться, имъ кажется, что уже ночь. Который часъ? спросилъ я эту дочь. «Не знаю, отвѣчала она, часы наши испортились, а ужъ долженъ быть часъ десятый». На моихъ было всего шесть; я посовѣстился это объявить и подумалъ, что мои часы врутъ, а оказалось впослѣдствіи, что они вѣрны. Наконецъ, поспѣлъ желанный ужинъ, за которымъ эти добрые люди накормили меня жаренымъ гусемъ и за которымъ хозяйка имѣла несчастіе два раза такъ икнуть при гостѣ, какъ я еще никогда не слыхивалъ, однакожъ имѣлъ духъ не показать даже и виду, что слышалъ. Кончился ужинъ, слава Богу. Прощайте, прощайте сара бунь, сара бунь и куконна и дудука! Что же! Къ довершенію всего положили меня спать въ комнатѣ, гдѣ было градусовъ 25 жару, да еще затопили на ночь печь, ибо добрѣйшая хозяйка все изъявляла мнѣ опасенія, что мнѣ будетъ холодно, и не слушала моего разувѣренія; положили спать на какихъ-то пуховикахъ, да на атласныхъ подушкахъ, вѣроятно, хранившихся со времени ихъ свадьбы, — да подъ шелковымъ одѣяломъ. Кончилось тѣмъ, что я въ три часа совершенно проснулся и одѣлся; однако-же не хотѣлъ уѣхать, не сказавъ хозяйкѣ добраго слова. Часа черезъ два она явилась съ дочерью, увѣряя, что всегда такъ рано встаютъ, что не мудрено, когда ложатся въ семь; — я наговорилъ ей съ три короба благодарностей и уѣхалъ. И дѣйствительно, нельзя не быть благодарнымъ отъ души за доброту и радушіе этихъ людей, но гостепріимство это — тягостно. Никитѣ очень понравилась барышня, а мнѣ по-

нравились двѣ Цыганки, которыя прислуживали намъ за ужиномъ. Что это за красавицы, что за глаза, что за стройность безкорсетнаго стана! Онѣ, вмѣстѣ съ мужьями да еще съ пятью душами Цыганъ,—крѣпостные люди хозяйки. Обидно видѣть ихъ крѣпостными.—Отъ души пожелавъ дѣвицѣ Кондакъ мужа, который занялъ бы ее хозяйствомъ по дому и воспитаніемъ дѣтей, тронулся я на обывательскихъ клячахъ дальше и къ обѣду пріѣхалъ въ имѣніе Казиміра, помѣщика, къ брату котораго въ Хотинѣ имѣлъ письмо отъ Стурдзы, но не засталъ его въ городѣ; тамъ осматривалъ магазины и закусилъ у Казиміра, одного изъ лучшихъ людей въ цѣлой Бессарабіи. Взявъ на поссессію одно имѣніе, онъ произвелъ просто революцію въ околодкѣ: всѣ крестьяне хотятъ перейти къ нему, потому что имъ у него льготнѣе. Тутъ же встрѣтилъ я помѣщика Немешевскаго, попечителя магазина и его шурина, котораго уважаю за то, что онъ, рѣшившись поступить совершенно въ противность законному порядку, сдѣлалъ большую пользу жителямъ по магазинной части.—Къ вечеру доплылъ я до Оченицы, состоящей уже на почтовомъ трактѣ, чему я очень обрадовался. Есть возможность ѣхать и шибче и ночью. Богъ съ ними, съ магазинами; осмотрѣлъ я ихъ довольно, чтобы сдѣлать заключеніе о ихъ пользѣ, важности и значеніи въ этомъ краю. Но не тутъ-то было. Почтовыхъ лошадей дома не было, кромѣ ямщиковъ обратныхъ, т. е. долженствующихъ (каково словечко!) воротиться порожнякомъ на ту станцію, куда и я собирался ѣхать. Дѣлать нечего, взялъ обывательскихъ. Отъѣхалъ сто саженъ: стали, ничего не беретъ. Я за ямщиковъ, не хотятъ везти; а у нихъ шесть лошадей хорошихъ и выкормленныхъ. Уступивши моимъ убѣжденіямъ, эти хохлы пригласили меня обождать въ корчмѣ и напиться чаю, пока они изготовятъ лошадей. Я послушался; жидовская корчма была набита народомъ (день былъ воскресный); меня отвели въ особую комнатку, рядомъ, гдѣ я долженъ былъ сдувать со стола остатки лука и чеснока. Извѣстно, что лучшая пища жида — цибули; ото всякаго Еврея и Еврейки такъ и несетъ этимъ запахомъ. Что-же? Ямщики хотѣли улизнуть потихоньку одни, но я приказалъ ихъ поймать, пришли они въ корчму, гдѣ находилась вся

громада, т. е. весь міръ, все сельское общество, и поднялся шумъ и гвалтъ ужаснѣйшій. Наконецъ, я уже выскочилъ, приказалъ имъ всѣмъ молчать, ругнулся, какъ только могъ, и приказалъ этимъ ямщикамъ, объявляя, впрочемъ, что беру на себя всю отвѣтственность и плачу имъ на водку, — такимъ тономъ, что они уже безпрекословно повиновались и благополучно довезли меня до Атаки, имѣнія князя Кантакузена. Это огромное мѣстечко, на берегу Днѣстра, стоитъ противъ Могилева на Днѣстрѣ. Вообще по Днѣстру мѣстоположеніе чрезвычайно красивое; почва земли также плодородна, но очень камениста: цѣлыя скалы дикаго камня. Поутру, 6-го Декабря, я былъ уже въ Сорокахъ, недавно пожалованныхъ въ городъ. Это было мѣстечко, купленное теперь Правительствомъ у помѣщика Катаржи Тамъ провелъ я сутки, остановившись въ заѣздномъ домѣ у одного Еврея; нигдѣ не былъ, кромѣ Ратуши; написалъ Вамъ письмо въ 7-мъ часу, въ 12-мъ полдня поѣхалъ на почтовыхъ въ Бѣльцы, куда и дотащился уже на саняхъ. 6 го Декабря стала здѣсь зима; но санный путь еще весьма плохъ. Я вообще терпѣть не могу зимы и зимней дороги, а здѣсь въ Бессарабіи она еще болѣе неумѣстна; теперь стоятъ такіе сильные морозы, градусовъ въ 17 и болѣе, что отнимаютъ у человѣка всякую способность думать дорогой. Если даже вамъ и не холодно, такъ одно ожерелье заставляетъ держать голову неподвижно, чтобы не коснуться лицомъ этого ледяпаго украшенія. Я стараюсь всегда ѣхать въ крытой повозкѣ, съ будкой, какъ здѣсь говорятъ; къ будкѣ еще привязываю купленную мною въ Москвѣ, по совѣту Александра, кожу, которую и опускаю въ случаѣ дождя, или вѣтра или снѣга. — Бѣльцы, лучшій городъ въ Бессарабіи, послѣ Кишинева, находится въ средоточіи области; здѣсь сходятся всѣ почтовые тракты, существующіе въ Бессарабіи. Городъ торговый, производящій торговлю съ Молдавіей и Австріей, преимущественно волами; но теперь, по случаю воспрещенія торговли скотомъ съ Австріей, всѣ купцы чуть не полопались. Онъ также принадлежитъ помѣщику, фамилію забылъ. Разумѣется, жители очень желаютъ, чтобы казна пріобрѣла его, но помѣщикъ едва ли согласится продать.—Переночевавъ въ Бѣльцахъ, я обѣдалъ

на другой день у здѣшняго Земскаго Начальника Егунова, очень добраго человѣка, который, несмотря на свои скудныя средства, далъ всѣмъ своимъ дѣтямъ хорошее воспитаніе; одинъ изъ сыновей его, кончивъ курсъ въ Московскомъ Университетѣ, идетъ по ученой части и печатаетъ статьи въ Современникѣ о русской торговлѣ. Статей я не читалъ, но, кажется, по разсказамъ, этотъ юноша принадлежитъ совершенно къ сторонѣ Кавелина. У Егунова обѣдали Предводитель Дворянства и нѣкоторые помѣщики, все порядочные люди.—Распростившись съ ними, я поѣхалъ дальше и ночью пріѣхалъ въ Оргѣевъ, также помѣщичій городъ, княгини Гика, гдѣ остановился въ заѣздномъ домѣ. Комната моя была рядомъ съ корчмою, гдѣ въ это время спали человѣкъ 30 жидовъ. Поутру, вставши, они почти всѣ надѣли на себя какія-то бѣлыя съ черными каймами покрывала, на голову навязали какой то ящичекъ и принялись молиться, иногда совершенно закрываясь покрываломъ. Молились довольно долго, каждый отдѣльно, вслухъ, и отъ этого происходилъ страшный непріятный шумъ. Въ Оргѣевѣ пробылъ я недолго и въ тотъ же день отправился въ Кишиневъ, который всего 40 верстъ оттуда. Еслибъ не случилось задержки въ лошадяхъ на станціи, гдѣ я напоилъ чаемъ иззябнувшую экстра-почту,—я бы пріѣхалъ въ Кишиневъ довольно рано, но теперь прибылъ туда уже часовъ въ одиннадцать вечера. Какъ я обрадовался Кишиневу! Хотѣлъ остановиться въ гостинницѣ Никопольскаго—занято! Въ другой—также! Дѣлать нечего, поѣхалъ опять къ тому Нѣмцу, у котораго стоялъ прежде, гдѣ и занялъ номеръ сырой и холодный: топилъ всю ночь; поужиналъ, напился чаю и на другой день ввечеру перешелъ въ другой номеръ, опорожнившійся, сухой и теплый, гдѣ и теперь нахожусь. Итакъ я пріѣхалъ въ Кишиневъ въ Четвергъ, 9-го Декабря.

Прежнее письмо изъ Сороки отъ 7-го Декабря.

Съ этими переѣздами и кочеваньемъ никакъ нельзя попасть ко времени, и Субботу я провелъ въ дорогѣ. Я писалъ Вамъ, кажется, въ послѣдній разъ изъ Новоселицы; съ тѣхъ поръ я, обогнувъ сухую границу Бессарабіи, побывалъ

въ Хотинѣ, а потомъ спустился по Днѣстру въ Сороки. Сейчасъ ѣду въ Ратушу, а послѣ краткой ревизіи сажусь снова въ телѣгу и дальше въ Бѣльцы, куда я просилъ недавно письмомъ Кишиневскаго Почтмейстера—переслать мои письма.—На этой недѣлѣ, впрочемъ, я и самъ буду въ Кишиневѣ. Пора, пора. Но, по всему видно, что я не успѣю воротиться къ Праздникамъ въ Москву, какъ бы ни хотѣлось. Вчера былъ ясный день, и у Васъ, вѣроятно, крѣпкій морозъ,—а здѣсь, напротивъ, тепло и нѣтъ снѣга, только погода очень непостоянна и часто бываютъ теперь дожди, туманы, а хуже всего вѣтеръ. Въ Хотинѣ кончилъ я совсѣмъ первую часть «Бродяги»; только не переписалъ. Не знаю, какъ Вы найдете. Я долженъ былъ по ходу самой поэмы, по живости излагаемыхъ обстоятельствъ, наконецъ откинуть риѳму и заговорить складомъ русской пѣсни. Переходъ не только естественъ, но внутренно логиченъ и необходимъ;—какъ онъ исполненъ и каковы эти речитативы—вотъ вопросъ. Это ужасно трудно. Легче написать пять тысячъ стиховъ риѳмованныхъ, нежели десять стиховъ не риѳмованныхъ. Кромѣ того, въ русскихъ пѣсняхъ есть неправильность въ размѣрѣ, которая однакоже не нарушаетъ вполнѣ размѣра, и уловить эту неправильность, сохранить границы, избѣжать аккуратно отдѣлки позднѣйшихъ пѣсенъ, а между тѣмъ удержать и свой характеръ самобытности, такъ чтобы Ваши стихи не походили на подражанія—вотъ задачи, мудреныя въ исполненіи. Я боюсь, что испортилъ этимъ всю свою поэму, хотя знаю, что при хорошемъ выполненіи это могло бы выйти очень хорошо...—Я теперь немного поразстроился, потому что долженъ былъ сердиться на двухъ чиновниковъ,—и это меня немного сбило, но надѣюсь, сѣвши въ телѣгу, попасть опять на колею и, пользуясь расположеніемъ духа, продолжать поэму, не переписывая, пока не стану совсѣмъ... Все это, впрочемъ, не мѣшаетъ мнѣ заниматься своимъ дѣломъ, осматривать магазины, нюхать хлѣбъ, слушать Евреевъ. Слава Богу, что мнѣ не пришлось ни разу употребить данную мнѣ власть и вообще выйти изъ тѣхъ границъ, переступленіе которыхъ становится тяжкимъ и непріятнымъ. Въ Хотинѣ, предъ самымъ отъѣздомъ, потребовалъ я къ себѣ еще разъ поселянскаго стряпчаго, Коллежскаго Ассес-

сора же, кажется, Харжевскаго, который былъ у меня наканунѣ по дѣламъ три раза. Я хотѣлъ еще разъ поручить его вниманію дѣло одного бѣднаго Царана. Кончилъ, только вдругъ этотъ стряпчій протягиваетъ мнѣ деньги; я сначала не понялъ и спрашиваю: что это?—«На путевыя издержки».—Кому?—«Вамъ». Можете себѣ представить, какъ я взбѣсился. Я прощаю это бѣдному мужику, но чиновникъ, рѣшившійся предложить взятку мнѣ, значитъ самъ деретъ немилосердно. «Вонъ, мерзавецъ»! крикнулъ я что было силы и, вѣроятно, былъ очень страшенъ, потому что стряпчій убѣжалъ вонъ изъ сѣней безъ галошъ и безъ шубы, въ сѣняхъ же былъ Голова и слышалъ, какъ я его выругалъ. Я, впрочемъ, настою, чтобы этому стряпчему велѣно было выдти въ отставку, потому что всѣ его дѣйствія всегда клонились не къ защитѣ, а ко вреду крестьянъ. Эта скотина меня совершенно сбила съ колеи, и я долго не могъ наладиться; здѣсь же долженъ былъ посердиться на Исправника, который не захотѣлъ было явиться ко мнѣ, потому что онъ полковникъ по арміи, а я Коллежскій Ассессоръ, однакожъ я его заставилъ явиться, написавъ ему строгую бумагу съ препровожденіемъ министерскаго открытаго листа, который самъ по себѣ, относительно Земскихъ Полицій, не есть секретъ, ибо въ немъ вообще говорится о всякомъ содѣйствіи.

Суббота, *11-го Декабря 1848 года. Утро.*

Вчера здѣшній хозяинъ, къ которому продолжали носить полученныя безъ меня на мое имя письма, подалъ мнѣ 4 письма. Я обрадовался, думалъ, что всѣ отъ Васъ, — но Вашихъ писемъ было всего два: одно отъ 15-го, другое отъ 22-го Ноября. Посылалъ на почту справиться—нѣтъ ли еще? Говорятъ, что нѣтъ. Вы еще не получали моего письма изъ Одессы и безпокоитесь,—совершенно понапрасну. Слава Богу, что Вы, милый Отесинька, привыкаете хоть тѣломъ къ Московской жизни.

Какъ мнѣ досадно и грустно, что Константинъ хандритъ и ничего не дѣлаетъ! Онъ, которому столько дѣла! „Твой праздный день предъ Богомъ грѣшенъ, душа призванью не

вѣрна!“ Повторяйте ему это. Эхъ, право, гдѣ же у человѣка воля?... Если хандра происходитъ отъ неудовлетвореннаго самолюбія, отъ толчковъ тщеславію, такъ это нехорошо. Если она происходитъ отъ разрушенныхъ надеждъ счастія, отъ убѣгающей милой стороны жизни, полной личныхъ чувствъ и нѣжныхъ ожиданій, — такъ и этому надо покориться. Странные люди! Развѣ можно ожидать отъ жизни счастія, развѣ можно на нее смотрѣть иначе, какъ на широкое горе, какъ на постоянную борьбу? Гдѣ же мужество? Я давно отослалъ къ чорту всѣ нѣжныя требованія сердца и сохранилъ ихъ въ своей памяти только для міра искусства... Если хандра происходитъ отъ религіознаго направленія... О, какъ надо остерегаться тогда этой грѣшной, праздной тоски!

Въ Кишиневѣ, я думаю, мнѣ придется остаться еще недѣлю, и потомъ я отправлюсь почтовымъ трактомъ въ Леово, Кагулъ, Измаилъ, Килію и Аккерманъ, оттуда 35 верстъ до Одессы, гдѣ я захвачу свои рубашки и отправлюсь. Еще не рѣшилъ, какимъ трактомъ. Если ѣхать на Кіевъ, то выйдетъ больше времени, вопервыхъ, верстъ полтораста крюку, вовторыхъ, въ Кіевѣ же надо остаться сколько-нибудь, осмотрѣть его. Но зимой что за смотръ. Трактъ также не дешевле, ибо отъ Одессы до Кіева и за Кіевомъ нѣсколько станцій дольше—берутъ хоть не по три копѣйки серебромъ за версту, но по $2^1/_2$.

Праздники, видно, я проведу гдѣ-нибудь въ кочевкѣ! И Новый годъ встрѣчу также. Что же дѣлать. Это очень скучно и грустно, но иначе нельзя.

1848 года. Декабря 14-го. Вторникъ. Кишиневъ.

Въ росписаніи сказано, что почта отходитъ въ Середу, а въ почтовой Конторѣ говорятъ, что во Вторникъ. Отъ Васъ, милые мои Отесинька и Маменька, я въ это время не получалъ писемъ. Послѣднее Ваше письмо отъ 22 Ноября... Сейчасъ принесли письмо отъ 28-го. Слава Богу! Вы наконецъ получили мое письмо изъ Одессы и нѣсколько успокоились. Все, что говоритъ Коля Карташевскій о климатѣ Бессарабіи—вздоръ. Онъ, конечно, вреденъ для тѣхъ, которые не-

своевременно ѣдятъ фрукты и рыбу, да и то лѣтомъ. Теперь же такое время года, что и фруктовъ нѣтъ, да и испареній также. Несмотря на то, что Бессарабія покрыта виноградниками, здѣсь теперь вы не найдете винограда; почти весь употребляется на вино, которое здѣсь пьютъ, какъ воду.— Цыганка эта,*) про которую, впрочемъ, я не слыхахъ, живетъ, вѣроятно, по дорогѣ отъ Кишинева къ Измайлову. Я не очень люблю этихъ гадальщиковъ, но еслибы увидалъ ее, такъ спросилъ бы. — Это письмо, я думаю, придетъ къ самымъ праздникамъ. Поздравляю Васъ съ ними, поздравляю заранѣе и съ Новымъ годомъ. Были и радость и горе и въ этомъ году; будутъ они неизмѣнной чередой и въ будущемъ, но дай Богъ, чтобъ радости было побольше. — Съ Александромъ Т... я обѣдалъ разъ у О—го, въ Петербургѣ. Онъ, безспорно, человѣкъ хорошій, съ мирной, свѣтлой душой, но не съ свѣтлымъ умомъ. Напримѣръ, что онъ дѣлаетъ: ѣдятъ они съ женой постное и для этого въ постные дни пьютъ шоколадъ, нарочно привезенный изъ Неаполя и, сколько я понялъ, даже выписываемый... Нѣсколько времени его смущало крѣпостное состояніе (а онъ богатъ). Вдругъ вспомнилъ текстъ, вмѣстѣ съ А. О.: рабы повинуйтесь своимъ господамъ, и оба обрадовались и успокоились. Я видѣлъ А. О., тогда сейчасъ послѣ ухода Т—го, и объяснилъ ей, что они напрасно веселятся возможности удержать выгодное для нихъ крѣпостное состояніе; что если вообще предписано покорно сносить голодъ и всякую бѣду, такъ еще не значитъ, что можно не давать ѣсть. Евангеліе, просвѣтивъ совѣсть человѣка, конечно, мало обращаетъ вниманія на видимое его существованіе, нисколько не воспрещая совѣсти согласить это видимое существованіе съ нравственными требованіями. Вотъ какіе это люди! Опасно умничанье въ дѣлѣ душевномъ! А какой человѣкъ, смягченный теплотою Христіанскаго ученія, не почувствуетъ желанія воздать должное и во внѣшнемъ быту братьямъ своимъ о Господѣ! Тутъ надо только слушаться сердца. Впрочемъ, если мои доводы и слабы, что мнѣ до того? Свидѣтель Богъ, что у меня не

---

*) Сергѣй Тим. говорилъ въ письмѣ о какой то Цыганкѣ, гадальщицѣ.

будетъ крѣпостныхъ!..—Я все еще живу въ этомъ скучномъ Кишиневѣ. Признаюсь, ругаю ежедневно Надеждина. Вы не можете себѣ представить, какъ все вѣтрено они сдѣлали въ Министерствѣ. Черезъ мѣсяцъ я бы хотѣлъ быть у Васъ, а пріѣхавши въ Петербургъ объявлю, что отказываюсь заниматься по этой части. Я не могу сочувствовать гоненіямъ, возбужденнымъ Министерствомъ; а вижу, что они не только не принесли пользы, а, напротивъ, сдѣлали ужаснѣйшій вредъ и посѣяли непримиримую вражду къ Православію. Я думаю ограничиться однимъ собраніемъ свѣдѣній, всегда нужныхъ и любопытныхъ, даже для того, чтобы посудить о сдѣланномъ вредѣ, и этимъ закончу свое порученіе.

1848 года. Декабря 18-го. Суббота. Кишиневъ.

Вчера я получилъ письмо отъ Васъ, отъ 6-го Декабря. Какъ я радъ, что письма мои доставляютъ Вамъ такое удовольствіе; но не всѣ послѣдующія письма были велики и удовлетворительны.—Нынче, отправивъ это письмо, отправляюсь въ путь, въ Леово, Кагулъ, Рени, Измаилъ, можетъ быть, Килію и Аккерманъ. Поѣду я почтовымъ трактомъ, буду ѣхать и днемъ и ночью, слѣдовательно предполагаю скоро окончить это путешествіе: всего долѣе останусь я въ Рени и въ Измаилѣ. Я перемѣнилъ планъ и уже не поѣду снова въ Одессу, а изъ Аккермана ворочусь въ Кишиневъ, откуда даже ближе мнѣ выѣхать на Кіевскій трактъ, чѣмъ изъ Одессы.

Вторая часть «Бродяги» дѣйствительно у меня. Я не знаю, какимъ образомъ это случилось, и хотѣлъ было отослать ее къ Вамъ, да раздумалъ; не стоитъ посылать нарочно, а послать съ посылкой, отправленной мною отсюда во Вторникъ,—я забылъ. На этой недѣлѣ я переписалъ и почистилъ окончаніе первой части «Бродяги», написанное здѣсь. Вышло пять съ половиной листовъ. Тутъ являются два новыя лица: старикъ бродяга, тертый калачъ, и барышня. Стихи исполняютъ свое дѣло, пристукиваютъ риѳмами, все какъ слѣдуетъ; но надо обратить вниманіе на то, какъ, хорошо ли выражены эти фигуры, которыя могутъ и не возбуждать большаго сочувствія. Словомъ, такія мѣста, которыя Констан-

тинъ скоро и безъ участія читаетъ, не смотря на то, что они, можетъ быть, въ художественномъ отношеніи стоятъ гораздо выше описаній красотъ природы, а для пишущаго несравненно труднѣе. Впрочемъ, есть и такія мѣста, гдѣ могутъ отдохнуть на звукахъ и онъ и даже Каролина Карловна. Окончаніе же таково (нѣсколько страницъ), что я за него очень боюсь. Тутъ судъ преимущественно принадлежитъ Константину. Это такое мѣсто, что если оно неудачно, его слѣдуетъ безъ церемоній уничтожить. Но я не могу на Васъ вполнѣ положиться, на Ваше безпристрастіе... Въ состояніи ли Вы мнѣ сказать рѣшительно: скверно! и все зачеркнуть перомъ? А я бы хотѣлъ, чтобъ кто-нибудь рѣшился мнѣ это сказать, коли это находитъ.—Въ послѣднемъ Вашемъ письмѣ Вы ничего не пишете о Гоголѣ. Погодинъ съ Шевыревымъ, вѣроятно, имъ овладѣли; но я думаю, съ пріѣздомъ Хомякова будетъ другое. Что онъ сидитъ себѣ въ деревнѣ!

На нынѣшней недѣлѣ я обѣдалъ у Стурдзы, у Хотяева и у Губернатора, который на дняхъ опять пріѣхалъ сюда, т. е. у Ѳедорова... Стурдза, Областной Предводитель, богатый человѣкъ, холостъ, самой странной жизни, живетъ удивительно тихо и уединенно; всегда одинъ въ большомъ домѣ... Онъ человѣкъ не глупый и съ образованіемъ, но флегматикъ. Мы обѣдали только вдвоемъ. Впрочемъ, мнѣ удалось его разшевелить, и онъ съ негодованіемъ говорилъ о Французскомъ и Польскомъ вліяніи, подчинившемъ себѣ молодежь Молдаво-Валахскую. Не знаю, писалъ ли я Вамъ, что у Молдаванъ и Валаховъ славянскія буквы. Меня такъ поразила одна книга, которая напечатана по Славянски. хочу читать и ничего не понимаю. Теперь же вводятъ Латинскую Азбуку и замѣняютъ напримѣръ букву щ четырьмя буквами: schz, на польскій манеръ. Но это едва ли будетъ имѣть успѣхъ, и народъ ропщетъ противъ этого... Государь, говорятъ, прислалъ четыре милліона флориновъ изъ собственныхъ денегъ для раздачи тѣмъ жителямъ Валахіи, которые наиболѣе пострадали отъ этого дурацкаго возмущенія... На этой недѣлѣ я также возился съ Евреями и пускался съ ними въ теологическія пренія... Они указываютъ мнѣ мѣсто

въ Талмудѣ, гдѣ сказано: люби ближняго, какъ самого себя, и даютъ другое толкованіе словамъ Моисея: око за око... Большая часть изъ нихъ смотрятъ на Христа, какъ на реформатора, и полезнаго, но не рѣшаются признавать его божественность; всѣ осуждаютъ Евреевъ Іерусалима, распявшихъ Христа... Удивительный народъ. У него нѣтъ почти другаго образованія, кромѣ знанія Библіи. Всякій Еврей умѣетъ читать по Еврейски и знаетъ Библію. Это и сохранило ихъ въ званіи народа, несмотря на то, что одни изъ нихъ говорятъ по Нѣмецки, другіе по Польски, третьи по Турецки, четвертые по Итальянски!.. Разумѣется, большая часть простыхъ Евреевъ понимаетъ Библію буквально и буквально исполняютъ то, что въ буквальномъ исполненіи не имѣетъ смысла; но учившіеся Евреи уже теряютъ односторонность и исключительность духа. Многіе, очень многіе сдѣлались бы даже Христіанами, но смущаетъ ихъ выгода. Окрестившіеся жиды допускаются въ службу, и, какъ они очень способны, то получаютъ чины и ордена и вообще разныя преимущества, такъ что они рѣдко вѣрятъ искренности перехода въ Христіанскую религію. Какъ тѣсно они между собою связаны! Собственными средствами содержатъ они здѣсь Еврейское училище и превосходную больницу; вообще они очень благотворительны, и къ этому побуждаетъ ихъ даже желаніе показать себя предъ Христіанами, которые, не обращая на это вниманія, продолжаютъ называть ихъ проклятыми жидами, терзать другъ друга и жить совсѣмъ не по Христовымъ заповѣдямъ... Безспорно, впрочемъ, что тягостное историческое положеніе Евреевъ много оподлило ихъ характеръ, обративъ духъ ихъ къ корысти, единственному возмездію, единственной силѣ и власти, которая была имъ доступна. Они показывали мнѣ рѣчь, произнесенную экспромптомъ, какъ увѣряютъ, предъ Товарищемъ Министра Народнаго Просвѣщенія, нѣкоимъ Стерномъ. Тутъ есть одно сильное мѣсто, начинающееся такъ: Мы ужасно оклеветаны!.. На этой недѣлѣ я былъ вечеромъ въ одномъ Еврейскомъ семействѣ, нашелъ здѣсь людей очень образованныхъ, не только мужчинъ, но и дамъ; зимою по вечерамъ у нихъ чтеніе вслухъ, и наканунѣ они только что кончили «Мертвыя

Души». Я, впрочемъ, постоянно сохраняю свое званіе русскаго и Православнаго предъ ними, вовсе не увлекаясь соблазномъ общечеловѣческаго просвѣщенія, потому что, какъ я уже и писалъ, нѣсть Эллинъ, нѣсть Іудей, а есть—не космополитъ,—но христіанинъ... Директоры ихъ училища просили меня записать въ ихъ альбомъ мое посѣщеніе; я отказывался, но дѣлать нечего, состряпалъ маленькое стихотвореніе, для котораго укралъ нѣсколько стиховъ у себя самого, и гдѣ, выражая мысль, что просвѣщеніе вырветъ ихъ изъ подъ власти національныхъ предразсудковъ и приведетъ къ Христіанству, я говорю:

Я думалъ: о, пусть же добромъ разцвѣтетъ
Познанье въ ихъ мягкіе лѣта,
И цѣпь предразсудковъ скорѣй разобьетъ
Свобода другаго Завѣта!

———

Очиститъ Израиль преданья свои
Въ горнилѣ разумной науки,
И снова воздвигнутъ ученье любви
Святые Еврейскіе звуки!
и проч.

Измаилъ. 1848 года; Декабря 22 го. Середа.

Это письмо Вы получите, вѣроятно, уже въ 1849 году.— Въ Субботу, написавши письмо, я отправился въ путь сначала на саняхъ, станціи двѣ, а потомъ въ телѣгѣ. Холодъ страшный; морозы стоятъ градусовъ въ 20 и болѣе, да еще съ вѣтромъ, а снѣга нѣтъ. Въ полночь пріѣхалъ я въ Леово, пограничное мѣстечко, принадлежавшее помѣщику Бальшу, ушедшему теперь за границу, бывшее нѣкогда уѣзднымъ городкомъ, но потомъ разжалованное. Тутъ есть и таможенная и карантинная заставы. Леово теперь набито войсками. Я велѣлъ себя везти въ какой нибудь заѣздный домъ или трактиръ, и меня привезли къ какому-то дряхлому, низенькому дому съ вывѣской: Новооткрытая, *непроходимая* Новороссійская гостинница! Меня встрѣтили половые, со-

вершенно русскіе. Взойдя въ комнату, я нашелъ тамъ цѣлую компанію гусарскихъ офицеровъ какого-то Ахтырскаго полка; они сидѣли за круглымъ столомъ и пили что-то, кажется, глинтвейнъ изъ Молдавскаго вина. Комната, которую указалъ мнѣ хозяинъ для ночлега была такъ холодна и сыра, что я отъ нея отказался. Другой комнаты, кромѣ билльярдной, не было. Я взялъ билльярдную, и какъ спать на узенькихъ лавочкахъ, приставленныхъ къ стѣнамъ, было невозможно, то я рѣшился спать на билльярдѣ. Въ это время подошелъ ко мнѣ одинъ изъ гусаровъ и очень учтиво объяснилъ, что такъ какъ онъ отдалъ свою квартиру полковнику ихъ, только что пріѣхавшему съ молодою женой, то также предполагалъ пріютиться здѣсь на ночь на билльярдѣ, но что это намъ не помѣшаетъ. Я совершенно согласился; гусары прочіе скоро разошлись, и мы съ этимъ офицеромъ легли спать на билльярдѣ, въ противоположныхъ углахъ. Офицеръ, который былъ, какъ говорится, немного *выпивши* и успѣлъ уже подружиться со мною и безконечно полюбить меня за двѣ или три пошлыя остроты, мною ему отпущенныя, сталъ мнѣ разсказывать о своихъ похожденіяхъ и о своей жизни и о томъ, что хоть они и не посвящены въ таинства науки, но у нихъ есть хорошія башки и проч. Долго еще болталъ гусаръ, но я скоро заснулъ... Вотъ жизнь этихъ господъ! Они смертельно скучаютъ отъ совершенной праздности Помѣщиковъ здѣсь мало, поссессоры не гостепріимны, общества никакого нѣтъ; имъ страхъ какъ хочется войны или какого-нибудь движенія; но, къ сожалѣнію, все мирно, и они цѣлый день толпятся въ этой гостинницѣ, открытой по случаю ихъ прибытія, пьютъ, ѣдятъ, курятъ цѣлый день... На другой день, отлично выспавшись на билльярдѣ, осмотрѣлъ я магазины; снова въ путь и пріѣхалъ вечеромъ въ Кагулъ, хорошенькій городокъ, принадлежащій Губернатору Ѳедорову, который купилъ его лѣтъ десять тому назадъ, когда это было простое мѣстечко, а не уѣздный городъ. Тамъ пробылъ я всего часа 4 и, не желая встрѣтиться съ Ѳедоровымъ, котораго туда ожидали и который, вѣроятно въ качествѣ гостепріимнаго хозяина задержалъ бы меня надолго, я въ ночь же уѣхалъ, не смотря на сильнѣйшій морозъ, градусовъ въ 25, съ вызвѣздившимся не-

бомъ. Что можетъ быть непріятнѣе морозовъ въ дорогѣ? Только и заботишься о томъ, чтобы не замерзнуть; всѣ способности цѣпенѣютъ отъ стужи. Къ утру пріѣхалъ я въ Рени и остановился у одного Еврея, съ которымъ познакомился еще въ Кишиневѣ. Рени портовый, заштатный городъ—при Дунаѣ. Я видѣлъ Дунай. Но, увы! Быстрый, широкій Дунай замерзъ отъ холода, и его бѣлая поверхность была не слишкомъ эффектна. Здѣсь онъ шириною съ версту. Несмотря на выгодное положеніе, на удобную пристань, городъ очень бѣденъ, между тѣмъ какъ Галацъ, Исакчи, Браиловъ, лежащіе на другой сторонѣ,—цвѣтутъ торговлей. Этому много причинъ. Вопервыхъ, выгоды, предоставленные, тамошнимъ купцамъ, вовторыхъ, засореніе Килійскаго устья Дуная, что заставляетъ суда идти къ Турецкому устью, также засоренному, но все менѣе Килійскаго. Противоположный Турецкій берегъ, видный изъ Рени, покрытъ лѣсомъ; нашъ же берегъ покрытъ плавнями, т. е. болотами, заросшими камышомъ, лиманами и озерами; впрочемъ, какъ я сказалъ, есть отличныя мѣста и для гавани... Въ этомъ городкѣ, гдѣ я прожилъ сутки, я почти измерзъ отъ стужи. Топятъ камышемъ, но печки скверныя, а на дворѣ морозъ въ 20 градусовъ пронизываетъ насквозь глиняныя стѣнки дома... Вся эта придунайская сторона до Аккермана и дальше называется по Татарски Буржакомъ, т. е. угломъ; по этимъ обширнымъ, плодороднымъ степямъ кочевали прежде Татары, но теперь ихъ нѣтъ вовсе. Эта сторона не носитъ на себѣ молдаванскаго характера; она населена всякимъ сбродомъ, но преимущественно чистыми Русскими, Малороссіянами, казаками, Некрасовцами, Болгарами, которыхъ здѣсь до 80-ти тысячъ. Когда изданъ былъ манифестъ о дозволеніи безнаказанно возвращаться русскимъ бѣглымъ въ Россію (дѣйствіе этого манифеста теперь прекращено), то явилось нѣсколько тысячъ Турецкихъ подданныхъ русскаго происхожденія. Здѣсь есть двѣ слободы, населенныя Некрасовцами, казаками, преслѣдовавшимися, кажется, при Аннѣ Ивановнѣ, и другими Русскими, зашедшими въ Турцію со временъ Петра. Впрочемъ, и теперь переходы совершаются часто особенно со стороны Малороссіянъ. Надоѣла ему жинка, онъ уходитъ туда и женится на другой; иногда жена (какъ это случи-

лось недавно) бросаетъ мужа и выходитъ тамъ замужъ. Русскіе бѣглые тамъ нуждаются въ русскихъ женщинахъ, предпочитая жениться на русскихъ. Есть тамъ промышленники, которые ходятъ по Россіи, вербуютъ дѣвокъ и бабъ, недовольныхъ своими мужьями, перевозятъ ихъ тайно и распродаютъ ихъ тамъ за дорогую цѣну. Дерзость этихъ перевозчиковъ—неслыханная. Однажды пограничная стража какъ-то узнала, что въ нынѣшнюю ночь будутъ лодки съ того берега для принятія бѣглыхъ. Надо было дать знать имъ о предстоящей опасности; но людей этихъ стерегутъ на этомъ берегѣ. Тогда одинъ изъ здѣшнихъ перевозчиковъ бросаетъ огонь на камышевый домикъ кордонной стражи, пламя вспыхиваетъ, и на противоположномъ берегу поняли этотъ сигналъ Впрочемъ, не всѣмъ бѣглымъ хорошо за границей. Нѣкоторые изъ нихъ добровольно являются къ русскому Консулу и просятъ возвращенія. За то, года съ два или три тому назадъ, бѣжало туда съ постовъ своихъ множество солдатъ и казаковъ... Кажется, всѣ элементы казачества живутъ еще здѣсь, на берегахъ Дуная, и враги Россіи это поняли очень хорошо. Ну, да объ этомъ послѣ... Некрасовцы, живущіе здѣсь, имѣютъ, впрочемъ, со времени Турецкой Кампаніи, разныя привиллегіи, пожалованныя имъ Государемъ. Именно—у нихъ есть попъ раскольничій и церковь съ колоколами.

Изъ Рени я отправился въ Измаилъ, но не почтовою дорогой, а низомъ, чрезъ замерзшіе лиманы, по льду. Это пространство, верстъ въ 50, проѣхалъ я съ одной упряжкой, не кормя. Лошади здѣсь хорошія и ямщики лихіе. Вчера вечеромъ пріѣхалъ я въ Измаилъ, главный городъ Градоначальства. Городокъ очень красивый и торговый, а могъ бы быть еще богаче, еслибы очистили Дунайскій фарватеръ. Теперь стою въ гостинницѣ, лучшей, нежели въ Кишиневѣ; вчера видѣлся съ Полиціймейстеромъ, теперь отправляюсь въ Думу и намѣренъ нынче же выѣхать въ Килію...

Кишиневъ, 27-го Декабря 1848 года.

Хочу досказать по порядку Вамъ свое путешествіе. Я довелъ его, помню, до Измаила, откуда и послалъ къ Вамъ

письмо. Въ Измаилъ я пріѣхалъ низомъ, т. е. цѣликомъ, по замерзшему льду разныхъ лимановъ и рукавовъ Дуная и такимъ образомъ вмѣсто 90 верстъ сдѣлалъ едва ли больше 50.—Измаилъ славный городокъ, выстроенный, правда, по плану; но эта правильность какъ-то пріятно поражаетъ ваши глаза, утомленные совершенно безсмысленнымъ видомъ городовъ и деревень, гдѣ дома раскинуты врозь, гдѣ не видать связующаго начала, нѣтъ улицы, и каждый домикъ совершенно самъ по себѣ, даже не становится въ рядъ съ прочими своими собратьями... Этотъ городъ, повторяю, могъ бы быть въ милліонъ разъ богаче, еслибъ хоть немного почистили фарватеръ Измаильскаго или Килійскаго рукава Дуная, лучшаго изо всѣхъ прочихъ рукавовъ. Здѣшнее купечество вызвалось сдѣлать это на свой счетъ, прося только заимообразно пособія отъ казны,—но пошла переписка, неоконченная и до сихъ поръ, и дѣло стоитъ Говорятъ, что Воронцовъ боится повредить этимъ торговлѣ Одессы и вообще всего Крыма, который лелѣетъ онъ какъ игрушку, какъ любимое дѣтище... Въ Измаилѣ познакомился я съ полиціймейстеромъ, Подполковникомъ Фонъ-Чуди. Онъ родомъ швейцарецъ, служилъ нѣкогда (онъ началъ службу съ десяти лѣтъ) въ арміи Жерома Бонапарта противъ Русскихъ, а въ 1819 году перешелъ въ русскую службу. Онъ умный и честный человѣкъ и пользуется большимъ уваженіемъ даже у раскольниковъ... Это честный наемникъ, у котораго чувство долга, обязанности замѣняетъ жаркія побужденія, внушаемыя любовью къ своей землѣ и духовнымъ родствомъ съ нею...

Этотъ постъ, всегда значительный, въ настоящее время пріобрѣлъ еще большую важность Измаилъ, можно сказать, столица Буджака. Когда Татары, кочевавшіе по этимъ степямъ, оставили Буджакъ, съ присоединеніемъ края къ Россіи, то эта пустынная сторона быстро населилась русскими всякаго рода, выходцами изъ Турціи, бѣглыми изъ Россіи, осѣдло поселившимися здѣсь Малороссійскими бродягами, напоминающими прежнихъ Запорожцевъ. Здѣсь вы почти не встрѣтите Молдаванъ; всюду увидите вы умныя, бодрыя лица, могучія осанки русскихъ людей; всюду услышите вы чистый русскій языкъ. Однихъ Некрасовцевъ, живущихъ въ предмѣстіяхъ Измаила,—болѣе 2500. Въ самомъ же городѣ

купечество состоитъ изъ Грековъ и отчасти Русскихъ, Армянъ и Евреевъ. Русскіе здѣсь, можно сказать, почти всѣ старообрядцы, имѣющіе тайныя сношенія съ Сераксемъ, Старою Славою, Журиловкою, Каменною и другими русскими деревнями по ту сторону Дуная, въ Турціи, гдѣ свободно ихъ вѣроисповѣданіе и гдѣ теперь живетъ «Новое Духовенство», какъ они выражаются. Я говорилъ съ однимъ изъ умнѣйшихъ между Некрасовцами стариковъ, прямо, откровенно, и онъ мнѣ сообщилъ много драгоцѣнныхъ извѣстій. Некрасовцы не отуречились, хотя бытъ и языкъ Турціи имъ хорошо знакомы. Тѣ, которыхъ удалило туда одно религіозное убѣжденіе, — при малѣйшей свободѣ въ этомъ отношеніи, воротились бы съ радостью въ Россію; но не должно смѣшивать ихъ съ Малороссіянами и другими бѣглыми, Казаками и Запорожцами, перешедшими туда. Можно также быть увѣрену, что при дальнѣйшемъ стѣсненіи вѣры всѣ переправятся за границу... Надобно было бы долѣе остаться въ Буджакѣ, и еслибъ я зналъ прежде все его значеніе, такъ вмѣсто Молдаванской верхней части Бессарабіи посвятилъ бы все потраченное здѣсь время здѣшнему краю. Но связанный порученіемъ оффиціальнымъ, я не могъ оставаться болѣе; было уже 21-е число; съ 24-го нельзя ревизовать; къ тому же нельзя даже и опредѣлить, сколько бы времени мнѣ было нужно продолжить тамъ свое пребываніе, и потому вечеромъ во Вторникъ я отправился дальше. Еще нѣсколько словъ объ Измаилѣ... Говорятъ, климатъ здѣсь лѣтомъ нездоровъ, и много страдаютъ отъ лихорадокъ. Лѣса нѣтъ и топятъ все камышемъ; вообще вся сторона безлѣсная, покрытая лиманами и степями, которыя однакоже по недостатку рукъ и по большей выгодѣ, доставляемой другими промыслами, мало обработываются, исключая земель, принадлежащихъ Болгарскимъ колоніямъ. Въ этой сторонѣ много земель роздано было нашимъ тузамъ; кажется, у одного Бенкендорфа здѣсь было 30 тысячъ десятинъ. Съ тѣхъ поръ земля вздорожала, и эти степи безъ обработки даютъ большой доходъ сѣномъ и пастьбою мериносовъ. Хотя край этотъ и очень населился со времени пріобрѣтенія, но тѣмъ не менѣе и теперь вы можете проѣхать 30, 40 верстъ, не встрѣтивъ ни одной деревни. Буд-

какъ имѣетъ даже свои соляныя озера и превосходный виноградъ, но послѣдній находится ближе къ Аккерману. Измаилъ снабженъ крѣпостью, Генералитетомъ, гарнизономъ, усиленнымъ теперь до 9 тысячъ человѣкъ, дунайскою флотиліею и двумя «образцовыми пансіонами». Во Вторникъ я обѣдалъ у Фонъ-Чуди. Жена его, урожденная Трансильванка, разсказывала мнѣ извѣстія, сообщенныя ей изъ Трансильваніи ея матерью, именно о внезапномъ вторженіи Венгерцевъ, объ ужасахъ, ими сдѣланныхъ, о страхѣ жителей, наконецъ о вступленіи войскъ Австрійскихъ и о приближеніи Русскихъ и Турецкихъ. Это все можно знать и изъ газетъ, но извѣстіе, такимъ образомъ переданное, гораздо живѣе, и тѣмъ ощутительнѣе благо спокойствія здѣсь — для тѣхъ въ особенности, которые имѣютъ причины безпокоиться о своихъ близкихъ за границею.

Изъ Измаила въ Килію оправился я также низомъ и тѣмъ выигралъ опять верстъ 40. Еслибъ я ѣхалъ почтовымъ трактомъ, то былъ бы въ Болградѣ, главной Болгарской колоніи, но я пожертвовалъ этимъ для ускоренія пути. Впрочемъ, через нѣкоторыя Болгарскія колоніи я проѣзжалъ. Чистота, порядокъ, отдѣлка, правильное размѣщеніе и главное довольство, даже изобиліе поражаютъ васъ невольно. У нихъ есть огромные капиталы. Въ нынѣшнемъ году они много пожертвовали Правительству, даже что-то болѣе, чѣмъ все Бессарабское дворянство. Иные утверждаютъ и даже люди, достойные вѣры, что пожертвованіе сопровождалось большимъ энтузіазмомъ; другіе, больше скептики, говорятъ, что Начальникъ колоніи, объѣзжая ихъ самъ, принуждалъ жертвовать. Кто ихъ знаетъ!.. Я впрочемъ, готовъ легко предположить и энтузіазмъ со стороны Болгаръ. Здѣсь Россія является и своимъ правительственнымъ блескомъ; здѣсь, въ Бессарабіи, никто и не говоритъ про Москву, немногіе и бывали въ ней, а все тянетъ къ Петербургу, куда и трактъ лежитъ прямо черезъ Бѣлоруссію. А знаете ли Вы, что эти пожертвованія, значеніе которыхъ намъ хорошо извѣстно, эти глупыя и подлыя пожертвованія имѣли благодѣтельное дѣйствіе за границею и, являясь въ совокупности какъ бы общимъ кликомъ, общимъ выраженіемъ всей Россіи, изуми-

ли, испугали, обезнадежили нашихъ недоброжелателей въ Европѣ!..

Въ Килію я пріѣхалъ въ полночь и, не желая безпокоить мѣстныя власти отводомъ квартиры, остановился у какого-то Грека въ заѣздномъ домѣ. На дворѣ морозъ былъ страшный. Я забылъ Вамъ сказать, кажется, что черезъ двѣ станціи отъ Кишинева я бросилъ сани и путешествовалъ въ телегѣ или, какъ ее здѣсь величаютъ, въ бричкѣ... Несмотря на позднее время я приказалъ затопить печь, потому что въ комнатѣ было, по обыкновенію, сильно холодно... Килія крѣпость и городокъ. Крѣпость я не осматривалъ и потому ничего объ ней сказать не могу; но городокъ, раскинутый на семь верстъ, хуже всякой порядочной деревни. Одиноко стоитъ на площади соборъ казенной архитектуры, недавно выстроенный, только въ компаніи съ домомъ Присутственныхъ мѣстъ. Я чуть не замерзъ въ Ратушѣ и, торопясь, составивши три или четыре вѣдомости, бѣгло осмотрѣвъ дѣла, отказавшись отъ гостепріимства Городничаго, — въ полдень выѣхалъ въ Вилково, верстахъ въ 40 отъ Киліи

Это одно изъ самыхъ замѣчательныхъ мѣстъ въ Бессарабіи... Эта деревня, а нынче посадъ, лежитъ верстахъ въ 12 отъ самаго моря, при одномъ изъ устьевъ Дуная. Лѣтомъ слышится здѣсь шумъ моря. Верстахъ въ пяти, не доѣзжая Вилкова — находится Базарчукъ, мѣсто преимущественной рыбной ловли, гдѣ стоятъ два откупщичьихъ дома... Земля, окружающая Вилково, больше песчаная; берега Дуная покрыты камышомъ въ изобиліи. Эта деревня существовала еще при турецкомъ владычествѣ. Когда зашли сюда Вилковцы,— они не помнятъ. Душъ всего 578. Общество дѣлится на Малороссійское и Великороссійское, или на православное и старообрядческое; подъ именемъ Великороссіянъ разумѣются здѣсь одни раскольники. И тѣ и другіе живутъ между собою согласно, раздѣляя, впрочемъ, посадъ какъ бы на двѣ части въ отношеніи своего размѣщенія. У Малороссіянъ православная церковь, гдѣ каждое Воскресенье отправляется богослуженіе; у Великороссіянъ—также стоитъ церковь, но пустая; по Воскресеньямъ также зажигаютъ свѣчи и собирается народъ, но священника нѣтъ и некому совершать таин-

ства.. У Малороссіянъ часто бываютъ пирушки по случаю крестинъ; въ Мясоѣдъ раздаются веселыя свадебныя пѣсни; у Великороссіянъ малыя дѣти бродятъ некрещенныя, не раздаются свадебныя пѣсни, молодыя четы живутъ не вѣнчанныя, съ тягостнымъ чувствомъ своего положенія; если и совершаются браки, такъ вдали отъ родительскаго крова, тайно, ночью... Здѣшніе Малороссіяне подбородковъ не брѣютъ, но сохранили отчасти свое нарѣчіе. Великороссіяне говорятъ самымъ чистымъ русскимъ языкомъ, какимъ не вездѣ говорятъ даже около Москвы. Что за народъ эти Великорусскіе Вилковцы! Всѣ молодцы, у всѣхъ умныя лица, но всѣ какъ-то важны, степенны, грустны; ходятъ они въ русскомъ платьѣ, женщины (а какія славныя женщины!) въ сарафанахъ. Одно заняли они у здѣшнихъ жителей, или, лучше сказать, не они, а жены: чистоту и опрятность въ хатахъ, которыя, также какъ Молдаванскія, дѣлаются изъ камыша съ глиной и вымазываются бѣлою известью какъ снаружи, такъ и внутри... Вообще видно вліяніе вкуса южныхъ женщинъ на женщинъ Вилкова...

Когда я пріѣхалъ въ Вилковъ, гдѣ долженъ былъ осмотрѣть Ратушу, учрежденную, вмѣстѣ съ посадомъ, лѣтъ семь тому назадъ, то къ счастію моему Полицейскаго, чиновника, управляющаго посадомъ и всѣми селеніями Измаильскаго градоначальства, не было дома, и десятскій отвелъ мнѣ квартиру у хозяина раскольника. По случаю наступающаго праздника хата была убрана и приведена въ порядокъ; все было чисто и опрятно. Красивыя полотенца развѣшаны по стѣнамъ; бѣлая печь обведена каймою изъ бурой глины... Хозяинъ смиренно встрѣтилъ меня, женщины — видимо неохотно. Но скоро все неудовольствіе ихъ разрушилось. Я спросилъ позволенія курить, хозяинъ позволилъ, но я не сталъ курить, даже запретилъ также курить Никитѣ и вообще въ продолженіе всего этого времени выкурилъ только пол-сигары и то на морозѣ. Это чрезвычайно какъ разнѣжило сердца старообрядцевъ. Они всѣ единодушно потомъ благодарили меня... Признаюсь, мнѣ было такъ пріятно видѣть русскихъ людей, что я былъ дѣйствительно въ самомъ привѣтномъ расположеніи духа. По пріѣздѣ я немедленно отправился въ Ратушу, помѣщавшуюся въ про-

стомъ крестьянскомъ домѣ. За отставленіемъ Головы отъ службы, должность его правилъ Ратманъ, молодой старообрядецъ, умный и расторопный. Съ первыхъ словъ онъ понялъ, что имѣлъ дѣло съ человѣкомъ не казеннымъ, да еще русскимъ. Я подробно и съ участіемъ искреннимъ, разумѣется, распрашивалъ о ихъ бытѣ, о ихъ отношеніяхъ, какъ старообрядцевъ, къ прочему обществу, обнаружилъ прямо желаніе знать побольше о ихъ религіозныхъ мнѣніяхъ. Скоро вся комната наполнилась раскольниками. Прежде всего разсказали они мнѣ свое положеніе, что потомъ повѣрилось мною и по бумажнымъ фактамъ... Эта деревня была прежде очень богата. Другаго промысла, кромѣ рыболовнаго, у нихъ не было. За то и рыба была дешева и икра стоила копѣекъ сорокъ ассигнаціями за фунтъ. Вода—ихъ стихія. Они отваживаются на лодкахъ въ море во всякую погоду и вообще дѣлаютъ такія вещи на водѣ, о которыхъ не посмѣетъ думать ни одинъ матросъ; устья и рукава Дуная имъ хорошо знакомы, и въ Турецкую кампанію они добровольно на лодкахъ перевозили артиллерійскія тяжести и употреблялись какъ самые лучшіе кормчіе для плаванія по Дунаю... Люди, имѣющіе дѣло съ моремъ, съ этою вольною стихіею, имѣютъ и духъ вольный...

Подъ Турецкимъ владычествомъ они отдѣлывались отъ Паши податью однообразною, рыбою, имѣли попа и были свободны. Хорошо было имъ и въ первое время послѣ присоединенія. Прибавились подати... Нужды нѣтъ!... Наконецъ уничтожили церкви, отняли колокола. Много убѣжало. А убѣжать ничего не стоитъ! Пошелъ ловить рыбу на Георгіевскій островъ, сѣлъ въ лодку, и кто догонитъ его въ морѣ? потомъ приставалъ къ Турецкому берегу, гдѣ встрѣчалъ своихъ единовѣрцевъ. Наконецъ, къ довершенію всего, ихъ Вилковское устье отдано было на откупъ (лѣтъ восемь тому назадъ); имъ запрещено было ловить рыбу иначе, какъ въ пользу откупщика. Опасались волненія; его не было, было только нѣсколько новыхъ побѣговъ... Тогда, по случаю переселенія въ Бессарабію казенныхъ крестьянъ изъ Россіи, Вилковцы предложили Правительству взять себѣ принадлежавшія имъ, Вилковцамъ, 5 тысячъ десятинъ земли, которую они, какъ рыболовы, вовсе не обработывали, про-

сили приписать ихъ въ мѣщанство, объясняя, что ихъ промыслъ — рыболовство, и думая такимъ образомъ заставить Правительство упрочить за ними этотъ промыслъ и возвратить имъ воды.—Землю взяли, но водъ не отдали; въ мѣщане приписали, учредивъ посадъ и Ратушу... Тогда Воронцовъ, который, должно отдать ему справедливость, любилъ и уважалъ Вилковцевъ и долго боролся за нихъ съ Министерствомъ Финансовъ,—принялся снова сильно ходатайствовать за нихъ. Онъ писалъ, что это народъ полезный Государству и важный въ политическомъ отношеніи, и, согласно его мнѣнію, Сенатъ приказалъ возвратить имъ всѣ воды, прилегающія къ ихъ посаду по окончаніи срока откупному контракту. До этого же времени Воронцовъ исходатайствовалъ имъ позволеніе ловить на Георгіевскомъ островѣ, за карантиномъ. Кончился срокъ контракту; Палата Государственныхъ Имуществъ, воспользовавшись нѣсколько темными выраженіями Сенатскаго указа, отмежевала имъ воды такъ, что это скорѣе похоже на насмѣшку. Имъ оставили такую часть воды, гдѣ вовсе и не водится рыба. Воронцовъ былъ отозванъ на Кавказъ,—остальныя воды съ водами Георгіевскаго острова были отданы вновь на откупъ, и кому же еще—Еврею, который платитъ имъ по 50 копѣекъ серебромъ съ пуда наловленной рыбы и дѣлаетъ разныя мелкія притѣсненія... Они вновь обратились къ Воронцову, который съ Кавказа отвѣчалъ имъ письменно, что продолжаетъ принимать въ ихъ дѣлѣ живое участіе и готовъ ходатайствовать, но приказалъ Ѳедорову войти сначала въ ближайшее соображеніе этого предмета... Но Ѳедоровъ труситъ Петербурга и, кажется, не рѣшается поддержать этого ходатайства... Вилковцы въ постоянномъ ожиданіи, но время проходитъ, а вода все за откупщикомъ... Всѣ они смотрятъ такъ, что при новомъ рѣшительномъ отказѣ Правительства готовы всѣмъ селеніемъ, съ женами и съ дѣтьми подняться въ море на лодкахъ и въ виду всѣхъ, и чиновника, и безсильной пограничной стражи уплыть далеко отъ Россіи, къ другимъ, чуждымъ, но болѣе благопріятнымъ берегамъ, уплыть для того, чтобы усилить расколъ за границей, чтобы увеличить тамъ число добровольныхъ изгнанниковъ, негодующихъ на Россію, чтобы послужить новымъ свидѣтельствомъ

нашего внутренняго разъединенія, чтобы образовать тамъ новую силу, враждебную намъ... А между тѣмъ покуда они ведутъ себя удивительно хорошо. Никто не замѣчается ни въ буйствѣ, ни въ пьянствѣ. Это подтвердилъ мнѣ самъ начальникъ здѣшній, питающій къ нимъ вообще совершенное презрѣніе.

Изъ Ратуши воротившись домой, я недолго оставался одинъ. Скоро опять явились они, а кто не помѣстился въ комнатѣ, тотъ стоялъ на дворѣ... Я предупредилъ ихъ однако, что болѣе спрашиваю изъ личнаго участія, что я чиновникъ не большой, не могу имъ ничего обѣщать, но что съ моей стороны я готовъ только высказать Министру, если удастся, все, что видѣлъ и слышалъ... «Конечно, говорили они между прочимъ, не хотѣлось бы намъ, какъ нѣкоторые изъ нашихъ, оставлять мѣста, гдѣ жили и погребены наши отцы, все ужъ какъ-то не приходится покидать свою родину, да и все надѣешься»... Эти недоконченныя фразы, съ затаенной угрозой—много говорятъ... «А что, ребята, спросилъ я ихъ вдругъ, признаете вы Журиловскаго Архіерея?» —Признаемъ, отвѣчали они, также въ расплохъ... Тутъ пустился я съ ними толковать объ этой новой заграничной іерархіи... Имъ все извѣстно, до самыхъ малѣйшихъ подробностей, но они всетаки неохотно говорятъ объ этомъ; впрочемъ, надо сказать и то, что теперь, не имѣя свободы промысла, они рѣже имѣютъ сообщенія съ заграничными раскольниками. Замѣтивъ также, что я нѣсколько нападаю на этихъ іерарховъ новой австрійско-іезуитской фабрикаціи, они стали мяться и говорить, что нѣкоторые признаютъ, нѣкоторые нѣтъ... Разговору нашему помѣшалъ здѣшній Начальникъ, чиновникъ Кобзаревъ, которому дали знать о моемъ пріѣздѣ, и который счелъ своею обязанностью и учтивостью постоянно держать мнѣ компанію посреди «этого грубаго народа, употребляющаго во зло мою снисходительность», тѣмъ болѣе, что онъ увидалъ, какая густая толпа окружаетъ хату. . Я не могъ не подивиться кротости старообрядцевъ въ отношеніи этого чиновника, который самъ обходится съ ними грубо, дерзко и оскорбляетъ ихъ шуточками. «Что, чай некрещенный», сказалъ онъ со смѣхомъ, обращаясь къ одной молодой женщинѣ, стоявшей тутъ съ ребенкомъ!.. «Благодаримъ за ла-

ску», сказала она, отходя отъ него. Я замѣтилъ ему, что эти шутки неприличны, но онъ не понялъ и выпучилъ на меня глаза. Скотина! Онъ пустился было также въ споръ съ раскольниками и при этомъ обнаружилъ такое невѣжество, что мнѣ стало совѣстно,—но они промолчали, только въ заднихъ рядахъ показалась усмѣшка. Я тоже рисковалъ обнаружить невѣжество, еслибъ не держался болѣе общихъ вопросовъ. Не желая продолжать разговора при Кобзаревѣ, видя, что отъ него не отдѣлаешься, что при дальнѣйшихъ настоятельныхъ распросахъ я могу только возбудить неумѣстное даже подозрѣніе какъ въ раскольникахъ, такъ и въ Кобзаревѣ, не понимавшемъ, что за охота мнѣ толковать съ этимъ народомъ,—зная наконецъ, что отдѣльное лицо безъ совѣта съ обществомъ едва-ли рѣшится мнѣ что-либо обнаружить еще, — что на другой день, въ Сочельникъ, нельзя по настоящему и ревизовать,—я прекратилъ разговоръ и дружески простился съ ними... «Ну вотъ, говорилъ я имъ, кажется, мы добрые люди, я, какъ сами видите, принимаю въ васъ самое искреннее участіе, пріятно было намъ бесѣдовать, а уѣду я, такъ хозяинъ и хозяйка станутъ, пожалуй, и лавку обмывать и духъ мой выкуривать, какъ послѣ Татарина; вѣдь это очень больно и грустно!..»—Нѣтъ, закричали они, сохрани Богъ, мы этого не дѣлаемъ, мы только дѣлаетъ это послѣ Жидовъ, послѣ Армянъ... Отчего-же послѣ Армянъ? спросилъ я. Извѣстное дѣло, отвѣчалъ одинъ, Армяне народъ нечистоплотный;—Армяне хуже поганства, перервалъ другой... Они и всѣхъ вселенскихъ соборовъ не признаютъ... Но я поспѣшилъ уѣхать, не желая разстроивать впечатлѣнія, произведеннаго на меня Вилковымъ, слышаніемъ подобныхъ вещей, возбуждавшихъ сильный хохотъ со стороны Кобзарева.

Да, я забылъ сказать, что откупщикъ платилъ казнѣ за Вилковъ или Вилково слишкомъ 8 тысячъ рублей серебромъ въ годъ, а за всѣ устья Дуная, — включая и Вилковское, тысячъ до 20 серебромъ. И эта ничтожная сумма для казны предпочитается обогащенію самихъ жителей!.. Думалъ я также купить себѣ въ Вилковѣ свѣжей икры. Мнѣ сказали, что вся икра уже отправлена откупщикомъ въ Варшаву (обыкновенное мѣсто сбыта ея въ здѣшнемъ краѣ); однако

постараются достать. И дѣйствительно Вилковцы принесли мнѣ боченокъ зернистой икры, фунтовъ въ 20, и не хотѣли брать денегъ, предлагая мнѣ это отъ имени общества; но я, разумѣется, заставилъ ихъ принять деньги, заплативъ имъ настоящую цѣну, т. е. ту, которую они мнѣ сами объявили прежде, когда я распрашивалъ ихъ о цѣнахъ на разные продукты. Впрочемъ, икра не хороша

Изъ Вилкова отправился я часовъ въ семь вечера проселкомъ, желая выбраться на почтовую дорогу. На дворѣ былъ морозъ довольно умѣренный, несмотря на ясное, вызвѣздившееся небо. Дорога шла сначала «по-надъ Дунай», какъ они говорятъ, между камышемъ, вышиною до полуторы сажени. Если-бы кому вздумалось ограбить меня, то нельзя было бы найти удобнѣе мѣста. Въ Жабріенахъ, верстахъ въ 15 отъ Вилкова и полторы отъ моря, также раскольничьемъ селеніи, но не столько важномъ,—перемѣнилъ я лошадей, взялъ другихъ изъ земской почты, т. е. изъ обывательскихъ, которыя, проскакавъ 35 верстъ въ два съ половиною часа, домчали меня уже ночью въ Татаръ-Бунаръ, почтовую станцію. Въ Жабріенахъ во время смѣны я также заходилъ въ комнату къ раскольнику, содержателю земской почты, жившему, впрочемъ, въ особой половинѣ. «Можно курить?» спросилъ я двухъ бабъ, вошедшихъ за чѣмъ-то въ комнату. «На дворѣ можно», отвѣчали они, смѣясь, но видя, что я и въ самомъ дѣлѣ положилъ сигары въ сторону, прибавили, что шутятъ, что эта комната такъ ужъ и назначена для пріѣзжихъ, которые всѣ курятъ. Я, разумѣтся воспользовался позволеніемъ.—Колбасы, приготовленная начинка съ перцемъ, лукомъ и чеснокомъ въ Татаръ-Бунарѣ дали мнѣ знать, что на станціи живетъ писарь малороссіянинъ и что все готовится къ празднику.

Утромъ пріѣхалъ я въ Аккерманъ. Этотъ городокъ, окруженный виноградниками, лежитъ на берегу Днѣстровскаго лимана или, лучше сказать, устья, которое здѣсь шириною въ 9 верстъ. Гладкая поверхность покрывшагося льдомъ лимана блестѣла на солнцѣ. На противоположной сторонѣ виднѣлся Овидіополь, городокъ Херсонской губерніи. Отсюда до Одессы всего 35 верстъ, и лѣтомъ отъ Аккермана до Овидіополя ходитъ маленькій пароходъ... Въ Аккерманѣ луч-

шій бессарабскій виноградъ; тутъ есть и развалины Турецкой крѣпости. Несмотря на Сочельникъ, я занялся дѣломъ, призвалъ къ себѣ чиновниковъ и въ 5 часовъ вечера, не успѣвъ обозрѣть хорошенько города, выѣхалъ изъ Аккермана, гдѣ не имѣлъ и надобности оставаться дольше. Отсюда до Кишинева 170 верстъ, куда я хотѣлъ попасть къ обѣднѣ... На слѣдующей станціи, въ Гура-Рошіи, ямщики попросили меня обождать, потому что въ Святой вечеръ имъ хотѣлось поужинать вмѣстѣ. Разумѣется, я согласился; они поужинали и подпили въ честь Святаго вечера, что продолжалось почти часъ.—Въ Бендерахъ я только перемѣнилъ лошадей, но все-таки не поспѣлъ въ Кишиневъ къ обѣднѣ, а пріѣхалъ туда часу въ двѣнадцатомъ и поспѣшилъ дать Вамъ извѣстіе о себѣ. Проѣзжая черезъ Кишиневъ, безпрестанно встрѣчалъ я чиновниковъ въ мундирахъ, скакавшихъ съ поздравленіями, но самъ, остановившись на прежней своей квартирѣ, остался цѣлый день дома, нуждаясь въ отдыхѣ. У воротъ безпрестанно звенѣлъ колокольчикъ, возвѣщавшій новыхъ пріѣзжихъ, и дѣйствительно скоро комнаты сосѣдняго номера наполнились громкими и смѣлыми голосами артиллерійскихъ и гусарскихъ офицеровъ, налетѣвшихъ со всѣхъ сторонъ съ цѣлью повеселиться здѣсь на праздникахъ. Вечеромъ явились ко мнѣ мальчики, славящіе Христа, и пропѣли стихъ, изъ котораго я упомнилъ только:

Всяко древо зелененько
Выкинуло цвѣтъ,
Дитя мало рождено
Возсіяло свѣтъ,

а потомъ хозяину дома сего:

Многая лѣта, многая лѣта и пр.

Отпустивъ ихъ съ приличною благодарностью, скоро услышалъ я повтореніе того же въ сосѣднемъ номерѣ, потомъ въ другомъ и въ третьемъ и такъ дальше.

Въ этотъ день я получилъ письмо отъ Васъ, а въ Воскресенье 26-го привезли мнѣ еще два: послѣднее Ваше письмо отъ 17-го Декабря. Благодарю Васъ и Константина за письма

На другой день, т. е. въ Воскресенье, былъ я у обѣдни, у Архіерея, потомъ сдѣлалъ немногочисленные свои визиты, зашелъ къ Уѣздному Предводителю Доничу, гдѣ видѣлъ трехъ молдаванскихъ барышень, его дочь и двухъ племянницъ, впрочемъ, не очень хорошенькихъ. При мнѣ принесли имъ почту и вмѣстѣ съ нею три новыя картинки модъ, которыя привели ихъ въ сильный восторгъ, выражаемый бѣглымъ французскимъ языкомъ.

Вечеромъ я былъ на балѣ въ Благородномъ Собраніи. Пришелъ въ десятомъ, ушелъ въ исходѣ одиннадцатаго. Я былъ тамъ [illegible]

«Какъ чуждый гость на праздникѣ чужомъ»!

Много было миловидныхъ барышень, голубыхъ. розовыхъ, зеленыхъ, бѣлыхъ, но ни одной красавицы. Хороша была тамъ одна Гречанка, да носъ непомѣрно великъ. Все это пользовалось моціономъ съ такимъ удовольствіемъ, что весело было взглянуть. Разумѣется, не было тутъ ни одного молдаванскаго платья; все одѣто по послѣдней модѣ. Я старался различить тѣхъ, которыя уже давно отправляютъ службу на этомъ паркетѣ, безсмѣнно являясь каждую зиму, между тѣмъ какъ кавалеры мѣнялись съ каждой зимой; не было, впрочемъ, ни одной, которая бы въ первый разъ пріѣхала на балъ. Пожелавъ имъ поскорѣе вытанцовать себѣ мужей, почитавъ газеты, я воротился домой пѣшкомъ. Какая чудная стоитъ теперь погода, ясная, умѣренно морозная, ночи лунныя.

На другой день явились снова Евреи, чиновники Думы; надо было привести къ окончанію всѣ начатыя дѣла, и я былъ чрезвычайно занятъ; вечеромъ однако успѣлъ быть у Архіерея, съ которымъ мы большіе пріятели. Въ свободное время читалъ я Еврейскій катехизисъ, преподаваемый въ школахъ, по Нѣмецки. Мнѣ хотѣлось видѣть духъ ихъ ученія, ихъ религіознаго направленія. Книжка издана за границей, и издатель говоритъ въ предисловіи, что нѣтъ ни одной нравственной обязанности, предписываемой христіанскою и другими религіями, которой не предписывала бы и Іудейская. И вранье, разумѣется. Дѣло не въ обязанностяхъ и предписаніяхъ; главное весь духъ, возвышенный и любовный ученія, свобода и чистота его. Законы Моисея дорожатъ матерьяльнымъ благомъ, устройствомъ земнаго быта,

національны, исключительны, не проповѣдуютъ святыню каждой души человѣческой,—словомъ, носятъ на себя характеръ историческій, какъ существующіе во времени, такъ что Талмудъ и позднѣйшіе раввины многое уничтожили... Разумѣется, и у насъ соборы съ ихъ учрежденіями тоже явленіе во времени; но есть за то вѣчный, безвременный Новый Завѣтъ!.. Я часто спорю съ своими пріятелями Евреями, объявляя имъ откровенно, что былъ бы противъ эмансипаціи полной Евреевъ. Одинъ изъ Евреевъ, самыхъ простыхъ, ходящій въ старинномъ платьѣ, необразованный, но умный 70-тилѣтній старикъ, часто у меня бываетъ по дѣламъ Думы. Не знаю, по какому случаю я прочелъ ему мѣсто одно изъ Апостола Павла (со мною есть русская Библія), и онъ разсказалъ мнѣ слѣдующій анекдотъ, говоря о мнѣніи простаго народа относительно Жидовъ.

Тому назадъ лѣтъ около 50-ти, сказалъ онъ, случилось мнѣ ѣхать съ однимъ мужикомъ на его телѣгѣ. Мужикъ этотъ когда-то былъ работникомъ у дьякона и потому считалъ себя ученѣе другихъ. Онъ пустился было со мной въ богословскія пренія, желая, вѣроятно, обратить меня. Я всячески доказывалъ ему, что онъ напрасно хлопочетъ, что я не хочу и спора и чтобъ онъ довольствовался собственною вѣрою, такъ какъ она завѣщана ему преданіемъ и примѣромъ его отца. Было уже поздно, и скоро подъѣхали мы къ мѣсту, гдѣ чумаки дѣлали ночевку: распрягли воловъ, развели огонекъ и улеглись около возовъ. Мы также расположились тутъ ночевать и пріютились къ огоньку. Мужикъ опять затѣялъ прекратившійся было разговоръ, я ему отвѣчалъ то же и замѣтилъ, что одинъ старикъ чумакъ, лежавшій неподалеку, приподнялъ сьою сѣдую голову. Онъ вслушивался долго въ наши слова и наконецъ сказалъ мужику: «Дѣльно тебѣ говоритъ жидъ: ты знай свое, ты вѣруй, во что вѣритъ народъ и вѣрилъ твой отецъ, и не толкуй про то, чего не разумѣешь»...—Да нѣтъ, кричалъ мужикъ, я хочу имъ доказать, что они врутъ, жиды проклятые, что они собаки, во Христа не вѣруютъ.—И говорилъ много брани на насъ, уже нѣсколько разсердившись. Тогда старый чумакъ медленно поднялся, подошелъ къ намъ, присѣлъ къ огню и сказалъ: «эхъ, глупъ ты еще и молодъ; вотъ послушай, что я тебѣ разскажу:

Отецъ женилъ меня, когда мнѣ было еще лѣтъ 20, отдѣлилъ и далъ мнѣ пару воловъ, а за женою взялъ я въ приданое корову. Только плуга у меня своего не было; я оралъ свою землю чужимъ плугомъ и за это долженъ былъ работать на хозяина плуга. Тяжело было мнѣ; Богъ далъ урожая моему полю; я, поговоривши съ женою, рѣшился скупо прожить зиму и накопить денегъ. И точно, денегъ накопилъ столько, что на будущій годъ я купилъ еще пару воловъ и то, что прежде дѣлалъ въ два дни съ одной парой, дѣлалъ теперь уже въ одинъ день. Я жилъ разсчетливо, и на другой годъ купилъ себѣ собственный плугъ, а потомъ и другіе нужные для оранья снаряды. Становился я зажиточнѣе; корова дала мнѣ еще пару телятъ, изъ которыхъ должны были выйти порядочные быки. Вотъ черезъ нѣсколько лѣтъ были уже у меня во дворѣ шесть быковъ и корова. Сижу разъ я и думаю: полезно было бы завести овецъ; овцы нужны въ хозяйствѣ; пригодна очень ихъ шерсть; — завелъ и овецъ. При овцахъ нельзя безъ козъ,—козы ихъ водятъ, также вещь хорошая и нужная... Купилъ козъ... Потомъ пристала ко мнѣ жена, говоритъ: купи свиней: свинья годна и саломъ, и мясомъ и щетиною... помаленьку, собравшись съ деньгами, завелъ я свиней. Такъ что у меня во дворѣ были и овцы, и быки, и коровы, и козы, и свиньи, ну ужъ, разумѣется, и собаки съ кошками,—тоже твари въ помощь человѣку. Погоди, еще не все: купилъ куръ... Нельзя безъ куръ хозяину, а пуще хозяйкѣ: однихъ яицъ насколько дастъ! Гусей завелъ: жена говорила и дѣльно говорила, что и гуси не даромъ кормиться станутъ, пухомъ, перьями отблагодарятъ. Для скорыхъ разъѣздовъ нельзя хозяину и безъ лошади... И лошадь завелась... Такъ посмотри же теперь, сколько у меня во дворѣ, въ моемъ хозяйствѣ, было животныхъ, всякихъ скотинъ, прибыльныхъ моему дому..... Вотъ такъ-то и Богъ. Богъ хозяинъ мудрый, вѣчный. Его хозяйство, весь міръ — для Него меньше моего дворика. Коли у хорошаго хозяина во дворѣ все нужныя и полезныя твари, такъ и Онъ, хозяинъ не плохой, не сталъ бы держать тѣхъ, кого не нужно. И у Него всѣ народы, что мои домашнія животныя. А? Подумай. Вѣрно ужъ Богу нужны въ Его хозяйствѣ также и Жиды, и Нѣмцы, и Русскіе!»...

Я передалъ Вамъ этотъ разсказъ безъ всякихъ украшеній, почти со словъ Китциса, только его разсказъ былъ живѣе.

Не знаю, удастся ли мнѣ выѣхать завтра (нынче 28-е), и потому на всякій случай пишу это письмо, хоть какъ дневникъ. Еще не всѣ мои вещи пріѣхали изъ Одессы... Новый годъ встрѣчу я въ дорогѣ. Завтра долженъ опять получить отъ Васъ письма. Увидимъ, кто раньше пріѣдетъ, я или письмо?.. Еще дней десять и, дастъ Богъ, увидимся. Прощайте, до свиданія. Уже поздно... Каково же однако? Я почти четыре листа написалъ. Дай же Богъ найти Васъ здоровыми!...

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ПИСЬМА.

На возвратномъ пути изъ Бессарабіи Иванъ Сергѣевичъ остановился въ Москвѣ только на нѣсколько дней; онъ спѣшилъ въ Петербургъ и пишетъ оттуда.

24-го Января 1849 года. Петербургъ. Понедѣльникъ.

Я пріѣхалъ сюда еще третьяго дня, т. е въ Субботу, часовъ въ 5 послѣ обѣда, а Поповъ пріѣхалъ поутру, дорогой выздоровѣлъ было и опять получилъ катарръ, почему и сидитъ теперь дома. Что же до меня, то я, слава Богу, совершенно здоровъ. Только радъ, что зимнія мои путешествія уже кончились. Несмотря на прекрасное помѣщеніе въ дилижансѣ, дорога была очень непріятна отъ холода. И какъ нарочно холодъ продолжался до самаго моего пріѣзда въ Петербургъ, а вечеромъ того же дня степлѣло, и вчера даже таяло. Дорогой не произошло ничего особеннаго. Съ Поповымъ мы встрѣтились сначала въ Твери, потомъ въ Торжкѣ. Сосѣдъ мой оказался очень порядочный молодой человѣкъ, кандидатъ Московскаго Университета, полу-литераторъ, печатавшій мелкія статьи въ Плетневскомъ Современникѣ, пріятель Грановскаго, знакомый со всею литературною дѣятельностью Москвы, съ Московскимъ направленіемъ и съ каждымъ изъ дѣятелей, если не лично, такъ заочно. Онъ уже нѣсколько разъ видалъ Константина въ русскомъ платьѣ, знаетъ его, по разсказамъ, очень хорошо,

знакомъ съ моими стихами, — теперь живетъ учителемъ у Князя Салтыкова въ Петербургѣ Въ другой каретѣ ѣхалъ съ человѣкомъ своимъ Екатеринославскій помѣщикъ, изъ подъ Бахмута, Кищенко, заранѣе подготовлявшій себя къ восхищенію Петербургомъ, какъ мѣстомъ, гдѣ только и можетъ быть отрадно ему, человѣку съ образованными потребностями; между тѣмъ изъ всего было видно, что онъ невѣжа страшный. На первой же станціи онъ сказалъ, что радъ ѣхать въ Петербургъ, ибо Москва деревня, а Петербургъ городъ, что я оставилъ безъ возраженія, а впослѣдствіи убѣдился, что онъ никогда въ Петербургѣ и не былъ. — Когда я пріѣхалъ, то Самарина не было дома, и мы съ Поповымъ, немного погодя, отправились въ баню, а вечеромъ, часовъ въ 10, воротился и Самаринъ, который мнѣ очень обрадовался и много распрашивалъ о Васъ и о Константинѣ, на что я и отвѣчалъ то, что могъ отвѣчать при Поповѣ. Поповъ отправился спать, а мы съ Самаринымъ сидѣли до двухъ часовъ ночи, и я прочелъ ему свой отчетъ, которымъ онъ былъ очень доволенъ. По его совѣту, я въ концѣ записки помѣстилъ подъ заглавіемъ: «Соображенія» всѣ свои выводы и предлагаемыя мѣры по пунктамъ, отдѣльно. Онъ утверждалъ, что это имъ необходимо нужно. По совѣту же Самарина, я рѣшился ѣхать прямо къ Министру, не видавшись съ Надеждинымъ, и отдать ему, т. е. Министру, свои бумаги. Это рѣшился я сдѣлать для того, чтобы 1) поставить себя немедленно въ прямыя, непосредственныя отношенія къ Министру и въ независимое положеніе относительно Надеждина; 2) для того, чтобы непремѣнно записка моя въ полномъ ея видѣ дошла до Министра. Итакъ, прибавивши поутру въ Воскресенье къ запискѣ эти соображенія, я часу во второмъ отправился къ Министру, который меня принялъ въ своемъ кабинетѣ, по обыкновенію, ни сухо, ни ласково... Я сказалъ ему нѣсколько словъ и подалъ бумаги, изъ которыхъ онъ, выбравъ мою большую записку, приказалъ мнѣ ее прочесть ему всю вслухъ. Я и прочелъ, не пропуская, не смягчая ни одного слова. Онъ перерывалъ меня иногда очень учтиво, чтобы спросить объясненія о какомъ-нибудь лицѣ, слушалъ очень внимательно; по окончаніи чтенія еще

задалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, не обнаруживавшихъ, впрочемъ, его мнѣнія или впечатлѣнія, но свидѣтельствовавшихъ объ его участіи къ этому дѣлу; потомъ сказалъ мнѣ: «очень хорошо, благодарю васъ», оставилъ у себя бумаги, а я раскланялся и уѣхалъ. Отъ него отправился я къ Надеждину, у котораго нашелъ гостей и который почему-то показался мнѣ очень смущенъ. Такъ какъ у него были гости, и онъ потомъ собирался ѣхать къ Княжевичамъ, то я тутъ переговорилъ съ нимъ слегка, сказалъ ему, что былъ сейчасъ у Министра и отдалъ ему бумаги. Это его, видимо, поразило. «Какъ у Министра, какія бумаги? что онъ вамъ сказалъ?» Я на все это отвѣчалъ такъ, какъ будто посѣщеніе мое Министра было дѣломъ самымъ естественнымъ, которое и быть иначе не могло, которое я и не понималъ иначе. Онъ, разумѣется, ни слова; напротивъ, сейчасъ же перемѣнилъ тонъ удивленія, какъ будто такъ и слѣдовало. Я обѣщалъ пріѣхать къ нему часовъ въ 8 вечера. Заѣхалъ оттуда къ Карташевскимъ, которыхъ нашелъ всѣхъ дома; они всѣ здоровы. Обѣдалъ съ Самаринымъ у Мити Оболенскаго и вечеромъ отправился къ Надеждину, которому и разсказалъ все, что помѣщено въ запискѣ. Онъ почти на все говорилъ, что знаетъ, но про нѣкоторыя и почти самыя важныя вещи — оказалось, что онъ не зналъ. Что касается до моихъ выводовъ и взглядовъ, то онъ меня очень удивилъ, сказавъ, что не только ихъ раздѣляетъ вполнѣ, но что это его давнишнія убѣжденія. «Отчего же вы дѣйствуете совершенно вопреки имъ?..» Онъ отвѣчалъ, что на это есть другая воля. Но во всякомъ случаѣ онъ признаетъ мой отчетъ новымъ убѣдительнымъ доказательствомъ его же мнѣній. «Что же вы намѣрены съ нимъ дѣлать?» спросилъ я.—Принять къ соображенію, другаго дѣлать нельзя. Онъ ожидалъ, что Министръ пришлетъ за нимъ вечеромъ, однако же нѣтъ... Что будутъ они дѣлать,—узнаю я на этой недѣлѣ. Министру я сказалъ, что подамъ еще двѣ записки по своимъ оффиціальнымъ порученіямъ, и потому займусь ими... Нынче отправляюсь смотрѣть нѣкоторыя квартиры себѣ, потомъ ѣду въ Министерство, чтобы видѣться съ Директоромъ Хозяйственнаго Департамента и отдать ему подорожную и другія бумаги, обѣдаю у Карта-

шевскихъ, а вечеромъ обѣщалъ быть у Оболенскаго, у котораго собраніе Правовѣдовъ. Завтра или послѣ завтра надѣюсь получить отъ Васъ письма.

31-го Января 1849 года. Петербургъ. Понедѣльникъ.

Ваши послѣднія письма наполнены разными опасеніями на счетъ моего здоровья и пр. Мнѣ очень это тяжело, тѣмъ болѣе, что рѣшительно нѣтъ никакихъ причинъ опасаться за меня здѣсь болѣе, чѣмъ когда я былъ въ Бессарабіи, или Оренбургской губерніи. Холера здѣсь вовсе незамѣтна; никто о ней не говоритъ и не помнитъ. Городовыя кареты ходятъ постоянно, и еще недавно, ѣдучи на простомъ извощикѣ, видя цѣлый рядъ этихъ каретъ, запряженныхъ въ 3, въ 4 лошади, я спросилъ извощика, куда онѣ ѣдутъ, на что онъ, посмотрѣвъ на меня съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, отвѣчалъ: «какъ, развѣ вы не знаете? на балъ, въ Новую Деревню».

О себѣ еще ничего не знаю: Надеждинъ еще не составилъ доклада. Съ нынѣшняго дня я займусь составленіемъ двухъ другихъ записокъ и подамъ ихъ Министру. — Въ Субботу вечеромъ я перешелъ на свою квартиру, которой до сихъ поръ очень доволенъ. Часть моихъ окошекъ обращена на садъ Училища Правовѣдѣнія и на окна классовъ, въ которыя я такъ часто смотрѣлъ... Я остаюсь большею частью дома и не могу никакъ собраться въ Оперу или посмотрѣть Фанни Элслеръ.—Въ Субботу Самаринъ получилъ записку отъ Вяземскаго, гдѣ онъ приглашаетъ его и меня, хоть я у него и не былъ, къ себѣ на вечеръ для празднованія юбилея Жуковскаго, по случаю пятидесятилѣтія его литературной дѣятельности. Мы отправились и къ удивленію нашли почти всѣхъ въ бѣлыхъ галстухахъ и въ орденахъ: скоро узнали мы, что на этомъ вечерѣ будетъ Наслѣдникъ; тутъ было множество народу: былъ Киселевъ, Блудовъ и вообще цвѣтъ петербургскихъ придворныхъ умовъ. Пріѣхалъ Наслѣдникъ, и Блудовъ прочиталъ стихи Вяземскаго, на сей случай написанные. Стихи очень плохи. Блудовъ читалъ ихъ, безпрестанно прикладывая лорнетъ къ гламъ и тряся голосъ для эффекта. Если-бъ мнѣ не было про-

тивно и досадно, мнѣ было бы смѣшно. Да, я забылъ сказать, что все это началось пѣніемъ «Боже Царя Храни»; пѣли бывшіе тутъ артисты, Оболенскіе (Дмитрій и Родіонъ), Бартеньева и нѣкоторыя другія дамы. Когда Блудовъ читалъ стихи, то нѣкоторыя дамы прослезились, нѣсколько разъ раздавался ропотъ неудержимаго восторга изъ устъ этихъ чопорныхъ фигуръ въ бѣлыхъ галстухахъ; когда кончилось чтеніе, то послышались жаркія похвалы: c'est charmant, c'est sublime»!.. Послѣ этого пропѣты были куплеты старикомъ Віелгорскимъ; послѣ каждаго куплета хоръ повторялъ refrain:

Нашъ привѣтъ ему отраденъ,
И отъ города Петра
Пусть домчится въ Баденъ-Баденъ
Наше русское ура!

Надо было видѣть, съ какимъ жаромъ эти бѣлые галстухи кричали: наше русское ура!... Послѣ этого подапъ былъ листъ бумаги, на которомъ всѣ посѣтители должны были написать свои имена, начиная съ Наслѣдника. Дѣлать нечего, и я вписалъ свое имя, только почти предпослѣднимъ. Наконецъ Великій Князь уѣхалъ, и тогда Глинка, музыкантъ, сталъ пѣть разные свои романсы... Это только меня и утѣшило. Предоставляю Вамъ судить, что испыталъ и перечувствовалъ я въ первую половину вечера. Среди этого стараго общества я чувствовалъ себя новымъ человѣкомъ, совершенно ему чуждымъ; среди воздаяній этой старой поэзіи во мнѣ пробуждалось сознаніе того новаго пути, по которому пошла моя стихотворная дѣятельность... Я рѣшительно не хотѣлъ сближаться съ этимъ обществомъ.—Глинка, немножко подпивъ за ужиномъ, пѣлъ Испанскія мелодіи и свои сочиненія съ необыкновеннымъ одушевленіемъ. Это поистинѣ геніальный художникъ. Я познакомился съ нимъ и завтра читаю ему Бродягу... Вяземскій просилъ Самарина и меня написать объ этомъ вечерѣ статью и послать въ «Москвитянинъ». Мы отказались подъ предлогомъ ссоры съ Погодинымъ. Онъ, конечно, понялъ, почему мы отказались, и видимо огорчился. Впрочемъ, говорятъ, что оффиціальность

вечера было не его дѣло, а сюрпризъ, сдѣланный ему его женою. Былъ тутъ и Ѳедоръ Николаевичъ Глинка, но объ немъ послѣ.

1849 года, Февраля 4-го. Пятница.

Завтра 2 недѣли, какъ я здѣсь въ Петербургѣ и сколько еще пробуду, неизвѣстно. Я написалъ еще 2 докладныя записки Министру, которыя отдалъ переписывать и подамъ завтра. Раза съ три былъ потомъ у Надеждина, но или его не заставалъ дома, или у него толпа гостей. Поручилъ Князю Гагарину напомнить Перовскому о мѣстѣ... Я, признаюсь, не ожидалъ отъ Васъ такихъ уже похвалъ К—мъ. Н... безспорно милая и граціозная женщина, но не очаровательная, по крайней мѣрѣ для меня. Н... очень изящна, но эта изящность чисто внѣшняя... Я понимаю, что изящное женское существо любитъ роскошь, любитъ одѣваться не грубою пестрядью, но брюссельскими кружевами, окружать себя красивыми служанками, а не босоногими дѣвками, разряживать ихъ богато для собственнаго удовольствія... Все это я понимаю, и это можетъ происходить вовсе не изъ тщеславія, но все же это—больше элегантность, которую мы въ женщинахъ часто принимаемъ за истинное художественное чувство... А этотъ родъ изящества, свойственный женщинѣ, чрезвычайно опасенъ; въ немъ-то и сидитъ лукавый бѣсъ, съ которымъ сейчасъ и прыгнешь въ аристократію и во всѣ изящные соблазны блестящаго свѣта... Конечно, бѣлыя руки аристократки, руки не знающія тяжелой работы, нѣжный цвѣтъ лица, не загорѣвшаго отъ солнца, и пр. и пр. лучше рукъ и лица крестьянки и болѣе соотвѣтствуютъ требованіямъ художественнаго вкуса; самая душа ея, взлелѣянная среди этого изящества, на полномъ досугѣ утончившаяся,—кажется выше грубой, истомленной жизнью и трудомъ и неспособной подняться надъ средою дѣйствительной жизни—души мужички... Но есть, слава Богу, то, что восполняетъ это грустное неравенство. Вы знаете, что это одна изъ моихъ больныхъ темъ, которую я непремѣнно выражу когда-нибудь въ цѣломъ произведеніи... Н... и С... упрекаю я въ излишней элегантности, т. е. въ томъ, что

въ ихъ душахъ лежитъ это требованіе слишкомъ сильно; онѣ обѣ способны быть аристократками, и истиннаго художественнаго пониманія въ нихъ мало. Я не выдаю своего мнѣнія за неопровержимое, но, признаюсь, крѣпко и тяжко сидитъ въ моей душѣ память о людскомъ неравенствѣ и страхъ лукавства, лежащаго въ изяществѣ... Все это закаляетъ мою душу крѣпкою бронею и противъ вліянія женской красоты. Константинъ въ этомъ отношеніи мягче, къ тому же онъ подкупенъ.

Въ кои то вѣки собрался въ Итальянскую оперу. Пріѣзжаю: негодующая толпа валитъ вонъ. Спектакль отказанъ по случаю болѣзни Тамбурини. Вчера былъ у Вяземскаго. Онъ ни слова о своемъ вечерѣ.

4-го Февраля 1849 года. Понедѣльникъ.

Нынче начинается эта безпутная недѣля, освященная обычаемъ всего христіанствующаго человѣчества и нашего народа въ томъ числѣ, который въ этомъ случаѣ сталъ не выше прочихъ. Винный и блинный запахъ разливается по всѣмъ улицамъ, наполненнымъ суетящимся и спѣшащимъ народомъ; всѣ смотрятъ какъ шальные, какъ одуренные хмѣлемъ, съ пьяною готовностью на всякій развратъ; воздухъ гнилъ, улицы покрыты грязнымъ снѣгомъ, превратившимся въ вонючій песокъ. Вчера отвезъ я Министру свои послѣднія записки, но ничего ему не говорилъ о мѣстѣ, потому что мнѣ отсовѣтовали и потому что я имѣю въ виду возможность создать одно чрезвычайно важное порученіе. Государь приказалъ Министерству Внутреннихъ дѣлъ обратить вниманіе на состояніе ремесленнаго класса въ городахъ и улучшить ремесленное устройство (цехи и т. п.), заимствованное нами у Германіи... Для этого предполагается необходимымъ изучить положеніе ремесленности въ городахъ, по крайней мѣрѣ главныхъ, въ Москвѣ, въ Петербургѣ, и — что всего важнѣе — познакомиться съ ремесленною промышленностью деревень, съ устройствомъ ея въ селахъ. Эта промышленность, которую Кобденъ называетъ здоровою, можетъ послужить образцомъ или по крайней мѣрѣ руководителемъ при развитіи мануфактурной дѣятельности... Теперь,

впрочемъ, у затѣвающихъ это дѣло сидитъ другая мысль: подчинить эту сельскую ремесленность какому-нибудь устройству, вмѣшать въ нее участіе Правительства, значитъ, испортить все. Но если я вмѣшаюсь туда съ своимъ взглядомъ, такъ могу ее сколько-нибудь предохранить и пріобрѣсть драгоцѣнные факты. Къ тому-же эта работа года на два, въ теченіе коихъ зудъ проэктовъ можетъ у нихъ уняться. Мнѣ предлагаютъ еще частнымъ образомъ заняться этимъ. Для этого будетъ учреждено цѣлое штатное мѣсто. Если-бы это удалось, то я могъ-бы лѣто посвящать на посѣщеніе селъ, а зимою работать въ Москвѣ... Какъ Вы объ этомъ думаете?.. Но для этого нужно сильно хлопотать и познакомиться со многими лицами въ Министерствѣ, къ сему причастными, что я и намѣренъ начать дѣлать съ нынѣшней недѣли, хотя въ эту дурацкую недѣлю мало отъ того будетъ пользы...— Надеждинъ говоритъ, что еще не составлялъ докладной записки изъ моего рапорта, а я слышалъ, но не знаю, вѣрно ли это, что уже записка составлена и подапа. Кажется, Надеждинъ не очень хочетъ, чтобы я остался при раскольничьихъ дѣлахъ. Вообще мы съ нимъ въ отношеніяхъ холодно-учтивыхъ... Да и нельзя иначе, а то въ силу стараго знакомства, онъ готовъ осѣдлать Васъ своею фамильярностью, которая грязна и противна.—Строгановъ выхлопоталъ у Государя совершенное прощеніе Бодянскому и позволеніе опять занять каѳедру въ Москвѣ. Но это торжество какъ-бы не повредило ему хуже. Занять каѳедру въ Университетѣ вопреки Министру—значитъ подвергать себя жестокимъ прижимкамъ со стороны послѣдняго и надзору за каждымъ словомъ, сказаннымъ съ каѳедры...—Вотъ Вамъ еще новость: на театрахъ запретили играть... «Разбойниковъ» Шиллера!.. Владиміръ Ивановичъ Панаевъ, серьезно одобряя эту мѣру, находитъ, что при существующихъ обстоятельствахъ эта піэса очень опасна. Говорятъ также, что на время поста разрѣшено давать представленія здѣшнему вновь устроенному «театру-цирку», вопреки требованію новаго Митрополита. А представленія въ русскомъ театрѣ въ Субботу и наканунѣ праздниковъ здѣсь даются постоянно... Я рѣшительно не сближаюсь съ Петербургомъ и его обществомъ и, кромѣ Самарина и Попова, съ которыми видимся, разумѣется, каждый день и по́ нѣ-

сколько разъ, посѣщаю только своихъ товарищей, Смирнову и Карташевскихъ, у которыхъ два раза въ недѣлю обѣдаю.— Вы мнѣ ничего не пишете о Константинѣ. Что онъ принялся ли за работу?

Четвергъ, 10-го Февраля.

Я получилъ на нынѣшней недѣлѣ два письма отъ Васъ; очень, очень благодарю Васъ; но одно мнѣ непріятно: видѣть, что Вы себя безпокоите и совершенно понапрасну. Я совершенно здоровъ, о холерѣ ничего не слышно, да, кажется, ея и нѣтъ. Писалъ я Вамъ всегда письма по два раза въ недѣлю и въ первую недѣлю чуть ли не три раза; для предупрежденія недоумѣній буду выставлять номера. Это письмо уже второе на нынѣшней недѣлѣ. Корфы отложили свой отъѣздъ до Субботы. Вчера я встрѣтилъ Софью Матвѣевну В***, жеманную и манерную въ высшей степени. Она бранитъ Москву и превозноситъ Петербургъ съ нѣжнымъ закатываніемъ глазъ подъ лобъ; говоритъ, что получила отъ Константина Сергѣевича письмо «такое выспреннее, что почти не могла понять его, что видитъ только, что онъ зараженъ ультра-патріотизмомъ, а по ея мнѣнію, надо быть космополиткой и sur ce, j'ai l'honneur de vous saluer», присѣла и вылетѣла. Я, разумѣется, съ ней и не спорилъ, а успѣлъ только сказать ей, что она потому не поняла письма, что давно не слѣдитъ за ходомъ мысли въ Москвѣ. Поповъ выздоровѣлъ и выѣзжаетъ. Самаринъ говорилъ мнѣ, что написалъ большое письмо къ Константину съ воззваніемъ къ дѣятельности. Онъ хочетъ заняться земскими Думами и написать о нихъ статью. Славный онъ человѣкъ. Мы, впрочемъ, живемъ рѣшительно особой колоніей. Оба они, впрочемъ, посѣщаютъ Петербургское общество, Карамзиныхъ и пр., но держатъ себя тамъ совершенно отъ него независимо. Я же вовсе не знакомлюсь съ нимъ. Записка Государю еще не составлена. Ѣхать въ Ригу —я отказался. То порученіе, о которомъ я Вамъ писалъ, еще далеко отъ осуществленія: это только мысль нѣкоторыхъ. На этой дурацкой недѣлѣ ни отъ кого толку добиться нельзя... Я, какъ Иванъ Ермолаевичъ, могу хлопнуть себя въ лобъ

и сказать: какъ у меня кабакъ развивается!.. Дѣйствительно, я хочу въ «Бродягѣ» дать надлежащее мѣсто и этому явленію жизни, во всемъ его обширномъ, серьезномъ значеніи *). Благодарю Константина за письмецо, крѣпко обнимаю и буду ему писать въ Субботу.

Къ Константину Сергѣевичу.

Понедѣльникъ. 1849 года. Февраля 14-го. Петербургъ.

Я хотѣлъ писать тебѣ на прошлой недѣлѣ въ Субботу, милый другъ и братъ Константинъ, но не успѣлъ, потому что надо было мнѣ ѣхать къ Князю Гагарину и къ Корфамъ. Гнусное время Масляницы кончилось и, слава Богу, наступилъ Великій Постъ. Я хочу говѣть на этой недѣлѣ въ Училищѣ Правовѣдѣнія, подлѣ котораго живу. Вчера, въ Воскресенье, я былъ тамъ у обѣдни и, признаюсь, когда взошелъ я въ эту церковь, гдѣ не былъ почти семь лѣтъ, когда услыхалъ опять голосъ нашего священника, тогда возвѣщавшій и теперь продолжающій возвѣщать тѣ же истины, въ тѣхъ же выраженіяхъ, то я былъ тронутъ почти до слезъ. Послѣ обѣдни зашелъ къ нему, и мы съ нимъ очень дружески встрѣтились. Онъ недавно потерялъ жену, и это несчастіе сдѣлало его гораздо мягче... Я уже на Масляницѣ принялся и Великимъ постомъ положилъ себѣ обязанностью непремѣнно читать каждый день Библію. Надо же когда-нибудь, а то наше невѣжество, а главное—равнодушіе къ нашему невѣжеству, неизвинительны. Надо же по крайней мѣрѣ знать, что признаешь и что отстаиваешь!.. Вообще я бы хотѣлъ сблизиться со всѣмъ внутреннимъ и обряднымъ значеніемъ нашей Церкви... Кромѣ этого, я продолжаю читать разныя книги и принялся—не знаю, какъ пойдетъ за «Бродягу». Такимъ образомъ я совершенно изолировалъ себя въ Петербургѣ.—Надеждина послѣ того не видалъ и поѣду къ нему на этой недѣлѣ. Главное, о чемъ я хлопочу теперь,—это о штатномъ мѣстѣ, но дѣйствую въ этомъ случаѣ не черезъ него, а чрезъ Скрипицына и Гагарина. Скрипицынъ

---

*) „*Въ Бродягѣ*". Смотри: *Приложеніе*.

продолжаетъ уговаривать меня ѣхать въ Ригу, но я не хочу. Еслибъ это еще было на шесть зимнихъ мѣсяцевъ, такъ, можетъ быть, я бы и отправился, но ѣхать туда на все лѣто мнѣ ужасно не хочется. . Послѣ твоего письмеца съ припиской Отесиньки я еще не получалъ писемъ; можетъ быть, Вы не писали, а можетъ быть, чего я боюсь, почтальонъ не нашелъ никого дома, а дворникъ живетъ на другомъ дворѣ. Въ этомъ отношеніи квартира эта преглупая. Ужъ лучше пишите на имя Попова. Что ты дѣлаешь, Константинъ? Сработаешь-ли что во время поста? Или опять по прежнему? Дай мнѣ возможность отвѣчать что-нибудь на задаваемые вопросы о дѣятельности Москвы. Послѣ драмы прошло много времени, такъ что на нее нельзя теперь указывать. Я ужъ, право, и не знаю, какъ и чѣмъ тебя заставить работать и вселить въ тебя *бодрость труда.*

1849 года, Февраля 17-го, Четвергъ. Петербургъ.

Третьяго дня я получилъ письмо Ваше отъ 9-го Февраля. Очень мнѣ грустно видѣть, что Вы ко всѣмъ и безъ того уже многочисленнымъ безпокойствамъ присоединяете совершенно ненужныя и напрасныя безпокойства обо мнѣ. Между тѣмъ безпокоиться нѣтъ никакой причины: я здоровъ и два раза въ недѣлю пишу письма. Соберите всѣ полученныя отъ меня письма: Вы увидите, что разстояніе времени между ними всего три, четыре дня. Вы пишете, милый Отесинька, уже по полученіи письма, которое Вы считали пропавшимъ: «ты пишешь мало и *рѣдко*». Но изъ Вашего же письма видно, что полученное въ этотъ день письмо было отъ 4-го Февраля, а предшествовавшее этому и также полученное Вами письмо было отъ 31-го Января. А Маменька пишетъ: «сейчасъ получили письмо и вмѣсто повѣствованія одни разсужденія...» Да о чемъ же я могу повѣствовать Вамъ? Я никуда не ѣзжу, нигдѣ не бываю; жизнь идетъ колеею самой обычной ежедневности; сижу дома, читаю, занимаюсь... Что тутъ прикажете разсказывать?.. Это не путешествіе, гдѣ возникаетъ цѣлый рядъ быстрыхъ, смѣняющихъ другъ друга впечатлѣній. Разные лакейскіе анекдоты о дворцѣ, Вы знаете, довольно мнѣ противны; если и слушаю ихъ, такъ скоро и

забываю и вообще не придаю имъ большой важности. Самаринъ передѣлалъ свои письма,*) выкинувъ изъ нихъ рѣзкія и опасныя мѣста, ибо письма до сихъ поръ возбуждаютъ сильную злобу Нѣмцевъ, вездѣ прославляющихъ его или шпіономъ Правительства, или опаснымъ, вреднымъ либераломъ. Онъ почти вовсе не посѣщаетъ общества и, кромѣ своихъ занятій, имѣетъ еще оффиціальное занятіе—по вопросу о Приказахъ Общественнаго Призрѣнія: какимъ образомъ усилить ихъ кредитъ и сдѣлать ихъ болѣе полезными для округа, въ которомъ каждый изъ нихъ находится и пр. А. О. все нездорова; она сдѣлалась гораздо лучше прежней, но вдесятеро скучнѣе. Она прилѣпилась къ набожности со всею ея внѣшностью, знаетъ, кажется, наизусть всѣ святцы, уничтожила всѣ свои цвѣтныя одежды, оставивъ однѣ черныя, также всю излишнюю роскошь, что, конечно, не худо; но въ тоже время съ видомъ ужаса разсказываетъ охотно такія вещи, которыхъ говорить нѣтъ никакой надобности... Ахъ, да куда ни взглянешь, начиная съ себя, такъ вездѣ такая дрянь, такая гнусность, что не знаешь, куда дѣться! Скучно, невыносимо скучно жить на свѣтѣ, если только есть хоть минута досуга оглянуться кругомъ!... Мои дѣла все еще не подвинулись. Князь Гагаринъ говорилъ обо мнѣ Перовскому; тотъ отвѣчалъ, что я непремѣнно получу мѣсто и имѣю на него полное право; Надеждина еще не видѣлъ на этой недѣлѣ, нынче отправлюсь къ нему.—Вы, вѣрно, также говѣете на этой недѣлѣ, милая Маменька; заранѣе поздравляю Васъ съ причащеніемъ. Я самъ говѣю въ Училищѣ Правовѣдѣнія и прошу у Васъ у всѣхъ прощенія. Это говѣнье въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ я говѣлъ за семь лѣтъ тому назадъ еще юношей, для котораго разстилалась только впереди безвѣстная дорога жизни, наводитъ на меня тоскливыя разсужденія....

1849 года, Февраля 21-го. Петербургъ. Понедѣльникъ.

Вчера принесли мнѣ два Ваши письма, отъ 15-го и отъ 16-го Февраля вмѣстѣ; впрочемъ, въ послѣднемъ одно письмо Гриши. Поздравляю Васъ, милая Маменька, и тебя, Константинъ, и тебя, Любочка, съ пріобщеніемъ. Я самъ прі-

*) „Рижскія Письма".

общался въ Субботу и потому не успѣлъ Вамъ написать въ этотъ день... И такъ Гриша дѣлается помѣщикомъ. Конечно, ему иначе нельзя; но я уже по одному этому боюсь женитьбы. Еслибъ я былъ женатъ и имѣлъ дѣтей, я, разумѣется, хлопоталъ бы изо всѣхъ силъ о ихъ благосостояніи, а въ Россіи это благосостояніе пріобрѣтается помѣществованіемъ. Я же далъ себѣ слово никогда не имѣть у себя крѣпостныхъ и вообще крестьянъ; что бы ни говорили, а искусительныя выгоды помѣщичьяго званія нарушаютъ чистоту взгляда на крестьянъ, мѣшаютъ дѣйствовать... Нѣтъ, Богъ съ ними. Я же держусь того мнѣнія, что помѣщики непремѣнно должны понести правомѣрный убытокъ при эмансипаціи крестьянъ за то, что цѣлыя столѣтія пользовались безобразными правами надъ собственностью и лицомъ крестьянина; я считаю или, лучше сказать, я не вывожу этого логически, но душа моя говоритъ мнѣ, что крестьянинъ, обработывающій землю, крестьянинъ, для котораго она единственная мать и кормилица, болѣе меня имѣетъ на нее правъ. И странно какъ-то въ настоящее время пріобрѣтать помѣстья!... Одинъ братъ дѣлается помѣщикомъ, другой изо всѣхъ силъ будетъ хлопотать лишить его многихъ помѣщичьихъ выгодъ!... Не знаю, писалъ ли я Вамъ, что я теперь пишу статью о Царанахъ по оффиціальнымъ документамъ, которые Ханыковъ досталъ мнѣ изъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Я пишу по собственной охотѣ. Это будетъ поучительная повѣсть о трудности согласить помѣщичье званіе съ выгодами и свободою крестьянъ; въ ней изложится исторія всѣхъ попытокъ и дѣйствій администраціи относительно ихъ и необходимость вмѣшательства Правительства въ это дѣло, которое иначе никогда не рѣшится. Это двое тяжущихся, которымъ нуженъ посредникъ... Впрочемъ, объ этомъ когда-нибудь подробнѣе. Объ Остзейскихъ крестьянахъ есть уже обработанная статья. Такимъ же образомъ надо будетъ обработать статьи о Половникахъ Вологодской губерніи, о контрактныхъ крестьянахъ въ Западныхъ и т. д. Между тѣмъ Бѣляевъ напишетъ исторію крестьянскаго сословія въ Россіи до Петра. Одного изъ своихъ товарищей я засадилъ за выписки изъ Полнаго Собранія Законовъ, изо всѣхъ указовъ, начиная съ Петра, гдѣ упоминаются крѣ-

постные; надо бы также сдѣлать выписку изо всѣхъ уголовныхъ дѣлъ съ Петра, гдѣ видны отношенія помѣщиковъ съ крестьянами. Все это поможетъ изучить настоящій бытъ помѣщичьихъ крестьянъ и, слѣдовательно, подвинуть дѣло эмансипаціи, которое должно быть впереди всѣхъ другихъ. Безъ него едва-ли прочія возможны... Я хочу писать въ родѣ того, какъ существуютъ Beautés de l'histoire Romaine, Grecque,—beautés изъ исторіи помѣщичьяго быта, гдѣ изложить всѣ ужасные случаи помѣщичьей власти, знакомые мнѣ и другимъ по уголовнымъ дѣламъ. Еще недавно я слышалъ объ одномъ случаѣ... Хорошъ, нечего сказать!..—То, что я писалъ о предположеніяхъ по службѣ, могло быть разсказано Хомякову, но съ тѣмъ, чтобы онъ не разсказывалъ этого Москвѣ. Да и кто въ Москвѣ, т. е. въ обществѣ, приметъ въ этомъ участіе?.. Даже всему кругу нашихъ знакомыхъ слова: цехъ, ремесленникъ звучатъ дико; гораздо ближе имъ слова: мытъ, промытъ и пр. Но это-то практическое знаніе нужно необходимо для практической дѣятельности, къ которой сами-то они неспособны... Вы знаете, что я напоминалъ чрезъ Князя Гагарина Министру о «дачѣ мнѣ мѣста».

Министръ требовалъ Н—а, спрашивалъ обо мнѣ, чего именно я хочу, имѣю ли я состояніе или нѣтъ и пр. Н—ъ отвѣчалъ ему, что я хочу мѣста Чиновника по особымъ порученіямъ, которое заслужилъ исполненіемъ возложеннаго на меня порученія, и что жалованье мнѣ нужно. Дѣло въ томъ, что вакансія Чиновника есть, но безъ жалованья, и что свободныхъ другихъ суммъ для этого въ Министерствѣ нѣтъ... Вслѣдъ за этимъ Директоръ Хозяйственнаго Управленія Лексъ, встрѣтивъ Н—а, самъ отъ себя сталъ просить его предложить мнѣ не хочу ли я взять мѣсто Начальника Продовольственнаго Отдѣленія въ его Департаментѣ (4500 рублей ассигнаціями жалованья и денежныя награды);—онъ увѣряетъ, что это меня нисколько не свяжетъ, что весною тѣмъ не менѣе могутъ мнѣ дать порученіе и т. п., что я могу быть только Управляющимъ Отдѣленіемъ и пр. Н—ъ уговариваетъ меня взять; я обѣщалъ дать ему отвѣтъ черезъ нѣсколько дней и ѣду нынче, чтобы рѣшительно отказаться. Я знаю эти продѣлки. Какъ засядешь на мѣстѣ, такъ труд-

но будетъ вырваться; къ тому же я не хочу канцелярской работы и ежедневнаго посѣщенія Департамента Лексъ обѣщаетъ этимъ способомъ доставить Вицедиректорство. Да я не хочу и Вицедиректорства и не хочу связывать себя неразрывно съ Петербургомъ. Я хочу ѣздить по Россіи и только. Они рады, конечно, будутъ, что попался человѣкъ на мѣсто, съ котораго двое слетѣло за взятки, и употребятъ всѣ старанія, чтобы приковать меня къ нему, и потому, не полагаясь на всѣ эти обѣщанія, отказываюсь. Вѣроятно, мѣста теперь я не получу, а съ весною получу порученіе, какое именно, не знаю. Едва ли къ тому времени созрѣетъ планъ ревизіи цеховъ, ибо дѣло теперь въ томъ, чтобъ Отдѣленіе это, по которому идетъ и это порученіе, сдѣлать напередъ особымъ Вицедиректорствомъ... — Вы пишите мнѣ, милый Отесинька все грустныя вещи *). Грустно и дома, грустно и тогда, когда поглядишь вокругъ и увидишь всю безтолковщину и подлость общества. Я не знаю, какъ дѣйствуетъ

---

*) Въ письмѣ отъ 15 февраля Сергѣй Тимоѳеевичъ пишетъ сыну. „Петербургъ ведетъ себя, какъ слѣдуетъ ему; но Москва—какъ не слѣдуетъ ей. Говорятъ, что въ настоящемъ великомъ посту будутъ такія катанья съ горъ, съ музыкою, факелами, пѣсенниками и цыганами, какихъ еще никогда не бывало. Закревскій потерялъ въ моихъ глазахъ послѣднее доброе мнѣніе, какое я имѣлъ о немъ: я считалъ его православнымъ русскимъ человѣкомъ. Я не обвинялъ его въ произволѣ въ его столкновеніяхъ съ московской публикой, ибо эта подлѣйшая публика того стоитъ. Ее можно оскорблять сколько угодно; но оскорблять народъ въ его святыхъ вѣрованіяхъ—безразсудно. Впрочемъ, теперь и московская публика возстаетъ на него общимъ бунтомъ: въ послѣднее воскресеніе онъ далъ у себя блистательный балъ и тѣмъ помѣшалъ общественному пикнику, т. е. folle journée, составленному по подпискѣ 500 человѣкъ на катаніе, обѣдъ и балъ. О, подлецы! Они не смѣли не поѣхать къ нему и въ ихъ ругательствахъ явственно выражается смыслъ: „Зачѣмъ ты насъ звалъ? Вѣдь ты знаешь, что мы не осмѣлимся отказаться?“ Про супругу Закревскаго разсказываютъ чудеса. Цинизмъ ея невозможенъ къ описанію. Русское платье на бывшемъ маскарадѣ убило наповалъ всѣ другіе костюмы. Повѣритъ ли ты, Иванъ, что ругательство (какъ говорятъ иные) надъ русскимъ платьемъ, надѣтымъ, какъ костюмъ въ маскарадъ, произвело на общество самое благопріятное дѣйствіе, и что послѣдствія его будутъ полезны? Шевыревъ получилъ въ подарокъ отъ графини Закревской—богатую палку. Описаніе маскарада пишетъ Вельтманъ для „Москвитянина“. Оно начинается такъ: „Слава въ вышнихъ Богу, миръ на землѣ, въ человѣцехъ благоволеніе“ и пр. Я знаю благонамѣренность Вельтмана и понимаю, что это относится не къ маскараду, но все какъ-то странно такое начало.

на Константина современное состояніе общества, въ которомъ онъ столько лѣтъ проповѣдывалъ. Гнусно и грустно! А между тѣмъ затрудненъ пріемъ въ Университеты лицъ низшаго состоянія; Профессоръ Куторга посаженъ на 10 дней подъ арестъ и отрѣшенъ отъ профессорства за то, что будучи когда-то Цензоромъ (ужъ онъ давно и не Цензоръ), пропустилъ къ печати какіе-то Нѣмецкіе стихи, о которыхъ никто и не помнитъ! А между тѣмъ всякая честная мысль клеймится названіемъ якобинства, и торжество стараго порядка вещей въ Европѣ даетъ торжествовать и нашему гнилому обществу. Елачичъ помогъ было на время, но это продолжалось не долго. Хоть бы убѣдилось Правительство въ мирномъ характерѣ, въ благочестіи нашихъ убѣжденій и нашего направленія... Какъ-то на прошедшей недѣлѣ я почувствовалъ это особенно тяжко и написалъ стихи, которые и посылаю Вамъ, какъ выраженіе этого тягостнаго состоянія *). Я убѣжденъ, что никогда никто не читаетъ моихъ писемъ на почтѣ. Еслибъ читать письма всѣхъ, которые воображаютъ, что ихъ письма читаются, то не достало бы времени.—Я говѣлъ съ большимъ удовольствіемъ въ этой самой церкви и у того же священника, какъ и за семь лѣтъ. Вспоминаю, какъ часто хаживалъ я одинъ по этому церковному корридору, и сколько неясныхъ стремленій мучило меня тогда, и какъ мнѣ дѣтски хотѣлось, несмотря на всѣ отрицанія разсудка, писать и *«быть литераторомъ»*!.. Какое невольное желаніе было всякій случай, всякій предметъ, всякую картину перенести на бумагу, оторвать отъ земли, обрамить. Я не исполнялъ этого желанія, но внутри, въ душѣ эта работа происходила и обыкновенно, какъ помню я, за всенощной. Тамъ сочинялъ я цѣлыя сочиненія, которыхъ никогда не писалъ. А теперь, теперь хуже стало въ душѣ!

24-го Февраля 1849 года. Четвергъ. Петербургъ.

Это письмо придетъ, вѣроятно, къ самому 1-му Марта. Поздравляю Васъ и крѣпко обнимаю. Дай Богъ, чтобы невозмутимо прошелъ этотъ день. Для меня 1-е Марта, кромѣ

---

*) Пусть гибнетъ все... (См. Приложеніе):

Вашего дня рожденія, милая Маменька, напоминаетъ рожденіе весны, и я люблю этотъ первый весенній мѣсяцъ, если не de fait, такъ de droit, по календарю. Такая ли же у Васъ оттепель, какъ здѣсь, гдѣ уже нѣсколько дней сряду дуетъ вѣтеръ съ моря такой, что обратилъ всѣ улицы въ лужи, и Петербургъ гуляетъ въ одних пальто... Вотъ ужъ и вторая недѣля Поста приходитъ къ концу; я до сихъ поръ ѣлъ постное и потому обѣдаю все дома, такъ какъ въ Петербургѣ въ домахъ вездѣ скоромное. . На нынѣшней недѣлѣ въ Среду долженъ былъ я читать у Вяземскаго; но по какому-то случаю отложили чтеніе.—Встрѣтилъ я на дняхъ Григоровича, котораго не узналъ сначала, но который меня узналъ и искренно обрадовался. Мнѣ самому весело было на него смотрѣть. У него есть положительный талантъ и талантъ чисто свалившійся съ неба, не подготовленный ни умомъ, ни образованіемъ, ни направленіемъ, какъ это теперь часто бываетъ, такъ что не различишь, что талантъ, что умъ... И потому-то и весело мнѣ бываетъ слышать въ комъ-либо присутствіе такого таланта, этого гостя независимаго, Богъ знаетъ, откуда пришедшаго... Онъ записалъ мой адресъ и хотѣлъ у меня быть.—Старый порядокъ начинаетъ опять возвращаться въ Европѣ, и Австрія—къ политикѣ Меттерниха. Вы, можетъ быть, читали въ газетахъ строгіе запросы, заданные Австрійскому правительству Палацкимъ по поводу двусмысленной ноты къ Франкфуртскому сейму. Онъ требуетъ, чтобы Австрія высказала свои настоящія отношенія къ Богеміи и Моравіи, ибо въ этой нотѣ слышится, что она ставитъ на первый планъ Нѣмецкую народность и желаетъ сохранить вліяніе на Германію не силою равенственнаго соединенія своихъ разноплеменныхъ областей, но именно своимъ Нѣмецкимъ значеніемъ, и заставляетъ теперь дѣлать новые выборы для посылки на Франкфуртскій сеймъ депутатовъ между тѣми Славянами, которые уже разъ положительно отъ того отказались. Однимъ словомъ, Австрія не оставляетъ намѣренія германизировать Славянскія племена, но, дабы не испугать ихъ, дѣйствуетъ по обыкновенію двусмысленно, лжетъ и обманываетъ, какъ и прежде. Елачичъ писалъ сюда, что онъ находится въ самомъ грустномъ положеніи, не знаетъ, что и дѣлать: Австрія вновь вводитъ между

Кроатами употребленіе Мадьярскаго языка! «Я, пишетъ онъ, нахожусь между двухъ непріятностей: или опять подпасть подъ зависимость Мадьяръ, или сдѣлаться мятежникомъ противъ своего Императора»... Впрочемъ, пока не рѣшенъ вопросъ Итальянскій, Австрія не рѣшится на многое. Въ Галиціи вновь стали вводить сборъ десятины въ пользу помѣщиковъ, и это дало поводъ тоже къ интерпелляціи одного изъ представителей на Вѣнскомъ сеймѣ!.. Силенъ же этотъ старый порядокъ, нечего сказать! Хоть я и не вѣрилъ возможности возродиться въ Европѣ новымъ началамъ силою собственныхъ средствъ и тѣмъ путемъ, которымъ они шли, но все же, пока происходила борьба, они были въ ходу въ самихъ душахъ человѣческихъ и смущали ихъ; все же слышалось, что занесены такіе вопросы, разрѣшеніе которыхъ вызоветъ и насъ на сцену и преобразуетъ міръ. А теперь опять покойно заплываетъ жиромъ сердце человѣческое; грустно знать, что страшныя раны, которыя были обнажены 1848-мъ годомъ, остались не вылеченными, закрыты снова и преданы забвенію!.. *). Разумѣется, старый порядокъ не устоитъ, но простоитъ, можетъ быть, еще долго —Читали ли Вы «Отголосокъ русскаго сердца, Тверскаго помѣщика Дмитрія Шелихова, Статскаго Совѣтника и Кавалера»? Этотъ господинъ напечаталъ свой отголосокъ особыми брошюрками и самъ развезъ по всѣмъ здѣшнимъ магнатамъ. Прочтите, это замѣчательно, какъ безкорыстная подлость подлостей. Говорятъ, что онъ былъ помѣщенъ въ «Инвалидѣ»; впрочемъ, у Самарина есть, и я его уговаривалъ послать въ Москву; если же онъ не пошлетъ, такъ я достану и пришлю. Онъ говоритъ между прочимъ про Россію: что въ ней законы исполняются, какъ святыня, что въ ней крестьяне благоговѣютъ предъ Богомъ и своими Господами и пр. Ну что прикажете дѣлать съ этимъ народомъ?.. У насъ, право, создастся цѣ-

*) 3-го Марта отецъ отвѣчаетъ Ивану Сергѣевичу. „Я уже имѣлъ случай отвѣчать тебѣ на него (на означенное письмо) съ оказіей и порядкомъ побранилъ тебя за рѣзкость и неточность выраженій, особенно за то, что ты не договариваешь своихъ мыслей, отчего выходитъ совершенно превратный смыслъ. Еслибъ кто-нибудь, не знающій тебя и твоего образа мыслей, прочелъ это письмо, то могъ бы заключить, что ты западный европейскій либералъ, тогда какъ эти люди для тебя гадки и отвратительны“.

лая своя Правительственная Литература, ибо другой и хода не даютъ... Уваровъ отстоялъ профессорствованіе Куторги, съ условіемъ строжайшаго за нимъ наблюденія. Куторга же въ Университетѣ читаетъ Зоологію.—Говорятъ утвердительно, что весь Дворъ ѣдетъ на страстную недѣлю въ Москву; тамъ будетъ говѣть и встрѣтитъ Пасху.—Языковъ сказывалъ Попову, что Константинъ пересталъ будто бы ходить къ Хомякову за то, что онъ пустилъ жену свою на балъ къ Закревскому. Вы ничего про это не пишете.—Я совершенно согласенъ съ Вашими прекрасными строками, милая Маменька, относительно снисхожденія; но есть вещи непримиримыя.

1849 года, Марта 1-го. Понедѣльникъ. Петербургъ

Поздравляю Васъ еще разъ, милая Маменька и милый Отесинька, и всѣхъ нашихъ, со днемъ 1-го Марта. Вчера получилъ я Ваше письмо, милый Отесинька, отъ 23-го Февраля...—На пятой недѣлѣ поста ѣдетъ въ гости къ Вамъ Государь со *всѣмъ* своимъ дворомъ, со всей Царской фамиліей. Они хотятъ встрѣтить тамъ Пасху и обновить дворецъ. Говорятъ, отправляется также туда по почтѣ батальонъ Преображенскаго полка и эскадронъ Конногвардейцевъ... Вѣроятно, будетъ много манифестацій руссицизма, много всякихъ эффектовъ.. Государь на это мастеръ, и я увѣренъ, что въ его душѣ собственно, когда онъ бываетъ въ Кремлѣ, пробуждается сочувствіе къ народу, къ Руси, но не всегда ясно для него самого.. Но всего забавнѣе будутъ окружающіе его!.. Все это пустится въ національность, которую опошлятъ до невыносимаго; если уже Закревскій своимъ маскарадомъ увлекъ всю Москву, такъ что уже будетъ теперь! И на днѣ Москвы, на осадкѣ останется одинъ Константинъ, ибо и народъ поддастся весь обаянію... Маскарадъ Закревскаго (возбудившій въ Петербургѣ сильную зависть) повторится во дворцѣ, и, *вѣроятно*, всѣ участвующіе будутъ причислены къ Московскому Двору Его Величества. Кавалеры будутъ сдѣланы камеръ-юнкерами и Каммергерами, а дѣвицы получатъ фрейлинскій шифръ. Теперь посланъ туда Графъ Шуваловъ для найма ко дворцу 300 человѣкъ прислуги... Что всего замѣчательнѣе—это то, что Государь при-

казалъ Блудову ѣхать съ собою, и онъ ѣдетъ вмѣстѣ съ Антониной Дмитріевной, о чемъ скажите Хомякову; онъ можетъ надѣяться, что его будутъ таскать всюду: что мы будемъ тогда дѣлать съ бородой?.. Замѣтили Вы въ статьѣ Шаникова слова о благотворительности, о пользѣ роскоши и расточительности? И какой вздоръ все это! Никогда не полезна роскошь, ибо она непроизводительна и расточаетъ капиталы, которые, дѣйствуя, какъ капиталы, въ тысячу разъ полезнѣе, нежели въ безконечно маломъ раздробленіи. По крайней мѣрѣ такъ учила меня Политическая Экономія... И для каждой пары нашелъ онъ приличную похвалу и не скажетъ никогда: Петербургъ, а всегда: Сѣверная Пальмира, Невская столица!.. Что за отвратительный сиропъ. Мнѣ было просто весело перейти къ топорной рубкѣ Погодина... Э, скверно! И какой-нибудь маскарадъ—вотъ все проявленіе общественной публичной жизни, наполнившее собою всю зиму!.. И ничего больше? Надобно имѣть или непонятную мудрость или тайное равнодушіе сердца, чтобы довольствоваться какою-нибудь малою толикою проявившагося здѣсь движенія мысли, чтобъ довольствоваться и быть довольну, т. е. спокойну!.. Все это такъ скверно, такъ грустно, чувствуется такое безсиліе, что мнѣ хочется опять въ даль, въ даль, подъ это чудное, южное, темносинее небо, которое вышибло у меня слезы, когда я впервые увидалъ его подъ Николаевымъ; чуть здѣсь заиграетъ солнце и начинается оттепель, ужъ меня такъ и подмываетъ... Какъ мнѣ хотѣлось бы провести лѣто гдѣ-нибудь въ Малороссіи, на хуторѣ!.. На прошедшей недѣлѣ какъ-то перечитывалъ я какую-то Малороссійскую пѣсню, и мнѣ такъ вдругъ захотѣлось этого, что я отправился въ Департаментъ и объявилъ намѣреніе взять ревизію городовъ въ Полтавской губерніи. Но потомъ я собралъ свѣдѣнія относительно этого именно порученія, и оказывается, что самый меньшій срокъ для выполненія его—два года, что придется обревизовать 16-ти городовъ и что работы—такъ, какъ предполагаетъ эту работу Инструкція—гибель и много работы черновой... Министру объ этомъ еще не докладывали, и я думаю поискать другаго порученія въ Малороссію же. Оказывается, что весьма мало порядочныхъ порученій. «Бродяга» все еще продолжаетъ

быть въ ходу, совершенно независимо отъ автора, о которомъ, слава Богу, никто рѣшительно и не заботится. Попова зовутъ «съ Бродягой», тамъ кто-то читаетъ его въ другихъ мѣстахъ, одинъ экземпляръ лежитъ у Елены Павловны, другой полетѣлъ къ Марьѣ Николаевнѣ. Поповъ исправляетъ должность оффиціальнаго чтеца моихъ стиховъ. Это еще ничего; но какъ они сами тамъ читаютъ, по ошибочнымъ спискамъ, не смысля ничего въ метрѣ,—это ужъ Богъ вѣсть! Недавно Поповъ опять читалъ у Блудова, гдѣ между прочимъ былъ и Александръ Строгановъ, бывшій Министръ. Онъ замѣтилъ, что какъ-то однако не хорошо: будто въ Россіи такъ много бродягъ. Блудовъ, который приходилъ въ свирѣпый восторгъ, замѣтилъ также, что Бутурлинъ многаго не пропуститъ. Блудовъ говорилъ Попову, что онъ, должно быть, Васъ знаетъ, милый Отесинька, и что онъ помнитъ, какъ опредѣлялъ Васъ Цензоромъ, бывши Товарищемъ Министра Народнаго Просвѣщенія. Не смотря на все это, я рѣшительно прервалъ всѣ знакомства въ Петербургѣ, даже съ Веневитиновымъ и Віелгорскимъ, къ которымъ не поѣхалъ по возвращеніи изъ Бессарабіи, и чувствую себя здѣсь совершенно какъ въ пустынѣ, ибо въ этомъ участіи, возбуждаемомъ «Бродягою», нѣтъ ничего теплаго, грѣющаго и относящагося собственно къ моей особѣ, къ Ивану Сергѣевичу. И это участіе такъ глупо и безтолково, разсмотрѣнное вблизи, что лучше объ немъ слышать издалека *).

---

*) Сергѣй Тимоѳеевичъ отвѣчаетъ 8-го Марта: Ходъ „Бродяги" и отсутствіе его сочинителя очень забавны, а еще болѣе оригинальны. Впрочемъ, я не одобряю вполнѣ твоего отшельничества. Зачѣмъ тебѣ участіе въ Иванѣ Сергѣичѣ? Хорошо, еслибъ было искреннее участіе въ „Бродягѣ". Да, милый другъ Иванъ, ступай въ Малороссію, подъ ея прекрасное небо, въ ея роскошную природу. Мнѣ сладко было твое увлеченіе. Константинъ взбѣсился отъ него, а Хомяковъ и Гоголь умерли было со смѣху надъ гнѣвомъ Константина. Не смотря на треволненія духа, на этихъ дняхъ я какъ-то принялся писать свои охотничьи записки: ранняя весна, пробужденіе жизни въ природѣ и токъ тетеревовъ благотворно подѣйствовали на мою душу. Божественно звучатъ поэтическія струны сердца человѣческаго, и я торжественно исповѣдую, на краю моего земнаго поприща, что одно искусство можетъ примирять человѣка съ жизнію... Прощай!.. Вырывайся скорѣе изъ Петербурга. Я буду спокойнѣе".

Пятница. 1849 года, 3-го Марта. Петербургъ.

Нынче ѣдетъ Пальчиковъ въ Москву и просилъ, чтобъ я непремѣнно послалъ съ нимъ письмо. Поэтому я и не писалъ вчера по почтѣ, а дѣло вышло такое, что собственно съ оказіей ничего особеннаго сообщить не имѣется. Я думалъ, что я получу отъ Васъ еще письма; но, кажется, Вы рѣшились писать разъ въ недѣлю; послѣднее письмо получено мною отъ Васъ въ Воскресенье. — Вы, вѣроятно, давно уже слышали исторію, случившуюся въ Училищѣ Правовѣдѣнія? Вы знаете, что одного, Биляковича, сослали въ Оренбургскій корпусъ солдато́мъ; другаго, Князя Гагарина, юнкеромъ въ 6-й корпусъ въ Москву. Принцу сдѣлали выговоръ, Директору письменный выговоръ, воспитателя выгнали вонъ. Вчера я узналъ, что и Директору, Князю Голицыну, приказали выйти въ отставку. Принцъ въ отчаяніи, что у него подъ попечительствомъ созрѣваютъ такія сѣмена. Онъ давно уже жаловался Оболенскому, что въ Правовѣдѣніи «демократическое направленіе и все такія рожи!» — Пальчиковъ поразскажетъ Вамъ обо мнѣ... Онъ очень хорошій малый, на котораго Петербургъ не имѣлъ вліянія и который, даромъ, что помѣщикъ, а всею душою тянетъ къ освобожденію крестьянъ.—Обо мнѣ еще ничего не рѣшено. Я, впрочемъ, не справлялся въ Министерствѣ и нынче или завтра поѣду. Вообще на этой недѣлѣ я мало гдѣ былъ, а занимался Царанами. Думаю, что въ теченіе будущей недѣли рѣшится обо мнѣ: ѣду ли я въ Малороссію или нѣтъ. Если нельзя будетъ отправиться въ Малороссію, то во всякомъ случаѣ вопросъ о моемъ порученіи разрѣшится на будущей недѣлѣ.

Какое это письмо Константинъ написалъ къ Соллогубу, которымъ сей очень доволенъ?.. Вы мнѣ объ этомъ ничего не писали. Любопытно было бы мнѣ быть въ Москвѣ вовремя пребыванія Двора. Говорятъ, Государь хочетъ всю службу Страстной недѣли прослушать въ Успенскомъ соборѣ и вообще крѣпче возобновить свою связь съ народомъ, въ чемъ, разумѣется, и успѣетъ. Мы просимъ Попова вести дневникъ своему пребыванію въ Москвѣ въ это время.— Много и много можно было бо написать о нашей, остаю-

щейся намъ дѣятельности въ это грустное время, много поучительнаго въ окружающей насъ жизни, но вдругъ всѣхъ мыслей не соберешь, и писать пришлось бы много, а пора посылать къ Пальчикову.

6-го Марта 1849 года. Петербургъ. Понедѣльникъ.

На нынѣшней недѣлѣ я получилъ два письма Вашихъ: одно въ Пятницу вечеромъ (вмѣстѣ съ письмомъ Константина), другое вчера вечеромъ. Пишу Вамъ съ почтой, но ищу окказіи, чтобы написать особо... Какъ нарочно, всѣ окказіи были на прошлой недѣлѣ, а Анненковъ еще Богъ знаетъ когда поѣдетъ... Дѣла идутъ плохо: Нѣмцы торжествуютъ, и Самаринъ сидитъ *). Когда приготовлялась вся эта развязка, дня за три до заключенія въ крѣпость, то Самаринъ просилъ меня, если что случится, передать Вамъ, милый Отесинька, его убѣдительнѣйшую просьбу: чтобы Вы умѣряли въ его знакомыхъ порывы негодованія, которые могутъ только пуще повредить ему. Взятъ онъ въ Субботу, въ пятомъ часу пополудни. Мы еще никто не добились доступа къ нему. Не знаемъ еще: на гауптвахтѣ ли онъ крѣпостной или въ самой крѣпости. Поэтому я теперь не могу ничего писать Вамъ.

10-го Марта 1849 года. Четвергъ.

На нынѣшней недѣлѣ я писалъ Вамъ два раза: одинъ разъ по почтѣ, другой съ окказіей. Въ послѣднемъ Вашемъ письмѣ, милый Отесинька, Вы пишете, что отвѣчали мнѣ съ окказіей на письмо отъ 24-го Февраля, въ которомъ будто бы помѣщены разныя рѣзкія выраженія, для почты неудобныя. Кто эта оказія? Она еще до меня не доходила. Любопытно мнѣ знать, получите ли Вы письмо мое, писанное по почтѣ въ Понедѣльникъ и другое посланное съ Сатиновымъ **). Пожалуйста, опишите подробно всѣ впечатлѣнія,

---

*) Въ это время Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ подвергся аресту въ крѣпости за распространеніе въ рукописи извѣстныхъ его „Рижскихъ писемъ“.

**) Упоминаемое письмо не оказалось въ собраніи писемъ. Оно вѣроятно было передано родителямъ Ю. Ѳ. Самарина.

которыя произведетъ на Васъ и на Москву сообщенное извѣстіе.—Что тутъ прикажете дѣлать! Писать ни о чемъ другомъ какъ-то не хочется. Этотъ интересъ вытѣсняетъ слишкомъ сильно всѣ другіе и о немъ писать нельзя! *Его* еще все нѣтъ.—Вообще и Васъ всѣхъ прошу быть *очень осторожными.*—Кажется, вмѣсто Юга, отъ котораго въ настоящее время долженъ отказаться, придется мнѣ ѣхать на Востокъ или на Сѣверъ. На Сѣверъ-то я, думаю, не поѣду, а можетъ быть, отправлюсь въ Казань или Кострому.—Справлюсь нынче, когда ѣдетъ этотъ Анненковъ. Онъ уже двѣ недѣли, какъ каждый день собирается выѣхать и все откладываетъ. Я послалъ бы съ нимъ письмо, да боюсь, что онъ затеряетъ его.

Марта 14-го 1849 года. Петербургъ, Понедѣльникъ.

Вчера получилъ я Ваше письмо отъ 8-го Марта, т. е. отъ Вторника. Завтра или послѣ завтра надѣюсь получить отвѣтъ на письма, посланныя мною въ Понедѣльникъ по почтѣ и во Вторникъ съ Сатинымъ. Самаринъ все еще сидитъ; письма его семейства доставляются ему туда. Успокойте Ѳедора Васильевича чрезъ Хомякова: скажите ему, что сынъ его помѣщенъ весьма комфортабельно, имѣетъ бѣлье, книги и сигары. Перовскій выхлопоталъ позволеніе доставлять ему всѣ нужныя вещи и *ученыя* книги и вслѣдствіе этого отправилъ къ нему всю свою Revue Britannique. Если-бы не мать Самарина, которую это извѣстіе должно сильно огорчить, то нечего было бы и горевать; напротивъ, можно было бы радоваться, потому что это обстоятельство должно принести самому дѣлу огромную пользу. Уже въ томъ польза, что эти письма будутъ прочтены тѣмъ, кому ихъ прежде всего слѣдуетъ знать. Общество принимаетъ, по своему, довольно живое участіе, т. е. такое, какое можетъ принять Петербургское подлое общество. Говорятъ, впрочемъ, что и въ «высшей сферѣ» произошла реакція мнѣній въ пользу Самарина, и я объясняю это тѣмъ, что письма продолжали читать... Во всякомъ случаѣ надо замѣтить, что обвиненіе было не противъ содержанія писемъ, но противъ распространенія ихъ. Долго ли будетъ продолжаться заключеніе,

не знаю, но по общимъ слухамъ—не долго *). Өедоръ Васильевичъ прислалъ письмо въ отвѣтъ еще на письмо сына, въ которомъ онъ извѣщалъ его, что ему можетъ грозить наказаніе. Письмо это было прочтено сначала у насъ, ибо не можетъ быть доставлено туда иначе, какъ распечатанное. Письмо Өедора Васильевича прекрасно. Онъ не только не бранитъ сына, но благодаритъ его за нѣжность его чувствъ къ родителямъ и благословляетъ его и прибавляетъ: впрочемъ, надѣюсь на справедливость и милость Государя. Это письмо должно принести пользу Самарину *во мнѣніи нѣкоторыхъ*. Мать Самарина еще ничего не знала. Письма же въ отвѣтъ на извѣстіе о заключеніи сына—еще не получено. Я Вамъ пишу все это по почтѣ, хоть и не слѣдовало бы; но что прикажете дѣлать? Окказіи нѣтъ; письма, можетъ быть, и не прочтутъ, а еслибы и прочли даже, такъ вѣдь надо вспомнить, что Адлербергъ и Прянишниковъ—прекрасные люди.—Теперь о другомъ. Вы пишете, что 7-го Марта было у Васъ около 20-ти градусовъ мороза. Здѣсь, напротивъ того, шелъ сильнѣйшій снѣгъ, а теперь стоитъ уже нѣсколько дней сряду чудеснѣйшая погода, совершенно ясная. Днемъ такъ тепло на солнцѣ, что ходить можно въ одномъ

---

*) Отецъ Аксакова, въ письмѣ отъ 12-го Марта, говоритъ: „Несчастное происшествіе съ Самаринымъ глубоко насъ всѣхъ огорчаетъ... Я надѣюсь на справедливость государя. Когда онъ прочтетъ всѣ письма Самарина, особенно 3-е и 7-е, то, я увѣренъ, обратитъ гнѣвъ на милость. Не можетъ быть, чтобъ онъ не почувствовалъ негодованія за положеніе русскихъ въ Ригѣ: онъ царь русской земли по преимуществу. Горько и временное торжество нѣмцевъ; я не фанатикъ, очень много имѣю терпимости, много имѣлъ и имѣю пріятелей-нѣмцевъ, изъ коихъ многіе въ частныхъ личностяхъ люди хорошіе; но какъ каста, какъ партія, они всегда были мнѣ противны. Послѣднее происшествіе усилило общую ненависть къ нѣмцамъ“.

Въ томъ же письмѣ находится приписка сына, Константина Аксакова: „Я такъ былъ пораженъ твоимъ извѣстіемъ, что долго не могъ опомниться. Самаринъ въ крѣпости! Самый искренній, самый благородный, самый прямой человѣкъ и сверхъ того (что не часто встрѣчается въ обществѣ), русскій, всей душою преданный русской землѣ, и онъ въ крѣпости! Я объясняю себѣ это только тѣмъ, что нѣмцы оклеветали его, и что государь, вѣроятно, не успѣлъ прочесть всѣхъ писемъ. Я помню, что Самаринъ и я желали, чтобъ эти письма дошли до государя. Мы надѣялись, что государь придетъ въ негодованіе, увидя, что терпятъ русскіе отъ нѣмцевъ“.

пальто; ночью легкій морозецъ. Пахнетъ, пахнетъ весной, и съ ней возвращаются въ душу всѣ неизъяснимыя стремленія и томленія; такъ и хочется кинуться (употребляю выраженіе опошленное, но тѣмъ не менѣе вѣрное) въ объятія природы! Вы пишите, что Константинъ сердится за намѣреніе мое ѣхать въ Малороссію. Радуйся, Константинъ! Не на Югъ ѣду я, а на Сѣверо-Востокъ, въ Татарщину, въ сугробы снѣга!.. Вѣдь ты, вѣроятно, Казань предпочитаешь Малороссіи. Въ другое время я бы охотно поѣхалъ и въ Казань, но теперь, когда я весь наполнился мыслью о Югѣ и всѣми образами Юга, замѣнять ихъ мыслью о Казани — тяжело, даже противно. Я уже такъ было расположился душою, что мнѣ ни снѣжнаго, ни Волжскаго величія видѣть не хотѣлось. — Марья Николаевна спрашивала Блудова по случаю «Бродяги» объ авторѣ, и онъ сказалъ, забывъ то, что говорилъ ему Поповъ, что авторъ не служитъ и живетъ въ Москвѣ; вообще честь сочиненія «Бродяги» приписывается Константину, а мнѣ приписывается въ замѣнъ этого многое такое, что даже не совсѣмъ выгодно. Вѣдь ты причиною отчасти, Константинъ, невозможности для меня, какъ для Аксакова, ѣхать въ Малороссію. Это Вамъ все объяснитъ Поповъ, который ѣдетъ въ Москву 22-го Марта въ почтовой каретѣ и въ Благовѣщеніе будетъ въ Москвѣ.—О поѣздкѣ своей въ Казань буду писать Вамъ, по наведеніи нѣкоторыхъ справокъ, въ Чертвергъ. Какъ я радъ, милый Отесинька, что Вы принялись за охотничьи записки! Продолжайте, продолжайте ихъ, пожалуйста. О, дай Богъ, чтобъ и на меня въ Ваши годы также сильно дѣйствовали впечатлѣнія природы! Это просто даръ Божій, за который я не умѣю и благодарить достаточно Бога *).

---

*) Въ отвѣтъ на письмо 14-го Марта Сергѣй Тимоѳеевичъ пишетъ сыну 19-го Марта. Суббота. (Взятіе Парижа и день рожденья Гоголя).

„Вчера получили мы письмо твое, милый другъ Иванъ, отъ Понедѣльника, то есть отъ 14 Марта, за № 11-мъ.—Хотя нѣтъ еще въ письмѣ твоемъ всѣми нами желаемаго и ожидаемаго извѣстія о благополучномъ возвращеніи Ю. Ѳ. на собственную свою квартиру; но все извѣстія твои успокоительны. Главное, чѣмъ мы и поспѣшили успокоить семейство Самарина, состоитъ въ томъ, что онъ можетъ имѣть свѣдѣнія объ отцѣ и матери. Воображая себя на его мѣстѣ, я приходилъ за него въ отчаяніе отъ неизвѣстности, что дѣлается дома? Живы

1849 года, Марта 18-го. Пятница. Петербургъ.

Я не писалъ Вамъ вчера, какъ бы слѣдовало по принятому мною обыкновенію, потому что хотѣлъ дождаться Вашихъ писемъ, которыя и получилъ вчера, уже поздно, вмѣстѣ съ деньгами. Благодарю Васъ за присылку денегъ; такъ какъ я предполагаю скоро выѣхать изъ Петербурга, то мнѣ ихъ будетъ достаточно. Времени же своего отъѣзда никакъ опредѣлить не могу. Предписаніе объ отправленіи меня въ Казань еще не подписано Министромъ, а самъ я теперь ревностно занимаюсь чтеніемъ всѣхъ дѣлъ Министерства, относящихся до Казанской губерніи. Предметъ моего порученія состоитъ въ ревизіи настоящаго положенія городовъ въ хозяйственномъ, торговомъ и административномъ отношеніяхъ, въ составленіи имъ статистическаго описанія и, наконецъ, въ изложеніи всѣхъ моихъ соображеній, основанныхъ на мѣстномъ изученіи фактовъ, объ улучшеніи положенія городовъ, о средствахъ придать имъ больше значенія, о преобразованіи внутренней городовой администраціи и пр. и пр. Вы видите, что послѣдняя часть труда можетъ сильно заинтересовать человѣка; въ ней есть мѣсто общимъ началамъ, и я радъ буду познакомиться съ этою совершенно мнѣ новою частью, а также ближе узнать наше купеческое сословіе... Но, надо признаться, много также въ этомъ порученіи скучной, мелкой, черновой работы, слишкомъ много! Напр. надо повѣрять планы, составлять инвентари (описи) городскимъ имуществамъ въ самой мелкой подробности, обревизовать канцелярское дѣлопроизводство, счетную часть и пр. Но что же дѣлать! Другаго порученія въ виду не имѣется;

ли отецъ и мать? Какъ перенесли такой ударъ?... Мы вызвали къ себѣ Владиміра Самарина и сообщили ему кое-что изъ твоего письма. Наивность остальнаго въ письмѣ твоемъ превосходитъ всякую мѣру. Ты далеко за собою оставилъ Константина! Когда мнѣ случится въ разговорахъ упомянуть о васъ, то я всегда говорю такъ: „всѣмъ извѣстно, что глупѣе умныхъ сыновей моихъ Ивана и Константина нѣтъ на свѣтѣ"... Оставя всякія шутки, я право не знаю, чему приписать твои нелѣпыя выходки. Вы по справедливости можете принять своимъ девизомъ выраженіе, что величайшая осторожность состоитъ въ величайшей неосторожности. Впрочемъ вы правы: чего опасаться тѣмъ людямъ, для оправданія которыхъ достаточно одного, т. е. близкаго съ ними знакомства.

жить безъ дѣла служебнаго въ Петербургѣ мнѣ, привыкшему къ служебнымъ занятіямъ, тоска невыносимая. Надо же работать, работать для пользы общей, какъ бы она ни была ограниченна, какъ бы ни малы были плоды, и исполнять по крайней мѣрѣ долгъ честнаго человѣка! Я почти заранѣе знаю, что будущій трудъ мой о Казанской губерніи, по окончаніи порученія, будетъ положенъ *къ таковымъ же*, какъ это до сихъ поръ дѣлалось со всѣми прочими ревизіями городовъ, что никакого результата отъ того не выйдетъ; но какъ же быть? Вотъ и теперь отчетъ мой о Бессарабскихъ раскольникахъ, хоть и былъ расхваленъ, преспокойно лежитъ себѣ у Н — а и никакихъ ростковъ не пускаетъ! Все это очень грустно; но тѣмъ не менѣе я вижу, что для моей дѣятельности только два поприща: служба и поэзія. Поэзія одна неспособна удовлетворить меня и наполнить мое время; въ службѣ я все же могу найти возможность быть полезнымъ, хоть совершенно случайно; къ тому же она дастъ мнѣ средства знакомиться ближе съ Россіей... Впрочемъ, въ этомъ отношеніи Казань не вполнѣ достигаетъ моей цѣли. Какая ужъ это Россія! Тетюши, Мамадышъ, Чебоксары и пр.! Но все же это одна изъ старыхъ частей всего русскаго тѣла, все же это одна изъ сокровищницъ народнаго богатства. Вы хорошо знаете Казань и потому можете мнѣ сообщить объ ней много любопытныхъ свѣдѣній.—Что сказать Вамъ новаго? Самаринъ еще не возвращался. Поповъ 22-го Марта ѣдетъ въ Москву, слѣдовательно, будетъ въ ней 25-го. Блудовъ съ дочерью отправились во Вторникъ. Государь, говорятъ, ѣдетъ 25-го.— Вы не повѣрите, какъ мнѣ хочется скорѣе вонъ изъ Петербурга и какъ тянетъ меня въ дорогу, въ деревню, теперь, когда возникаетъ вся природа вновь къ жизни, и весеннее солнце все жарче и жарче грѣетъ.

Вечеромъ, 18 Марта, въ самый день, когда было написано предъидущее письмо, Иванъ Сергѣевичъ былъ арестованъ и доставленъ подполковникомъ Левенталемъ въ Штабъ Корпуса жандармовъ, гдѣ его помѣстили въ столовомъ залѣ Графа Орлова. Поводомъ къ аресту Ивана Сергѣевича была близость его съ Ю. Ө. Самаринымъ; рѣзкость

нѣкоторыхъ его возраженій въ семейныхъ письмахъ, попавшихъ въ руки тайной полиціи и наконецъ, неосновательное подозрѣніе, возникшее въ оффиціальныхъ сферахъ,—что начавшееся въ Москвѣ славянофильское направленіе находится въ связи съ панславитскимъ ученіемъ на Западѣ. Ивану Сергѣевичу былъ предложенъ рядъ письменныхъ вопросовъ, на которые онъ отвѣчалъ съ свойственными ему прямодушіемъ и свободой. Эти отвѣты составляютъ нѣкоторымъ образомъ *вѣроисповѣданіе* славянофильства. Записка Ивана Сергѣевича съ собственноручными замѣтками Государя Николая Павловича помѣщена цѣликомъ здѣсь, въ концѣ «Петербурскихъ Писемъ». По прочтеніи отвѣтовъ Ивана Сергѣевича на предложенные ему вопросы, Государь Николай Павловичъ, возвращая рукопись Графу А. Ѳ. Орлову, написалъ: «*Призови, прочти, вразуми, отпусти*». Такъ и было сдѣлано. 22 Марта, послѣ четырехдневнаго ареста, Иванъ Сергѣевичъ былъ уже на свободѣ. Графъ Алексѣй Ѳедоровичъ во время ареста весьма любезно обращался съ нимъ, снабжалъ его книгами и отличными сигарами. Между тѣмъ Сергѣй Тимоѳеевичъ, не получая извѣстій о сынѣ, безпокоится и пишетъ къ нему отъ 25 Марта *).

---

*) „Вотъ сколько времени не писалъ я къ тебѣ, милый другъ Иванъ. Причиною тому было неполученіе писемъ отъ тебя. Вотъ какъ случилось дѣло. Я обыкновенно пишу по Вторникамъ и Субботамъ, а твои письма получаются по Понедѣльникамъ и Пятницамъ. Въ прошедшій Понедѣльникъ, 21 Марта, получили Самарины письмо отъ сына, которое немедленно намъ сообщили. Письмо было самое радостное для всѣхъ. Старикъ Самаринъ въ восторгѣ прислалъ просить къ себѣ Константина, который немедленно поѣхалъ къ нему и былъ принятъ отцемъ и матерью съ распростертыми объятіями. А. П. Васильчикова пріѣхала сама, рано утромъ, не бывъ еще у Самариныхъ, поздравить Константина. Мы отслужили молебенъ и пили за здравіе Государя... Но отъ тебя писемъ не было. Я надѣялся получить ихъ во Вторникъ; въ этотъ день пріѣхалъ Самаринъ. Я ожидалъ писемъ съ нимъ или изустныхъ отъ тебя порученій... Ни того, ни другаго! Самаринъ пріѣхалъ къ намъ въ тотъ же день и сказалъ, что едва тебя видѣлъ. (Довольно странно!) Я забылъ сказать, что въ Воскресенье, 20 Марта, пріѣхалъ Анненковъ и не привезъ отъ тебя никакихъ извѣстій. Въ Среду я ожидалъ отъ тебя новаго письма; а вчера, то есть, въ Четвергъ написалъ потому, что къ вечеру ждали Попова, который еще не пріѣхалъ. Это письмо будетъ ждать его до 3 часовъ, а потомъ отправится по почтѣ. Согласись, что неполученіе писемъ, а всего болѣе неполученіе никакихъ извѣстій отъ тебя съ оказіями должно было произвести въ насъ безпокойство на счетъ твоего здоровья. Если не получимъ писемъ сегодня съ почтой и съ Попо-

Вторникъ. 22-го Марта 1849 года.

Я сейчасъ отъ Графа Орлова, и онъ объявилъ мнѣ рѣшеніе Государя. Слава Богу, все кончилось какъ нельзя лучше! Государь поступилъ со мной такъ великодушно, что я просто былъ тронутъ и, конечно, не забуду этого.—Завтра Поповъ ѣдетъ въ Москву, поэтому онъ передастъ Вамъ обо мнѣ живыя извѣстія. Самъ же я, какъ только будетъ можно, не замедлю принять порученіе и тогда пріѣду къ Вамъ въ Москву.

1849 года, Марта 24-го. Петербургъ. Четвергъ.

Теперь Вы уже, конечно, все знаете и, вѣроятно, такъ же довольны и рады, какъ и я. Вчера я дѣлалъ визиты лицамъ, принявшимъ во мнѣ искреннее участіе. Н—ъ, ужасно струсившій, далъ чрезъ Карташевскихъ знать Кавелину, а тотъ ѣздилъ къ Графу Орлову и прислалъ Княжевича къ Л. В. Дубельту. Я былъ у нихъ обоихъ.—О томъ, когда я ѣду,—еще не знаю, но узнаю скоро: еще Министръ не далъ никакого разрѣшенія; можетъ быть, онъ имѣетъ особенные на меня виды. Сейчасъ былъ у Графа Орлова—благодарить его за его доброе обхожденіе и участіе. Онъ ѣдетъ завтра въ Москву вмѣстѣ съ Государемъ.—Послѣ завтра перехожу на квартиру Попова, потому что срокъ моей квартирѣ вышелъ.—Завтра Благовѣщеніе,—поздравляю Васъ. Поздравляю Васъ же всѣхъ и Константина въ особенности со днемъ его рожденія, съ 29-мъ Марта.

вымъ, то я не знаю, что съ нами будетъ.—Изъ словъ Самарина, а еще болѣе изъ твоихъ писемъ, я вижу, что ты находишься въ раздражительномъ состояніи, которое вредно и твоему здоровью и твоей службѣ. Я считалъ тебя умнѣе, то есть, разумнѣе, нежели ты оказываешься. Понимая дѣйствительность такою, какъ она есть и сознавая въ тоже время необходимость службы, ты долженъ былъ покориться условіямъ свѣта. Уступка неизбѣжна. Ты ѣхалъ въ Петербургъ, слѣдственно ты долженъ былъ, по наружности, ладить съ настоящимъ ходомъ служебныхъ дѣлъ, съ образомъ мыслей и жизни тамошняго общества. Самаринъ очень раскаявается, что далъ тебѣ совѣтъ перейти въ Петербургъ. Нечего говорить, что мы и вся Москва въ восхищеніи отъ поступка Государя съ Самаринымъ“ *).

---

*) Государь Николай Павловичъ позвалъ Самарина къ себѣ, удостоилъ его продолжительной личной бесѣды, въ которой, объясняя ему причины своего неудовольствія по поводу его поступка, онъ весьма милостиво наставилъ его и отпустилъ въ Москву къ родителямъ.

25-го Марта 1849 года. Петербургъ.

Вчера я получилъ Ваши письма отъ 19-го Марта, одно отъ Васъ, милый Отесинька, другое отъ Васъ, милая Маменька, третье отъ тебя, милый другъ и братъ Константинъ. Какъ поразили меня въ Вашемъ письмѣ, милая моя Маменька, слова изъ Евангелія, Вами приведенныя. Это было писано во Вторникъ, слѣдовательно, до происшествія со мной: Вы пишете, что у Васъ изъ головы не выходятъ слова Спасителя: не пекитесь о томъ, что вамъ говорить въ тотъ часъ и пр. Всѣ мои знакомые именно озабочены были этою мыслью и опасались за мои отвѣты; но они-то меня и выручили, а написаны были безо всякаго приготовленія, экспромптомъ, набѣло *)!.. Спасибо тебѣ, Константинъ, за твое длинное и славное письмо. Поздравляю тебя еще разъ со днемъ твоего рожденія, крѣпко тебя обнимаю, и дай Богъ тебѣ въ предстоящій годъ совершить свою грамматику. Какъ ты утѣшилъ меня этимъ извѣстіемъ.

1849 года, Марта 28-го. Понедѣльникъ. Петербургъ.

Грустно мнѣ очень увѣдомить Васъ, что я не могу встрѣтить съ Вами Святую, т. е. не могу пріѣхать къ Вамъ къ Святой... А ужъ какъ мнѣ хотѣлось! Но вотъ почему мои предположенія не состоялись. Вы знаете, что я хотѣлъ ѣхать въ Казань и уже приготовился было совсѣмъ, читалъ дѣла, до Казани относящіяся, и думалъ въ концѣ прошедшей недѣли получить это порученіе и въ началѣ нынѣшней выѣхать. Но Министръ не подписалъ моего назначенія, находя почему-то, что ѣхать *мнѣ* въ *Казань* при существующихъ обстоятельствахъ неудобно, и велѣлъ предложить другую губернію. Теперь хотятъ послать меня въ Ярославль, чему я очень радъ: 1) потому, что эта чисто великорусская губернія сама по себѣ очень интересна по развитію въ ней промышленности, торговли и ремесленности на началахъ совершенно особенныхъ; 2) она близко отъ Москвы; 3) она любопытна своими древностями; одинъ Ростовъ чего стоитъ. А

---

*) Въ то время, когда случился арестъ Ивана Сергѣевича въ Петербургѣ, его мать видѣла во снѣ, что она въ церкви слышитъ слова изъ Евангелія отъ Луки: „Не пецытеся, ка́ко или что отвѣщаете, или что речете и т. д. (Лук. XII, 11).

хлѣбная торговля лѣтомъ въ Рыбинскѣ?.. Кромѣ того, это порученіе тѣмъ хорошо, что вся черновая работа сдѣлана, остается дополнить ее живыми соображеніями о внутренней промышленной жизни губерніи и приводить въ исполненіе нѣкоторыя новыя учрежденія. — Но еслибы сталъ я дожидаться, пока изготовится это порученіе, пока Министръ подпишетъ предписаніе, выдадутъ деньги, дѣла, карты, необходимыя при этомъ случаѣ, — то уже никакъ нельзя было бы мнѣ выѣхать нынче или завтра (чтобы поспѣть въ Москву къ Святой). Видя это и желая изо всѣхъ силъ ѣхать въ Москву какъ можно скорѣе, чтобы встрѣтить вмѣстѣ праздникъ, я думалъ было проситься въ отпускъ недѣли на двѣ. Но въ этомъ также нашли нѣкоторое неудобство. Оно дѣйствительно было бы нѣсколько странно: ѣхать въ Москву недѣли на двѣ, потомъ воротиться и черезъ недѣлю опять ѣхать въ Москву, чтобы оттуда проѣхать въ Ярославль; да и по разнымъ другимъ соображеніямъ находятъ это неловкимъ. Дѣлать нечего, я покорился. Можетъ быть, въ концѣ этой недѣли порученіе изготовится, и на Святой недѣлѣ я выѣду... — Съ нетерпѣніемъ жду отъ Васъ писемъ, чтобы успокоиться на Вашъ счетъ. Хочу знать, какъ дошло до Васъ это извѣстіе. Вы знаете, я не хотѣлъ вовсе о томъ сообщать Вамъ до самаго окончанія дѣла, предполагая, что оно можетъ и не дойти до Васъ, по крайней мѣрѣ не скоро; а я вѣрилъ, что мое дѣло разрѣшится скоро. Боюсь, что Вы не станете писать, ожидая моего пріѣзда.—Я вчера перебрался на квартиру Попова, потому что моей вышелъ срокъ. Вы не повѣрите, какъ скучно и грустно встрѣчать здѣсь Святую! Особенно теперь, безъ Самарина и безъ Попова, я какъ будто осиротѣлъ!.. Здѣсь уже недѣли двѣ, какъ стоитъ ясная погода: на солнцѣ жарко, а въ тѣни плохо таетъ и ночью морозъ. А какія ясныя ночи! Здѣсь луна просто нагло свѣтитъ и дѣлаетъ изъ ночи день *).

---

*) Отецъ отвѣчаетъ на письмо отъ 28 Марта: „Ты уже знаешь, что мы, благодаря Бога, безвредно перенесли столь нежданное нами извѣстіе о послѣднемъ происшествіи съ тобою. Мы утѣшились мыслію, что правосудный Государь, убѣдясь въ чистотѣ всѣхъ твоихъ мыслей и дѣйствій, оградитъ тебя отъ гоненій общества, которыя ты, безъ сомнѣнія, возстановилъ противъ себя своими рѣзкими словами и даже поступками... Вотъ вся твоя вина! Другихъ винъ нѣтъ за тобою... Это видитъ Богъ и знаемъ мы.

31-го Марта 1849 года. Четвергъ. Петербургъ.

Вчера получилъ я отъ Васъ письмо отъ 26-го Марта и какъ ему обрадовался! Впрочемъ, оно мало меня знакомитъ съ настоящимъ ходомъ дѣла. Я бы желалъ знать: знали ли Вы обо всемъ этомъ до пріѣзда Попова? Письмо отъ 22-го Марта написалъ я, уже воротясь отъ Графа Орлова, въ Отдѣленіи, гдѣ дожидался возвращенія Генерала Дубельта, слѣдовательно, еще до свиданія съ Поповымъ.—Нынче узнаю, согласился ли Министръ на отправленіе меня въ Ярославль. Если согласился, то въ такомъ случаѣ я на первой половинѣ Святой недѣли и пущусь въ путь. Я теперь просто заваленъ дѣлами Министерства по Ярославской губерніи, которыя необходимо прочесть передъ отправленіемъ туда.— Святую недѣлю я встрѣчу въ Училищѣ, а разговѣюсь у Графа Толстаго, служащаго у насъ же въ Министерствѣ.— Очень грустно, что не могъ пріѣхать къ Вамъ къ праздникамъ! А какъ бы этого хотѣлось, пока все это еще свѣжо и не сдѣлалось старымъ. Что же дѣлать! Дай Богъ только, чтобы Вы были здоровы, какъ я.

Петербургъ. 2-го Апрѣля 1849 года.

Вы не повѣрите, какъ досадно и грустно мнѣ, что я до сихъ поръ не знаю, когда ѣду и ѣду ли точно! Не могу добиться, согласился ли Министръ на мою поѣздку; былъ вчера и третьяго дня нѣсколько разъ въ Департаментѣ, но по случаю Страстной недѣли всѣ оставили занятія, всѣ говѣютъ, моются въ баняхъ и собираются жуировать на Святой. Разумѣется, никто и не думаетъ торопиться и работать для меня собственно. Узналъ только, что бумага, т. е. докладная записка, еще не «сошла», т. е. еще не возвратилась отъ Министра, который самъ оставилъ занятія на эти дни. А мнѣ это знать потому нужно, что не хочу даромъ заниматься Ярославской губерніей, если и туда Министръ не согласится пустить. — Ваше письмо отъ 28-го Марта я получилъ 1-го Апрѣля. По всему видно, что Московскій Почтамтъ любопытнѣе Петербургскаго. Благодарю Константина за письмо; я совершенно съ нимъ согласенъ

и желалъ бы, чтобы всѣ знали такъ же хорошо, какъ я, прямыя его убѣжденія. Слава Богу, что событіе это окончилось безъ послѣдствій для Васъ!... Ахъ, Боже мой, какъ бы мнѣ хотѣлось, какъ бы мнѣ нужно было быть въ Москвѣ теперь!—Несмотря на все это, я довольно исправно посѣщаю церковную службу на этой недѣлѣ. Въ Понедѣльникъ буду писать Вамъ. Это третье письмо на этой недѣлѣ *).

4-го Апрѣля 1849 года. Петербургъ.

Христосъ Воскресе и Воистину Воскресе! Поздравляю Васъ съ праздникомъ! Какъ-то и гдѣ-то встрѣтили Вы заутреню, т. е. здоровые? Вѣроятно, нынѣшній годъ, по случаю пріѣзда Царской фамиліи, стеченіе народа больше, и Кремль долженъ былъ быть великолѣпенъ въ эту ночь. Какъ жаль,

---

*) На это письмо Сергѣй Тим. отвѣчаетъ 9 Апрѣля. „Вчера получили мы письмо твое, милый другъ Иванъ, отъ Субботы, то есть: отъ 2 Апрѣля. Я заранѣе былъ убѣжденъ, что ты не можешь выѣхать такъ скоро, какъ предполагалъ. Смѣшно было думать, что на послѣднихъ дняхъ Страстной недѣли займутся твоимъ отправленіемъ!... Точно тоже будетъ или было и на Святой! Я даже не огорчился бы этими уроками твоему нетерпѣнію; но, конечно, не теперь. Настоящее время совсѣмъ другое дѣло! У меня есть особая причина къ безпокойству, отъ которой, можетъ быть, ты сдѣлаешь гримасу: я боюсь холеры, которая увеличивается у васъ въ Петербургѣ и по всѣмъ соображеніямъ должна еще увеличиться. Хотя замедленіе твоего отъѣзда происходитъ явно отъ причинъ постороннихъ; но мысль, выраженная твоими словами: „ѣду ли точно“ и прежде западала мнѣ въ голову. Какъ ни увѣрялъ меня Поповъ, что ты будешь вслѣдъ за нимъ, но я не повѣрилъ и задержки временной непремѣнно ожидалъ. Во всякое другое время я разсмѣялся бы, воображая, какъ ты изволишь гнѣваться за то, что добрые люди: *говѣютъ, моются въ баняхъ и сбираются жуировать на Святой*! Да когда же ты будешь не только уменъ, но и разуменъ? Кому какое дѣло до твоего горячаго желанія увидѣть мать, отца и семейство, успокоить ихъ сердца своимъ появленіемъ между ними? Еще менѣе кому нибудь дѣло до того, что ты желалъ горячо встрѣтить пасху въ православной Москвѣ, при торжественномъ звонѣ ея колоколовъ, посреди богомольнаго народа и посреди своей родной семьи. Нѣкоторыя изъ этихъ стремленій покажутся даже дикими многимъ разсудительнымъ людямъ.—Я сижу постоянно дома и слушаю разсказы о Московскихъ событіяхъ: Государь часто приводитъ меня въ умиленіе своими славными поступками. Кажется, онъ никогда еще такъ не сближался съ народомъ, какъ нынѣ, и народъ съ любовію, горячо и шумно, безпрестанно говоритъ о немъ. Этотъ говоръ, какъ ручьи вешней воды, протечетъ

какъ досадно, какъ невознаградимо то, что я теперь не въ Москвѣ! Говорятъ, что пріемъ Государю сдѣланъ удивительный, и Государь и вся его семья чрезвычайно довольны и счастливы. Я увѣренъ, что это такъ. Пусть же онъ порадуется, глядя на свой народъ!—О себѣ еще ничего не знаю, но нынче долженъ узнать и завтра увѣдомлю Васъ. Заутреню и раннюю обѣдню выслушалъ я въ Училищѣ Правовѣдѣнія, оттуда прошелъ къ Графу Толстому, у котораго разгавливался; часу въ шестомъ утра воротился домой, легъ спать, проснулся въ одиннадцать, потомъ сдѣлалъ нѣсколько визитовъ, но все пѣшкомъ, потому что ѣздить ни на чемъ невозможно. Вчера цѣлый день шелъ снѣгъ! Былъ у Над., у котораго нашелъ Ваше письмо отъ 25 Марта, полученное Н—вымъ только 2-го Апрѣля. Отчего Вы писали на имя Н—а? Увидавши Вашу руку и свое имя, онъ обрадовался, вообразилъ, что Вы пишете къ нему, и распечаталъ письмо, но былъ весьма разочарованъ и, хоть увѣряетъ, что не читалъ, но, вѣроятно, прочелъ, а въ письмѣ нѣтъ ни слова объ немъ, хотя и черезъ него писано. Онъ принялъ въ моемъ дѣлѣ самое живое и искреннее участіе, такое, котораго я даже и не ожидалъ отъ него. По окончаніи этой исторіи, онъ былъ мнѣ очень полезенъ, объясняя Министру и всѣмъ ея значеніе. Мнѣ жаль, что Вы не знаете всѣхъ ея подробностей; Поповъ не могъ Вамъ этого передать, многое я узналъ послѣ него... За то сколько и нелѣпостей узналъ я о себѣ! Само собою разумѣется, что такая исторія должна была сдѣлать меня предметомъ общихъ толковъ. Причины никто не зналъ, всякій выдумывалъ и сочинялъ въ волю. Разумѣется, теперь всѣ эти вздоры разсѣялись, и эта исторія, пополнивъ собою исторію Самарина, довершила убѣжденіе въ правосудіи и русскихъ свойствахъ Государя.— Вы пишете въ этомъ письмѣ: кляну тотъ часъ, когда позволилъ тебѣ оставить Министерство Юстиціи. Признаюсь,

---

всю Русь. Слава Богу! Сегодня будетъ знаменитый маскарадъ, или правильнѣе сказать: праздникъ въ старинныхъ и новыхъ народныхъ русскихъ платьяхъ. Третьяго дня былъ праздникъ въ новомъ дворцѣ, гдѣ было 20 тысячъ посѣтителей! Всѣ поражены благочиніемъ публики, хотя никакая полиція (по волѣ Государя) не смѣла мѣшаться.—Прощай, мой милый другъ и сынъ! Спокойно переноси временную невзгоду, будь мужемъ."

эти выраженія мнѣ очень непріятны. Я иду своей дорогой и вовсе не хлопочу въ жизни о покоѣ, удобствахъ и пріятностяхъ... Жить въ Петербургѣ, конечно, тяжело, но еслибы я убѣдился, что это необходимо для общей пользы, то разумѣется, пожертвовалъ бы всякою пріятностью... Всю эту передрягу я считаю для себя весьма полезною; не знаю, когда угомонюсь, но чувствую, что покуда еще не могу усѣсться на одномъ мѣстѣ.

1849 года, 5-го Апрѣля. Петебургъ. Вторникъ.

Пишу Вамъ нынче только нѣсколько строкъ. Командировка моя въ Ярославль утверждена, но такъ какъ я хочу ѣхать черезъ Москву, то Левъ Алексѣевичъ находитъ неудобнымъ ѣхать мнѣ *теперь;* вѣроятно, я дождусь Попова здѣсь и пріѣду въ Москву или въ самомъ концѣ Апрѣля или въ началѣ Мая. Вмѣстѣ съ отсрочкой поѣздки моей отсрочили мнѣ и выдачу денегъ, а потому, если Вы можете сколько-нибудь прислать мнѣ денегъ, не стѣсняя себя, то хорошо сдѣлаете. Вы не повѣрите, сколько истратилось въ эти дни на однихъ извощиковъ, потому что ходить нѣтъ никакой возможности: всѣ эти дни шелъ дождикъ и на улицѣ цѣлое море воды и грязи. — Перовскій сдѣланъ Графомъ. Этому мы всѣ рады, какъ обстоятельству, имѣющему въ настоящее время особенное значеніе послѣ всей этой передряги. — Странно мнѣ, что до сихъ поръ не имѣю отъ Васъ писемъ.. Послѣднее Ваше письмо было писано отъ 28-го Марта, а теперь 5-е Апрѣля! Самаринъ также никому не пишетъ, а Алек. Осип. давно ждетъ отъ него писемъ. Скажите Самарину, что всѣ знакомые ему кланяются и что у Хапыкова умеръ недавно родившійся ребенокъ. Для счета увѣдомляю Васъ, что на Страстной недѣлѣ я писалъ Вамъ три раза, а на этой недѣлѣ писалъ уже два раза. Въ Четвергъ буду опять писать.

8-го Апрѣля 1849 года. Петербургъ. Пятница.

Я не писалъ Вамъ вчера, потому что хотѣлъ дождаться письма отъ Васъ, которое и получилъ вчера вечеромъ. Письмо это отъ 1-го Апрѣля. Какъ долго ходятъ письма! Я бы могъ

подозрѣвать тутъ другую причину, но видѣлъ вчера нѣкоторыхъ, которые также жаловались мнѣ на медленное полученіе ими писемъ изъ Москвы. Теперь праздникъ и почтальоны пьянствуютъ. Что же это такое, Боже мой! Едва только отошла обѣдня въ первый день праздника, уже Воскресеніе Христово стали праздновать пьяными оргіями. Послѣ долгаго поста всѣ разговѣлись вдругъ пьянствомъ, сквернословіемъ и развратомъ. Я говорю про простой народъ, который не въ одномъ Петербургѣ, но и во всей Россіи не по христіански празднуетъ праздники. На улицахъ просто оргіи! Вы, кажется, все будто безпокоитесь на мой счетъ, только я не понимаю—отчего. Еслибъ я былъ боленъ, то Вы могли бы опасаться возвращенія болѣзни, но я не былъ боленъ, и нѣтъ никакой причины опасаться за будущее... Наименованіе Перовскаго Графомъ поразило здѣсь многихъ какъ громомъ. Этого совершенно не ожидали, даже самъ Перовскій. Я теперь занимаюсь все Ярославской губерніей. Не думаю, чтобы въ ней много сохранилось преданій. Тамъ крестьянъ земледѣльцевъ очень мало; едва ли не половина губерніи уходитъ на заработки въ Москву и Петербургъ, гдѣ преимущественно нанимаются въ половые; возвращаясь домой, эти работники приносятъ съ собою развратъ просвѣщенія. Примѣромъ можетъ служить Владимірская губернія или пѣсни, собранныя въ этой губерніи и изданныя года два тому назадъ. Гаже и отвратительнѣе этихъ пѣсенъ нѣтъ ничего.

1849 года, Апрѣля 11-го. Петербургъ. Понедѣльникъ.

Въ Субботу, т. е. 9-го Апрѣля, получилъ я еще письмо отъ Васъ съ приписками ото всѣхъ сестеръ. Благодарю Васъ за письма и поздравленія. Ожидаю съ нетерпѣніемъ Попова. Когда онъ долженъ воротиться? Вы ничего рѣшительнаго о немъ не пишете, а все только безпокоитесь на мой счетъ, хоть я рѣшительно не понимаю, отчего, побывавъ тамъ, гдѣ я былъ, я долженъ былъ потерять или испортить мое здоровье... Ничуть не бывало. Я пользуюсь цвѣтущимъ здоровьемъ; всѣ говорятъ даже, что я потолстѣлъ. Изъ Царской фамиліи воротился только одинъ принцъ Ольденбургскій, который вчера созывалъ всѣхъ бывшихъ воспитанниковъ, а

меня призывалъ къ себѣ въ кабинетъ.—Погода эти дни была гнуснѣйшая: теплая, но сырая, дождливая и туманная; Нева еще не вскрылась, да и на улицахъ не весь ледъ еще сошелъ.—Третьяго дня, въ честь пожалованія нашего Министра Графомъ, человѣкъ 14 изъ насъ, служащихъ въ Министерствѣ, обѣдало у Сен-Жоржа. Тутъ обѣдали: Скрипицынъ, Лексъ, Веневитиновъ, Ханыковъ, Надеждинъ, я, Григорьевъ, Милютинъ, Графъ Д. Н. Толстой, двое племянниковъ его, Головинъ, сынъ Генерала, Муравьевъ-сынъ, Рудницкій. Обѣдъ былъ весьма чинный. Михаилъ Ивановичъ Лексъ провозглашалъ тосты: первый за здоровье Государя Императора и всей Августѣйшей фамиліи, второй за здоровье Россіи, третій за здоровье новаго Графа. Потомъ нѣкоторые стали пить за мое здоровье, но я предложилъ тостъ за здоровье отсутствующаго. Этотъ обѣдъ обошелся, впрочемъ, довольно дорого, по 15-ти рублей серебромъ каждому.—Приготовляясь ѣхать изъ Петербурга, я не знаю, какъ и быть со всѣми своими вещами. Уѣзжая на годъ, я не могу не взять съ собою всѣхъ своихъ книгъ и нанимать здѣсь квартиру; въ Москвѣ у насъ также постояннаго жилища нѣтъ; отсылать въ деревню — неудобно, потому что если я ворочусь зимою, то ихъ трудно будетъ добывать оттуда. Я написалъ маленькую статейку въ видѣ письма, или наоборотъ, это письмо въ пять листовъ. Если найду случай доставить Вамъ это письмо прежде моего отъѣзда изъ Петербурга, то доставлю. Въ немъ нѣтъ ничего положительнаго, а только вопросы и недоумѣнія, безъ разрѣшенія...

14-го Апрѣля 1849 года. Петербургъ. Четвергъ.

Я хотѣлъ дождаться письма отъ Васъ и дѣйствительно получилъ вчера отъ Васъ одно письмо. Вы рѣшительно неутомимы: благодарю Васъ очень. Вы безпокоитесь на счетъ холеры; я, слава Богу, ни мало не безпокоюсь: газетъ не получаю и не заглядываю даже въ Полицейскія Вѣдомости. Въ городѣ же о ней мало слышно.—Я теперь очень занятъ Ярославскими дѣлами. Такъ какъ хотятъ, чтобы эта поѣздка принесла всю возможную пользу, то нужны мнѣ предварительныя основательныя свѣдѣнія обо всѣхъ перепискахъ по

этой губерніи, производящихся въ Министерствѣ, обо всѣхъ возбужденныхъ вопросахъ; я же съ этою частью, т. е. съ городскимъ хозяйствомъ, очень мало знакомъ. Много любопытныхъ вопросовъ предстоитъ къ рѣшенію; за то много такъ называемой «сухой матеріи», напр. о фуражѣ, аммуничныхъ вещахъ для Полиціи и пр. и пр. Хотѣлъ бы я очень познакомиться съ древнимъ хозяйственнымъ устройствомъ городовъ, съ ихъ внутренней администраціей, независимо отъ Вѣча, поглощающаго все вниманіе, Вѣча, которое собиралось въ чрезвычайныхъ случаяхъ и не для каждодневнаго управленія существовало. Нельзя ли Соловьева и Бѣляева пригласить къ разработкѣ этого вопроса? Дѣло въ томъ, что Министерство хочетъ если не теперь, то современемъ, новаго муниципальнаго устройства: такъ уже лучше по крайней мѣрѣ сколько-нибудь примѣниться къ старымъ началамъ, хотя я и убѣжденъ, что ничто, идущее отъ насъ, привиться къ жизни не можетъ. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ трудъ былъ бы весьма полезенъ.—Занимаясь Ярославскими дѣлами, я почти никуда и не выхожу; впрочемъ, обѣдаю большею частію не дома, у С—вой, у Оболенскаго. О своемъ отъѣздѣ до возвращенія Попова ничего не могу сказать положительнаго, но все же я думаю, что въ концѣ этого мѣсяца я выѣду. Отъ Самарина получила письмо только А. О.,—нисколько не удовлетворяющее моего любопытства. Читалъ я статью Погодина. Статья умна.

16-го Апрѣля 1849 года. Суббота. Петербургъ.

Получилъ я вчера еще письмецо отъ Васъ. Благодарю Васъ, милый Отесинька, за письма: они точно живятъ меня здѣсь. Но тяжело мнѣ думать, что Вы къ своимъ заботамъ прибавляете совершенно напрасныя безпокойства о моемъ здоровьѣ; я говорю: напрасныя въ томъ смыслѣ, что независимо отъ обыкновенныхъ заботъ объ отсутствующемъ, отъ заботъ по случаю холеры, Вы прибавляете къ этому заботы о здоровьѣ — по поводу случившагося со мной, какъ будто это послѣднее обстоятельство могло имѣть хоть малѣйшее вліяніе на мое здоровье! Я, слава Богу, совершенно здоровъ, какъ былъ, и всѣ говорятъ, что толстѣю, несмотря на всю

будто бы мою хандру, раздражительность и негодованіе. Не думайте также, что я съ нетерпѣніемъ сношу мою задержку. Я очень хорошо чувствую, что никто не въ состояніи оцѣнить вполнѣ мои побужденія, и потому мало я дѣлюсь ими... Трудно представить себѣ, до какой степени жизнь въ Петербургѣ дѣлаетъ всѣхъ этихъ господъ тупоумными! Что особенно противно здѣсь, такъ это самодовольствіе, написанное на всѣхъ лицахъ, особенно же на лицахъ господъ, принадлежащихъ къ высшему обществу. Все это необыкновенно счастливо, довольно самимъ собою, обществомъ, прогрессомъ, чортъ знаетъ, чѣмъ! Говорятъ, что сравнить нельзя теперешняго общества съ тѣмъ, которое было лѣтъ за 10 и 15! Положимъ, то было просто глупо и не занималось никакими вопросами, а теперь и времена и обстоятельства не тѣ. Необыкновенно противно видѣть, какъ эти господа сдѣлали себѣ тѣсто изъ одной доли христіанства, изъ двухъ четвертей языческой мудрости и изъ остальныхъ долей собственной человѣческой подлости, и изъ этого тѣста вылѣпили себѣ какой-то короткохвостый идеалъ нравственности, которымъ и удовлетворились и стали необыкновенно покойны и счастливы. — Не говоря уже о томъ, какъ я Васъ хочу видѣть, обнять и успокоить, мнѣ просто нужно освѣжиться ощущеніями природы, народа, труда... и поэзіи! Мнѣ такъ хочется отрезвиться стихами, Бродягой, а здѣсь никакъ не пишется!.. Я теперь очень много работаю: дѣлаю все выписки изъ разныхъ дѣлъ. — Говорятъ пріѣзжіе изъ Москвы, что Москва теперь необыкновенно торжественна и празднична и что 50 *рындъ* сдѣланы пажами!.. Изъ этого должно заключить, что *русскіе* костюмы произвели желаемое дѣйствіе. — Какъ я радъ, что Самаринъ дѣлаетъ рисунки къ Вашимъ запискамъ, и какъ жаль, что онъ недостаточно рыбакъ, чтобы сдѣлать тоже для записокъ объ уженьѣ. Я вѣренъ, что чувство къ природѣ неспособно остыть въ Васъ и опять воротится. Я самъ нынче какъ-то плохо ощущаю весну. Да и что это за весна!.. Обидѣлъ, нечего сказать, насъ Господь климатомъ! Ну хоть бы лишній мѣсяцъ лѣта!.. Здѣсь весна такъ вяло идетъ, что еслибъ не полиція, то ледъ до сихъ поръ лежалъ бы на улицахъ. Нева еще не вскрылась.

1849 года. Петербургъ. 18-го Апрѣля. Понедѣльникъ.

Какъ я благодаренъ Вамъ за письма, полученныя мною съ Пальчиковымъ *) и по почтѣ! Признаю вполнѣ справедливость Вашихъ совѣтовъ; но если постоянно думать о томъ, какъ бы уберечься отъ недобросовѣстныхъ и злыхъ людей, то это значитъ отравить жизнь совершенно. Боже мой! Даже Константинъ пишетъ и даетъ совѣты о здоровьѣ! Только Ваши письма и напоминаютъ мнѣ о холерѣ и въ состояніи сдѣлать трусомъ самого смѣлаго человѣка. Теперь дознано, что настоящая холера дѣлается непремѣнно отъ какой нибудь причины, отъ излишествъ, отъ сильной простуды и пр. и пр. Я никакихъ излишествъ не дѣлаю, веду образъ жизни

---

*) Сергѣй Тим. пишетъ къ сыну 11-аго Апрѣля: „Письмо это отправляется съ Пальчиковымъ, который заѣдетъ сегодня къ намъ; но когда онъ ѣдетъ изъ Москвы, я самъ навѣрное не знаю, а потому пишу другое письмо по почтѣ. Хотя въ перепискѣ нашей ничего нѣтъ такого, чего бы не могъ читать Государь; но бѣда въ томъ, что ее читаютъ другіе. Неужели ты до сихъ поръ не догадался, что каждое наше письмо прочтено и списано? Письма наши извѣстны не только тайной полиціи, твоему начальству и почтовому вѣдомству, но и другимъ властямъ. Отъявленный подлецъ Булгаковъ сообщаетъ ихъ Закревскому, по старинной дружбѣ къ нему и по личной ненависти къ намъ. Посуди же самъ, до какой степени мы всѣ должны сердиться на твое неблагоразуміе, или лучше сказать, безуміе? Не говорю уже о прежнихъ твоихъ письмахъ, въ которыхъ ты писалъ чортъ знаетъ что; даже послѣ квартиры у Дупельта, въ каждомъ письмѣ ты ввернешь что нибудь такое, чего писать тебѣ не слѣдовало. Неужели ты понадѣялся на то, что Государь милостиво принялъ и даже оцѣнилъ твои объясненія? Неужели ты не знаешь пословицы: *жалуетъ Царь да не жалуетъ псарь*? Неужели ты не понимаешь, что ты своими письмами и своими отвѣтами на вопросы у Дупельта сдѣлалъ всѣхъ псарей смертельными и непримиримыми врагами самому тебѣ и всѣмъ раздѣляющимъ твой образъ мыслей? Война съ обществомъ опаснѣе войны съ правительствомъ. Правительство можетъ быть великодушно къ противному мнѣнію; личность его не можетъ быть оскорблена; а общество, уязвленное въ самое чувствительное мѣсто, всегда подло, безжалостно и жестоко. Надобно поступать съ великою осторожностью, искусствомъ и умѣренностью, чтобъ оно всѣхъ насъ не съѣло. Я нисколько не увѣренъ, чтобъ, по возвращеніи Государя въ Петербургъ, Закревскій и другіе ему подобные не возобновили своихъ преслѣдованій съ большею жестокостью. Зачѣмъ же давать имъ къ тому средства? Тебя считаютъ ожесточеннымъ фанатикомъ своихъ мыслей. Я постоянно прихожу въ бѣшенство, что ваше министерство, по какимъ то нелѣпымъ соображеніямъ, удерживаетъ тебя въ Петербургѣ. Я просто боленъ страхомъ за тебя. Я боюсь холеры и боюсь, что тебя долго продержатъ въ Петербургѣ. Если это опасеніе исполнится, то я съ ума сойду отъ безпокойства. До сихъ поръ судьба Самарина не рѣ-

совершенно правильный, ѣмъ и пью, по обыкновенію, умѣренно, не измѣнивъ нисколько образа жизни въ пользу холеры. А главное: не надо бояться и думать объ ней. Поэтому я не беру никакихъ предосторожностей. Богъ милостивъ... — Вчера пріѣхалъ Государь, по крайней мѣрѣ такъ разнесся слухъ. Кромѣ соображеній Министерства, удерживающихъ меня здѣсь, задерживаютъ меня въ настоящее время инструкціи по моему порученію, которыя еще не готовы. Я везу съ собой цѣлый возъ дѣлъ, бумагъ, плановъ, картъ и пр. и пр... — На дняхъ Перовскій приказалъ самъ собою, неизвѣстно отчего: препроводить мой отчетъ о раскольникахъ къ Графу Орлову, какъ члену раскольничьяго Комитета.—Вчера разошлась Нева. Дни стоятъ ясные, хотя настоящей теплоты еще не было.

шена. Я предполагаю, что его прикомандируютъ къ Закревскому, который къ нему весьма нерасположенъ и принялъ его очень сухо. Закревскій и прежде говорилъ, что слишкомъ ободрили славянофиловъ, что они подняли голову, что онъ и безъ того не знаетъ, что съ ними дѣлать, а тутъ еще присылаютъ имъ на подмогу торжествующаго Самарина. Вообще большинство общества противъ него. Присланная тобою бумага съ Поповымъ написана смѣло и славно. Ее читали немногіе и всѣ восхищались ею. Мои собственныя замѣчанія я скажу тебѣ при свиданіи. Повидимому она должна была понравиться, но въ ней слышенъ тонъ, который никогда не бываетъ пріятенъ и замѣтка: „*Mais c'est le ton, qui fait la musique*“, вполнѣ подтверждаетъ мое мнѣніе, съ которымъ впрочемъ никто несогласенъ. Самаринъ больше всѣхъ доволенъ ею; но за то онъ же больше всѣхъ недоволенъ разными твоими выходками въ письмахъ, напримѣръ въ родѣ послѣдней, о графствѣ Перовскаго: „*этому мы всѣ рады, какъ обстоятельству, имѣющему въ настоящее время особенное значеніе*“. Если ты и теперь не поймешь, какъ это вредно Перовскому, если дойдетъ до Государя, то я отказываюсь отъ всякой надежды на твою разсудительность... Я остаюсь въ совершенной неизвѣстности: писалъ ли ко мнѣ Графъ Орловъ или нѣтъ? Поповъ говоритъ, что Графъ Орловъ, отпуская тебя, сказалъ: „*я написалъ къ вашему отцу и успокоилъ его на счетъ вашего положенія*“. Не получивъ письма, я, по совѣту Томашевскаго, написалъ къ нему записку, въ которой прошу его справиться о письмѣ Графа Орлова и которую онъ показалъ товарищу почтдиректора; тотъ побѣжалъ самъ справляться и, возвратясь, сказалъ Томашевскому, что письмо тогда же было мнѣ доставлено. Въ слѣдствіе того, я написалъ письмо къ Графу Орлову и отослалъ его въ Субботу на страстной: до сихъ поръ нѣтъ никакого запроса въ почтамтѣ и никакого отвѣта мнѣ. Вопреки всѣмъ очевидностямъ, я думаю, что Графъ Орловъ совсѣмъ не писалъ ко мнѣ, а мое письмо бросилъ, какъ нестоющее вниманія. Вообще все это неизвѣстно и темно. Мнѣ бы очень хотѣлось объяснить это дѣло, но меня удерживаютъ. Мнѣ хотѣлось бы написать оффиціальное письмо

1849 года. Петербургъ. 21-го Апрѣля. Четвергъ.

Вчера получилъ я письмецо Ваше отъ 15-го Апрѣля. Вчера же пріѣхала и Императрица. Соображенія, по которымъ былъ отложенъ мой отъѣздъ, принадлежали, конечно, не мнѣ, а Министру. Вчера я былъ у Кавелина и отнесъ ему Ваше письмо. Онъ спросилъ меня: не нуждаюсь ли я въ деньгахъ? Я отвѣчалъ, что нѣтъ и поблагодарилъ его. Княжевичъ и Н—ъ получили также отъ Васъ письма. Н—ъ очень обидѣлся форменнымъ слогомъ и тономъ Вашего письма. Онъ сказалъ мнѣ, что не понимаетъ, какъ можетъ Сергѣй Тимоѳеевичъ благодарить его за участіе къ

Перфильеву, по которому онъ доложилъ бы Графу Орлову, что я, какъ отецъ, желаю знать, за что былъ взятъ мой сынъ и если это государственная тайна, которую мнѣ открыть нельзя, то я желаю знать по крайней мѣрѣ, какъ я долженъ смотрѣть на своего сына: какъ на праваго или какъ на виноватаго? Да, мнѣ кажется, что я никого не послушаю и напишу такое письмо въ самыхъ нѣжныхъ выраженіяхъ. Кто знаетъ? Можетъ быть, мое письмо не дошло до Графа? Можетъ быть, и второе письмо Графа ко мнѣ пропало? Зачѣмъ я пропущу единственный случай объяснить это дѣло въ одинъ день? По Москвѣ нѣсколько разъ проносились неблагопріятные слухи о положеніи Самарина. Говорили, что дѣло его принимаетъ вновь невыгодный оборотъ, и что открылась со стороны Самарина безсовѣстная уловка; но будто особа, сказавшая эти слова, будучи спрошена о томъ на другой день, отвѣчала, что все вышло вздоръ. Мы подозрѣваемъ съ Константиномъ, что Самаринъ не все намъ сказываетъ: очень хорошее умалчиваетъ для того, чтобъ Константинъ не обнадѣялся слишкомъ; а дурное, чтобъ не привесть его въ уныніе; однимъ словомъ: держитъ насъ въ среднемъ положеніи. По совѣту Самарина Константинъ очень мало выѣзжаетъ; но еще до пріѣзда Государя я прислалъ его къ Александрѣ Ивановнѣ Васильчиковой, чтобъ поблагодарить ее за участіе, и онъ встрѣтился тамъ съ духовникомъ Государя, на котораго произвелъ невыгодное впечатлѣніе своимъ платьемъ, видомъ и словами, въ которыхъ не было однако ничего неблаговиднаго. Константинъ сказалъ: „*Въ старину*, т. е. *до Петра*, *когда не было еще министерствъ, а были приказы* и проч.". Бажановъ, не отвѣчая прямо ему, сказалъ хозяйкѣ: „*Въ старину? Но до котораго времени ее считать? Вотъ иные полагаютъ, что старина только до Петра, а послѣ него все нѣметчина и вольнодумство.*"—Константинъ благоразумно удержался отъ продолженія разговора. *Заключеніе*: положеніе всѣхъ насъ я считаю худшимъ или, по крайней мѣрѣ, безпокойнѣйшимъ прежняго. Прежде надъ нами смѣялись, теперь начали бояться насъ. Рѣшительно запрещаю тебѣ писать по почтѣ о какихъ нибудь надеждахъ на успѣхъ и ничего такого, что могло бы раздражать людей. Всего болѣе береги свое здоровье: не употребляй простой воды."

его сыну, что въ этомъ нельзя было сомнѣваться, и что онъ считаетъ, будто это писано собственно для почты. Я оставилъ это безъ отвѣта. Послѣ завтра Министръ долженъ подписать мнѣ ордеръ, и я думаю, что на будущей недѣлѣ выѣду: когда именно, не знаю.—Все, что Вы писали мнѣ съ Пальчиковымъ, навело на меня опять ужаснѣйшую тоску и хандру, которая ужъ отлетѣла было совсѣмъ.—Ко сожалѣнію, нынче праздникъ, и въ Министерствѣ нѣтъ никого, а то бы я пошелъ торопить этихъ господъ, отличающихся колоссальною медленностью. Признаюсь, я не имѣю много сочувствія своему порученію, за которымъ много работы и хлопотни; я не убѣжденъ ни въ необходимости, ни въ пользѣ предпринимаемаго труда и имѣю въ виду только пользу отъ познаній, которыми предстоятъ мнѣ обогатиться, отъ изученія еще одного кусочка Россіи. Сдѣлайте одолженіе, похлопочите, чтобы Хомяковъ, Соловьевъ и пр. приготовили запросы относительно городской общины, такіе, отвѣтъ на которые можно будетъ выкопать въ живой жизни.—Прощайте. Я не пишу больше потому, что не умѣю писать такъ, какъ слѣдуетъ писать по почтѣ. Я въ послѣдній разъ хотѣлъ взять Зоологію или Геологію и, выписавъ изъ нея страницы четыре, такъ и послать.

23-го Апрѣля 1849 года. Суббота.

Поповъ все еще не пріѣхалъ, и мнѣ это очень досадно, потому что хотѣлось бы имѣть о Васъ свѣжія новости. Грустно и досадно мнѣ, что отъѣздъ мой все отсрочивается, по милости безпорядка, царствующаго въ тѣхъ дѣлахъ Министерства, по которымъ дается мнѣ порученіе. Я уже не радъ, что и взялъ его. Это такого рода порученіе, къ которому надо было бы приготовляться мѣсяца за четыре! Однакожъ тѣмъ не менѣе я надѣюсь покончить всѣ дѣла къ концу будущей недѣли. Одно меня утѣшаетъ въ этомъ порученіи—возможность ѣздить въ Москву — 1) по близости, 2) потому, что въ Министерствѣ нашемъ нѣтъ строгаго формализма,—было бы только дѣло сдѣлано. Но во всякомъ случаѣ дѣлать нечего, и въ Понедѣльникъ Министръ долженъ подписать бумагу о моемъ назначеніи. — Что Вамъ сказать

еще? Я очень много занимаюсь — работой самой скучной, т. е. дѣлами по городскому хозяйству Ярославской губерніи. Дѣлаю выписки изъ тѣхъ дѣлъ, которыя мнѣ нельзя взять съ собою и которыя однакожъ необходимы, а теперь поручено мнѣ разсмотрѣть бюджеты всѣхъ этихъ городовъ и написать на нихъ замѣчанія здѣсь, чтобы Министерство могло отъ себя сообщить ихъ мѣстному Начальству до моего пріѣзда; а я, въ силу сдѣланныхъ будто бы Министерствомъ замѣчаній, буду требовать исправленія и проч. и проч.— Изъ общества почти никого не вижу, кромѣ своихъ сослуживцевъ по Министерству, иногда своихъ товарищей и А. О., у которой бываю очень часто. Она Вамъ кланяется. Здоровье такъ же плохо, но не столько физическое (хотя Вы бы и не узнали ее, такъ она похудѣла и измѣнилась), сколько нравственное. Я въ этотъ пріѣздъ и особенно въ послѣднее время сошелся съ нею гораздо ближе, чѣмъ прежде и, признаюсь, она мнѣ очень жалка. Разстроенные нервы—и она точно птица, которая бьется въ сѣтяхъ и не можетъ выбиться! Впрочемъ, надо сильно проникнуться этою мыслью, чтобы всегда выносить ее. Она и не понимаетъ, до какой степени она оскорбляетъ душу, деретъ ее, такъ сказать, и производитъ такое-же впечатлѣніе, какъ фальшивая нота на музыканта, какъ звукъ стеклянной пробки, поворачиваемой въ графинѣ и т. п. Но тѣмъ не менѣе она жалка и стоитъ помощи и участія.

Суббота. Апрѣля 30-го 1849 года. Петербургъ.

Надѣюсь, что это письмо будетъ послѣднее. Деньги ассигнованы, и я предполагаю ихъ получить нынче же, а потому болѣе писать нечего, до свиданія. Поповъ Вамъ кланяется. Сдѣлайте одолженіе, не хлопочите теперь о русскомъ платьѣ *).

Понедѣльникъ. 2-го Мая 1849 года. Петербургъ.

Спѣшу прежде всего Васъ увѣдомить о себѣ. Въ Субботу я Вамъ писалъ въ той надеждѣ, что выѣду въ Вос-

*) Смотри слѣдующія письма Сергѣя Тим. и Константина Серг.

кресенье или въ Понедѣльникъ, и потому въ Субботу же, часа въ два, отправлялся къ Министру проститься съ нимъ и откланяться. Но Министръ, принявшій меня весьма любезно, сказалъ мнѣ, что хочетъ мнѣ дать тамъ же, въ Ярославской губерніи, еще порученіе, довольно важное и секретное, тоже о раскольникахъ, но нисколько однакоже не непріятное, ибо надо дѣйствовать съ вѣдома Преосвященнѣйшаго (тамъ Евгеній,—говорятъ, очень умный архіепископъ) и къ уничтоженію притѣснительныхъ мѣръ. Онъ приказалъ мнѣ немедленно заняться этими дѣлами здѣсь (потому что я объявилъ ему свое желаніе поскорѣе уѣхать) и потомъ вновь явиться къ нему. Вслѣдствіе чего я вчера цѣлый день занимался этими дѣлами и думаю, что въ Середу мнѣ удастся выѣхать. — Оба Ваши письма я получилъ, одно третьяго дня, другое вчера. Письмо Константина о русскомъ платьѣ прекрасно, я читалъ его многимъ *). Но дѣ-

---

*) Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга получено Иваномъ Сергѣевичемъ нѣсколько писемъ отъ отца и брата по поводу циркуляра, запрещающаго русскому дворянину носить бороды; любопытно видѣть, какимъ стѣсненіямъ подвергался русскій человѣкъ въ своемъ частномъ быту еще такъ недавно.

*) Воскресенье. 24 Апрѣля. Сергѣй Тим. пишетъ: „Завтра ѣдетъ Поповъ, милый другъ Иванъ, и какъ онъ пріѣдетъ скорѣе почты, то завтра съ почтой писать не буду. Обо всѣмъ, что можетъ разсказать тебѣ Поповъ, я писать не стану, но разскажу о томъ, что собственно до насъ касается. Въ слѣдствіе словъ Графа Орлова, сказанныхъ сначала для передачи прямо Хомякову, а потомъ—Самарину, для передачи всѣмъ намъ носящимъ бороды, я написалъ письмо къ Перфильеву, которое и посылаю тебѣ. Я отослалъ его къ Перфильеву съ Сашей Воейк. при другомъ письмѣ, въ которомъ просилъ и училъ, какъ получить отвѣтъ удовлетворительный: впрочемъ ученіе было безполезно. Перфильевъ, предварительно высказавъ свое доброе мнѣніе о всемъ нашемъ семействѣ и о своемъ давнишнемъ со мною знакомствѣ, подалъ мое письмо Графу. Орловъ, прочтя его вслухъ очень внимательно, нѣсколько времени подумалъ, сложилъ письмо, положилъ къ себѣ на столъ и сказалъ: „*Скажите пожалуйста Сергѣю Тимоѳеевичу, чтобъ онъ извинилъ меня, что я къ нему не писалъ. Въ Петербургѣ я не успѣлъ написать, а здѣсь не отвѣчалъ на его письмо потому, что сынъ его давно долженъ быть въ Москвѣ* (Перфильевъ не зналъ, здѣсь ли ты и потому не могъ ему возразить) *и онъ знаетъ отъ него всѣ подробности дѣла*“. Потомъ принялся хвалить тебя и Константина, про котораго прибавилъ, что онъ мечтатель, доходящій до излишества и крайности, но человѣкъ строгой нравственной чистоты, и вдругъ сказалъ: „*Скажите пожалуйста, съ чего они взяли, что есть какое-то гоненіе противъ русскаго платья? Увѣрьте С. Т., что онъ можетъ быть совершенно спокоенъ. Мы очень хорошо знаемъ всю благонамѣренность*

ло въ томъ, что теперь вниманіе *всѣхъ* отвлечено въ другую сторону существенно важнѣйшимъ событіемъ, войною,—

Московскаго Русскаго направленія. Вамъ не нужно увѣрять меня въ томъ, что дѣти такого отца, какъ С. Т., не могутъ имѣть дурнаго направленія. Онъ 35 лѣтъ другъ съ Кавелинымъ, а это вѣрное ручательство. Ему нечего опасаться. Будетъ только циркуляръ отъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ ко всѣмъ губернскимъ предводителямъ, что Государю не угодно, чтобъ русскіе дворяне носили бороды: ибо съ нѣкотораго времени изъ всѣхъ губерній получаются извѣстія, что число бородъ очень умножилось. На Западѣ бороды—знакъ, вывѣска извѣстнаго образа мыслей; у насъ этого нѣтъ, но Государь считаетъ, что борода будетъ мѣшать дворянину служить по выборамъ".

25 Апрѣля. Понедѣльникъ. Очень жалѣю, что вчера занимался диктованіемъ къ тебѣ пустыхъ рѣчей Графа Орлова. Все это совершеннѣйшій вздоръ, обманъ и ложь и вы съ Самаринымъ ничего хорошаго ждать не можете и не должны. Вчера получили мы копію съ циркуляра относительно нашихъ бородъ. Сегодня я ѣздилъ къ Перфильеву и нашелъ въ немъ совершенно другаго человѣка. Онъ отперся отъ всего того, что онъ говорилъ мнѣ отъ имени Орлова, говоря, что я не такъ понялъ, что онъ никогда не подразумѣвалъ бороды, а только русское платье, что онъ самъ считаетъ бороду при русскомъ платьѣ опаснѣе всѣхъ другихъ бородъ, что онъ совѣтуетъ намъ обриться при первомъ извѣщеніи отъ полиціи: ибо въ противномъ случаѣ можемъ имѣть большія непріятности. Когда я сказалъ, что напишу къ Орлову, чтобъ онъ доложилъ Государю, то Перфильевъ возразилъ, что никогда Орловъ не будетъ докладывать Государю, а сдѣлаетъ мнѣ отвѣтъ непріятный. Однимъ словомъ сказать: мы простились съ Перфильевымъ не какъ пріятели, а какъ враждебныхъ мнѣній люди, сохраняющіе только наружно другъ къ другу уваженіе. Я сказалъ ему, что въ первый разъ вижу его *такимъ*, а онъ отвѣчалъ мнѣ, что всегда таковъ, какимъ долженъ быть.—Не могу рѣшить, что причиною такой перемѣны: полученныя имъ наставленія отъ Графа Орлова въ другомъ духѣ, или то, что, по моей нескромности, все сказанное мнѣ Перфильевымъ отъ себя и отъ имени Графа Орлова сдѣлалось извѣстнымъ многимъ и вѣроятно дошло до Закревскаго. Сейчасъ получили письмо отъ тебя, милый другъ Иванъ, отъ 21 Апрѣля. Слава Богу, что ты здоровъ. Но я не слишкомъ надѣюсь на скорый твой поѣздъ, иначе не стоило обо всемъ иномъ писать къ тебѣ. Попову я подробности о Перфильевѣ также не разсказывалъ, а сказалъ просто, что онъ считаетъ это дѣло невозвратно рѣшеннымъ. И такъ конецъ кратковременному возстановленію русскаго платья, хотя не на многихъ плечахъ! Конецъ надеждѣ на обращеніе къ русскому направленію. Все это было предательство. Опасались тронуть, думая, что насъ много, что общество намъ сочувствуетъ; но увѣрившись въ противномъ, и въ душѣ все-таки не любя насъ, хотя безъ всякой причины, сейчасъ рѣшились задавить наше направленіе. Мнѣ это ничего, я уже прожилъ мой вѣкъ, а тяжело мнѣ смотрѣть на Константина, у котораго отнята всякая общественная дѣятельность, даже хоть своимъ наружнымъ видомъ. Мы рѣшаемся закупориться въ деревнѣ навсегда. Я сію минуту бы ускакалъ въ деревню, еслибъ

существенно важнѣйшимъ потому, что потекутъ рѣки крови. А потому и совѣтую Вамъ всѣ эти заботы оставить на

мнѣ не было крайности оставаться въ Москвѣ, чтобъ уладить свои денежныя дѣла, чего скоро сдѣлать я никакъ не могу. Прощай, мой другъ!"

Константинъ Сергѣевичъ пишетъ по тому же поводу: „26 Апрѣля. Милый Иванъ! Итакъ Русскому Дворянину нельзя носить Русскаго платья! — Говорятъ, какъ несомнѣнное, что здѣсь полученъ циркуляръ отъ Министра В. Д., въ которомъ сказано, что Дворянинъ, какъ имѣющій право носить мундиръ, не можетъ носить бороды. Борода при Русской одеждѣ необходима; или лучше: борода есть часть Русской одежды; съ воспрещеніемъ бороды воспрещается и Русское платье. Признаюсь тебѣ, на меня находитъ мысль: не сказано-ли это о бородахъ западныхъ, которыхъ я самъ сильно не люблю, о бородахъ при платьѣ иностранномъ — тогда другое дѣло; тогда это было бы скорѣе оправданіемъ Русской одежды; ибо въ циркулярѣ сказано, что Государь считаетъ недостойнымъ Русскаго Дворянина подражать западной модѣ. Совершенная истина. Но въ такомъ случаѣ, эти слова совершенно уже не относятся къ тѣмъ, которые, какъ Отесинька, какъ я, не только не подражаютъ западной модѣ, но совершенно отъ нея отказались. Я бы такъ и понялъ циркуляръ, но въ окончаніи говорится о дворянахъ вообще, и эти послѣднія слова заставляютъ думать, что и носящіе Русскую одежду не изъяты отсюда.

Какъ скоро объявятъ намъ циркуляръ, мы, я и Отесинька, исполнимъ немедля объявленное въ немъ приказаніе. Борода не составляетъ для насъ нравственнаго, религіознаго убѣжденія. Но тяжело будетъ это для меня и конечно еще тяжеле для Отесиньки; ибо въ его лѣта вдругъ измѣнить свою наружность, согласную съ его возрастомъ, образомъ жизни и мыслями, оскорбительнѣе какъ-то, чѣмъ въ мои средніе годы.

Наружность, одежда считается многими за бездѣлицу. Ты знаешь, милый Иванъ, что я думаю иначе. Наружность составляетъ, такъ сказать, *тонъ* жизни, a c'est le ton, qui fait la musique; тонъ, *строй* жизни—главное. Вотъ почему Петръ, вводя иноземное, кинулся на Русскую одежду. Вотъ почему *мода* сдѣлалась проводникомъ всѣхъ западныхъ бредней, всѣхъ разнородныхъ грѣховъ, и *сервилизма* и *либерализма*. Вотъ почему и теперь освобожденіе отъ западной моды было бы, если не полнымъ, то весьма значительнымъ освобожденіемъ отъ вліянія западнаго зла. И наконецъ вотъ почему не могу я повѣрить: чтобы Государь нашъ, въ которомъ такъ часто высказывается Русское чувство, который въ самомъ циркулярѣ выразилъ свое негодованіе противъ подражанія Западу, чтобы Государь нашъ былъ противъ Русской одежды. Нѣтъ! этого быть не можетъ!

Во всякомъ случаѣ, мы, я и Отесинька намѣрены поступить такъ, какъ я уже написалъ тебѣ, то-есть: снять бороды и платье, ибо оффиціально сомнѣніе наше не рѣшено; но мы надѣемся, что оно разрѣшится въ самую радостную для Русской души сторону, и Русская мысль Государя, въ самомъ циркулярѣ выразившаяся, разсѣетъ всякое недоумѣніе.

Какъ хорошо, еслибъ представить въ историческомъ очеркѣ роли, которыя разыгрывали въ теченіи полутораста лѣтъ съ Петра въ Россіи,—платье нѣмецкое, иностранное,—и платье Русское. Здѣсь былъ бы виденъ тонъ и строй той и

время. Очень радъ, что Вы уѣзжаете въ деревню, очень радъ этому и за Константина, потому что тамъ отдохнетъ

другой жизни. Много гнусныхъ попытокъ и измѣнъ пятнаютъ платье иностранное! О сколько зла, сколько зла принесъ намъ западъ! и сколько еще зла можетъ принести онъ, если не прекратится его вліяніе, котораго одинъ изъ главныхъ проводниковъ—*мода*.

Прощай, милый братъ и другъ Иванъ: Я высказалъ тебѣ свои мысли. Крѣпко обнимаю тебя; пріѣзжай скорѣе. Другъ и братъ Константинъ Аксаковъ."

Сергѣй Тим. приписываетъ къ этому письму: „Нечего и говорить, что я вполнѣ раздѣляю все то, что пишетъ къ тебѣ братъ, милый другъ Иванъ. Писать сегодня не успѣваю, а напишу завтра; и къ сему же надѣюсь сегодня достать циркуляръ, который ходитъ уже по всей Москвѣ. Черезъ Предводителя мы получимъ его не скоро. Развѣ въ Москвѣ объявятъ его дворянамъ черезъ полицію.—Вчера уѣхалъ Поповъ. Онъ тебѣ живая грамотка. Но когда же мы дождемся тебя самого."

Сер. Тим. пишетъ 27 Апрѣля. „Милый другъ Иванъ! „Письмо твое отъ 21 Апрѣля мы получили третьяго дня. Благодаримъ Бога, что ты здоровъ. У насъ также все идетъ по прежнему. По настоящему это письмо не должно бы застать тебя въ Петербургѣ; но одинъ Богъ знаетъ, что у васъ тамъ дѣлается и когда мы тебя увидимъ. Все покрыто какою то неизвѣстностью, неясностію и сомнѣніемъ, которое теперь, относительно нашего русскаго платья и бороды, достигло высшей степени. Ты уже знаешь, что когда разнесся слухъ по Москвѣ о намѣреніи правительства уничтожить моду ношенія бородъ, то я, имѣя полное право не причислять себя и Константина къ числу людей, щеголяющихъ только бородами, писалъ письмо къ Перфильеву и просилъ довести мои объясненія по сему предмету до Графа Орлова: отвѣтъ былъ неточный, но успокоительный. Теперь полученъ въ Москвѣ циркуляръ отъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ ко всѣмъ губернскимъ Предводителямъ дворянства, который вѣроятно ты знаешь и въ которомъ, по моему крайнему, добросовѣстному разумѣнію, нѣтъ ничего относящагося до меня и Константина: ибо насъ, людей, ведущихъ борьбу противъ введенія западныхъ мыслей и обычаевъ и вслѣдствіе того надѣвшихъ русское платье съ бородою, нельзя обвинить въ „*страсти подражанія западнымъ привычкамъ*" или „ *въ увлеченіи подражанію западнымъ затьямъ, такъ называемой, моды*". Скорѣе можно предположить въ насъ подражаніе старинѣ, тѣмъ временамъ, когда на Святой Руси и дворяне носили русское платье. Но въ насъ, ты очень хорошо знаешь, нѣтъ *страсти подражанія*; въ насъ это простое желаніе, потребность русскаго сердца, носить свою родную, народную одежду, въ тѣхъ обстоятельствахъ жизни, когда она не противорѣчитъ обязанностямъ неслужащаго дворянина. Что же касается до тѣхъ случаевъ, когда мы были бы принуждены воспользоваться *правомъ ношенія* мундира, то борода также можетъ быть снята, какъ и домашнее платье. Безъ всякаго сомнѣнія, г. Предводитель дворянства или полицейскія власти, приводя въ исполненіе циркуляръ, не будутъ смотрѣть съ моей точки зрѣнія и понимать такимъ образомъ слова циркуляра. Они предъявятъ намъ его къ исполненію, чего я ожидаю каждую минуту. Благоговѣя предъ волею Государя, мы готовы ее исполнить безъ ропота. Но мы не знаемъ, исполнимъ ли ее, если вмѣсто нечестивой западной бороды сбрѣемъ

его больная и грустная душа. Извѣстія отъ управляющаго тяжелы, но что же дѣлать! Слава Богу, что хлѣба въ за-

русскую, православную бороду? Согласись, что это будетъ даже комическое явленіе. По истинѣ не знаю, что дѣлать и къ кому обратиться для объясненія этого дѣла. Самый прямой путь, когда намъ будетъ объявленъ циркуляръ оффиціально, обратиться съ симъ вопросомъ къ исполнительной власти, т. е.: къ Графу Закревскому, если получимъ предписаніе черезъ полицію или къ губернскому Предводителю, если получимъ предписаніе отъ него. Но и та и другая власть не захочетъ войдти въ разсмотрѣніе нашихъ объясненій; первая же изъ нихъ можетъ поступить такъ грубо и круто, что я на старости лѣтъ не снесу незаслуженнаго оскорбленія и могу подвергнуть себя и свое семейство дурнымъ послѣдствіямъ. Я рѣшаюсь, исполнивъ то, чего отъ меня требовать будутъ, написать къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ или къ Графу Орлову и просить ихъ повергнуть мои всеподданѣйшія объясненія къ стопамъ Государя Императора. Многіе изъ порядочныхъ людей и вся умствующая посредственность думаютъ и говорятъ, что наружный видъ ничего не значитъ; они или не понимаютъ дѣла или лгутъ. Я по крайней мѣрѣ долженъ сознаться въ слабости, что сбрѣю мою почтенную сѣдую бороду съ сердечнымъ огорченіемъ. Мнѣ даже будетъ совѣстно и стыдно какъ-то смотрѣть на всѣхъ меня окружающихъ. Константинъ, котораго мнѣнія на этотъ счетъ гораздо глубже и фанатичнѣе моихъ, готовится перенесть это оскорбительное событіе съ великодушною кротостью, которая изумляетъ и трогаетъ мое отцевское сердце.

Письмо С. Т. Аксакова къ Начальнику тайной полиціи Перфильеву отъ 13 Апрѣля 1849 г. „Вашему Превосходительству безъ сомнѣнія извѣстно происшествіе, случившееся съ моимъ сыномъ, служащимъ въ Петербургѣ. Хотя я совершенно убѣжденъ въ его невинности, доказанной благополучнымъ окончаніемъ этого дѣла; но тѣмъ не менѣе я и все мое семейство, не зная причины и опасаясь послѣдствій, остаемся въ безпокойствѣ и сомнѣніи. Къ этому присоединились слухи, достойные вѣроятія, что всѣмъ носящимъ бороды даны будутъ сначала совѣты сбрить ихъ, а въ случаѣ непринятія этого совѣта, и самое приказаніе. Не желая дождаться ни того, ни другаго, желая привесть дѣло въ ясность, до отъѣзда Государя изъ Москвы, я покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство довесть до свѣдѣнія Графа Орлова слѣдующія мои объясненія: я и старшій сынъ мой, нигдѣ неслужащіе, носимъ бороды вмѣстѣ съ русскимъ платьемъ. Борода составляетъ необходимую принадлежность русской одежды: сбрить бороды—значитъ скинуть русскую одежду. Мы оба, я уже по старости и болѣзненности, а сынъ мой по расположенію духа и ради ученыхъ занятій, надѣвъ русское платье вслѣдствіе задушевнаго убѣжденія, тѣмъ самымъ отказались отъ свѣтскаго общества и проводимъ жизнь уединенно, въ тишинѣ семейнаго круга. Считаю ненужнымъ распространяться о томъ, что въ поступкѣ нашемъ нѣтъ ничего неблагонамѣреннаго, никакой посторонней мысли. Я льщу себя надеждою, что Ваше Превосходительство сами убѣждены въ искренности и правдѣ моихъ словъ и не откажитесь удостовѣрить въ томъ Графа Орлова. Но если, по какимъ бы то ни было причинамъ, пребываніе въ Москвѣ русскаго дворянина, въ русскомъ платьѣ, даже исключительно въ собственномъ домѣ, появленіе его на улицѣ и въ храмѣ Божіемъ, можетъ показаться предосудительнымъ, то мы съ сыномъ немедленно переѣдемъ въ деревню и не будемъ въѣзжать въ Москву до тѣхъ поръ, пока мѣстное начальство того не позволитъ. Оставить навсегда Москву съ ея святынею, историческими памятниками, роднымъ и народнымъ значеніемъ, тяжело для русскаго сердца; но, если на то бу-

пасѣ довольно для прокормленія. Прощайте, хочется Васъ скорѣе видѣть и о многомъ потолковать.

детъ воля Государя Императора, какъ настоящіе русскіе люди, исполнимъ ее безъ ропота. Есть нравственнаго рода оскорбленіе въ перемѣнѣ своего наружнаго вида! Путемъ цѣлой жизни дойдя до убѣжденія, что неслужащему русскому человѣку нужно ходить въ русскомъ платьѣ и съ бородой—вдругъ торжественно отъ него отказаться, обриться и переодѣться—тяжелѣе, чѣмъ доживать свой вѣкъ въ деревенскомъ уединеніи.

Я увѣренъ, что Ваше Превосходительство, а равно и Его Сіятельство Графъ Орловъ, не оставите моихъ объясненій безъ вниманія, а меня безъ увѣдомленія о точной волѣ Государя Императора.

Письмо С. Т. Аксакова Графу Алекс. Ѳед. Орлову. Я имѣю честь доводить до свѣдѣнія Вашего Сіятельства, черезъ Генерала Перфильева, мои покорнѣйшія объясненія относительно носимаго мною и сыномъ моимъ русскаго платья съ необходимою при немъ бородою. Ваше Сіятельство приняли ихъ благосклонно и успокоительно для насъ. Нынѣ полученъ въ Москвѣ циркуляръ отъ Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ ко всѣмъ губернскимъ Предводителямъ дворянства о томъ, что дворянамъ не прилично носить бороды, въ которомъ по моему крайнему разумѣнію нѣтъ ничего относящагося до меня и моего сына; ибо насъ—людей, питающихъ убѣжденія, противоположныя западнымъ обычаямъ и вслѣдствіе того надѣвшихъ русское платье, нельзя обвинить въ *„страсти подражанія западнымъ привычкамъ“* или въ *„увлеченій къ подражанію западнымъ затѣямъ такъ называемой моды“*. Скорѣе можно предположить въ насъ подражаніе старинѣ, тѣмъ временамъ, когда на Святой Руси и дворяне носили русское платье. По во мнѣ и сынѣ моемъ нѣтъ никакого стремленія къ подражанію; въ насъ это простое желаніе, потребность русскаго сердца, носить свою родную, народную одежду въ тѣхъ обстоятельствахъ жизни, когда она не противорѣчитъ обязанностямъ дворянина, находящагося въ отставкѣ.—Ненужнымъ считаю объяснять, что, въ случаѣ приведенія въ дѣйствіе *права ношенія мундира*, борода также можетъ быть снята, какъ и домашнее платье. Но, вѣроятно, не всѣ Гг. Предводители дворянства будутъ смотрѣть съ такой точки зрѣнія и понимать такимъ образомъ слова циркуляра. Очевидно представляется вопросъ: могу ли я считать себя и сына моего, носящихъ одежду и бороду русскую, непринадлежащими къ числу людей, носящихъ при нѣмецкомъ платьѣ бороду западную? Можетъ ли такое возраженіе быть принято въ уваженіе Предводителемъ дворянства или полицейской властью?

Обстоятельство, для другихъ ничтожное, можетъ быть очень важно для того, у кого нарушается задушевная мысль, угнетается сердечное убѣжденіе, а потому, если Вашему Сіятельству не угодно будетъ принять на себя разрѣшеніе моихъ сомнѣній, то я осмѣливаюсь покорнѣйше просить Васъ: повергнуть ихъ къ Августѣйшимъ стопамъ Государя Императора“.

Объясненія Сергѣя Тимоѳеевича ни къ чему не привели; онъ и Константинъ Сергѣевичъ получили приказъ явиться въ полицію—дать росписку о сбритіи бороды, что̀ и было сдѣлано Константиномъ, который послѣ того уже никогда не носилъ ни русскаго платья, ни бороды. А къ Сергѣю Тим., по болѣзни его, пришли взять подписку на домъ. Платье же свое, въ родѣ зипуна, Сергѣй Тимоѳеевичъ по болѣзненности своей продолжалъ носить до конца своей жизни.

1849 г.

ВОПРОСЫ, ПРЕДЛОЖЕННЫЕ ИВАНУ СЕРГѢЕВИЧУ АКСАКОВУ III-мъ ОТДѢЛЕНІЕМЪ.

Отвѣты на эти вопросы были представлены Государю Николаю Павловичу, который сдѣлалъ на нихъ собственноручныя замѣтки, отмѣченныя здѣсь курсивомъ. По прочтеніи отвѣтовъ, Государь, возвращая бумагу Графу А. Ѳ. Орлову, написалъ на ней слѣдующія слова:

«Призови, прочти, вразуми и отпусти».

Вопросы.

1.

Опишите Вашу службу, званіе, лѣта, гдѣ Вы воспитывались и другія важнѣйшія обстоятельства Вашей жизни.

Отвѣты.

1.

Отъ роду мнѣ 25 лѣтъ; чинъ мой Коллежскій Ассессоръ, хотя я уже въ Іюнѣ прошлаго 1848 года выслужилъ узаконенный срокъ для полученія новаго чина, но, по случаю перехода моего изъ Министерства Юстиціи въ Министерство Внутреннихъ дѣлъ, представленіе о моемъ чинѣ не могло быть сдѣлано. Воспитывался я въ Императорскомъ Училищѣ Правовѣдѣнія, откуда вышелъ въ 1842 году съ чиномъ 9-го класса и поступилъ прямо на службу во 2-е отдѣ-

ленiе 6-го Департамента Правительствующаго Сената, гдѣ черезъ три недѣли назначенъ былъ исправлять должность Секретаря. Въ концѣ 1843 года отправился я съ бывшимъ Сенаторомъ, нынѣ Членомъ Государственнаго Совѣта, Княземъ П. П. Гагаринымъ на ревизiю въ Астраханскую губернiю. Въ концѣ 1844 г. ревизiя кончилась, и я поступилъ въ прежнюю должность. Лѣтомъ 1845 года указомъ Правительствующаго Сената опредѣленъ я былъ Товарищемъ Предсѣдателя Уголовной Палаты въ Калугѣ. Въ Маѣ 1847 года причисленъ я къ Департаменту Министерства Юстицiи, и ордеромъ Министра предписано было мнѣ исправлять должность Оберъ-Секретаря сначала во 2-мъ Отдѣленiи, а потомъ (въ Октябрѣ мѣсяцѣ того же года) въ 1-мъ Отдѣленiи 6-го Департамента Сената. Высочайшимъ приказомъ 21-го Сентября 1848 года переведенъ я былъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ Кандидатомъ на должности въ губернiи. Вслѣдствiе чего, сдавъ должность въ Сенатѣ, прiѣхалъ я въ Петербургъ, но въ Октябрѣ же мѣсяцѣ отправленъ Его Высокопревосходительствомъ Г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ съ секретнымъ порученiемъ (о раскольникахъ) въ Бессарабiю, откуда 21 го Января 1849 года возвратился, представивъ Министру отчетъ по своимъ занятiямъ. Съ веспою я предполагалъ вновь отправиться куда-нибудь съ порученiемъ, и такъ какъ предстояла надобность въ обозрѣнiи и хозяйственномъ описанiи городовъ Казанской губернiи, то я и просилъ Директора Департамента Хозяйственнаго назначить меня туда, а

самъ между тѣмъ занялся чтеніемъ разныхъ дѣлъ Министерства, касающихся городовъ Казанской губерніи. Особенныхъ другихъ важнѣйшихъ обстоятельствъ жизни не было. Я не упоминаю здѣсь тѣхъ, которыя имѣютъ значеніе только для меня: пятилѣтняя болѣзнь одной изъ моихъ сестеръ, недавняя, съ годъ продолжающаяся болѣзнь другой сестры и проч. и проч.

2.

Кто Вашъ родитель и братья, гдѣ они находятся, *чѣмъ занимаются* и какое имѣютъ состояніе?

2.

Отецъ мой Коллежскій Совѣтникъ Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ, 58 лѣтъ, теперь въ отставкѣ, а прежде служилъ цензоромъ и былъ нѣкогда Председателемъ Московскаго Цензурнаго Комитета, впослѣдствіи же былъ Директоромъ Константиновскаго Межеваго Института. Съ 1826 года онъ живетъ постоянно въ Москвѣ, уѣзжая лѣтомъ въ подмосковную деревню свою Абрамцево (верстахъ въ 60 отъ Москвы). По слабости своего зрѣнія (жестокая болѣзнь лишила его одного глаза), онъ не можетъ много заниматься дѣлами; письма бóльшею частью диктуетъ, также диктуетъ воспоминанія своего дѣтства и записки о рыбной ловлѣ и объ охотѣ, ибо въ молодости былъ страстнымъ охотникомъ. Года два тому назадъ напечатаны были его записки о рыбной ловлѣ, обратившія на себя общее вниманіе чистотою языка, живостью разсказовъ и умѣньемъ придать имъ интересъ даже и не для охотниковъ. Старшій братъ мой Константинъ, Магистръ Императорскаго Московскаго Университета, живетъ при отцѣ и при матери моей. Семейство наше состоитъ изъ десяти че-

ловѣкъ: изъ трехъ братьевъ и семи сестеръ, которыя живутъ у родителей же и изъ которыхъ двѣ тяжело больны. Изъ братьевъ двое, т. е. братъ Григорій и я, отвлечены службою отъ родительскаго дома, слѣдовательно, одному необходимо было остаться при семействѣ, и эту святую обязанность исполняетъ братъ мой Константинъ, помогающій отцу моему въ хозяйствѣ и занимающійся, сверхъ того, самъ для себя учеными трудами по части русской Исторіи и Филологіи. При этомъ я укажу на два его сочиненія: диссертацію о Ломоносовѣ и драму: Освобожденіе Москвы въ 1612 году.— Братъ мой Григорій, окончившій въ 1842 году курсъ въ Училищѣ Правовѣдѣнія, служитъ теперь Симбирскимъ Губернскимъ Прокуроромъ. Онъ женатъ, имѣетъ дочь. Литературой онъ не занимается, т. е. не пишетъ.—У отца моего состояніе, по многочисленности его семейства, весьма ограниченное: душъ съ 500 въ Оренбургской губерніи, въ Белебеевскомъ уѣздѣ и душъ съ 300 въ Симбирской, въ Корсунскомъ уѣздѣ. Имѣнія эти заложены. Кромѣ того, душъ 40 въ подмосковной деревнѣ Дмитровскаго уѣзда, Абрамцевѣ.

3.

Въ бумагахъ Вашихъ находится письмо Вашего родителя, въ которомъ онъ, отвѣчая на Ваше письмо отъ 24-го Февраля, дѣлаетъ Вамъ замѣчаніе за рѣзкость и неточность выраженій, особенно за то, что Вы не договариваете Вашихъ мыслей, отчего вы-

3.

Готовъ отвѣчать на этотъ вопросъ съ полною откровенностью, хотя она можетъ быть для меня и невыгодною. Поводомъ къ письму моего отца было мое письмо къ нему слѣдующаго содержанія. Я писалъ: «возвращеніе стараго порядка вещей въ Европѣ наводитъ улыбку гордой

ходить такой смыслъ, что иной можетъ принять Васъ за либерала. Объясните съ полною откровенностью все содержаніе упомянутаго письма Вашего и, если сохранила Ваша память, изложите оное точными словами, особенно тѣ мѣста, за которыя Вы получили замѣчаніе отъ Вашего родителя?

радости на лица нашихъ Петербургскихъ аристократовъ. Они вдругъ всѣ пріободрились. Всякій разъ послѣ прогулки по Невскому проспекту овладѣваетъ мною великая скорбь. Вы не повѣрите, какъ возмущается душа моя при видѣ этихъ господъ Полу-Французовъ, Полу-Нѣмцевъ, все что угодно, только не русскихъ, коверкающихъ свой родной языкъ, ослѣпляющихъ насъ роскошью произведеній Запада и живущихъ уже совсѣмъ не по русски! На лицахъ ихъ написано: «Слава Богу, теперь мы безопасно можемъ дѣлать то, что дѣлали прежде, т. е. роскошничать, развратничать и разорять нашихъ крестьянъ»! Когда въ прошломъ году, испуганные Европейскими смутами, они пѣли хвалебный гимнъ Россіи и русскому народу, то въ этихъ словахъ слышались мнѣ другія слова: «какой у насъ въ самомъ дѣлѣ добрый, терпѣливый, удобный народъ: мы презираемъ его, выжимаемъ изъ него послѣднюю денежку, и онъ сноситъ все и даже не питаетъ къ намъ ненависти». Вотъ выраженія, за неточность которыхъ упрекалъ меня отецъ мой, говоря, что отъ того выходитъ такой смыслъ, который можетъ подать обо мнѣ ложное понятіе, будто я либералъ, тогда какъ, прибавляетъ онъ, западный либерализмъ противенъ душѣ твоей. И онъ совершенно правъ. Пользуюсь случаемъ, чтобы дополнить невысказанную мысль и изложить ее съ искреннимъ чистосердечіемъ. — По моему мнѣнію, старый порядокъ вещей въ Европѣ такъ же ложенъ, какъ и новый. *Онъ уже ложенъ потому, что привелъ къ новому, какъ къ логическому, непре-*

Совершенно справедливо.

мѣнному своему послѣдствію. Ложныя начала исторической жизни Запада должны были неминуемо увѣнчаться безвѣріемъ, анархіей, пролетаріатствомъ, эгоистическимъ устремленіемъ всѣхъ помысловъ на одни матерьяльныя блага и гордымъ, безумнымъ упованіемъ на однѣ человѣческія силы, на возможность замѣнить человѣческими учрежденіями Божія постановленія. Вотъ къ чему привели Западъ, авторитетъ Католицизма, раціонализмъ Протестантизма и усиленное преобладаніе личности, противное духу смиренія Христіанской Общины. — Не такова Русь. Православіе спасло ее и внесло въ ея жизнь совершенно другія начала, свято хранимыя народомъ *). Народъ смотритъ на Царя, какъ на самодержавнаго Главу всей пространной русской православной Общины, который несетъ за него все бремя заботъ и попеченій о его благосостояніи; народъ вполнѣ вѣритъ ему и знаетъ, что всякая гарантія только нарушила бы искренность отношеній и только связала бы безъ пользы руки дѣйствующимъ, наконецъ, что только то ограниченіе истинно, которое налагается на каждаго христіанина въ отношеніи къ его ближнимъ духомъ Христова ученія. Взглядъ русскаго народа на Правительство вообще высказанъ былъ въ оффиціальномъ объясненіи на извѣстный Манифестъ, изданномъ въ Февралѣ или Мартѣ мѣсяцѣ прошлаго года, въ словахъ: всякая форма прави-

Святая истина!

Слава Богу!

*) Слова, набранныя здѣсь курсивомъ, были написаны Ив. Сергѣевичемъ, но подчеркнуты Государемъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ.

тельственная, какъ бы совершенна она ни была, имѣетъ свои недостатки и проч.— Да не подумаютъ, что я хочу льстить,— Боже сохрани! Но вотъ мои убѣжденія: При Петрѣ Великомъ верхніе слои общества отчуждались отъ народа и поддались обаянію Запада, увлеклись блестящимъ соблазномъ его цивилизаціи и презрѣли коренныя, основныя начала русской народности. Не одни художества и ремесла были вводимы въ Россію!... Нѣтъ! русскіе портные ссылались на каторгу за шитье русскаго платья (См. Полное Собраніе Россійскихъ Законовъ), русскій языкъ былъ весь изломанъ, исковерканъ и нашпигованъ иностранными выраженіями; администрація, съ ея Нѣмецкими учрежденіями и названіями, подавила жизнь своимъ формализмомъ; чиновники, съ своими Нѣмецкими чинами, были поставлены въ неискреннія и странныя отношенія къ народу, которому было трудно не только понять, но и выговорить имена ихъ. Дворянство совершенно оторвалось отъ народа, присвоивъ своей жалкой цивилизаціи право: не вѣрить, *когда онъ вѣритъ;* не соблюдать уставы Церкви, *имъ соблюдаемые;* не знать языка, *которымъ онъ говоритъ;* забыть свою исторію и преданія и глядѣть на него только какъ на удобный матерьялъ къ извлеченію изъ него доходовъ. Послѣдующія поколѣнія шли по данному толчку, не оглядываясь, не сознавая, и общество въ томъ виновато передъ Правительствомъ, что заслоняло отъ него народъ и мѣшало Правительству понимать Россію въ настоящемъ свѣтѣ...—

Все это справедливо.

Справедливаго много, хотя, слава Богу, не въ общемъ примѣненіи...

Между тѣмъ, какъ *образованное* общество жило заемной жизнью, обезьянски шло за Западомъ и добровольно задавало себѣ въ чужомъ пиру похмѣлье,—народъ, слава Богу, оставался тѣмъ же или почти тѣмъ же. Я говорю: *почти*, потому что примѣръ разврата, нами подаваемый, начинаетъ проникать и въ села. Разумѣется, простой народъ, живущій въ столицахъ, сначала оскорблялся, видя напримѣръ въ Москвѣ, что въ великій постъ, когда онъ говѣетъ, постится, идетъ къ заутрени или возвращается съ исповѣди, высшее общество, съ факелами, пѣсельниками, Цыганами и Цыганками, бѣшено наслаждается ночными катаньями съ горъ,—но потомъ и народъ мало по малу привыкаетъ къ этому и, чего добраго, пожалуй заведетъ и у себя тоже.—Въ нынѣшнее царствованіе во многихъ сердцахъ пробудились угрызенія совѣсти. Спрашивали себя: не виноваты ли мы передъ русскимъ народомъ, старались воскресить въ себѣ русскаго человѣка. Это возрожденіе русской народности проявилось въ наукѣ и литературѣ. Люди, всѣми силами, всѣми способностями души преданные Россіи, смиренно изучавшіе сокровища духовнаго народнаго богатства, свято чтущіе коренные начала его быта, неразрывные съ православіемъ, *люди эти, Богъ вѣсть почему, прозваны были славянофилами, хотя въ ихъ отношеніяхъ къ западнымъ Славянамъ было только одно сердечное участіе къ положенію единокровныхъ и единовѣрныхъ своихъ братій. Я принадлежу къ этимъ людямъ и думаю, что намъ, т. е. об-*

Конечно, если это такъ, то это неприлично и не должно было бы быть допущено мѣстными властями...

Потому что подъ видомъ участія къ мнимому утѣсненію Славянскихъ племенъ таится преступная мысль о возстаніи противъ законной власти сосѣднихъ и отчасти союзныхъ государствъ и объ общемъ соединеніи, котораго ожи-

разованному обществу, слѣдуетъ покаяться, нравственно перевоспитаться и стать русскими людьми *). Въ началѣ прошлаго года происшествія въ Европѣ заставили насъ думать, что общество образумится, перевоспитается. Но вышло не то. Общество, въ особенности Петербургское, сперва испугалось: новое доказательство, что оно не знаетъ русскаго народа, потому что всякое возстаніе, всякій насильственный, революціонный путь ненавистенъ, противенъ его нравственнымъ убѣжденіямъ и основамъ его быта, проникнутаго духомъ Вѣры. Общество скоро успокоилось, не видя, впрочемъ, что ругая Западъ, оно хранитъ въ себѣ всѣ его начала, продолжаетъ жить заемною жизнью, словомъ, какъ выразился не помню кто, думаетъ устроить на Руси свой домашній Западъ и безнаказанно упиваться сладостью всѣхъ тѣхъ же грѣховъ, которые погубили Западъ. Поэтому, говорю откровенно, *противно мнѣ бывало смотрѣть* **) на какого-нибудь износившагося въ пустой и развратной жизни франта, владѣтеля цѣлыхъ десятковъ тысячъ душъ крестьянъ, которые въ потѣ лица работаютъ кротко и усердно на удовлетвореніе безумной роскоши своего господина. А господинъ этотъ полонъ глубокаго презрѣнія къ «грубому и невѣжественному» мужику, не умѣетъ безъ ошибокъ подписывать своего имени и считаетъ себя уволеннымъ отъ обязанности, если не вѣритъ, то почитать Церковь и ея уста-

даютъ не отъ Божьяго произволенія, а отъ возмущенія, гибельнаго для Россіи!..

И мнѣ жаль, потому что это значитъ смѣшивать преступное съ святымъ.

Прекрасно, но посмотримъ, что есть русскій человѣкъ въ мысляхъ г. Аксакова.

Очень понятно!

Бываютъ такіе, но они неминуемо должны подвергнуться презрѣнію и осужденію всѣхъ благомыслящихъ людей, которыхъ еще довольно и которыхъ, слава Богу, съ каждымъ днемъ больше.

---

*) См. стр. 152.

**) См. стр. 152.

вы. Вмѣсто того, чтобы поучаться у народа его мудрости и смиренію, онъ, вступивъ въ службу, готовъ будетъ сейчасъ учить его по своему и навязывать ему Богъ знаетъ какія, только не русскія теоріи. Такихъ господъ много. Они на каждомъ шагу попадаются въ Санкт-Петербургѣ.—Отецъ мой говоритъ, что негодованіе мое можетъ быть принято въ другомъ смыслѣ, т. е. въ либерально-западномъ. *Если такъ, то весьма ошибутся тѣ, которые это подумаютъ.* Я уже сказалъ, что всякій насильственный путь противенъ русскому народу, а слѣдовательно и всѣмъ тѣмъ, которые, какъ я, имѣютъ претензію держаться русскаго духа. Я убѣжденъ, что насиліе порождаетъ насиліе, нарушаетъ нравственную чистоту дѣла и никогда не приводитъ къ добру; я считаю даже, что никакая цѣль никогда не оправдываетъ средствъ, и вѣрю Спасителю, сказавшему ученику Своему, когда тотъ хотѣлъ Его защитить (слѣдовательно, сдѣлать, кажется, святое дѣло): «всякій, поднявшій мечъ мечемъ и погибнетъ!»—И потому я желалъ бы только, чтобы мы сами, открывая другъ другу мирнымъ путемъ убѣжденія наши заблужденія, постарались попасть на прямую дорогу, устремили всѣ свои силы на изученіе родной стороны, на пользу Россіи и ея народа, при содѣйствіи Правительства, которое всегда благонамѣренно, но не всегда успѣваетъ въ своихъ желаніяхъ и которое во сто разъ благонамѣреннѣе самаго нашего общества. Только Правительство можетъ практически осуществить возрожденіе русской народности

А потому и не надо подавать къ тому повода разными сужденіями, преувеличеніями и выходками, которыя одною надменностью и неопытностью отзываются и искажаютъ чистоту намѣреній.

Вѣрю, но и въ добрыхъ намѣреніяхъ можно ошибаться. C'est le ton, qui fait la musique.

и самобытное развитіе русской жизни.— Объясненіе мое на этотъ вопросъ нѣсколько длинно; но я счелъ нужнымъ растространиться и начать издалека, дабы предупредить всякія недоразумѣнія. Все написанное мною изложено съ самою полною откровенностью.

4.

Въ другомъ письмѣ отъ 15 февраля родитель Вашъ, упоминая, что Вы сообщаете ему о предположеніяхъ по службѣ, сожалѣетъ, что пишете объ этомъ съ почтой, тогда какъ у Васъ много оказій, присовокупляя: всего бы лучше вовсе не писать. Объясните съ тою же откровенностью обо всемъ, что Вы писали на счетъ предположеній по службѣ.

Ни чуть, цѣль прекрасная и начальникъ доступенъ.

4.

Поводомъ къ этому письму моего отца послужило другое письмо мое, въ которомъ я писалъ, что отказался отъ предложеннаго мнѣ мѣста начальника отдѣленія, прибавляя, что отказался бы даже и отъ Вицедиректорства, потому что цѣль моя на службѣ: ѣздить съ порученіями по Россіи и изучать ее во всѣхъ отношеніяхъ, не только по одному предмету возлагаемаго на меня порученія. Отецъ мой, по нѣжности своей ко мнѣ, вѣроятно, думаетъ, что подобный отзывъ, если бы дошелъ до свѣдѣнія моего Начальства, повредилъ бы мнѣ въ сужденіяхъ его обо мнѣ, какъ о чиновникѣ.

5.

Почему Вы дозволили себѣ помѣщать въ Вашихъ письмахъ извѣстіе о заключеніи Камеръ-Юнкера Самарина въ крѣпость и почему принимали въ немъ участіе?

5.

Я не понимаю, почему я въ письмѣ не могъ упомянуть о заключеніи камеръ-юнкера Самарина въ крѣпость, когда это было извѣстно всему городу и всѣ объ этомъ говорили. Если-бъ это не было извѣстно, то всякій въ правѣ былъ бы подумать, что онъ пропалъ безъ вѣсти. Управляющій дома Устинова, гдѣ квартировалъ Самаринъ, намѣревался было, какъ я самъ видѣлъ, подать въ Полицію извѣщеніе о неизвѣстной отлучкѣ Сама-

рина, но былъ отъ того удержанъ. Участіе въ Самаринѣ я принималъ потому, что знаю его уже лѣтъ семь, какъ умнаго, образованнаго, честнаго, даровитаго человѣка, съ твердымъ характеромъ, съ добросовѣстною душою, всѣмъ сердцемъ преданнаго Россіи.

6.

Изъ отвѣтовъ родителя и брата Вашего Константина на письма Ваши о Самаринѣ видно, что они вполнѣ раздѣляютъ негодованіе Самарина противъ Нѣмцевъ въ Россіи; а родитель Вашъ въ письмѣ о маскарадѣ, данномъ въ Москвѣ графомъ Закревскимъ, отдавая русскому платью преимущество предъ всѣми костюмами, говоритъ, что Московская публика возстаетъ общимъ бунтомъ на графа Закревскаго, что ругательство надъ русскимъ платьемъ въ маскарадѣ произвело на общество самое благопріятное дѣйствіе и что послѣдствія его будутъ полезны. Если и Вы раздѣляете мнѣнія Вашихъ родственниковъ, то подробно объясните Вашъ образъ мыслей по означеннымъ предметамъ.

6.

Отецъ и братъ писали мнѣ, что раздѣляютъ негодованіе Самарина противъ Остзейскихъ Нѣмцевъ. *Я тоже раздѣляю это негодованіе, ибо, какъ русскій, не могу быть равнодушенъ къ положенію русскихъ въ Остзейскомъ краѣ.* Впрочемъ, такъ же, какъ и мои родственники, я не люблю Нѣмцевъ только какъ касту, дѣйствующую въ духѣ презрѣнія къ Россіи и ея народу, *но* въ частности уважаю и люблю ихъ, если они хорошіе люди. Доказательствомъ этому служитъ то, что у меня много пріятелей Нѣмцевъ. Что касается до возстанія всей Московской публики противъ Графа Закревскаго общимъ бунтомъ, то эти выраженія въ письмѣ моего отца относились, сколько могу припомнить, къ тому, что Графъ Закревскій, пригласивъ Московское общество къ себѣ на folle journée, разстроилъ этимъ уже совсѣмъ заготовленный пикникъ; отказаться они не посмѣли, но поѣхали къ Графу Закревскому весьма недовольные. Изъ тона писемъ моего отца слышно презрѣніе его вообще къ Московской публикѣ, которая часто изволитъ гнѣваться на Графа Закревскаго за его короткій судъ и расправу, но въ тоже время готова на

всякое униженіе, чтобы попасть въ салонъ Графини Закревской.—Что касается до выраженій его о русскомъ платьѣ, то они содержатъ ту мысль, что общество, надѣвъ русское платье, какъ шутовское, маскарадное, въ замѣнъ арлекинскаго или испанскаго костюма, почувствовало же однако красоту и удобство этого одѣянія и невольно спросило себя: отчего бы не ходить такъ всегда?.. Я не придаю платью большой важности, но думаю однако, что если-бъ мы всѣ надѣли русское платье, то стали бы менѣе чужды народу и легче было-бы намъ перевоспитать себя на русскій ладъ. Не говоря уже о томъ, что русскій нарядъ удобнѣе и красивѣе, я просто не понимаю, отчего костюмъ, принадлежащій чужой народности, со всѣми невыгодами и вреднымъ вліяніемъ иностранной моды,—носить приличнѣе, чѣмъ наше народное платье?..

7.

Братъ Вашъ Григорій въ одномъ письмѣ изъ Симбирска, выхваляя Елачича и называя безумнымъ Франкфуртское собраніе, передаетъ надежду, что Австрія изъ Нѣмецкой превратится въ Славянскую монархію. Не питаете ли Вы и родственники Ваши славянофильскихъ понятій и въ чемъ они состоятъ?

7.

Братъ Григорій называетъ въ одномъ изъ писемъ своихъ Франкфутское собраніе безумнымъ... *Я думаю, въ этомъ и спрашивающіе меня не сомнѣваются.* Онъ выхваляетъ Елачича... Развѣ онъ не былъ достоинъ похвалы? Это призналъ и Государь Императоръ, наградившій его орденомъ. Что касается до мнѣнія его, что Австрія изъ Нѣмецкой превратится въ Славянскую монархію, то я также думалъ это, ибо нѣмецкіе элементы ея подгнили и она давно бы рухнулась, если бы не поддержали ее Славяне. Поэтому и можно было предполагать, что Австрія

сдѣлаетъ volte face и обратится въ Славянскую Имперію. Это было бы впрочемъ, весьма грустно, такъ какъ возникновеніе рядомъ съ Россіею самобытной, сильной Славянской монархіи привлекло бы къ ней всѣ тѣ южныя Славянскія племена, которыя теперь мы отъ себя отталкиваемъ, и лишило бы Россію значенія: быть единственнымъ сосудомъ Православія и Славянскихъ началъ на землѣ. Впрочемъ, можетъ быть, Австрія устоитъ и въ настоящемъ своемъ видѣ.— Что касается до моихъ славянофильскихъ идей, то ни я, ни родственники мои не славянофилы въ томъ смыслѣ, въ какомъ предложенъ этотъ вопросъ. Въ Панславизмъ мы не вѣримъ и считаемъ его невозможнымъ 1) потому, что для этого необходимо было бы единовѣріе Славянскихъ племенъ, а католицизмъ Богеміи и Польши составляетъ элементъ враждебный, чуждый, несмѣсимый съ элементомъ Православія прочихъ Славянъ; 2) всѣ отдѣльные элементы Славянскихъ народностей могли бы раствориться и слиться въ цѣлое только въ другомъ, крѣпчайшемъ, цѣльномъ, могучемъ элементѣ, т. е. въ русскомъ; 3) большая часть Славянскихъ племенъ уже заражена вліяніемъ пустаго западнаго либерализма, который противенъ духу русскаго народа и никогда къ нему привиться не можетъ. *Признаюсь, меня гораздо больше всѣхъ Славянъ занимаетъ Русь*, а брата моего Константина даже упрекаютъ въ совершеннѣйшемъ равнодушіи ко всѣмъ Славянамъ, кромѣ Россіи, и то даже не всей, а собственно Великороссіи.

И дѣльно, потому что все прочее мечта; одинъ Богъ можетъ опредѣлить, что готовится въ дальнемъ будущемъ; но ежели бы стеченія обстоятельствъ и привели къ этому соединенію, то оно будетъ на гибель Россіи.

8.

Еще родитель Вашъ въ письмѣ отъ 8 Марта пишетъ къ Вамъ: „жизнь въ Москвѣ сдѣлалась для меня еще несноснѣе, и обстоятельства требуютъ неукоснительнаго бѣгства; и предметы общихъ разговоровъ, устремленіе общихъ интересовъ, непосредственно раздѣляемыхъ всѣми, имѣющихъ еще усилиться въ будущемъ, выводятъ меня изъ терпѣнія. Весьма затруднительно и не безвредно для меня и будетъ странно, а какъ бы хорошо уѣхать намъ съ Константиномъ въ Абрамцево“. Въ чемъ состоитъ тягостное?

8.

Это письмо моего отца касается чисто семейныхъ дѣлъ: разстройства финансовъ, болѣзни дочерей, а также и скуки, наводимой на него, Московской жизнью. Онъ охотно бы прожилъ въ деревнѣ всю зиму, ибо онъ и братъ мой Константинъ любятъ всею душею природу, деревню и всѣ ея мирныя удовольствія. Прошлаго года отецъ мой уѣхалъ въ деревню въ самомъ началѣ весны, но простудился тамъ, сдѣлался очень боленъ и долженъ былъ воротиться въ Москву. Поэтому онъ и называетъ поѣздку въ деревню не безвредною. Пустота ежедневныхъ общихъ интересовъ и разговоровъ нагоняетъ на него, при невозможности заниматься службою, такую сильную скуку, что онъ часто уходитъ въ другую комнату, не дожидаясь отъѣзда гостей.

9.

Между книгами Вашими оказались сочиненія Штейна о Соціализмѣ и Коммунизмѣ и стихотворенія Мицкевича. Гдѣ и у кого пріобрѣли Вы эти книги? не питаете ли Вы мыслей коммунистическихъ и вообще противныхъ образу нашего правленія, и если питаете, то объясните со всею искренностью, какимъ путемъ Вы приведены къ этому?

9.

Найденныя у меня книги куплены въ Москвѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, но когда именно и въ какомъ магазинѣ, не помню. Пріобрѣлъ же я ихъ изъ любознательности. Мицкевича купилъ потому, что самъ занимаюсь поэзіей и пишу стихи. Коммунистическихъ идей не раздѣляю. Свои мысли я изложилъ уже въ третьемъ пунктѣ и думаю, что въ нихъ нѣтъ ничего, «противнаго образу нашего правленія».

10.

У Васъ еще оказались стихи Вашего сочиненія, писанные къ Князю Оболенскому въ 1843 году, въ которыхъ Вы съ насмѣшкою отзываетесь о гражданской службѣ и Сенатѣ, о наградахъ чинами и крестами. Не распространяли ли Вы этихъ стиховъ и мыслей, въ нихъ заключающихся, и для чего сохраняли этотъ листокъ?

10.

Посланіе къ Князю Оболенскому, товарищу по Училищу и сослуживцу, писано мною въ началѣ 1843 года, когда мнѣ было 19 лѣтъ. Оно заключаетъ въ себѣ юношеское разочарованіе въ службѣ, ибо формализмъ судебнаго дѣлопроизводства сильно охладилъ мою пылкую ревность къ общеполезной дѣятельности. Мнѣ тогда страшно было вообразить, что прослужа лѣтъ 40 въ этой атмосферѣ, я могу совершенно подчиниться вліянію служебнаго формализма, сдѣлаться чиновникомъ, который думаетъ только объ очисткѣ бумагъ, о полученіи за это наградъ, смотритъ на людей отвлеченно, не понимая ничего, кромѣ своихъ дѣлъ, и постепенно заглушаетъ въ себѣ живаго человѣка, желавшаго нѣкогда только блага и пользы!.. Со временемъ я перемѣнилъ мысли и думаю, что можно остаться чиновникомъ и сохранить въ себѣ человѣка. Листокъ этотъ сберегся случайно; впрочемъ, я и не видѣлъ надобности его истреблять.

11.

Объясните, какую главную мысль предполагаете Вы выразить въ поэмѣ Вашей „Бродяга“ и почему избрали бѣглаго человѣка предметомъ сочиненія?

11.

Отчего выбралъ я бродягу предметомъ поэмы?.... Отъ того, что образъ его показался мнѣ весьма поэтичнымъ; отъ того, что это одно изъ явленій нашей народной жизни; отъ того, что бродяга, гуляя по всей Россіи какъ дома, даетъ мнѣ возможность сдѣлать стихотворное описаніе русской природы и русскаго быта въ разныхъ видахъ; отъ того наконецъ, что этотъ типъ мнѣ, какъ

служившему столько лѣтъ по уголовной части, хорошо знакомъ. Крестьянинъ, отправляющійся бродить вслѣдствіе какого-то безотчетнаго влеченія по всему широкому пространству русскаго царства (гдѣ есть гдѣ разгуляться!), потомъ наскучившій этимъ и добровольно являющійся въ судъ—вотъ герой моей поэмы. Написана еще только первая часть, которая сама за себя можетъ дать объясненіе.

12.

Не имѣете ли еще чего присовокупить къ поясненію предложеннаго въ предыдущихъ вопросахъ?

12.

Кажется, ничего больше присовокупить не имѣю кромѣ того, что 1) я до сихъ поръ не знаю, зачѣмъ я арестованъ и въ чемъ меня обвиняютъ или подозрѣваютъ; 2) что все предыдущее изложено мною по долгу совѣсти, безъ малѣйшей утайки; 3) что я чувствую себя совершенно чистымъ предъ Богомъ, Россіею и Государемъ и вполнѣ надѣюсь на милость Божію и на правосудіе Правительства.

ЯРОСЛАВСКІЯ ПИСЬМА.

Два года, проведенные Иваномъ Сергѣевичемъ въ Ярославлѣ, были въ исторіи его внутренняго развитія тяжелыми годами. Его томили сомнѣнія—сомнѣнія по вопросамъ религіознымъ и общественнымъ.

Событія 48-го года оставили глубокій слѣдъ въ его душѣ; онъ не могъ уже вполнѣ удовлетвориться отвлеченными теоріями Константина, который по своему характеру и по обстановкѣ исключительно семейной жизни мало соприкасался съ дѣйствительностію, мало чувствовалъ потребности провѣрять живой жизнью воззрѣнія, выработанныя имъ лишь на почвѣ научнаго изслѣдованія древнихъ историческихъ памятниковъ. Въ Ярославскихъ письмахъ часто высказывается это разногласіе между братьями. Впрочемъ, Иванъ Сергѣевичъ старался заглушить томящіе его вопросы и заѣдающую его тоску упорной служебной дѣятельностію на практической почвѣ, и только изрѣдка боль въ душѣ высказывается въ письмахъ его къ отцу и въ рѣдкихъ стихотвореніяхъ того времени: «Пусть гибнетъ все»,—«Послѣ 48-го года» и «Усталыхъ силъ». Письма Константина здѣсь не приводятся, потому что они должны входить въ составъ особаго изданія. Письма же Сергѣя Тимоѳеевича касаются почти исключительно семейныхъ обстоятельствъ. Помѣщаются здѣсь только нѣкоторые отрывки, гдѣ проявляется его свѣтлая, спокойная мудрость и теплая объективность старика-отца относительно страстныхъ убѣжденій и увлеченій своихъ сыновей.

1849 года, Мая 23-го. Понедѣльникъ. Ярославль.

Не много надо было времени, чтобы изъ Московскаго нашего круга перекинуться совершенно въ другой міръ, съ другими заботами и интересами, въ губернскій городъ Ярославль. Впрочемъ, теперь воздержусь ото всякихъ сужденій, преждевременныхъ выводовъ и взглядовъ, потому что я не успѣлъ еще надлежащимъ образомъ осмотрѣться и вникнуть, — а лучше начну для Васъ по обыкновенію описаніе со времени выѣзда моего изъ Москвы. Долженъ также предупредить Васъ, что особеннаго расположенія писать я не чувствую, по крайней мѣрѣ теперь. Эта дорога не произвела на мою душу особеннаго впечатлѣнія, не наполнила ее бодрою дѣятельностью. Странное дѣло! Послѣ всей бывшей передряги на душу мою налегъ какой-то свинецъ; въ душѣ моей—не ясная погода, а постоянно пасмурно. Можетъ-быть, это происходитъ также отъ того, что я еще не приступалъ настоящимъ образомъ къ дѣлу, котораго пропасть и въ которое надо броситься съ руками, съ ногами и со всѣми способностями; колоколъ еще не раскачался. — Я выѣхалъ, какъ Вы помните, 19-го Мая, поздно вечеромъ. Тарантасъ мой оказался чрезвычайно покойнымъ, по крайней мѣрѣ для меня. Въ Тарасовкѣ и Талицахъ перемѣнилъ лошадей; везли довольно плохо и долго держали на перемѣнахъ, такъ что въ Троицу я пріѣхалъ часу въ шестомъ утра. Церкви были уже открыты и полны народа; я приложился къ мощамъ и поѣхалъ далѣе. Отъ Троицы до Переяславля (60 верстъ) шоссе еще не отдѣлано и по немъ не ѣздятъ, а ѣздятъ по старой, довольно скверной дорогѣ, которая идетъ, впрочемъ, почти рядомъ съ шоссе. Дорога гориста и мѣстоположеніе прекрасно. На первой станціи «Редриховы Горы» я пилъ чай и узналъ, что это затѣйливое названіе станціи происходитъ отъ очень простой причины. Былъ Нѣмецъ помѣщикъ, г. Редрихъ; именемъ его и окрестилось село на вѣчныя времена. Теперь оно казенное.— Дорога живописна и постоянно носитъ на себѣ признаки пути богомольнаго. До Троицы я встрѣтилъ, по обыкновенію, бездну богомольцевъ всякихъ сословій; за Троицей до Ростова я встрѣчалъ также много богомольцевъ, но уже все

крестьянъ и крестьянокъ. Повторяю: по всей этой дорогѣ видно, что это путь отъ святыни къ святынѣ; по всей дорогѣ Вы встрѣчаете множество церквей, образовъ, часовень, святыхъ колодцевъ и т. п. Есть нѣсколько часовень и колодцевъ съ каменными навѣсами—самаго древняго устройства, часто въ видѣ башень красивой старой архитектуры, старѣе Кремлевской. Тутъ вездѣ слѣдовало бы побродить пѣшкомъ. Къ обѣду пріѣхалъ я въ Переяславль-Залѣсскій (Владимірской губерніи). Влѣво отъ него разстилается чудное огромное озеро, которое ничѐго въ себѣ не держитъ, кромѣ рыбъ (и между прочимъ знаменитыхъ сельдей). Ямщикъ увѣрялъ меня, что если бросить въ озеро даже что-нибудь металлическое, деньги и т. п., то озеро не удержитъ ихъ у себя, а выкинетъ непремѣнно на берегъ.—Городъ очень красивъ, потому что носитъ на себѣ признаки древности, старой живой жизни. Въ немъ 4 монастыря и 23 церкви. Одинъ монастырь, Горицкій, уже закрытъ, такъ уже онъ старъ, и его не поддерживаютъ; между тѣмъ сохранившіеся въ цѣлости ворота ограды и одна стѣна со всѣми наружными украшеніями, съ глазурью, очень хороши. Въ Даниловскомъ монастырѣ почиваютъ мощи. Новая Россія ничего не прибавила, кромѣ зданій по Высочайше утвержденнымъ фасадамъ, трактирныхъ заведеній съ билльярдами и упадка торговли. Старая жизнь миновала безвозвратно!..—Остановившись въ какомъ-то довольно гадкомъ и грязномъ трактирѣ, я тщетно искалъ мѣстнаго продукта, сельдей. Въ Переяславлѣ нѣтъ ни одной Переяславской селедки. Трактирные служители—всѣ Ярославцы, хорошо знающіе учтивое и деликатное обращеніе и ловкую трактирную расторопность—мало знаютъ о древностяхъ города. Впрочемъ, одинъ изъ нихъ разсказалъ мнѣ о ботикѣ Петра Великаго, о плаваніи его по этому озеру и т. п., такъ какъ по этому случаю учреждено оффиціальное празднованіе. На стѣнахъ комнаты заказано было мастеру изобразить гулянье въ Марьиной рощѣ, но мастеръ надулъ и вмѣсто Марьиной рощи нарисовалъ какую-то другую и весьма скверно, что мнѣ объяснилъ также одинъ изъ половыхъ.—Отъ Переяславля вплоть до Ярославля ѣхалъ я опять по шоссе. Тутъ везли меня очень хорошо. Лошади Ростовской породы, красивыя и сильныя, хотя

нѣсколько тяжелы. Ростовъ — въ 60-ти верстахъ отъ Переяславля; я пріѣхалъ въ него вечеромъ, но еще засвѣтло. Онъ еще красивѣе Переяславля и видѣнъ верстъ за 10 отражающимся въ гладкой поверхности озера. Городъ большой, полонъ каменныхъ древностей, садовъ и огородовъ. Вообще въ Ярославской губерніи растительность деревьевъ удивительная. Лѣсовъ бездна. Въ Ростовѣ я остановился только, чтобы напиться чаю, и отправился далѣе въ Ярославль. Дорогой спалъ и проснулся уже тогда, когда пришлось переѣзжать на паромѣ черезъ Волгу. Часу во второмъ ночи привезли меня къ Берлину, лучшей гостинницѣ Ярославля, грязной, гадкой и вонючей. Дѣлать нечего, я расположился въ ней, легъ тотчасъ спать, но всталъ рано и принялся за разборку своихъ дѣлъ и бумагъ, чтобы сколько-нибудь приготовиться. Бутурлина не нашелъ въ городѣ. Онъ уѣхалъ въ Угличъ и воротится только нынче къ вечеру. — Поговоримте собственно о наружности Ярославля. Онъ мнѣ очень нравится. Городъ бѣлокаменный, веселый, красивый, съ садами, съ старинными прекрасными церквами, башнями и воротами; городъ съ физіономіей. Калуга не имѣетъ никакой физіономіи или физіономію чисто казенную; Симбирскъ тоже почти, но Ярославль носитъ на каждомъ шагу слѣды древности, прежняго значенія, прежней исторической жизни. Церквей бездна и почти ни одной—новой архитектуры; почти всѣ пятиглавыя, съ оградами, съ зеленымъ дворомъ или садомъ вокругъ. Прибавьте къ этому монастыри внутри города, съ каменными стѣнами и башнями, и вы поймете, какъ это скрашиваетъ городъ,—а тутъ же Которость и Волга съ набережными, съ мостами и съ перевозами. — Что же касается до простаго народа, то мужика вы почти и не встрѣтите, т. е. мужика землепашца, а встрѣчается вамъ на каждомъ шагу мужикъ промышленный, фабрикантъ, торговецъ, человѣкъ бывалый и обтертый, одѣвающійся въ купеческій долгополый кафтанъ, съ фуражкой, жилетомъ и галстухомъ. Впрочемъ, я говорю только о томъ, что я видѣлъ въ продолженіе этихъ двухъ дней. Женщины одѣваются совершенно такъ же, какъ и въ Московской губерніи; посмотримъ ихъ въ селахъ, въ праздничные дни.—Цѣлую Субботу, Воскресенье и нынѣшній день я посвятилъ на визиты, знакомство

и на изготовленіе самого себя къ моему скучному и многосложному порученію. Дѣла предстоитъ гибель. Въ Четвергъ увѣдомлю Васъ о своемъ рѣшеніи относительно поѣздокъ по губерніи. Нынче кончаются мои визиты и съ завтрашняго дня сажусь за работу. Нынче же долженъ я познакомиться и съ Серебренниковымъ, купцомъ.—Что-то у Васъ происходитъ? Поздравляю Васъ со днемъ имянинъ Константина, а Константина поздравляю въ особенности и крѣпко обнимаю. Вотъ гдѣ бы надо было побродить ему пѣшкомъ. Дамъ видѣлъ много, дѣвицъ еще ни одной, ихъ мало въ Ярославлѣ. Косы всѣ преподлыя, но уже слышалъ, что въ Пошехонскомъ уѣздѣ ростетъ одна коса великолѣпная, подробнаго измѣренія которой я еще не имѣю. О лицѣ не справлялся, ну, да вѣдь до этого нѣтъ дѣла, была бы коса.

Понедѣльникъ, Мая 23-го 1849 года. Ярославль.

Нынче написалъ я Вамъ письмо въ Москву и нынче же, согласно условію, посылаю письмо и въ Троицу. Пожалуйста обратите вниманіе на то, будутъ ли распечатываться письма, адресованныя въ Посадъ или нѣтъ.—Уже 12-й часъ, и я тороплюсь. Скажу Вамъ нѣсколько словъ о Ярославскихъ жителяхъ. Народъ все доброкачественный, немножко пустоголовый и ограниченный. Губернія сама себя называетъ «пріятною», и въ самомъ дѣлѣ тиха и мирна, не ссорится, что-то есть Маниловскаго во всемъ образованномъ Ярославскомъ обществѣ. Евгеній принялъ меня сухо, но потомъ мы разговорились и разстались друзьями. Вотъ оригиналъ. Ему за 70 лѣтъ, но онъ бодръ, живъ и энергиченъ, говоритъ языкомъ простымъ и рѣзкимъ, нѣсколько грубымъ, и полонъ негодованія. Жадовская не только съ уродливой рукой, но и съ бѣльмомъ на одномъ глазу и вообще очень дурна, но очень не глупа, и мы съ ней подружились очень скоро.—Роскошь въ городѣ страшная. Мебель, квартиры, одежда—все это старается перещеголять и самый Петербургъ. Ярославль съ гордостью разсказываетъ, что у него нынѣшнею зимою былъ дѣтскій маскарадъ, на которомъ были дѣти въ костюмахъ, стоившихъ тысячи по двѣ и по три и въ алансонскихъ кружевахъ.

1849 года Мая 26-го. Четвергъ. Ярославль.

Вѣроятно, нынче должны получиться отъ Васъ письма, если только Вы успѣли написать во Вторникъ. Но почта отходитъ нынче же, и я въ недоумѣніи, куда адресовать. Буду адресовать покуда въ Москву. Я еще все стою въ гостинницѣ, но нынче переѣзжаю. Нанялъ какую-то квартиру помѣсячно, по шести рублей серебромъ, и оставлю ее за собой все лѣто, а осенью надѣюсь попасть на лучшую. Мнѣ нельзя таскать съ собой по городамъ всего багажа, всѣхъ вещей своихъ и необходимо имѣть pied-à-terre въ Ярославлѣ. Самъ я думаю въ Субботу или Воскресенье ѣхать въ Романовъ, который всего 35 верстъ отъ Ярославля.— Познакомился съ Бутурлинымъ. Какъ водится, человѣкъ благонамѣренный, но военный, мало знакомый съ формами, законами и т. д.; впрочемъ, очень любезный и привѣтливый человѣкъ. Нынче я у него обѣдаю. Я познакомился почти со всѣмъ обществомъ, пребывающимъ въ городѣ, поставилъ себя въ хорошія отношенія къ Губернатору, съ Евгеніемъ, кажется, мы просто подружились,—но признаюсь, еслибъ не было столько дѣла, то скука возни съ этимъ обществомъ была бы невыносимая. Впрочемъ, я познакомился вчера съ купцомъ Серебренниковымъ, о которомъ говорилъ Чижовъ, съ человѣкомъ въ самомъ дѣлѣ замѣчательнымъ по своимъ историческимъ и археологическимъ знаніямъ и по своей любви къ труду. Онъ между прочимъ показалъ мнѣ двѣ грамоты, данныя г. Ярославлю и хранящіяся въ Магистратѣ, которыя ускользнули отъ вниманія Строева, когда онъ былъ здѣсь съ Археографической Коммиссіей. Изъ первой грамоты, данной Царемъ Михаиломъ Θеодоровичемъ, но упоминающей о граматахъ Ивана Грознаго и сына его,—видно между прочимъ, что были Городскіе Старосты, Земская Изба, завѣдывавшая доходами, городская собственность; говорится «о городовомъ дѣлѣ».—Здѣсь есть еще купецъ Трехлѣтовъ, у котораго богатое собраніе старопечатныхъ книгъ и съ которымъ я еще не успѣлъ познакомиться.—Такая ли у Васъ подлая погода, какъ здѣсь? Здѣсь, при сліяніи двухъ рѣкъ, Волги и Которости, почти постоянно дуютъ вѣтра самые отчаянные и очень охлажда-

ютъ воздухъ. Ярославскіе жители говорятъ о Московскомъ климатѣ, какъ о благословенномъ. Можете себѣ представить, въ Ярославской губерніи есть Аксаковы, именно тѣ, отъ которыхъ происходитъ княгиня Мещерская, Сенаторъ Аксаковъ и пр. Говорятъ, что теперь родъ ихъ здѣсь перевелся, но я, проѣзжая по одной улицѣ видѣлъ на какомъ-то дряхломъ домишкѣ: домъ Надворной Совѣтницы Пелагеи Аксаковой.—Я еще не привелъ свои занятія въ надлежащій порядокъ, и потому самыя письма мои къ Вамъ еще не приняли надлежащаго характера, да и едва ли примутъ. Удивительно, какъ парализуетъ мысль, что пишешь не для Васъ однихъ, а для постороннихъ также, которыхъ вмѣшательство и участіе мнѣ вовсе не нужно.—Исторію Самарина здѣсь всѣ болѣе или менѣе знаютъ, но никто не принялъ въ ней живаго участія, никто ея не понялъ: она является какимъ-то сказаніемъ изъ какого-то совершенно другаго міра. Ярославль самъ по себѣ, а всѣ вопросы и весь волнующійся міръ самъ по себѣ. О моей исторіи мало знаютъ; носились какіе-то темные слухи, какъ мнѣ сказывалъ здѣсь одинъ человѣкъ; само собою разумѣется, что я ни съ кѣмъ изъ нихъ объ этомъ не говорилъ и не говорю,—да имъ этого и не понять.

1849 года, Мая 30-го. Понедѣльникъ. Ярославль.

Ну, кажется, нынче готовится жаркій день! И пора, давно пора, хотя въ этотъ годъ для меня не существуетъ лѣто. Если жизнь въ губернскихъ городахъ лѣтомъ и не похожа на Московскую или Петербургскую, особенно въ Ярославлѣ, гдѣ большая часть площадей не мощена и покрыта зеленымъ, прекраснымъ дерномъ,—то занятія мои по службѣ уже нисколько не соотвѣтствуютъ лѣтней нѣгѣ, лѣтней лѣни, всѣмъ тѣмъ ощущеніямъ, которыя возбуждаетъ въ душѣ видъ знойнаго голубаго неба, тихаго вечера и пр. и пр. Впрочемъ, это ужъ я такъ сказалъ: *тихаго* вечера. Въ Ярославлѣ почти ни на минуту не бываетъ тихо, по крайней мѣрѣ при мнѣ не стихало почти ни разу. Не знаю, можетъ быть, теперь тоже и у Васъ, но соединеніе двухъ рѣкъ, Волги и Которости, при которыхъ лежитъ Ярославль, кажется мнѣ,

достаточно можетъ объяснить причину вѣтровъ.—Впрочемъ, оставимъ погоду. Какая бы она ни была, Вы въ деревнѣ, Вы, вѣрно, цѣлый день на воздухѣ и умѣете пользоваться всѣми ея удобными минутами.—Во первыхъ, надо Вамъ знать, что я больше не въ Берлинѣ, а нанялъ себѣ квартиру, маленькій, низенькій, деревянный домикъ, съ пятью свѣтлыми окошками на улицу, съ четырьмя комнатками и кое съ какою, самою простою, деревянною мебелью, въ Крестовоздвиженскомъ переулкѣ, близъ церкви Св. Духа, домъ мѣщанки Пителиной. Въ самомъ низу живутъ сами хозяева. мѣщане. Цѣна семь рублей въ мѣсяцъ. Если эта квартира будетъ тепла, то я оставлю ее за собой и на зиму. Теперь я ее взялъ на три мѣсяца, собственно для склада всѣхъ своихъ вещей и для пристанища въ случаѣ пріѣздовъ моихъ въ Ярославль изъ уѣздныхъ городовъ. Но вамъ нѣтъ нужды писать мой адресъ на письмахъ, на почтѣ знаютъ, гдѣ я живу, а главное, я нынче уѣзжаю въ Романовъ-Борисоглѣбскъ.—Все это время я довольно много работалъ, составилъ изъ подчиненныхъ мнѣ топографовъ канцелярію, и переписка съ разными Присутственными мѣстами завязалась своимъ чередомъ, но, надо признаться, порою находитъ на меня сильная скука и тоска. Удивительное свойство большей части губернскихъ городовъ: это совершеннѣйшая пошлость, ничтожность людей. Общество почти вездѣ таково, но въ Москвѣ и въ Петербургѣ вы всегда найдете человѣкъ пять, съ которыми можете говорить обо всемъ; здѣсь—ни одного. Здѣсь я нашелъ много умныхъ купцовъ, это правда, но вѣдь разговоръ съ ними не есть мой постоянный разговоръ, мы слишкомъ раздѣлены и образованіемъ и интересами и сферами дѣятельности. Но что касается до общества здѣшняго, до Ярославскаго beau-monde, то это самое жалкое и ничтожное общество. Въ этомъ обществѣ, боясь упрека въ невѣжествѣ, не скажутъ ни одного слова по-русски, да и не нужно: еслибъ они говорили о чемъ-нибудь серьезномъ и задушевномъ, то прибѣгли бы къ русскому языку, но какъ подобныхъ разговоровъ здѣсь не ведется, то обходятся посредствомъ французскаго. Все это съ страшною претензіей на bon genre, роскошь непозволительная, читаютъ вздоръ, живутъ всѣ заемною жизнью столичныхъ обществъ. Есть

довольно богатыхъ, тысячедушныхъ и щедушныхъ фатовъ. Впрочемъ, многихъ теперь и нѣтъ въ городѣ, а я говорю про тѣхъ, кого знаю.—Въ 12-ти верстахъ отсюда живетъ M-me Б-мъ, урожденная М-ва, говорятъ: умна и красавица. Мнѣ предлагали ѣхать къ ней въ деревню, но я отказался теперь, отлагая это знакомство до зимы, если она останется здѣсь зиму. Къ тому же, говорятъ, теперь у нихъ проживаетъ сынъ Б-ва, извѣстный повѣса, что не очень рекомендуетъ и самую г-жу Б-мъ. Губернаторъ—человѣкъ самый пустой и ничтожный, щекотливый, ревнивый къ своей власти и своему значенію, а потому тяжелый невыносимо. Съ нимъ нельзя имѣть просто дѣла, а надо няньчиться, что я и дѣлаю довольно искуссно, такъ что мы съ нимъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ (что мнѣ необходимо для успѣха моего порученія), хотя дружбы нѣтъ и не будетъ между нами.—Напротивъ того, Архіерей полюбилъ меня ото всей души, а въ этомъ человѣкѣ нѣтъ лести. Я далъ ему прочесть свой отчетъ по Бессарабіи, и это его окончательно расположило ко мнѣ. Ему за 70 лѣтъ, но я мало встрѣчалъ такихъ живыхъ и горячихъ людей. Впрочемъ, есть здѣсь два человѣка, съ которыми я сблизился короче и могу быть запросто; это—Муравьевъ, братъ Сибирскаго Генералъ-Губернатора: человѣкъ недалекій, но теплый, хорошій, самъ здѣсь недавно, ну да и потерся немного, живя въ Москвѣ и въ Петербургѣ около умныхъ людей, такъ что многое ему не дико, обо многомъ онъ уже слыхалъ. Другой—это Семеновъ, 25-ти лѣтъ, лицеистъ, довольный жизнью, самъ собой, провинціей, обществомъ, страстный ботаникъ, хорошій чиновникъ. По крайней мѣрѣ это честные люди, съ которыми можешь быть коротокъ.—Несчастная Жадовская тоже рессурсъ въ своемъ родѣ, но отецъ ея, Предсѣдатель Палаты, не разлучающійся съ дочерью, съ страшною претензіей на любовь къ литературѣ—ужасно скученъ. Жадовская прочла мнѣ всѣ свои стихи, выслушала отъ меня много строгихъ замѣчаній, которыя, вѣроятно, будутъ ей полезны, и поняла ихъ. Я прочелъ ей Бродягу, отъ котораго она въ восторгѣ. Какъ-то перебирая тетрадь ея стихотвореній, которую она, забывшись, положила на столъ, я нашелъ тамъ посланіе А—ву, написанное съ годъ тому назадъ. Это посланіе ко мнѣ, въ кото-

ромъ она честитъ меня холоднымъ умомъ, холоднымъ сердцемъ и пр. Я мысленно пробѣжалъ рядъ своихъ стихотвореній (исключая Бродяги) и невольно согласился, что въ нихъ вездѣ виденъ умъ, видна мысль, но теплоты мало. Впрочемъ, ея стихи послѣдовали по поводу моихъ стиховъ о ней, которыми она не очень была довольна, хотя, какъ говоритъ въ посланіи, пріятна ея слуху, хотя и странная ей, суровость моего стиха.—Въ самомъ дѣлѣ, стремленіе къ пользѣ, воззваніе къ дѣятельности, нравственныя, строгія требованія, борьба высшаго содержанія — вотъ что наполняетъ мои стихотворенія, потому что я и не искалъ облекать въ поэтическую форму всякій вздоръ, пробѣгающій черезъ душу, всякую грустно-сладкую минуту, которая всѣмъ извѣстна, о которой писано милльонъ разъ и въ стихахъ и въ прозѣ.—Впрочемъ, Ярославское общество очень мало интересуется Жадовской и ея талантомъ. Отецъ ея считается mauvais genre, и къ дочери нѣтъ ни вниманія, ни участія.— Мнѣ сказывалъ одинъ изъ вышеупомянутыхъ мною двухъ, что исторія моя въ смутномъ и искаженномъ видѣ извѣстна всему Ярославлю и расположила общество не въ мою пользу, наконецъ, что здѣшнему обществу я весьма не понравился, хотя, говорятъ, что долженъ быть человѣкъ умный. Между тѣмъ, я въ отношеніи общества держалъ себя чрезвычайно скромно, но, признаюсь, холодно и серьезно; про стихи и про свою исторію ничего не говорю, такъ что я не могу похвалиться особеннымъ радушіемъ Ярославской аристократіи къ себѣ. Но купцы и мои подчиненные, напротивъ того, кажется, расположены полюбить меня отъ души. Что это за удивительная мѣстность — Ярославская губернія! Сколько историческихъ воспоминаній на каждомъ шагу, сколько собственныхъ своихъ святыхъ, сколько жизни и дѣятельности въ торговлѣ и въ промышленности, сколько предпріимчивости въ крестьянахъ... Вчера, по случаю храмоваго праздника, былъ огромный обѣдъ у старосты церкви Всѣхъ Святыхъ, купца Гарцова. Обѣдали Архіерей, Губернаторъ, Дворянство и Купечество, обѣдалъ и я. Обѣдъ былъ великолѣпный. Стерлядь въ аршинъ и такая, какой я до сихъ поръ никогда не ѣдалъ. Послѣ обыкновенныхъ тостовъ Архіерей всталъ, обратился ко мнѣ и громогласно выпилъ за мое

здоровье, чѣмъ меня немножко сконфузилъ, такъ какъ вовсе не нужно, чтобы кто-либо подозрѣвалъ какія-нибудь мои особенныя къ нему отношенія.—Вчера вечеромъ было опять гулянье въ загородномъ саду и знаете, какъ называется? Солонина! Да, сохранилось это названіе гулянью, которое бываетъ въ день Заговѣнья, накапунѣ Петровскаго поста. Во время оно, должно быть, доѣдали весь запасъ солонины прежняго посола. Разумѣется, это названіе употребительно только въ простомъ народѣ. — Нынче я ѣду въ Романовъ-Борисоглѣбскъ. Это 35 верстъ отъ Ярославля. По Воскресеньямъ иногда буду пріѣзжать сюда для личныхъ объясненій съ Губернаторомъ.

1849 года Іюня 5-го. Воскресенье. 5 часовъ утра. Романовъ-Борисоглѣбскъ.

Вотъ уже недѣля почти, какъ я здѣсь, но пишу къ Вамъ отсюда въ первый разъ и потому, что писать было некогда, и потому, что я сбился въ расположеніи почтовыхъ дней. Впрочемъ, сюда прислано мнѣ было письмецо Ваше отъ 31-го Мая, полученное мною 2-го Іюня. Изъ него я узналъ, что Вы опять въ Москвѣ. Я часа черезъ полтора отправляюсь въ Ярославль для свиданія съ Губернаторомъ. —Теперь перейдемъ къ разсказамъ, хотя, вѣроятно, много любопытныхъ и живыхъ замѣтокъ утратилось изъ моей памяти, набитой теперь за то всякими статистическими свѣдѣніями.— Я выѣхалъ изъ Ярославля въ Понедѣльникъ, часа въ три, и не одинъ, а взялъ къ себѣ въ тарантасъ одного изъ гражданскихъ топографовъ, выбраннаго мной къ себѣ въ помощники. Этотъ молодой человѣкъ, прекрасный и трудолюбивый, очень мнѣ полезенъ, но за то бываетъ невыносимо скученъ, какъ часто случается это съ воспитанниками заведеній втораго и третьяго разрядовъ, которые не скажутъ просто: здѣсь улицы грязны, а непремѣнно: здѣсь пути сообщенія въ неисправности, — которые, при видѣ оврага съ бурьяномъ и съ кочками, обращаются къ вамъ съ улыбкою, говоря: Швейцарія! и т. п. Дорога прекрасная и preживописная. Благодаря попечительности Губернатора Безобразова, она усажена почти вплоть до Романова березами, ко-

торыя изъ молоденькихъ, жалкихъ, казенныхъ, поддерживаемыхъ съ боковъ двумя подпорками и возбуждавшихъ остроумныя замѣчанія со стороны недовольныхъ Правительствомъ,— силою собственной жизни разрослись, окрѣпли и сдѣлались чудными густолиственными березами. Дорога идетъ по берегу Волги, которую то теряешь изъ виду, то вновь видимо огибаешь.—Я, кажется, писалъ Вамъ, что, въѣзжая въ Ярославль, переправился чрезъ Волгу: я ошибся, потому что это было ночью, съ просонокъ, а переправлялся я тогда черезъ Которость. Ярославль стоитъ на правомъ берегу, если глядѣть внизъ по теченію, или на лѣвомъ, если ѣдешь изъ Москвы. Волга здѣсь не то, что подъ Симбирскомъ, но шире и величественнѣе Волги подъ Тверью; впрочемъ, здѣсь берега ея не очень круты и сама она не такъ бурна. Чудная рѣка! Она кормитъ, даетъ жизнь и значеніе всему столпившемуся около нея народонаселенію. Въ Ярославской губерніи, чрезвычайно заселенной, берега ея усѣяны деревнями, и бѣлыя, каменныя церкви безпрестанно виднѣются. — Верстахъ въ пяти отъ Ярославля — Толгскій монастырь. — Дорогой я замѣтилъ цѣлыя толпы разодѣтыхъ пѣшеходовъ и пѣшеходокъ и, по разспросамъ, узналъ, что это крестьяне и крестьянки, спѣшившія въ какое-то село на праздникъ. Крестьянки всѣ въ штофныхъ Нѣмецкихъ платьяхъ, съ кичками на головахъ, не закрывающими однако-же волосъ. Нѣкоторыя изъ нихъ несли чулки и башмаки, а сами шли босикомъ, съ тѣмъ, чтобы, подходя къ селу, обуться и явиться со всею чинною важностью. Мужики— всѣ въ купеческихъ кафтанахъ. А вѣдь это почти все старообрядцы, да еще пожалуй безпоповщинцы. Русскіе наряды у бабъ, сарафаны и душегрѣйки, обыкновенны, почти такіе же, какъ и въ Московской губерніи, только плохи, потому что будничные. По Воскресеньямъ и по праздникамъ онѣ щеголяютъ въ Нѣмецкихъ платьяхъ. Впрочемъ, полный костюмъ и верхъ самодовольнаго торжества—составляетъ модная шляпка. Сестра Мечеходовскаго, моего помощника, какъ разсказывалъ онъ мнѣ, недавно зашла въ Ярославлѣ въ модный Французскій магазинъ M-me Gerard; тамъ встрѣтила она двухъ крестьянокъ, очень плохо одѣтыхъ, по русски однакоже, которыя торговали Французскую

шляпку и наконецъ купили ее за 10 цѣлковыхъ. «Нѣтъ, говорила одна, которая купила для себя эту шляпку, Акулина или Прасковья Сидоровна теперь не будетъ мнѣ колоть глазъ своей шляпкой».—Даже ямщикъ, который везъ меня, одѣтъ былъ какъ-то странно, по мѣщански. Галстухъ и жилетъ—въ общемъ употребленіи. Зато народъ смышленъ, смѣтливъ, общителенъ, людимъ, если можно такъ выразиться въ противоположность слову: нелюдимъ. Сообщеніе Ярославцевъ преимущественно съ Петербургомъ—Волгою и Каналами. Каждый изъ здѣшнихъ купцовъ, по крайней мѣрѣ, не разъ побывалъ въ Петербургѣ, а купеческіе сынки и прикащики, посылаемые туда по порученію, не разъ оставляли тамъ большіе капиталы, проматывались въ пухъ и вывозили оттуда въ семью свою, къ старикамъ-отцамъ, Богъ знаетъ какихъ женъ. — Часу въ восьмомъ вечера пріѣхалъ я въ Борисоглѣбскъ. Надо Вамъ знать, что Романовъ-Борисоглѣбскъ состоитъ собственно изъ двухъ городовъ. Борисоглѣбскъ, пожалованный въ заштатные города Екатериной, былъ въ 1822 году присоединенъ къ Романову, уѣздному городу, раздѣляемому отъ него одною рѣкою. Борисоглѣбскъ лежитъ на одной сторонѣ съ Ярославлемъ, т. е. на правомъ берегу Волги, а Романовъ на лѣвомъ. Волга здѣсь довольно мелка, такъ что паромъ идетъ посредствомъ багровъ, упираемыхъ въ дно. Къ лѣвому берегу она глубже, и тутъ-то собственно и проходятъ барки, разшивы, мокшанки и прочія рѣчныя суда.—Слѣдовательно, оба берега покрыты городами, которые еще въ нѣсколькихъ мѣстахъ прорѣзываются оврагами, гдѣ протекаютъ ручьи, впадающіе въ Волгу. Все это дѣлаетъ мѣстность очень живописною. Кромѣ того, и въ Романовѣ и въ Борисоглѣбскѣ очень много церквей и все старинныхъ, потому что новыхъ я нигдѣ не замѣтилъ; не могу ручаться, но чуть ли онѣ не выстроены всѣ до Никона. Особенно замѣчателенъ Борисоглѣбскій соборъ, съ каймою фресокъ вверху.—Мнѣ сейчасъ отвели квартиру у одного купца, Ванчагова, въ двухъ-этажномъ, бѣломъ, каменномъ домѣ. Я занялъ комнаты три вверху, въ остальныхъ помѣщается самъ хозяинъ (холостой и молодой) съ матерью и съ братьями, изъ которыхъ одинъ женатъ и имѣетъ дѣтей. Принялъ онъ меня чрезвычайно учтиво. Скажи-

те пожалуйста, спросилъ я его, старообрядецъ вы или нѣтъ? предупреждаю Васъ, что я курю; если да, то я велю отвести себѣ другую квартиру. Онъ отвѣтилъ мнѣ отрицательно, прибавивъ: мы вѣдь здѣсь не въ монастырѣ, — но я скоро догадался, что онъ хотя записанъ и православнымъ, однако тайный приверженецъ старообрядчества, что впослѣдствіи и подтвердилось. Тѣмъ не менѣе, пользуясь его ложью, я пустилъ ему немедленно подъ носъ дымъ своей сигары въ наказаніе; впрочемъ, человѣкъ онъ пустой, купчикъ третьей гильдіи, съ ужимками и ухватками гостинноддворской элегантности, говоритъ черезъ слово «то есть, такъ-съ, это вѣрно-съ, безъ сумлѣнія-съ» и проч. Мать этихъ молодыхъ купцовъ, старуха, ходитъ еще въ какомъ-то полурусскомъ платьѣ, но невѣстка—въ Нѣмецкомъ. Впрочемъ, всѣ они перебрались внизъ, и я ихъ вовсе не вижу, а старшій сынъ и братъ его женатый навѣщаютъ меня иногда по вечерамъ. Послѣдній недавно пріѣхалъ изъ Рыбинска и привезъ съ собою потихоньку ящикъ сигаръ. Вечеромъ поздно явился ко мнѣ и сказалъ, что хочетъ курить «подъ мой духъ», т. е. пользуясь тѣмъ, что у меня накурено, потому что домашніе его, придерживаясь старыхъ обрядовъ, не позволяютъ курить. По его разсказамъ, это старообрядчество состоитъ въ употребленіи двуперстнаго креста, старыхъ иконъ и т. п., только; но онъ вѣнчанъ и дѣтей крестилъ въ Православной церкви. Не знаю, какъ онъ, но другіе — перекрещиваютъ и перевѣнчиваютъ. Какъ бы то ни было, а это ужъ большая уступка: Бессарабскій раскольникъ не пойдетъ крестить дѣтей въ Православную церковь и названіемъ православнаго постоянно подвергать себя оскорбленіямъ религіи. Признаюсь, все это и грустно и жалко. Положимъ, есть нѣкоторые, которое понимаютъ все зло новизны, но вѣдь большая часть представляетъ странное явленіе—смѣси упорнаго и близорукаго предразсудка съ уступкою цивилизаціи въ самомъ пошломъ ея видѣ. Борода, жилетъ, галстухъ, билльярдъ, чай—вотъ мужъ; шляпка, шелковое платье, зонтикъ, румяна, чопорность, жеманство, невѣжество, тщеславіе, черные зубы, дебелость—вотъ жена старообрядца, вотъ семья, прогуливающаяся ежедневно мимо оконъ г. Левизора. Да не одна, а нѣсколько. Но къ разсказу. Домъ

Ванчагова стоитъ почти на самомъ гребнѣ Волжскаго берега (въ Романовѣ), такъ что изъ оконъ моихъ видна вся полоса Волги, протекающей черезъ городъ. Окошки свѣтлыя, стекла цѣльныя, безъ перекладинокъ (здѣсь такъ почти у каждаго мѣщанина, да и у большей части крестьянъ тоже). Что поразило меня: это необыкновенная чистота въ домѣ, необыкновенная опрятность. Аѳанасій разсказываетъ, что у нихъ внизу и въ кухнѣ всѣ работники и работницы вымываютъ руки ежеминутно; какъ дотронутся до чего бы то ни было, сейчасъ обтираютъ руки. Мнѣ пришлось опять постничать, во-первыхъ, потому, что трактиры прескверны, ничего готовить не умѣютъ, а во-вторыхъ, потому, что совѣстно ѣсть скоромное въ городѣ, который весь постничаетъ. Я условился съ хозяиномъ, и онъ беретъ съ меня по 30 копѣекъ серебромъ въ день за обѣдъ и ужинъ, который тотъ же рѣшительно, что и у нихъ, только мнѣ подаютъ особо наверхъ. Но главный и почти единственный припасъ ихъ постнаго стола—соленая рыба (бѣлужина, должно быть). Это мнѣ, признаюсь, надоѣло. Щи съ соленой рыбой, пирогъ съ соленой рыбой и съ какой-то травой на постномъ маслѣ и каша гречневая — вотъ обѣдъ, повторяющійся вечеромъ въ видѣ ужина, и такъ каждый день. Я велѣлъ Аѳанасію однако купить картофеля и маковаго масла, потому что конопляное очень непріятно. — Въ самый день моего пріѣзда въ Романовъ, вечеромъ поздно была гроза. Гроза на Волгѣ! Здѣсь она только была красива, но не страшна. Однако суда отошли отъ береговъ (особенно отъ глуби), гдѣ ихъ бьетъ о берегъ, и стали на середку. — Какое подлое лѣто! Не знаю, какъ у Васъ, но здѣсь днемъ дуетъ сильнѣйшій вѣтеръ, очень прохлаждающій температуру, стихаетъ рано утромъ и поздно вечеромъ.—Занятъ я въ Романовѣ ужасно. Работаю съ семи часовъ утра до десяти часовъ вечера почти безостановочно. И какая работа! Копотливая, сложная, сухая. Даже думать и писать некогда, только освѣжаешь себя на секунду, взглянувъ на Волгу и на медленно плывущія тяжелыя суда, на бѣлые паруса, надуваемые вѣтромъ... Не воображайте однакожъ, чтобы въ Романовѣ-Борисоглѣбскѣ была дѣятельность какая-нибудь. Нѣтъ, суда плывутъ мимо. Рыбинскъ отсюда въ 35-ти верстахъ съ одной

стороны, Ярославль во стольких же съ другой, стало быть, условій для жизни внутренней этого города мало, и торговля въ немъ постепенно упадаетъ. Знатнѣйшіе купцы здѣсь не торгуютъ и только записаны здѣсь или, по привычкѣ къ родинѣ, имѣютъ здѣсь пристанище, домъ. Остальные торговцы—все мелочь. Женскій полъ почти весь занимается огородничествомъ. Увѣряютъ (да этому и повѣрить не трудно), что будто большая часть жителей крайне бѣдны, и одна изъ причинъ бѣдности—роскошь, туалетъ женъ. Прошлаго года въ Апрѣлѣ былъ здѣсь сильнѣйшій пожаръ, истребившій болѣе 30-ти каменныхъ домовъ, а всѣхъ съ 200. Чтобъ познакомить Васъ сколько-нибудь съ своей работой, я покажу Вамъ образчикъ. Мнѣ должно составить между прочимъ самый подробный списокъ городскихъ недвижимыхъ имуществъ, городской поземельной собственности. Здѣсь въ Думѣ и по случаю двухъ пожаровъ (первый былъ въ 1842 году), не пощадившихъ ея архивы, и по случаю небрежности, почти нѣтъ никакихъ актовъ, такъ что Дума сама не знаетъ, чтò принадлежитъ частному лицу, чтò городу. Недавно явился повѣренный Графини Строгановой и предъявилъ права, подкрѣпленныя актами и документами на разныя земли внутри города и домъ, который Дума считала своимъ лѣтъ 20 сряду, передѣлывала его и помѣщала тамъ Присутственныя мѣста! Что же дѣлать? Приходится дѣлать выборку изо всѣхъ дѣлъ и бумагъ Думы старыхъ—обо всемъ, что относится до частной и городской собственности, потребовать у всѣхъ владѣльцевъ акты и описать ихъ, а какъ у двухъ третей нѣтъ никакихъ актовъ, то должно будетъ употребить дознаніе, изслѣдованія, спросы и пр. и пр. и пр., ибо опредѣленіемъ границъ частной собственности—опредѣлится только собственность общественная. Это только одинъ образчикъ! — Я пишу Вамъ это письмо изъ Ярославля, куда я нынче пріѣхалъ для личнаго свиданія съ Губернаторомъ. Уже поздно. Отлагаю письмо до утра. — Понедѣльникъ, *утро*. — Вчера я пріѣхалъ въ то самое время, когда въ городѣ былъ крестный ходъ, и Архіерей, 70-лѣтній старикъ, бодро и живо обходилъ весь городъ, т. е. шелъ два часа. Поэтому Губернаторъ, уставшій, не могъ свѣжо толковать со мною, и мы отложили свиданіе до нынѣшняго дня; поэтому я не ближе

часу отправлюсь снова въ Романовъ. Ахъ, какъ скучно нянчиться съ этими господами. Мнѣ надо, чтобы дѣло мое шло и чтобы эти господа оставались неоскорбленными въ своей щекотливости, да еще самодовольно думали, что они двигаютъ дѣло. Въ противномъ случаѣ они все могутъ испортить. Пріѣхавъ сюда, я хватился за газеты, но особеннаго ничего не нашелъ, кромѣ взятія Оффена Венгерцами. О дѣйствіи русскихъ войскъ ничего не слышно. Пріемъ студентовъ нынѣшній годъ въ Петербургскій университетъ—отказанъ.

1849 года, Іюня 13-го. Понедѣльникъ. Ярославль.

Вотъ я опять въ Ярославлѣ; пріѣхалъ сюда вчера часовъ въ 11 вечера и нынче же ворочусь опять въ Романовъ.— Дней черезъ 10 я предполагаю быть въ Рыбинскѣ. Одна изъ главныхъ задачъ моихъ: описаніе торговли въ каждомъ городѣ.—Торговля хлѣбомъ въ Рыбинскѣ идетъ тихо. Въ Рыбинскѣ лежатъ огромные запасы, оставшіеся отъ прежнихъ годовъ, а требованій въ Петербургѣ—нѣтъ вовсе. Всѣ жалуются, ждутъ, не будетъ ли требованій за границу... Ну, что разсказать Вамъ о городкѣ, въ которомъ я теперь живу? Правда, живу я тамъ, какъ лицо оффиціальное, цѣлый день работая, не имѣя времени посѣщать частныя лица, торопясь, но тѣмъ не менѣе, при постоянно-напряженномъ вниманіи зрѣнія и слуха, успѣваешь составить себѣ довольно или по крайней мѣрѣ приблизительно вѣрное понятіе о городѣ. Одно мое порученіе такого рода, что требуетъ долгихъ бесѣдованій съ лицами, знакомыми съ этимъ вопросомъ, другое—такое многосложное, что требовало бы работы самой тщательной и непрерывной.—Недѣля эта пролетѣла для меня незамѣтно. Сидишь, читаешь какія-нибудь маклерскія книги, счеты Нотаріусовъ, разбираешь планы Генеральнаго межеванья... Поднимешь вдругъ голову: красивый Сурякъ съ тремя надутыми полосатыми парусами шибко идетъ вверхъ по Волгѣ, за нимъ другой, тамъ третій... Такъ и обдаетъ безконечностью царства красоты, всею властью ея, такъ и готовъ погрузиться въ эту бездну, въ это море,—и только, по невольному движенію, замашешь рукой и уткнешься поскорѣе въ работу... А не будь работы,—совѣсть будетъ тяготиться недостаткомъ

труда и помѣшаетъ наслажденію красотой...—Вы не знаете, можетъ быть, что такое Сурякъ. Рѣчныя суда имѣютъ пропасть различныхъ формъ и названій. Есть Тихвинки, Мокшаны, Расшивы, Гусянки, Суряки, Барки и пр. Сурякъ— не очень великъ, но водоходно устроенъ,—Барки и Мокшаны, кажется, плоскодонные. Расшивы—самыя большія рѣчныя суда. На этой недѣлѣ, при сильномъ низовомъ вѣтрѣ, т. е. Южномъ, прошло множество судовъ мимо Романова въ Рыбинскъ и далѣе. Я думаю,—судовъ съ триста. 23-го Іюня начинается въ Рыбинскѣ ярмарка. Посмотримъ, что это такое.

— А здѣсь, т. е. въ Романовѣ, былъ вчера праздникъ въ Борисоглѣбскомъ соборѣ и потомъ крестный ходъ вокругъ Борисоглѣбска съ ношеніемъ иконъ—Спасителя, почитаемой чудотворною, и Казанской Божіей Матери, принесенной изъ Ярославля. Народу было страшное множество. Не только соборъ этотъ, просторный, большой, съ галлереями, былъ полонъ, но и вся площадь около него была занята народомъ, котораго большая часть пришла изъ деревень; женщинъ было гораздо больше, чѣмъ мужчинъ. Двѣ трети бывшаго тутъ народа, даже больше,—раскольники, т. е. такіе, которые однакожъ приписались къ православнымъ церквамъ послѣ указа о лишеніи правъ законности въ бракъ и пр., но сохраняютъ расколъ. Всѣ они Поповщинцы. Но много значитъ эта привязанность ихъ къ древнимъ храмамъ и иконамъ; она такъ велика, что удерживаетъ ихъ въ нашей церкви и наконецъ соединитъ совсѣмъ. Церкви г. Романова-Борисоглѣбска содержатся не доходами священниковъ, ибо церквей много, а дохода мало, а добровольной общественной складкой жителей, т. е. раскольниковъ!... «Дабы не нарушились эти храмы», сказано въ общественномъ приговорѣ. Крѣпко насажено было здѣсь христіанство; сильно было усердіе къ вѣрѣ; самая повсемѣстность раскола въ Ярославской губерніи свидѣтельствуетъ о тогдашнемъ неравнодушіи ихъ къ вѣрѣ. Теперь же расколъ ежечасно слабѣетъ, сколько съ одной стороны отъ вліянія моды, цивилизаціи, трактировъ и Петербурга, съ которымъ Ярославль въ безпрестанныхъ сношеніяхъ, столько и отъ древней привычки, привязанности къ храмамъ, которые достались въ удѣлъ православнымъ. Особенно привле-

каетъ ихъ икона Спасителя, и древности ради и ради ея величины: она слишкомъ 4 аршина вышины и три аршина ширины, изображаетъ только одинъ ликъ Спасителя въ размѣрахъ огромныхъ и, по моему, безобразныхъ: глаза въ пол-аршина каждый! Впрочемъ, предполагаютъ, что она стояла нѣкогда въ самомъ верху купола и въ отдаленіи размѣры сокращались. Эта икона обвѣшана разными серебряными пластинками, изображающими то ногу лѣвую, то ногу правую, то сердце, то руку. Бабы приходятъ и, если у которой болитъ рука, такъ та беретъ пластинку, прикладываетъ къ иконѣ Спасителя и потомъ къ своей рукѣ. Не знаю, кто развѣсилъ эти пластинки: получившіе ли облегченіе изображали облегченные отъ недуговъ свои члены, или ужъ они изображены такъ, предусмотрительно... Еще объ этомъ расспрошу подробнѣе. Масло, прямо изъ лампадки, тутъ же *пьютъ* (бабы), не поморщась. Я внимательно смотрѣлъ на молящихся: даже странно видѣть, что почти всѣ, и элегантная купчиха, и крестьянка простая, молятся двуперстнымъ крестомъ, пристально слѣдя за ходомъ службы. Когда же пошелъ крестный ходъ и иконы понесли на носилкахъ, то тутъ представилась картина довольно странная. Я полагаю, что народу было нѣсколько тысячъ. Можете себѣ представить, что почти всѣ изъ простаго народа, особенно женщины, захотѣли, чтобы иконы пронесли надъ ними и чтобы надъ каждой головой особо. Для этого вдругъ эти тысячи вытянулись въ линію и пали ницъ, такъ, какъ падаютъ карточные солдатики, которыхъ ребенокъ разставитъ, потомъ дунетъ, и они падутъ, покрывая одинъ другаго. Такъ и тутъ. Хоть бы по два въ рядъ; нѣтъ, по одному. Это неудобное лежаніе продолжалось довольно долго, потому что иконъ много. Картина, пожалуй, умилительная, но и смѣшная: тѣснота страшная: тотъ упирается въ спину своего передняго сосѣда; тамъ подъ кѣмъ-то пищитъ ребенокъ; тамъ выходитъ изо всей этой линіи что-то похожее на гирлянду, съ головами по однимъ сторонамъ, вмѣсто ягодъ, съ руками и ногами, иногда престранно торчащими,—вмѣсто вѣтокъ. Иной, думая, что иконы уже пронесли, хочетъ приподнять голову и прямо—бацъ объ икону. Визгъ дѣтей, крики шопотомъ: матушка полегче! и проч.

17-го Іюня 1849 года. Суббота. Романовъ-Борисоглѣбскъ. 6-й часъ утра.

Если Вы уже теперь встали, милый Отесинька, то, вѣрно, въ восторгѣ отъ утра. Послѣ тихаго дождя ночью, къ утру сдѣлалось тихо, сыро и довольно тепло, т. е мягко. Вчера цѣлый день дулъ безумный вѣтеръ, такъ что и растворить оконъ нельзя было; за то третьяго дня цѣлый день была тишина. Тишина на Волгѣ, затруднившая плаваніе тяжелыхъ судовъ, отразившая въ водѣ оба берега!.. Какъ хорошо это было! некогда мнѣ было только сознательно насладиться этимъ; чувствовалъ только, что хорошо, и боялся предаться этому чувству, а то бы къ чорту пошли и маклера, и Магистратъ, и Дума... Ваше послѣднее письмо, полученное мною назадъ тому съ недѣлю, возвѣщаетъ мнѣ только намѣреніе Ваше уѣхать въ Абрамцево, но исполнилось ли оно,—не знаю. Надѣюсь на будущей недѣлѣ ѣхать въ Рыбинскъ, а оттуда хочу ѣхать въ Пошехонь. Стало, мнѣ ужъ никакъ нельзя попасть къ вамъ въ Абрамцево: я все болѣе и болѣе удаляюсь отъ него. Въ Ярославль также не предполагаю ѣздить и очень радъ. Мнѣ гораздо покойнѣе жить въ уѣздномъ городѣ, гдѣ нѣтъ никакого общества (въ нашемъ, дворянскомъ смыслѣ), нежели въ губернскомъ, гдѣ есть общество. Надобно признаться, что положеніе мое тамъ непріятно Я состою подъ надзоромъ полиціи, — это сказывалъ Бутурлинъ по секрету Муравьеву, прибавляя, что объ этомъ есть приказаніе и у Жандармскаго Штабъ-Офицера и что объ этомъ, къ сожалѣнію, знаетъ почти все общество. Оно знало это еще до моего пріѣзда, и этимъ объясняется для меня странность пріема. Если-бъ я отданъ былъ подъ надзоръ за шулерство въ картахъ или тому подобное, то меня бы приняли съ распростертыми объятіями,—а теперь отдать меня подъ надзоръ полиціи въ Губерніи, безъ извѣстной для нихъ причины, значитъ, отдать меня подъ надзоръ всего общества. Я ни съ кѣмъ изъ нихъ объ этомъ предметѣ не объяснялся; но можете себѣ представить, какому теперь странному толкованію могутъ подвергнуться всякія мои слова. Заговорю я о двери... думаютъ: нѣтъ, шутишь, экъ куда метнулъ! какого

туману напустилъ *)! и проч. Я уже и имѣлъ этому доказательства, а потому принялъ за правило ничего не говорить или по крайней мѣрѣ какъ можно меньше. Впрочемъ, все это касается высшаго губернскаго общества. Въ другіе слои это не перешло, и они охотно со мною бесѣдуютъ. Я нисколько не боюсь тайнаго надзора и бояться мнѣ нечего, но только умнаго, а боюсь надзора глупаго. Впрочемъ, еслибы что-нибудь такое вышло, то я, благодаря Перовскаго, воспользуюсь позволеніемъ написать ему о томъ въ собственныя руки. — Я продолжаю работать усиленно, съ 7 часовъ утра до 10 вечера; между тѣмъ изъ разговоровъ, изъ разныхъ наблюденій сдѣлалъ себѣ много любопытныхъ замѣтокъ. Ярославская губернія почти вся тянетъ къ Петербургу. Это можно сказать рѣшительно. О Москвѣ здѣсь никто никогда не вспомнитъ и не говоритъ. Сильное вліяніе имѣетъ на нихъ «Петенбургъ», какъ они выражаются, со всѣми своими соблазнами. Не знаю, что въ Пошехони, въ Даниловѣ, въ Любимѣ, но всѣ прочіе города Ярославской губерніи — на большой дорогѣ. Центральность ея положенія много значитъ. Глуши нѣтъ. Да и въ старину, до открытія сношеній съ Петербургомъ, здѣсь пролегалъ торговый путь изъ Архангельска въ Москву и были иностранныя конторы въ самомъ Ярославлѣ. Но въ старину земля русская была сильна единствомъ вѣры, и Ярославль этимъ же держался. Расколъ, подорвавшій въ здѣшнихъ жителяхъ внутреннюю, сердечную связь съ Православной Россіей, не сберегъ ихъ отъ вліянія соблазновъ, и расколъ, сдружающійся по своему съ Европейскою цивилизаціею, оставаясь расколомъ, есть самое скверное и опасное явленіе... Въ Московскомъ расколѣ есть еще что-то почтенное, Рижскій расколъ безстыдно откровененъ, а здѣшній подлъ въ высшей степени; ни одинъ не признается, что онъ раскольникъ, всѣ притворяются до такой степени, что иной можетъ и ошибиться и почесть ихъ самыми усердными православными... Но такой расколъ все же слабѣе прочихъ. Притворство есть уже уступка, и мой планъ — заставить ихъ запутаться въ своемъ собственномъ двоедушіи до такой степени, что расколъ для дѣ-

*) Ревизоръ. Д. II, сц. VI.

тей ихъ сдѣлается рѣшительно невозможнымъ. — Нѣтъ, пусть Россія цѣльно подвергается испытаніямъ и искушеніямъ, посланнымъ ей; а расколъ, въ смыслѣ извѣстнаго раскола, только погубитъ ее. Раскольникъ въ церковь не ходитъ, а въ своей или не имѣетъ возможности быть или же только развращается въ ней. Сорвавшись съ якоря Православной Церкви, расколъ сталъ блуждать такъ, какъ заблуждается вообще человѣческій умъ въ дѣлахъ вѣры, если онъ предоставленъ самому себѣ; старина ихъ — преданія о Ѳедькѣ Косомъ или тому подобныя. Расколъ, посягнувшій на единство Церкви, самъ по себѣ не устоитъ противъ соблазновъ, но лишившись характера религіознаго, онъ сохранитъ въ себѣ привычку и вкусъ отдѣльнаго протеста, разрыва съ прочею Русью. Впрочемъ, я говорю про расколъ здѣшній, Рижскій, отчасти Бессарабскій. — Думаю въ скоромъ времени послать Министру подробное изложеніе своего взгляда на положеніе здѣшнихъ раскольничьихъ дѣлъ и буду сильно протестовать противъ такъ называемой Единовѣрческой Церкви. Я здѣсь нашелъ очень умнаго Протопопа, который живетъ здѣсь уже лѣтъ 15 и много передалъ мнѣ любопытныхъ свѣдѣній. Но вѣдь это все такъ, урывками; главное же занятіе мое по ревизіи городскаго хозяйства страшно многосложно и копотливо и держитъ меня въ городѣ тогда, когда бы не мѣшало мнѣ походить и поѣздить по уѣзду. А нельзя иначе, потому что не три же года жить мнѣ въ Ярославской губерніи. — Семейство здѣшняго городничаго состоитъ никакъ изъ шести дочерей, изъ которыхъ четыре уже большія, длинныя, съ непріятно-нѣмецкими физіономіями. Странное это семейство. Отецъ — Римско-католическаго исповѣданія, недавно перекрестился; мать Нѣмка. Часть дѣтей — лютеране, другая — православные. Отецъ всю жизнь кочевалъ съ полкомъ, былъ Богъ знаетъ гдѣ; одна дочь родилась въ Архангельской губерніи, другая въ Молдавіи, третья въ Польшѣ, четвертая за границей и т. д. Таскавшись всю жизнь по походамъ, получивъ рану, онъ успокоился наконецъ въ томъ «отишьѣ», которое Правительство хранитъ именно для подобныхъ ему. Комитетъ 18-го Августа, не помню, когда устроенный, далъ ему, по первому предъявленію своихъ правъ, мѣсто Городничаго, гдѣ онъ нашелъ себѣ успокоеніе, а дочери, уже под-

россія, — скуку. Впрочемъ, мать Нѣмка позаботилась дать имъ хорошее воспитаніе, и онѣ получаютъ журналы, газеты, книги, ноты, чего всего отецъ не читаетъ, потому что и привычки читать не имѣетъ. Удивительная судьба этихъ служакъ, безъ особенной связи съ мѣстомъ родины или воспитанія... Служака готовъ основаться, пожалуй, въ Вытегрѣ, а, пожалуй, и въ Елабугѣ, не то и въ Новоузенскомъ уѣздѣ. Я былъ у Городничаго всего два раза, на короткое время, но этого достаточно, чтобы получить о немъ и его семействѣ полное понятіе; это хорошіе люди; дочери же — чистыя Нѣмки. — Однако прощайте; я отдыхалъ за письмомъ къ Вамъ, но пора.

1849 года, Іюня 25-го. Суббота. Романовъ-Борисоглѣбскъ.

Я пишу Вамъ послѣднее письмо изъ Романова, потому что завтра уѣзжаю въ Рыбинскъ. Говорятъ, будто тамъ лежитъ хлѣба миллъоновъ на сорокъ. — На этой недѣлѣ я опять ѣздилъ въ Ярославль по дѣлу, былъ у Губернатора, у Архіерея, прочелъ газеты, порылся въ архивахъ нѣкоторыхъ Присутственныхъ мѣстъ, провелъ такимъ образомъ въ занятіяхъ два дня и воротился. — Вы въ деревнѣ и жалуетесь на погоду. Но на этой недѣлѣ было нѣсколько дней, которые должны были Васъ вполнѣ вознаградить. Не знаю, какъ у Васъ, но здѣсь даже на Волгѣ по цѣлымъ днямъ стояла тишина, или слегка дулъ теплый, мягкій, южный вѣтеръ. Вчера онъ былъ довольно силенъ, нагналъ тучи, вечеромъ была гроза, пошелъ дождь, и нынче сѣро и довольно сыро. Но здѣсь тишина имѣетъ особенную прелесть, когда эта величавая рѣка вздумаетъ отдыхать, и когда вечеромъ взойдетъ мѣсяцъ. При небольшомъ же вѣтрѣ ночью, при лунномъ сіяніи, бѣлые паруса плывущихъ судовъ — все это невообразимо хорошо!.. Пришлось мнѣ здѣсь вступиться въ слѣдующее дѣло. Работница моихъ хозяевъ — одна на весь домъ, крестьянская дѣвка, разъ пришла ко мнѣ съ жалобой (да чуть ли я Вамъ не писалъ про это? право, совсѣмъ потерялъ память) на нихъ такого рода: выкупили они ее у помѣщика за 200 рублей ассигнаціями, съ тѣмъ, чтобы она эти деньги зажила у нихъ въ продолженіе цѣлыхъ десяти лѣтъ, т.

е. по 20 рублей въ годъ. Заключить такое условіе — уже показываетъ свинство въ душѣ, потому что хоть они и ссылаются на добровольное согласіе, да вѣдь это согласіе дается еще въ крѣпостномъ состояніи, и глупая дѣвка не можетъ и понять тогда ужасной долготы всей десятилѣтней кабалы.—Это здѣсь общая купеческая манера, напоминающая древнюю кабалу, слава Богу, Правительствомъ уничтоженную. При взаимномъ согласіи, безъ условія, можно жить сколько угодно лѣтъ у кого хочешь, но даже нанять человѣка по условію, можно не долѣе, какъ на 5 лѣтъ. Законъ отвергаетъ добровольную вѣчную кабалу, какъ дѣйствіе, совершаемое человѣкомъ въ безуміи, въ крайности, противное всѣмъ человѣческимъ чувствамъ. Константинъ укажетъ мнѣ на огражденія кабальныхъ, придуманныя прежнимъ Правительствомъ при Алексѣѣ Михайловичѣ и проч. Да, это все доказываетъ, что такое жизнь, можно ли вѣрить ей и ея нравственнымъ началамъ, и оправдываетъ вмѣшательство Правительства въ жизнь и въ бытъ. Но къ дѣлу. Дѣвка объяснила мнѣ всю тяжесть своей работы, своего положенія, говоря, что обязуется заплатить имъ остальныя деньги со временемъ, но что не хочетъ оставаться. Хоть это обстоятельство относится до другаго вѣдомства, однако Вы знаете, я по всѣмъ таковымъ дѣламъ адвокатъ постоянный; позвалъ хозяина, молодаго купчика (условіе заключено еще ихъ отцомъ, умершимъ въ холеру прошлаго года, а теперь главой купеческаго дома — его вдова) и требовалъ отъ него отдачи отпускной этой дѣвкѣ, съ правомъ взыскивать остальныя деньги чрезъ Полицію, которая можетъ посадить ее въ яму, дѣлать съ нею все, что угодно, а сами они не могутъ у себя удерживать человѣка противъ воли; разумѣется, попугалъ ихъ, говоря, что самъ ей напишу жалобу, если они этого не сдѣлаютъ. Крѣпко имъ этого не хотѣлось, и они тянули это недѣли двѣ, ожидая, что я уѣду. Но третьяго дня эта дѣвка опять явилась ко мнѣ, вся въ слезахъ; я взбѣсился; хозяева перепугались и отдали ей отпускную, а она обязалась заплатить имъ деньги въ разные сроки. Отпускную то они возвратили, да никакъ не убѣдились въ томъ, что держать человѣка противъ воли 10 лѣтъ за 20 рублей въ годъ и взваливать на него тяжкую работу — скверно.—А между тѣмъ въ этомъ домѣ обычай каждый день подавать милостыню. Каждое утро ранымъ

ранехонько, когда, вставши, я растворяю окошко, то вижу собраніе этихъ старухъ, ожидающихъ пробужденія хозяйки (она-то главная противница была относительно возвращенія свободы дѣвкѣ). Тутъ онѣ между собою безъ церемоніи хохочутъ, ругаются, являются въ самомъ безобразномъ видѣ; но чуть покажутся въ комнатахъ признаки пробужденія, то плаксивые голоса хоромъ запѣваютъ: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ, милостыньку ради Христа... а... а.. а»!... Сынъ его признался мнѣ, что когда въ прошломъ году умиралъ его отецъ, то онъ говорилъ своей женѣ, а его матери, что дѣвкѣ можно сбавить три года, т. е. вмѣсто 10-ти держать ее 7 лѣтъ. Не осуждая его (онъ уже умеръ и, стало, просвѣтился), не могу однакожъ не замѣтить, что эти слова носятъ на себѣ особенный характеръ купеческаго раскаянія: вмѣсто 20-ти рублевъ 28 рублевъ съ небольшимъ *). Сейчасъ былъ въ соборѣ—по случаю дня рожденія Государя. Всѣ чины Романова-Борисоглѣбска были тамъ.—Жизнь—удивительное дѣло! Какъ она умѣетъ жить всюду! И какъ это особенно чувствуется путешественникомъ, стоящимъ внѣ созерцаемой имъ жизни. Стоитъ только внимательно всматриваться въ ежедневность и убѣдишься, что каждая минута въ ней имѣетъ свою поэтическую сторону. Въ жизни все можетъ быть художественно; надобно только умѣть отрывать ее отъ случайности. Во мнѣ, какъ и во многихъ, лежитъ эта способность. На что ни глядятъ глаза, они какъ будто сейчасъ обрамливаютъ предметъ, будто переносятъ его на бумагу (и не словами собственно, а будто рисункомъ) и даютъ ему мѣсто и значеніе въ вѣчномъ ряду явленій. Будто останавливаешь каждый мигъ жизни, сознаешь его и отпустишь. Но это занятіе, которое можетъ быть названо и дѣломъ и праздностью, и полезнымъ и вреднымъ, во всякомъ случаѣ наводитъ грусть на душу, и нерѣдко

---

*) Въ письмѣ отъ 4 Іюля Сергѣй Тимоѳеевичъ пишетъ сыну: „Поразительна черта умирающаго, богатаго купца, можетъ быть, по своему честнаго человѣка, который, испуская духъ, сбавляетъ три года изъ десяти закабаленной дѣвкѣ!! Я даже не понимаю, какъ онъ могъ удерживать ея отпускную? Разумѣется, ты поступилъ, какъ слѣдуетъ: я точно тоже бы сдѣлалъ на твоемъ мѣстѣ; но я не ручаюсь, чтобъ о твоемъ поступкѣ, перетолковавъ его и вкривь и вкось, не узнала вся пріятная губернія, и не было донесено обѣими полиціями своимъ начальствамъ. Впрочемъ, на это смотрѣть нечего“.

усталость, и не всегда передаетъ истину. То есть оно передаетъ, можетъ быть, другую, сокровенную истину, но истины житейской, минутной не передаетъ. Такъ напр. вѣрно и Вамъ приходила не разъ въ голову мысль объ отдаленномъ и мирномъ городкѣ, о домикахъ съ чистыми окошками, съ зелеными ставнями, о чиновникахъ городка, собравшихся въ неуклюжихъ мундирахъ въ каменный, древній соборъ и проч. и проч. и проч. Неправда ли! И оно дѣйствительно такъ, и глядя съ этой стороны, не живешь самою жизнью, не чувствуешь скуки, тоски и пустоты. Но влѣзьте въ кожу каждаго изъ нихъ, какъ я всегда дѣлаю, говорите съ ними, подъ условіемъ свѣтскихъ приличій... Какое болѣзненное часто испытываешь ощущеніе. Будь они просты, они были бы хороши.... И скучно сдѣлается Вамъ толковать съ Марьей Ивановной о пошломъ вздорѣ и видѣть ея ужимки, и бѣжишь домой и торопишься вонъ изъ мирнаго, отдаленнаго городка съ чистыми домиками, съ зелеными ставнями... Еще простилъ бы, еслибъ между ними цвѣла красота; но ничего нѣтъ, кромѣ пошлой миловидности! А потому всегда и во всемъ остаешься созерцателемъ. Что бы ни говорили, но намъ, людямъ нервическимъ, людямъ сознанія, внѣ созерцанія необходимы для общества, для постояннаго сообщенія мысли, для раздѣла трапезы жизни (извините за фигуральность: во мнѣ она есть), необходимы натуры утонченныя. Отъ того-то за этимъ созерцательнымъ моимъ занятіемъ стоитъ, будто на стражѣ, тоска... Конечно, есть лекартво, я знаю его, но не въ силахъ его принять,—*религія*!—Помощникъ мой часто утѣшаетъ меня. Онъ сынъ небогатыхъ родителей, получилъ первый недавно только Оберъ-Офицерскій чинъ и съ чиномъ довольно хорошее содержаніе... Онъ признался мнѣ, что теперь, какъ самъ выражается, смотритъ по этому случаю на жизнь «съ розовой точки зрѣнія!» Каково мнѣ слышать это! Онъ находитъ, что жизнь ему улыбается, что все такъ хорошо, а главное — благородное обхожденіе Начальника, т. е. моей особы. Мной они чрезвычайно довольны. И въ самомъ дѣлѣ, какое благородство въ обращеніи, какъ мило шутитъ Его Высокоблагородіе!.. Господи, что за дрянь человѣкъ!.. Я знаю обхожденіе съ подчиненными; оно весьма дешево стоитъ. Отпу-

стишь дурацкую шутку, посадишь, бросишь нѣсколько словъ, обнаруживающихъ внимательность, — и подчиненный счастливъ! И такая подлость въ человѣческой натурѣ, что я вѣдь и самъ, пожалуй, если покопаться, чувствовалъ не разъ удовольствіе отъ начальническаго обхожденія *). Во время моего отсутствія въ Ярославлѣ, помощникъ мой, остававшійся здѣсь, былъ на вечерѣ у Городничаго, у котораго собралось все здѣшнее дворянское общество и были танцы. По его разсказамъ,—онъ «очутился во Франціи»; всѣ дамы и дѣвицы говорили по французски; изъ кавалеровъ—никто по французски не учился. Тутъ былъ и Секретарь Магистрата, и Секретарь Уѣзднаго Суда, и Аптекарь, и семейство Исправника и проч. и проч... Но прощайте. Вы говорите, что мнѣ нѣтъ нужды такъ упорно работать. Но порученіе мое кажется мнѣ такъ обширнымъ, что боюсь, если стану медлить, прожить здѣсь, пожалуй, болѣе двухъ лѣтъ.

1849 года, Іюля 2-го. Суббота. Рыбинскъ.

Вотъ уже около недѣли, какъ я въ Рыбинскѣ и вчера получилъ письмо Ваше отъ 26-го Іюня. Писалъ ли я Вамъ отсюда или нѣтъ? — Кажется, нѣтъ. Я пріѣхалъ сюда въ Воскресенье вечеромъ и былъ пораженъ жизнью и дѣятельностью на улицахъ и многолюдствомъ города. Къ тому же здѣсь была ярмарка. Мнѣ сейчасъ отвели квартиру у одного купца 2-й гильдіи, Миклютина, очень хорошую, и нѣсколько часовъ разговоровъ и наблюденій вполнѣ убѣдили меня, что этотъ городъ не только выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ уѣздныхъ городовъ, но и имѣетъ свою совершенно особенную

---

*) Сергѣй Тимоѳеевичъ отвѣчаетъ: „Замѣчу тебѣ, что твой духовный анализъ въ юмористическомъ духѣ простирается слишкомъ далеко. Что тутъ подлаго или дряннаго, что твой подчиненный и даже ты самъ чувствовали удовольствіе отъ хорошаго обращенія начальника? Это дѣло самое естественное. Человѣкъ имѣетъ возможность безнаказанно быть грубымъ или, по крайней мѣрѣ, жесткимъ и сухимъ; вмѣсто того онъ привѣтливъ, внимателенъ. Не почувствовать отъ того удовольствія можетъ только человѣкъ жесткій и сухой. Тутъ не надъ чѣмъ глумиться; а то вѣдь дѣло далеко хватитъ: не останется никакого чувства человѣческаго, подъ которое нельзя бы было подкопаться и отыскать его основаніе въ себялюбіи, самолюбіи, лѣни, слабости, привычкѣ и проч. и проч.“.

физіономію.—Это рѣшительно одинъ изъ важнѣйшихъ городовъ Россіи. Онъ основанъ Екатериной и не имѣлъ значенія до открытія водяныхъ путей сообщенія съ Петербургомъ и Архангельскомъ. Во время оно это была просто рыбная Слобода, завѣдываемая Дворцовымъ Приказомъ, поставлявшая на столъ Царскій (все это до Петра) штукъ съ 500 стерлядей въ годъ и другую рыбу, за что и пользовалась огромными льготами и, какъ видно изъ жалованныхъ грамотъ, совершенной монополіей въ ловлѣ рыбы. къ ущербу прочихъ жителей. Особенно замѣчательна статья объ освобожденіи ихъ ото всякихъ судебныхъ преслѣдованій въ теченіи времени лова, т. е. отъ вскрытія льда до новаго льда, потому что въ это время они доискиваются жирной рыбы для перепечи благочестиваго Царя Алексія Михайловича. Когда же открыты были эти три системы водяныхъ сообщеній: Тихвинская, Маріинская и Вышневолоцкая, то Рыбинскъ быстро сталъ возростать, да и вся Ярославская губернія получила другой смыслъ. Для того, чтобы идти по этимъ тремъ системамъ выше, необходима перегрузка. Дальше Рыбинска идти низовыми судами нельзя. А въ Рыбинскѣ кстати и отличная, природой устроенная пристань: онъ стоитъ при устьяхъ рѣкъ Черемхи и Шексны въ Волгу. Можете себѣ представить, что въ иное лѣто, при живой торговлѣ, перебываетъ здѣсь до 200 тысячъ рабочихъ, приходящихъ съ судами! Теперь, при такой торговлѣ, хуже которой Рыбинскъ не запомнитъ, считается здѣсь 17 тысячъ однихъ рабочихъ. А торговля очень плоха. Напр. изъ Моршанска обыкновенно приходило сюда отъ 500 до 600 судовъ: нынче не болѣе 50!.. Суда стояли прежде на 12-ти и болѣе верстахъ разстоянія; а теперь глазъ видитъ легко оба края.—Между тѣмъ городъ самъ по себѣ не великъ, и тѣсно толпится въ немъ народонаселеніе. Что же это такое въ другое время?—Но все же это не только не столица, но и не губернскій городъ, который и обширнѣе и въ обыкновенное время населеннѣе Рыбинска и въ которомъ постоянно Чиновниковъ и Дворянъ больше. Здѣсь нѣтъ слоевъ и круговъ въ обществѣ. Здѣсь — одно общество купеческое, преобладающее, господствующее, самодовольное и самостоятельное,—съ единымъ направленіемъ торговли; всѣ они почти безъ исклю-

ченія торгуютъ хлѣбнымъ товаромъ (полагая въ томъ числѣ всѣ сырыя произведенія: ленъ, пеньку, сѣмя и даже сало). Прочія общества—Дворянъ и Чиновниковъ примыкаютъ уже къ этому кругу. Меня поразилъ видъ здѣшняго Купечества. Оно полно сознанія собственнаго достоинства, т е. чувства туго набитаго кошелька. Это буквально такъ. Весь городъ понимаетъ важность своего значенія для Россіи, и самый послѣдній гражданинъ скажетъ вамъ: мы житница для Россіи; мы городъ богатый, который поневолѣ всякій уважаетъ и т. п. На всемъ разлитъ какой-то особенный характеръ денежной самостоятельности, денежной независимости, денежной эмансипаціи.—Я здѣсь нашелъ то, чего не встрѣчалъ въ другихъ городахъ и даже въ столицахъ. Здѣсь не надо побуждать общество, какъ въ другихъ городахъ, чтобы оно принимало участіе въ своихъ общественныхъ дѣлахъ и пользовалось правами, имъ данными. Нѣтъ, здѣсь единство интересовъ связываетъ ихъ въ одну общину. Всякій и не служащій въ Думѣ знаетъ, что земли у города мало, отъ того квартиры дороги и негдѣ строиться; общество собирается, дѣлаетъ добровольную складку, напр. тысячъ въ 10 серебромъ и по установленной формѣ даетъ приговоръ о покупкѣ земли и проч. Разумѣется, главные дѣятели—богатые купцы, которые пренебрегаютъ мелкими выгодами, происходящими напр. отъ дорогихъ цѣнъ на квартиры. Ворочая милльонами, они дѣлаются великодушны! (А самъ же этотъ купецъ часто черезъ эти же мелкія и подлыя выгоды пошелъ въ гору! Впрочемъ, я видалъ на своемъ вѣку взяточниковъ, которые брали лѣтъ 30 сряду самымъ жидовскимъ образомъ, но накопивъ себѣ огромное состояніе, выходя въ отставку, дѣлались добрыми малыми, хлѣбосолами и великодушными жертвователями! Ахъ, да, много уже видѣлъ я такого, чтобы презирать человѣка отъ всей глубины души!) Всякій купецъ знаетъ, что необходима гавань для безопасной зимовки судовъ, которыя теперь частехонько ломаетъ весенняя вода, и такимъ образомъ постоянно обращаются къ Правительству, требуютъ Инженеровъ и проч.—Здѣсь всѣ они читаютъ газеты, которыя для нихъ очень важны; необходимо знать: каковъ урожай въ Америкѣ и за границей и проч. и проч.— Но надобно помнить, что почва, на которой выросло такое

«древо»,—раскольничья. Раскольниковъ здѣсь осталось уже очень мало, и они всѣ скрытные. Но большая часть купцовъ такъ нравственно, по милости денегъ, самостоятельна, что сохранила бороды. За то эти бороды весьма спѣсивы, чванны въ отношеніи къ бѣднѣйшимъ торговцамъ, весьма честолюбивы и, должно признаться, честолюбивѣе бритыхъ купцовъ. Послѣдніе, это правда, удовлетворяютъ своему честолюбію уже тѣмъ, что сбривъ бороду, сливаются съ классомъ высшимъ; по тѣмъ дѣло и кончается, и они часто принимаютъ духъ «благородства», какъ ни смѣшно это слово; если подличаютъ, то подличаютъ изящно, что еще хуже, я согласенъ; но многіе и не подличаютъ. Напр. мы съ Вами, конечно, не подличаемъ, но трудно сказать, почему: изъ страха ли Божьяго или изъ чувства чести? Бороды, согласно древле-русскому направленію, презирая западное чувство чести, оставили себѣ на долю страхъ Божій. А такъ какъ Богъ—далеко, да и обряды и посты облегчаютъ трудъ вѣры для слабой человѣческой натуры, то эти бороды, строго постъ соблюдающія,—подлецы страшные! Да и Богъ знаетъ, какъ это они въ душѣ соглашаютъ барышъ торговый съ требованіями ученія Христа. Я не умѣю согласить этого. Здѣсь есть милльонщикъ-раскольникъ съ длинной сѣдой бородой, который въ 70 лѣтъ почти продалъ интересы общества изъ за креста. Прочія бороды—счастливы и горды, если какой-нибудь «Его Превосходительство» (дуракъ онъ или уменъ— это все равно) откушаетъ у него, и изъ за ласкѣ знатныхъ вельможъ готовъ сдѣлать все, что угодно, а ужъ медали и и кресты—это имъ и во снѣ видится. Особенно здѣсь, въ городѣ, о которомъ столько заботится Правительство, который посѣщается всѣми знатными лицами, Министрами и прочими властями, они полюбили льстящую имъ знать, помня однакоже разстояніе и имѣя, можетъ быть, въ виду черезъ это удобнѣйшее сохраненіе платья и бороды.—Ярмарка эта не важна торговлей, но довольно шумна и многолюдна. Разряженныя купчихи и крестьянки въ шляпкахъ и въ кичкахъ, въ Нѣмецкихъ и русскихъ платьяхъ оживляютъ, пестрятъ картину. Должно признаться, что было много и штофныхъ сарафановъ, красоту которыхъ много уничтожаетъ то, что онѣ закрываютъ самую лучшую часть сарафана, т. е. верх-

нюю, а оставляютъ видимыми однѣ юбки, потому что наматываютъ на себя платки и надѣваютъ шубки. Хорошо еще, если шубки съ прорѣзами, тогда бѣлыя рукава скрашиваютъ костюмъ чрезвычайно, но этого почти не встрѣчаешь. Впрочемъ, многія и въ Нѣмецкихъ платьяхъ надѣваютъ сверхъ платья очень красивыя (и внесенныя модой)— какъ бы назвать?. . длинныя кофты или плотно обтягивающія станъ кацавейки. Эти послѣднія красивѣе шубокъ и потому, что сдѣланы изъ легкой матеріи и не подбиты мѣхомъ, когда на дворѣ 20 градусовъ жару, и потому, что въ нихъ талія тамъ, гдѣ слѣдуетъ, а не поперекъ лопатокъ.—Дня черезъ два послѣ меня пріѣхалъ Губернаторъ. По этому случаю Голова давалъ торжественный обѣдъ, за которымъ намъ подавали шекснинскія жирныя стерляди. Обѣдъ продолжался $2^1/_2$ часа. Съ Бутурлинымъ мы въ отличныхъ отношеніяхъ, потому что оба другъ другу нужны и потому что нѣтъ резона быть въ дурныхъ. Пробывъ здѣсь нѣсколько дней, онъ уѣхалъ.—Однако писать долѣе рѣшительно некогда. Постараюсь написать Вамъ въ Середу. Дѣла пропасть. О раскольникахъ надѣюсь скоро послать записку Министру; авось на будущей недѣлѣ сообщу Вамъ подробный результатъ затѣянныхъ нами операцій,—теперь еще ничего неизвѣстно.— О положеніи же моемъ относительно Полиціи—я писать не буду, потому что теперь, находясь въ уѣздномъ городѣ, не ощущаю непріятности надзора. Пишите въ Рыбинскъ. Я бы желалъ иногда болѣе подробныхъ отвѣтовъ на мои письма, чтобъ это имѣло видъ разговора; но теперь лѣто, и Вамъ некогда. И то благодарю Васъ, милый Отесинька, за аккуратность и обстоятельность писемъ. Что возражаетъ Константинъ на мои письма? Что придумалъ онъ новаго, сидя за удочкой?—Прощайте. А все же, каюсь, съ охотою, оставилъ бы я этотъ Великорусскій край, чтобы летѣть на Югъ, на Югъ, въ теплую сторону, къ Черному морю!

9-го Іюля 1849 года. Суббота. Рыбинскъ.

Послѣ завтра день Вашихъ имянинъ, милая Маменька; поздравляю Васъ, поздравляю и милую Олиньку, и Васъ, милый Отесинька, и всѣхъ. Гдѣ-то Вы его проведете, милая

Маменька? Въ Москвѣ или въ деревнѣ? Перевезли ли Вы Вѣру? Не знаю, какъ у Васъ, а здѣсь стоитъ славная погода, довольно тихая, съ теплыми ночами; недавно шелъ сильный дождь, и по всему слѣдуетъ ожидать хорошаго урожая, стало-быть, и пониженія цѣнъ. Цѣны нисколько не поднимаются, и торговля самая тихая. Вы пишете, что намъ приходится кормить крестьянъ и что безъ помѣщиковъ имъ было бы плохо. При лучшемъ устройствѣ магазиновъ можно было бы ихъ легко наполнить запасомъ года на два неурожая; а при лучшемъ устройствѣ путей сообщенія можно было бы не бояться и не урожаевъ. Разумѣется, это все легко сказать, но трудно выполнить. Хотя, по убѣжденію Константина, русскій народъ равнодушенъ къ управленію, потому что ищетъ только Царствія Божія, однако я никакъ не могу примѣнить этого къ торгующему сословію, которое постоянно ищетъ прибыли и вовсе не для одной поддержки своего земнаго существованія. Слѣдовательно, неравнодушное къ своимъ житейскимъ дѣламъ, оно могло бы не быть равнодушнымъ къ общему житейскому же благу. Но безкорыстныхъ заботъ объ общемъ благѣ и объ общей пользѣ— въ этомъ сословіи не имѣется (1612 и 1812 года составляютъ исключеніе). Замѣчательно однакоже, что въ Рыбинскѣ, который весь имѣетъ значеніе своею пристанью, потому что низовыя суда дальше Рыбинска идти не могутъ и должны здѣсь перегружаться,—въ Рыбинскѣ много дѣлается сообща, цѣлымъ обществомъ и будто для общественной пользы, но въ сущности потому, что съ этимъ связана личная выгода каждаго. Напр. для того, чтобы еще болѣе привлечь къ себѣ торговлю и имѣть и для себя безопасное мѣсто для склада хлѣба, городъ изъ городскихъ доходовъ купилъ землю, смежную съ городомъ, одного помѣщика, который десятинъ 40 продалъ тысячъ за 180 ассигнаціями. Тамъ устроила Дума амбары для складки хлѣба, за что получается доходъ. Хлѣба тамъ можетъ помѣщаться страшное количество, и всѣ охотно кладутъ хлѣбъ туда, потому что помѣщеніе устроено прекрасное. Я вчера осматривалъ эти амбары съ Градскимъ Головой. У каждаго амбара врыта въ землю бочка съ водою; кромѣ того, тутъ же помѣщены и стоятъ наготовѣ всякіе пожарные трубы и инструменты; учрежденъ караулъ и осо-

бое управленіе амбарнаго старосты, у котораго ведутся и книги для записи поступающаго хлѣба; словомъ, такое предусмотрительное устройство, придуманное самимъ обществомъ и Думою, что и отъ Казны лучшаго ожидать нельзя было бы. Но то, что не связано съ видимымъ, ощутительнымъ собственнымъ интересомъ,—то, что хоть и связано съ нимъ, но не такъ видимо, не такъ близко,—то плохо принимается обществомъ, особенно же если требуетъ слишкомъ большихъ трудовъ.—Но чѣмъ болѣе обращаюсь я съ купцами, тѣмъ сильнѣе чувствую къ нимъ отвращеніе. Все это какой-то накрахмаленный народъ, конечно, умный, о томъ ни слова, но чопорный, тщеславный и чинный до невыносимости. Это относится почти ко всѣмъ купцамъ, даже къ тѣмъ, которые, говоря ихъ языкомъ, судятъ по самой прямой линіи. Самый образъ жизни ихъ противенъ. Вотъ Вамъ купеческій домъ: каменный, двухъ-этажный, глупой архитектуры; оба этажа не высоки. Въ верху три или четыре парадныхъ комнаты, содержимыя съ опрятностью Голландскою. Потолки вездѣ расписаны самыми яркими красками безо всякаго вкуса; стѣны теперь уже почти вездѣ оклеены обоями, которые понравились купцу; онъ ихъ охотно покупаетъ, но оклеиваетъ безъ толку: стѣны голубыя, потолокъ, всегда невысокій, испещренъ ужасно, мебель зеленая и т. д. Разумѣется, во всѣхъ комнатахъ образа, въ нѣкоторыхъ за стекломъ, въ тяжелыхъ ящикахъ краснаго дерева, въ серебрянныхъ и золоченыхъ окладахъ (я описываю Вамъ домъ бородатаго и знатнаго дородствомъ купца). Эти комнаты отпираются разъ или два въ году для пріема важнаго гостя-чиновника или въ самые торжественные праздники; на остальное время ихъ запираютъ, постоянно протапливая зимой. Самъ же онъ съ семействомъ тѣснится въ остальныхъ комнатахъ, грязныхъ, вонючихъ, нерѣдко сырыхъ. Между собою они рѣдко посѣщаютъ другъ друга съ семействами, безъ приглашенія или какого-нибудь особеннаго повода. Мужья цѣлый день внѣ дома, въ лавкѣ, на пристани, а жены сидятъ однѣ и скучаютъ дома. Въ праздникъ жены набѣленныя и нарумяненныя донельзя, во Французскомъ платьѣ, съ длинною шалью и съ дурацкою кичкою чинно прогуливаются съ мужьями по улицамъ или по бульвару. Ни тотъ, ни другой ничего не

читаютъ кромѣ «душеспасительныхъ книгъ», но это чтеніе нисколько не сбавляетъ съ нихъ спѣси и тщеславія. Вы можете сказать, что нельзя же требовать отъ нихъ совершенства... Такъ, да вѣдь у нихъ, при отсутствіи всякаго образованія, при слѣпой покорности рутинѣ, привычкѣ и старинѣ, меньше и соблазновъ. Соблазны ихъ одолѣютъ, но не чрезъ пробужденіе буйнаго ума или неугомоннаго духа, жаждущаго свѣта и постоянно заблуждающагося, а чрезъ тщеславіе. Я вѣдь Вамъ разсказываю про такихъ купцовъ, которые и дородствомъ и важностью напоминаютъ бояръ, такихъ, которые даже и театръ почти не посѣщаютъ. При гостяхъ мужъ женѣ говоритъ всегда: Вы. Ужъ лучше мужикъ, поющій пѣсни (забытыя купцами), чистое дитя, дитя природы, хоть это выраженіе и опошлено; онъ, со всею своею грубостью, невѣжествомъ, полуязычествомъ, откровеннѣе, проще, веселѣе. Видъ купеческаго дома нагоняетъ на меня страшную тоску. Давалъ я своему хозяину читать Константинову драму. Онъ, противъ обыкновенія, охотникъ до чтенія и много читалъ. Ну чтожъ! Онъ очень доволенъ, но хвалитъ такія мѣста, говоря, что *«очень прекрасно»*, что видно, какъ онъ ничего не понялъ. А вѣдь до сентенцій страшные охотники, до азбучныхъ и прописныхъ нравоученій, до всякаго риторства. Чтожъ это означаетъ? Истинный взглядъ на искусство что ли? Видна ли тутъ истинная оцѣнка искусству, указаніе ему его настоящей стоимости, той, которая должна быть, по мнѣнію Константина? Просто показываетъ первоначальную неразвитость вкуса, и простоты въ искусствѣ онъ не понимаетъ, точно также, какъ онъ приказываетъ пестрить потолокъ самыми яркими красками и веселится душой, смотря на это безобразіе. — Я рѣшительно сбитъ съ панталыку. Все послѣднее время, весь 1848-й годъ постоянно разбивались мои съ такимъ трудомъ усвоенныя вѣрованія, и теперь не осталось для меня ни одной человѣческой истины, о которой нельзя было бы сказать и pro и contra; я потерялъ всякую вѣру и въ умъ человѣческій, и въ наши выводы и соображенія, и въ логику, и въ жизнь. Есть Нравственная Истина, но я не умѣю согласить ее съ жизнью, а отречься отъ жизни недостаетъ силъ. Отъ того-то такая тоска, такая скука няньчиться съ ношею своей

жизни. Въ добавокъ стихи не пишутся. По крайней мѣрѣ за стихами я забываю всѣ эти вопросы и, дурно ли, хорошо ли, грѣшно или безгрѣшно, я жажду этихъ наслажденій, отъ которыхъ по крайней мѣрѣ не вижу видимаго зла. Мы вѣдь всѣ болѣе или менѣе язычники, и для насъ еще полезно нравственное вліяніе поэзіи; мы еще можемъ примѣнить и къ себѣ: artes molliunt mores, — искусства смягчаютъ нравы. — Прощайте. Донесенія Министру о расколѣ не посылалъ, потому что не кончилось еще одно обстоятельство, для котораго и ѣду завтра въ Романовъ и завтра же вернусь. Тутъ къ общему вопросу присоединяются случайныя обстоятельства, временныя, мѣстныя, личныя, которыя могутъ получить значеніе общее и путаютъ дѣло.

1849 года, Іюля 16-го. Суббота. Рыбинскъ.

Въ Четвергъ я получилъ письмо Ваше, писанное 11-го Іюля, стало быть, письма доходятъ довольно скоро. Слава Богу, что Вѣра уже переѣхала въ деревню. Дай Богъ, чтобы ей было тамъ лучше, чѣмъ въ Москвѣ, да и деревенскій воздухъ долженъ на нее хорошо дѣйствовать. Погода стоитъ чудная: тихая, теплая; ночи очаровательныя. Но я выключаю нынѣшнее лѣто изъ своей жизни. Это лѣто для меня не въ счетъ. Но, Господи, что это за красота лѣто! Не могу безъ ужаса подумать, что оно скоро кончится, что вотъ уже скоро и Ильинъ день, когда вода дрогнетъ, а потомъ опять примемся мы проживать осень и зиму! Въ Воскресенье ѣздилъ я въ Романовъ-Борисоглѣбскъ (верстъ 45 отсюда) и вечеромъ воротился же назадъ. Ѣхалъ я въ самый жаръ и какъ наслаждался тѣмъ, что меня печетъ солнце! Красное лѣто: что можетъ быть его лучше! Богъ съ нимъ, съ этимъ снѣжнымъ величіемъ: красота только въ живой жизни, въ краскахъ жизни, въ движеніи жизни. Ахъ, да что ужъ объ этомъ и говорить. Пахнетъ на меня среди всего этого бумажнаго дрязга въ открытое окно теплый низовый вѣтеръ съ Юга и вдругъ смутитъ, собьетъ съ толку всѣ дѣловыя соображенія, пахнетъ и потянетъ за собою всю душу, такъ что иногда разсердишься, отмахнешься рукой отъ наважденія этой красоты и упрямѣе уставишься въ дѣло. — И въ самомъ

дѣлѣ — къ дѣлу. Здѣсь всѣ дѣла дѣлаются на базарѣ, въ трактирахъ и т. п. Биржа выстроена, но никто ее не посѣщаетъ, хотя огромная зала на берегу Волги, съ двумя балконами, въ жаркое время лучше вонючаго здѣшняго базара. Но Татарское слово: базаръ больше сохраняетъ правъ, нежели «биржа».— Здѣсь низовая мука нашихъ мѣстъ называется Камскою и цѣнится совсѣмъ не высоко. Моршанская мука, какая-то Лысковская мука — ставятся гораздо выше. Цѣны не поднимаются, но и не упадаютъ. Здѣсь цѣны зависятъ не столько отъ урожая, сколько отъ требованій въ Петербургѣ, отъ требованій изъ-за границы. Въ Петербургѣ столько осталось непроданнаго хлѣба, столько запасовъ, что еслибы Правительство не подоспѣло тогда на помощь, позволивъ купцамъ закладывать эти запасы въ Коммерческомъ банкѣ, то, по увѣренію самихъ купцовъ, многіе бы лопнули, потому что уложили весь капиталъ въ хлѣбъ. Купцы выжидаютъ.—На этой недѣлѣ, отправивъ въ Хозяйственный Департаментъ огромную вѣдомость по ревизіи топографической съемки городовъ, въ тоже время отправилъ я и Министру въ собственныя руки записку о расколѣ и Единовѣріи въ здѣшней губерніи и въ Романовѣ-Борисоглѣбскѣ въ особенности. Разумѣется, все это было сдѣлано, такъ сказать, запоемъ: на одну записку пошла цѣлая ночь, Не знаю, какъ найдетъ это все Министръ. Записка написана очень рѣзко и противорѣчитъ нѣсколько его взглядамъ о Единовѣріи вообще. Я же противъ Единовѣрческой Церкви, рѣшительно, для здѣшняго раскола. Дѣйствія Алябьева я не разбираю, даже имени его не упоминаю въ запискѣ; опровергаю только— не дѣйствія, но взглядъ на расколъ «бывшаго здѣсь въ прошломъ году чиновника Министерства». Да потомъ пришло мнѣ въ голову, что теперь лѣто, когда дѣлами занимаются въ Петербургѣ тихо, когда всѣ разъѣхались по дачамъ и самъ Министръ на дачѣ, и хоть тамъ ему досужнѣе и онъ вѣрно прочтетъ эту записку самъ, но движеніе по ней будетъ вялое. Но чтожъ было дѣлать? Мнѣ приказано было *немедленно* донести, а я здѣсь уже скоро два мѣсяца. Въ Рыбинскѣ придется останавливаться мнѣ еще долго. Чѣмъ болѣе всматриваюсь я въ Рыбинское купечество, тѣмъ хуже оно мнѣ кажется. Здѣсь есть, правда, общинный духъ, созданный единствомъ интересовъ торговыхъ,

есть признаніе правъ «общества», но это скорѣе духъ корпораціи, стремящійся къ монополіи Рыбинска относительно другихъ городовъ, къ стѣсненію иногороднихъ, не Рыбинскихъ купцовъ и проч. «Граждана» города Рыбинска, какъ говорятъ они, должны имѣть преимущества передъ всѣми гражданами другихъ городовъ, и облагаютъ иногороднихъ большими акцизами. Это ведетъ меня къ оцѣнкѣ общинъ отдѣльныхъ на Руси, и я вспомнилъ, что Новгородъ былъ тиранъ-городъ въ отношеніяхъ своихъ къ принадлежавшимъ ему землямъ, селамъ и городамъ. Разумѣется, слѣдовало бы, чтобъ отдѣльныя общины постоянно сознавали себя членами одной обширной общины.—Что еще удивительно, такъ это то, что въ Рыбинскѣ, кромѣ чисто выгодныхъ предпріятій, общество не склонно ни на какія пожертвованія. Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ городѣ, гдѣ только лѣнивый не богатѣетъ, гдѣ торговцы квасомъ въ хорошую навигацію продаютъ одного квасу на 1000 рублей въ день, — ни одного благотворительнаго учрежденія (такого рода учрежденія, которое вовсе не противорѣчитъ нашимъ взглядамъ на общественную благотворительность), напр. больницы, богадѣльни и проч. Все это можетъ быть сдѣлано только общими средствами и не мѣшаетъ частной благотворительности, особенно больницы. Здѣсь есть двѣ маленькія больницы, содержимыя изъ городскихъ доходовъ, по распоряженію Правительства, но не изъ пожертвованій. Ни одинъ богачъ не пожертвовалъ денегъ — хоть на украшеніе города, напротивъ того, эти богачи такъ жадны къ деньгамъ, что дорожатъ каждымъ грошомъ. Здѣшній аристократъ купецъ, пресловутый Θедоръ Тюменевъ, богачъ и раскольникъ, въ чести у знатныхъ и добившійся крестика, устроилъ напр. на самомъ видномъ мѣстѣ, почти рядомъ съ церковью, кабакъ — въ «Красномъ Гостинномъ ряду». Я, впрочемъ, съ этимъ аристократомъ уже учинилъ войну. Въ Москвѣ и въ другихъ городахъ купцы гораздо благотворительнѣе.—Въ бѣдномъ городкѣ, каковъ Романовъ-Борисоглѣбскъ, существуетъ 9 церквей. Здѣсь, въ этомъ обширномъ городѣ, существуетъ всего три,—да и то больше построенныя вкладами иногородныхъ.—Съ какимъ удовольствіемъ переходятъ мои глаза на сухопараго мужика, поющаго пѣсни! Судорабочіе, бурлаки, водо-

ливы со всѣхъ губерній приходятъ сюда лѣтомъ и гуляютъ, въ ожиданіи новой трудной работы. Правда, что когда они стоятъ тысячами на берегу, то воздухъ сгущается невыносимо, но когда они отдѣльными партіями ходятъ немного пьяные (это каждый день) по улицамъ и поютъ пѣсни, не обращая вниманія ни на кого,—такъ на нихъ смотрѣть весело. Здѣсь случается мнѣ слышать чудесныя пѣсни по мотиву. Напр. вы не услышите въ Москвѣ мужика, поющаго пѣсню: *не бѣлы-то снѣги и проч.* Это поется, и сквернымъ образомъ, только въ трактирахъ, на театрѣ, но здѣсь, гдѣ сходятся съ разныхъ отдаленныхъ концовъ, я слышалъ и эту пѣсню и другія, не фабричныя. Это все не Ярославскіе мужики, не *торгующіе.* Бодрый, веселый, трудящійся народъ, безъ древняго боярскаго или современнаго купеческаго брюха, безъ сановитой дородности, безъ спѣси, безъ претензій! Отъ него не требуешь ни образованности, ни свѣдѣній; въ немъ только то, что дала природа и воздухъ Христіанскаго міра... За то и безцеремоненъ, нечего сказать. Впрочемъ, крестьянинъ вездѣ лучше другихъ.—Какъ я радъ, что А. О. наконецъ въ Калугѣ, воротилась къ своему посту и къ своимъ обязанностямъ. Я не зналъ этого до Вашего письма. Что Самаринъ: есть ли о немъ какое-нибудь разрѣшеніе?—Здѣсь есть ягода, которая, говорятъ, нигдѣ болѣе не ростетъ: поленика. Духъ отъ нея чудесный. Я заказалъ изъ нея варенье и, когда будетъ похолоднѣе, пришлю къ Вамъ, потому что теперь можетъ испортиться.

23-го Іюля 1849 года. Суббота. Рыбинскъ.

Что это значитъ, что вотъ уже двѣ почты сряду я не получалъ отъ Васъ писемъ? Послѣднее Ваше письмо получено было мною еще въ Четвергъ на прошедшей недѣлѣ, но ни въ Воскресенье, ни въ этотъ Четвергъ писемъ не было. Подожду до завтрашняго дня: завтра придетъ почта часу во второмъ пополудни. Дай Богъ, чтобы этому причиною былъ пріѣздъ гостей, или какая другая деревенская помѣха. Изъ Петербурга тоже никакой бумаги не получалъ,—словомъ, на нынѣшней недѣлѣ почта меня нисколько не удовольствовала, хотя я люблю получать съ ней даже казенные пакеты

и время-то считаю отъ почты до почты. Вчера былъ я на безпоповщинскихъ похоронахъ. Свалился одинъ изъ столбовъ этой секты, 82-хъ-лѣтній старикъ, купецъ Василій Миклютинъ, родной дядя моего хозяина. Отецъ этого старика и отца моего хозяина былъ раскольникъ; изъ сыновей одинъ остался раскольникомъ, другой обратился къ православію и былъ однимъ изъ усерднѣйшихъ православныхъ; поколѣніе послѣдняго, разумѣется, также все православное. У Василія же Миклютина 4 сына, лишенныхъ имъ наслѣдства, ничѣмъ не привязаны къ расколу; внуки его ждали смерти дѣда, чтобъ оставить секту, и такимъ образомъ смерть этого старика сильно ослабитъ послѣдніе остатки безпоповщины въ Рыбинскѣ. Полиція позволила имъ совершить похоронный обрядъ, но только вечеромъ. Я былъ при выносѣ. Народа (православнаго) столпилось много: мальчишекъ, солдатъ и разныхъ зѣвакъ. Увидавъ меня на улицѣ, хозяинъ мой, племянникъ и душеприкащикъ умершаго (хотя и православный, но по случаю устраненія сыновей отъ наслѣдства), вышелъ ко мнѣ и спросилъ: «Слѣдуетъ ли пѣть на улицахъ?» Я не посовѣтовалъ, чтобы ихъ же избавить отъ насмѣшекъ и оскорбленій, воображая, что какъ скоро выйдетъ хоръ старыхъ дѣвокъ (у нихъ все бабы и дѣвки служатъ) и запоетъ, гнуся, по обычаю, то поднимется просто хохотъ; пусть уже поютъ, придя на кладбище. Они такъ и сдѣлали. Съ 50 женщинъ, съ головами, покрытыми черными платками, городскихъ и пришедшихъ изъ деревень, послѣдовали за гробомъ на кладбище, куда я не пошелъ, и тамъ отслужили по своему. Мнѣ любопытно было видѣть впечатлѣніе, какое производила на зрителей эта процессія: всѣ смотрѣли или съ омерзеніемъ, или съ насмѣшкой. «Ну, что?» спросилъ я Аѳанасія, когда онъ воротился оттуда. «Горько, отвратительно горько!», отвѣчалъ онъ, и при этомъ сталъ удивляться, что правительство до сихъ поръ это терпитъ и позволяетъ имъ искажать вѣру. По его мнѣнію, всѣхъ бы слѣдовало разослать въ Сибирь или наказать... Мнѣ не разъ случалось слышать отъ людей этого сословія подобные совѣты. Онъ же разсказывалъ мнѣ, что лѣтъ шесть или больше тому назадъ помѣщикъ Соковнинъ купилъ имѣніе въ Тульской губерніи и узналъ, что крестьяне всѣ держатся какой-то ереси и не ѣдятъ свинаго мяса. Помѣщикъ задалъ празд-

никъ, пригласилъ крестьянъ, поподчивалъ ихъ сначала водкой, а потомъ и свининой; никто не сталъ ѣсть и на спросъ: почему? они признались, что держатся какого-то толка. Тогда Соковнинъ всѣхъ отказавшихся отъ свинины пересѣкъ, приставилъ къ нимъ 5 прикащиковъ, заставилъ крестьянъ всѣхъ окреститься и наконецъ уничтожилъ ересь, такъ что теперь крестьяне, по словамъ Аѳанасія, сами довольны и благодарятъ помѣщика, что выгналъ изъ нихъ дурь, доставшуюся по наслѣдству! Я противъ этихъ мѣръ, несмотря на успѣхъ,— однакоже и я убѣдился опытомъ, и именно здѣсь, что строгость съ одной стороны, безъ грубаго насилія, и страхъ съ другой—во многихъ мѣстахъ очень полезны. При этомъ только надобно взвѣшивать силу убѣжденія. Бываютъ такого рода слабые люди, которые ждутъ толчка, побужденія, которые рады, если Правительство придетъ къ нимъ на помощь! Многіе изъ нихъ, вполнѣ сознавая свое заблужденіе, не рѣшаются однако оставить его, отчасти потому, что отецъ и дѣдъ исповѣдывали тоже, и ждутъ нѣкотораго принужденія. Разумѣется, тутъ вся мудрость состоитъ въ томъ, чтобы принужденіе это не переходило границъ, ибо тогда оно и слабые характеры превратитъ въ твердые. Разумѣется также, мѣры, съ успѣхомъ употребленныя въ Ярославской губерніи, ни подъ какимъ видомъ не могутъ быть употреблены въ Бессарабіи, гдѣ и характеры другіе, да и мѣстность опасная. Нельзя также слишкомъ увлекаться уваженіемъ къ убѣжденію. Можно, пожалуй, получить убѣжденіе, что рѣзать людей, жечь дома и производить гнуснѣйшій развратъ необходимо для спасенія души. Если человѣкъ только напустилъ на себя такую дурь, то отъ этого легко вылѣчивается и строгостью; если же убѣжденіе дошло до фанатизма, то слѣдуетъ лишить возможности дѣлать зло, хотя, впрочемъ, всякій сектаторъ болѣе или менѣе пропагандистъ. Жду съ завтрашнею почтою окончательнаго увѣдомленія объ успѣхѣ затѣянной мною съ однимъ священникомъ и отчасти при содѣйствіи Губернатора операціи, безо всякаго вмѣшательства Полиціи и видимаго участія должностныхъ лицъ,—въ Романовѣ-Борисоглѣбскѣ, и тогда сообщу Вамъ. На этой недѣлѣ пріѣзжалъ ко мнѣ этотъ священникъ для переговоровъ, и дѣло, я думаю, скоро кончится.—Къ счастію моему, здѣшній мой хо-

зяинъ, родственникъ умершаго, имѣетъ возможность сообщать мнѣ также много любопытнаго. Послѣ дяди его осталась большая библіотека, говорятъ, книгъ и рукописей раскольническихъ, на которыя я имѣю виды и которыя обѣщали мнѣ завтра принесть для просмотра.—На этой недѣлѣ была также свадьба одной родственницы моего хозяина. Это *крестьянка*, вышедшая замужъ за здѣшняго мѣщанина. Я видѣлъ невѣсту передъ вѣнцомъ: Французское платье, вуаль или уваль, какъ они говорятъ, плечи обнаженныя; шляпка съ перьями! Какой здѣсь въ Рыбинскѣ странный обычай: священникъ не ждетъ въ церкви и вмѣстѣ съ женихомъ пріѣзжаетъ къ одѣтой уже невѣстѣ (тутъ всегда и закуска) и потомъ съ нею (т. е. въ общемъ поѣздѣ, впереди) отправляется въ церковь.—Вотъ и Ильинъ день прошелъ. Въ этотъ день грозы не было, за то послѣ Ильина дня—каждый день грозы. Нынче только немного охладилась атмосфера, а то были все теплые дожди: немного нагулялись нынѣшнимъ лѣтомъ сестры. Я ужъ говорю такъ, какъ будто лѣто прошло: Іюль въ исходѣ, Августъ уже не лѣто .. Какъ грустно!—Я продолжаю работать, какъ прежде; нѣсколько времени работа стала не спориться; пошла вялѣе; одолѣвала тоска; но теперь опять, кажется, пошла живѣе. Топографовъ своихъ разослалъ по городамъ, такъ что остался теперь рѣшительно безъ помощника.—Здѣсь довольно большое общество, если хотите, но я мало съ нимъ знакомъ, бываю иногда у здѣшняго городоваго доктора, славнаго малаго, воспитанника Московскаго Университета, Ивана Францовича Фанъдеръ Фласа! Онъ и жена его превосходные музыканты и Нѣмцы, живутъ пресчастливо, аккомпанируя другъ другу (онъ на скрипкѣ, она на рояли). Впрочемъ, эта Нѣмецкая чета совершенно обрусѣлая и почти забыла Нѣмецкій языкъ. Жена его—тоже изъ Москвы,—какая-то Цумиллеръ или что-то въ этомъ родѣ. Мнѣ даже досадно, что отводить душу приходится у Нѣмца, да что же дѣлать? Русскіе купцы—невыносимо скучны или скрытны; если и попадется между ними такой, съ которымъ можно говорить не объ одной мукѣ, такъ все же этотъ человѣкъ не стоитъ со мною на одномъ уровнѣ... Такое наше положеніе. Мы охотники разсуждать о предметѣ, намъ необходимо сейчасъ его понять,

опредѣлить, поставить въ стойло системы; это уже наша вторая природа, и это составляетъ огромную нашу разницу съ прочими сословіями, и Константинъ не ощущаетъ вполнѣ эту разницу. Наблюдать и понимать, или жить одною жизнію—двѣ вещи совершенно разныя.

30-го Іюля 1849 года. Суббота. Рыбинскъ.

30-е Іюля! Значитъ, послѣ завтра 1-е Августа! Выводъ, конечно, вѣрный, но и очень грустный: только мѣсяцъ до осени. На этой недѣлѣ я получилъ два письма отъ Васъ: одно въ Воскресенье изъ Москвы, другое въ Середу изъ деревни. Въ первомъ Константинъ обѣщалъ написать, а во второмъ и дѣйствительно написалъ письмо. Очень ему благодаренъ и буду отвѣчать... На нынѣшней недѣлѣ въ Понедѣльникъ я ѣздилъ въ Ярославль и воротился оттуда въ Середу вечеромъ. Ѣздилъ я туда по просьбѣ Бутурлина и Архіерея для личныхъ совѣщаній по одному обстоятельству, касающемуся раскольниковъ. Дожди были проливные; дорога адская. Надобно сказать правду, самое скучное въ этой службѣ нянчиться съ такими Губернаторами, каковъ Б*** и быть съ ними въ дружескихъ сношеніяхъ Тоска ужасная толковать по цѣлымъ часамъ съ самодовольною, хотя и доброю, *пустоголовою* властью.—Изъ Петербурга, отъ одного изъ нашихъ Чиновниковъ получилъ письмо, въ которомъ онъ пишетъ, что рапортъ мой о раскольникахъ полученъ и лежитъ у Министра и что мнѣ вышелъ чинъ Надворнаго Совѣтника за выслугу лѣтъ со старшинствомъ. Съ нынѣшнею почтою посылаю второй и послѣдній рапортъ Министру о раскольникахъ, также очень важный; теперь остается только писать о Пошехонскихъ лѣсахъ, ну да это со-временемъ. Изъ пріобрѣтенныхъ мною послѣ умершаго безпоповщинца рукописей — одна просто драгоцѣнность. Это книга, писанная полууставомъ, по-Славянски (разумѣется, она переписана и не древняя), содержащая въ себѣ исторію первыхъ временъ раскола и *бѣгствующаго* Іерейства и, кромѣ того, всѣ доводы безпоповщинской секты, чрезвычайно умно и бойко изложенные. Есть цѣлые разговоры между пріемлющими Іерейство и не пріемлющими: разговариваютъ: «Пришедый»

и «Азъ». Разумѣется, разговоръ кончается всегда тѣмъ, что Пришедый со слезами на глазахъ благодаритъ Аза за обращеніе на путь истины и присоединяется къ безпоповщинѣ. Кто этотъ знаменитый Азъ или *Я*, не знаю; я показывалъ эту книгу одному Поповщинцу, такъ онъ сказалъ мнѣ, что это одна изъ самыхъ рѣдкихъ книгъ. Другая книга, исполненная всякихъ вздорныхъ басней и претензій на Славянское витійство — «Описаніе осады Соловецкой обители». Третья книга или рукопись—объ Антихристѣ, гдѣ тонкимъ образомъ даютъ чувствовать, что чуть ли этотъ Антихристъ не Ѳеофанъ Прокоповичъ, который изъ «*ереси въ ересь отклоняетъ*». Впрочемъ, я ее только такъ слегка просмотрѣлъ. Хочу послать ихъ на просмотръ Надеждину, такъ какъ онъ уже довольно знакомъ съ раскольничьей библіографіей и можетъ почерпнуть отсюда важныя указанія для внутренней исторіи раскола. — Вы спрашиваете, милый Отесинька, когда я могу съ Вами увидѣться? Едва ли это можетъ случиться раньше Рождества и Святокъ? Дѣла вѣдь просто тьма, а теперь и лѣто, въ которое производятся всѣ топографическія работы, и я постоянно долженъ за ними наблюдать и представлять ежемѣсячные о нихъ отчеты въ Департаментъ. Прощайте. Постараюсь написать во Вторникъ. Завтра Воскресенье, въ Рыбинскѣ для меня пріятный день, потому что въ этотъ день приходятъ двѣ почты: Московская и Петербургская, а съ послѣдней и газеты, которыя выписываетъ мой хозяинъ.

1849 года, Августа 6-го. Суббота. Рыбинскъ.

Поздравляю Васъ съ праздникомъ, а если кто изъ Васъ говѣлъ, то поздравляю и съ причащеніемъ. На нынѣшней недѣлѣ я не получилъ отъ Васъ ни одного письма, т.-е. уже почти 10 дней, и рѣшительно не понимаю, что можетъ быть этому причиной. Если я нахожу возможность писать каждую недѣлю, то въ нашемъ домѣ этой возможности еще болѣе; слава Богу, есть кому писать, особенно въ дождливое время, когда и гулять нельзя. Съ нетерпѣніемъ жду завтрашней почты. Впрочемъ, на этой недѣлѣ почта ни откуда не привезла мнѣ извѣстій: нѣсколько казенныхъ бу-

магъ пустаго содержанія,—вотъ и все. Вѣроятно, цѣны на хлѣбъ подымутся осенью. Торговля такое дѣло, что купцы непремѣнно должны составлять особое сословіе. Они всѣ знаютъ другъ друга, безъ чего и не можетъ быть торговаго довѣрія; помнятъ—не только каждый свою продажу и покупку, но учитываютъ и чужіе расходы и доходы; здѣсь, въ Рыбинскѣ, въ центрѣ хлѣбной торговли, они получаютъ въ одно время письма изъ Петербурга и изъ Астрахани и знаютъ всѣ торговыя цѣны на всѣхъ хлѣбныхъ пристаняхъ Волжской системы: Донъ и Двина — это ужъ системы особенныя. Стоитъ только получиться извѣстію, что цѣны въ Петербургѣ поднялись, то вмигъ поскачутъ отсюда прикащики въ Моршанскъ, въ Симбирскъ, въ Самару, въ Уфу, во всѣ низовыя губерніи, географію которыхъ они знаютъ, какъ свои пять пальцевъ. Нельзя не удивиться постоянству и настойчивости купца. Для того, чтобы провезти хлѣбъ отъ Саратова въ Петербургъ вверхъ по Волгѣ,—хлопотъ—страшно сказать сколько. Возня съ казною, съ лоцманами, съ бурлаками, съ коноводами, съ перегрузкой, съ крючниками... — все это стоитъ большихъ денегъ! Вѣдь эти купцы вездѣ поплатятся: они содержатъ всюду офицеровъ Корпуса Путей Сообщенія, завѣдывающихъ судоходными дистанціями, когда предъявляютъ имъ свои накладныя. Между тѣмъ, этотъ Волжскій бассейнъ или, лучше сказать, эта торговля по Волгѣ отъ Астрахани до Архангельска, отъ Астрахани до Петербурга—кормитъ и содержитъ въ постоянной дѣятельности цѣлые десятки милліоновъ рукъ. Если взять въ соображеніе одно производство барокъ, канатовъ и снастей, такъ огромность цифръ испугаетъ васъ. Пословица говоритъ: «купецъ торгуетъ и вѣкъ горюетъ; крестьянинъ пашетъ да пѣсенки поетъ». За то купцы до такой степени свыкаются съ своимъ занятіемъ, что торговля ему дѣлается необходима иногда даже вовсе не ради барыша. Эта постоянная лотерея, это состояніе между страхомъ и надеждою, этотъ «рыскъ», какъ они говорятъ, становится для него второю природою. Я знаю многихъ богатыхъ оптовыхъ торговцевъ, которые держатъ даже розничныя лавки, такъ, единственно для утѣшенія, чтобы посидѣть въ ней, потолковать. «Пойду, поторгую», говоритъ мнѣ недавно одинъ богатый купецъ, у

котораго, можетъ быть, тысячъ на 200 серебромъ хлѣба въ Петербургѣ, и отправляется въ лавку, гдѣ сидѣлецъ его продаетъ муку фунтами... На своемъ грязномъ и вонючемъ базарѣ они собираются два раза въ день, сообщаютъ другъ другу письма, дѣлаютъ дѣла на сотни тысячъ рублей, но окончательно обсуживаютъ ихъ въ трактирѣ. Разумѣется, здѣсь пускаютъ часто фальшивые слухи, даже пишутъ фальшивыя письма, и на этомъ базарѣ новичка или нашего брата какъ разъ собьютъ съ толку; а биржа съ своей огромной залой стоитъ пустая, хотя въ ней свѣдѣнія собираются только несомнѣнныя и достовѣрныя, хотя въ ней и висятъ географическія карты, получаются газеты. У купцовъ другъ для друга есть свой банкъ, свои банкиры. Каждый, пользующійся довѣріемъ, можетъ безъ росписки и легко набрать огромныя суммы; но если онъ обманетъ, если онъ окажется несостоятельнымъ, то вмигъ это разносится по всему купечеству, и уже ему не вѣрятъ ни копѣйки, а безъ кредита торговать нельзя. — Сейчасъ воротился отъ обѣдни. Вотъ давка-то! Церквей здѣсь мало, всего три, а народу много. Собственнаго народонаселенія Рыбинска нѣсколько тысячъ, за то приливающаго лѣтомъ—болѣе 100 тысячъ.—На нынѣшней же недѣлѣ получилъ я увѣдомленіе объ окончаніи затѣянной мною операціи относительно присоединенія раскольниковъ Романова-Борисоглѣбска къ православію. По настоящему, мнѣ уже теперь здѣсь и дѣлать нечего, еслибы порученіе ограничивалось одними раскольниками. Жду съ нетерпѣніемъ отвѣта на свои рапорты. Они такого рода, что не могутъ оставаться безъ отвѣта. Я бы Вамъ послалъ ихъ прочесть, но они требуютъ непремѣнно личныхъ комментарій. Но какой противный народъ эти наши попы; еслибъ они дѣйствовали всегда такъ, какъ предписываетъ имъ должность, такъ расколъ въ десять разъ былъ бы слабѣе; а они, напротивъ, такъ равнодушны къ убѣжденіямъ религіознымъ, что обращаютъ вниманіе не на качество, а на количество паствы. Я пишу съ нынѣшнею почтою Борисоглѣбскому протопопу, говорю ему, что теперь, когда уже мы связали раскольниковъ человѣческими узами, необходимо дѣйствовать на нихъ постоянно духовнымъ убѣжденіемъ, увѣщевать ихъ искреннимъ, жаркимъ словомъ, чтобы они

наложили на себя и духовныя узы. Безъ этого дѣло человѣческой мудрости рушится какъ разъ. Я, съ своей стороны, сдѣлалъ свое дѣло, исполнилъ то, что приходилось на долю правительственной мудрости, но съ досадой и грустью вижу, что оно не поддерживается нравственною, духовною, теплою силой. Эта поповская каста требуетъ непремѣннаго преобразованія. Разумѣется; для этихъ должностей требуются люди спеціально образованные, потому что въ нашей Церкви не простая, отвлеченная вѣра и не только нравственное ученіе, но тысячи обрядовъ и полудогматовъ, за которые народъ держится крѣпче, чѣмъ за самый догматъ, и которые всѣ имѣютъ свою исторію и духовную литературу. Вы укажете на Кузьму Ивановича. Да Кузьма Ивановичъ совѣтуетъ плевать и креститься на перекресткахъ, будетъ сбитъ съ толку каждымъ раскольникомъ и ни одного не обратитъ.— На дняхъ попалась мнѣ книжка Твореній Св. Отцевъ за 1847 годъ: въ ней помѣщены стихотворенія Григорія Богослова. Это рѣшительный поэтъ! Какъ я ему обрадовался! Совѣтую Константину обратить на него вниманіе, и Гоголю также. Видно, какъ онъ наслаждается самъ красотою образовъ и выраженій. Его посланіе къ женщинамъ очень хорошо!.. Между прочимъ, онъ осуждаетъ въ женщинѣ «ноги, идущія борзо».

9-го Августа 1849 года. Рыбинскъ. Середа.

Наконецъ, я получилъ Ваше письмо въ прошедшее Воскресенье. Какъ бы я ни хотѣлъ видѣть Константина и заставить его проѣхаться, однако, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, я не могу взять на себя пригласить его въ Рыбинскъ *теперь*. Мѣсяцемъ раньше—другое дѣло. Знаю, что онъ будетъ ломать себѣ голову и придумывать этому разныя объясненія, но дѣло просто и, какъ скоро я оставлю Рыбинскъ, тотчасъ же объяснится. А потому прошу объ немъ и не ломать себѣ головы.—Изъ Петербурга ничего не получалъ до сихъ поръ. Что-то привезетъ завтрашняя почта.

1849 года, Августа 13-го. Рыбинскъ. Суббота.

Во Вторникъ я писалъ къ Вамъ о неприсылкѣ Константина. Теперь это препятствіе устранено. Дѣло состояло вотъ въ чемъ: уже съ недѣлю господствовало здѣсь убѣжденіе, что въ городѣ холера; это и предположить было немудрено, потому что она чрезвычайно была сильна здѣсь и въ прошломъ году, и потому, что Рыбинскъ въ безпрерывныхъ сношеніяхъ съ Петербургомъ. Еще наканунѣ письма былъ у меня здѣшній городовой докторъ, Фанъ-деръ Фласъ, хорошо мнѣ знакомый, и удостовѣрилъ меня, что холера дѣйствительно есть, какъ въ больницахъ, имъ завѣдываемыхъ, такъ и въ частной практикѣ. Докторамъ велѣно было доносить Городничему о каждомъ новомъ холерномъ случаѣ и т. п. Другой докторъ, уѣздный Штабъ-лекарь (ихъ всего здѣсь два), на дняхъ донесъ, что холеры рѣшительно нѣтъ и не было и что это все выдумки. Городничій послалъ эти два противорѣчащія донесенія докторовъ Губернатору, который для рѣшенія этого вопроса прислалъ Инспектора Врачебной Управы. Тотъ на дняхъ (кажется, третьяго дня) рѣшилъ, что холеры нѣтъ и не было и что Фласъ ошибся. Какъ бы то ни было, но это значительно подѣйствовало на городъ, который теперь успокоился и развеселился. Поэтому, не рѣшившись тогда приглашать Константина, зная его характеръ, я полагаю, что теперь ничто ему мѣшать не можетъ. Я дѣйствительно думаю, что холеры по крайней мѣрѣ теперь нѣтъ въ городѣ. Къ тому же теперь настали такіе ясные дни, отзывающіеся, правда, осенью, ибо утра и вечера очень свѣжи. Если Константинъ пріѣдетъ, то мы отправимся съ нимъ вмѣстѣ въ Пошехонь, куда я думаю перебраться недѣли черезъ три. Впрочемъ, я считаю для него просто полезнымъ прокатиться на дорогѣ, еслибы даже онъ и не захотѣлъ оставаться дольше. Мой адресъ: на Моложской улицѣ, въ домѣ купца Андрея Миклютина. Я хочу на дняхъ отправиться на Югъ... Вы ужъ думаете, на тотъ Югъ, гдѣ теплѣе, гдѣ природа лучше... Нисколько. Югомъ называется лежащій къ Сѣверу отъ Рыбинска, верстахъ въ 20-ти, монастырь или пустынь Югская; есть даже образъ Югской Божіей Матери. Говорятъ, мѣстоположеніе очень хорошее, и распорядокъ

общежитія напоминаетъ собою Оптину пустынь. Сокращенно монастырь не называютъ иначе, какъ Югъ или Юга... Думаю ѣхать туда на Успеньевъ день, съ которымъ Васъ, а равно и съ окончаніемъ поста, заранѣе поздравляю.—На нынѣшней недѣлѣ проходилъ здѣсь слонъ, подаренный Государю отъ Бухарскаго Хана. Свиту слона составляютъ нѣсколько человѣкъ Бухарцевъ и чиновникъ Оренбургской губерніи. Я ошибся, сказавъ, что онъ проходилъ. Онъ плылъ; въ Нижнемъ Новгородѣ его погрузили на тихвинку, такъ называется лодка или судно особой конструкціи. На Рыбинской пристани онъ стоялъ сутки, потому что здѣсь запасались хлѣбомъ. Кормятъ его бѣлымъ печенымъ хлѣбомъ, котораго онъ съѣдаетъ пуда два въ день; да 20 фунтовъ сахару, да 10 фунтовъ масла. Весь городъ ѣздилъ его смотрѣть, и я въ томъ числѣ. Слона видѣлъ въ первый разъ: звѣрь довольно безобразный, но умный и кроткій. Изъ Индостана въ Петербургъ!... Забавно то, что онъ во многихъ мѣстахъ поправилъ дороги. До Нижняго онъ шелъ пѣшкомъ и, какъ онъ очень трусливъ, то вступилъ на мостъ и почувствовалъ его жидкость, сейчасъ обращается назадъ. Нечего дѣлать: строятъ мостъ крѣпкій, такъ чтобы слонъ не изволилъ опасаться! У него есть для мостовой и полусапожки.—Вечеромъ того же дня эти Бухарцы были въ театрѣ, въ ложѣ, гдѣ отличался «русскій геркулесъ или Раппо, жонглеръ и акробатъ Ярославскій, Семенъ Ляпинъ, долгое время по страсти изучавшій это искусство и показывающій удивительные опыты съ досужествомъ русской силы, смѣтливости и ловкости». Такъ сказано было въ афишѣ. Видите, сколько веселостей! Изъ Петербурга ничего не отвѣчаютъ. Я наконецъ вздумалъ, что глупо мнѣ наконецъ находиться въ такомъ постоянномъ ожиданіи отъ почты до почты, что, пожалуй, можно такъ прождать годы и что именно то, чего сильно ждешь и хочешь,—нарочно не случится, и потому откинулъ уже всякую мысль о возможности избавить себя отъ своего скучнаго порученія. Разсчитавъ все, я полагаю, что, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, къ зимѣ будущаго 1850 года я долженъ покончить съ Ярославской губерніей. Теперь думаю—изъ Рыбинска въ Сентябрѣ попасть въ Пошехонье; изъ Пошехонья

въ Октябрѣ прямо проѣду въ Угличъ, минуя Мышкинъ и Мологу; а въ Ноябрѣ, въ концѣ, возвращусь въ Ярославль, гдѣ останусь Декабрь (съѣзжу только къ Вамъ на Святки), Генварь и въ Февралѣ отправлюсь на ярмарку въ Ростовъ и останусь тамъ мѣсяца полтора. Въ Мартѣ вернусь въ Ярославль, покончу съ нимъ, потомъ лѣтомъ раздѣлаюсь съ Любимомъ, Даниловымъ, Мологою и Мышкинымъ, осенью все недодѣланное додѣлаю и—конецъ. Но какая скука, Боже мой! Хоть бы одинъ городъ отдѣлать разомъ, а то теперь у меня нѣтъ ничего конченнаго.—Вы спрашиваете меня объ этой, часто упоминаемой мною операціи. Я, кажется, уже отвѣчалъ Вамъ, что она заключается въ присоединеніи цѣлаго раскольничьяго города Романова-Борисоглѣбска къ Православію посредствомъ собственнаго ихъ отъ себя прошенія. Простѣе сказать—это новыя путы, которыми самъ себя удавливаетъ подлый здѣшній расколъ; мѣра дипломатическая, правительственная, но уже оказывающая благодѣтельныя послѣдствія и теперь. Вамъ это все непонятно; чтобы понять это все, надобно взвѣсить всѣ мѣстныя, даже случайныя обстоятельства, которыми мы съумѣли воспользоваться, надобно прочесть мои рапорты Министру, которые, безъ моихъ толкованій, едва ли будутъ Вамъ понятны. Эта мѣра совершенный сюрпризъ Министерству, и не знаю, одобритъ ли оно ее,—и бѣшусь, что не получаю оттуда никакого свѣдѣнія. Что же касается до городскаго хозяйства, то работаю я ужасно много, да работа какъ-то не скоро идетъ. Рыбинскъ начинаетъ пустѣть, и въ Августѣ мѣсяцѣ всѣ отправки кончатся.—Недавно получилъ я письмо отъ Графа Д. Н. Толстаго (чиновника нашего Министерства) изъ Воронежа. Онъ пишетъ мнѣ между прочимъ, что тамъ, въ архіерейскомъ домѣ хранится карета св. Митрофанія, дѣланная заграницей, великолѣпная и съ какими-то особенными лежачими рессорами. На бокахъ кареты изображены Амуры, Купидоны, Венеры, Граціи и т. п. миѳологическія изображенія во всей красѣ. Графъ Толстой предполагаетъ, и это очень вѣроятно, что карета эта была подарена *на смѣхъ* Петромъ Великимъ. Подарокъ былъ принятъ,—святой Епископъ могъ и заочно ее принять, но, какъ видно, ни онъ, ни пріемники

его ни разу не употребляли эту карету, потому что не разбилось и стекла, а подгнившія колеса доказываютъ, что они стояли, не вертясь, на одномъ мѣстѣ.

20-го Августа 1849 года. Суббота. Рыбинскъ.

Вотъ теперь уже нѣсколько почтъ сряду получаю я Ваши письма. — На нынѣшней недѣлѣ я не получилъ никакихъ бумагъ, ни писемъ изъ Министерства; впрочемъ, я уже и пересталъ ждать, а теперь думаю только о томъ, чтобы скорѣе выбраться изъ Рыбинска, который мнѣ ужасно надоѣлъ, и отправиться въ Пошехонь. Тамъ необходимо мнѣ будетъ съѣздить къ одному помѣщику, Соковнину, знающему всю подноготную о Пошехонскихъ лѣсахъ, въ Пошехонскій Андріановъ монастырь и въ какую-то пустынь, верстъ 40 за Пошехонье. Кстати о пустыни. Въ Понедѣльникъ, въ Успеньевъ день ѣздилъ я въ Югскую общежительную пустынь, верстъ 18 отъ Рыбинска. Порядокъ и благочиніе всюду. Это вообще свойство общежительныхъ монастырей, гдѣ никто не имѣетъ своей собственности, а все, начиная отъ куска хлѣба до послѣдней рубашки, выдается изъ общей монастырской казны. Всѣ братья имѣютъ какое-нибудь опредѣленное занятіе на пользу монастыря, который довольно богатъ своей казной, за то и обстроился въ послѣдніе 15 лѣтъ очень изящно и богато. Устава никакого нѣтъ, кромѣ общаго, существующаго для всѣхъ церквей, съ тою разницею, что здѣсь онъ съ большею строгостью соблюдается; такъ напр. обыкновенная всенощная продолжается тамъ 6 часовъ сряду. Игуменъ очень строгъ и не позволяетъ выкинуть ни полстрочки. Вы не увидите здѣсь ни жирныхъ монаховъ, ни суетни въ церкви. И это общій характеръ и въ Оптиной общежительной пустыни (въ Калужской губерніи) и въ Саровской... Отстоявши обѣдню, я вмѣстѣ со всѣми гостями мужчинами приглашенъ былъ къ Игумену, отцу Варѳоломею, который почему-то оказывалъ мнѣ особенное вниманіе;—послѣ небольшаго угощенія (это былъ ихъ храмовой праздникъ) отправились мы въ трапезу, гдѣ усадили меня подлѣ Игумена. За трапезой царствуетъ совершенное молчаніе; никто не смѣетъ говорить, никто не приступаетъ

къ пищѣ прежде Игумена, который крестится и подаетъ знакъ предъ каждымъ блюдомъ. Во время обѣда читается съ каѳедры что нибудь изъ священныхъ книгъ. Ѣдятъ медленно, безъ жадности. Впрочемъ, обѣдъ былъ хоть куда. Послѣ обѣда довольно продолжительный молебенъ; затѣмъ Игуменъ опять позвалъ къ себѣ, подарилъ образокъ Югской Божіей Матери, нѣсколько просфоръ, разныя издѣлія монастырскаго токарнаго ремесла и отпустилъ насъ.—Обитель эта существуетъ по имени уже болѣе 200 лѣтъ, но въ настоящемъ смыслѣ—не болѣе 70-ти. Основалъ ее въ XVII вѣкѣ Кіевскій монахъ Дороѳей, которому явилась икона Богородицы. Монахи почитаютъ Дороѳея святымъ, говоря, что если онъ не прославленъ, такъ потому, что не хочетъ сдѣлать обитель первоклассньмъ монастыремъ и лишать ее уединенія.—Въ монастырской гостинницѣ, гдѣ, какъ водится, все даромъ,—изволь только по усердію жертвовать въ пользу монастыря. Гостинный монахъ, отецъ Серафимъ, предложилъ мнѣ икону своего издѣлія. Я принялъ охотно, думалъ, что она стоитъ бездѣлицу, а расплачиваясь при прощаньѣ, долженъ былъ дать за нее шесть рублей серебромъ! Дѣлать нечего. Обѣ иконы и третій образокъ, купленный мною здѣсь на ярмаркѣ, посылаю Вамъ, милая моя Маменька, вмѣстѣ съ лопепичьимъ вареньемъ. Изъ нихъ маленькій образокъ Югской Божіей Матери - освященный.—За то отецъ Серафимъ утѣшилъ меня, сказавъ такую глупость, что я съ полдороги все хохоталъ. Прощаясь, онъ говорилъ: сдѣлайте одолженіе, посѣщайте нашъ монастырь, не лишайте Богородицу Вашего къ ней расположенія, а ужъ я Васъ не оставлю въ своихъ *святыхъ* молитвахъ. — Какъ бы то ни было, но въ этихъ общежительныхъ пустыняхъ гораздо отраднѣе быть, нежели въ монастыряхъ обыкновенныхъ.—Показать бы коммунистамъ эти христіанскіе фаланстеры! Велико значеніе монастырей, хранящихъ подлѣ суетливой жизни идеалъ другой, совершеннѣйшей жизни, строгой тишины, неизмѣнимо-ровное теченіе дней. Но все же, повторяю здѣсь, не для монастырей и пустынь только явилось христіанство. Теперь о другомъ. На дняхъ на здѣшнемъ театрѣ давали Ревизора. Я отправился смотрѣть. И актерамъ и зрителямъ до такой степени было смѣшно видѣть на сценѣ всѣ тѣ

лица, которыя сидятъ тутъ же и въ креслахъ (напр. Городничій, Судья, уѣздный учитель и т. д.), что актеры не выдерживали и хохотали сами вовсе неумѣста, а потому и играли плохо, исключая Осипа. А зрители хоть и смѣялись, — да вѣдь все свои! Всякій другъ про друга знаетъ, что онъ беретъ, и считаетъ это дѣло весьма естественнымъ. Вотъ этимъ скверно въ уѣздныхъ и даже губернскихъ городахъ. Всѣ берутъ, нѣтъ другаго общества, и поневолѣ дѣлаешься снисходительнымъ, говоря, что этотъ беретъ не такъ, какъ тотъ, легче и т. п. А по настоящему никому изъ нихъ и руки подать нельзя! Даже мнѣ иногда совѣстно колоть имъ собой глаза. Впрочемъ здѣсь, какъ я Вамъ писалъ, былъ одинъ честный человѣкъ, Городничій Дѣевъ, теперь въ отставкѣ. За то онъ извѣстенъ былъ, какъ нѣкое чудовищное исключеніе, неслыханное диво и дрянной городничій.—Самаринъ ѣдетъ въ Симбирскъ?.. Такъ вотъ чѣмъ все это разрѣшается! Оно хоть и не мѣшаетъ ему послужить въ Губерніи, но право, какъ-то грустно. Значитъ, не очень везетъ!.. Я хоть и не очень жду Константина, но все же не совсѣмъ отбросилъ ожиданіе; къ тому же до Вторника недалеко.

30-го Августа 1849 года. Рыбинскъ.

Поздравляю Васъ со вчерашнимъ и нынѣшнимъ праздникомъ. Съ послѣдней почтой я не получилъ отъ Васъ письма, впрочемъ, и не ждалъ, потому что уже нѣсколько почтъ сряду приходили Ваши письма. Изъ Петербурга получилъ оффиціальную бумагу отъ Министра о назначеніи мнѣ помощника, какого-то Эйсмонта, который еще не прибылъ, и частное письмо отъ одного Начальника Отдѣленія, который сообщаетъ мнѣ за достовѣрное, что Министръ чрезвычайно доволенъ моими дѣйствіями, однако-же мой рапортъ держитъ покуда у себя и распоряженій никакихъ не сдѣлалъ. Назначеніе мнѣ помощника ясно показываетъ, что вовсе не предполагаютъ освободить меня отъ этого порученія. Впрочемъ, я уже пріучилъ себя къ этой мысли. — О Гоголѣ я могу Вамъ сказать кое-что утѣшительное. Только предваряю, что это секретъ, и если Вы какъ-нибудь его не удержите,

то вся вина обрушится на меня. Я получилъ на дняхъ письмо отъ А. О., которой до смерти хочется разболтать свой секретъ, но говоритъ, что не велѣно, однако-же кое-что сообщаетъ. Гоголь читалъ ей второй томъ Мертвыхъ Душъ, не весь, но то, что̀ написано. Она въ восторгѣ, хоть въ этомъ отношеніи она и не совсѣмъ судья. «Какъ жаль, пишетъ она, что я не смѣю Вамъ проболтаться о Муратовѣ, Элабуевѣ, Улинькѣ, Чаграновой, Генералѣ Быстрищевѣ»... и еще какая-то фамилія, которую я не могъ разобрать. Говоритъ, что первый томъ передъ тѣмъ, что̀ написано и что̀ только набросано, совершенно поблѣднѣлъ.—Можетъ быть, Константинъ и махнетъ рукой, но я просто освѣжился этимъ извѣстіемъ; нужно давно обществу блистаніе Божьихъ талантовъ на этомъ сѣромъ, мутномъ горизонтѣ. Атмосферѣ необходимо разрушиться громомъ, блескомъ и молніей великолѣпнаго Божьяго дара!.. Я прошу С—ву проболтаться совсѣмъ. Только Вы чуръ молчите. Если это дойдетъ до Гоголя, то онъ разсердится на С—ву и на меня. Нельзя сердиться на Гоголя, что онъ Вамъ не читалъ Мертвыхъ Душъ. Онъ видитъ въ настоящее время, что Вы и Константинъ мало заботитесь о его производительности и не ждете отъ него ничего; даже не видитъ уваженія къ прежнимъ проявленіямъ своего таланта.—Впрочемъ, я увѣренъ, что Вы, милый Отесинька, обрадуетесь этому извѣстію, да и Константинъ тоже.— Моя болѣзнь прошла или почти прошла. Нынче Царскій день, и я отправляюсь въ Соборъ, а потомъ на званный обѣдъ къ одному купцу.

1849 года, Сентября 3-го. Суббота. Рыбинскъ.

Вотъ и Сентябрь. Поздравляю съ осенью. Впрочемъ, первые дни Сентября смотрятъ лучше, чѣмъ послѣдніе Августа; воздухъ мягче и теплѣе, по крайней мѣрѣ здѣсь. Въ Четвергъ получилъ я Ваше письмо отъ 29-го Августа. Вотъ забавно: мы другъ другу сообщаемъ одинъ и тотъ же секретъ! Я говорю о Гоголѣ. Требованіе его, чтобы Вы не писали о Мертвыхъ Душахъ даже мнѣ, совершенно нелѣпо и не имѣетъ никакого основанія, а потому прошу Васъ и не слушаться его. Напишите мнѣ обо всемъ подробно; одна ли глава на-

писана или нѣсколько *).—На нынѣшней недѣлѣ былъ я на четырехъ купеческихъ обѣдахъ. Во Вторникъ 30-го Августа былъ званъ на пирогъ къ одному купцу первой гильдіи и Почетному Гражданину Александру Алексѣевичу Попову. Это старинный купеческій родъ, который въ первой гильдіи записанъ уже лѣтъ 70. Впрочемъ, Поповъ вовсе не изъ первостатейныхъ богачей. Онъ очень порядочный человѣкъ, не безъ образованія; ходитъ хоть и въ нѣмецкомъ платьѣ, но добръ и благотворителенъ больше, чѣмъ прочіе Рыбинскіе дородные бородачи. Онъ былъ имянинникъ, а потому и созвалъ всѣхъ на пирогъ, т. е. на обѣдъ же, только не совсѣмъ полный. Дать же настоящій обѣдъ онъ не могъ, потому что другой купецъ, Наумовъ, бывшій наканунѣ, 29-го Августа, имянинникомъ, по случаю постнаго дня (усѣкновеніе главы Іоанна), созвалъ всѣхъ къ себѣ на обѣдъ 30-го. Итакъ въ 12-мъ часу былъ завтракъ или почти что обѣдъ у Попова, а въ два часа обѣдъ у купца второй гильдіи Ивана Андреевича Наумова, богача страшнаго, немножко раскольника, наружности самой простой. Въ этотъ день растворились ворота, которыя заперты почти круглый годъ, и отперты верхніе, парадные покои, всегда пустые и запертые. Русскій, т. е. настоящій купецъ, наитщеславнѣйшее созданіе, никогда не роскошествуетъ для себя собственно, для своего удовольствія, а только для показа другимъ. Отъ того такое непріятное впечатлѣніе и производятъ роскошныя убранства комнатъ. Эта чистота, эта неизмятость мебели, все это свидѣтельствуетъ Вамъ, что комнаты не жилыя. Разумѣется также, что все это безвкусно; мебель, выписанная изъ Петербурга, обитая штофомъ, безъ пружинъ; заднія спинки или ножки стульевъ, словомъ, гдѣ не очень видно,—все это подкрашено. Часа два сряду, не торопясь, собираются гости; все это чинно, скучно, холодно. Наконецъ садятся всѣ за обѣдъ, который продолжается часа два или три. Хозяинъ не садится, а безпрестанно обходитъ гостей и подчуетъ виномъ.

*) Въ письмѣ отъ 29 Августа, отецъ пишетъ Ивану Сергѣевичу: „Не могу долѣе скрывать отъ тебя нашу общую радость: Гоголь читалъ намъ первую главу 2-го тома Мертвыхъ Душъ. Слава Богу! Талантъ его сталъ выше и глубже. Мы обѣщали ему не писать даже и къ тебѣ; но нѣтъ силъ молчать. Глава огромнѣйшая. Чтеніе продолжалось часъ съ четверью“.

Тутъ вы говорите, что хотите: онъ не отвяжется, а повторяетъ: *пожалуйте*, съ легкимъ произношеніемъ на *о* (какъ вообще въ Ярославской губерніи). Вы говорите ему тысячи причинъ, почему вы отказываетесь отъ вина, доказываете, что послѣ сладкаго кислое не годится и пр. и пр. Онъ выслушиваетъ терпѣливо, а какъ скоро кончите, говоритъ опять: *пожалуйте*; нечего дѣлать, съ досадою подставляешь бокалъ. Разумѣется, что во время обѣда главную роль играетъ стерлядь. Каждый изъ дающихъ обѣды старается превзойти другъ друга въ величинѣ и достоинствѣ стерляди. Шекснинскія стерляди дѣйствительно, говорятъ, лучшія. — Послѣ обѣда остаются очень недолго: для дворянъ и для нѣкоторыхъ изъ купцовъ есть особая каморка, гдѣ курятъ. Передъ самымъ отъѣздомъ непремѣнно заставляютъ опять выпить по бокалу. Это называется здѣсь почему-то: посошо́къ. У Наумова послѣ обѣда даже вышла хозяйка (лѣтъ 50-ти), съ лицомъ, испорченнымъ отъ употребленія бѣлилъ и румянъ въ молодости; она тоже высыпала гостямъ весь скудный запасъ купеческихъ привѣтствій: «пожалуйте, покорно просимъ садиться, благодарствуйте, просимъ быть знакомыми», и опять «пожалуйте», разъ 15. Наконецъ, послѣ поклоновъ, привѣтствій и поклоновъ, вырываешься вонъ, на чистый воздухъ... Такимъ образомъ въ этотъ день мы обѣдали два раза или полтора раза. А отказаться нельзя, особенно важному Чиновнику; почтутъ за величайшую обиду. Это служба въ своемъ родѣ. На этомъ обѣдѣ замѣчательно было то, что подлѣ меня сидѣлъ сѣдой старикъ, съ длинною, сѣдою бородою, также купецъ первой гильдіи и Почетный Гражданинъ, Ѳедоръ Ильичъ Тюменевъ, раскольникъ. Противъ него сидѣлъ сынъ его, въ Нѣмецкомъ платьѣ, во фракѣ, съ бритою бородою. За то отецъ его на петлицѣ своего зипуна или длиннополаго кафтана (но вовсе не сюртука)носитъ крестъ, исходатайствованный ему Графомъ Клейнмихелемъ, передъ которымъ онъ подличалъ безстыдно. Оба хороши, но отецъ гораздо умнѣе. Этимъ не кончилось. Поповъ, не имѣвшій возможности дать полный обѣдъ 30-го, далъ обѣдъ 1-го Сентября, все въ зачетъ имянинъ. Опять та же исторія, съ тою разницею, что комнаты Попова жилыя, что глаза отдыхаютъ, видя рояль, что Поповъ сидѣлъ

самъ за столомъ, изрѣдка вставая для угощенія, и не приставалъ къ гостямъ такъ безсмысленно; что вмѣсто стерляди у него былъ исполинскій осетръ; что сигары и папиросы были у него порядочныя, потому что онъ самъ куритъ. На другой день, 2-го Сентября, былъ имянинникомъ Голова и далъ также обѣдъ, который былъ повтореніемъ Наумовскаго, какъ и хозяева оба—одного покроя.—Такимъ образомъ на нынѣшней недѣлѣ я одолѣлъ четыре купеческіе обѣда. Кажется, это должно служить Вамъ лучшимъ доказательствомъ моего здоровья.—Въ Четвергъ вечеромъ былъ здѣсь пожаръ, грозившій опасностью всему городу. Я былъ въ театрѣ, куда пошелъ – по убѣжденію – принять участіе въ судьбѣ одного бѣднаго актера. Давали Людовика XI или Заколдованный Домъ, трагедію въ стихахъ, переводъ Ободовскаго. Кончился первый актъ; въ антрактѣ—вдругъ пробѣжала вѣсть, что пожаръ. Думали, что въ театрѣ, и все бросилось вонъ. Но выбѣжавъ къ подъѣзду и узнавъ, что пожаръ не въ театрѣ, а въ городѣ, всѣ этому такъ обрадовались въ первую минуту, что воротились было въ театръ дослушивать піэсу. Но, разумѣется, сейчасъ обдумались и разъѣхались, потому что было не до забавы. Пожаръ былъ на той улицѣ, гдѣ жили и актеры, которые, узнавъ это, бросились опрометью домой спасать имущества. Тутъ была самая траги-комическая сцена. Актеры выбѣжали въ тѣхъ самыхъ костюмахъ, въ какихъ были, нарумяненные и набѣленные. Людовикъ XI въ шелковыхъ чулкахъ тащилъ какой то сундукъ. Графиня Сентъ-Альмаръ, навернувъ на одну руку шлейфъ, другою волокла перину и тюфяки... Пожаръ былъ силенъ; загорѣлся одинъ деревянный домъ, и какъ около него строеніе все было деревянное, а вѣтеръ былъ отчаянный и дулъ прямо на городъ, то опасность была великая. Однакоже окружающія деревянныя постройки успѣли сломать, а тутъ помогли и березы, потому что маленькій садикъ отдѣлялъ этотъ дворъ отъ другаго строенія. Полиція и народъ отстояли и другія слабыя мѣста и такимъ образомъ спасли городъ. Я, разумѣется, тотчасъ же изъ театра побѣжалъ на пожаръ и оставался тамъ до окончанія. Въ Рыбинскѣ пожары очень рѣдки; но еслибы случился другой вѣтеръ и понесъ огонь на хлѣбные амбары, то отъ этого бѣдствія потерпѣла бы вся Рос-

сія. Я замѣтилъ одну суевѣрную примѣту: при началѣ пожара, впрочемъ, когда ужъ онъ былъ довольно силенъ, съ разныхъ сторонъ бросили въ горящій домъ яйца. Это дѣлалось для того, какъ я узналъ послѣ, чтобъ огонь горѣлъ на одномъ мѣстѣ; яйца же бросаются освященныя, оставшіяся отъ Пасхи.—На другой день послѣ пожара, такъ какъ все окончилось благополучно, театръ далъ даровое представленіе, начавъ его со 2-го акта піэсы, — на которомъ прервался прежній спектакль. — Вотъ видите, сколько происшествій въ теченіе одной недѣли... Вы спрашиваете меня, когда я выѣду изъ Рыбинска. Я намѣренъ выѣхать въ половинѣ Сентября, но Вы во всякомъ случаѣ продолжайте писать въ Рыбинскъ впредь до моего письма, въ которомъ будетъ сказано: адресуйте въ Пошехонь.—Г. Эйсмонтъ еще не пріѣзжалъ. Вотъ и война кончилась! Гвардія только прогулялась, а армія совершила блистательную кампанію. Что будетъ съ Георги: это меня очень занимаетъ.

10-го Сентября 1849 года. Суббота.

Кажется, Вы получите это письмо въ самый день рожденія Надички; поздравляю Васъ, поздравляю ее и всѣхъ. Съ послѣдней почтой я не получилъ отъ Васъ письма.—Въ послѣднемъ письмѣ своемъ Вы пишете, милый Отесинька, что Гоголь опять къ Вамъ пріѣхалъ въ деревню: не вторая ли это глава Мертвыхъ Душъ? Что Вамъ сказать новаго? Я на будущей недѣлѣ собираюсь ѣхать; во Вторникъ напишу Вамъ, какъ распорядиться письмами, а до того времени адресуйте въ Рыбинскъ. Изъ Петербурга никакихъ бумагъ особенныхъ не получалъ и писемъ не имѣю. Да и до меня ли теперь тамъ. Тутъ Венгерцы, тутъ смерть Великаго Князя Михаила Павловича. Жаль Великаго Князя. Это былъ человѣкъ съ сильнымъ убѣжденіемъ въ святости долга и, конечно, одинъ изъ лучшихъ служакъ. — Ну что Московскіе слухи о пріѣздѣ Георги въ Москву? Не сбылись, видно!— На нынѣшней недѣлѣ была маленькая тревога въ городѣ. Открыты два неудавшіеся поджога, и поэтому общество или городская община учредила караулъ и назначила изъ среды себя Смотрителей; въ теченіе семи дней были два собранія

общества. Это тѣ же сходки, только градусомъ выше. Сходка — въ избѣ или на улицѣ; здѣсь—въ «общественномъ залѣ», тамъ крестьяне, здѣсь ремесленники, мѣщане и купцы. Тамъ главный—Староста, здѣсь — Градскій Голова; сходка шумна и криклива, здѣсь важно, тихо и чинно; позволяютъ себѣ говорить только старики, и человѣкъ безъ просѣди въ волосахъ считается чуть не мальчишкой. Разумѣется, что купцы—богатые и сѣдые — имѣютъ значеніе какихъ-то патриціевъ. Я задалъ имъ вопросъ: что должно Правительство, уважающее голосъ цѣлаго общества, признавать выраженіемъ этого голоса? Напр. общество властно установить новый сборъ денегъ или тому подобное. равной важности. Правительство, утверждая приговоръ, не противорѣчитъ этому, предполагая, что это желаніе всего общества, и если оно согласно, то Правительству заботиться тутъ объ устраненіи излишнихъ поборовъ нечего. Но иногда случается, что часть общества этимъ недовольна и говоритъ, что это приговоръ не общества, а только нѣкоторыхъ лицъ.—Они долго толковали (я, впрочемъ, не былъ самъ на собраніи) и рѣшили: только тотъ приговоръ почитать общественнымъ, т. е. выраженіемъ желанія всего Рыбинскаго общества, который подписанъ *не менње* 100 человѣками. Размѣръ довольно большой, какъ хотите. Это не депутаты, а все общество. Замѣчательно, что въ числѣ 100 они положили: 70 купцовъ и 30 мѣщанъ (если же приговоръ составляется по дѣламъ одного мѣщанскаго общества, то 60 человѣкъ мѣщанъ). Числительно— купцовъ противъ мѣщанъ въ 4 раза меньше въ г. Рыбинскѣ; но мѣщанинъ—человѣкъ болѣе кочующій и не столько осѣдлый, какъ купецъ. Мѣщанинъ — въ отлучкахъ по паспортамъ, въ услуженіи, въ званіи прикащика у купцовъ и по бѣдности своей готовъ, еслибъ было нужно, подписать всякій приговоръ. Купецъ самостоятельнѣе, независимѣе и упорнѣе. Болѣе гарантіи въ томъ, что купцовъ должно быть 70, а не 30; не легко будетъ тогда Губернатору или кому либо другому составлять приговоръ будто отъ лица цѣлаго общества. О несогласіи же остальныхъ, кромѣ 100, о большинствѣ голосовъ и проч. не было даже и рѣчи. Есть пословица: семеро одного не ждутъ, и этотъ одинъ безпрекословно признаетъ власть семерыхъ, и въ этомъ единство.

Можно бы подумать, что перевѣсъ купеческихъ голосовъ часто можетъ быть ко вреду мѣщанъ. Но мѣщане великодушно довѣряютъ купцамъ, говоря: вы насъ не обидите, мы знаемъ. Во всякомъ случаѣ все это довольно любопытно. Сообщите это Хомякову. Мнѣ кажется, что въ сословіяхъ, принадлежащихъ къ земщинѣ, общинное начало не умерло; хотя во многомъ искажено, переодѣто, но живетъ. Мы же, потомки служилаго сословія, издревле наслѣдовали и наслѣдуемъ другой характеръ; не привязанные къ мѣсту, бояре переходили отъ одного князя къ другому, пока не получили наконецъ общегосударственное, а не мѣстное значеніе. Такъ и теперь. Впрочемъ, это статья долгая, и распространяться о ней рѣшительно некогда. Съ нынѣшней почтой отправляю болѣе 10-ти казенныхъ отношеній и рапортовъ.

13-го Сентября 1849 года. Рыбинскъ.

Сейчасъ явился ко мнѣ г. Эйсмонтъ, мой помощникъ, слава Богу! На этой недѣлѣ уѣду съ нимъ въ Пошехонь, а потому Вы пишите уже въ Пошехонь прямо. Теперь уже рѣже буду я получать письма вообще, потому что въ Пошехонь, кажется, всего разъ въ недѣлю приходитъ почта.—Изъ Петербурга на счетъ раскольниковъ ничего не пишутъ, а Хозяйственнымъ Департаментомъ я доволенъ: уважилъ всѣ мои представленія.—Не пишу Вамъ больше, а съ будущей почтой пришлю письмо подробнѣе.

17-го Сентября 1849 года. Суббота. Рыбинскъ.

И съ нынѣшнимъ днемъ именинъ и съ будущимъ 20-мъ Сентября поздравляю Васъ и всѣхъ нашихъ. Боже мой, какъ скоро летитъ время: мы близимся уже къ концу Сентября, который нынче довольно скверенъ. Что сказать Вамъ новаго? Пишутъ секретно изъ Петербурга, что открывается порученіе по раскольничьимъ дѣламъ въ Черниговскую губернію и что хотятъ меня послать туда, съ тѣмъ однако-же, чтобы по окончаніи Черниговскаго порученія воротиться вновь къ трудамъ по Ярославской губерніи. Впрочемъ, это только одно предположеніе насчетъ меня, но что есть важ-

ное дѣло по Черниговской губерніи,—это вѣрно; знаю я и то, что посылать имъ некого. Если это состоится, то я буду очень радъ проѣздиться по Черниговской губерніи; жаль только, что зимою, но и зимою отрадно знать, что находится въ хорошей, теплой сторонѣ. Къ тому же Черниговская губернія будетъ поинтереснѣе Ярославской, да и поѣздка туда будетъ болѣе походить на путешествіе, чѣмъ здѣсь. Самъ я ничего объ этомъ не просилъ и не прошу: какъ сдѣлается, такъ пусть и будетъ... Однако-же это секретъ, и прошу Васъ держать это въ секретѣ. Результата же по своимъ дѣйствіямъ Ярославскимъ относительно раскольниковъ — никакого со стороны Министерства не вижу. — Что это сдѣлалось съ моею памятью? Рѣшительно не помню, что я Вамъ писалъ въ послѣдній разъ и писалъ ли я Вамъ о Поповѣ-купцѣ? Кажется, нѣтъ. Можете себѣ представить, что это человѣкъ, раздѣляющій наши убѣжденія сознательно во всей полнотѣ. Какъ-то мнѣ случилось разговориться съ нимъ (а онъ человѣкъ скромный и даже робкій) и я удивился, услыхавъ совершенно знакомыя и близкія сердцу рѣчи; я нашелъ у него Московскій литературный сборникъ, обѣ части; Москвитянинъ, Сѣверное Обозрѣніе. Мало того, меня поразило то, что онъ бранитъ Погодина и Шевырева, хвалитъ статьи Сборника, Хомякова. — Откуда взялось у Васъ это направленіе? спросилъ я.—Я обязанъ имъ частію своею принадлежностью къ купеческому сословію, частію историческимъ занятіямъ и большею частью чтенію, Московской Литературѣ, Сборникамъ. Вотъ они — невидимые плоды! Поповъ — Почетный Гражданинъ и купецъ 1-й гильдіи, человѣкъ лѣтъ 30 слишкомъ, худой, какъ скелетъ, чахоточный, высокій, такъ что страшно смотрѣть, блѣдный, съ черною бородою, не совсѣмъ русской, и въ Европейскомъ платьѣ. Платье носитъ онъ по привычкѣ. Такъ носилъ, можетъ быть, его отецъ; къ тому же платье надѣваютъ нѣкоторые и потому, что избавляются въ немъ отъ грубой и нахальной фамильярности благороднаго россійскаго дворянства. Человѣкъ онъ очень не глупый, религіозный и добрый, какъ рѣдко встрѣчается. Мнѣ извѣстны тайныя его благотворенія, о которыхъ никто не знаетъ, дѣлая которыя, онъ требовалъ одного—тайны... Сильно проникнутый тѣмъ же убѣжденіемъ,

какое носимъ и мы, онъ постоянно мучится и страдаетъ, видя, что все спѣшитъ наперекоръ туда, гдѣ намъ видится пропасть. Онъ приставалъ ко мнѣ, зачѣмъ не издается журналъ, и взялъ слово съ меня, что если будетъ издаваться журналъ или Сборникъ, то непремѣнно на его бумагѣ. У него есть бумажная фабрика въ Угличѣ; самъ онъ Рыбинскій купецъ. Я подарилъ ему сейчасъ (онъ только что ушелъ) Константинову драму,—да и познакомился я съ нимъ только 30-го Августа, а узналъ его всего дней 10. Но онъ только одинъ и есть.—Есть и другой, хоть не Рыбинскій, а Ярославскій, купецъ Щербаковъ. Я его не знаю, но нынче только мнѣ сказали, что онъ очень желаетъ со мной познакомиться, читаетъ Сборникъ и занимается Славянскими нарѣчіями,—но сынъ раскольника, чуждый связи съ Церковью, связи, передаваемой съ дѣтства воспитаніемъ, -- и въ тоже время слишкомъ просвѣщенный для участія въ заблужденіяхъ раскола,—онъ, по отзыву Попова, совершенно не имѣетъ религіозныхъ убѣжденій.—Вчера былъ здѣсь Губернаторъ, который пріѣзжалъ на однѣ сутки. Онъ прискакалъ отчасти для того, чтобы видѣться со мною вслѣдствіе одного обстоятельства, отчасти для распоряженій по Рыбинску. Дѣло въ томъ, что въ городѣ были три покушенія на поджогъ, не удавшіяся, но встревожившія жителей, которые и учредили караулъ. По важности этихъ обстоятельствъ для Рыбинска я долженъ былъ донести объ этомъ Министру и собственно съ цѣлью, чтобы улучшить бѣдственное состояніе Полиціи, пожарной команды и пожарныхъ инструментовъ. Копію же съ рапорта послалъ Бутурлину изъ чистой любезности; Губернаторъ пріѣхалъ, взялъ на себя расходъ, превышавшій его власть и послалъ въ Москву за тремя новыми трубами, а я попросилъ въ Министерствѣ утвердить расходъ. Такимъ образомъ что-нибудь да сдѣлалось, а прежде тянулось годы. Пожаръ въ такомъ городѣ, какъ Рыбинскъ, можетъ имѣть послѣдствія важныя, по вреду своему, для всей Волжской хлѣбной торговли: здѣсь въ амбарахъ хранятся *милліоны* кулей хлѣба! А пожарной команды выѣзжаетъ въ дѣло всего 14 человѣкъ, трубы же всѣ — дѣланныя лѣтъ за 20 и болѣе. Впрочемъ, это ни для Васъ, ни для меня, по сдѣланіи дѣла, не интересно. Градскій Голова, разумѣется, далъ обѣдъ Гу-

бернатору, на которомъ былъ и я. Я смотрю, что онъ повѣсилъ носъ и такъ грустенъ... Оказалось, что представленный за дѣйствія свои во время холеры къ медали, Голова получилъ только благоволеніе. Бѣдный не спалъ всю ночь. «Я, говорилъ онъ мнѣ, пожертвовалъ въ прошлую холеру (въ 1848 году) три тысячи рублей серебромъ, что стоитъ медали»... Теперь и благотворить уже отказывается. А вѣдь очень добрый и хорошій человѣкъ. Что тутъ прикажете дѣлать: не надо было возбуждать тщеславіе — Помощникъ мой Эйсмонтъ пріѣхалъ. Это уроженецъ Западныхъ губерній, служащій у насъ въ Министерствѣ, очень порядочный молодой человѣкъ, который можетъ быть мнѣ много полезенъ, когда пріучится къ этимъ дѣламъ.

1849 года, Сентября 24-го. Суббота. Пошехонье.

Вотъ я гдѣ! Богъ знаетъ, въ какой глуши! Будь это лѣто, такъ я бы радовался этому, а теперь, осенью и въ грязь,— куда какъ несносно жить въ запертой комнатѣ. Хуже всего то, что почта приходитъ только одинъ разъ въ недѣлю. Вчера она не привезла мнѣ ничего отъ Васъ: стало-быть, придется ждать цѣлую недѣлю; впрочемъ, не было писемъ и изъ Петербурга, а пришло только одно письмо: изъ Бессарабіи! Изъ Кишинева въ Пошехонь! Разумѣется, оно адресовано было въ Ярославль и шло ровно 20 дней... Я выѣхалъ изъ Рыбинска въ прошедшее Воскресенье, вечеромъ, часу въ 10-мъ, и направился по проселочному тракту черезъ Волгу: здѣсь разстояніе всего 60 верстъ, а почтовымъ трактомъ вдвое. Дорогой перемѣнили лошадей въ какой-то странной по названію деревнѣ «Демонское». Разумѣется, это названіе не русское, а должно быть финское или чудское: здѣсь такихъ названій премного, напр. озеро Неро, рѣки: Вогода, Тологда, Печегда, Шехонь (или Шексна). Утромъ пріѣхали мы въ Пошехонь или въ Пошехонье, какъ значится оно въ оффиціальныхъ бумагахъ. Спачала долго возились съ квартирой, потому что приготовленная намъ оказалась совершенно неудобною, хотя и называется генеральскою, и я приказалъ сыскать, т.-е. нанять, другую, что и было исполнено. Наконецъ, мы переѣхали въ домъ къ ка-

кому-то мѣщанину, гдѣ всего три комнаты, кривыя и косыя, но по крайней мѣрѣ жилыя и теплыя.—Прежде всего меня поразила совершенная противоположность этого города и нравовъ жителей — Рыбинску. Изъ Рыбинска пріѣзжаешь сюда, какъ изъ столицы. Я это говорю не относительно наружнаго вида города, а характера его. Въ Рыбинскѣ пріѣздъ чиновника не производитъ никакой тревоги; здѣсь же все это дрожитъ, трепещетъ, чуть не поддерживаетъ подъ ручку, когда идешь, такъ что не знаешь, какъ съ ними и быть. Въ тотъ же день налетѣли ко мнѣ чиновники разныхъ вѣдомствъ, вовсе не нашего министерства, безо всякой нужды, въ мундирѣ. Сажаешь ихъ,—отвѣчаютъ: «я и постою». Простой же народъ здѣсь какъ-то грубъ и дикъ. Пошехонскій уѣздъ составляетъ совершенное исключеніе изъ общаго опредѣленія Ярославской губерніи. Онъ хлѣбороднѣе другихъ, и крестьяне здѣшніе болѣе остаются дома, не такъ, какъ въ прочихъ уѣздахъ. Можно было бы думать, что онъ отъ этого нравственнѣе и лучше. Нисколько. Мнѣ кажется даже, что здѣсь уже другое племя, населеніе, одинаковое съ Вологодскимъ; избы у нихъ большею частію курныя, сообщеніе, даже между собою, трудное, церквей и священниковъ мало, а раскольниковъ тьма, болѣе упорныхъ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, однакоже не фанатиковъ; наконецъ, лѣса и лѣса, огромные, глухіе, сообщающіеся съ Вологодскими и идущіе чуть ли не до Архангельска,—способствуютъ другому воспитанію.— Но купцы и мѣщане здѣсь самое скверное народонаселеніе. Принявшись за дѣла, я скоро былъ обданъ чадомъ лжи, клеветъ, ябедъ, кляузъ, ссоръ, споровъ, тяжбъ, исковъ, доносовъ, сутяжничества и всякаго дрязга. Едва ли найдется здѣсь купецъ или мѣщанинъ, у котораго бы не было тяжебнаго дѣла! Всякая мѣщанка смотритъ такъ, какъ будто она лѣтъ 20 служила въ Магистратѣ. При послѣднихъ выборахъ изъ баллотировавшихся въ градскіе Головы не нашлось ни одного, который бы не бывалъ подъ судомъ. Всѣ другъ съ другомъ въ ссорѣ; существуетъ даже слово особенное: «Сводъ-закончикъ», т. е. знающій хорошо Сводъ. Что заведетъ одинъ Голова, то преемникъ его раздѣлываетъ. Общественныхъ Собраній почти никогда не бываетъ и вообще общинное начало не сильно. Я нашелъ даже въ дѣлахъ то, чего не на-

ходилъ въ другихъ городахъ: велѣно было спросить общество, согласно ли оно такого-то уволить отъ службы по уважительнымъ причинамъ: часть общества согласилась, другая—нѣтъ и составили два приговора. Въ Рыбинскѣ и въ случаѣ несогласія не составятъ подобнаго акта, свидѣтельствующаго о разъединеніи, а несогласные просто не подпишутъ, не отмѣчая своего несогласія, или же согласятся. Впрочемъ, Губернское Правленіе, служащее посредникомъ въ этомъ случаѣ, разрѣшило споръ Пошехонцевъ по собственнымъ, справедливымъ соображеніямъ. За то нигдѣ такъ не соблюдаются формы, какъ здѣсь. Да и нельзя иначе: всякій боится доноса и придирки. Ни въ одномъ изъ ревизованныхъ мною городовъ не соблюдаются такъ всѣ эти законныя правила, до самой мелочи. Напр. торги. Въ прочихъ городахъ торги на продажу городскаго поземельнаго участка, на подряды — собственно по городу—безуспѣшны: въ Рыбинскѣ прежде всего потому, что есть занятія торговыя, болѣе прибыльныя, въ другихъ мѣстахъ — Богъ знаетъ отъ чего. Здѣсь же напротивъ: цѣна на торгахъ надбивается въ 20, въ 30 и болѣе разъ. У всякаго есть свои пріятели, которые являются на торги безо всякой нужды, только чтобы насолить ему. Просто даже смѣшно читать торговые листы, потому что мнѣ уже извѣстны отношенія торгующихъ между собою.—Городничій здѣсь Бѣляевъ, человѣкъ слабый, старый и, по выраженію Стряпчаго, безкорыстный *почти* человѣкъ; Стряпчій — битый, колоченный и откуда-то уже разъ выгнанный. Объясните теперь, почему это; почему въ Рыбинскѣ съ его 25-ю трактирами, съ его безпрерывными сношеніями съ Петербургомъ, съ его нѣкоторою развращенностью въ особомъ смыслѣ, столько единодушія, здраваго ума и, такъ сказать, вѣжливости. Они сами говорятъ про себя: мы народъ вѣжливый; кромѣ того, въ Рыбинскѣ, несмотря на заботы о немъ Правительства, меньше всего соблюдаются законыя формы - гарантіи и недовѣрчивости. — Тутъ могутъ быть разныя причины: 1) единство направленія въ торговлѣ, довольство съ чувствомъ силы и независимости, денежная самостоятельность, заставившая Правительство уважать себя и откупившая себѣ свободный голосъ. Главное: *довольство*. Рыбинскъ счастливъ и имѣетъ счастливую бу-

душность, а счастье почти всегда дѣлаетъ человѣка лучше и склончивѣе; 2) долгое управленіе умныхъ Головъ, снискавшихъ себѣ уваженіе общества и всякія отличія отъ Правительства, Головъ, которые и по сдачѣ должности призываются на совѣтъ, имѣютъ сильное вліяніе. Разумѣется, и тамъ есть партіи, но они стараются скрыть это. Здѣсь же нѣтъ и не было порядочнаго Головы. Нѣкоторые Пошехонцы, поумнѣе другихъ, говорили мнѣ, что недостаетъ имъ человѣка, который бы умѣлъ править ими; другіе не хотятъ слушать *своего* брата и охотно повинуются власти Правительственной. Я всегда не любилъ общихъ категорическихъ опредѣленій о нравственности жителей, но долженъ сознаться, что ихъ нельзя не принять. Напр. про Романовцевъ говорятъ, что тамъ народъ плутъ; про Мологу — *сутяги;* про Пошехонь: «народъ грубый». Въ Мологѣ, говорятъ, сутяжничества еще больше, и каждый мѣщанинъ ходитъ съ листомъ гербовой бумаги за пазухой. Мнѣ всегда казалось, что дѣлать подобныя опредѣленія опасно, что черта, приписываемая такому-то мѣсту, временная или случайная, но нѣтъ; кромѣ обычая внѣшняго, есть характеръ наслѣдственный, есть и въ людяхъ порода, отъ вліянія которой, само собою разумѣется, каждый можетъ освободиться не только чисто-христіанскимъ просвѣщеніемъ, но и образованностью мірскою. — Городъ бѣденъ, потому что отдаленъ отъ трактовъ, отъ большой дороги, пролегающей черезъ всю Ярославскую губернію, отъ Волги. Но впрочемъ, при другомъ характерѣ жителей, онъ могъ бы создать себѣ прибыльную дѣятельность.—Въ 10-ти верстахъ отъ Рыбинска, 20-ти или 30-ти отъ судоходной Шексны, съ рѣкою (Югожей), впадающею въ Шексну и въ полую воду свободною къ сплаву барокъ,—Пошехонь можетъ еще похвалиться своимъ выгоднымъ положеніемъ. Но что тутъ дѣлать. Всѣ мои хлопоты объ увеличеніи городскихъ доходовъ и объ устройствѣ городскаго хозяйства будутъ рѣшительно безуспѣшны при такихъ нравахъ жителей... Остается только ухватиться за одно предложеніе нѣкоторыхъ купцовъ, не выработанное ими, оставленное ими по общему нерадѣнію къ общей пользѣ, по занятію ябедами и тяжбами· это соединеніе рѣки Соги посредствомъ разныхъ рѣкъ и канала съ Сухоной, съ Во-

логдой, съ Архангельскомъ... Буду писать объ этомъ хоть, разумѣется, и не добьюсь успѣха. — Приходъ здѣсь всего одинъ: соборъ съ теплою церковью и еще съ кладбищенскою, въ которой служатъ только лѣтомъ. Строеніе большею частію деревянное, но на главныхъ улицахъ довольно чистое. — Если бы Вы знали, какая тоска! На дворѣ дождь, вѣтеръ, холодъ, слякоть, грязь; выйти нельзя, стихи не пишутся, да и некогда среди этого дрязга ябедъ, которыя приходится разбирать; да и мѣста нѣтъ: со мною теперь безотлучный спутникъ Эйсмонтъ.

1-го Октября 1849 года. Суббота. Пошехонье.

Письмо Ваше отъ 22-го Сентября получено мною вчера утромъ. — Въ день Вашихъ имянинъ я собирался ѣхать въ Андріановъ монастырь, но узналъ, что Игуменъ съ монастырскими иконами въ городѣ, а потому не поѣхалъ.—Въ Воскресенье былъ я въ соборѣ. Соборъ довольно старинный снаружи, но внутри передѣланъ лѣтъ съ 50, — вообще же хорошъ. Есть нѣкоторыя древнія иконы, уважаемыя и нашими и старовѣрами; особенно же почитается огромная икона Спасителя такихъ же размѣровъ, какъ и въ Романовѣ. Но болѣе всѣхъ привлекаетъ къ себѣ богомольцевъ почитаемое чудотворнымъ восковое изваяніе Спасителя. Христосъ представленъ сидящимъ въ темницѣ, во весь человѣческій ростъ. Вмѣсто темницы, разумѣется, огромный стеклянный шкафъ, съ дверями. Изваяніе—все восковое—сдѣлано необыкновенно хорошо, такъ что страшно, особенно же потому, что видишь одно лицо, а остальное все покрыто мантіями, исключая рукъ, высовывающихся изъ-подъ широкой одежды. Признаюсь, на меня это произвело непріятное впечатлѣніе; но у женщинъ, особенно у простыхъ бабъ, это изваяніе въ большомъ уваженіи, и непріятно видѣть, какъ раскрывая полы одежды, они прикладываются къ восковымъ ногамъ. Одинъ мѣщанинъ разсказывалъ мнѣ, что изваяніе это привезено въ Пошехонь назадъ тому лѣтъ 60, что кто-то видѣлъ его во снѣ и исцѣлился. Не въ духѣ Православной Церкви подоб-

ныя раскрашенныя восковыя изображенія, но слово *чудотворное* заставляетъ молчать. Онъ же разсказывалъ мнѣ, что въ соборѣ есть образъ, гдѣ Богородица съ Іисусомъ Христомъ нарисована чрезвычайно отчетливо, величиною не болѣе овсяннаго зерна, почему этотъ образъ также въ величайшемъ почитаніи. Впрочемъ, всякая рѣдкость искусства или природы кажется чудомъ народу. Этотъ же мѣщанинъ приносилъ мнѣ показывать небольшой камушекъ, величиною съ гривенникъ, на гладкой поверхности котораго есть темныя и свѣтлыя жилки. Если долго и пристально смотрѣть, такъ дѣйствительно кажется, что эти жилки образуютъ собою лицо и половину фигуры старика, почитаемаго имъ за Господа Саваоѳа. Я, разумѣется, не дерзнулъ выказать ему свое невѣріе, отвѣчалъ ему въ его же тонъ и спросилъ его, что онъ думаетъ дѣлать съ этимъ камнемъ?—Хочу его представить, отвѣчалъ онъ.—Кому?—«Тому, кто дѣлалъ надпись на Исакіѣ». Я сначала не понялъ, а потомъ онъ объяснилъ мнѣ, что Исакій—это Исакіевскій соборъ въ Петербургѣ, а дѣлавшій надпись—Государь!... Приходилъ ко мнѣ также одинъ мужикъ деревни Погорѣлки, Пошехонскаго уѣзда, торгующій по уѣзду тряпьемъ и книгами. Я посылалъ за нимъ, чтобы узнать, нѣтъ ли у него книгъ старыхъ. Этотъ мужикъ очень уменъ, но книжникъ и просто не говоритъ, а все библейскими славянскими высокопарными выраженіями. Впрочемъ, онъ православный, но сознался мнѣ, что иногда «смущается и колеблется его умъ». И кто же въ этомъ виноватъ, по его же словамъ? Правительство своимъ снисхожденіемъ. «Зачѣмъ, говоритъ онъ, Государь позволилъ благословенныя церкви, а въ нихъ и употребленіе старопечатныхъ книгъ, для чего въ Москвѣ въ синодальной типографіи разрѣшено печатаніе старыхъ, неисправленныхъ книгъ»? Это было сдѣлано съ цѣлью распространить между раскольниками благословенныя церкви, признающія подчиненность Архіерею, и сравненіемъ книгъ старыхъ съ новыми, возможнымъ для каждаго,—доказать неважность различія, ибо раскольничьи наставники много берутъ тѣмъ, что врутъ и лгутъ между безграмотными мужиками въ волю. А этотъ мужикъ говоритъ мнѣ, что какъ сравнишь старыя

книги съ новыми, такъ поколеблется умъ. Я говорилъ одному купцу, что различіе не касается существенныхъ основаній вѣры. Нѣтъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, есть и *существенное* различіе: у васъ ходятъ противъ солнца, а у старовѣровъ—посолонь! Тутъ и замолчишь. Я употребилъ все стараніе, чтобы утвердить этого мужика въ православіи, потому что онъ пользуется большимъ авторитетомъ и легко можетъ сдѣлаться проповѣдникомъ. Впрочемъ, по его словамъ, онъ имѣетъ презрѣніе къ здѣшнимъ старообрядцамъ за ихъ лживую, лицемѣрную жизнь. Однакоже не онъ одинъ, но многіе православные часто приводятся въ смущеніе раскольниками Этотъ же мужикъ вмѣстѣ съ другимъ мѣщаниномъ, сообщая мнѣ разныя свои недоумѣнія, разсказали, что года два тому назадъ, какъ велѣно было очистить Пошехонскіе лѣса, нашли тамъ одну старуху-раскольницу, которую и повели вонъ изъ лѣса, а келью ея разломали (эти лѣса вмѣстѣ съ кельями служили и служатъ пріютомъ бѣглымъ солдатамъ, каторжникамъ, ворамъ, конокрадамъ, прикидывающимся раскольниками). Проходя мимо проруби (это было зимой), старуха, въ виду всего народа, съ словами: «тебя я ради, Господи!»—бросилась въ прорубь. Смутился народъ и не зналъ, почесть ли ее святой, не признать ли святымъ и дѣло, за которое она умерла?—Я объяснилъ спрашивавшимъ меня, что она нисколько не святая, а дѣло—еще менѣе: христіанскіе мученики ждали страданій, а не бросались въ воду, сами на себя рукъ не накладывали, были всѣ убіенные, а не самоубійцы. Кромѣ того, еслибы даже и пошла на страданія и вынесла ихъ мужественно, — не должно и этимъ смущаться; при этомъ я разсказалъ имъ примѣры фанатическаго мученическаго самоотверженія въ такихъ сектахъ, разсказъ о которыхъ заставлялъ ихъ креститься и отплевываться. Не знаю, убѣдилъ ли я ихъ, только они очень искренно благодарили меня за бесѣду. Да и не они одни въ правѣ смущаться. Кого не поколеблетъ искренность убѣжденія во лжи и заблужденіи; какъ согласить эту высокую нравственную сторону (убѣжденіе, способное на всякую жертву и муку) съ безнравственностью предмета убѣжденія! Хитрое дѣло—душа человѣка: въ ней способны рядомъ и

дружно жить ложь и правда, грязь и чистота, зло и добро. Судить человѣка, по настоящему, можно только *относительно*; абсолютно же можетъ судить только одна сама, недоступная человѣку, абсолютная Истина—Богъ.—Можете себѣ представить, кто здѣсь городничимъ? Маіоръ Бѣляевъ, тотъ самый, который былъ въ Белебеѣ и уѣхалъ оттуда въ 1823 году. Онъ живетъ уже лѣтъ 17 въ Пошехоньѣ! Онъ попался здѣсь въ одну непріятную исторію и потому ухаживаетъ за мною какъ нельзя больше. Отъ кого-то онъ узналъ, что я Оренбургскій, вспомнилъ Белебей и прискакалъ ко мнѣ объявить, что онъ меня носилъ на рукахъ, что онъ частехонько бывалъ въ Надеждинѣ, припомнилъ разные стихи Ваши, милый Отесинька, про Юсупова, Наврозова и пр. Я, впрочемъ, объяснилъ ему, что если онъ уѣхалъ въ первой половинѣ 1823 года, такъ не могъ носить меня на рукахъ. Это самый плохой городничій, добрый весьма, но глупый и слабый донельзя. Лѣнивый его здѣсь не обижаетъ, солдаты не слушаются, градскій Голова, первостатейный мошенникъ, командуетъ имъ, дѣла идутъ скверно, а самъ Бѣляевъ человѣкъ не злоумышленный и добрый, очень добрый. Онъ проситъ моего покровительства, и я писалъ нынче кому слѣдуетъ, что Бѣляевъ провинился не съ умысла, а «*съ дуру*» и чтобъ это приняли въ соображеніе. По настоящему, я могъ бы уже уѣхать изъ Пошехонья, но мнѣ хочется обличить и вывести на чистую воду купца Серебрякова, здѣшняго Голову, мерзавца, какихъ мало, покровительствуемаго Губернаторомъ, а потому на каждомъ шагу встрѣчаю препятствія и затрудненія. Но какъ я рѣшилъ поставить на своемъ, то и не выѣду изъ Пошехонья до тѣхъ поръ, покуда не получу всѣхъ затребованныхъ свѣдѣній, въ доставленіи которыхъ отказываетъ мнѣ здѣшній Магистратъ, отзываясь (лично мнѣ), что боится Серебрякова, какъ человѣка «*сильнаго*». За этотъ отзывъ имъ должно крѣпко достаться, и вся эта недѣля прошла у меня въ досадѣ.—Въ Понедѣльникъ былъ мой день рожденія и имянинъ. Мнѣ 26 лѣтъ!

1849 года, Октября 18-го. Вторникъ. Угличъ.

Вчера получилъ я два письма Ваши или, лучше сказать, отъ Васъ только, милый Отесинька, отъ 6-го и 10-го Октября: одно изъ нихъ прогулялось въ Пошехонь, другое уже не застало меня въ Рыбинскѣ. Вотъ уже пять дней, какъ я въ Угличѣ. Я пріѣхалъ сюда въ Середу вечеромъ изъ Рыбинска, который отъ Углича всего 72 версты. Угличъ и съ Москвою и съ Петербургомъ можетъ сноситься 4 раза въ недѣлю: въ Москву—черезъ Тверь и черезъ Ярославль; первый путь даже ближе, но не для Васъ, которые живете на Ярославской дорогѣ. Въ Петербургъ также двѣ дороги: черезъ Тверь и черезъ Рыбинскъ. Я этому очень радъ, по крайней мѣрѣ здѣсь не такъ, какъ въ Пошехони, куда почта приходитъ разъ въ недѣлю.—Я желалъ бы очень, чтобы Константинъ пріѣхалъ сюда полюбоваться на Угличъ, и жалѣю, что самъ попалъ сюда въ такое позднее время года, когда благодѣтельная гнусность погоды мѣшаетъ прогулкѣ. Хорошъ, очень хорошъ этотъ городъ, живописно раскинутый по обоимъ берегамъ Волги, съ своими 26-ю церквами, колокольнями и 3-мя монастырями. Вы чувствуете, что живете въ старинномъ городѣ: это доказываетъ вамъ и историческое воспоминаніе на каждомъ шагу, и религіозная физіономія города, и самое расположеніе его—просторное и обширное. Послѣ Ярославля и Ростова—это самый населенный городъ въ здѣшней губерніи: въ немъ до 10 тысячъ жителей. Въ Рыбинскѣ лѣтомъ бываетъ тысячъ до ста и болѣе, но все иногородныхъ, тогда какъ собственно рыбинскихъ—очень мало, вполовину меньше противъ Углича.—Впрочемъ, древняя старина Углича вся забыта имъ, вся поглащена памятью о Царевичѣ Димитріѣ, о которомъ хранится и передается изъ рода въ родъ самое живое преданіе. Много значитъ, когда исторія связываетъ тѣсно съ религіознымъ преданіемъ! Не будь этого, древній городъ Угличъ испыталъ бы участь, одинаковую съ другими древними городами. Но здѣсь стоитъ ее теремъ, гдѣ показываютъ спальную Царевича; но на мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ, воздвигнута церковь съ названіемъ: церковь Царевича Димитрія *на крови*; но во всѣхъ церквахъ каждый день возглашается его имя, и въ каждой церкви

стоитъ его образъ. Каждый Угличанинъ знаетъ подробно всю исторію Царевича, какъ священную Исторію, и Угличъ любитъ его самого живою любовью. Пусть господа ученые доказываютъ, что не Годуновъ былъ причиною его смерти или что Самозванецъ былъ истинный Димитрій... Я совѣтовалъ бы имъ не говорить этого въ Угличѣ. Церковь и народъ свято вѣрятъ въ событіе. Не только стѣны внутри церкви Царевича, но и во многихъ другихъ церквахъ—стѣны расписаны изображеніями и убіенія Царевича и убіенія народомъ Битяговскаго съ сообщниками —Мощей Димитрія нѣтъ въ Угличѣ. Ихъ взяла Москва для свидѣтельствованія лжи Самозванца, потому что смерть Царевича сдѣлалась событіемъ всей земли русской, и Москвѣ, какъ представительницѣ земли, необходимо было имѣть ихъ. Угличане понимали эту необходимость и за городомъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ разставались съ мощами, построили церковь. Въ «Царевской» церкви, т. е. на крови, хранится пустая серебряная рака, въ которой вмѣсто мощей лежитъ изображеніе его, вышитое шелками, матерью его инокиней Мареой; хранится и икона, ею подаренная, гдѣ вдѣланы: маленькій ковчегъ съ землею, на которой онъ былъ убитъ, слѣдоватетьно, орошенною его кровью, и орѣхи, найденные въ его рукѣ и сохраненные матерью; въ соборѣ сберегается покровъ, обрѣтенный нетлѣннымъ во гробѣ Царевича. Преданіе о Царевичѣ необыкновенно живо и поглотило всѣ прочія; да не мудрено уже и потому, что смерть его сдѣлалась самымъ важнымъ и яркимъ событіемъ въ нашей исторіи. Съ именемъ его вспоминаются имена всей этой эпохи, и Годунова, и Лжедимитріева, и Шуйскаго, и многихъ другихъ! Въ Угличѣ нѣтъ церквей позднѣйшей постройки; самая поздняя постройка была въ 1713 году, какъ кажется. Въ этомъ году былъ выстроенъ Преображенскій соборъ, который удивительно какъ хорошъ. Внутри собора замѣчательно то, что въ немъ нѣтъ столбовъ, а весь этотъ огромный верхній сводъ утвержденъ на четырехъ стѣнахъ собора, и это производитъ необыкновенный эффектъ. Какія здѣсь есть прекрасныя церкви. Вы все это увидите, потому что я еще прежде приказалъ снять виды почти со всѣхъ церквей Угличскихъ и вообще всей губерніи: надѣюсь привезти Вамъ это все къ Рождеству.—

Здѣсь многіе занимаются древностью, особенно мѣщанинъ Серебренниковъ, корреспондентъ Погодина (который самъ въ Августѣ мѣсяцѣ, говорятъ, проѣзжалъ черезъ Угличъ), раскольникъ, впрочемъ. Въ городѣ у нѣкоторыхъ сохранялись лѣтописи Угличскія: кажется, Погодинъ все перебралъ; впрочемъ, и Археографическая Экспедиція взяла копіи со всѣхъ хранящихся здѣсь грамотъ и напечатала ихъ.—Я еще не осмотрѣлъ вполнѣ города, но на дняхъ буду осматривать его вмѣстѣ съ Серебренниковымъ.—Несмотря на то, что здѣсь есть нѣсколько человѣкъ раскольниковъ, народъ въ городѣ положительно православный и отличается рѣзко отъ прочихъ Ярославскихъ городовъ своимъ усердіемъ къ церкви. Это доказываетъ благолѣпіемъ и даже роскошью всѣхъ 26 церквей города.—Другая черта Угличанъ и тоже замѣчательная—та, что онѣ всѣ домосѣды; это относится къ жителямъ не уѣзда, а собственно города, которые, за исключеніемъ самаго малаго числа, занимающагося торговлей съ Петербургомъ и другими городами,—торгуютъ всѣ у себя дома, въ городѣ и въ уѣздѣ. Отъ этого лавокъ и торговцевъ здѣсь премножество и торговля самая средняя. Капиталистовъ здѣсь нѣтъ почти вовсе, и торговцы городка Мышкина, въ 30-ти верстахъ отъ Углича, при тѣхъ же самыхъ условіяхъ мѣстности, торгуютъ вдесятеро богаче, потому что пользуются Волгою и занимаются всѣ судоходною торговлею. Здѣсь есть человѣкъ до 500 мѣщанъ, называемыхъ холщевниками, которыхъ весь промыслъ состоитъ въ томъ, что у крестьянъ уѣзда, пріѣзжающихъ въ городъ съ холстомъ (здѣсь уѣздъ особенно отличается производствомъ холста), они ночью или рано поутру покупаютъ холстъ и въ тотъ же день перепродаютъ его крупнымъ торговцамъ, получая самую пустую прибыль, иногда двугривенный или четвертакъ въ день. Въ другихъ городахъ Ярославецъ ушелъ бы съ паспортомъ искать прибыли по Россіи, а здѣсь этого обычая нѣтъ. Я добивался объясненія въ этомъ недостаткѣ предпріимчивости, но мнѣ отвѣчали: нѣтъ обычая, не завелось. И дѣйствительно Угличъ, который въ старину былъ гораздо обширнѣе теперешняго, прежде могъ довольствоваться и довольствовался вполнѣ своею торговлею; но теперь, какъ торговля развилась повсюду, и городъ не имѣетъ ни прежняго значенія,

ни прежняго числа жителей, онъ обѣднѣлъ. Впрочемъ, объ этомъ еще надо подумать да и обслѣдовать это обстоятельство ближе. Я помѣщенъ здѣсь прекрасно; хозяинъ бодрый старикъ лѣтъ 70-ти, чрезвычайно заботливъ, да и вообще народъ здѣсь очень вѣжливъ. Не думайте, впрочемъ, что древній характеръ города и присутствіе священныхъ памятниковъ старины удерживаютъ жителей въ томъ видѣ, въ какомъ бы желалось ихъ видѣть, напр. Константину. Нѣтъ, они всѣ религіозны и помнятъ старину—не какъ дѣло быта, а какъ священное преданіе. Т. е. какъ бы Вамъ это выразить яснѣе? Событіе напр. Еврейской или Христіанской Священной Исторіи, будучи свято и съ вѣрою почитаемо, остается все же внѣ быта; такъ и старина Углицкая, получивъ чисто религіозный характеръ, отрѣшилась отъ быта и свято, усердно, богомольно почитаемая, дѣйствуя даже на нравственный характеръ, не имѣетъ вліянія на внѣшній бытъ. И противъ церкви Царевича Димитрія на крови стоитъ трактиръ *Фениксъ*, принадлежащій набожному купцу, одѣвающемуся по Нѣмецки, а жены, жены купеческія, какъ и всюду, опережаютъ мужское племя по пути къ соблазну и не носятъ кичекъ, а одѣваются по послѣдней модѣ. Грѣшный человѣкъ, мнѣ пріятнѣе видѣть ихъ съ открытыми волосами, причесанными à la Reine Blanche, или въ этомъ родѣ, и съ бѣлыми зубами и съ шляпками французскими, нежели чопорную купчиху въ кичкѣ, съ густо-набѣленными и нарумяненными щеками и съ черными зубами, купчиху чванную, спѣсивую до нельзя, или бы купеческую дочь, съ волосами, обращенными въ толстый, кулака въ три, жгутъ, мотающійся назади. Согласенъ, что отъ французской шляпки недалеко къ худшему; но если бы можно было освободиться отъ некрасивой стороны національнаго характера и быта и сохранить нравственныя преданія, было бы хорошо!.. Я люблю крестьянина столько же, сколько и Константинъ, но терпѣть не могу древняго *бояриш* и *боярскаго* быта, отличавшагося всегда отъ крестьянскаго спѣсью, гордостью, чопорностью... Бояре не пѣли пѣсенъ.. Константинъ писалъ какъ-то разъ ко мнѣ по поводу моего письма, что я, хваля крестьянина, не говорю ничего новаго. Но я хочу выразить ту мысль, что бытъ крестьянскій вовсе не долженъ быть

выраженіемъ старины и что крестьянинъ такъ же мало похожъ на брюхана-боярина, какъ на брюхана-купца.—Однако пора и очень кончать письмо. Съ слѣдующею почтою напишу Вамъ еще. Чтобы Константину пріѣхать на нѣсколько дней. Вѣдь это всего верстъ 200 съ небольшимъ, если ѣхать не почтовой дорогой, а съ даточными извощиками на Колязинъ. Правда и то, что дорога гнуснѣйшая всюду; ну да мужчинъ это не должно останавливать. Я здѣсь думаю пробыть не позже, какъ до половины Ноября, но на будущій годъ, лѣтомъ, когда стану ревизовать Мышкинъ, пріѣду непремѣнно въ Угличъ опять. Мнѣ онъ очень нравится.

21-го Октября 1849 года. Пятница. Угличъ.

Не знаю, успѣю-ли я докончить письмо къ завтрашней почтѣ, но на всякій случай, пользуясь свободнымъ временемъ, продолжаю Вамъ свое повѣтствованіе объ Угличѣ. Необыкновенно красивъ этотъ городъ! И что всего замѣчательнѣе: оригинально красивъ и не похожъ на прочіе города. Главную его особенность составляетъ то, что онъ расположенъ не только на обоихъ берегахъ Волги, но и на четырехъ оврагахъ или ручьяхъ, протекающихъ въ Волгу. Черезъ овраги построены или просто набросаны мосты; мостовъ премножество, а Вы знаете, какая вообще красивая вещь — мостъ. На площадяхъ, въ разныхъ направленіяхъ стоятъ каменные ряды лавокъ съ арками; Волга течетъ не прямо, а дѣлаетъ крутой поворотъ, почти острый уголъ, и съ него поворачиваетъ городъ. Древнія церкви, мосты, овраги, Волга съ крутымъ поворотомъ и зелень садовъ (воображаемая, потому что теперь листья опали) — все это даетъ необыкновенную прелесть общему виду города. Нынче, на закатѣ солнца, я долго любовался имъ, любовался до тѣхъ поръ, пока не пришли содержатели бойни, съ которыми надо было толковать объ акцизѣ, платимомъ въ Думу. Противъ моихъ оконъ есть церковь, въ стѣнахъ которой закладено тѣло младенца, убитаго лѣтъ за 200 передъ симъ или около этого. Изустное преданіе и рукописная Угличская лѣтопись, доведенная до 1713 года, кажется, говорятъ, что въ 1650 году (по крайней мѣрѣ мнѣ такъ разсказывали) работникъ купца

Чеполозова, будучи золъ на своего хозяина, вздумалъ выместить свою злобу на сынѣ его, семилѣтнемъ мальчикѣ. Въ день Семика, когда всѣ шли прогуляться къ *«убогому дому»* (объ этомъ я разъясню ниже), вызвалъ и онъ ребенка для прогулки, затащилъ къ себѣ, долго и жестоко мучилъ, наконецъ убилъ самымъ варварскимъ образомъ. Дней черезъ 20 тѣло нашли неиспорченнымъ, похоронили, и когда отецъ его лѣтъ черезъ 25 вздумалъ строить тутъ церковь, то открыли гробъ и увидали, что тѣло осталось нетлѣннымъ. Донесли Ростовскому митрополиту Іонѣ Сысоевичу, который однако же не обратилъ особеннаго вниманія на это донесеніе, не приказалъ сдѣлать надлежащаго освидѣтельствованія, но велѣлъ, впрочемъ, тѣло заложить въ церковную стѣну. Съ того времени и до сихъ поръ Угличане усердно служатъ панихиды по маленькомъ Чеполозовѣ и почитаютъ его святымъ. Угличу хочется имѣть у себя еще святаго отрока, невинно пострадавшаго. Я не отвергаю въ этомъ случаѣ народной увѣренности, но или судьба Углича такова, или наконецъ это все подтверждаетъ то, что я Вамъ и прежде писалъ, именно, что образъ малолѣтняго страстотерпца Димитрія, какъ называетъ его Церковь, образъ, такъ горячо и усердно ими любимый, постоянно присущъ ихъ памяти и затмеваетъ собою другіе, строгіе образы Церкви и лики святыхъ. О другомъ святомъ, право, и не услышишь въ Угличѣ, а маленькій Чеполозовъ повторялъ имъ собою исторію Димитрія. Впрочемъ, — опять говорю,—я вовсе не отвергаю истинности и этого событія.— Да, теперь о Семикѣ. Можетъ быть, Вы знали, но я не зналъ, что до 1770 года существовалъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, въ томъ числѣ и въ Угличѣ, такой обычай: всѣхъ «несчастно умершихъ» (т. е. насильственною или случайною смертью) въ теченіе цѣлаго года—не хоронили, но складывали въ убогій домъ, гдѣ трупы и оставались до Семика. Въ этотъ день ихъ погребали. Мнѣ разсказывали это тѣ, которымъ передавали это очевидцы; говорятъ, есть еще въ городѣ и такіе, которые это помнятъ. Екатерина уничтожила этотъ вредный обычай.—Знаете-ли Вы, какая промышленность процвѣтаетъ въ этомъ древнемъ городѣ? *Колбасная* и холщевая. Здѣсь множество колбасныхъ заводовъ;

я хотѣлъ что-нибудь вывезть на память этого города, что-нибудь особенное, ему принадлежащее; образовъ здѣсь не дѣлаютъ, хотя и есть одинъ иконописецъ; поэтому я искалъ чего-нибудь изъ другихъ издѣлій, спрашивалъ и бритыхъ и брадатыхъ, и всѣ указывали на Угличскія колбасы, отправляемыя въ большомъ количествѣ въ Петербургъ.—Я назвалъ Вамъ въ послѣднемъ письмѣ мѣщанина Серебренникова раскольникомъ. Такъ говорили мнѣ объ немъ. Но познакомившись съ нимъ ближе, я убѣдился, что онъ вовсе не раскольникъ, а занятія его заставляли предполагать въ немъ раскольника. Онъ здѣсь умнѣе, всѣхъ и потому его и не очень любятъ граждане. Это человѣкъ очень замѣчательный. Мало способный къ торговлѣ, какъ съ презрѣніемъ отзываются о немъ купцы, онъ—живая лѣтопись города—знаетъ исторію каждаго камня въ немъ и любитъ старину, но любитъ ее какъ ученый, отдѣляя ее отъ живаго своего быта. Странное дѣло, а кажется такъ: Угличъ—историческая мѣстность, полная древнихъ воспоминаній. Но вся эта сторона Углича для массы его народонаселенія—превратилась въ одно религіозное преданіе, стоящее внѣ живаго быта; отъ этого Угличане хотя и набожны, но вовсе не болѣе связаны съ древнимъ бытомъ, чѣмъ жители Рыбинска и другихъ городовъ. Бритой молодежи здѣсь даже болѣе, чѣмъ въ Рыбинскѣ, гдѣ купцы богаче и самостоятельнѣе; общинный характеръ представляетъ здѣсь жалкое явленіе, о чемъ я буду писать послѣ. Эта же историческая мѣстность создаетъ и такихъ людей, изыскателей старины и любознательныхъ, какъ Серебренниковъ. Вы найдете это въ каждомъ древнемъ городѣ. Я знаю одного въ Ярославлѣ и, вѣрно, найду подобныхъ же и въ Ростовѣ. Но отрѣшенные отъ непосредственной связи съ древнимъ бытомъ, они уже являются въ отношеніи къ нему какъ люди сознающіе, любознательные, анализирующіе. Вчера явился ко мнѣ этотъ мѣщанинъ (между прочимъ онъ ходитъ въ русскомъ платьѣ и съ широкой бородой) и удивилъ меня, признаюсь, просьбою сдѣлать обществу предложеніе слѣдующаго рода. «Мы всѣ, говорилъ онъ, и я въ томъ числѣ, подаемъ каждую Субботу нищимъ, но число нищихъ не уменьшается, потому что подаемъ зря и подаемъ большею частью недостойнымъ и об-

манщикамъ, между тѣмъ какъ истинные бѣдные, больные и престарѣлые или не хотятъ таскаться по окнамъ или же не въ силахъ и добрести до чужихъ дворовъ. А потому не лучше ли будетъ, чтобы каждый сосчиталъ, сколько въ теченіе года онъ передаетъ черезъ окошко (у купцовъ это дѣлается довольно аккуратно), и эту сумму вложилъ бы въ общій складочный капиталъ, который такимъ образомъ и долженъ составиться; затѣмъ выбрать изъ среды себя нѣсколько человѣкъ, учредить комитетъ или въ родѣ этого, который бы подлинно розыскивалъ о всѣхъ нищихъ и раздавалъ бы пособія истинно нуждающимся и проч. Словомъ, повторилъ общіе уставы подобныхъ учрежденій въ Москвѣ и въ Петербургѣ, учрежденій, съ которыми онъ, впрочемъ, не знакомъ. Это меня поразило. Да, какъ же братъ, хотѣлъ я сказать ему, а статья Константина?.. Разумѣется, я этого не сказалъ, но вспомнилъ тебя, Константинъ, тотчасъ. Вспомнилъ свои слова, сказанныя въ моей статейкѣ, что мы почти готовы ревновать къ современности, если она выставитъ такой вопросъ, о которомъ не задумывалась старина. Подумалъ я также, что слишкомъ мы рѣшительны въ своихъ выводахъ à priori о русскомъ народѣ, что изучая народъ по древнимъ памятникамъ, мы сами себѣ ставимъ рамки—слишкомъ правильныя, повидимому же строго логическія, какъ иностранцы, слишкомъ правильно говорящіе на чужомъ языкѣ; подумалъ, не посягаемъ ли мы черезъ чуръ на свободу жизненнаго народнаго тока, если это выраженіе не покажется слишкомъ вычурнымъ... Я не имѣю твердости убѣжденій Константина, рѣшился смиренно, безъ взглядовъ à priori, изучать современныя явленія и факты и, признаюсь, поколебалось во мнѣ многое, оробѣли мои умствованія, потерялъ я вѣру въ свои выводы. Выдвигая какое-нибудь положеніе, я говорю, какъ Каролина *): «Да, можетъ быть, а можетъ быть и нѣтъ»! Ужасный 1848-й годъ и просто жизнь въ комъ не поколебали вѣры въ человѣческія истины... Неужели ты не почувствовалъ ихъ ударовъ? Но что касается до внутренняго моего духа, то онъ прожилъ тяжелое, удушливое время,—да и теперь не легко.—Впрочемъ,

---

*) Каролина Павлова, писательница.

все это не можетъ относиться къ одному случаю Серебренниковскаго предложенія. Да и статья Константина направлена больше противъ веселой и пошло-общественной благотворительности. Я спросилъ Серебренникова: охотно ли приметъ это общество?—Едва ли, отвѣчалъ онъ, сомнѣваюсь, народъ-то здѣсь такой, не любятъ новости, темный народъ, не понимающій.—Я хотѣлъ возразить ему, что они, т. е. граждане, желаютъ, можетъ быть, чтобы благотвореніе совершалось втайнѣ, каждымъ отъ себя, но вспомнилъ, что это возраженіе было бы слишкомъ натянуто. Въ самомъ дѣлѣ, никому и при общественной благотворительности не запрещается благотворить втайнѣ, и не это чувство заставляетъ не желать нововведенія. Не тайная благотворительность—грошевое подаяніе нищимъ, которое ввелось непремѣннымъ обычаемъ. Я насмотрѣлся на это нынѣшнимъ лѣтомъ. Дѣломъ этимъ занимается всегда хозяйка. Нищіе являются огромною толпою и получаютъ—каждый не болѣе гроша мѣди; если дается копейка серебромъ, то нищій обязанъ дать сдачи; нищенки же обыкновенно пускаются въ разговоръ съ хозяйкой и передаютъ ей разныя новости и сплетни. Все это дѣлается совершенно холодно; нищіе даже уже не притворяются; получивши долю, они шибко толпою же отправляются къ другому раздавателю, гдѣ та же исторія. Эта хозяйка готова, какъ въ Романовѣ, закабалить дѣвку лѣтъ на 20 къ себѣ въ услуженіе въ уплату 100 рублевъ ассигнаціями;—эти нищіе или нищенки по вечерамъ пьянствуютъ или развратничаютъ, чему я самъ былъ очевидцемъ въ Рыбинскѣ.—«Всего труднѣе будетъ согласить старообрядцевъ», сказалъ я.—Старообрядцамъ, отвѣчалъ онъ, можно возразить, что и по Кормчей книгѣ, которую не могутъ не уважать старообрядцы, велѣно нищимъ имѣть непремѣнно свидѣтельство отъ Епископа.—Онъ просилъ моего содѣйствія, надѣясь на вліяніе мое, какъ Чиновника. Я подумалъ, подумалъ и написалъ объ этомъ бумагу двумъ Градскимъ Головамъ, здѣсь и въ Рыбинскѣ, требуя мнѣнія ихъ и общества по этому предложенію.—Сынъ Серебренникова также заставлялъ не разъ меня задумываться. Я былъ у его отца въ домѣ; старый, бѣдный домъ, каменный, о трехъ комнаткахъ; въ одной изъ нихъ живетъ сынъ Серебренникова. Когда я взо-

шелъ къ нему, то подумалъ, что попалъ въ кабинетъ ученаго. Книги, книги, рисунки и бумаги — все это, столько чуждое мѣщанскому быту, было тутъ. Сынъ Серебренникова, молодой, еще очень молодой человѣкъ, съ постоянно серьезной, задумчивой и грустной физіономіей, ходитъ въ нѣмецкомъ платьѣ и съ бритой бородой... Видно, что этотъ молодой человѣкъ томится жаждою просвѣщенія, страстно любитъ свои занятія, но не имѣетъ средствъ (денежныхъ) и, какъ видно, онъ, должно быть, нерѣдко предается горькому ропоту. Я было упрекнулъ его въ томъ, что онъ ходитъ не по русски, но въ душѣ своей совершенно понималъ и извинялъ его и самъ бы сдѣлалъ то же. Въ этомъ платьѣ ему вездѣ и ко всѣмъ болѣе доступа, въ этомъ платьѣ съ нимъ обращаются учтивѣе, наконецъ — это платье людей просвѣщенія. Онъ взялъ у отца своего все, что тотъ могъ передать ему изъ своихъ знаній, перечелъ всю библіотеку уѣзднаго училища, выбралъ изъ уѣздныхъ учителей все, что они въ состояніи были сообщить ему; но этого мало ему. Онъ читаетъ древнее письмо грамотъ совершенно свободно, занимается русской археологіей усердно, но любитъ ее, какъ науку, а желалъ бы вообще *просвѣщенія*. Въ комъ пробудилось сознаніе, кто вышелъ изъ этого общаго цѣльнаго быта массъ, тотъ, покуда не исчерпаетъ весь міръ сознанія, — не пойметъ важности и истинности вѣрнаго, хотя безсознательнаго чувства простаго народа. Я замѣтилъ, что молодой Серебренниковъ съ глубокимъ презрѣніемъ смотритъ на своихъ собратій купцовъ и мѣщанъ, на ихъ *невѣжество* и пр. Все это очень понятно. Мы, *просвѣщенные* просвѣщеніемъ, измученные сознаніемъ, обезсиленные анализомъ, мы желали бы иногда воротиться къ здоровому состоянію народнаго духа, мы съ уваженіемъ смотримъ на безсознательную и «*невѣжественную*» толпу, какъ на магнитную стрѣлку, которая вѣрно указываетъ путь, которою можемъ повѣрять себя... Но вотъ человѣкъ изъ этой же толпы, который, напротивъ того, жаждетъ всѣми силами души попасть въ ту же болѣзнь, въ которой и мы находимся! Съ какимъ замѣтнымъ внутреннимъ трепетомъ произноситъ онъ слово: просвѣщеніе! И хоть онъ говоритъ, что «любитъ свое, родное», но наше уваженіе къ народнымъ явленіямъ, къ авторитету

народному—ему не понятно. Все это такъ и должно быть. Въ самомъ дѣлѣ, въ своемъ кругу онъ не найдетъ людей, ему сочувствующихъ. Я самъ слышалъ насмѣшки купцовъ и мѣщанъ надъ этими Серебренниковыми за то, что они, полюбивши книги, упускаютъ торговлю, что они «неспособны къ торговымъ дѣламъ...» А міръ просвѣщенія такъ великолѣпенъ кажется ему издали, онъ не видитъ его гнилости, лѣзетъ на опасную и скользкую дорогу и, можетъ быть, поскользнется. Я замѣтилъ въ немъ нѣкоторое равнодушіе къ религіи... Само собою разумѣется, что я его не останавливалъ въ его стремленіи и не говорилъ ему того, чего онъ теперь понять не въ силахъ, — но, какъ скоро онъ произнесъ мнѣ слова: Европейское просвѣщеніе,—я указалъ ему на современное состояніе Европы и предостерегъ его, чтобы онъ на пути къ просвѣщенію держался бы вѣры и церкви, какъ якоря: въ противномъ случаѣ потокъ унесетъ его. Дай Богъ, чтобъ мои слова ему пригодились —Какимъ трудомъ, какими долгими сбереженьями достались ему всѣ эти книги! Сколько бы еще онъ хотѣлъ пріобрѣсть! Средствъ нѣтъ! Надо жить, надо торговать, надо имѣть деньги, чтобы откупиться отъ рекрутства. У него, кажется, прекрасныя способности и къ рисованію, все это самоучкой. Впрочемъ, я посовѣтовалъ ему зимою побывать въ Москвѣ, чтобы познакомиться съ нѣкоторыми людьми, которые могутъ доставить ему книги и другіе способы.—А вѣдь хорошая задача была бы для повѣсти и для драмы—изобразить эти двѣ противоположности: пресыщенное Европейское просвѣщеніе, сознающее свою гнилость, и молодую жажду просвѣщенія, дерзко и безразсудно разрывающую связь съ тѣмъ цѣльнымъ и здоровымъ бытомъ, котораго не коснулось просвѣщеніе (само собою разумѣется, что я не говорю тутъ о просвѣщеніи свѣтомъ вѣры: это другая статья, это другой вопросъ о томъ, въ какихъ отношеніяхъ между собою находятся — религіозная сторона Христіанскаго народа съ невѣжествомъ того же народа и какъ они другъ на друга дѣйствуютъ?) Здѣшніе холщевники употребляютъ между собою въ торговлѣ особенный языкъ, не похожій, впрочемъ, на Афенскій, какъ увѣряютъ. Нѣкоторыя слова чисто татарскія. Такъ какъ Серебренниковы занимаются холщевою торговлею, то я поручилъ моло-

дому собрать мнѣ слова этого языка.—На этой же недѣлѣ я былъ на одномъ пирогѣ, на которомъ было человѣкъ 50 купцовъ. Замѣчательнаго ничего не было. Слышалъ я только, какъ нѣкоторые старики сознавались въ «своей глупости», именно въ томъ, что лѣтъ 25 тому назадъ встрѣтили они сильнымъ негодованіемъ и ропотомъ разныя нововведенія Безобразова—мощеніе улицъ, исправленіе дорогъ, а теперь не нахвалятся и благословляютъ его.—Теперь о раскольникахъ. Въ здѣшнемъ городѣ ихъ очень мало, меньше, чѣмъ въ Рыбинскѣ, человѣкъ 10 мужчинъ, не болѣе, но за то трое изъ нихъ столбы раскола во всей губерніи. Это купцы Выжиловы и Долговъ. Выжиловы безпоповщинской секты; у нихъ въ домѣ живетъ нѣсколько старухъ и вообще женщинъ, въ родѣ женскаго монастыря, какъ это безпрестанно встрѣчается у безпоповщины. Всѣ эти бабы отдали Выжилову свои капиталы, и онъ одинъ изъ богатѣйшихъ. Недавно, за то, что онъ выстроилъ молельню безъ разрѣшенія Правительства, рѣшеніемъ Комитета Министровъ его велѣно посадить въ тюрьму. Онъ почетный гражданинъ и купецъ 2-й гильдіи. Приговоръ еще не исполненъ. По моему мнѣнію, его уже лучше было бы просто переселить за Кавказъ. Здѣсь же исполненіе этой временной мѣры придастъ ему болѣе святости въ глазахъ раскольниковъ. Эти три раскольника составляютъ исключеніе изъ общаго характера раскола Ярославской губерніи, раскола подлаго, трусливаго, двоедушнаго. Они же явно и дерзко исповѣдуютъ свои заблужденія и, само собою разумѣется, стараются всячески заманить православныхъ въ свой толкъ.

29-го Октября 1849 года. Угличъ. Суббота.

Съ послѣдней почтой я не получилъ отъ Васъ писемъ, но съ Вторничной почтой я получилъ письмецо отъ Васъ, милый Отесинька, и отъ Константина и одно письмецо отъ милой Маменьки изъ Москвы. Константина все еще нѣтъ и, если онъ не пріѣдетъ, то стыдно будетъ ему, потому что онъ упускаетъ лучшій и удобнѣйшій случай.—Итакъ Вы остаетесь эту зиму въ деревнѣ. Дай Богъ Вамъ провести ее не скучно и мирно, а главное—всѣмъ быть здоровыми.—Вчера

было общественное собраніе, на которомъ было человѣкъ 150; меня приглашали туда, но я не поѣхалъ, боясь своимъ присутствіемъ стѣснить свободу сужденій. Толковали о двухъ моихъ бумагахъ, по которымъ я требовалъ мнѣнія общества: 1) отъ какого числа лицъ долженъ исходить общественный приговоръ и что именно признавать общественнымъ приговоромъ, обязательнымъ для всѣхъ, а 2) о томъ, что для искорененія бродяжества нищихъ — не лучше ли дѣлать бѣднымъ вспоможенія болѣе существенныя, выбравъ изъ себя людей, которые бы розыскивали настоящихъ бѣдныхъ... Этимъ средствомъ, прибавлялъ я въ бумагѣ, не отнимается ни у кого право благотворить самому отъ себя и втайнѣ,—но полезнѣе дѣйствовать сообща; съ міру по ниткѣ—голому рубаха. По первому вопросу опредѣлили, что приговоръ можетъ назваться общественнымъ только тогда, когда подписанъ тоже 100 лицами: 40 купцами и 60-ю мѣщанами (въ Рыбинскѣ 70-ю купцами и 30-ю мѣщанами). Это число, впрочемъ, могло бы быть больше въ Угличѣ, гдѣ число собственно Углицкихъ жителей несравненно значительнѣе, чѣмъ въ Рыбинскѣ. Если же на какое-нибудь рѣшеніе не послѣдовало согласія 100 человѣкъ, то приговоръ признается несостоявшимся. Были нѣкоторые, которые предложили выбрать отъ себя постоянныхъ депутатовъ съ тѣмъ, чтобы ихъ только призывали для рѣшенія вопросовъ, но это отвергнуто съ сильнымъ негодованіемъ. Почему? Ты думаешь, Константинъ, что они видѣли въ этомъ посягательство на свои права или возражали изъ любви къ мірской сходкѣ... Нисколько. Я спрашивалъ подробно у бывшихъ на собраніи обо всемъ, и они мнѣ сказали, что возражали противъ этого потому, что выборъ депутатовъ обращается въ непремѣнную обязанность или службу, при которой и уѣхать изъ города нельзя будетъ, не спросясь. Какъ бы то ни было, но я очень радъ, что предложеніе о выборѣ постоянныхъ депутатовъ отвергнуто,—по другимъ причинамъ, а именно: рѣшеніями депутатовъ никогда не бываютъ довольны выбравшіе ихъ, полагая, что на ихъ мѣстѣ они были бы умнѣе; на рѣшенія же общественныя никто не можетъ жаловаться, потому что самъ тутъ участвовалъ; общество не отвыкаетъ отъ сходки, поддерживающей его въ

цѣлости и связи, наконецъ, самыя рѣшенія должны быть лучше и справедливѣе обсужены. По второму предложенію рѣшили составить комитетъ. Явились жаркіе защитники этого мнѣнія изъ купцовъ и мѣщанъ. Они опирались главное на то, что въ законѣ сказано: «городъ обязанъ не допускать своихъ бѣдныхъ до нищенства, а содержать ихъ» и пр. Какъ же достигнуть этого иначе? Подаваніемъ въ окошко только поддерживаешь бродяжество, а не искореняешь бѣдности. Само собою разумѣется,—это распоряженіе вовсе не значитъ, чтобы просящему у васъ не подавать; но этимъ распоряженіемъ можно отнять надобность просить подъ окошкомъ, а если, несмотря на все это и имѣя возможность и средства работать, нищій захочетъ шататься по улицамъ, тогда, какъ недостойный, онъ будетъ наказанъ и не станетъ надувать честныхъ людей, отнимая у нихъ то, что назначено истинно бѣдному.—Тайная ли это благотворительность, когда богатый купецъ или «настоящій русскій баринъ или вельможа,» какъ изволятъ и до сихъ поръ выражаться нѣкоторые, собираетъ на свой дворъ тысячи двѣ или болѣе и раздаетъ имъ деньги, причемъ никогда не обходится безъ драки? Я самъ никогда не откажу нищему, если у меня деньги въ карманѣ, но желалъ бы, чтобы онъ не нищенствовалъ, а одинъ этого сдѣлать не въ силахъ.—Впрочемъ, въ успокоеніе опасеній, возбуждаемыхъ общественною благотворителностью, скажу свое убѣжденіе, что у насъ, въ Россіи, она не превратится въ безжизненную и холодную, какъ на западѣ, и не истребитъ любви къ добру. Только бы не превращали ее въ *веселую*. Когда получу копію съ приговора, то пришлю ее Вамъ вмѣстѣ съ своимъ предложеніемъ. Большихъ споровъ оно не возбудило. Отвѣчайте мнѣ на все это обстоятельно.—Удивительно удачно выразился Константинъ, сравнивъ консервативную партію на Западѣ съ кристаллизаціей и партію революціонную съ броженіемъ гніенія. Я совершенно согласенъ съ нимъ, что юридическія понятія существовали всегда въ древней Руси. Мало того, мнѣ кажется, хоть я и не судья въ этомъ дѣлѣ, что едва ли гдѣ юридическій бытъ былъ такъ развитъ, какъ у насъ. Въ этомъ случаѣ говоря юридическія понятія,—я еще не хочу сказать: правомѣрныя, истинныя понятія. Я убѣждаюсь,

что существующая многосложность нашихъ законовъ у насъ въ крови, что администрація наша въ старину была весьма сложна, хитра, подробна, даже необыкновенно письменна... Не всѣ правомѣрныя понятія Римскаго и Западнаго права были у насъ; у насъ могъ быть свой взглядъ на юридическую правду въ бытѣ, но былъ вглядъ сознательный и даже формулированный. Впрочемъ, не пускаюсь еще объ этомъ въ разсужденія. Что касается до понятія города, какъ одного лица, то понятіе это сильнѣе развито на Западѣ, чѣмъ у насъ, хотя и у насъ оно было и есть еще, благодаря Екатеринѣ, которая, впрочемъ, едва ли соображалась съ русскими началами въ этомъ случаѣ, но сохранила за городами право собираться для рѣшенія общественныхъ дѣлъ. Ты радъ этому, Константинъ, такъ же, какъ и я; но если я тебѣ скажу, что общество большею частью уклоняется отъ этого права и что сдѣлать собраніе стоитъ немалаго труда, что во многихъ мѣстахъ должно было грозить штрафомъ за это, то ты также скажешь, что это равнодушіе святое, проистекающее отъ высокихъ причинъ; на дѣлѣ же потому, что бросить лавку и пропустить покупщика, лишиться полтины гривны—гораздо тяжелѣе, чѣмъ заняться общимъ дѣломъ... Напр. мѣщанамъ и вообще обществу дано огромное право: извергать изъ среды себя безъ суда, *однимъ* своимъ приговоромъ, вора, мошенника, отдавать его въ солдаты, ссылать въ Сибирь, принимать или не принимать наказаннаго судомъ... Рѣдко встрѣтишь подобное рѣшеніе. Они большею частью всегда принимаютъ или удерживаютъ и большею частію не изъ жалости, а потому, что за него надо платить подати до новой ревизіи, а ссылать въ Сибирь—надобны также издержки,—Константинъ сердится на меня, что я ему не пишу. Да написалъ ли онъ мнѣ хоть одно такое обстоятельное, нелѣнивое письмо, какъ я. А то у него всегда все начинается и не доканчивается, все скоро и спѣшно, или *листокъ* приходитъ къ концу. Я прошу, прошу, не могу добиться, чтобы разбирали мои письма по пунктамъ, оспаривали меня: это мнѣ нужно, полезно; я вовсе не самонадѣянъ въ своихъ сужденіяхъ, а очень мнителенъ.—Я знаю ту сцену изъ Фауста, которую Самаринъ читаетъ дѣйствительно прекрасно. Это—сцена, гдѣ Вагнеръ

приходитъ къ Фаусту; и Самаринъ отлично представляетъ Нѣмца педанта, филистера, съ страстною, отвлеченною любовью къ отвлеченностямъ только науки, а не къ живому знанію и не къ жизни.—На нынѣшней недѣлѣ я почти ничего не осматривалъ. Если успѣю, то напишу во Вторникъ.—Изъ Петербурга писемъ не имѣю, а отъ С—вой со времени послѣдняго письма ея о Гоголѣ, еще въ Августѣ мѣсяцѣ, новаго не получалъ.

5-го Ноября 1849 года. Суббота Угличъ.

Съ послѣдней почтой я не получилъ письма отъ Васъ, а получилъ письмо во Вторникъ отъ 27-го Октября. Въ другое время я бы не сталъ этимъ и безпокоиться, но въ послѣднемъ Вашемъ письмѣ Вы пишете, что не совсѣмъ хорошо себя чувствуете, милый Отесинька, и боитесь возвращенія головныхъ болей. Пожалуйста, прекратите теперь всякое уженье, да и какъ можно такъ рисковать въ такую скверную погоду. Съ нетерпѣніемъ жду Понедѣльника, чтобы знать: возвратились ли и какого рода головныя боли. Лучше, не выжидая худшаго, прибѣгнуть къ Бубе.—Изъ отвѣтовъ Вашихъ на первое письмо мое объ Угличѣ мнѣ кажется, что Вы не вполнѣ схватили мою мысль, именно, что древнія событія превратились въ чисто религіозныя преданія, но вовсе не живутъ живою жизнью, и что бытъ Угличанъ вовсе не носитъ на себѣ такихъ слѣдовъ старины, какіе встрѣчаются даже въ другихъ менѣе историческихъ городахъ. Я даже не понимаю, чему именно обрадовался здѣсь Константинъ, какъ доказательству его предчувствій? Тѣмъ не менѣе Угличъ любопытенъ и интересенъ въ высшей степени, и напрасно Константинъ не пріѣхалъ. Теперь я его ужъ и не жду, потому что самъ въ будущую Среду отсюда выѣзжаю.—Возражаю на Ваши возраженія. Странно мнѣ, что въ словахъ моихъ Вы видите не болѣе, чѣмъ въ словахъ дяди Аркадія и другихъ. Нѣтъ, крестьянинъ настоящій, служа выраженіемъ истиннаго типа русской народности, русскаго духа вообще, какъ въ старину, такъ и теперь, не можетъ служить выраженіемъ древняго боярина. И какъ горячо я люблю перваго, такъ не лежитъ моя душа къ послѣднему.

Бояринъ былъ человѣкъ служилый, правительственный, и этимъ однимъ уже много отличался отъ крестьянина, человѣка земскаго. Служилое сословіе было у насъ наслѣдственное. Сынъ боярина не былъ бояринъ, но не выходилъ изъ служилаго сословія никогда. Потомокъ дружины никогда не смѣшивался съ земскимъ человѣкомъ; а отъ того-то такъ легко было Петру и Екатеринѣ отдѣлить подъ общимъ наименованіемъ дворянъ все служилое сословіе, которому и занятія другаго не было, кромѣ службы—привычка, сохраненная нами и доселѣ. И я убѣжденъ, что, несмотря на «тождество языка, понятій, вѣры и вкусовъ», различіе между служилымъ и земскимъ человѣкомъ существовало въ живомъ быту не по одной внѣшности. Далѣе. Въ самихъ правахъ разница была немалая. Холопъ государевъ подчинился вліянію татарскаго и Византійско-царедворнаго элементовъ въ милльонъ разъ болѣе, чѣмъ крестьянинъ. Затворничества женщинъ не было въ быту крестьянскомъ, дородство не уважалось въ немъ. Въ ковахъ, крамолахъ, доносахъ, опалахъ, въ спѣси боярской (которая вошла въ пословицу), въ тяжбахъ о мѣстничествѣ, въ разрядныхъ книгахъ, словомъ, — во всей этой жизни Московскаго Двора—слышите ли вы, чуете ли вы крестьянина? Въ эпоху 1612 года народъ явился на сцену и осрамилъ бояръ. Не говорю про великаго выскочку Ляпунова и про талантливаго, честнаго простяка Пожарскаго.— Развѣ въ быту боярскомъ до Петра, особенно около его времени, не слышите вы застоялости упорной, чопорной? Въ этомъ можно сознаться и не оправдывая всѣхъ дѣйствій Петра и совершенно порицая явленія современной жизни. Но не къ народу относится этотъ упрекъ застоялости, какъ не можетъ онъ относиться къ нему и теперь. Что и говорить: не было тогда такой разницы, какъ теперь, но была разница въ старину не въ одной цѣнности одеждъ.—Поэтому то съ появленіемъ Петра гнилое боярское сословіе мигомъ полетѣло вверхъ тормашкой, чего бы не могло быть, еслибъ въ немъ уже не лежало смерти; а образа смерти нѣтъ въ быту современнаго крестьянина. Отъ боярина несло запахомъ гнили и трупа; отъ крестьянина вѣетъ *жизнью.*—Да возьмите вы хоть одно отсутствіе хоровода и пѣсни въ быту боярскомъ. Развѣ этого мало? Въ оргіяхъ царя Ивана Ва-

сильевича, не говоря уже о другомъ ихъ значеніи, я вижу гораздо болѣе русскаго характера, чѣмъ въ быту боярскомъ, даромъ, что безнравственностью своею эти оргіи противоположными кажутся быту крестьянъ. Въ этихъ оргіяхъ слышится желаніе сбросить съ себя цѣпи чопорности, чванства и спѣси боярской,—насмѣшка надъ ними.—Но нападая на древняго боярина, я вполнѣ признаю древнія начала жизни, лежавшія не въ быту боярскомъ, а въ самой церкви и въ народѣ.—Теперь о купцахъ. Современный купецъ ближе къ крестьянамъ, нежели мы. Какъ не считали *мы* себя близкими къ народу, мы отдѣлены отъ него пропастью: сознаніемъ и анализомъ жизни. Въ купцѣ этого нѣтъ. Въ лѣстницѣ сословій оба эти сословія стоятъ рядомъ. Набожностью, благотворительностью и одеждою своею купецъ сходенъ съ мужикомъ, сходенъ съ нимъ и рѣчью, ибо если купецъ и любитъ иногда выражаться красною безсмыслицею, то онъ умѣетъ владѣть и народною рѣчью. При всемъ томъ онъ очень отъ него далекъ и въ немъ есть нѣкоторыя черты, не принадлежащія нашему сословію, но напоминающія древняго боярина. Это то же затворничество женщинъ, смѣсь, чванство и какая-то чопорность, крахмальность въ жизни. Только онъ лучше боярина, потому что ближе къ народу. И потому-то, повторяю, я въ купцѣ чую часто древняго боярина, хоть, разумѣется, всего этого нельзя принимать вполнѣ и рѣшительно и, если буду когда-нибудь изображать древняго боярина, то припомню себѣ современнаго купца и его отличія отъ крестьянскаго быта, и думаю, что выйдетъ удачно. Что касается до чернозубія купчихъ, то, упоминая объ этомъ, я нападалъ на *безусловное* поклоненіе Константина древнимъ платьямъ и изяществу. Конечно, когда ему укажешь, онъ сознается, что то и другое скверно, но удивительно умѣетъ все это забывать, когда отъѣдетъ въ похвалы. Румяна, бѣлила и чернозубіе не современная принадлежность купчихъ, но *древняя*.—Признаюсь, не могу не подосадовать, не на Васъ, милый Отесинька (никто не пишетъ столько, сколько Вы, да Вы почти одни и пишете), а на Константина. Кажется, пеустыя мои письма вызываютъ отвѣты, заслуживаютъ отвѣта отчетливаго, подробнаго разсмотрѣнія и возраженія. Чтобы, право, взять письмо и шагъ за шагомъ

разбирать его и такимъ образомъ отвѣчать! Хоть онъ и занимается (и слава Богу!), но все же дѣла у него несравненно меньше, чѣмъ у меня, а какія пишетъ онъ ко мнѣ письма? Самое большое письмо не составитъ и половины одного моего; собираясь писать и поговорить со мною, онъ сейчасъ своротитъ на скользкую дорожку, отопрѣтъ свое негодованіе на Западъ: скверный Западъ, скотина Западъ, и пойдетъ и пойдетъ! Словомъ, двѣ трети письма наполнитъ тѣмъ, что я отъ него уже тысячи разъ слышалъ и что, слѣдовательно, ни ему ни мнѣ не ново. Остальныи вопросы кое-какъ затронетъ, торопясь (да куда?), спѣша кончитъ (зачѣмъ?) и основываясь на непреодолимомъ аргументѣ, что листокъ приходитъ къ концу, какъ будто нельзя взять другаго и третьяго. Написавши такое письмо, онъ думаетъ, что сдѣлалъ дѣло, и ведетъ счетъ своимъ подобнымъ письмамъ, тогда какъ я пишу безъ счета! Случается съ другими, что нечего писать, но со мною этого быть не можетъ. Каждое письмо мое заключаетъ въ себѣ столько обстоятельствъ и вопросовъ, что на каждое письмо можно было бы отвѣчать длинными разсужденіями. Само собою разумѣется, что я вовсе не хочу отрывать его отъ работы, если работѣ его мѣшаетъ писаніе писемъ, хотя я никогда столько не тружусь, какъ тогда, когда у меня много работы, и никогда столько не лѣнюсь, какъ тогда, когда дѣла мало или нѣтъ вовсе.— Говорятъ, на мѣсто Уварова Графъ Протасовъ, а на мѣсто Протасова молодой Адлербергъ. Правда ли это? Впрочемъ, узнаемъ изъ газетъ.—Посылаю Константину собраніе словъ, употребляемыхъ холщевниками. Тутъ, конечно, не всѣ слова, но сколько успѣли собрать. Я, кажется, уже писалъ Вамъ, что холщевники—это здѣшніе же мѣщане, преимущественно передъ другими занимающіеся перекупкою холста. У нихъ въ торговомъ дѣлѣ сохранился какой-то особенный языкъ. Тутъ встрѣчаются слова татарскія. Остальныя, вѣроятно, чудскія, потому что, по Недиру, здѣсь обитала, кажется, Меря. И теперь названія нѣкоторыхъ урочищъ звучатъ совершенно не по—русски: озеро Неро, на которомъ стоитъ Ростовъ, озеро Нико, рѣка Шачебола и др. Странно только то, что сохранилось это въ одной отрасли торговли и именно холщевой. Посылаю подробный же списокъ въ Журналъ

Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Досталъ я толстую рукопись отвѣтовъ Выгорѣцкихъ раскольниковъ іеромонаху Неофиту, посылаемому къ нимъ для *«разглагольствованія»* въ 1722 году по указу Петра. Если вѣрить имъ, то Неофитъ былъ дуракъ и осрамился въ спорѣ. Этими отвѣтами раскольники (особенно Поморскаго согласія) несравненно болѣе гордятся, чѣмъ отвѣтами Епископу Питириму, напечатанными въ Пращицѣ. Выгорѣцкіе же отвѣты, кажется, никогда не были напечатаны. Они необыкновенно ловко, умно и хитро написаны. Привезу ихъ Вамъ показать зимою.

1849 года. Ноября 8-го. Вторникъ. Угличъ.

Рѣшительно не понимаю, отчего нѣтъ отъ Васъ писемъ уже больше недѣли. Послѣднее Ваше письмо было отъ 27-го Октября. Это тѣмъ болѣе досадно, что я завтра выѣзжаю отсюда, и если письмо и придетъ сюда въ будущую Пятницу, то получится мною въ Ярославлѣ не раньше будущаго Понедѣльника. Еслибъ я не зналъ, что къ Отесинькѣ возвращаются какіе-то признаки прежней болѣзни, то не сталъ бы такъ безпокоиться.—Завтра послѣ обѣда я думаю ѣхать въ Ярославль прямымъ, не почтовымъ трактомъ, на передаточныхъ лошадяхъ. Этимъ путемъ отсюда до Ярославля 100 верстъ. Почтовый же трактъ идетъ черезъ Рыбинскъ, гораздо дальше и дороже. Я потому особенно спѣшу въ Ярославль, чтобъ успѣть перебраться туда въ тарантасѣ, чтобы не быть застигнутымъ здѣсь зимою. Дороги теперь — просто адъ.—Послѣднее время мое въ Угличѣ было также отравлено всякими дрязгами. Открылось, что все общество здѣшнихъ гражданъ раздѣлено на партіи, которыя стараются другъ другу вредить изо всѣхъ силъ; открылись разныя злоупотребленія... Въ продолженіе длиннаго ряда лѣтъ не было здѣсь ни одного Головы, который умѣлъ бы заслужить нравственное довѣріе: вездѣ происки, мелкіе, глупые, корыстолюбивые. Видѣть это въ племени Канцелярскомъ еще не оскорбительно, но въ купцахъ, совершенно обезпеченныхъ въ жизни, выбираемыхъ обществомъ,—чрезвычайно отвратительно.—Сейчасъ пріѣхалъ ко мнѣ Голова, а потомъ я спѣшу дѣлать прощальные визиты.

Понедѣльникъ, 14-го Ноября 1849 года. Ярославль.

Вотъ уже двѣ недѣли слишкомъ, какъ я не получаю отъ Васъ писемъ. Положимъ, что по случаю переѣзда моего въ Ярославль въ доставкѣ писемъ произошло нѣкоторое замедленіе, но отчего же я не получилъ писемъ въ прошедшій Понедѣльникъ въ Угличѣ? На бѣду почта еще не приходила: говорятъ, стали рѣки, и это затруднило всѣ сообщенія.—Сто верстъ разстоянія отъ Углича до Ярославля—я ѣхалъ слишкомъ сутки! Колоть страшная, дорога мучительная. Приходилось нѣсколько разъ идти пѣшкомъ. Въ Ярославль я пріѣхалъ прямо на квартиру, нанятую заранѣе: квартира маленькая, тѣсная, но другой пріискать было невозможно. Только что мы пріѣхали, въ тотъ же день вечеромъ пошелъ снѣгъ, а на другой день хватилъ морозъ градусовъ въ 15; въ послѣдующіе затѣмъ дни и нынче морозитъ также исправно. Снѣгу однакожъ мало, хотя ужъ и ѣздятъ на саняхъ. Я радъ по крайней мѣрѣ тому, что успѣлъ добраться до мѣста въ тарантасѣ. — Въ Ярославлѣ будетъ мнѣ много дѣла, тѣмъ болѣе, что нельзя обойтись и безъ нѣкоторыхъ визитовъ. Съ Бутурлинымъ у насъ было долгое и жаркое объясненіе, продолжавшееся часа два, послѣ чего мы, по крайней мѣрѣ наружно, сохранили хорошія отношенія. Вчера онъ былъ у меня... Здѣсь, въ Ярославлѣ, нѣтъ даже той хорошей стороны губернской жизни—простоты и радушія. Всѣ хвастаются здѣсь, что живутъ по петербургски и обѣдаютъ въ 5-мъ часу; — въ домахъ вездѣ роскошно и чопорно; даже шапокъ зимнихъ никто не надѣваетъ, а всѣ морозятъ лбы въ шляпахъ. Словомъ, какъ водится, въ глупомъ своемъ подражаніи – пересолили. —Пріѣхавши сюда, я взялъ у Вицегубернатора разныя Французскія газеты и Revue des deux Mondes, которыя я уже такъ давно не читалъ, и повеселилъ свою душу ругательствомъ, страхомъ и удивленіемъ иностранцевъ передъ нами по случаю послѣдней Венгерской кампаніи. Стараются доказать, что не мы побѣдили, а Нѣмцы съ Гайнау, а намъ по какому-то фатализму счастія, досталась честь.—Я не пишу Вамъ теперь большаго письма:

1) потому, что не имѣю отъ Васъ писемъ, и это главная причина; 2) потому, что и писать теперь собственно нечего. Я же сейчасъ отправляюсь въ Думу свидѣтельствовать денежныя суммы. Писемъ изъ Петербурга да и ни откуда не получаю, а мнѣ безъ писемъ скучно.—Въ здѣшнемъ лицеѣ, по случаю прекращенія пріема въ Университетахъ, поступило теперь болѣе ста человѣкъ, а прежде бывало 30, 40—не больше. Изъ здѣшнихъ жителей мало еще кого видѣлъ. Былъ у Жадовской. Она въ эти полгода, въ которые я ее не видалъ, не написала ничего, а мнѣ такъ хотѣлось послушать хоть ея стиховъ. Многіе помѣщики еще не съѣхались.—Поздравляю Самарина съ удовольствіями губернской жизни. Для меня же нѣтъ несноснѣе жизни провинціальной. Впрочемъ, для того, кто ее испытываетъ въ первый разъ, она любопытна и достойна наблюденія; къ тому же и Симбирскъ лучше Ярославля.

21-го Ноября 1849 года. Понедѣльникъ. Ярославль.

Въ прошедшій Четвергъ получилъ я письмо Ваше, милый Отесинька, отъ 7-го Ноября, адресованное въ Угличъ, а вчера получилъ письмо, посланное 18-го. Изъ этихъ писемъ я вижу, что вы писали ко мнѣ еще 31-го Октября, въ Угличъ. Но этого письма я не получилъ; оно, вѣрно, залежалось въ Угличѣ, гдѣ, по случаю рекрутскаго набора, стало веселѣе, т. е. наѣхали разные чиновники и завязалась картежная игра, въ которой дѣятельно участвуетъ и г. Почтмейстеръ. А въ этомъ, недошедшемъ до меня письмѣ, должно быть, и было первое извѣстіе о Пановѣ. Вы не можете себѣ представить, какъ поразилъ меня Вашъ postscriptum, какъ о вещи уже извѣстной: Гриша пишетъ, что *вдова Панова* и пр. Неужели это правда и точно относится къ Василію Алексѣевичу? Послѣднее передъ этимъ сообщенное мнѣ о немъ извѣстіе заключалось въ томъ, что Гриша и Самаринъ хотѣли перетащить его на службу въ Симбирскъ. Странно, что Константинъ не пишетъ мнѣ объ этомъ ни слова. Я желалъ бы знать всѣ малѣйшія подробности. Ибо каждая смерть да-

же и неблизкаго человѣка для меня глубоко-занимательное явленіе. — Очень благодарю Константина за письмо и за статью. Съ статьей я совершенно согласенъ, и она служитъ необходимымъ дополненіемъ къ первой статьѣ. Только господинъ Ходатай за нищихъ мнѣ не нравится. Сума нищаго, кружка, складчина—все это явленія уже существующія. Изобрѣтеніе же Ходатая кажется чѣмъ-то искусственнымъ, придуманнымъ, чѣмъ-то въ родѣ «Великаго Раздавателя Милостыни». Этотъ ходатай существуетъ у насъ въ видѣ «Попечительства о бѣдныхъ»,—куда можно присылать деньги и отъ неизвѣстнаго. Только не надо было бы этого портить медалями, блескомъ и пр. Впрочемъ надо и то сказать: не отказываться же отъ добраго дѣла потому только, что имя Ваше дѣлается извѣстнымъ. Напр. въ складчинѣ на общественномъ собраніи... Если мы будемъ стараться благотворить только такъ, чтобы правая рука не знала, что дѣлаетъ лѣвая, то намъ съ вами никогда не удастся и помочь людямъ: у меня правая рука *всегда* знаетъ, что дѣлаетъ лѣвая. Вообще благотворите просто, вездѣ, какъ случится; главное: не давайте нравственной важности своему благотворительному подвигу. Мнѣ случалось много дѣлать добра и я люблю дѣлать добро, находя что это весьма пріятно, весело и вкусно. Доставляя себѣ это въ нѣкоторомъ родѣ гастрономическое удовольствіе, я никогда не имѣлъ претензіи думать, что это важно передъ Богомъ, ибо сознавалъ, что чистоты христіанской тутъ не было. Хлопотать же о тайнѣ,—значитъ такъ запутаться, что чортъ ногу переломитъ. Пошлите вы тысячъ сто отъ неизвѣстнаго, да какъ убережетесь вы отъ внутренней гордости? Само собою разумѣется, что требовать за это медали — такая мерзость, о которой не стоитъ и говорить. Но помогать людямъ въ видѣ Попечительнаго Комитета, не возводя этого въ важный благотворительный подвигъ—хорошо. Сохрани Богъ отъ веселой благотворительности! Но что касается до общественной, называйте ее какъ хотите: благотворительностью или заботою правительственною *о благосостояніи*, — все равно; пусть только дѣло будетъ просто, безъ затѣй, не придавая себѣ никакой важности,— оно все будетъ хорошо, потому что возникло на христіанской почвѣ, полезно людямъ. Дѣлать добро — надо, какъ

долгъ, не заботясь о чувствѣ умиленія.—Я писалъ когда-то Авдотьѣ Петровнѣ Елагиной:

... Но я, измученный борьбою,
Съ сознаньемъ немощей земныхъ,
Я не гонюсь за чистотою
Всѣхъ тайныхъ помысловъ моихъ!
Стыжусь бодрить—примѣромъ Бога—
Себя бродящаго во мглѣ!..
Пусть приведетъ меня дорога
Хоть до ничтожнаго итога
Случайной пользы на землѣ!

Константинъ не придаетъ большой важности правительственнымъ хлопотамъ о благосостояніи, говоря, что это его обязанность! Да развѣ дѣлать добро не есть также обязанность каждаго частнаго лица? Правительство могло бы и иначе понимать свои обязанности, предоставляя благотворительныя учрежденія частнымъ лицамъ или обществу, отъ котораго не скоро бы и дождались ихъ, ибо подавать просящему легче, нежели позаботиться о дѣльномъ и прочномъ добрѣ. Напр. наше Министерство завело во всѣхъ рѣшительно городахъ больницы, гдѣ бѣдные люди лечатся даромъ, завело властію правительственной. Назовемъ это не благотворительностью, а заботою о благосостояніи. Но что побуждаетъ къ этой заботѣ? Развѣ не идея добра, которая можетъ сидѣть и въ Правительствѣ, хоть оно и не лицо, которая проникаетъ собою всю атмосферу, гдѣ двигаются и Правительство и общество и частныя лица.—Здѣсь, въ Ярославлѣ, я возобновилъ знакомство съ однимъ купцомъ, о которомъ я писалъ Вамъ прежде, Серебренниковымъ (родственникомъ Угличскаго), археологомъ и очень умнымъ человѣкомъ, и съ купцомъ Трехлѣтовымъ (изъ крестьянъ, да еще помѣщичьихъ), занимающимся также собраніемъ древнихъ книгъ, рукописей, изданій. Библіофилъ удивительный и очень умный человѣкъ. Я былъ у него, и онъ читалъ мнѣ статью свою о свадебныхъ обрядахъ въ помѣщичьемъ селѣ, къ которому онъ нѣкогда принадлежалъ. Эти обряды, совершаемые только въ томъ селѣ, любопытны чрезвычайно. Я запомнилъ два стиха изъ одной пѣсни про житье на чужой сторонѣ:

Что не жито — не вѣдано,
А пожито отвѣдано.

Замѣчательно, что женихъ не только безпрерывно видается съ невѣстой до свадьбы, но даже по обряду весьма часто и часто обязанъ цѣловаться съ ней. Бываю иногда у Жадовскихъ, гдѣ встрѣчаю профессоровъ Лицея и студенческую лицейскую молодежь. Какъ пріемъ въ Университеты воспрещенъ, то многіе обратились сюда, такъ что теперь болѣе ста человѣкъ студентовъ. Но сколько я ихъ видѣлъ, — это все самая пустая молодежь. Изъ профессоровъ, которые все кандидаты Московскаго Университета, многіе знаютъ хорошо Константина, напр. Татариновъ, видавшій его у Грановскаго, хорошій человѣкъ, немного съ направленіемъ общинъ Юридическаго факультета. Вообще же я выѣзжаю очень мало; лѣнь и тоска знакомиться со всѣмъ Ярославскимъ beau-monde одолѣли меня. — Обѣдалъ я на прошедшей недѣлѣ у одного богатѣйшаго купца, аристократа между купцами, Пастухова. Это былъ третій обѣдъ, данный по случаю свадьбы его родной племянницы, вышедшей замужъ за одного молодого купца. Я въ первый разъ обѣдалъ на купеческомъ обѣдѣ съ дамами. Немногія старушки были въ кичкахъ; остальныя одѣты по послѣдней Парижской картинкѣ, decolletées, и всѣ — нисколько не жеманны и не робки, а страшныя кокетки. Молодая — красавица. Послѣ обѣда, кончившагося довольно поздно, черезъ часъ начался балъ. Все это пустилось плясать; танцы, до которыхъ особенныя охотницы купеческія барышни и дамы — это польки, галопы и вальсы. Кавалеры — молодые же купцы, въ англійскихъ фракахъ, завитые!.. Особенно отличалась одна молодая купчиха, чрезвычайно красивая собой, — изъ Шуи... Шуя перещеголяла еще Ярославль. Смотрѣть было чрезвычайно красиво, но въ тоже время необыкновенно грустно и тяжело. Само собою разумѣется, что сбрасывая съ себя прежнюю обузу, онѣ ударяются въ другую крайность и непремѣнно пересолятъ. На этомъ же балѣ было пропасть стариковъ купцовъ, съ бородами. «Какъ вамъ это все кажется?» спросилъ я одного изъ нихъ, слыша раздающійся восторгъ присутствующаго дворянства. — Такой ужъ вѣкъ, отвѣчалъ онъ, съ недоумѣ-

ніемъ смотря на меня. — «Какъ вы думаете, продолжалъ я, лучшею ли сдѣлается матерью вотъ эта дама отъ того, что пустилась плясать польки, или вотъ эти обнаженныя плечи — послужатъ ли они крѣпчайшимъ ручательствомъ въ вѣрности мужу?..» Купецъ вздрогнулъ: — неужели вы такъ думаете, сказалъ онъ, обрадовавшись и пожимая мнѣ руку: я совершенно согласенъ, и моей душѣ все это противно, да противъ рожна трудно прать... Впрочемъ, я долженъ сказать, что въ первый разъ вижу дворянина, который бы думалъ, какъ вы! — У насъ, въ Москвѣ, многіе такъ думаютъ, отвѣчалъ я... — Вѣра безпрестанно спрашиваетъ о «Бродягѣ». На это я долженъ сказать, что въ Угличѣ я въ первый разъ принялся за него и теперь почти окончилъ первую, довольно большую главу, гдѣ между многими другими картинами — на сценѣ кабакъ, играющій значительную роль. Все это совершенно вчернѣ, даже ни разу не прочтено мною по написаніи, не переписано. Хотѣлось бы мнѣ написать и вторую главу, да не знаю, успѣю ли. Пишу, впрочемъ, какъ-то по обязанности. Хочется непремѣнно окончить; самъ же я стихомъ не доволенъ: какъ-то безцвѣтенъ и слабъ; мало колориту и живости. Впрочемъ, Вы мнѣ не повѣрите, и вотъ почему я и не писалъ Вамъ объ этомъ ни слова.

28-го Ноября 1849 года. Понедѣльникъ.

Рѣшительно не понимаю, отчего Вы не получаете моихъ писемъ. Вчера я получилъ Ваши письма отъ 24-го: одно изъ Абрамцова и другое изъ Москвы отъ Маменьки. Я знаю, что по случаю скверной дороги почта Московская должна была довольно долго ожидать Вологодскую и Петербургскую, но все же Вы должны были получить мои письма отъ 14-го, кажется, еще отъ 17-го и 21-го. Здѣшній Почтмейстеръ со мною знакомъ хорошо и даже дѣлаетъ разныя угожденія по почтѣ. Я подозрѣваю Вашего Троицкаго Почтмейстера, 1) потому, что онъ просилъ у Васъ когда-то муки и прочей дани, и Вы ему отказали; 2) онъ, можетъ быть, получилъ приказаніе: письма мои доставлять сначала въ Москву и потомъ уже къ Вамъ. Можетъ быть, Московскій Почтамтъ только теперь спохватился, что я адресую свои письма въ

Троицкій посадъ Во всякомъ случаѣ я заведу книжку, въ которой почта и будетъ у меня расписываться въ пріемѣ писемъ. Это вправѣ дѣлать каждый частный человѣкъ; совѣтую и Вамъ сдѣлать тоже. Какъ это все скучно.— Очень радъ, милый Отесинька, что Вы опять принялись за «Записки Ружейнаго Охотника». Хотя Вы и пишете, что статья Ваша требуетъ значительныхъ поправокъ, но я знаю, что Вы въ этомъ отношеніи гораздо строже и требовательнѣе насъ, и увѣренъ, что статья хороша такъ, какъ есть. Мой же «Бродяга» идетъ вяло. Дѣла у меня пропасть, и я занимаюсь много, но безъ той напряженной, нѣсколько восторженной дѣятельности, при которой возможны и стихи. Можетъ быть, самая натура этого дѣла тому причиной, да и на душѣ все не весело и скучно. Я, вѣроятно, и совсѣмъ бы простился съ стихами, но хочу непремѣнно кончить «Бродягу»... Досадно мнѣ также неполученіе никакихъ писемъ и извѣстій изъ Петербурга по дѣламъ службы: это даже ставитъ меня въ фальшивое положеніе. Можете себѣ представить, что по раскольничьему дѣлу, требовавшему немедленнаго отвѣта и распоряженія, нѣтъ до сихъ поръ ничего! Какъ въ воду кануло. Арсеньевъ, еще лѣтомъ писавшій мнѣ, что Министръ очень доволенъ, замолчалъ совершенно, и всѣ письма мои остаются безъ отвѣта. А мнѣ нужно было бы хоть что-нибудь знать объ этомъ, чтобы по возвращеніи въ Ярославль отвѣчать на распросы Архіерея и Губернатора. Писалъ Надеждину,—этотъ также не отвѣчалъ ни разу... Между тѣмъ самому порученію по городскому хозяйству не видишь конца!—Я живу очень скромно, занимаясь дѣлами, иногда читая книги, взятыя мною съ собой, и почти никуда не выхожу. Ярославль противенъ чопорностью, роскошью и подлостью своихъ жителей. Il faut faire trop de frais, какъ говорится, чтобъ имѣть честь понравиться въ Ярославлѣ, особенно же человѣку, имѣвшему исторію, принявшую въ ихъ сплетняхъ гигантскіе размѣры и заставляющую ихъ опасаться меня. Видаюсь часто только съ Муравьевымъ, Вице-губернаторомъ, человѣкомъ истинно благороднымъ, съ горячею душою и въ ссорѣ съ Бутурлинымъ. Бываю у Жадовской. Она недавно читала мнѣ свою повѣсть, которую я разобралъ ей очень строго и откровенно, и она отдала мнѣ

ее для указанія всѣхъ недостатковъ. У нея есть талантъ, безспорно, но талантъ небольшой; по крайней мѣрѣ, несмотря на всѣ ея усилія, вслѣдствіе моихъ словъ, она не можетъ выбиться изъ старой своей колеи. Но она дѣвушка очень умная и рано созрѣла въ своемъ несчастіи, хотя ей всего 22 года. 22 года, 42 года—для ней не все ли равно: что ей въ молодости, когда ей нечего ждать отъ молодости, когда дорога ея рѣзко опредѣлена въ жизни!.. Какимъ мечтамъ ни предавайся она, но знаетъ, что руки не выростутъ, тѣло не разовьется. Это горькое чувство, это исключительное положеніе сдѣлали ее писательницей и, можетъ быть, я еще не теряю надежды, она современемъ, помирившись съ своимъ положеніемъ, пойдетъ дальше и усовершенствуетъ свой талантъ. Дай Богъ!—На дняхъ видѣлъ я Скалона, Архангельскаго Вице-губернатора, переведеннаго въ Черниговъ. Онъ былъ здѣсь проѣздомъ. Я его видѣлъ всего разъ у А. О., но онъ меня тотчасъ узналъ по сходству съ Константиномъ.—Писать рѣшительно нечего, по крайней мѣрѣ ничего въ голову не приходитъ. Да и не всегда можно быть въ расположеніи писать такія длинныя письма. Утѣшаюсь мыслью, что меньше, чѣмъ черезъ мѣсяцъ, я съ Вами увижусь.

1849 года, Декабря 5-го. Понедѣльникъ. Ярославль.

Вчера получилъ я отъ Васъ большое письмо (думаю, что Маменька уже воротилась изъ Москвы). Самое пріятное сообщенное мнѣ Вами извѣстіе это—о Константинѣ, именно то, что онъ окончилъ первую часть грамматики и переписываетъ ее. Современи блаженной памяти диссертаціи о Ломоносовѣ онъ сталъ писать несравненно лучше, и я увѣренъ, что грамматика написана яснѣе... Вчера получилъ также письмо отъ А. О.; вотъ между прочимъ, что она пишетъ про Константина: «Что дѣлаютъ Ваши? Гоголь очень доволенъ Константиномъ Сергѣевичемъ и его *кротостью*. Дай ему Богъ свои кроткія, смиренныя силы; онѣ выше всѣхъ силъ нашихъ, строптивыхъ и неразумныхъ, и заговорятъ лучшимъ языкомъ когда-нибудь. Скажите ему это отъ меня». Какъ получилъ, такъ и передаю. А. О. немножко

впадаетъ въ нравоучительный тонъ. Впрочемъ изъ письма ея видно, что она снова хандритъ: возобновленіе болѣзни, Сенаторская ревизія, назначенная въ Калугу, снова поднявшаяся Ершовская исторія, оскорбленія, нанесенныя въ последнее время ея мужу,—все это, конечно, ее возмущаетъ.— Отвѣчаю теперь на Ваши письма.—Завтрашній день въ Петербургѣ, вѣроятно, послѣдуетъ назначеніе новаго Министра. Кто-то будетъ? Если Строгановъ и если онъ дѣйствительно таковъ, какъ Вы пишете, то съ Богомъ! Пусть Константинъ беретъ каѳедру. Я ото всей души благословляю его на этотъ подвигъ; это единственный родъ службы, ему приличный.— Странны мнѣ Ваши слова обо мнѣ. Я давно уже замѣчаю, что Вы многимъ моимъ письмамъ придаете другой смыслъ. Въ свободѣ взглядовъ и въ снисходительности я не уступлю ни Вамъ, ни Константину, особенно ему: я помню жестокіе приговоры, произнесенные имъ по нѣкоторымъ уголовнымъ дѣламъ, которыя я предлагалъ ему на разрѣшеніе. Я говорю только, что въ томъ случаѣ, если предоставляется отцу позволеніе или запрещеніе, я бы не позволилъ сыну жениться на актрисѣ; пусть она сойдетъ со сцены, другое дѣло. Само собою разумѣется, что это непозволеніе есть только неодобреніе, но гонять сына съ глазъ, проклинать, лишать наслѣдства — это вещи, которыя мнѣ и въ голову не приходили, о которыхъ мнѣ, и не знающему чувства отца, страшно было бы и подумать! Актриса! Несчастное званіе, которое открываетъ партеру право срамныхъ клеветъ, произносимыхъ самымъ покойнымъ, обыкновеннымъ образомъ; званіе, которое даетъ поводъ каждому обращаться къ ней съ любезностями и предложеніями своего рода; званіе, которое заставляетъ бѣдную дѣвушку или женщину по прихоти автора веселить партеръ непристойнымъ костюмомъ или безстыдными рѣчами!.. Служеніе искусству! Для этого надобно быть художникомъ по призванію, а не ремесленникомъ въ художествѣ, да и храмъ искусства давно уже превратился въ площадной балаганъ. Не любя, презирая званіе, я никогда не презиралъ,—душа моя неспособна презирать—человѣческую душу, отыскиваемую мною вездѣ и всюду, въ самыхъ послѣднихъ исчадіяхъ человѣчества, отъ которыхъ отворотился бы Константинъ! Вы предупреждаете

меня, чтобы я не впалъ въ дикость и проч. Да не я ли писалъ:

Предстанетъ каждая душа
Съ своими вѣчными правами!..

Я охотно бесѣдовалъ цѣлые часы съ Ж—ой, изучая въ ней потаенную душу, но не любилъ ее видѣть въ обществѣ, гдѣ она являлась съ своимъ званіемъ актрисы, съ театральными ужимками, съ галантерейнымъ, театральнымъ savoir vivre, гдѣ она говорила пошлости и гдѣ ей говорили не только пошлости, которыя для меня хуже глупости и грубости, которыя всегда болѣзненно во мнѣ отзываются, но, особенно, если тутъ были, кромѣ братьевъ С—вой, и другіе,—разныя шуточки, которыя позволяютъ себѣ только съ актрисами. На одномъ изъ такихъ вечеровъ, помню, я подошелъ къ С—вой и сказалъ ей: «довольно, удалите ее какъ-нибудь; вы не повѣрите, какое тягостное впечатлѣніе производитъ на меня видъ этой молодой, искажаемой человѣческими уставами души! Не грѣшно ли человѣку такъ систематически искажать, уродовать человѣка?..» С — ва тотчасъ это поняла, пригласила гостей сѣсть въ карты и такимъ образомъ удалила Ж—ву.—А въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть гнуснѣе театральныхъ училищъ? Я охотно прощаю человѣку грѣхъ и паденіе, но систематическое, хладнокровное, окруженное обманчивымъ блескомъ, развращеніе этихъ молодыхъ дѣвочекъ съ 10-лѣтняго возраста... Это возмутительно. – Я писалъ Вамъ про Сборникъ Ярославскій. Въ немъ замѣчательны только двѣ прозаическія статьи: одна принадлежитъ купцу, винному торговцу, Серебренникову, другая — вольноотпущенному крестьянину Трехлѣтову. Я писалъ Вамъ уже о нихъ, но теперь хочу сказать только то, что если мѣстная литература и можетъ у насъ возникнуть, такъ только отъ такихъ людей, принадлежащихъ вполнѣ мѣстности и неразрывно съ нею связанныхъ, людей, которые несвободны отъ ея вліянія, какъ мы. Кромѣ того, литература эта можетъ имѣть значеніе только въ отношеніи къ мѣстной исторіи. Съ уваженіемъ гляжу я на Серебренникова, который частными средствами, постояннымъ, долгимъ трудомъ приготовилъ огромные мате-

ріалы для исторіи Ярославля и другихъ городовъ Ярославской губерніи... Мы не способны на такіе труды.—Въ Трехлѣтовѣ мнѣ, кромѣ другихъ его свойствъ, нравится чисто крестьянское благочестіе и скромность. Жаль, что подъ статьями ихъ не сказано, кто они. Между тѣмъ имъ было бы чувствительно всякое оскорбленіе критики и и чувствительнѣе, чѣмъ намъ, знающимъ, что такое критика, и привыкшимъ къ ней. Поэтому я рѣшился написать и написалъ И. И. Панаеву небольшое письмо, въ которомъ только даю ему знать, что такая-то статья принадлежитъ купцу, такая-то крестьянину. Напишу также Василію Васильевичу Григорьеву, издателю «Сѣвернаго Обозрѣнія». Кстати о Панаевѣ. Владиміръ Ивановичъ Панаевъ на дняхъ прислалъ Жадовской посланіе въ стихахъ, хоть и не знакомъ съ ней, гдѣ изъявляетъ ей восторгъ и восхищеніе, испытанное его чувствительнымъ сердцемъ при чтеніи ея стиховъ. Стихи весьма плоховаты. Эти люди своими похвалами только портятъ дѣло: я же стараюсь заставить ее перемѣнить свое направленіе, вѣчныя варіаціи на одну и ту же тему.—Завтра поздравленія, обѣдня въ соборѣ, кажется, оффиціальный обѣдъ и балъ въ мундирахъ. Будетъ все Ярославское общество; поѣду взглянуть.—Изъ Министерства нынѣшняя почта не привезла мнѣ ничего. Я уже привыкаю къ этому, но прежде это меня бѣсило.

1849 года, Декабря 12-го. Ярославль. Понедѣльникъ.

Вчера я получилъ письмо Ваше отъ 8-го Декабря. Вижу, что вопросъ о переѣздѣ въ Москву еще не рѣшенъ, а потому пишу прямо въ Посадъ, тѣмъ болѣе, что въ эти дни было страшно холодно и только нынче степлѣло. Я на этой недѣлѣ былъ очень занятъ: изъ Министерства прислали мнѣ, требуя моихъ соображеній, разные проэкты, представленные бывшимъ и нынѣшнимъ Губернаторами, въ томъ числѣ проэктъ общественнаго банка въ Рыбинскѣ. По этому поводу я перечелъ уставы десяти банковъ, частныхъ и общественныхъ, въ разныхъ губерніяхъ, толковалъ съ купцами и выписываю къ себѣ одного купца изъ Рыбинска для переговоровъ. Я хочу сдѣлать разныя измѣненія въ проэктѣ: допустить ссуду денегъ подъ залогъ хлѣба, хранящагося въ

Рыбинскѣ, а также, для тамошнихъ мѣщанъ, и подъ *поручительство* благонадежныхъ купцовъ (впрочемъ, на небольшую сумму). Банкъ долженъ отдавать отчетъ только обществу, управляться Думою и вообще не зависѣть отъ Правительства.—Вчера цѣлый день былъ посвященъ мною на осмотръ больницъ, сиротскаго, смирительнаго, работнаго домовъ, дома сумасшедшихъ, богадѣленъ и проч и проч. Видѣлъ тамъ дѣвочку, идіотку, пойманную въ лѣсу (лѣтъ 12-ти), съ двойными рядами зубовъ (верхнихъ и нижнихъ) въ челюсти; видѣлъ въ больницѣ красавицу Черкешенку, лѣтъ 16-ти, присланную сюда съ мужемъ и дядей съ Кавказа за сношенія съ Горцами. Много видѣлъ страданій человѣческихъ и всякихъ скорбныхъ явленій. Заведенія устроены недурно, только смирительный домъ, гдѣ человѣкъ сорокъ помѣщается въ одной комнатѣ, никуда не годится. Да и домъ сумасшедшихъ не достигаетъ своей цѣли, ибо употребляется одно общее леченіе, а леченіе психическихъ болѣзней вовсе не введено; къ тому же сюда присылаютъ сумасшедшихъ, не объясняя ни причинъ сумасшествія, ни другихъ побочныхъ обстоятельствъ.—Вотъ Вамъ любопытное извѣстіе, особенно тебѣ, Константинъ. Я молчалъ о немъ до сихъ поръ потому, что не хотѣлъ говорить о томъ, что еще не было вѣрно. Въ бытность мою въ Угличѣ, разговаривая съ Серебренниковымъ, мы коснулись извѣстнаго колокола, сосланнаго Борисомъ Годуновымъ въ Сибирь въ 1591 году. Серебренниковъ сказалъ мнѣ, что онъ и многіе другіе граждане имѣли намѣреніе просить о возвращеніи имъ колокола, но не знали, какъ приняться за это дѣло. Я съ радостью ухватился за это и потребовалъ, чтобы онъ непремѣнно изготовилъ просьбу на имя Министра и прислалъ ее ко мнѣ въ Ярославль. Мнѣ хотѣлось послать ее при *своемъ* объясненіи Перовскому. На дняхъ я получилъ эту просьбу, подписанную болѣе, чѣмъ 40 подписями: болѣе и мѣста не достало. Они просятъ Министра исходатайствовать у Государя позволеніе: возвратить имъ ихъ колоколъ, на ихъ счетъ, основывая свою просьбу на любви къ древностямъ и старинѣ русской, и наконецъ прибавляютъ, что этотъ колоколъ, свидѣтельствующій о привязанности ихъ къ Царскому дому, будетъ напоминать имъ и прежнія гоненія Годунова и те-

перешнія благодѣянія Государя.—Какъ я ни радъ такому явленію, однакоже, прочитавъ просьбу, не захотѣлъ послать ее при своемъ рапортѣ. Я испугался мысли, что Министръ припишетъ сочиненіе просьбы мнѣ и желанію заслужить благоволеніе. Поэтому, запечатавъ просьбу въ пакетъ, безо всякаго объясненія, отправилъ, какъ бы отъ нихъ самихъ, въ собственныя руки къ Министру.—А вѣдь если это позволятъ, то это будетъ эффектно: возвращеніе оправданнаго исторіей колокола черезъ 250 слишкомъ лѣтъ! Сообщите это Соловьеву.

19-го Декабря 1849 года. Понедѣльникъ.

Въ прошедшій Четвергъ я не писалъ къ Вамъ потому, что и самъ не получилъ письма отъ Васъ въ Середу, да и не зналъ куда адресовать. Вчера же получилъ отъ Васъ письмо, изъ котораго вижу, что вопросъ о переѣздѣ въ Москву все еще не рѣшенъ... Надѣюсь въ Четвергъ получить отъ Васъ письмо съ положительнымъ извѣщеніемъ о Вашихъ намѣреніяхъ. Въ случаѣ, если Вы въ деревнѣ, а Маменька съ Вѣрою въ Москвѣ,—грустно будетъ только то, что мы не все время проведемъ вмѣстѣ.—Я пишу Вамъ теперь только нѣсколько строкъ: писать не стоитъ, потому что я предполагаю самъ обнять Васъ на этой недѣлѣ. Итакъ это уже послѣднее письмо мое къ Вамъ въ нынѣшнемъ году... До свиданія!

1850 года, Января 9-го. Ярославль. Понедѣльникъ.

Вотъ уже я опять пишу Вамъ изъ Ярославля. Я пріѣхалъ сюда въ два часа ночи. Это довольно скоро, потому что въ Мытищахъ и у Троицы мы не мало пробыли времени. Комнаты были истоплены, и я сейчасъ улегся спать; впрочемъ, отъ дорожнаго толканья сонъ былъ непокойный; въ числѣ разныхъ сновидѣній, сопровождавшихся кошмаромъ, одно, незабытое мною, довольно смѣшно: мнѣ пригрезилось, что будто у меня вездѣ тараканы: въ карманахъ платья, за платьемъ, по всему тѣлу, на головѣ, въ волосахъ, вездѣ, всюду тараканы-прусаки! Вслѣдствіе этого я закричалъ въ

источный голосъ и проснулся. Я еще не могу привыкнуть, что я здѣсь. Все кажется, что я уѣхалъ куда-то съ визитомъ и долженъ скоро увидѣть Васъ. Какъ-то Вы провели ночь эту, милый Отесинька, послѣ чтенія Гоголя и моего отъѣзда, что Ваша голова? Письмо это, вѣрно, застанетъ милую Маменьку въ Москвѣ: какъ нарочно, на дворѣ стало холоднѣе. Вы, милая Маменька, ничего и не сказали, а въ возкѣ очутились пироги, паштеты и языкъ. Дѣлать нечего, сейчасъ ими позавтракалъ—въ воспоминаніе Московской привычки.— Я очень доволенъ своею поѣздкою въ Москву: я воротился такой полный, разумѣется, не въ физическомъ отношеніи. Какъ-то особенно дружно прошло это время, и Константиномъ я очень доволенъ.—Помощникъ мой Эйсмонтъ былъ да и теперь боленъ и никуда не выѣзжалъ, а потому ничего особеннаго и сообщить мнѣ не могъ. Бумагъ изъ Петербурга сколько-нибудь занимательнаго содержанія—также не получено. Получилъ только деньги изъ Министерства, слѣдовавшія мнѣ за Ноябрь, Декабрь и Январь,—160 рублей серебромъ, да небольшое письмо отъ Милютина, безъ особеннаго значенія, еще отъ 17-го Декабря. Онъ увѣряетъ, что по дѣлу о Серебряковѣ вслѣдъ за симъ послѣдуетъ исполненіе и что вообще мои рапорты принимаются въ особенное уваженіе.—О Бутурлинѣ еще ничего не знаю. Поѣду къ нему завтра, потому что, по его словамъ, въ этотъ день онъ свободнѣе, чѣмъ въ Понедѣльникъ; къ тому же хочу напередъ увидаться съ Муравьевымъ и узнать отъ него обстоятельно о дѣйствіяхъ Бутурлина. Вообще же я ни съ кѣмъ еще не видѣлся,—но дѣла такъ и обдали меня хлопотами и дѣловой суетой.—Сейчасъ воротился съ обѣда у Муравьева. Особеннаго ничего нѣтъ. Бутурлинъ не знаетъ, по какому праву я уѣхалъ, и не доносилъ, кажется. Говорятъ здѣсь, что Прокуроръ Семеновъ переводится въ Вильну, а на мѣсто его Митя Оболенскій. Послѣднему я не очень вѣрю и не думаю, чтобъ Оболенскій принялъ это мѣсто, имѣя право ожидать себѣ мѣста Предсѣдательскаго, но если его переведутъ сюда, то я буду очень радъ.—Не жившій въ провинціи не можетъ и представить себѣ, до какой степени царствуютъ здѣсь на просторѣ пустота, пошлость, ограниченность вездѣ и во всемъ!... Первый предметъ, попавшій

мнѣ на глаза по возвращеніи моемъ сюда,—это написанное на стѣнѣ исчисленіе, сдѣланное еще въ Ноябрѣ, когда и въ какой день должно придтись 22-е Декабря, день моего отъѣзда. Я считалъ дни, когда мнѣ можно будетъ освободиться изъ подъ гнета окружающей меня пошлости, а теперь опять воротился къ ней и надолго. Дай Богъ силъ! Дѣла-то очень много!—Спасибо Гоголю! Все читанное имъ выступало передо мною отдѣльными частями, во всей своей могучей красотѣ... Если бъ я имѣлъ больше претензій, я бы бросилъ писать: до такой степени превосходства дошелъ онъ, что всѣ другіе передъ нимъ пигмеи. Но какъ у меня и вопроса этого самолюбиваго не было, и какъ моего сочиненія удѣлъ имѣть временное и мѣстное значеніе и доставить мнѣ самому удовольствіе, — то я и буду продолжать, если удастся, Бродягу, какъ свой посильный трудъ.—*) Прощайте, будьте здоровы и бодры. Пожалуйста, пишите мнѣ все и подробно, всякій вздоръ; какой вздоръ кого занимаетъ, тотъ пусть и пишетъ о немъ. Въ Четвергъ утромъ думаю получить отъ Васъ письма и напишу Вамъ еще. Прощайте же. Что Олинька?

12-го Января 1850 года. Ярославль.

Благодарю Васъ за письма. Я получилъ одно письмо изъ Москвы, а другое изъ Троицы, писанное Вами, милая Маменька. Вы все безпокоитесь, милая Маменька, о томъ, какъ я доѣхалъ. Объ Васъ надо безпокоиться: я доѣхалъ въ тотъ же день, а Вамъ пришлось возвращаться въ самый лютый морозъ, 30 градусовъ!.. Но, слава Богу, Вы доѣхали благополучно.—Какъ я радъ, милый Отесинька, что Вы принялись за статью о болотахъ; только Вы пожалуйста не то-

---

*) Отецъ отвѣчаетъ отъ 17-го Января 1850 года. Вторникъ. Вчера прочли Гоголю также и твои письма. Послѣ твоего отзыва о „Бродягѣ", онъ сказалъ: „отъ него самого зависитъ, чтобъ Бродяга имѣлъ не временное и не мѣстное значеніе. Всѣ подробности, вся природа, однимъ словомъ все, что окружаетъ бродягу, у него сдѣлано превосходно. Если въ бродягѣ будетъ захваченъ человѣкъ, то онъ будетъ имѣть не временное и не мѣстное значеніе. Надобно показать, какъ этотъ человѣкъ пройдя все и ни въ чемъ не найдя себѣ никакого удовлетворенія, возвратится къ матери землѣ. Иванъ Сергѣевичъ именно это и хочетъ сдѣлать и вѣрно сдѣлаетъ хорошо".

ровитесь: чѣмъ полнѣе будетъ она, чѣмъ больше подробностей, тѣмъ лучше. Вспомните, что Вы этимъ трудомъ подстрекаете Гоголя. Я совершенно согласенъ съ замѣчаніями, сдѣланными Вами Гоголю. Мнѣ показалось еще, что не довольно ясно обозначено, почему, подъ какимъ предлогомъ Чичиковъ расположился жить у Тентетникова... Я теперь точно сталъ въ отдаленіи и смотрю на картину, развернувшуюся въ «Мертвыхъ Душахъ», и лучше еще понимаю и чувствую ее, нежели стоявши слишкомъ близко къ ней. Такъ все глубоко, могуче и огромно, что духъ захватываетъ! — Крестьянинъ Трехлѣтовъ въ Москвѣ. Мы съ нимъ разъѣхались. Не помню, далъ ли я ему адресъ дома Высотскаго. Если далъ, то онъ, вѣрно, зайдетъ; примите его и обласкайте. Серебренниковъ подарилъ мнѣ одну рукопись: сочиненіе Астраханскаго Губернатора Татищева въ 1742 году объ управленіи деревнями и крестьянами. Не вѣрится, чтобы это писалъ русскій человѣкъ. Тутъ говорится, сколько разъ крестьянинъ долженъ умывать руки, какъ вести себя въ каждый часъ дня, словомъ, вся жизнь его подведена подъ самыя строгія правила аккуратности, которыя подчасъ хуже всякой тиранніи. Удивительно, какъ скоро перешолъ къ намъ этотъ нѣмецкій духъ! При этомъ вспомнишь поневолѣ, что этотъ духъ сдѣлался нашимъ вѣковымъ достояніемъ, имѣетъ уже свою старину, замѣняющую другую, древнѣйшую... Серебренниковъ на праздникахъ ѣздилъ въ Суздаль, и при немъ случилось слѣдующее, довольно замѣчательное происшествіе: въ одномъ изъ тамошнихъ монастырей есть темницы, служащія мѣстомъ заключенія разнымъ тайнымъ и злымъ преступникамъ, особенно же преступникамъ противъ Церкви. Сидѣлъ тамъ одинъ старикъ молоканъ и что же! онъ обратилъ къ своему ученію караульнаго офицера, который освободилъ его и, переодѣвшись монахомъ, бѣжалъ вмѣстѣ съ нимъ... Куда? Неизвѣстно, ихъ не могли отыскать. — Подарилъ я Серебренникову драму Константина. Онъ ею очень доволенъ, особенно языкомъ; мой «Бродяга», впрочемъ, на него не произвелъ никакого впечатлѣнія.—Мѣщане представили мнѣ свой проэктъ о мѣщанскомъ банкѣ. Я нынче вечеромъ долженъ заняться его разсмотрѣніемъ, чтобы завтра дать имъ отвѣтъ. Затѣваю я также здѣсь учрежденіе купе-

ческаго училища. Купцы не довольны Коммерческими училищами въ Москвѣ и въ Петербургѣ: 1) потому, что дѣти воспитываются не на глазахъ у нихъ; 2) потому, что раззнакомливаются они съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ и съ бытомъ своихъ; 3) потому, какъ сказалъ мнѣ одинъ купецъ, что слишкомъ отдаляются отъ сѣраго человѣка, т. е. отъ простого народа, такъ что часто другъ друга и не понимаютъ, тогда какъ купцу необходимо быть съ ними въ близкихъ сношеніяхъ. Поэтому мы и думаемъ устроить училище здѣсь, гдѣ бы дѣти приходили по вечерамъ домой и гдѣ бы воспитаніе было подъ надзоромъ и руководствомъ самихъ купцовъ, безо всякой казенной опеки. Главное затрудненіе — деньги. Я, впрочемъ, не теряю надежды убѣдить нѣкоторыхъ пожертвовать на это дѣло. Я еще надлежащимъ образомъ не установился съ занятіями и не знаю, когда удастся мнѣ приняться опять за «Бродягу»... Прощайте; думаю что буду писать Вамъ и въ Понедѣльникъ. Кланяюсь Гоголю

15-го Января 1850 года. Ярославль. Воскресенье.

Какъ благодаренъ я Вамъ, милый Отесинька, за присылку статьи о болотахъ! При сей краткости она такъ полна, что, кажется, нечего и прибавить. Всѣ эти картины изображены такъ выпукло, форма до такой степени соотвѣтствуетъ внутреннему содержанію, что не только живо рисуетъ передъ вами болото, но заставляетъ Васъ чувствовать и ощущать его, такъ сказать, всѣми пятью чувствами. Послѣ этого можно и не ходить на болота, чтобы съ ними знакомиться. И какъ скоро Вы это написали! Нѣтъ, значитъ, и въ Москвѣ можно ожидать отъ Васъ продолженія Записокъ Ружейнаго Охотника.—Я все еще не могу наладить себя на занятія такъ, какъ бы слѣдовало, и такъ, какъ бы хотѣлось. Впрочемъ, на дняхъ обдумывалъ рѣшительно планъ: какимъ образомъ скорѣе раздѣлаться съ своимъ порученіемъ. Все могъ бы я кончить довольно скоро, т. е. по крайней мѣрѣ къ Сентябрю, кромѣ городскихъ инвентарей. Дѣло въ томъ, что меня послали сюда въ той надеждѣ, что топографическая съемка, продолжавшаяся слишкомъ 4 года, уже кончена. Я же нашелъ, что она не только не кончена, но

по многимъ городамъ должна быть произведена съизнова. Между тѣмъ безъ съемки, безъ измѣренія земель невозможно мнѣ и составлять имъ подробнаго хозяйственнаго описанія или инвентаря. Съемка же сама едва ли можетъ быть окончена въ теченіе года! Если же одинъ изъ моихъ топографовъ, лежащій теперь больнымъ при смерти, умретъ, то этотъ срокъ можетъ удвоиться, ибо у него всего болѣе было начатыхъ работъ, которыя другому придется начинать снова.—*Вечеръ.* Сейчасъ пришла Петербургская почта и привезла мнѣ неожиданное еще письмо отъ Милютина, въ которомъ онъ, называя мою ревизію и вообще дѣйствія — образцовыми и вообще распространяясь въ различныхъ мнѣ похвалахъ,—въ то же время проситъ меня увѣдомить его безъ церемоній, не нужны ли мнѣ деньги, и предлагаетъ написать (т. е. чтобъ я написалъ) небольшую записку, которую можно было бы показать Министру, о необходимости дать мнѣ еще денегъ, сверхъ получаемаго. Я хочу этимъ воспользоваться, опираясь на то, что получаемое мною при командировкѣ жалованье достаточно только при краткихъ порученіяхъ, а не при долговременныхъ. Надобно сказать, что почти всѣ чиновники, разосланные съ порученіемъ, подобнымъ моему, получаютъ больше меня, найдя средство испрашивать денегъ то на канцелярскіе расходы, то подъ другими предлогами. Я очень доволенъ тѣмъ, что они сами догадались сдѣлать мнѣ это предложеніе. Онъ въ тоже время сообщаетъ мнѣ, что рапортъ мой о распространеніи торговыхъ правъ мѣщанскаго сословія переданъ имъ въ подлинникѣ для прочтенія Министру. Дай Богъ, чтобы былъ какой-нибудь успѣхъ! — Рукопись, про которую я Вамъ писалъ въ послѣдній разъ, должна принадлежать самому историку Татищеву. Впрочемъ, Домострой Сильвестра едва ли чѣмъ лучше. Ну что, какъ понравилась грамматика дамамъ или, лучше сказать, понятною ли она имъ показалась? Я не говорю про К. А. Я думаю, что она скоро будетъ писать къ Константину записки: и ты бы, государь, мнѣ отписалъ какъ тя Богъ милуетъ, и проч. и проч. Не пришли на память выраженія поэффектнѣе. За чтеніемъ грамматики, вѣроятно, послѣдуетъ чтеніе граматъ, лѣтописей и писемъ царя Василія Ивановича къ женѣ его Оленѣ. Я бы желалъ, впро-

чемъ, чтобы Константинъ преимущественно занимался грамматикою, а не статьей о литературѣ, которую цензура не пропуститъ, которая, мнѣ кажется, немножко опоздала и *несвоевременна*.—Газетъ я теперь почти не читаю. Хозяинъ мой, у котораго я бралъ ихъ и который, мимоходомъ сказать, имѣетъ нѣсколько милліоновъ капиталу, нынѣшній годъ по причинѣ худой торговли, ихъ не выписываетъ! Впрочемъ изъ Lournal de Francfort, который я взялъ у Муравьева, видно, что дѣла наши съ Турціей обдѣлываются. Да, забылъ сказать. Не знаю, знаетъ ли Константинъ, что въ послѣдней книжкѣ Отечественныхъ Записокъ за 1849 годъ есть огромная статья о Князѣ Димитріѣ Михайловичѣ Пожарскомъ. Онъ представленъ въ самомъ хорошемъ видѣ, со всѣмъ своимъ смиреніемъ, словомъ, такъ, какъ и въ драмѣ. Я статьи самъ не читалъ, но видѣлъ ее; искалъ въ многочисленныхъ ссылкахъ ея на историческіе документы, лѣтописи и книги— ссылки на драму Константина, но не нашелъ.—Былъ ли у Васъ опять Мамоновъ и взялъ ли рисунки Ярославскихъ церквей? За Бродягу еще не принимался, т. е. какъ-то попробавалъ, да не пишется. Нѣтъ, что ни говорите, а я долженъ сознаться, что источники поэзіи изсякаютъ во мнѣ; вѣдь это ужъ изъ рукъ вонъ! Впрочемъ, это и естественно. Не можетъ быть, чтобы занятія мои не дѣйствовали вредно на эти мои способности. Эдакъ, пожалуй, и въ десять лѣтъ не кончишь Бродяги.

22-го Января 1850 года. Воскресенье. Ярославль.

Съ послѣдней почтой я не писалъ Вамъ, но отъ Васъ получилъ письма и въ среду и нынче. Я не знаю, какъ и благодарить Васъ: знаю всю затруднительность такого частаго и акуратнаго писанья въ Москвѣ. Прежде всего отвѣчаю Вамъ на Ваши письма. И такъ Гоголь прочелъ Вамъ и вторую главу, а теперь, можетъ быть и третью. Вы спрашиваете меня, разсказывать ли мнѣ содержаніе?.. Анекдотическій интересъ для меня, какъ и для Васъ, въ произведеніяхъ Гоголя не важенъ. Придется разсказывать или почти ничего или слишкомъ много, т. е. его же рѣчами, изъ которыхъ мудрено выкинуть слово: такъ каждая нота состоитъ въ соотношеніи съ общимъ

аккордомъ! А потому, зная, что послѣднее невозможно, я и не слишкомъ хлопочу знать внѣшнюю связь содержанія... Я думаю, что у Гоголя *все* написано, что онъ уже далъ полежать своей рукописи и потомъ вновь обратился къ ней для исправленія и оцѣнки, словомъ, поступаетъ такъ, какъ самъ совѣтуетъ другимъ. Въ противномъ случаѣ онъ не сталъ бы читать и заниматься отдѣлкою подробностей и частностей. *) Нынче я былъ на свадебномъ обѣдѣ у одного купца, Гарцева. Само собою разумѣется, что стерлядь играла тутъ весьма важную роль. Обѣдъ и замѣчанія мои объ обѣдѣ точно такія же, какъ и въ тотъ разъ, когда я Вамъ писалъ объ обѣдѣ у Пастухова, съ тою разницею, что за обѣдомъ не гремѣла музыка. Длиннобородый старикъ, изображенный во весь ростъ на портретѣ, повѣшенномъ въ гостиной, завѣщалъ, умирая, сыну своему и всему его потомству строго беречь себя отъ этого нововведенія, которое почиталъ онъ великимъ грѣхомъ. Впрочемъ, это совершенно понятно при взглядѣ русскаго человѣка на обѣдъ, на трапезу, за которую садятся и которую оставляютъ съ молитвой. На прочія

*) Отецъ писалъ Ивану Сергѣевичу 20 Января 50 г.—„До сихъ поръ не могу еще придти въ себя: Гоголь прочелъ намъ съ Константиномъ 2-ю главу. Вотъ какъ было дѣло. Пришелъ онъ къ намъ вчера обѣдать. Зная, что онъ неохотно сидитъ за столомъ безъ меня, я велѣлъ накрыть въ маленькой гостиной и Гоголь былъ очень доволенъ. Послѣ обѣда напала на меня дремота. Гоголь употребилъ разныя штуки, чтобъ меня разгулять, въ чемъ и успѣлъ. Часу въ 7-мъ вдругъ говоритъ: „а что бы Куличка прочесть?“ Я отвѣчалъ, что если онъ хочетъ, то Константинъ принесетъ всѣ мои записки и прочтетъ ихъ въ гостиной. Гоголь сказалъ, что лучше пойти наверхъ. Я, ничего не подозрѣвая, согласился; но Вѣра догадалась и, провожая меня, сказала: „онъ будетъ вамъ непремѣнно читать“. Мы пришли наверхъ, я выбралъ маленькаго Кулички и заставилъ Костю читать. Гоголь рѣшительно ничего не слушалъ и едва Константинъ дочиталъ, какъ онъ выхватилъ тетрадь изъ кармана, которую давно держалъ въ рукѣ, и сказалъ: „ну, а теперь я вамъ прочту.“—Что тебѣ сказать? Скажу одно: вторая глава несравненно выше и глубже первой. Раза три я не могъ удержаться отъ слезъ. Разсказывать содержаніе, въ которомъ ничего нѣтъ особенно интереснаго для тебя, мнѣ не хочется; даже какъ-то совѣстно, потому что въ голомъ разсказѣ анекдота ничего не передается. Впрочемъ, если ты захочешь, то напиши: я разскажу его со всею возможною подробностью. Такого высокаго искусства: показывать въ человѣкѣ пошломъ высокую человѣческую сторону, нигдѣ нельзя найдти, кромѣ Гомера. Такъ раскрывается духовная внутренность человѣка, что для всякаго изъ насъ, способнаго что-нибудь чувствовать, открывается собственна своя духовная внутренность. Теперь толь-

нововведенія запрета не положилъ. Женится его внукъ. Музыки не было; но едва лишь кончился обѣдъ и подали кофе, раздались польки и вальсы и пошелъ балъ, а я уѣхалъ. Обѣдъ кончился почти въ 8 часовъ.—Отецъ молодаго—бородачъ; сынъ безбородый, но довольно необтесанный юноша; молодая — кукла Чѣмъ больше я смотрю на нашихъ купцовъ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что всѣ они слѣпо, инстинктивно лѣзутъ туда, откуда мы уже возвращаемся, и мы непонятны другъ другу. Борода и привязанность къ старымъ обычаямъ, безъ разумѣнія, по преданію, по привычкѣ, не составятъ никогда нравственнаго отпора соблазну. Этотъ нравственный отпоръ заключается только *въ сознаніи*, *въ просвѣщеніи*, даже—для нихъ—не въ религіи. Церковь наша и все духовенство поладили съ современностью, заслонили истину или, яснѣе, такъ обмотали Евангельскія истины своею обрядовою, административно-полицейскою стороною, что не всякій въ состояніи отдѣлить ее. Православное духовенство совращаетъ народъ; а раскольническіе учители, ища отпора только въ обрядовой сторонѣ, также внѣ истины и также не устоятъ... Можетъ быть, Провидѣнію угодно, чтобы всѣ побывали тамъ, откуда мы возвращаемся, чтобы всѣ

ко я убѣдился вполнѣ, что Гоголь можетъ выполнить свою задачу, о которой такъ самонадѣянно и дерзко повидимому говоритъ въ первомъ томѣ. Я сказалъ Гоголю и повторю тебѣ, что теперь для насъ остается только одно: молитва къ Богу, чтобъ Онъ далъ ему здоровья и силъ окончательно обработать и напечатать свое высокое твореніе. Гоголь былъ увлеченъ искренностью моихъ словъ и сказалъ о себѣ, какъ бы говорилъ о другомъ: „да, дай только Богъ здоровья и силъ! Благо должно произойти изъ этого, ибо человѣкъ не можетъ видѣть себя безъ помощи другаго"... Что за образы, что за картина природы безъ малѣйшей картинности. . Нѣтъ, я ужъ не стану описывать водъ такъ, какъ хотѣлъ было, а разскажу ихъ просто словами охотника, не поэта.—Гоголю хотѣлось прочесть третью главу: ибо, по его словамъ, нужно было прочесть ее немедленно, но у него не достало силъ. Да, много должно сгорать жизни въ горнилѣ, изъ котораго истекаетъ чистое злато. Вѣроятно на дняхъ выйдетъ какой-нибудь Куличекъ-зуекъ и вслѣдъ за нимъ прочтется третья глава. Я сегодня же хочу написать Гоголю письмо съ моими замѣчаніями. Вчера я ничего не могъ вспомнить и сказалъ ему, что завтра, можетъ быть, что-нибудь увижу. Больно, что ты не слыхалъ; но еще больнѣе, что всѣ наши просидѣли въ это время одни въ гостиной. Теперь очевидно, что всѣ главы будутъ читаться только мнѣ и Константину. Я примирюсь съ этою мыслію только однимъ, что это нужно, полезно самому Гоголю".

прошли черезъ испытаніе и съ полнымъ, такъ сказать, опытнымъ сознаніемъ зла возвратились къ истинѣ?... Можетъ быть,—но насъ это не должно останавливать!... Константинъ укажетъ мнѣ на Хазова. Но Хазовъ исключеніе. Константинъ укажетъ на крестьянъ. Но чисто великороссійскія губерніи, по многолюдству народонаселенія, полны крестьянами торговыми и промышленниками. Посмотрѣлъ бы на нихъ Константинъ! Я собралъ недавно объ ихъ бытѣ очень подробныя свѣдѣнія, которыя когда-нибудь сообщу. Я укажу на другія губерніи, да тамъ Малороссы, да тамъ Чуваши. да тамъ Мордва, скажетъ Константинъ же.—Поэтому, смотря на здѣшнее купечество,—я еще болѣе желаю учрежденія купеческаго училища, разумѣется, только съ тѣмъ. чтобы оно не походило па французскій пансіонъ... Но какъ это трудно при общемъ направленіи нашей государственной системы воспитанія; какъ это трудно въ особенности при сосѣдствѣ съ благороднымъ россійскимъ дворянскимъ обществомъ! Это сосѣдство все портитъ.—«Какіе изверги, что за дикій народъ»,—говорили мнѣ нынче многіе офицеры и члены Ярославской аристократіи,—по тому поводу, что одна молодая замужняя купчиха не пошла танцовать, такъ какъ мужъ ея этого не любитъ, считаетъ для замужней женщины это нѣсколько лишнимъ... И все это было говорено тономъ такого искренняго, сердечнаго, добродушнаго убѣжденія, что возражать имъ нѣтъ возможности и было бы глупо, а принять къ свѣдѣнію слѣдуетъ. И если слышала это молодая купчиха, то, воротясь домой, непремѣнно скажетъ мужу: вотъ видишь, люди и меня корятъ, мы всему міру дались на смѣхъ и проч. и проч. А какъ для русскаго человѣка много значитъ мнѣніе общее, мірская молва, какъ онъ не любитъ быть выскочкой и охотно смиряетъ свою личность въ составѣ общественномъ (добродѣтель, которая, мимоходомъ молвить, перешла у насъ въ крайность),—то онъ и противиться не станетъ.—Предлагаю тебѣ, Константинъ, и Алексѣю Степановичу также обдумать, обсудить и изложить вопросъ и систему народнаго обученія... Я съ своей стороны, можетъ статься, тоже напишу что-нибудь объ этомъ, не вдаваясь, впрочемъ, въ міръ отвлеченныхъ опредѣленій.. Если можно будетъ надѣяться, что учрежденіе училища состоится (что, впрочемъ, не народная школа), то

рапортъ и проэктъ мой я пришлю предварительно Вамъ на разсмотрѣніе, по крайней мѣрѣ постараюсь прислать. А вопросъ о народномъ обученіи — превосходная тема для статьи. Соблазни-ка этимъ Хомякова и самъ соблазнись. Сюда войдетъ вопросъ и объ общественномъ воспитаніи и объ обученіи — не только первоначальномъ, но и болѣе пространномъ...

1850 года, 26-го Января. Ярославль.

Нынче ѣдетъ въ Москву одинъ изъ здѣшнихъ профессоровъ Лицея и мой пріятель — Василій Ивановичъ Татариновъ. Фигурка его довольно забавная, но онъ очень неглупый и честной души человѣкъ. Онъ очень желаетъ познакомиться съ Константиномъ, драмою котораго недавно восхищался... Положеніе его прескверное. Директоръ считаетъ его опаснымъ человѣкомъ, какъ всякаго мыслящаго человѣка, и онъ ѣдетъ въ Москву искать себѣ какое-нибудь мѣсто да и вообще освѣжиться отъ чаду пошлости провинціальной. Пожалуйста, примите его ласково. — Татариновъ такъ нечаянно устроилъ свой отъѣздъ, что я только вчера узналъ объ этомъ. Это досадно, потому что я не послалъ бы тогда своего письма къ Троицѣ, которое было не болѣе и не менѣе, какъ шутка, съ приложеніемъ стиховъ. Какъ-то присѣвъ за продолженіе «Бродяги», я вмѣсто него написалъ маленькое стихотвореніе, если хотите, повтореніе стараго, но мнѣ захотѣлось послать его къ Вамъ. Не рѣшившись отправить его по почтѣ въ Москву, я адресовалъ къ Троицѣ и ради шутки, говоря, что это переводъ съ Санскритскаго, настрочилъ два листа чепухи, нашпигованной самыми трудными для выговора Санскритскими именами, взятыми мною изъ переводовъ и примѣчаній Коссовича. Стихи эти я прилагаю. Разумѣется, ихъ хранить не слѣдуетъ. — «Бродяга» не пишется. Къ концу вечера такъ устаешь, что безъ особенной перваческой напряженности нельзя приняться за писаніе стиховъ. — Взглянулъ я бѣгло на разные обзоры литературы, помѣщенные въ первыхъ №№ журналовъ. Нападокъ на славянофильское и московское направленіе уже нѣтъ, но нѣтъ даже никакого упоминанія о немъ, не говорится ни объ

одномъ изъ литераторовъ вашего круга. Между тѣмъ петербургскіе журналы, принявъ это направленіе отчасти, помѣщая постоянно разные труды по части русской исторіи и изслѣдованій быта, берутъ перевѣсъ и въ этомъ отношеніи... Все это для насъ очень невыгодно. Своего журнала нѣтъ, въ чужихъ писать не хотимъ и ничего не пишемъ и отвыкаемъ отъ писанья, теряемъ вліяніе, предаемъ себя забвенію... Можетъ быть, дѣломъ Москвы будутъ труды серьезные. Но и ихъ нѣтъ, Богъ знаетъ еще, когда они появятся при московской комфортабельности въ трудѣ... — Съ Татариновымъ посылаю часть денегъ за Аѳанасія къ его господину, Татаринову же, родственнику этого, — въ уплату выкупной суммы. Трехлѣтову давалъ я читать уложеніе Кошелева. Онъ во многихъ частяхъ осуждаетъ его и вообще говоритъ, что помѣщикъ себя не забылъ. Я уговариваю его написать свои замѣчанія и, можетъ быть, онъ это исполнитъ. Безъ пожертвованій нельзя приступать къ этому дѣлу. А что за скоты здѣшніе дворяне! Недавно нѣкто Г—новъ, богатый здѣшній помѣщикъ, говоря про свое управленіе въ деревнѣ, съ самою добродушною наивностью объявилъ мнѣ, что у него такъ и заведено: сѣчь бурмистровъ въ кабинетѣ, изъ собственныхъ рукъ. — Кстати посылаю Вамъ свое маленькое стихотвореніе, переводъ съ Санскритскаго, т. е. не прямо, а съ переводовъ Кассовича, Бюрнуффа и Гольцмана. Дѣло въ томъ, что въ отрывкахъ изъ Агни-Пураны и изъ Падма-Пураны, напечатанныхъ у Гольцмана вмѣстѣ съ Индравиджаемъ, эпизодомъ изъ Магабгараты, разсказывается, какъ Ятаджны и Ракши, подъ предводительствомъ Индры-Натуша, завоевали землю Пунъ-яджановъ, называвшуюся Катгасаритъ-сагара, убили ихъ царя Девима-гатмьямъ и стали дѣлать разныя жестокости и притѣсненія, о которыхъ разсказывается подробнѣе въ Маркандэя-Пуранѣ и упоминается также въ Брагмавайварта-Пуранѣ. Тогда сынъ Девитмагатмьяма, Джимутаванъ, удалясь въ пустыню Саннавачамъ, сталъ молиться Санайсчару, богу времени, прося его ускорить бѣгъ свой и скорѣе избавить страну отъ ужасовъ... Долго молился онъ, ожидая какого-нибудь знаменія и называя иногда бога времени Сисусаморой, т. е. черепахой, какъ вдругъ является къ нему браминъ изъ страны

Пунъ яджановъ, прозвищемъ Гаспа-григитападмай, т. е. посланецъ, и разсказываетъ ему о положеніи богатой нѣкогда алмазами, слонами и благочестіемъ страны Катга-саритъ-сагары. Браминъ вызываетъ молодого царя, говоря, что настало время прогнать Вимригъ-Яманаевъ, т. е. не чтущихъ божества Васудэва, ибо они долгимъ своимъ пребываніемъ дѣлаютъ вредъ не только внѣшній, но нравственный, что цвѣточный фіалъ сердецъ вянетъ, умъ грубѣетъ и проч. Удивительно въ этихъ созданіяхъ Индійскаго воображенія— сочетаніе самыхъ возвышенныхъ, отвлеченныхъ, утонченныхъ донельзя понятій съ образами чисто матеріальными и вѣрованіями нелѣпыми. Ихъ глубокій анализъ, устремленный, впрочемъ, болѣе въ область чистой мысли, нежели въ міръ души, обрывается нерѣдко какой-нибудь чепухой. Но есть необыкновенно поэтическія мѣста, которыя передать трудно, потому что собственныя имена въ родѣ Дриштавабгъюпаяна или Париджнятапараматмапирпага — звучали бы прескверно въ русскомъ стихѣ. Я сталъ было переводить или лучше сказать перекладывать въ стихи, но вышло дурно, такъ что я оставилъ только тѣ строфы, гдѣ не встрѣчается трудныхъ словъ или отвлеченностей, для которыхъ нужны были бы длинные комментаріи. Вотъ они. Это то, что говоритъ браминъ Гаспагригитападмай царю Катга-саритъ-сагары, начиная съ третьей строфы, послѣ второй, гдѣ онъ воздыхалъ о томъ, что жены съ глазами лотосоподобными уже перестали рожать героевъ (Иго, наложенное Ракшами, продолжалось, какъ водится, не болѣе и не менѣе, какъ 47 съ половиной тысячъ лѣтъ).

Клеймо домашняго позора
Мы носимъ, славные извнѣ;
Въ могучемъ краѣ нѣтъ отпора,
Въ пространномъ царствѣ нѣтъ простора,
Въ родимой душно сторонѣ!
Ее, въ своемъ бѣзумьѣ яромъ,
Гнетутъ усердные рабы!..
А мы глядимъ, слабѣемъ жаромъ
И съ каждымъ днемъ сдаемся даромъ,
Въ безплодность вѣруя борьбы!

И слово правды оробѣло,
И рѣже шепотъ смѣлыхъ думъ;
И сердце въ насъ одебелѣло;
Порывовъ нѣтъ; въ забвеньѣ дѣло;
Спугнули мысль, сталъ празденъ умъ!

Далѣе браминъ разсказываетъ, что чанданъ, тундула и ліана уже стали скудны на благоуханіе, земля плохо возращаетъ сѣмена бѣлой горчицы, самые слоны стали ниже ростомъ. Если эта попытка нехуда, то я, пожалуй, постараюсь перевесть отвѣтъ Джимутавагани.

30-го Января 1850 года. Ярославль. Понедѣльникъ.

Получилъ я вчера письма Ваши. Возобновленіе головныхъ болей и Ваше намѣреніе приняться за леченіе—очень непріятныя извѣстія. Несмотря на Вашу головную боль, Вы, милый Отесинька, таки продиктовали мнѣ довольно большое письмо и увѣряете, что головная боль отъ того уменьшилась... Увѣренію я не вѣрю, но благодарю Васъ за усиліе, если оно дѣйствительно по крайней мѣрѣ не повредило Вамъ. Я очень радъ, что Вы продолжаете писать свои Записки, милый Отесинька, и это болѣе, чѣмъ что другое успокоиваетъ меня относительно Вашего нездоровья. Я увѣренъ, что „Лебедь" у Васъ вышелъ особенно хорошо. По моему мнѣнію, лебедь долженъ быть написанъ какъ можно проще, проще утки: онъ самъ по себѣ такъ хорошъ и величавъ, такъ окруженъ ореоломъ всякихъ поэтическихъ преданій и эпитетовъ, нѣсколько уже опошленныхъ, что для самой свѣжести и оригинальности картины необходимы — совершеннѣйшая простота описанія, простое, спокойное и отчетливое изображеніе всѣхъ подробныхъ прелестей картины, безъ всякихъ восторговъ. Впрочемъ, я говорю, какъ бы я сдѣлалъ... Увѣренъ, впрочемъ, что если Вы и не удержались отъ лирическихъ мѣстъ, какъ бы мнѣ въ этомъ мѣстѣ казалось приличнымъ, то они все же вышли у Васъ и оригинальны и свѣжи. Вотъ какую-нибудь сѣрую утку можно подсдобить лиризмомъ,—но мнѣ особенно нравятся Ваши описанія потому, что въ нихъ простота выраженій безъ лиризма дово-

дятъ производимое впечатлѣніе до лиризма. — Хотя слова мои кажутся Вамъ не совсѣмъ логичными, но, вѣроятно, потому, что я неудачно выразился. Я продолжаю держаться мнѣнія о необходимости училищъ для купцовъ, подъ ихъ собственнымъ надзоромъ. Я считаю казенный надзоръ вреднымъ потому, что онъ все обратитъ въ форму и непремѣнно отдалитъ ихъ отъ ихъ быта. Не родители купцы вредятъ своимъ дѣтямъ; они уступаютъ неохотно; вредитъ имъ сама жизнь безъ образованія, стремленіе къ подражательности безсознательное... Я думаю устроить училище такое, въ которомъ бы воспитанники не жили, а по вечерамъ возвращались бы въ свои семейства: это не отдалитъ ихъ отъ семьи и отъ торговыхъ дѣлъ, потому что въ праздники и въ вакаціонные дни они могутъ помогать отцу въ лавкахъ. Въ коммерческомъ же училищѣ или, лучше сказать, институтѣ, воспитываются и дѣти чиновниковъ. Купцы говорятъ, что воспитанники этого училища по возвращеніи домой не только становятся чуждыми торговой практикѣ, къ которой надобно привыкать съ дѣтства, но, имѣя дѣла съ простыми мужиками, совершенно не понимаютъ другъ друга, не умѣютъ вести и поддерживать сношенія съ ними. Между тѣмъ мужикъ почти во всякой торговлѣ нуженъ купцу подъ видомъ извощика, разнощика, главнаго потребителя и наконецъ производителя (хлѣбъ, сельскіе продукты и проч.). Прикащикъ въ комедіи Островскаго, ломая немилосердно языкъ, весьма умѣетъ говорить съ мужикомъ и вести съ нимъ дѣла. Поэтому нужно давать такое образованіе, которое, не разрывая съ бытомъ и съ семействомъ, въ то же время спасало ихъ отъ нравственной порчи и безразумнаго подражанія дворянскому классу. Сверхъ того, я думаю устроить заведеніе безо всякихъ привиллегій, раздѣлить его на нѣсколько курсовъ, такъ чтобы отъ воли каждаго зависѣло, продолжать ли образованіе высшее или ограничиться среднимъ или даже первоначальнымъ.— Радуюсь очень, что Константинъ намѣревается заняться русскимъ словаремъ, но мнѣ хотѣлось бы видѣть, чтобъ онъ убилъ сначала одного зайца, русскую грамматику. Сообщаю ему, что въ одномъ изъ петербургскихъ журналовъ напечатана статья Срезневскаго: «Мысли объ исторіи русскаго языка». Нехудо бы ему

ее прочесть; я не читалъ и даже не знаю, гдѣ она помѣщена; кажется, въ «Отечественныхъ Запискахъ».—Благодарю очень милую Вѣру и Надичку за письма. На распросы Надичкины о моихъ здѣшнихъ знакомыхъ отвѣчаю, что я попрежнему почти нигдѣ не бываю и знакомства мои тѣ же. Евгеній часъ отъ часу слабѣетъ отъ монашеской жизни и старости и нерѣдко становится скученъ своею болтовней. О «Бродягѣ» онъ, воспитанный въ старыхъ схоластическихъ понятіяхъ, сказалъ мнѣ, что не видитъ цѣли сочиненія. Съ Филатьевымъ мы видаемся и бесѣдуемъ дружно, благоразумно избѣгая тѣхъ вопросовъ, гдѣ 18-й вѣкъ не можетъ сойтись со второй половиной 19-го. Впрочемъ, какъ съ нимъ, такъ и съ Жадовской я видаюсь теперь гораздо рѣже, стараясь свести концы начатыхъ мною работъ по Ярославлю, дабы въ концѣ Февраля уѣхать въ Ростовъ. Впрочемъ, я на нынѣшней недѣлѣ сдѣлалъ одно новое знакомство. Я говорилъ Вамъ, кажется, что въ 12-ти верстахъ отъ Ярославля проживаетъ знаменитая здѣсь М-me Б—мъ, урожденная М—ва, женщина чисто свѣтская, но прославленная въ Ярославлѣ за умнѣйшую и проч и проч. Она изъявляла нѣсколько разъ желаніе со мною познакомиться; но я ѣхать знакомиться въ деревню, за 12 верстъ (куда частехонько катаются здѣшніе ея поклонники), не соглашался. На прошедшей недѣлѣ старикъ Почтмейстеръ Жадовскій, дядя Юліи Жадовской, восторженный почитатель г-жи Б—мъ, просилъ меня придти къ нимъ вечеромъ и прочесть «Бродягу» для сей госпожи, которой ничего не значитъ прикатить на вечеръ за 12 верстъ. Я до сихъ поръ подъ разными предлогами отказывалъ женѣ его въ той же просьбѣ, но на этотъ разъ согласился, думая, что это будетъ лучшимъ средствомъ познакомиться съ Б—мъ съ разу и испытать ее, и сдѣлалъ глупость. Поѣхалъ; явилась Б—мъ, которую я до сихъ поръ никогда не видалъ: она—блондинка, съ огромными голубыми, нестерпимо бездушными глазами, словомъ бойкая, свѣтская, холодная женщина, съ умомъ и образованіемъ чисто гостиннымъ. Собственно ея достоинство состоитъ въ узости таліи, съ которой въ Англіи одинъ Англичанинъ снялъ мѣрку; я до слишкомъ узкихъ талій не охотникъ. Вслѣдъ за нею явился Д—довъ: флигель-адъютантъ прошлаго года, теперь же ге

нералъ свитскій, человѣкъ совершенно придворный и свѣтскій, пріѣхавшій сюда по случаю рекрутскаго набора, впрочемъ, здѣшній помѣщикъ (его дѣдъ основатель Лицея), богатый человѣкъ. Онъ упросилъ также Жадовскаго позволить ему пріѣхать, хотя, разумѣется, это было не для меня, а для Б—мъ, которая успѣла его очаровать. Все это было мнѣ не по сердцу, особенно то, что передъ чтеніемъ разговоръ около часу продолжался на Французскомъ языкѣ: въ этомъ слышится неуваженіе къ самому сочиненію, писанному на языкѣ русскомъ. Поэтому я и не упустилъ случая сказать, что Французскій языкъ избавляетъ отъ ума, чѣмъ немного ихъ озадачилъ и потомъ, дѣлать нечего, принялся за чтеніе. Само сабою разумѣется, что разные Французскіе восторги сыпались безъ умолку, но теплаго пониманія ни въ комъ не было. Одинъ гвардейскій юноша, пріѣхавшій сюда въ отпускъ и бывшій также тутъ, замѣтилъ глубокомысленно, что подобное поэтическое изображеніе должно было мнѣ стоить много труда и времени. Меня стали просить прочесть что-нибудь изъ мелкихъ стихотвореній, я отказывался, говоря, что они всѣ слишкомъ серьезны, но такъ какъ этимъ возбудилъ только дамскую обидчивость, то принужденъ былъ согласиться. Разгоряченный чтеніемъ и чувствуя сильную потребность выругаться, я объявилъ, что прочту стихотвореніе къ Петербургу и къ свѣтскимъ людямъ вообще, и прочелъ имъ то, что Вы знаете: *Съ преступной гордостью обидныхъ, тупыхъ желаній и надеждъ, рѣчей безъ смысла* и проч. и проч. Эффектъ былъ необыкновенный. Придворный генералъ сконфузился и покраснѣлъ; дамы произнесли слово: жестоко, а я почти вслѣдъ затѣмъ уѣхалъ. Впрочемъ, Генералъ простился со мною очень учтиво. Прочелъ же я такъ, какъ никогда не читалъ.. Разумѣется, это пойдетъ ходить по городу, и это-то мнѣ и досадно. Впрочемъ, я почти ни съ кѣмъ потомъ не видѣлся.—Прощайте; пожалуйста будьте здоровы и не браните меня за сдѣланную глупость. Въ этомъ только и проявляется еще иногда моя отцвѣтающая молодость!.. Гоголю и Хомякову дружескій поклонъ. Курите ли Вы папиросы, милый Отесинька, и кто Вамъ ихъ дѣлаетъ?

2-го Февраля 1850 года. Ярославль. Четвергъ.

Получилъ я вчера Ваши письма отъ Вторника, но, къ сожалѣнію, мало они принесли мнѣ утѣшительнаго о Вашемъ здоровьѣ, милый Отесинька. Я очень Вамъ благодаренъ, милый Отесинька, за то, что Вы дали 30 рублей серебромъ за Аѳанасія. Впрочемъ, о томъ, что этихъ денегъ не доставало, мнѣ сказалъ Аѳанасій послѣ. Его баринъ — великій мерзавецъ. Надобно видѣть радость Аѳанасія, что онъ можетъ съ нимъ развязаться. Пожалуйста поручите Татаринову Василію Ивановичу спросить у господина Аѳанасія, куда онъ дѣвалъ его мать? Насильно выдавъ ее, уже вдову, за своего крѣпостнаго, онъ продалъ ее сначала вмѣстѣ съ дѣтьми отъ перваго мужа какому-то купцу, потомъ, когда купецъ, испугавшись штрафа, которому за это подвергался, возвратилъ ее Татаринову, то сей господинъ, разлучивъ ее съ дѣтьми, продалъ кому-то и куда-то такъ далеко, что дѣти ея до сихъ поръ не знаютъ, что съ ней сталось и гдѣ она. Аѳанасій нѣсколько разъ просилъ его сказать ему о матери, но Татариновъ отвѣчалъ, что самъ не помнитъ. Нельзя ли сказать Василію Ивановичу, чтобы онъ непремѣнно вытребовалъ отъ этого скота всѣ нужныя свѣдѣнія.— На дняхъ получилъ письмо отъ А. О. Она Вамъ всѣмъ очень кланяется и вообще пишетъ очень много о своей любви ко всѣмъ намъ, какъ къ семейству, какъ къ цѣлому. Изъ Министерства ничего особеннаго не получилъ. Я очень увѣренъ что пользуюсь хорошимъ мнѣніемъ въ Министерствѣ, какъ говоритъ Россаловскій, но я выполню свое порученіе во многихъ отношеніяхъ хуже самыхъ посредственныхъ,—за то я разберу дѣло и съ такихъ сторонъ, о которыхъ, вѣроятно, никому другому изъ чиновниковъ не приходило въ голову. Всѣ исполняли это порученіе до сихъ поръ чисто въ хозяйственномъ отношеніи, а я изучаю предметъ въ нравственно-политическомъ отношеніи и знаю, что нѣсколько такого содержанія посланныхъ мною бумагъ показались въ Министерствѣ оригинальными и произвели эффектъ. Словомъ, вообще отъ меня не вѣетъ казенщиной. — Константинъ принялся за лексиконъ... а грамматика-то что-жъ? Новаго, ка-

жется, ничего нѣтъ. Съ М-me Б—мъ послѣ того не видался. Кланяюсь Н. Елагину, Мамонову и Хомякову. Новыхъ стиховъ нѣтъ.

5-го Февраля 1850 года. Ярославль. Воскресенье.

Вчера, вечеромъ, получилъ я Ваши письма отъ 3-го Февраля и воспользовался нынѣшнимъ Воскресеньемъ, чтобы написать Вамъ. Отвѣчаю на Ваше письмо. Чѣмъ же такъ недоволенъ Константинъ? Состояніе недовольства въ наше время, право, должно быть состояніемъ нормальнымъ, потому что никѣмъ и ничѣмъ, не исключая, и себя, нельзя быть довольну. Но если это недовольство происходитъ отъ личныхъ отношеній, то это напрасно: я въ подобномъ случаѣ никогда не дѣлаю другимъ такого, какъ говорятъ купцы, *уваженія*, чтобъ принимать къ сердцу ихъ поступки и отъ того разстроиваться. — Желалъ бы я очень посмотрѣть на Максимовича и Гоголя, когда они слушаютъ малороссійскія пѣсни. Я самъ слушалъ бы ихъ неравнодушно и потому, что онѣ хороши, и потому, что отъ нихъ вѣетъ теплою стороною, лѣтомъ, южной природой, къ которой такъ и тянетъ меня отъ надоѣвшаго мнѣ Сѣвера.—Будьте покойны, чтеніе стиховъ не имѣло и не будетъ имѣть здѣсь никакихъ вредныхъ послѣдствій. — Ко мнѣ теперь навязался на шею музыкантъ Парисъ. Я познакомился съ этимъ артистомъ-промышленникомъ еще на Сѣрныхъ водахъ. Онъ послѣ того успѣлъ побывать и въ Иркутскѣ, и въ Гельсингфорсѣ, и въ Ригѣ, и въ Москвѣ, гдѣ узналъ отъ кого-то, что я въ Ярославлѣ, въ которомъ онъ предполагалъ дать концертъ на пути въ Казань и въ Симбирскъ. Онъ прямо явился ко мнѣ съ просьбою устроить ему это дѣло. Къ счастію я могъ передать его одному любителю музыки, Совѣтнику Губернскаго Правленія, но тѣмъ не менѣе долженъ былъ присутствовать на двухъ музыкальныхъ вечерахъ. Скрипачъ онъ замѣчательный дѣйствительно. Я ужъ очень, очень давно не слыхалъ музыки и на этотъ разъ одна элегія Эрнста произвела на меня довольно сильное впечатлѣніе. Всѣ суровыя предпріятія воли, всѣ высокіе подвиги души могутъ, кажется, внезапно пасть и рушиться отъ одного звука Шубертовской

серенады или тому подобной музыки. Эти звуки наводятъ на меня минуты опьяненія, которыхъ я всячески избѣгаю, боясь ослабнуть дѣятельностью и волей. Сколько задачъ и сторонъ жизни, призывающихъ каждая къ себѣ, мѣшающихъ другъ другу: поэзія, вопросы учено-государственные и живое изученіе Россіи, дѣятельность чисто служебная и наконецъ сама жизнь, которою мы не живемъ, ибо можно ли назвать это жизнью. Отъ неудовлетворенія требованія всѣхъ этихъ сторонъ и происходитъ это чувство неудовольствія самимъ собою и тоска!..—Вчера былъ я у купца Серебренникова на поминальномъ обѣдѣ по случаю истеченія сорока дней отъ смерти его матери. Хотя Церковь и освящаетъ этотъ обычай, но онъ постоянно сохраняетъ характеръ языческій. Передъ обѣдомъ была панихида съ кутьей; за обѣдомъ, передъ киселемъ (здѣсь употребляютъ въ подобныхъ случаяхъ кисель), попы пропѣли заупокойную и пропѣли полупьяно, потому что это было въ концѣ обѣда. Послѣ этого сейчасъ подали вмѣсто шампанскаго красное церковное вино, которое было выпито въ память покойницы. Наконецъ послѣ обѣда подавалась, какъ говорятъ, заупокойная чаша. Попы вновь отслужили что слѣдуетъ, а затѣмъ каждый выпивалъ стаканъ меду или пива, обращаясь къ хозяину, крестясь и желая покойницѣ царства небеснаго. Самый обѣдъ происходилъ шумно и довольно весело.—Баринъ Аѳанасія—чистѣйшій мерзавецъ. Я посылаю Вамъ въ особомъ пакетѣ бумагу, написанную имъ, о томъ, что онъ отпускаетъ Аѳанасія за 900 рублей ассигнаціями. Аѳанасій послалъ съ Василіемъ Ивановичемъ Татариновымъ 805 рублей, да Вы дали еще 30 рублей серебромъ, что составитъ 910 рублей ассигнаціями. Пусть Василій Ивановичъ покажетъ эту бумагу Татаринову, но съ непремѣннымъ условіемъ не отдавать ему этой бумаги въ руки: Аѳанасій боится чтобы баринъ его ее не уничтожилъ.—На дняхъ мнѣ пришла было въ голову мысль—просить Министерство, чтобъ оно поручило мнѣ дѣлать описаніе торговыхъ селъ Ярославской губерніи, которыхъ здѣсь большое множество и которыхъ торговля едва ли не обширнѣе городской. Эту поѣздку по уѣздамъ можно было бы совершить лѣтомъ. Но какъ ни привлекательна была для меня эта мысль, я ее оставилъ, потому что боялся

связаться слишкомъ надолго съ Ярославской губерніей. Прощайте. Почта изъ Петербурга пришла и ничего мнѣ не привезла.

Февраля 13-го 1850 года. Ярославль

Вчера я не получилъ отъ Васъ писемъ; впрочемъ, и самъ не писалъ къ Вамъ въ прошедшій Четвергъ. — Послѣ довольно продолжительной и вѣтреной оттепели хватилъ небольшой морозъ, и нынче славный день, яркой ясности и свѣжаго воздуха. Зато въ полдень начинаетъ дѣйствовать солнце. Вы не повѣрите, какъ утѣшаетъ меня мысль, что солнце уже грѣетъ! Хотя теперь еще Февраль, но душа моя уже отрадно содрогается отъ предчувствія весны. Грустно только подумать, что лѣто, второе лѣто проведу я здѣсь, въ Ярославской губерніи, кое-какъ, въ хлопотахъ, безъ чувства внутренняго довольства, тогда какъ, можетъ быть, я могъ провести его на Югѣ, на берегу моря, куда меня такъ постоянно, такъ томительно тянетъ! Всѣ вопросы и интересы начинаютъ слабѣть съ предвкушеніемъ лѣта. Лѣтомъ хочу я быть просто Божіей тварью, частію природы, членомъ всей семьи мірозданія, вмѣстѣ съ цвѣтами, животными, бѣгущею водою Это идиллическое настроеніе духа было прервано приходомъ писца и бумагой въ квартирную коммиссію, поданной къ подпису. — Что сказать Вамъ новаго? Ничего, рѣшительно ничего. На этой недѣлѣ былъ концертъ Париса, а вчера Губернаторъ былъ именинникъ. На концертѣ я былъ, а у Губернатора нѣтъ, потому что у меня сдѣлался флюсъ. Читаю я теперь въ досужное время барона Гакстаузена. Его путешествіе чрезвычайно для насъ важно: въ Россіи нѣтъ книги съ болѣе добросовѣстными, интересными статистическими данными. — Черезъ 10 дней или много-много черезъ двѣ недѣли думаю отправиться въ Ростовъ. Ярославль мнѣ ужъ очень надоѣлъ и вообще мнѣ здѣсь довольно скучно. Только и интересуюсь теперь Англійскими проказами въ Греціи. Видаюсь по обыкновенію съ здѣшнимъ обществомъ очень мало, да и видаться не съ кѣмъ. Жадовская также мнѣ весьма наскучила, потому что я убѣждаюсь, что изъ ея талантика ничего замѣчательнаго не

выйдетъ. Бываетъ также такое расположеніе духа, въ которомъ и писать не о чемъ, точно такъ, какъ теперь мнѣ. Въ разсужденія вдаваться не хочется, живыхъ новостей нѣтъ, особеннаго передать нечего и потому я и заканчиваю это письмо до будущаго Четверга. Мнѣ хочется Константина подвергнуть отчетности, чтобъ онъ рапортовалъ черезъ каждые семь дней, чтó онъ сдѣлалъ путнаго? Точно такъ я поступилъ съ своими топографами, требуя еженедѣльныхъ донесеній объ успѣхѣ и ходѣ заданныхъ имъ мною работъ. Прощайте; кланяйтесь кому слѣдуетъ, по Вашему усмотрѣнію.

Къ Константину Сергѣевичу.

19 Февраля 1850 гада. Ярославль.

Благодарю тебя за письмо, милый другъ и братъ Константинъ, а также и за статью. *) Статья твоя написана прекрасно, но вполнѣ съ нею согласиться невозможно. Мнѣ кажется, что ты слишкомъ преувеличиваешь *наше* недостоинство, забывая, что мы все-таки достойнѣе уже дѣйствующихъ. Ты говоришь: «надо предложить народу средства просвѣщенія, а не самое просвѣщеніе»... Что жъ это значитъ? Это значитъ дать народу въ руки опасное орудіе, которымъ онъ можетъ уколоться, поставить его въ прямое сосѣдство съ гнилымъ просвѣщеніемъ безъ благонадежнаго посредника, сдѣлать его доступнымъ къ вредной пищѣ, не подготовивъ къ здоровой. Ты забываешь, что уже стоитъ рядомъ съ народомъ зло нашей цивилизаціи, и средства просвѣщенія сдѣлаютъ его воспріимчивѣе къ ней. Въ Ярослав-

*) Статья о народномъ образованіи. Сергѣй Тим. пишетъ по поводу этой статьи 10 Февраля 1849 года Ивану Серг.: Что тебѣ писать новенькаго? развѣ то, что Кошелевъ и Константинъ затѣяли письменное преніе о народномъ обученіи и оба, разгорячась, представили обществу прекомическую сцену. Кошелевъ собралъ десятка два гостей и оба съ Константиномъ во всеуслышанье прочли свои статьи. Константинъ читалъ послѣдній и уже такъ сердился, что послѣ чтенія Кошелевъ опомнился, отвелъ его въ темную комнату и сказалъ: „какую глупость я сдѣлалъ, что собралъ народъ, для чтенія нашихъ статей. Всѣ видятъ наше несогласіе и что Вы сердитесь“. Разумѣется кончилось все мирно.

ской губерніи болѣе всего грамотныхъ. Не говорю уже о горожанахъ: между мѣщанами—неграмотный рѣдкое исключеніе. Стало, средства просвѣщенія по твоему у нихъ есть. Что же они читаютъ? «Прекрасную Грузинку или Битву русскихъ съ Кабардинцами», «Козла-бунтовщика», «Вѣроломную маску»,—всю эту дрянь, продающуюся на ярмаркахъ по пяти копѣекъ серебромъ романъ. Мѣжъ тѣмъ какъ подлые спекулянты подчуютъ народъ этими помоями (и народъ ихъ читаетъ, т. е. народъ грамотный, кромѣ раскольниковъ, благо дешево! а заплативши деньги, мужикъ уже непремѣнно прочтетъ книгу), межъ тѣмъ какъ хищные волки расхищаютъ стадо, выражаясь слогомъ высокимъ и, конечно, весьма высокимъ для гг. Кузьмичева, Ѳедотова и другихъ,—ты не хочешь дать народу болѣе здороваго чтенія, потому что ты не рѣшилъ еще, точно ли оно будетъ здорово... Оно во всякомъ случаѣ здоровѣе Поль-де-Кока въ переводѣ и т. п.! (Мимоходомъ—мнѣ пришло въ голову, что ты бы никакъ не годился въ медики и уморилъ бы всѣхъ своихъ паціентовъ своею добросовѣстною нерѣшительностью). Не думай, что я преувеличиваю. Это точно правда, по крайней мѣрѣ относительно Ярославской губерніи: а Ярославскій крестьянинъ—вѣнецъ созданія въ Великороссіи—по своимъ дарованіямъ. На безчисленныхъ здѣшнихъ сельскихъ ярмаркахъ и рынкахъ этихъ книжонокъ продается безчисленное множество. Ты говоришь дальше: это средство есть грамотность церковно-славянская и русская и деревенская библіотека, состоящая изъ церковно-славянскихъ книгъ духовнаго содержанія. Конечно, просвѣщеніе должно быть основано на религіозныхъ началахъ: въ этомъ и спора нѣтъ; но я нѣсколько другаго мнѣнія объ исключительномъ чтеніи духовныхъ книгъ. Вся жизнь должна быть проникнута духомъ Христова ученія,—но ни Новый, ни въ особенности Ветхій Завѣтъ не должны сдѣлаться исключительнымъ предметомъ пытливости и дѣятельности *ума*. Умъ мой возбужденъ, въ немъ кипятъ силы, и мнѣ не на что ихъ употребить, какъ на чтеніе духовныхъ книгъ. Что жъ изъ этого выйдетъ? Что я или брошу наконецъ эти книги, потерявъ всякую вѣру, или же привяжусь къ каждой буквѣ, сдѣлаюсь толкователемъ, *начетчикомъ* (какъ называютъ крестьяне доку въ Свящ.

Писанія). Свящ. Писаніе пусть будетъ книгою успокоительною, книгою-прибѣжищемъ, книгою вѣры, книгою души, книгою, къ которой умъ, наработавшись въ области знанія, прибѣгалъ бы за отрадою,—но не такою книгою, на которую бы устремились всѣ дѣятельныя силы живого человѣческаго ума... Я видалъ этихъ начетчиковъ и жалѣю, что у нихъ не было другихъ книгъ, кромѣ книгъ духовнаго содержанія; я убѣжденъ, что они опасны для единства Церкви. Не говорю уже о томъ, что по настоящему прежде, чѣмъ давать въ руки народу церковныя книги, надлежало бы исправить переводъ Ветхаго Завѣта и другихъ книгъ, гдѣ встрѣчаются безсмыслицы. Мой пріятель-начетчикъ, Пошехонскій мужикъ, страстный охотникъ до чтенія, выучилъ наизусть Библію и сильно вретъ, споткнувшись на Апокалипсисѣ... Словомъ, постоянное и исключительное чтеніе этихъ книгъ ведетъ къ тому, что или книги не выдержатъ критики ума, или умъ не устоитъ и зайдетъ за разумъ. Словомъ, ихъ дѣло только смирять буйство ума и духа, а уму должна быть своя живая пища. Ты предлагаешь великодушно поставить въ деревенскую библіотеку собраніе русскихъ лѣтописей. Помилуй, Константинъ! Развѣ ты не видишь, что это занятіе предполагаетъ нѣкоторую отвлеченность въ человѣкѣ, да и языкъ лѣтописей не совсѣмъ доступенъ... Другое дѣло — знакомиться съ ней въ живомъ разсказѣ. За лѣтопись надо приняться, познакомясь съ общимъ очеркомъ исторіи. Мы сами спотыкаемся на каждой строкѣ... Но, впрочемъ, пусть стоятъ въ библіотекѣ и лѣтописи. Но этого мало. Ты говоришь: народъ самъ выучится, дайте ему средства. Но вѣдь умѣніе читать и писать, *когда читать нечего*, не ведетъ ни къ чему, какъ бы его и совсѣмъ не было; умѣніе читать, устремленное только на чтеніе Ветхаго Завѣта, Четіи-Минеи и т. п., при отсутствіи другой дѣятельности уму,— ведетъ къ односторонности, къ безвѣрію, къ суевѣрію, къ фанатизму, къ аскетизму, къ юродивости .. Умѣніе читать и писать, употребленное на чтеніе романовъ, продающихся такъ соблазнительно дешево,—ведетъ къ явному вреду.—Самый лучшій способъ обученія заключается въ живомъ преподаваніи учителя, въ умѣніи его возбуждать въ ученикахъ любовь къ свѣту знанія. Такими учителями по самому поло-

женію своему представляются сельскіе священники. Но къ сожалѣнію не таковы они на самомъ дѣлѣ. Что же дѣлать: это не въ нашихъ рукахъ; мы ихъ съ тобой не передѣлаемъ. Достаточно и того, что онъ можетъ передать вкратцѣ содержаніе Священной Исторіи, катихизиса и растолковать крестьянину, что изъ буки азъ, даже и безъ видимой услужливости буквы ъ, выходитъ *ба*, т. е. выучить его читать.— Конечно, мы не должны принимать съ народомъ тонъ учителей, нѣжныхъ отцовъ, гувернеровъ; конечно, не должны ему толковать философію Гегеля, но есть свѣдѣнія, которыя сообщать ему, кажется, негрѣшно и невредно, напр. науки положительныя, естествоиспытаніе... Сверхъ того, согласись, можешь ли ты предвидѣть время, когда ты себѣ скажешь: теперь мы можемъ передать народу наши знанія... По объему твоихъ требованій это могло бы случиться черезъ 200 лѣтъ. Но знай, если бы ты прожилъ и 200 лѣтъ, ты не увидалъ бы этого событія, потому что оно бы совершилось не въ томъ видѣ, не съ того боку, не такъ, какъ ты ожидаешь... Ты самъ себя осуждаешь на бездѣйствіе. Странный ты человѣкъ! Ты, вѣдь, лучше народа знаешь, что ему нужно: ты говоришь, что цивилизація трактирная, галстучная и жилетная не годится народу, а народъ съ дуру или инстинктивно влечется къ ней путемъ скорымъ и легкимъ, съ охотою. Если ты это лучше народа знаешь, отчего не сказать тебѣ этого народу? Впрочемъ, если ты начнешь ему это говорить, онъ тебя не пойметъ и тебѣ не повѣритъ (Хазовъ—исключеніе). Я говорю и повторяю, что мы съ тобою сходимъ съ горы, а онъ идетъ на гору вслѣдъ за другими изъ нашего сословія. Ты хочешь дѣйствовать на наше сословіе, но покуда ты достигнешь своей цѣли въ желанномъ размѣрѣ, всѣ уже перебываютъ на горѣ и Богъ вѣсть,— воротятся ли оттуда живы и здоровы. Этого стремленія не удержишь иначе, какъ захвативъ его на дорогѣ образованіемъ такимъ, разумѣется, которое бы освѣтило ему иной путь.—Впрочемъ, ты соглашаешься самъ, что мы можемъ передать народу наши знанія, хоть нѣкоторыя, общія, не вредныя, но по твоему мнѣнію недостатокъ въ томъ, что нѣтъ довѣрія. Дѣйствительно, все, что исходитъ отъ казны, по приказу,—не пользуется довѣріемъ, но есть другой путь.

Пусти книгу въ пять копѣекъ серебромъ, и она разойдется по крайней мѣрѣ въ двухъ, трехъ промышленныхъ губерніяхъ, а тамъ и дальше. Пусть Суздальскіе литографы нарисуютъ вмѣсто мученій ада, грѣшной жены — событіе изъ исторіи, географическую карту или т. п. Мало того, я бы пустилъ, хотя бы для раскольниковъ, много книгъ свѣтскаго содержанія на церковно-славянскомъ языкѣ, на которомъ они читаютъ охотнѣе. Я даже убѣждалъ Алексѣя Степаныча написать возраженія на Выгорѣцкіе отвѣты по-славянски, но онъ также почему-то задобросовѣстился и, по моему мнѣнію, вовсе не кстати. Да пусть пишетъ на какомъ хочетъ языкѣ, только пусть пишетъ.—Да что тутъ толковать! Пусть каждый изъ васъ напишетъ книгу для народа, взявъ себѣ какую-нибудь область знанія, потомъ представитъ ее на общій вашъ судъ, и тогда вы скажете по совѣсти: повредитъ ли народу чтеніе этой книги, напечатанной, конечно, съ одобренія Правительства и пущенной въ продажу дешевле грибовъ. Впрочемъ, мой отвѣтъ тебѣ вовсе не есть статья, а такъ, письмо, написанное съ разу, слѣдовательно, многое осталось недосказаннымъ, а сказанное изложено не въ порядкѣ, кое-какъ. Убѣдись—и попробуй, напиши что-нибудь въ родѣ историческаго разсказа и проч. и проч.

Какъ идутъ твои работы? Твоя грамматика, твой лексиконъ, твоя статья о богатыряхъ, твои письма о литературѣ?.. Много задачъ, много начато: ужель это не будетъ кончено во время? Не угодно ли тебѣ будетъ подчиниться слѣдующему правилу: каждую недѣлю присылать коротенькую рапортичку о своихъ занятіяхъ, въ такомъ родѣ: милый Иванъ! я на этой недѣлѣ подвинулся на столько-то, написалъ столько-то листовъ.—Человѣку необходимо нѣкоторое принужденіе или даже обманывать себя хоть призракомъ принужденія.— Но теперь я скажу тебѣ: прощай, милый другъ и братъ Константинъ. Крѣпко тебя обнимаю, будь здоровъ, бодръ и охочъ до труда.—P. S. Не люблю посылать письма на полулисточкѣ и потому отдаю тебѣ въ распоряженіе цѣлые поллиста почтовой бумаги. А кстати. Скажи отчего мы говоримъ: цѣл*ые* пол-листа, а не цѣл*ое* поллиста? Или *цѣлые* есть здѣсь родительный? Кажется, нѣтъ, а это множественное, но почему?.. Да читалъ ли ты Срезневскаго? Достань

и прочти.—А есть ли у Алексѣя Степановича въ деревняхъ школа? Почему бы ему не завести ее, хоть только для распространенія церковно-славянской грамматики?.. Кланяюсь Алексѣю Степановичу и Александру Ивановичу.

1850-го года. Февраля 20-го. Понедѣльникъ. Ярославль.

Получилъ письмо Ваше, посланное съ Татариновымъ. Откуда это Великопольскому достаются грамоты объ Аксаковскомъ родѣ? Константинъ, я думаю, доволенъ: это все, чай, доказательства о томъ, что мы принадлежимъ не къ земскимъ людямъ, а къ служилому классу, пользовавшемуся привиллегіею подписываться холопами?..—Я прочелъ отрывки, присланные Вами, изъ лебедя и гуся и нахожу, что они очень хороши! Въ описаніи лебедя, по крайней мѣрѣ въ томъ, что прислано, все очень умѣренно, и легкій оттѣнокъ лиризма скрадывается технической точностью выраженій, напр. о просушкѣ перьевъ, о чисткѣ носомъ и проч. Только одно слово мнѣ показалось изношеннымъ: темноголубое стекло воды, но его можно замѣнить другимъ, и все будетъ прекрасно. Я не понимаю, чѣмъ вы можете быть тутъ недовольны: Вы рѣшительно избѣгли того подводнаго камня, который представлялся при описаніи лебедя.—Константину на его статью я отвѣчаю особымъ письмомъ; я съ ней не вполнѣ согласенъ, но написана она очень хорошо, ясно и просто *).—Обѣщанныхъ сплетней и описанія дамскихъ козней Вы не прислали.—Благодарю милую Вѣру за присылку Малороссійскихъ пѣсней. Очень хороши онѣ, особенно послѣдняя. Пѣсню—«не хилися явороньку»—знаю и очень люблю. На письмо ея отвѣчаю тѣмъ, что С—вой я пишу не прежде, какъ по полученіи отъ нея отвѣта, отчего случается не писать иногда три и четыре мѣсяца. На письмо ея, полученное мною еще въ Декабрѣ, я отвѣчалъ ей уже по возвращеніи изъ Москвы. Въ этомъ письмѣ я дѣйствительно писалъ маленькій панегирикъ своей семьѣ, описывая ея независимость, самостоятельность, своеобычливость, оригинальность, презрѣніе къ внѣшности и нѣкоторую гордость. Оканчивая описаніе, я говорю ей: ну, посудите же сами, какъ трудно

---

*) Предыдущее письмо.

намъ жениться: гдѣ найти дѣвушку, которая ни умомъ, ни чувствомъ, ни образованіемъ не нарушила бы гармоніи этого хора, не внесла бы въ него диссонанса, не испортила бы мнѣ моихъ семейныхъ отношеній, которыя для меня важнѣе жены. Къ тому же я никогда не возьму за женой души и не захочу, чтобъ ихъ продавали, а потребую безвозмезднаго отпуска ихъ на волю.—Это, впрочемъ, я разсказалъ такъ, кстати, а главная цѣль моего отвѣта Вѣрѣ состоитъ въ томъ, чтобы она была покойна и не опасалась, что я буду передавать содержаніе ея писемъ А. О —Передайте всѣмъ, кому вѣдать надлежитъ, и Надеждѣ Николаевнѣ, и Свербѣеву, что Муравьевъ Сибирскій будетъ не раньше Мая. Онъ хорошо тамъ дѣйствуетъ и дастъ, вѣроятно, новую жизнь и значеніе краю. Камчатка сдѣлана губерніей, и въ нее переселяется 10.000 душъ; образуется новый флотъ на Охотскомъ морѣ или, что все равно, на Восточномъ океанѣ. Экспедиція Англичанъ для отысканія Франклина заключаетъ въ себѣ тайную цѣль: развѣдать положеніе нашихъ береговъ, поискать новыхъ островковъ около насъ и отбить у насъ всякую силу на тѣхъ моряхъ. По крайней мѣрѣ такъ говорятъ моряки, пріѣхавшіе изъ Камчатскаго порта. Хорошо, если бы Россіи удалось возвратить себѣ устье рѣки Амура: тогда каналами въ разныхъ мѣстахъ, между рѣкъ, всего на пространствѣ 300 верстъ, можно было бы соединить Балтійское море и Волгу съ Амуромъ и Океаномъ. Тогда не надо было бы намъ огибать почти кругомъ свѣта, чтобы попасть на кораблѣ въ Камчатку, и торговля наша съ Америкой получила бы огромное развитіе. Меня это все очень занимаетъ и дай Богъ, чтобы Муравьевъ успѣлъ хоть въ нѣкоторыхъ изъ этихъ предположеній. — По случаю моего нездоровья дѣла мои нѣсколько было позатянулись. Рѣшительно не было возможности заниматься дѣломъ, во время боли, съ наклоненною головой. Я хотѣлъ было ѣхать въ Ростовъ на масляницу, а придется отложить до первой недѣли поста и пріѣхать на самую ярмарку. Только нынче эта ярмарка придется въ самую распутицу. Какъ на этой недѣлѣ я все сидѣлъ дома, то ничего особеннаго Вамъ и сообщить не могу. Читали ли Вы,—впрочемъ, Вы «Москвитянина» не получаете, но достаньте 3-й № и прочтите—рукопись Старицы Марьи, напечатанную въ Новогородскихъ

вѣдомостяхъ. Эта Старица Марья, игуменья женскаго монастыря, описываетъ свое мірское дѣвичество и причины, заставившія ее идти въ монастырь. Была она Княжна Одоевская (въ концѣ XV и въ самомъ началѣ XVI вѣка) и влюбилась въ нѣкоего Назарія, учившагося у Нѣмцевъ. Погодинъ доказываетъ, что это мистификація. Мнѣ самому это кажется. Если же нѣтъ, то это вещь предрагоцѣнная. Хочется мнѣ знать мнѣніе Константина объ этомъ предметѣ. Тутъ и война Іоанна III съ Новгородомъ. Непремѣнно достаньте. Да что, я знаю, скажете: надо, надо достать, да и отложите и забудете, а нѣтъ, чтобы вотъ сейчасъ же: сказано и сдѣлано. Вотъ такъ и книжка Срезневскаго, которую Константинъ обязанъ прочесть по званію филолога. Прощайте, будьте здоровы и бодры. Вы давно мнѣ не писали, моя милая Маменька, но я знаю, что Вы въ послѣдній разъ были заняты.

1850-го года, Февраля 23-го. Ярославль.

Ваши письма отъ 21-го Февраля я получилъ вчера къ ночи. Не совсѣмъ веселыя извѣстія сообщаете Вы: все больные и больные. Скучна, признаться, эта безпрестанная мелкая возня съ обстоятельствами, на которую поневолѣ приходится тратить и время и силы. И это жизнь! Ну, да оставимъ это. Я ношу въ душѣ такое глубокое презрѣніе къ жизни и къ счастью человѣческому, что даже почти никогда и не говорю о томъ.—Меня удивилъ пріѣздъ Самарина, а еще больше то, что Вы, милый Отесинька, собираетесь читать ему свои охотничьи записки. Можетъ ли Самаринъ быть расположенъ ихъ слушать, когда Өедоръ Васильевичъ въ такомъ положеніи? Поклонитесь Самарину отъ меня; жаль, что я его долго не увижу.—Готовлюсь къ отъѣзду въ Ростовъ, но Вы продолжайте писать въ Ярослась, впредь до моего указанія. Ростовъ будетъ для меня очень интересенъ: своими памятниками древности, своимъ мѣстоположеніемъ и ярмаркой—одной изъ важнѣйшихъ въ Россіи.—Однако уже семь часовъ (вечера). Писать мнѣ рѣшительно нечего, и потому письмо идетъ вяло, и я боюсь опоздать. Время такъ однообразно проходитъ, что не возбуждаетъ въ головѣ никакой живой дѣятельности. Впрочемъ я хотѣлъ нынче только поздравить Васъ съ будущимъ днемъ 1-го Марта.

*) Отецъ Самарина.

26-го Февраля 1850 года. Воскресенье вечеръ. Ярославль.

Нынче поутру получилъ я Ваши письма отъ 24-го. О гусѣ Вашемъ я не написалъ ничего потому, что объ немъ ничего особеннаго не могу сказать, кромѣ того, что превосходно и въ высшей степени занимательно. Все это подразумѣвается само собою, а потому я писалъ подробнѣе о лебедѣ, описаніе котораго представляло нѣкоторые подводные камни. Скажу откровенно, что гусь выигрываетъ передъ лебедемъ большею простотой описанія и занимательностью; впрочемъ, о послѣднемъ трудно судить, потому что мнѣ прислано только начало лебедя. Я увѣренъ, что въ «водахъ» вашихъ Вы также обошли подводные камни и что онѣ также хороши...— О себѣ ничего особеннаго сказать Вамъ не имѣю: работаю и въ досужное время большею частію сижу дома и читаю. Читаю довольно много. Выѣзжаю мало или, лучше сказать, совсѣмъ не выѣзжаю, потому что не къ кому и всѣ знакомые, даже не изъ глупыхъ, живя и мысля, какъ обыкновенно въ провинціи, заднимъ числомъ, наводятъ на меня сильную скуку. Всего чаще видаюсь съ Татариновымъ, съ которымъ, конечно, не скучаю. Впрочемъ, меня теперь занимаютъ разные политико-экономическіе вопросы Напр. здѣшніе мѣщане, въ поданномъ мнѣ ими «разсужденіи мѣщанскаго общества о своихъ нуждахъ», жалуются на то, что команды исправительной арестантской роты, здѣшняго гарнизона и другихъ постоянно квартирующихъ здѣсь полковъ отбиваютъ у нихъ всѣ публичныя и частныя ручныя работы, потому что они, мѣщане, не могутъ вступать въ совмѣстничество съ ними и продавать вещи такъ же дешево, какъ они. Надобно знать, что арестантскія роты, въ которыя преступники отдаются на время, обязаны занимать постоянно арестантовъ работою, плата за которую получается ихъ начальствомъ; изъ этой платы дѣлается или должно дѣлаться пособіе арестантамъ при оставленіи ими роты. Солдаты полковъ и гарнизона получаютъ плату уже на себя, работая артелью, въ казармахъ, съ покровительствомъ своихъ начальниковъ... Почти всякаго рода мастерства производятся ими. Всѣ эти арестанты и солдаты, будучи одѣты, обуты, накормлены, имѣя квартиры съ отопленіемъ и освѣщеніемъ на счетъ казны, само собою разумѣется, бе-

рутъ за работу не только вдвое, но вдесятеро дешевле мѣщанина, который трудомъ своимъ долженъ снискивать себѣ одежду, пропитаніе, помѣщеніе. Отъ этого всѣ обращаются теперь съ заказами не къ нимъ, а къ арестантамъ или солдатамъ... Вы скажете: запретить. Но на какомъ разумномъ основаніи запретите вы солдатамъ работать въ свободное время, занимать себя полезнымъ трудомъ, копить себѣ деньгу на случай отставки?... Не говорю уже объ арестантахъ: Я не защитникъ современнаго ихъ устройства, но защитникъ системы исправительнаго тюремнаго заключенія, при которой всѣ заключенные работаютъ, и изъ выручки третья часть откладывается въ ихъ пользу... Признаю также, что необходима свобода совмѣстничества, и поэтому отвергаю средневѣковыя учрежденія цеховъ, но не могу не видѣть, что тутъ нѣкоторымъ образомъ самая свобода совмѣстничества нарушается: никто не имѣетъ права попасть въ солдатскую артель, это корпорація замкнутая... За границей былъ поднятъ такой же вопросъ по поводу совмѣстничества работъ исправительныхъ тюремныхъ заведеній. Не знаю, какое правительственное разрѣшеніе получилъ онъ, но было много мнѣній, которыя я заставилъ Татаринова изложить себѣ въ особой статьѣ. Я еще не рѣшилъ себѣ этого вопроса... Впрочемъ, напрасно я Васъ утомляю этимъ нисколько незанимательнымъ для Васъ предметомъ. А между тѣмъ вопросы эти, какъ и всѣ торговые и другіе, заключающіе всѣ условія существованія, имѣютъ огромную важность и вліяніе на характеръ и нравственность народа!.. Покуда мы гуляемъ въ отвлеченности, у насъ образуется tiers-ètat—почетное гражданство, котораго такъ жадно добиваются купцы и котораго существованіе мы, говоря модно ученымъ языкомъ, игнорируемъ. — Мнѣ доставили наконецъ свѣдѣніе о нѣкоторыхъ ремесленныхъ селахъ. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Ярославля находятся пять деревень, которыя теперь раздѣлены между двумя помѣщиками, а прежде составляли одну вотчину. Тѣсную связь между собою они сохранили и теперь, несмотря на принадлежность разнымъ господамъ. Эти деревни имѣютъ всѣ условія для выгоднаго существованія: 1) онѣ на оброкѣ и довольно легкомъ; 2) въ лицо не видятъ своего помѣщика и избавлены отъ его ежеминутной

попечительности и заботливости. Душъ мужскаго пола всего 239. Жители занимаются хлѣбопашествомъ и плотничествомъ или, лучше сказать, столярнымъ мастерствомъ. Не слишкомъ давно они положили на мірской сходкѣ, что каждому изъ нихъ позволяется заниматься всякою плотничною и столярною работою и принимать заказы, какіе и въ какую цѣну угодно, исключая дѣланія ящиковъ (главное производство) для укладки свѣчъ, бутылокъ, бѣлилъ, конфектъ и проч. — Работа ящиковъ производится обѣими вотчинами сообща и распредѣляется по тягламъ: на сходкѣ рѣшаютъ, кто и какіе ящики долженъ дѣлать, сколько и къ кому доставлять. Разумѣется распредѣленіе дѣлается самое ровное. Цѣна опредѣлена мірскою сходкою и, по увѣренію самихъ купцовъ, на которыхъ они работаютъ,—самая умѣренная. Деньги же получаются каждымъ въ свою собственность. Этихъ ящиковъ (работа которыхъ производится только въ деревнѣ, а ни подъ какимъ видомъ не въ городѣ) дѣлается въ годъ 124 тысячи, цѣною тысячъ на 10 серебромъ. За нарушенія этого постановленія виновный, сверхъ взысканія 25-ти рублей пени, наказывается при сходкѣ. Всѣ эти положенія утверждены между бурмистрами обѣихъ вотчинъ условіемъ, разумѣется, на простой бумагѣ и безъ формальнаго засвидѣтельствованія. Помѣщики желаютъ имѣніе это продать и объявили крестьянамъ, что они могутъ или пріискивать себѣ помѣщика—добраго и хорошаго, или же откупиться. Крестьяне рѣшились на послѣднее и послали просьбу Графу Киселеву о ссудѣ имъ денегъ для выкупа—съ платежомъ процентовъ въ теченіе 26-ти лѣтъ. Чѣмъ разрѣшится просьба, не знаю.— Я прочиталъ на этой недѣлѣ весь Домострой попа Сильвестра и дивился, какъ могло родиться такое произведеніе: такъ многое въ немъ противно свойству русскаго человѣка! Я терпѣть не могу правилъ въ самой жизни и вообще не люблю обычая, какъ скоро уже онъ замерзъ, какъ скоро онъ покушается сдѣлаться правиломъ и властвовать надъ жизнью. На этомъ основаніи я не люблю и монашескихъ уставовъ, гдѣ формулировано аскетическое стремленіе. Еслибъ у меня былъ наставникомъ Сильвестръ и докучалъ мнѣ своими нравоученіями, то я, и не будучи Іоанномъ Грознымъ, прогналъ бы его отъ себя за тридевять земель! Впрочемъ,

нельзя не сознаться, что образъ жизни и поведенія, предписываемый этимъ попомъ, совершенно напоминаетъ теперешній купеческій образъ жизни и обхожденія, особенно тамъ, гдѣ цивилизація незамѣтна... «Все для гостей, все для показу»—главная тема Сильвестра и нашихъ купцовъ.—Женѣ у Сильвестра позволяется разговаривать (и только съ женщинами же) только о томъ: «какъ порядня вести и какое рукодѣлсйцо сдѣлати». Если жена не слушается, то мужъ обязанъ: «постегать ее плетью, только наединѣ, поучить, да примолвить, да пожаловать»... Такъ должна и хозяйка поступать съ людьми. Бить по «видѣнью» и палкой не совѣтуетъ; то ли дѣло, говоритъ онъ съ чувствомъ, бить плетью бережно: «и разумно, и больно, и страшно, и здорово». Поповъ и монастырскую братію—кормить при всякомъ удобномъ случаѣ.—Но что удивительно—это экономія, разсчетливость, аккуратность въ хозяйствѣ—болѣе, чѣмъ Нѣмецкая, и съ которой жизнь просто каторга: все записывать, все взвѣшивать, постоянно остерегаться, чтобы люди не обокрали.

6-го Марта 1850 года. Ярославль. Утро.

Вотъ и великій постъ! Поздравляю Васъ съ нимъ. Черезъ два часа я отправляюсь въ Ростовъ, слѣдовательно теперь распространяться не время.—Ожидаю отъ Константина отвѣта на мое послѣднее письмо; онъ иногда пропускаетъ безъ особеннаго вниманія извѣстія любопытныя и важныя, мною сообщаемыя, тогда такъ по настоящему ихъ надобно немедленно сообщать другимъ, подумать, потолковать.—Вчера Ярославское общество бѣсновалось цѣлый день, но я не участвовалъ въ этомъ бѣснованіи, а отобѣдалъ у своего хозяина Пастухова, котораго удалось мнѣ уговорить и который, слава Богу, подписалъ мнѣ три тысячи серебромъ на заведеніе здѣсь училища. Въ Ростовѣ надѣюсь собрать, если Богъ поможетъ, нужную сумму.

1850 года, Марта 9-го. Ростовъ. Четвергъ.

Пишу Вамъ уже изъ Ростова, куда я пріѣхалъ въ Понедѣльникъ и гдѣ уже получилъ одно письмецо Ваше отъ Втор-

ника. Я не хотѣлъ вовсе писать нынче, но пишу теперь собственно для того, чтобы звать сюда Константина. Теперь всего лучше ему пріѣхать: 1) онъ взглянулъ бы на ярмарку, которая стоитъ того, чтобы ее посмотрѣть; 2) онъ бы взглянулъ на Ростовскія древнія святыни; 3)—выгода та, что помѣщеніе ему бы ничего не стоило: онъ бы помѣстился у меня; наемная же плата за помѣщеніе во время ярмарки—страшно высока. На ярмарку стекается народу тысячъ болѣе ста, да купцовъ тысячъ до десяти. Она продолжается почти три недѣли. Доходъ города и жителей весь отъ этихъ трехъ недѣль; въ остальное время года почти нѣтъ торговли. А какъ хороши древности Ростова съ ихъ Кремлемъ! Впрочемъ, мѣстоположеніе города и самыя древности осматривать лучше лѣтомъ или весной. Хотя по календарю слѣдуетъ быть веснѣ, однако, на счастіе Ростова, стоитъ преисправная зимняя погода и отличная дорога, чего никто не могъ ожидать.—Стою я у Петра Васильевича Хлѣбникова, наверху. Тутъ же въ бель-этажѣ помѣщается и жандармскій полковникъ, пріѣзжающій на ярмарку въ званіи Коменданта ярмарки.—Вамъ, милая Маменька, нужнымъ считаю доложить, что отслужилъ молебенъ Димитрію Ростовскому, который высокаго роста, и у раки котораго есть серебряная доска съ надписью и стихами сочиненія Ломоносова. У Ростова, кажется, своихъ собственныхъ святынь будетъ съ десятокъ: мощей открытыхъ и подъ спудомъ премного. Я съ удовольствіемъ отслужилъ молебенъ Димитрію, котораго уважаю больше другихъ святыхъ и къ которому имѣешь сочувствіе, какъ къ литератору.—Въ Ростовѣ превосходно дѣлаютъ образа на финифти, и не только образа, но и портреты черною краскою.—По случаю поста увеселеній общественныхъ на ярмаркѣ нѣтъ, но надобно признаться, что ярмарка вовсе не придаетъ великопостнаго вида городу. Она важна еще тѣмъ, что это время срочныхъ платежей; за покупку и продажу хлѣба прошлымъ лѣтомъ въ Рыбинскѣ расплата происходитъ здѣсь. — Впрочемъ, подробное и отчетливое изображеніе ярмарки и города оставляю до другаго раза. Если Константинъ хочетъ, то можетъ привезти съ собою Хомякова или Мамонова. Прощайте. Прошу сестеръ не слишкомъ усердствовать въ постѣ и въ хожденіи въ церковь. Я самъ пост-

ничаю,—впрочемъ, ѣмъ рыбу и, признаюсь, вовсе не сталъ бы постничать, ибо круглый годъ ѣмъ умѣренно и не чувствую никакой въ постѣ потребности; да совѣстно предъ Аѳанасіемъ и купцами.

Марта 13-го 1850 года. Ярославль. Понедѣльникъ.

Получилъ я въ Субботу и второе письмо Ваше, адресованное въ Ростовъ. Безпокойное теперь у Васъ время, и я перестаю надѣяться на пріѣздъ Константина. А жаль! Ярмарка такъ любопытна.—Я бы хотѣлъ какъ-нибудь описать ее Вамъ поживѣе, но не чувствую въ себѣ самъ никакого живаго расположенія. Слѣдствіе ли это постной лимфообильной пищи, скуки отъ занятій, или находящей на меня, хотя и рѣдко, тупости и вялости, — не знаю, но чувствую, что стиховъ долго не придется писать мнѣ. Тутъ, впрочемъ, еще двѣ причины: одна—это мое теперешнее положеніе въ городѣ, гдѣ граждане дѣлятся на три партіи, которыя всѣ въ страшной враждѣ между собою, кляузничаютъ, жалуются, доносятъ другъ на друга... Слѣдовательно, положеніе чиновника, незнакомаго съ городомъ, чрезвычайно непріятно и скучно. Всякое хорошее намѣреніе, родившееся въ одной партіи, осуждается другою, потому только, что придумано тою партіею. А причина раздѣленія—въ неуравнительности богаства. Владѣльцы вотчинныхъ лавокъ, получающіе доходъ съ нихъ во время ярмарки, подвергаются преслѣдованію другихъ богачей, не имѣющихъ своихъ собственныхъ лавокъ; наконецъ есть не вотчинники и не богачи, которые враждуютъ съ тѣми и другими. И не то, чтобъ были притѣсненія, нѣтъ: одни говорятъ, что платятъ повинностей больше, чѣмъ другіе; другіе доказываютъ, что они вовсе не такъ богаты, не имѣютъ большихъ доходовъ; словомъ, въ основаніи зависть. Вообще всякое владѣніе, приносящее владѣльцу доходъ безъ труда съ его стороны, носитъ на себѣ характеръ незаконности. Такъ и помѣщикъ, такъ и вотчинникъ—кажутся (и, можетъ быть, справедливо) неправыми купцу, производящему торговлю, слѣдовательно, человѣку трудящемуся и заискивающему... Но это одинъ изъ тѣхъ безконечныхъ соціальныхъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ при-

надлежитъ времени. А между тѣмъ человѣкъ, лежащій въ шелковомъ халатѣ на бархатномъ диванѣ, ничего не дѣлающій и наслаждающійся жизнью посредствомъ доходовъ съ недвижимой собственности, полученной въ наслѣдство,—слѣдовательно, богатый безъ заслуги и трудовъ съ своей стороны,—всетаки оскорбителенъ человѣку, обогащающемуся дѣятельнымъ трудомъ... — Были интриги даже относительно моего помѣщенія. Каждая сторона назначала квартиру у себя, но я, не зная этого, остановился тамъ, гдѣ нашелъ для себя удобнѣе, и именно у Петра Васильевича Хлѣбникова, одного изъ вотчинниковъ, хотя очень умнаго и образованнаго человѣка. Онъ не купецъ и не мѣщанинъ, а почетный гражданинъ, который не производитъ торговли, слѣдовательно, и не записанъ въ купцы, а получаетъ доходъ съ своихъ домовъ и лавокъ. Само собою разумѣется, что мое помѣщеніе не можетъ имѣть никакого на меня вліянія; но скучно то, что во всѣхъ этихъ дрязгахъ слышишь вопросъ, поколебавшій человѣчество и неразрѣшенный имъ.— Вторая причина моей апатіи — продолжительность зимы. 13-е Марта, а зима въ полномъ могуществѣ! Кажется, пахни только весенній вѣтеръ тепломъ, зашевелись природа, — и духъ бы воскресъ и хоть на минуту можно было бы забыть дрянь-человѣка! Я не могу, подобно Константину, утѣшаться такими фразами: «главное — принципъ, остальное — случайность», или «что русскій народъ ищетъ царствія Божія!..» и т. д. Равнодушіе къ пользамъ общимъ, лѣнь, апатія и предпочитаніе собственныхъ выгодъ — признаются за исканіе царства Божія! — Что касается до принципа, то, признаюсь, это выраженіе Константина заставило меня улыбнуться. Это все равно, что говорить голодному: другъ мой, ты будешь сытъ на томъ свѣтѣ, а теперь голодай, — это случайность; намажь хлѣбъ принципомъ вмѣсто масла, посыпай принципомъ — и вкусно: нужды нѣтъ, что сотни тысячъ умрутъ, другія сотни уйдутъ, — это случайность. Легкое утѣшеніе. Если бы я такъ вѣрилъ въ принципъ и въ *жизненность* этого принципа въ русскомъ народѣ, то, право, и горевать бы не сталъ. Возмущаютъ меня факты, — ничего, вынулъ изъ кармана табакерку, понюхалъ принципа — и счастливъ! — Гдѣ онъ — этотъ принципъ? Куда затесался? Поди, Констан-

тинъ, достань пыльную лѣтопись, поищи его въ XII и XIII вѣкѣ, когда князья терзали русскую землю, воюя другъ у друга удѣлы... Поздравляю съ этой находкой.—Осадокъ разныхъ подобныхъ ощущеній въ сердцѣ производитъ во мнѣ то, что производитъ дурной вкусъ во рту, — и заставляетъ меня еще болѣе привязываться къ наслажденію природой. Но и тутъ—тепла и тепла хочется мнѣ! Теперь великолѣпныя лунныя ночи. Думалъ я недавно, смотря въ окно ночью: отчего это луна уже не дѣйствуетъ на меня, какъ бывало, когда я не могъ на нее смотрѣть равнодушно, безъ сладкихъ ощущеній грусти и томленія, когда она неминуемо производила во мнѣ волшебное очарованіе... Теперь гляжу на нее очень равнодушно; *знаю*, что она хороша, но не рождаетъ она во мнѣ никакихъ ощущеній, — и жаль мнѣ становится, что однимъ наслажденіемъ меньше стало. Думаю, что весною и лѣтомъ будетъ не то. — Здѣсь теперь Губернаторъ. Вчера я обѣдалъ съ нимъ у Головы и нынче опять обѣдаю съ нимъ у Головы же, въ собраніи купцовъ. Само собою разумѣется, что съ полчаса проходитъ въ усаживаніи гостей за столъ: хозяинъ хлопочетъ, чтобы всѣ сидѣли по чинамъ и по званію, а потому разъ пять дѣлается перемѣщеніе. Ибо сѣвшій двумя стульями ниже, если и молчитъ, то тѣмъ не менѣе глубоко чувствуетъ оскорбленіе. Этотъ обычай весьма почтененъ, потому что древенъ, а что древенъ, такъ это доказываетъ «Домострой» Сильвестра, посвятившаго этому важному предмету цѣлую главу. Теперь купецъ повѣдаетъ о своемъ оскорбленіи только женѣ. Къ сожалѣнію, новѣйшая цивилизація не дозволяетъ уже ему въ подобныхъ случаяхъ спускаться со стула подъ столъ и, лежа тамъ, толстымъ своимъ брюхомъ приподнимать столовыя доски со всею посудой... Бутурлинъ нынче уѣзжаетъ обратно въ Ярославль, а черезъ недѣлю думаетъ ѣхать въ Петербургъ. Онъ пріѣзжалъ взглянуть на ярмарку. Конная ярмарка уже почти кончилась, но по всѣмъ прочимъ отраслямъ торговля въ самомъ разгарѣ: гулъ несмолкаемый съ утра до ночи. Эта ярмарка обилуетъ собственно матерьялами: ленъ, пенька, красное индиго, бумага, марена и т. п. Вообще продажи, даже и крестьянскихъ издѣлій, больше оптовыя: такъ напр. вчера я видѣлъ возовъ по крайней

мѣрѣ съ 50, если не больше, только съ шерстяными, крестьянскими чулками, которые продаются повозно. Дѣятельность торговая необыкновенная. Всякій уголокъ, всякій столбикъ обратился въ лавку. Цѣлыя огромныя стѣны выставлены картинъ, гдѣ рядомъ съ Митрофаномъ какая-то одалиска; съ страшнымъ судомъ — какая-то Minna et Brenda; тамъ цѣлый полкъ колоколовъ, повѣшенныхъ на наскоро устроенныя перекладины; ихъ безпрестанно пробуютъ, и звонъ продолжается цѣлый день. Тутъ цѣлый рядъ импровизированныхъ печей, гдѣ варятся, жарятся и готовятся разныя кушанья для народа; тутъ огромные трактирные балаганы, набитые мужиками и женщинами, которыхъ въ остальное время въ трактиры не пускаютъ и которыя во время ярмарки пользуются эманципаціей. Вчера ко всему этому присоединилось Воскресенье. Противъ моихъ оконъ огромный дворъ, принадлежащій Княгинѣ Чернышевой: тамъ останавливаются крестьяне здѣшняго уѣзда. Вчера этотъ дворъ былъ такъ набитъ возами, что въ буквальномъ смыслѣ яблоко негдѣ было уронить. Я видѣлъ, какъ возы эти пріѣзжали: на каждомъ возу сидѣла баба, окутанная какою-то простынею. Пріѣхавши, она снимала простыню и оставалась въ своемъ парадномъ костюмѣ, въ которомъ и отправлялась гулять. Костюмъ состоитъ большею частью изъ ярко-желтаго платка на головѣ, пунцовой шубки и платья ситцеваго или штофнаго; обувь—валенки, которые какъ-то плохо гармонируютъ съ шелкомъ и штофомъ. Шляпокъ Французскихъ я не видалъ здѣсь на крестьянкахъ; у большей части даже ротъ завязанъ; впрочемъ, платье, хотя и съ шубкой, въ которой талія — поперекъ лопатокъ, — вытѣсняетъ сарафанъ. Бабъ вчера было премногое множество: хорошенькихъ довольно, красавицы ни одной, брюнетки ни одной; косы — крысьи хвосты; румяна и бѣлила наложены щедро. Какъ великій постъ воспрещаетъ употребленіе скоромнаго масла, но не воспрещаетъ вина, то пьяныхъ (разумѣется; мужиковъ)—въ соразмѣрномъ количествѣ. Впрочемъ безпорядковъ никакихъ нѣтъ.—Чернобровая красота, упоминаемая въ пѣсняхъ, есть воспоминаніе Юга, вмѣстѣ съ синимъ моремъ, съ зеленою степью, съ лебедемъ.

1850 года, Марта 20-го. Понедѣльникъ. Ростовъ.

Вотъ и Константинъ здѣсь! Я очень радъ, что онъ пріѣхалъ, такъ радъ, что даже балую его, т. е. угощаю его обществомъ лучшихъ людей всей Ярославской губерніи. По случаю ярмарки сюда собрались разные мои хорошіе и короткіе пріятели, пріобрѣтенные мною во время моего пребыванія въ разныхъ уѣздахъ этой губерніи. Всѣхъ ихъ я уже предупредилъ о Константинѣ, всѣ они уже знакомы черезъ меня съ нашимъ образомъ мыслей, такъ что Константинъ пріѣхалъ какъ бы къ давно знакомымъ людямъ. Съ одной стороны это ему пріятно, съ другой — я бы желалъ, чтобы онъ лицомъ къ лицу встрѣтился съ дѣйствительностью. До сихъ поръ это не совсѣмъ удавалось; къ тому же я теряю надежду, чтобы когда-либо онъ былъ способенъ ее увидать *). Этотъ человѣкъ никогда не смущался, не сомнѣвался въ своихъ убѣжденіяхъ, — и мы во многихъ взглядахъ по этому случаю съ нимъ расходимся.—Осматривали нынче древности Ростова, находящіяся въ жалкомъ видѣ разрушенія. Но какъ хороши онѣ! Особенно внутренность двухъ церквей, въ которыхъ уже не служатъ. Осматривали мы съ здѣшнимъ протопопомъ и съ цѣлой компаніей купцовъ. Бритые лучше и благонадежнѣе небритыхъ; въ этомъ принужденъ былъ сознаться самъ Константинъ! По случаю его пребыванія у насъ почти каждый часъ гости и, если Константинъ останется дольше, чего я очень желаю, то я ему отведу особую комнату и распредѣлю время — и его заставлю заниматься— и мои занятія пойдутъ своимъ чередомъ. — Отслужили молебный въ первый же день пріѣзда Димитрію Ростовскому,

---

*) По поводу поѣздки Константина въ Ростовъ, отецъ пишетъ: 21 Марта. Вторникъ. „Милые друзья мои, Константинъ и Иванъ! Въ первый разъ это случилось въ моей жизни, что я пишу къ вамъ общее письмо. Къ Ваничкѣ вмѣстѣ съ Гришей писывалъ часто Все это время всякій день, и не одинъ разъ, воображаемъ мы, какъ вы вмѣстѣ ходите по ярмаркѣ, разговариваете съ купцами, мѣщанами и народомъ; какъ вы сидите другъ противъ друга, перестрѣливаясь облаками дыма и мало по малу начинаете спорить, какъ нетерпѣливо морщится мой Иванъ и какъ горячо развиваетъ Константинъ свои неизмѣнныя убѣжденія, непреложныя и святыя истины въ сущности и не прилагаемыя ни къ какому обществу, даже къ православной русской общинѣ“!

прикладывались ко всѣмъ мощамъ и вчера слушали нарочно для насъ заказанный звонъ на соборной колокольнѣ. Здѣсь колокола подобраны по нотамъ, и существуетъ три разные звона, которые всѣ были для насъ сыграны.—Во всякомъ случаѣ я думаю, что это путешествіе будетъ не только пріятно Константину (и послужитъ для него источникомъ разсказовъ и доказательствъ), но и весьма полезно *).

Марта 25-го 1850 года. Ростовъ. Суббота. 8 часовъ вечера.

Сейчасъ провожаю Константина и сейчасъ получили отъ Васъ письма. Извѣстія Ваши о здоровьѣ Маменьки и Олиньки

*) На письмо 20 Марта Отецъ отвѣчаетъ Ивану Серг. 1850 года, Марта 24 дня. Пятница. „Милый другъ Иванъ! Письмо твое отъ 20 Марта, съ приложеніемъ письма Константина, мы получили вчера. Ты не можешь себѣ представить, какъ были мы всѣ рады, особенно мать, что Константину удалось побывать у тебя. Вѣдь и эта поѣздка была сдѣлана съ большой натяжкой; въ среду, наканунѣ назначеннаго отъѣзда Константина, показалась у матери на лицѣ рожа, почему онъ въ четвергъ и не поѣхалъ; въ пятницу поутру матери было нѣсколько лучше, и мы настоятельно выпроводили Константина: мать обманула его и даже меня, ибо въ хлопотахъ объ отъѣздѣ Константина, выходила въ холодныя комнаты, застудила рожу и тотчасъ почувствовала ознобъ. Я не сходилъ съ верха и ничего этого не зналъ, пока мнѣ не сказали, что мать больна. Вотъ теперь уже 9-й день продолжается постоянное присутствіе рожной опухоли на лицѣ и на головѣ; лихорадочнаго состоянія, слава Богу, очень мало и не только нѣтъ ничего опаснаго, но даже и важнаго; вотъ тебѣ, милый мой другъ, совершенная правда. Я не хотѣлъ было обманывать и Константина, но мать такъ объ томъ просила, что я не могъ отказать ей. Собственно о болѣзни матери я ничего не писалъ въ общемъ къ вамъ письмѣ; но, кажется, никакое подозрѣніе не вошло въ голову Константина, ибо въ такомъ случаѣ онъ былъ бы уже здѣсь. — Ты совершенно правъ, предполагая, что Константинъ никогда не узнаетъ дѣйствительности. Если ты читалъ его письмо къ намъ, то конечно и смѣялся и досадовалъ. Хомяковъ наслаждался, читая его неожиданные выводы. Кажется, остается желать, чтобъ онъ на всю жизнь оставался въ своемъ пріятномъ заблужденіи: ибо прозрѣніе невозможно безъ тяжкихъ и горькихъ опытовъ:

Такъ пусть его живетъ,
Да вѣритъ Руси совершенству.

Я считаю не только безполезными, но даже вредными такія маленькія путешествія относительно его ошибочныхъ убѣжденій. Время такъ коротко, что запасъ радужныхъ цвѣтовъ, которыми онъ облекаетъ всѣ встрѣчающіеся ему предметы, не успѣетъ истощиться, и онъ только коснѣетъ въ своихъ мечтательныхъ вѣрованіяхъ.

неутѣшительны, нечего сказать; одни только Ваши слова, что въ Маменькиной болѣзни нѣтъ ничего важнаго, и убѣжденіе, что Вы пишете мнѣ правду—могутъ нѣсколько меня успокоивать. Но ради Бога, милая Маменька, берегите себя: грѣшно Вамъ будетъ, если Вы по собственной винѣ продолжите свое нездоровье; къ чему тогда Ваше говенье, постъ и хожденье въ церковь, когда Вы тутъ не съумѣете подчиниться надзору. Я это говорю потому, что знаю, какъ мудрено Васъ лечить.—Письмо Ваше отъ Вторника, милый Отесинька, дѣйствительно навело на Константина сильное подозрѣніе и недоумѣніе, и онъ хотѣлъ тотчасъ же ѣхать; но я его удержалъ. Удержалъ потому, что не видя основательныхъ причинъ къ положительному безпокойству, я хотѣлъ познакомить его съ разными новыми сторонами жизни и съ нѣкоторыми, совершенно оригинальными лицами, что мнѣ и удалось.—Я считаю его пребываніе здѣсь ему очень полезнымъ. Дастъ Богъ, если всѣ эти нездоровья окончатся благополучно, онъ напишетъ мнѣ полный и подробный отчетъ о своихъ впечатлѣніяхъ. Кажется, онъ призналъ нѣсколько важность практическихъ вопросовъ и сторонъ жизни и просто при моей помощи познакомился съ нѣкоторыми учрежденіями Правительственными обширнѣе, чѣмъ прежде. Ну да онъ самъ Вамъ все разскажетъ.—Теперь онъ очень безпокоится и, вѣроятно, упрекаетъ себя за то, что не воспротивился мнѣ сильнѣе. — Посылается съ просфорой, кромѣ другихъ образовъ, образокъ, лежавшій на самыхъ мощахъ св. Авраамія, что было сдѣлано нарочно для насъ. Прощайте. Дай Богъ, чтобы слѣдующее письмо было утѣшительнѣе; но только ради Бога пишите правду. Благодарю Васъ за деньги. Въ Понедѣльникъ напишу подробнѣе письмо. На Пасху надѣюсь пріѣхать.

1850 года, Марта 27-го. Понедѣльникъ. Ростовъ.

Вотъ уже почти двое сутокъ, какъ уѣхалъ Константинъ, а письмо отъ Васъ я получу не раньше Середы. Дай Богъ, чтобы Константинъ нашелъ Васъ всѣхъ по возможности здоровыми; тогда путешествіе его сюда вполнѣ достигнетъ своей цѣли и будетъ для него полезнымъ и пріятнымъ воспо-

минаніемъ. Послѣ завтра день его рожденія: обнимаю и поздравляю и его и Васъ.—Съ нынѣшняго дня я присѣлъ за работу, которую въ это время нѣсколько оставилъ, и—надобно сказать правду—необходимо заняться попристальнѣе, если хочу съѣздить къ Вамъ въ Москву на Святую недѣлю. А какъ скоро-то бѣжитъ время! Уже четвертая недѣля поста.—Все это бы ничего, но—какова зима. 27-е Марта, а она себѣ и въ усъ не дуетъ, лежитъ, какъ въ Декабрѣ. Передъ моими глазами огромная площадь, покрытая бѣлымъ, дѣвственнымъ снѣгомъ; каждое утро, вставая, гляжу на нее: не почернѣла-ли, не попортилась-ли? Нѣтъ, ничего не бывало.—Особеннаго сообщить Вамъ нѣтъ ничего. Хотѣлъ-было писать Вамъ подробно о пребываніи Константина здѣсь, но онъ, вѣроятно, разскажетъ Вамъ все подробнѣе, чѣмъ я могъ бы написать. Я старался его ознакомить съ людьми разныхъ свойствъ и оттѣнковъ и думаю, что было ему надъ чѣмъ призадуматься и что должно было нѣсколько остановить его въ пылкости разныхъ выводовъ.

30-го Марта 1850 года. Четвергъ. Ростовъ.

Очень былъ я обрадованъ вчера Вашими письмами. Слава Богу, что все у Васъ идетъ довольно благополучно. Константинъ, успокоившись отъ тревоги, можетъ теперь съ полнымъ удовольствіемъ вспоминать свое путешествіе. Я желаю, чтобы онъ отдалъ полный отчетъ себѣ и другимъ въ испытанныхъ имъ впечатлѣніяхъ и въ пріобрѣтенныхъ свѣдѣніяхъ, и потому жду отъ него большаго письма, котораго онъ, конечно, еще не могъ успѣть написать со всѣми хлопотами этой недѣли и въ особенности вчерашняго дня. Я совѣтовалъ и здѣсь Константину, милый Отесинька, всѣ замѣчанія написать особо, чтобы не позабыть; хотѣлъ и самъ это сдѣлать, да не успѣлъ. Что касается Вашей статьи о водахъ, то мнѣ кажется 1) ей дано слишкомъ общее значеніе, тогда какъ это описаніе можетъ относиться къ водамъ только извѣстной полосы Россіи; растительность около рѣкъ южныхъ совсѣмъ не та, какая здѣсь описана; 2) надобно предупредить, что это все *наглядныя* наблюденія охотника, да еще Оренбургскаго, и что статья вовсе не имѣетъ при-

тязанія быть ученою или общеописательною. Тогда хотя статья будетъ имѣть и это значеніе, нельзя будетъ обвинять ее въ какой-либо ошибкѣ или въ излишнихъ притязаніяхъ; 2) недовольно, помнится мнѣ, ярко обозначено, почему именно Вы принимаетесь за описаніе водъ; надо болѣе объяснить необходимость описанія водъ для уразумѣнія разныхъ видовъ охоты. Все же прочее по истинѣ такъ хорошо, живо, мѣтко и даже важно своею поучительностью, свѣдѣніями, что будетъ драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ не только для литераторовъ, но и для естественной науки. Что касается до «Лебедя», то онъ также превосходенъ; только я бы перемѣнилъ выраженіе по *гладкому зеркалу водъ* и самое начало, которое передѣлалъ бы въ такомъ духѣ: «что хотя этотъ пресловутый господинъ искони вѣковъ пользуется прозваніемъ царя и имя его сопровождается непремѣнно великолѣпнѣйшими эпитетами, даже и со стороны не видавшихъ его никогда въ глаза, но что онъ дѣйствительно хорошъ и великолѣпенъ и заслуживаетъ эти прозванія» и т. п., въ этомъ родѣ, т. е. началъ бы шуткой приступъ къ описанію такой классической птицы. Читая вдвоемъ съ Константиномъ, мы на всякомъ шагу восхищались живостью и точностью описаній.—Константинъ былъ у меня въ Ростовѣ въ годовщину моего прошлогодничнаго приключенія. Гдѣ-то встрѣчу я слѣдующую годовщину? Ну да Богъ съ нимъ, съ будущимъ; теперь о немъ и думать некогда. Если мнѣ пріѣхать къ Вамъ, что можетъ случиться не раньше конца Страстной недѣли, то для этого надо усидчиво заниматься. Я еще долженъ передъ Пасхой побывать въ заштатномъ городкѣ Петровскѣ.

Къ Константину Сергѣевичу.

10-го Апрѣля 1850 года. Понедѣльникъ. Ростовъ.

До сихъ поръ не успѣвалъ я отвѣчать тебѣ, любезный другъ и братъ Константинъ. Кстати, скажи, гдѣ ты умудряешься доставать такія скверныя, блѣдныя чернила?—Пространно на письмо твое отвѣчать теперь не буду: и некогда и скоро увидимся. Я радъ, что ты призналъ важность зна-

ченія купцовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣроятно, важность практическихъ вопросовъ жизни. Но странны мнѣ слова, гдѣ ты предлагаешь мнѣ согласиться, что купецъ не чуждъ народу... Развѣ я это отрицалъ когда-нибудь? Я говорилъ только, что этотъ близкій народу человѣкъ, не вооруженный сознаніемъ, податливѣе на обольщенія Петровскаго переворота, менѣе благонадеженъ, чѣмъ тотъ, кто уже совершилъ путь отрицанія. Ив. Ал. Куликовъ, менѣе русскій, не такъ проченъ, какъ Поповъ, Серебренниковъ и другіе. Кстати, ты не увѣряешь ли другихъ, что Поповъ ходитъ въ русской одеждѣ, не заказываетъ платья у французскаго портнаго? Поповъ совершилъ точно такой путь отрицанія, какъ и мы; къ тому же онъ человѣкъ съ образованіемъ, читающій всѣ журналы и Англійскіе романы, а не предоставленный собственнымъ силамъ. Слѣдовательно, приведенный тобою примѣръ сюда не идетъ, а доказываетъ только мою мысль о томъ, что необходимо и необходимо образованіе и что оно только, вооружая человѣка мыслью и сознаніемъ, способно и исправить человѣка и остановить его на полу-горѣ...—Послѣ твоего отъѣзда я познакомился еще съ нѣкоторыми купцами. Все бритые, но очень умные и хорошіе люди. Всѣ они интересны своими практическими познаніями и стремленіями. Всѣ они—какъ мы, и что замѣчательно, чего ни въ одномъ городѣ, кромѣ Ростова, я не встрѣчалъ,—съ совершеннѣйшею свободою, независимостью, самостоятельностью, *безъ всякихъ претензій* и чопорности. Здѣсь также та особенность, что купцы съ женами посѣщаютъ другъ друга по вечерамъ, собираются вмѣстѣ большими обществами, тогда какъ въ Ярославлѣ и въ Рыбинскѣ жены вѣчно дома, и собранія бываютъ только въ торжественныхъ случаяхъ, сопровождаемыя убійственнымъ молчаніемъ. Правда и то, что здѣсь, собравшись, дамы, если не танцуютъ, такъ играютъ въ карты; дома же, кромѣ хозяйства, занимаются чтеніемъ, музыкой.—Нынче опять общественное собраніе, только не по моимъ предложеніямъ, а потому я и ѣду посмотрѣть. Хлѣбниковъ и вся его партія также ѣдетъ, и я вчера на купеческомъ вечерѣ у Маракуева слышалъ уже серьезные толки по этому случаю между умнѣйшими града. Тутъ безпрестанно снуютъ слова: общество, мы, выбранный, довѣ-

ріе и проч. Пріѣхавъ, я разскажу цѣль собранія. Эхъ! Не мѣшало-бы тебѣ поучиться дѣйствующему русскому праву и узнать существующія учрежденія. Тогда бы ты понималъ ближе, гдѣ опасность, гдѣ ея нѣтъ и чего можно ожидать... Я и такъ уже поучилъ тебя здѣсь; буду учить и въ Москвѣ.— Хлѣбниковъ получилъ твое письмо, весьма отъ того счастливъ и уже началъ писать отвѣтъ. Мы съ нимъ почти каждый день видаемся. Онъ недавно сдѣлалъ ссылку на твою драму, но такъ, что ты бы поморщился. Говоря о томъ, что на общественныя собранія не надо пускать всѣхъ, а только выбранныхъ, высказывая свое нѣкоторое презрѣніе къ народу, который кричитъ вслѣдъ за тѣмъ, кто побойчѣе и поумнѣе, и что у толпы всегда есть коноводъ, онъ сослался на твою драму, гдѣ народъ хоромъ повторяетъ то, что скажетъ Мининъ или другой кто... Вотъ неожиданный репримандъ! Я такъ и расхохотался отъ мысли, что глупость люда народнаго доказываетъ твоею драмою!.. Нашелъ я здѣсь еще двухъ крестьянъ стихотворцевъ, пишущихъ риѳмами; достоинства въ стихахъ ихъ мало; стихи, какъ стихи, преплохи, однако все это замѣчательно и доказываетъ, что не одни духовныя книги читаетъ народъ. Впрочемъ, они оба крѣпкіе православные и нравственные люди Одинъ изъ нихъ мучится желаніемъ — совершенно безкорыстнымъ — выразить преданность Престолу. Объ нихъ при свиданіи. — Дѣвичій нарядъ мною купленъ.—Прощай, милый другъ и братъ.

14-го Апрѣля 1850 года. Четвергъ. Ростовъ.

Получилъ я нынче Ваше письмо, милый мой Отесинька. Что это, милая Маменька, какъ Вы медленно выздоравливаете! Не надо ли Васъ держать въ бо́льшемъ теплѣ? Впрочемъ, я самъ скоро буду къ Вамъ и на мѣстѣ все разберу. Это письмо я пишу послѣднее. Почта будетъ теперь опаздывать двое и трое сутокъ и вотъ почему: дорога отъ Ростова до Москвы хороша и отъ Ростова до Ярославля также; но обѣ эти почты не отходятъ въ Москву до полученія Архангельской почты, которую онѣ обязаны отвести въ Москву и которая на пути своемъ до Ярославля встрѣчаетъ 13 рѣчекъ, не говоря о Волгѣ.—Послѣ завтра отправляюсь

въ Петровскъ, гдѣ, можетъ быть, буду и говѣть, а потому не ждите меня раньше 21-го. Говѣть въ Москвѣ было бы совсѣмъ не кстати, да я и не люблю причащаться въ Свѣтлое Воскресенье Лѣтомъ же пришлось бы говѣть цѣлую недѣлю, да лѣтомъ я и не люблю говѣть; лѣтомъ я дѣлаюсь, такъ сказать, язычникомъ, среди природы, съ естественнымъ закономъ въ сердцѣ, съ «натуральнымъ понятіемъ о Божествѣ», какъ выражается одинъ раскольникъ.—Послѣ отъѣзда Константина, принявшись дѣятельно за работу по Ростову, я далъ себя узнать ближе, самъ сблизился короче съ гражданами, сдѣлалъ много новыхъ знакомствъ, и, могу сказать, нигдѣ, ни въ какомъ городѣ мой характеръ, мои стремленія не были такъ поняты, какъ въ Ростовѣ. Хлѣбниковъ оцѣнилъ мое безпристрастіе и не можетъ безъ слезъ со мною разставаться, и всѣ они полны уваженія и любви, что мнѣ гораздо пріятнѣе всякихъ дворянскихъ отзывовъ.—Благодарю Константина за письмо.

1850 года, Мая 4-го. Четвергъ. Ярославль.

Опять начинается новый рядъ писемъ изъ Ярославской губерніи или, лучше сказать, обмѣнъ писемъ. Письмо Ваше я получилъ нынче поутру. Слава Богу, что у Васъ все по прежнему;—Я пріѣхалъ въ Ростовъ въ Понедѣльникъ, 1-го Мая, къ семи часамъ вечера; пріѣхалъ бы и раньше, если бы не останавливался на часъ въ Петровскѣ. Въ Ростовѣ я ночевалъ и выѣхалъ на другой день въ 11 часовъ утра: бумаги и посѣщенія меня задержали. Хлѣбниковъ кланяется Константину. Переяславское озеро еще не растаяло, ростовское также еще не совсѣмъ очистилось ото льда. Можете себѣ представить, что до сихъ поръ въ канавахъ, рытвинахъ, лощинахъ и даже на буграхъ лежитъ снѣгъ! Несмотря на жаръ и пыль, я ѣхалъ съ большимъ удовольствіемъ, т. е. радовался теплу, какъ ребенокъ. Такъ противна мнѣ зимняя дорога! Въ Ярославль я пріѣхалъ во Вторникъ къ обѣду: пріѣхалъ бы раньше, если бы не сломалась ось у телѣги и если бы я не былъ принужденъ верстъ пять до Ярославля идти пѣшкомъ. Меня поразилъ разливъ Волги здѣсь, при сліяніи ея съ Которостью. Говорятъ, вода нынѣш-

ній годъ двумя аршинами выше прошлогодней, которая считалась необычайно высокою. Что за время! Я остановился въ Берлинѣ (гостинницѣ) и нарочно взялъ себѣ нумеръ съ балкономъ: онъ выходитъ на площадь, и я большую часть времени занимаюсь на немъ. Какъ мнѣ грустно, что Вы въ городѣ! Это тепло, эта мягкость воздуха, эта доброта и краса и привѣтливость и ростъ и цвѣтъ природы—смущащаютъ и томятъ порою все мое бытіе, и стихи писать хочется, но дѣлать нечего: приходится работать совсѣмъ иначе, да еще дѣлать скучные визиты и принимать скучныя посѣщенія. Такъ какъ я здѣсь на нѣсколько дней и долженъ, по случаю предстоящихъ полевыхъ топографскихъ работъ, сдѣлать разныя предварительныя распоряженія и разослать пропасть циркуляровъ, то теперь очень занятъ и съ семи часовъ утра до двухъ пишу безостановочно.—Здѣсь не нашелъ я ни одного письма къ себѣ изъ Петербурга и ни одной сколько-нибудь важной бумаги изъ Министерства... Не понимаю, что все это значитъ, Какъ я, вѣроятно, уѣду теперь изъ Ярославля до прихода новой почты изъ Петербурга, а въ Норскій посадъ, куда я теперь отправляюсь, почта не ходитъ, то я во всякомъ случаѣ дней 10 не буду имѣть никакихъ извѣстій изъ Петербурга.

Мая 7-го 1850 года. Ярославль. Воскресенье. 7 часовъ утра.

Сейчасъ только получилъ письмо Ваше, а черезъ часъ отправляюсь изъ Ярославля въ Норскій посадъ, который стоитъ не на почтовомъ трактѣ, а потому и почта туда не ходитъ, и въ которомъ я предполагаю остаться дня 4, не больше. Онъ всего верстахъ въ 14-ти отъ Ярославля. Изъ Норскаго посада я отправляюсь дальше въ Романовъ, гдѣ пробуду недѣлю. Итакъ, если Вы и будете писать каждую почту, я по крайней мѣрѣ недѣлю не буду получать Вашихъ писемъ, равно и другихъ бумагъ. Изъ Министерства никакихъ извѣстій не имѣю.—Подробное описаніе Норскаго посада, который на Волгѣ и который еще больше село, говорятъ, чѣмъ Петровскъ, получите Вы отъ меня впослѣдствіи. Я доволенъ тѣмъ, что пускаюсь въ разъѣзды... Погода такова... Но лучше молчать объ этомъ; грустно и невыра-

зимо больно говорить мнѣ съ Вами о погодѣ! Кажется, она готовится разбить кору, на мнѣ лежащую, наполнить вновь душу смятеніемъ, стремленіемъ и волненіемъ и заставить меня продолжать «Бродягу». Это ужъ не то, какъ прежде, когда имѣя свободное время, я садился за столъ съ непремѣнною волею писать стихи и не могъ писать. Теперь мысль сама и безъ принужденія обращается къ стихамъ и слышитъ возможность отвѣта... Впрочемъ, я еще не пишу. Господи, какъ хорошо!

Мая 14-го 1850 года. Романовъ-Борисоглѣбскъ.

Почти годъ прошелъ, и я опять пишу къ Вамъ изъ Романова; почти годъ, какъ я въ Ярославской губерніи! Въ послѣдній разъ писалъ я Вамъ изъ Ярославля 7-го Мая; въ прошедшую Середу не писалъ, потому что изъ Норскаго посада почта не ходитъ. Какъ досадно мнѣ, что Вы не получаете моихъ писемъ вовремя. Причина этому та, что почта, отправляемая изъ Ярославля въ Москву, обязана по положенію, сочиненному лѣтъ за сто тому назадъ, дожидаться прихода почты изъ Архангельска. Въ прежнее время сношенія Архангельска и Вологды съ Москвою были несравненно значительнѣе, чѣмъ теперь, когда они стали торговать почти исключительно съ Петербургомъ —Ваши предположенія на счетъ поѣздки въ Абрамцово Вамъ одному, вѣроятно, измѣнились съ перемѣною погоды. — Какъ удался нынче обѣдъ Гоголя? Въ прошломъ году онъ былъ очень неудаченъ,—я былъ на немъ. —Каковъ Май? Я не помню такого Мая! Вообще у насъ никогда не бываетъ весны. Апрѣльскіе жары, какъ преждевременные, никогда не имѣютъ полной прелести потому, что и зелени нѣтъ, потому еще, что боишься морозовъ. А теперь такъ въ пору стоитъ чудное время. И такъ хорошъ Май, настоящій весенній мѣсяцъ, что лучше жаркихъ мѣсяцевъ лѣта. Просто весело, что всѣ поэтическіе эпитеты Мая оказываются теперь не ложными, что точно хороши майскіе первые полевые цвѣты, что точно Май — юность года и точно можетъ сравниться съ юностью человѣка. Если Вы въ Москвѣ, то и представить себѣ не можете, какъ хорошо въ полѣ въ деревнѣ!

Какъ хорошо здѣсь, на Волгѣ! Берега, усѣянные селами, уже начали постепенно тонуть въ подымающейся, разростающейся вокругъ зелени, но зелень эта еще такъ мягка, свѣжа, прозрачна. Шумъ деревьевъ съ каждымъ днемъ сильнѣе. Все народонаселеніе оживилось, запѣло! Хорошо! Все красота вокругъ! Только человѣкъ скверенъ.— Только человѣкъ скверенъ и портитъ на каждомъ шагу мои впечатлѣнія, возмущаетъ настроеніе моего духа. Въ прошедшую Субботу вечеромъ, въ Ярославлѣ, я сидѣлъ до поздней ночи на балконѣ. Ночь была такъ великолѣпно хороша, одна изъ такихъ ночей, которыя смиряютъ всякое «буйство бытія». Не тутъ-то было. Ярославль, несмотря даже на канунъ праздника, затѣялъ какой-то дурацкій пикникъ въ загородномъ саду, съ танцами на газонѣ, и громкая, наглая музыка полекъ и вальсовъ, начавшись вмѣстѣ съ благовѣстомъ, призывавшимъ ко всенощной, раздавалась потомъ въ стихшемъ городѣ до поздней ночи. Я, разумѣется, въ этомъ пикникѣ не участвовалъ, но перебирая въ памяти участвовавшихъ, вспомнилъ, что нѣтъ между ними почти ни одного живаго человѣка: все искаженныя созданія. Въ Воскресенье, часовъ въ 9 утра, я выѣхалъ изъ Ярославля. Норскій посадъ всего въ 14-ти верстахъ отъ него, а Толгскій монастырь въ шести верстахъ. Отпустивъ тарантасъ прямо въ Норскій, я вышелъ у перевоза и отправился черезъ Волгу въ монастырь. Видъ монастыря очень красивъ, особенно теперь, когда Волга въ разливѣ и подступила почти вплоть къ бѣлымъ стѣнамъ и башнямъ,—но архитектура его не имѣетъ ничего особеннаго. О происхожденіи этой обители можно бы справиться съ разными описаніями, коихъ у меня теперь подъ рукою нѣтъ Монастырь былъ полонъ простаго народа, но служили очень дурно, главное пѣли все такіе модные концерты, съ такими штуками, что просто было смѣшно. И такъ все это плохо гармонируетъ съ теплымъ весеннимъ утромъ и со всею прелестью природы, видною изъ растворенныхъ дверей и оконъ церкви. Изъ монастыря я поплылъ водою вверхъ по Волгѣ до Норскаго посада. — Норскій посадъ или слобода существуетъ очень давно, а со времени Екатерины состоитъ на одинакихъ правахъ съ заштатными городами, т. е. управляется ратушей съ бургомистромъ и ратманами, которыхъ

въ народѣ называютъ просто судьями. Посадъ расположенъ очень красиво, на берегу Волги, при впаденіи въ нее маленькой рѣчки Норы; въ немъ всего 119 домовъ или, лучше сказать, избъ. Купцовъ три или четыре, остальные всѣ мѣщане и преимущественно гвоздари и рыбаки. Я обѣщалъ себѣ провести очень пріятно нѣсколько дней въ этой почти деревнѣ, но вышло не то. Передъ отъѣздомъ моимъ туда подана была просьба отъ выборныхъ общества, въ которой они просятъ о назначеніи чиновника для повѣрки слободскихъ доходовъ и расходовъ и для учета ратуши. Этотъ призывъ самъ по себѣ уже мнѣ не совсѣмъ нравится, но я радъ былъ все же видѣть, что общество принимаетъ участіе въ своихъ дѣлахъ. Оказывается, что ратуша только половину доходовъ показывала въ смѣтѣ губернскому начальству, а въ остальныхъ — отдавала отчетъ обществу. Но общество не стало довѣрять этимъ отчетамъ, голословнымъ и не имѣющимъ доказательствъ, сопровождающихъ расходы казенныхъ суммъ. По закону все это не правильно, и Правительство не имѣетъ права требовать отчета только въ суммахъ, составляемыхъ изъ добровольныхъ денежныхъ складокъ, а не въ доходахъ съ общественныхъ имуществъ. При требованіи моемъ: куда же дѣваются суммы, не выказываемыя въ оффиціальныхъ доходахъ, мнѣ представили тетради и отчеты Слободскаго Старосты обществу; Слободской же Староста расходуетъ по распоряженію домашнему Ратуши. Въ этихъ тетрадяхъ написаны слѣдующіе расходы: на поздравленіе со днемъ Ангела Правителя Канцеляріи Губернатора, Исправника и многихъ другихъ; на поздравленіе ихъ съ Новымъ Годомъ и съ Пасхой; на табакъ и водку пріѣзжающимъ чиновникамъ; на издержки по Земской Полиціи по случаю найденнаго въ посадѣ мертваго тѣла и все въ такомъ же родѣ. Общество не отвергаетъ правильности и необходимости этого красиваго расхода, но говоритъ, что въ прежніе года расходовалось на это гораздо меньше и изъ другихъ частныхъ ихъ суммъ, и предполагаетъ, что половину этихъ расходовъ выказали ложно и взяли себѣ. Мнѣ всегда непріятнѣе видѣть мошенника—общественнаго человѣка (какъ выражаются всегда мѣщане), нежели мошенника—чиновника. Вы скажете на это, что бургомистръ съ

ратманами тѣ же чиновники. Такъ, но все же не совсѣмъ. Они выбираются, да и въ отношеніи суммъ неоффиціальныхъ являются общественными людьми. Можно извинить кражу у казны и вообще изъ суммъ, носящихъ на себѣ характеръ казенный, но вѣдь они этимъ деньгамъ давали значеніе не казенное, а общественное и считали нужнымъ отдавать въ нихъ отчетъ обществу, безо всякаго вѣдома и участія Правительства, и лгали въ этихъ отчетахъ и надували само общество Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что половина суммъ, показанныхъ расходомъ на чиновниковъ, взята ими себѣ. Само собою разумѣется, что всѣ чиновники при спросѣ отрекутся и деньги взыщутся съ Ратуши. Я долженъ былъ потребовать отъ Губернатора смѣны присутствующихъ и произведенія настоящаго слѣдствія. Какъ бы Вы ни объясняли и ни оправдывали это явленіе, но согласитесь, что за слабая натура у русскаго человѣка, что онъ становится мошенникомъ, какъ скоро переходитъ въ чиновника! Какъ будто онъ незнаетъ, что должно переносить и туда понятія честности и правды! Какъ будто чиновникъ перестаетъ быть Христіаниномъ! Знаю заранѣе всѣ софизмы Константина, но вѣдь это только софизмы, и онъ не сталъ бы оправдывать меня, если бъ я вздумалъ брать взятки или присвоивать себѣ чужія деньги...—Непріятно быть грозою чиновническою въ деревнѣ, особенно въ такую чудную погоду, при такомъ чудномъ мѣстоположеніи, при явившемся расположеніи писать стихи. Мнѣ было досадно не столько дѣло само по себѣ, сколько то, что оно заставляетъ меня нарушать расположеніе моего духа. Впрочемъ, только наружностью своею Норская слобода походитъ на деревню. Пѣсенъ въ ней не поется, хороводовъ не водится, а поются мѣщанами разные чувствительные романсы съ гитарою! Въ разговорахъ съ ними я замѣтилъ, что они всѣ вмѣсто *неглядя*—употребляютъ *негляже.* Въ Четвергъ я выѣхалъ на обывательскихъ лошадяхъ къ станціи на большой дорогѣ, ведущей изъ Ярославля въ Романовъ,—но на большой дорогѣ, въ верстѣ отъ станціи, завязъ въ грязи (послѣ бывшаго сильнаго дождя). Надобно было вытаскивать народомъ, что все продолжалось нѣсколько часовъ. Этой участи въ теченіе трехъ дней подверглось 10 экипажей.—Теперь я въ Романовѣ-Борисоглѣбскѣ или, луч-

ше сказать, въ Романовѣ, на лѣвомъ берегу Волги. Вы уже знаете про необыкновенную живописность его мѣстоположенія, необыкновенно крутыхъ береговъ и церквей, окруженныхъ зеленью. Съ удовольствіемъ узналъ я здѣсь про добрыя послѣдствія принятой въ прошломъ году мѣры относительно раскольниковъ: полнѣе стали православныя церкви, а великимъ постомъ многіе изъ закоренѣлыхъ исповѣдывались и причащались. Были такіе случаи, что причастившійся умилялся и растрогивался такъ, что бросался потомъ въ ноги священнику и благодарилъ его за то, что принятою мѣрою втолкнули его, такъ сказать, въ церковь и заставили удостоиться благодати! Многимъ тяжело было рѣшиться: надобно было заставить ихъ рѣшиться. Разумѣется, еще многіе только по внѣшности принадлежатъ къ Православію, но все же они стали ближе къ Церкви, безъ посредствующаго Единовѣрія, упрочивающаго и узаконяющаго расколъ и раздѣленіе.—Посылаю съ нынѣшней почтой рукописи Татищева, о которыхъ просилъ меня Соловьевъ. Если Константинъ съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, то скажите Соловьеву, что онъ можетъ себѣ совсѣмъ взять эти рукописи. Увѣдомьте меня, не оставилъ ли я въ Москвѣ рукописи о Бессарабскихъ раскольникахъ и не забылъ ли еще чего? Прощайте. Здѣсь я останусь до будущаго Четверга и потомъ проѣду черезъ Рыбинскъ въ Мологу. На этой недѣлѣ я писалъ Вамъ всего разъ, но съ слѣдующей почтой, можетъ быть, стану писать.

1850 года, Мая 23-го. Вторникъ. Молога.

Послѣднее письмо мое къ вамъ было изъ Романова, изъ котораго я въ Четвергъ выѣхалъ въ Рыбинскъ. Тамъ получилъ я одно Ваше письмо, а въ Воскресенье пріѣхалъ въ Мологу. Молога очень древня и знаменита была прежде своею торговлею. Макарьевская ярмарка сначала была здѣсь. Въ настоящее время, впрочемъ, нѣтъ ни одного стариннаго зданія, и городокъ новый, расположенный по плану, довольно красивый и чистенькій. Онъ расположенъ вдоль Мологи и Волги, при впаденіи первой въ послѣднюю, на ровныхъ, низкихъ, песчаныхъ берегахъ, такъ что взору довольно прос-

стора. Здѣсь воздухъ такъ здоровъ и хорошъ, что рѣзко чувствуешь его отличіе отъ Рыбинской атмосферы: песокъ очень твердъ, и хотя вѣтеръ и безпокоитъ иногда песчаною пылью, за то никогда не бываетъ грязи. Такимъ образомъ вотъ сколько теперь я ни ѣзжу, все не разстаюсь съ Волгой. Ярославль, Норскій посадъ, Романовъ-Борисоглѣбскъ, Рыбинскъ, Молога, Мышкинъ, Угличъ — вездѣ она въ разныхъ видахъ. Я такъ привыкъ къ ея простору, простору ея береговъ, къ этимъ широкимъ размѣрамъ, что, кажется, въ Абрамцовѣ было бы мнѣ тѣсно и душно. Никогда Волга не бывала такъ хороша, какъ нынѣшнею весною: вода еще довольно полна, села начинаютъ тонуть въ молодой, уже роскошной зелени, бѣлыя церкви и города также окаймлены ею и опрокинулись отраженіемъ своимъ въ Волгу, которая большею частью тиха и гладка какъ зеркало. Такъ какъ вѣтеръ не низовой, то и парусовъ мало видно, а суда чаще всего подымаются вверхъ бичевою или завозными якорями и медленно, медленно, какъ-то неподвижно двигаются. И какое разнообразіе мѣстоположенія! Берега Романова-Борисоглѣбска такъ круты и живописны, что я не знаю имъ подобныхъ; Рыбинскъ съ своею оживленною торговою дѣятельностью представляетъ совершенно другую физіономію; тамъ Волги почти не видать: такъ она усѣяна судами. Молога съ своимъ плоскимъ просторомъ, съ двумя широкими рѣками, теряющимися вдали, насылаетъ Вамъ другія впечатлѣнія.— Только что мы стали приближаться къ Рыбинску, какъ пошли намъ встрѣчаться амбары и амбары, возы съ мѣшками муки и, наконецъ, въ самомъ городѣ—огромныя толпы народа, запрудившія площадь и улицы. Это все крючники, бурлаки, коноводы, водоливы, лоцмана. Все живо, шумно, дѣятельно. Я остановился, разумѣется, у Андрея Ивановича Миклютина, который взялъ съ меня слово всегда останавливаться у него. Въ Рыбинскѣ у меня было дѣло по Думѣ, и я долженъ былъ провести въ немъ нѣсколько дней.—Всѣ знакомые Константина ему отъ души кланяются. Поповъ боленъ, и какъ онъ подверженъ чахоткѣ, то я его уговаривалъ пить кумысъ или кобылье молоко; но предложеніе мое онъ отвергъ съ негодованіемъ, говоря, что русскому человѣку это противно и погано. «Ну, сказалъ я, видно, что

мы съ братомъ происхожденія Татарскаго, потому что оба охотники до кумыса, и никому не приходила въ голову мысль о его поганствѣ»!.. Статью Константина я роздалъ по принадлежности: всѣ его очень благодарятъ и отъ нея въ восторгѣ. Только Головѣ забылъ отдать, да и нечего ему отдавать. Имъ продолжаютъ быть очень довольны. Петръ Александровичъ Переяславцевъ, дядя Попова, собирается въ Москву и просилъ у меня адреса Константинова; я далъ ему адресъ въ Москву и въ Абрамцево на всякій случай. Онъ старикъ очень умный, хотя и не въ Константиновомъ духѣ, и много сдѣлалъ для Рыбинска, бывши не разъ головою. Журавлева не успѣлъ видѣть, потому что онъ каждый вечеръ уѣзжаетъ къ себѣ на пристань, а днемъ мы другъ друга не заставали. А жаль. Про него разсказывали мнѣ очень нехорошую вѣсть, именно о притѣсненіяхъ съ его стороны крестьянамъ,—мнѣ хотѣлось поговорить съ нимъ объ этомъ серьезно. 21-го Мая въ Рыбинскѣ крестный ходъ съ приносимою сюда изъ Мологскаго дѣвичьяго монастыря чудотворною иконою Тихвинской Божіей Матери. Не знаю, какъ провелъ Константинъ свои имянины, а я въ этотъ день, отслушавъ обѣдню и обойдя съ крестнымъ ходомъ весь городъ, отобѣдалъ или, лучше сказать, отзавтракалъ у Головы, давшаго мнѣ прощальный завтракъ, и, распростившись съ Рыбинцами, уѣхалъ въ Мологу, которая всего въ 33-хъ верстахъ отъ Рыбинска, по дорогѣ въ Петербургъ, за Волгой.— Суда въ Рыбинскѣ собираются довольно медленно, хотя ожидаютъ, что нынѣшній годъ будетъ для торговли лучше прошлогодняго; иногородные купцы еще не всѣ съѣхались, и дѣятельность Рыбинска только начинается, а не въ полномъ разгарѣ. Муку покупаютъ по 9 р. 20 коп. и ниже этой цѣны. Цѣнъ высокихъ ожидать нельзя; но распродажа части запасовъ, хранившихся въ Петербургѣ, даетъ купцамъ возможность закупить новые запасы на низу, благодаря дешевизнѣ, и это нѣсколько оживляетъ торговлю больше, чѣмъ въ 1849 году, но только нѣсколько.—Что за погода! Теплота и теплота! Здѣсь, въ Мологѣ столько черемухи и сирени (уже вполнѣ распустившейся), что воздухъ исполненъ самаго чуднаго благоуханія. Что за ночи! Ясныя, тихія,— и какъ хорошо въ это время на Волгѣ, и какъ тяжело мнѣ,

что не только не могу бросить съ себя заботу по исполненію своего порученія,—но долженъ много и прилежно заниматься. Стихи какъ-то хотѣлось писать, да въ эту минуту было некогда, а потомъ уже не могу, да и не досугъ приходить въ соотвѣтственное расположеніе духа. Все это грустно, а время и годы уходятъ, а съ ними и впечатлимость тупѣетъ.—Больше, кажется, сообщить мнѣ Вамъ нечего. Хотѣлъ было писать Константину про грамоту царя Алексѣя Михайловича о мытахъ и перевозахъ и проч., да лѣнь и нѣтъ расположенія писать.

26-го Мая 1850 года. Молога. Суббота.

Еслибъ не Вы сами писали послѣднее письмо, милый Отесинька, такъ очень бы обезпокоили меня. Какимъ это образомъ Вы опять было такъ сильно захворали? Дай Богъ, чтобы это нездоровье не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій и не помѣшало Вамъ насладиться лѣтомъ столько по крайней мѣрѣ, сколько это возможно при нашихъ обстоятельствахъ. Впрочемъ, погода, хотя и постоянно теплая, сдѣлалась необыкновенно вѣтреною, по крайней мѣрѣ здѣсь, на Волгѣ.—Вы пишете о мѣстѣ Вицегубернатора въ Калугѣ. Не только въ Калугѣ, но и нигдѣ не хочу я имѣть себѣ постояннаго, прочнаго мѣста, и за 40 тысячъ жалованья не соглашусь упрочиться или поселиться въ какой-нибудь провинціи. Путешествовать по провинціямъ можно и должно, но жить въ нихъ — невыносимо одному. Вообще мысль о постоянномъ пребываніи на одномъ и томъ же мѣстѣ— для меня несносна, а тѣмъ болѣе не хочу я упрочиваться въ губерніи.—Писемъ и особенно важныхъ бумагъ изъ Министерства не получалъ. Знаю, что многіе мои проэкты одобрены и приводятся уже въ исполненіе, но собственно на свое имя никакихъ извѣстій не получаю.—Работаю я теперь чрезвычайно много. Встаю часу въ седьмомъ утра, а часу въ десятомъ вечера хожу гулять по берегамъ Волги и Мологи. Два раза въ день пью стакана по два молока и вообще перешелъ на болѣе легкую пищу, откинувъ вино и водку. Жаръ, постоянныя занятія, сидячая жизнь заставили меня сократить питательность мясной пищи и обратиться къ молочной. Рабо-

таю потому много, что спѣшу поскорѣе раздѣлаться съ городами. Въ Мологѣ пробуду еще недѣли двѣ, а потомъ въ Мышкинъ, гдѣ работы будетъ меньше. — Прощайте, буду писать Вамъ, вѣроятно, съ слѣдующею почтой. Будьте же здоровы ради Бога.

30-го Мая 1850 года. Вторникъ. Молога.

Я вовсе было не получилъ съ этой почтой Вашихъ писемъ, но нынче, къ неожиданности, принесли мнѣ Ваше письмо, полученное еще въ Воскресенье. Слава Богу, что Вамъ лучше, милый Отесинька, хотя не видно, чтобы Вы очень бодро поправлялись. Дай Богъ, чтобы деревенскій воздухъ не принесъ Вамъ ничего, кромѣ пользы... Но когда же Вы поѣдете въ деревню и поѣдете ли нынѣшнимъ лѣтомъ? — Въ прошедшее Воскресенье я былъ приглашенъ на обѣдъ къ Городничему, гдѣ никого не было, кромѣ Почтмейстера и Штабъ-лекаря, его пріятелей. Послѣ обыкновеннаго разговора, весьма тонкаго и остроумнаго, его молодой супруги о томъ, что пріѣхавшему изъ Петербурга должно быть здѣсь очень скучно и странно, мы отправились обѣдать. Передъ жаркимъ хозяйка зачѣмъ-то выходила изъ-за стола, и, когда появилось жаркое, намъ налили въ бокалы шампанскаго и хозяинъ ни съ того ни съ сего провозгласилъ тостъ за мое здоровье. Хоть это весьма глупо, потому что другихъ тостовъ не было, ну да все это еще ничего, это случалось мнѣ не разъ. Но въ то самое время, какъ провозгласили тостъ, маленькая шкатулочка, стоявшая на окнѣ, задребезжала, и потекли тоненькіе звуки какого-то стариннаго марша вмѣсто „туши". Объяснилось, что хозяйка выскакивала для того, чтобы завести машинку! Я притворился, что не замѣтилъ музыки, потому что если бы я заговорилъ о ней, то не удержался бы отъ хохота... Жаль, что не удостовѣрился, какой это маршъ; хорошо было бы, еслибъ это было: „славься симъ Екатерина!" Между тѣмъ Городничій вовсе не старый человѣкъ, а жена его молодая женщина, съ превеликими претензіями и съ позывами на эмансипацію, выразившимися въ томъ, что послѣ обѣда, уйдя въ другую комнату, закурила трубку. Тутъ же узналъ я, что Мологское общество чинов-

никовъ имѣло у себя зимой танцовальное собраніе и давало спектакли въ пользу пріюта!—Вездѣ хорошо истинное счастье, вездѣ хороша красота, вездѣ, всюду прекрасны свѣтлый умъ, простое сердце... И еще лучше они, окруженные скромными явленіями жизни, чѣмъ среди блестящаго положенія; лучше они — въ тихомъ уѣздномъ городкѣ, въ деревянномъ домикѣ съ свѣтлыми окнами и зелеными ставнями и проч. и проч., что все можете найти въ послѣднихъ главахъ каждаго Диккенсова романа и о чемъ очень любитъ подъ часъ мечтать братецъ мой Константинъ Сергѣевичъ, истинный поэтъ въ душѣ. Но увы! если и найдется такое явленіе, такъ оно составитъ рѣдкое исключеніе, одно на сто тысячъ другихъ преобладающихъ явленій. Боже мой! сколько скуки, сколько пошлости и подлости въ жизни общества уѣзднаго городка. Вопервыхъ, городничій—воръ! Даже и этотъ музыкантъ, у котораго я обѣдалъ и о которомъ сейчасъ послѣ обѣда сталъ дѣлать внимательные распросы, оказался не послѣднимъ воромъ. Городничій воръ и взяточникъ, жена его—взяточница, впрочемъ, очень милая женщина. Исправникъ—еще больше воръ; жена его, любезная дама, распоряжается уѣздомъ, какъ своею деревней; Окружной, Лѣсничій, Начальникъ Инвалидной Команды, Почтмейстеръ, Стряпчій, Секретарь и ихъ жены — все это воры, переворы, и все это общество чиновниковъ живетъ съ претензіями на большую ногу и даетъ балы и вечера на взяточныя деньги! И никакого образованія, кромѣ внѣшняго, никакого порядочнаго стремленія, никакого участія къ меньшимъ, кромѣ презрѣнія, и ко всему этому пошлость, звенящая пошлость души, мыслей, всего. Я часто думалъ, могъ ли бы я ужиться въ какомъ-нибудь уѣздномъ городкѣ... Нѣтъ! прервать сношенія съ движущимся, стремящимся, волнующимся, умствующимъ міромъ невозможно человѣку умствующему. Если бъ еще были всѣ книги и газеты подъ рукой!—Какъ-то на этой недѣлѣ, придумывая разные проэкты и убѣждаясь въ невозможности довѣриться русскимъ чиновникамъ, я невольно воскликнулъ: Господи, что это за подлая русская натура! Каюсь въ этомъ выраженіи, но серьезно, подумайте, отчего у насъ столько взяточниковъ! Вѣдь смѣшно объяснять это древнимъ обыкновеніемъ: служилый народъ не живетъ инстинктивною

жизнью и очень хорошо понимаетъ, что взятка—взятка, что и благодарности за исполненіе своего долга брать не слѣдуетъ и проч. Въ насъ нѣтъ ложнаго чувства чести, да и страху Божьяго нѣтъ, и выходитъ, что съ чувствомъ чести—было бы по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ лучше. Какъ будто ужъ званіе чиновника мѣшаетъ русскому человѣку быть честнымъ. Вздоръ!—Кстати. Я раскажу Вамъ о новой продѣлкѣ помѣщиковъ, разсказанной мнѣ на дняхъ здѣшнимъ Уѣзднымъ Предводителемъ Дворянства. Здѣсь завелся такой обычай. Расторговавшійся мужикъ, разумѣется, казенный, выкупаетъ у помѣщика нѣсколько крестьянскихъ семействъ на волю, получая, разумѣется, отпускныя въ свои руки, потомъ уже по купчей крѣпости помѣщикъ продаетъ ему земли и усадьбы этихъ крестьянъ, на волю отпущенныхъ; такимъ образомъ мужикъ выходитъ владѣльцемъ земли, на которой поселены и живутъ, можетъ быть, нѣсколько вѣковъ эти крестьяне. Хотя они и свободны, но не имѣютъ уже и того права на землю, которое имѣли при помѣщикѣ: отпускныя не въ ихъ рукахъ, и новый владѣлецъ деретъ съ нихъ безжалостно, чтобы выкупить двойную плату—за нихъ и за землю—помѣщику. Тираннія выходитъ страшная. Или, напр., пріобрѣтеніе крестьянами на имя помѣщика, но своими деньгами, деревни, которая платитъ имъ оброкъ и ставитъ за нихъ рекрутовъ при всякомъ наборѣ! Или, напр., продѣлки здѣшняго помѣщика, графа М., который пріѣзжаетъ сюда во время набора и беретъ съ крестьянъ деньги за откупъ отъ рекрутства, страшныя деньги, и ставитъ бѣдныхъ. А у него здѣсь 9 тысячъ душъ и 80 тысячъ десятинъ земли. Или напр., свозъ цѣлыхъ селеній въ другія губерніи для того, чтобы здѣшнюю землю, какъ дорогую весьма, продать казеннымъ крестьянамъ и проч. и проч.—Прощайте. Если Вы въ Москвѣ, то, вѣроятно, на дняхъ Васъ осчастливитъ своимъ посѣщеніемъ мягкій и нѣжный Андрей Ивановичъ Миклютинъ. Онъ взялъ Вашъ адресъ въ Москвѣ.

1850 года, Іюня 3-го. Суббота. Молога.

Пишу къ Вамъ нынче собственно для того, чтобы предупредить Васъ объ отсылкѣ Вашихъ писемъ съ полученіемъ

моего письма прямо въ Мышкинъ. Черезъ недѣлю я предполагаю быть уже тамъ, а можетъ быть и раньше. Письмо Ваше, милый Отесинька, отъ 30-го Мая я получилъ 1-го Іюня. Не совсѣмъ утѣшительны Ваши письма; что это за слабость, которую Вы чувствуете? Я приписываю ее отчасти спертому и душному воздуху комнатъ этого дома, который весь на солнцѣ и въ которомъ и оконъ, вѣрно, не растворяютъ, боясь сквозныхъ вѣтровъ.—Не знаю, какъ у Васъ, но погода постоянно хороша. Если и бываетъ охлажденіе, но въ размѣрахъ лѣтнихъ, и это охлажденіе такъ же хорошо, какъ и жаръ. Сирень уже отцвѣла. Грустно подумать, что скоро дни начнутъ убавляться.—Къ А. О. еще не писалъ; впрочемъ, не писавши столько времени, болѣе полугода, трудно и собраться.—Въ Мологѣ жители или, лучше сказать, мѣщане и мѣщанки—большіе охотники до гулянья, и такъ какъ нѣкоторыя улицы совсѣмъ заросли травой, то на нихъ обыкновенно происходитъ пѣніе и ведутся хороводы; но главное удовольствіе—качели, устроенныя почти на каждой улицѣ, качели обыкновенныя, доска на веревкахъ. Разбѣленныя, разрумяненныя, разодѣтыя въ пухъ, съ платочкомъ и съ зонтикомъ сидятъ обыкновенно молодыя мѣщанки на доскѣ, между тѣмъ какъ двѣ стоятъ по бокамъ, держась за веревки. Медленно качаясь, онѣ поютъ большею частію какіе-то унылые романсы и пѣсни. Это на улицѣ. Но въ тотъ же вечеръ, какъ я наблюдалъ это, попозднѣе, по случаю сговора, былъ балъ у одного мѣщанина, на которомъ всѣ эти мѣщанки не танцовали другаго, кромѣ кадрилей и... полекъ! Мужчины еще весьма въ дѣлѣ семъ неискусны, но женщины очень и очень поискусились въ этой наукѣ. На другой день, надѣвъ затрапезныя платья, босикомъ, отправляются онѣ въ огороды копать землю, возить навозъ и проч.

1850 года, Іюня 6-го. Вторникъ. Молога.

Іюнь, Іюль, Августъ. Меньше трехъ мѣсяцевъ осталось лѣта, а гдѣ Вы теперь? Рѣшились ли, наконецъ, съ домомъ и съ деревней? Меня это заочно тревожитъ. Каждый разъ, получая Ваши письма, думаю, что прочту рѣшеніе,—нѣтъ, все отсрочка! Письмо это—послѣднее изъ Мологи: въ Пят-

ницу переѣзжаю въ Мышкинъ; прямымъ проселочнымъ путемъ; онъ отъ Мологи всего 50 верстъ и притомъ на одномъ берегу: оба города за Волгой. Почтовымъ же трактомъ надо переѣзжать два раза Волгу и притомъ дѣлать верстъ 30 крюку. Я какъ-то мало, не то чтобы не часто, но какъ-то не полно писалъ Вамъ отсюда. Все какъ-то тороплюсь: работаю торопясь, отдыхаю торопясь, сплю торопясь, дѣлаю моціонъ торопясь,—и все какъ-то нѣтъ времени. Въ послѣднемъ письмѣ отъ 2-го Іюня Вы пишете, милый Отесинька, что Гоголь Вамъ читалъ новую главу. Слава Богу! Да что жъ онъ, ѣдетъ куда-нибудь или нѣтъ?... Больше писать не о чемъ. Т. е. оно есть о чемъ, да ужъ надо писать слишкомъ много. Я хотѣлъ писать Вамъ о нѣкоторыхъ Моложскихъ обычаяхъ, замѣчательныхъ селахъ здѣшняго уѣзда, мѣстныхъ антикваріяхъ и проч. и проч., но это достойно быть написаннымъ на цѣломъ почтовомъ листѣ, а потому и не помѣщаю этого здѣсь. Въ самомъ дѣлѣ, я какъ-нибудь изъ Мышкина напишу Вамъ длинное, подробное письмо, а теперь прощайте, потому что, слышу, пришли ко мнѣ съ дѣлами. Будьте здоровы, дай Богъ, чтобы слабость Ваша, милый Отесинька, поскорѣе прошла.

Іюня 12-го 1850 года. Понедѣльникъ. Мышкинъ.

Вчерашняя почта привезла мнѣ Ваши письма: отъ Васъ, милый Отесинька, изъ деревни и отъ Маменьки изъ Москвы отъ 9-го Іюня. Да, если у Васъ такая погода, какъ здѣсь, то она не совсѣмъ благопріятна: очень вѣтрено и не довольно тепло. Такимъ образомъ всѣ предположенія о дальнихъ поѣздкахъ разрѣшились пока поѣздкой въ Абрамцево. Дай Богъ только Маменькѣ скорѣе покончить хлопоты съ домами. Боюсь, милый Отесинька, чтобы Вы не простудились на уженьѣ, особенно при такомъ постоянномъ вѣтрѣ: что Вы мнѣ скажете на счетъ передѣлки Абрамцевскаго дома?—Вѣрочка хвалитъ М. К. и говоритъ, что она и Константину нравится. Такъ зачѣмъ же дѣло стало? Пусть женится! Вѣдь пора уже знать, что не дождешься отъ судьбы *дѣвы гордаго идеала*, а неугодно ли обыкновеннаго, вмѣсто черноокой неугодно ли волоокую и т. д. Впрочемъ, если бы

Константина поймать на словѣ въ его толкованіяхъ о бракѣ и въ его оправданіяхъ русскаго брака, какимъ онъ былъ въ старину и теперь существуетъ, такъ я бы его давно женилъ. Вотъ Мологскій Голова выдалъ дочь свою замужъ за сына Мышкинскаго Головы, по уговору съ отцомъ, а молодые люди другъ друга и въ глаза не видывали и не слыхали другъ о другѣ. И живутъ счастливо, т. е. какое же это счастье, это покойное прозябаніе,—живутъ хорошо, потому что нѣтъ большихъ требованій: сала не ѣстъ, чернилъ не пьетъ, какъ говорится по Нѣмецки, дѣти являются въ срокъ, выторговать копейку на рынкѣ умѣетъ, набожна по заведенію... Ничего другаго не спрашивается... Оно и лучше: мужья большею частью въ отлучкахъ и въ разъѣздахъ по торговлѣ, и разлука эта не тяжела, тѣмъ болѣе, что дома жены подъ надзоромъ свекровей, да и по образу ихъ жизни не встрѣчается искушеній... Безспорно, что все это очень хорошо, и нравственный домашній бытъ нашихъ купцовъ заслуживаетъ похвалы, но нельзя не сознаться, что эта нравственность безъ борьбы, вѣра—безъ сомнѣній, жизнь безъ стремленій. Борьба, стремленія, сомнѣнія, вопросы, старыя, но живущія слова—вы ничего не разрѣшаете, ни къ чему не приводите, развѣ только къ горю и разладу,—но да пусть будетъ такъ. — Все это такъ пришлось къ слову, тѣмъ болѣе, что упомянувъ о русскомъ бракѣ, я вспомнилъ, что видѣлъ вчера у Головы эту молодую и прекрасную собой женщину, которая такъ безцеремонно (по моимъ, а не по ихъ понятіямъ) выдана. Вспомнилъ я также про другую молодую купчиху, зачахшую отъ немилаго брака... но этотъ послѣдній случай—такая неслыханная рѣдкость, что не образумилъ купцовъ. Нельзя себѣ представить, до какого страшнаго деспотизма доходитъ власть отца въ купеческомъ быту и не только отца, но вообще старшаго въ семьѣ! Имъ большею частію и не приходитъ въ голову, чтобъ у младшихъ могли быть свои хотѣнія и взгляды, а младшимъ не приходитъ въ голову и мысль о возможности сопротивленія. Все это, разумѣется, переходитъ даже границы, назначенныя Церковью, которая при бракѣ спрашиваетъ о согласіи самихъ вѣнчающихся. Все это мнѣ разсказывалъ очень подробно одинъ купецъ въ Мологѣ. — Кстати ужъ о купцахъ. Сами

они, какъ мужчины, довольно развиты въ своихъ понятіяхъ торговлею, разъѣздами, дѣятельною жизнью, а нѣкоторые пошли и дальше книжными занятіями,—но женское воспитаніе у нихъ въ большомъ пренебреженіи. Впрочемъ, теперь вздумали они давать воспитаніе, но такое, которое ведетъ только къ худшему. Въ большей части богатыхъ домовъ Вы найдете гувернантокъ изъ столичныхъ или губернскихъ воспитательныхъ домовъ. Чему учатъ эти гувернантки, это Богъ знаетъ, потому что сами онѣ преплохо выучены, но главная ихъ обязанность—учить танцамъ и вообще манерамъ; а музыкѣ и вообще искусствамъ очень немногіе учатъ, да и охоты къ чтенію никакой не внушаютъ. Я здѣсь, впрочемъ, убѣдилъ одну купчиху учить дочерей своихъ музыкѣ, растолковавъ ей, что это занятіе во сто разъ чище, лучше и домосидчивѣе, нежели умѣнье танцовать. Вообще желательно было бы, чтобы купцы давали своимъ дочерямъ надлежащее образованіе, дабы онѣ въ свою очередь не нуждались для дѣтей своихъ въ гувернанткахъ, а воспитывали ихъ сами.— Въ Мологѣ отыскалъ я одного мѣщанина, Финютина, который любитъ занятія письменныя, собираетъ старинныя грамоты и намѣревается писать исторію своего города. Я сейчасъ поставилъ его въ сношенія съ Ярославскими любителями старины и далъ ему нѣкоторые способы, напр. открылъ для него мѣстные архивы и т. п. Такимъ образомъ отыскивая по всѣмъ городамъ и уѣздамъ людей любознательныхъ и пишущихъ, я завожу между ними взаимную связь съ цѣлью, чтобы они могли другъ другу помогать сообщать открытія и дружнѣе работать. Если бъ я дольше оставался въ Ярославской губерніи, то непремѣнно учредилъ бы въ Ярославлѣ Статистическій Комитетъ, членами котораго были бы всѣ эти разбросанные въ разныхъ углахъ господа. Такимъ способомъ можно было бы много сдѣлать для разработки мѣстной исторіи и статистики. Признаюсь, весело мнѣ видѣть, что и теперь моими стараніями эта часть довольно таки оживилась. «Губернскія Вѣдомости» стали лучше и безпрерывно наполняются статьями крестьянъ, купцовъ и мѣщанъ, большею частію мною вызванныхъ и поощренныхъ. Угличскіе Серебренниковы усердно трудятся надъ архивомъ, въ которомъ находятъ любопытнѣйшіе документы и который

открытъ для нихъ по моимъ оффиціальнымъ (безо всякаго, впрочемъ, съ моей стороны права) требованіямъ. Въ последнемъ № «Губернскихъ Вѣдомостей» напечатана *съ моихъ словъ покорнѣйшая просьба* Редакціи ко всѣмъ грамотнымъ *крестьянамъ* трудиться надъ мѣстными изслѣдованіями и присылать свои труды въ Редакцію. И особенно пріятно было мнѣ видѣть, что обстоятельство это, дѣлаясь извѣстнымъ, пріобрѣтаетъ читателей между крестьянами и возбуждаетъ во многихъ охоту къ этимъ занятіямъ, даже родъ соревнованія.— Въ двухъ верстахъ отъ Мологи есть дѣвичій монастырь, откуда Игуменья присылала ко мнѣ монахиню спросить, когда я могу ее принять. Я, разумѣется, самъ къ ней отправился. Она хотѣла со мною посовѣтоваться по дѣлу о землѣ между монастыремъ и городомъ, дѣлу, которое я постарался покончить къ обоюдному согласію и даже къ выгодѣ города. На другой день таже монахиня принесла мнѣ просвиру, образокъ и «отъ кроткихъ трудовъ» монашенокъ что-то вродѣ книжки, вышитой бисеромъ. Я не хотѣлъ было брать, но вещь эта такъ скверно, безобразно и безвкусно сдѣлана, что я наконецъ уступилъ, предупредивъ, впрочемъ, что пользы города къ большей выгодѣ монастыря не будутъ мною нарушены. Игуменья однако-же велѣла мнѣ сказать, что она нарочно выбрала самую ничтожную, двухгривеничную вещь для того, чтобъ я могъ ее принять чисто на память. Забавно было мнѣ слышать, какъ эти монахини разсуждаютъ о Богородицѣ, точно будто она ихъ помѣщица. «Зачѣмъ вамъ расширять скотный дворъ?» говорю я... «Да развѣ это для насъ? это для Богородицы», отвѣчаютъ онѣ...—Въ Мологѣ поразило меня одно слово: одинъ купецъ, я слышалъ, говоря про Волжскихъ жителей, употребилъ выраженіе: *Волгаре*. Это что-то звучитъ сходно съ Болгарами. Передаю это на обсужденіе Константина. Сообщаю ему еще двѣ вѣсти: одну о томъ, что я сообщилъ Серебренниковымъ въ Угличѣ его статьи о Москвѣ и получилъ отъ нихъ письма, что они въ полной мѣрѣ раздѣляютъ взглядъ автора, и другую, довольно печальную о Поповѣ, Александрѣ Алексѣевичѣ. Онъ постоянно боленъ чахоткой, но теперь находится въ совершенной опасности и едва ли переживетъ это лѣто. Очень это грустно.—Кстати объ извѣстіяхъ. Я слышалъ отъ нѣкото-

рыхъ здѣшнихъ торговцевъ, что хлѣба въ Симбирской губерніи очень плохи покуда и если не поправятся, то помѣщикамъ придется опять кормить крестьянъ. Неужели наши Вишенки опять попадутъ въ эту категорію? — Изъ Ростова получилъ я двѣ старинныя русскія пѣсни, записанныя со словъ одного слѣпаго въ Тихвинѣ. Хотя въ пѣсняхъ есть вставки совершенно новѣйшія, но общій складъ ихъ одинаковъ съ пѣснями Кирши Данилова. Одно мнѣ странно: въ одной изъ пѣсенъ разсказывается подвигъ Яна Усмовича, который дрался съ Половецкимъ богатыремъ и для доказательства своей силы вырвалъ бокъ у быка. Это преданіе, записанное у Нестора, едва ли живетъ въ народѣ и не съ Нестора ли потомъ сочинена эта пѣсня? Другая о томъ, какъ всѣ извѣстные богатыри, посовѣту Ильи Муромца, отправляются добывать Князю Владиміру дочь Царя Татарскаго: «ужь не все ему холостымъ ходить, ужь пора ему и женитися!» Переписывать ихъ теперь мнѣ нѣкогда, постараюсь ихъ самъ привезти къ Вамъ. — А когда это будетъ? Да еще и самъ не знаю. Знаю только, что по полученіи этого письма Вы должны адресовать свои письма уже въ *Любимъ*. Въ Мышкинѣ я пробуду еще недѣлю. Городокъ крошечный, хотя и богатый капиталистами, — тихій, мирный, дружный, не кляузный; Голова — умница и знатокъ своего дѣла; я же уже порядочно понаметался въ ревизіи городовъ и при усиленныхъ своихъ занятіяхъ дѣлаю дѣло очень скоро и, кажется, довольно споро. Теперь остаются самые маленькіе города — Любимъ и Даниловъ, совершенно въ другой сторонѣ. Полюбопытствуйте взглянуть, гдѣ это; я нарочно и карту сестрамъ подарилъ. Эти города уѣздами своими граничатъ съ Костромской губерніей, а потому и нравы жителей должны быть тамъ другіе. — Прощайте. Берегите себя и будьте здоровы. Что Константинъ? Какъ дѣйствуетъ на него деревня и располагаетъ ли къ занятіямъ? Я знаю только, что этотъ постоянный шумъ сѣвернаго вѣтра дѣйствуетъ дурно на состояніе моего духа, хотя, впрочемъ, и не мѣшаетъ мнѣ заниматься дѣлами.

1850 года, Іюня 25-го. Воскресенье. Любимъ.

Только что я пріѣхалъ въ Любимъ, какъ получилъ Ваши письма отъ 20-го Іюня; почта приходитъ и отходитъ отсюда разъ въ недѣлю,—а недѣли двѣ пробыть здѣсь нужно. — Выѣхавши изъ Мышкина во Вторникъ, я въ тотъ же день вечеромъ добрался до Ярославля, гдѣ и оставался полтора сутокъ. Тамъ открывается теперь одно прелюбопытное обстоятельство. Для слѣдствія объ оказавшейся шайкѣ воровъ и грабителей назначена особая коммиссія, въ которую предсѣдателемъ присланъ чиновникъ нашего Министерства Графъ Стенбокъ. Въ этомъ дѣлѣ очень замѣшано старообрядчество и открывается совершенно новая, оригинальная и опасная секта, о которой до сихъ поръ нигдѣ не упоминается. Графъ Стенбокъ очень хорошій человѣкъ, но мало знакомъ съ религіозными вопросами, и потому все это время въ Ярославлѣ я занимался этимъ дѣломъ, и вѣроятно, мнѣ придется принять формальное участіе во всемъ, что относится до раскола. При свиданіи, Богъ дастъ, я разскажу Вамъ все подробно: обстоятельство это любопытно и важно въ высшей степени. Описаніе этого новаго толка будетъ, по всей вѣроятности, поручено мнѣ; по крайней мѣрѣ Графъ Стенбокъ написалъ объ этомъ Министру.—Маленькій городокъ Любимъ (впрочемъ, городъ старинный) лежитъ внѣ всякихъ почтовыхъ и торговыхъ трактовъ, невдалекѣ отъ Костромской границы и Вологды. Городокъ тихій, мирный, бѣдный, сравнительно съ прочими городами Ярославской губерніи, даже съ Мышкинымъ, который объемомъ своимъ гораздо меньше Любима. Но Мышкинъ—на Волгѣ и населился выходцами изъ крестьянскаго торговаго сословія, лучшаго въ губерніи, самаго предпріимчиваго, промышленнаго, трудолюбиваго. Въ этомъ городкѣ капиталистовъ болѣе, чѣмъ въ Угличѣ, даромъ что въ Угличѣ 10 тысячъ жителей, а въ Мышкинѣ, который всего 30 верстъ отъ него,—700. Въ Мышкинѣ купцы богаты, имѣютъ прекрасные дома, живутъ дружно между собою, и какъ по недостаточности городскихъ доходовъ дѣлается раскладка денежнаго сбора съ обывателей, то общество здѣсь на дѣлѣ, а не по формѣ только, тщательно повѣряетъ доходы и расходы и опредѣляетъ бюджеты города,

ибо отъ того зависитъ бо́льшая или меньшая раскладка. Внутренней торговли нѣтъ почти никакой и всѣ купцы ведутъ оптовую торговлю. Однихъ яицъ изъ Мышкина отправляютъ купцы въ Петербургъ до шести милліоновъ! Впрочемъ, и крестьяне всей этой стороны (большей частью Графа Шереметьева) очень богаты и ведутъ большую торговлю. Все зависитъ отъ свойства людей, гораздо больше, чѣмъ отъ условій мѣстности. Рядомъ съ Мышкинымъ — Угличъ, гдѣ мѣщане байбаки и сидни, оттого и бѣдны и занимаются прасольничаньемъ, т. е. перекупкою. Я вообще замѣчаю, по крайней мѣрѣ здѣсь, въ Ярославской губерніи: чѣмъ старѣе городъ, тѣмъ менѣе предпріимчивости и дѣятельности въ жителяхъ. Напр. Ростовъ: почти всѣ богачи въ немъ — приписные изъ крестьянъ; за то, проживая въ Ростовѣ, они ведутъ торговлю съ Хивой, Персіей, Китаемъ, Сибирью и торгуютъ постоянно внѣ Ростова, гдѣ нѣтъ торговли и гдѣ безъ ярмарки проживающіе на одномъ мѣстѣ жители были бы совершенно бѣдны. Кто завелъ огороды въ Ростовскомъ уѣздѣ, когда ни почва, ни климатъ не благопріятствуютъ ему болѣе, чѣмъ въ Угличѣ или въ другихъ мѣстахъ? Крестьянинъ. Про Рыбинскъ и говорить нечего: это городъ совершенно новый, такъ же какъ и Мышкинъ. И странно, когда старые города бѣднѣютъ, окружающія ихъ села богатѣютъ, изобрѣтая новые промыслы... Такъ и Любимъ, городъ старинный, теперь очень бѣденъ, а про крестьянъ этого нельзя сказать. У Любима до 5,000 десятинъ земли. По количеству земли это второй городъ въ губерніи. По совершенному безпорядку въ пользованіи этою землею отъ нея мало дохода и городу и жителямъ. Есть города, въ которыхъ, должно сознаться, опека Правительства еще необходима, и Любимъ изъ числа ихъ. Руководствуясь общими основаніями закона и инструкціи, я приказалъ раздѣлить эти земли (разумѣется, не всѣ) на правильные участки отъ 6 до 15 десятинъ и отдавать каждый участокъ съ торговъ подъ пашню или сѣнокосъ: здѣсь многіе мѣщане пашутъ. Такъ какъ Любимъ не на судоходной рѣкѣ и не имѣетъ особыхъ источниковъ промышленности, то мнѣ бы хотѣлось привить здѣсь хоть земледѣліе въ бо́льшихъ размѣрахъ и въ усовершенствованномъ видѣ. Для этого надо было бы устроить образцовый

или опытный хуторъ, гдѣ производить пробы. Напр. въ Вологодскомъ уѣздѣ многіе крестьяне сѣютъ рожь вазу. Эта ваза можетъ рости и здѣсь очень хорошо, и распространеніе ея здѣсь дало бы *особенность* городу, мѣстный промыселъ, подобно зеленому горошку въ Ростовѣ. «Отчего же не заведете вы этого»? спрашиваю я.—«Да такъ, нѣтъ привычки къ этому, у насъ не заведено, отвѣчаютъ мнѣ, — а то хорошо было бы»... А предпріимчивыхъ нѣтъ.—Любимъ— довольно красиво расположенный городъ, на двухъ рѣчкахъ— Учѣ и Обнорѣ. Уча впадаетъ тутъ же въ Обнору, а Обнора верстъ за 20 въ Кострому, а Кострома въ Волгу. Въ водополь можно сплавлять легкія барки отсюда въ Волгу, но это время продолжается недолго. И Уча и Обнора шире Вори. Каменныхъ домовъ всего шесть; лѣсъ невѣроятно дешевъ; дрова березовыя по 2 рубля 50 коп. ассигн. сажень! Деревянное строеніе довольно чистенькое. Особенную физіономію этому городу даютъ невысокія стриженыя березки, разсаженныя по сторонамъ улицъ, вмѣсто тротуарныхъ столбиковъ. Можетъ быть, въ этомъ мирномъ уголкѣ, гдѣ нибудь за свѣтлымъ стекломъ небольшихъ оконъ, расцвѣтаетъ въ тиши какое-нибудь молодое, прекрасное созданіе,—такъ замечтался бы Константинъ, такъ пронесется вскользь и по мнѣ мечтаніе, но мечтать мнѣ некогда. Пора на почту.

1-го Іюля 1850 года. Суббота. Любимъ.

Только что отошла великолѣпнѣйшая изъ грозъ нынѣшняго лѣта! Во время грозы было слишкомъ 20 градусовъ тепла. И вчера и третьяго дня время было чудное, знойное, хотя и съ вѣтромъ; за то тише и теплѣе вчерашней ночи еще не было ни одной. Впрочемъ, впечатлѣніе, производимое на меня полуденнымъ зноемъ, безоблачнымъ, пылающимъ небомъ,—сильнѣе съ нѣкоторой поры впечатлѣній теплой ночи, полусвѣта луны и т. п.—Пожалѣешь неразъ, что не въ деревнѣ, что не можешь дать себя пожарить солнцу или освѣжиться купаньемъ въ полдень! Тѣмъ не менѣе я загорѣлъ такъ, что не отстану и отъ Васъ, рыбаковъ и деревенскихъ жителей.—29-го Іюня, вечеромъ, получилъ я Ваше письмо, милый Отесинька, отъ 26-го и при немъ письмо

Константина, которому я тѣмъ болѣе былъ радъ, что никакъ не ожидалъ отъ него такого прилива дѣятельности лѣтомъ, въ деревнѣ, когда есть возможность цѣлый день удить.— Предупреждаю Васъ, чтобы Вы болѣе не писали мнѣ въ Любимъ по полученіи этого письма, а адресовали свои письма въ городъ Даниловъ, который ближе къ Ярославлю 37-ю верстами и на Вологодскомъ трактѣ, по которому почта ходитъ два раза, а не одинъ разъ въ недѣлю, какъ здѣсь.— Отвѣчаю на Ваше письмо, милый Отесинька. Неужели въ Абрамцевѣ холоднѣе, чѣмъ здѣсь? До 8-ми градусовъ тепла здѣсь не доходило, да и вообще погода стоитъ прекрасная, только немного вѣтреная. Вы кушаете землянику, а мнѣ опять, вѣроятно, не удастся съѣсть ни одной ягоды лѣтомъ, какъ и прошлаго года. Здѣсь доставать ихъ трудно, т. е. покупкой.—Вы и Константинъ спрашиваете меня, пишу ли я стихи? Рѣшительно нѣтъ и ничего не написалъ. Характеръ занятій моихъ таковъ, что наполняетъ мои соображенія поминутно. Въ должности Оберъ-Секретаря я могъ покончить одно дѣло и приняться за другое,—но здѣсь не такъ. Здѣсь безпрестанно думаешь: на все ли обращено вниманіе, все ли придумано къ лучшему, нельзя ли сочинить какихъ-либо новыхъ проэктовъ для пользы города и проч. Мнѣ бы хотѣлось по окончаніи своего порученія написать большую статью или записку о современномъ положеніи и значеніи городскихъ общинъ въ Россіи и ихъ отношеніяхъ къ Правительству,—но не знаю, успѣю ли. Необходимымъ дополненіемъ къ этому труду было бы изложеніе исторіи внутренней жизни и администраціи городовъ—хоть съ XVI вѣка,— да гдѣ ее взять. Я начинаю думать, что у насъ съ XVI вѣка до Екатерины городскихъ общинъ не существовало; если вѣчевой колоколъ и висѣлъ въ Москвѣ до чумы, такъ за то и молчалъ по цѣлымъ вѣкамъ или же исправлялъ должность обыкновеннаго набата. Кромѣ историческихъ доказательствъ, я беру доказательства изъ современнаго характера старыхъ и новыхъ городовъ. Впрочемъ, это вопросы серьезные, о нихъ при свиданіи. Жалѣю только, что не имѣю ни времени, ни матерьяловъ для подробнѣйшихъ изслѣдованій,—а никто другой этимъ порядочно не займется, да и занимаясь, не пойметъ такъ, какъ пойметъ человѣкъ служа-

щій. Если ученые, живя въ отвлеченномъ мірѣ, вѣчно въ своемъ кабинетѣ, не могутъ понять практической, живой стороны административныхъ вопросовъ, то какже имъ понять эту сторону темныхъ административныхъ вопросовъ старины? Отъ этого и кажется Константину, что старинная администрація была превосходна, что внутреннія таможни между городами—прелесть, верхъ финансовыхъ соображеній, что кормленіе воеводъ—идеалъ справедливости!—Въ Любимѣ я останусь до Вторника или до Середы будущей недѣли. Такъ по крайней мѣрѣ мнѣ хотѣлось бы. Отъ этого городка вѣетъ особенною тишиною, такъ какъ въ немъ нѣтъ ни дѣятельной внутренней торговли, ни огромныхъ капиталовъ. Къ тому же мѣстоположеніе его чрезвычайно красиво. Я гуляю иногда по древнему валу крѣпости, на которомъ можно ясно различить слѣды древнихъ круглыхъ башенъ, воротъ и т. п., хотя и обломковъ даже не осталось. Впрочемъ, оффиціальность моего званія много мнѣ мѣшаетъ въ прогулкѣ. Пріѣздъ чиновника, да еще Министерскаго, въ этомъ городкѣ составляетъ эпоху, а самый чиновникъ—предметъ невыносимаго любопытства. Многіе такіе чиновники являлись ко мнѣ съ рапортами, до которыхъ мнѣ нѣтъ никакого дѣла и которые совершенно другаго вѣдомства. Разумѣется, рапортовъ подобныхъ я не принимаю и очень хорошо знаю, что все это дѣлается для того, чтобы потомъ разсказывать о своемъ посѣщеніи, толковать обо мнѣ, какъ о человѣкѣ знакомомъ и проч. Все это подъ конецъ становится несносно. Здѣсь есть обычай, что жители, т. е. купчихи и мѣщанки сходятся по праздничнымъ вечерамъ на площадь или лучше на зеленый лугъ: купчихи чинно прохаживаются, а мѣщанки (замужнія и дѣвицы) и даже мѣщане чинно ведутъ хороводы. Я не разъ хотѣлъ идти на это сборище, но замѣтивъ, что при появленіи моемъ перестаютъ пѣть, что купчихи вытягиваютъ нижнія губы, чтобы засвидѣтельствовать предо мною свое презрѣніе къ этому *низкому* мѣщанскому удовольствію, что все это начинаетъ жеманиться, — я уже не сталъ ходить туда. Вчера, работавши цѣлый день, я часу въ 11-мъ вечера пошелъ прогуляться по валу и, возвращаясь домой, видѣлъ, какъ кабаки, въ которыхъ раздавались пѣсни и горѣлъ огонь, мгновенно стихли и затво-

рились, а когда я прошелъ, то вновь появились и огонь и пѣсни!—Впрочемъ, на нынѣшней недѣлѣ покой г. Любима былъ прерванъ еще двухдневной ярмаркой. Это что-то даже меньшее, чѣмъ ярмарки въ торговыхъ большихъ селахъ Ярославской губерніи, но какъ бы то ни было городъ оживился. Ярмарки для простаго народа—гулянье, балъ. Посѣтители все были крестьяне и крестьянки, которые упросили своихъ мужей, отцевъ и братьевъ взять ихъ съ собою. Мужья, отцы и братья сами торгуютъ и гуляютъ, а женщины въ этомъ чаду шума, крика, пѣсенъ, брани, музыки, пестроты, толкотни—ходятъ и смотрятъ съ такимъ же упоеніемъ, какое производитъ на нашихъ женщинъ и балъ въ разгарѣ или концѣ. Каково было мое удивленіе, когда среди этой пестрой, пьяной физически и нравственно толпы, среди гула ругательствъ и возгласовъ и взаимныхъ нѣжностей обоихъ половъ увидалъ я священника съ крестомъ, святой водой и причтомъ; онъ пробирался въ каждую лавчонку, шалашъ, палатку, подлѣзалъ подъ каждый навѣсъ, давая цѣловать крестъ пьяному торговцу и собирая такимъ образомъ деньги. Мало того, онъ обошелъ и кабаки! Это было послѣ обѣда. Хороши, нечего сказать! Само собою разумѣется, что все это ярмарочное безчиніе означало Господній праздникъ, по обычаю русскаго народа... (29-е Іюня).

Даниловъ. Іюля 9-го 1850 года. Воскресенье.

Ваше письмо отъ 3-го Іюля я получилъ передъ самымъ своимъ отѣздомъ изъ Любима въ Даниловъ, куда и пріѣхалъ въ Пятницу 7-го Іюля. Въ Любимѣ я пробылъ дольше, чѣмъ предполагалъ,—не знаю, пробуду ли здѣсь дольше предположеннаго, а предположено остаться здѣсь недѣлю или никакъ не болѣе 10-ти дней. Изъ Данилова отправлюсь въ Ярославль, и если Министерскаго предписанія еще не получено, то скачу далѣе въ Ростовъ, гдѣ осмотрю Порѣчье и, можетъ быть, проѣду въ Иваново, а оттуда къ Вамъ. Итакъ, недѣли черезъ двѣ съ половиной Вы можете меня ожидать.—Въ Даниловѣ я нашелъ къ себѣ письмо отъ А. О. Она пишетъ, что уже увѣдомила Васъ о томъ, что слухъ о Клушинѣ неоснователенъ; что слѣдствіе надъ ея мужемъ кон-

чено и теперь начинается ревизія; что Гоголь, вѣроятно, поселится на Аѳонской горѣ и тамъ будетъ кончать «Мертвыя Души» (какъ ни подымайте высоко значеніе искусства, а всетаки это нелѣпость по моему: среди строгихъ подвиговъ аскетовъ онъ будетъ изображать ощущенія Селифана въ Хороводѣ и грезы о бѣлыхъ и полныхъ рукахъ и проч.). Пишетъ она также, что собирается съѣздить къ Троицѣ и заѣхать къ намъ въ Радонежье и къ Путятамъ; что Константинъ монахъ безъ подвиговъ монашеской жизни и что *ему некуда дѣвать своихъ физическихъ и нравственныхъ силъ.* Кажется, съ Самаринымъ она примирилась, по крайней мѣрѣ она излагаетъ свое письмо къ нему... Вообще же письмо ея мѣстами очень умно, мѣстами очень скучно нравоучительнымъ резонерствомъ и текстами изъ Свящ. Писанія.—Даниловъ зажиточнѣе и больше Любима, но онъ единственный безводный городъ въ Ярославской губерніи. Правда, вплоть за городскимъ валомъ протекаетъ или пробирается по болотамъ рѣчка *Пéленда*, но это ручей, величаемый рѣчкою. Особенностей городъ этотъ никакихъ не представляетъ: онъ основанъ Екатериной и главный предметъ его торговли — холстъ, скупаемый въ уѣздѣ у крестьянокъ.

1-го Августа 1850 года. Ярославль.

Хотѣлъ писать Вамъ большое письмо, но не успѣлъ и большое письмо откладываю до слѣдующей почты. Я пріѣхалъ въ Ярославль вчера, въ 4 часа. Дорогой я встрѣтилъ по Ярославской губерніи сильную дѣятельность, страшную суматоху... Причиною — путешествіе Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей. Ихъ отправили путешествовать по Россіи, и такъ какъ они завтра или послѣзавтра должны быть въ здѣшней губерніи, о чемъ дано знать нѣсколькими эстафетами, то всѣ мечутся, какъ угорѣлые. Почтовыхъ лошадей согнали со всѣхъ станцій въ тѣ мѣста, гдѣ Великіе Князья проѣдутъ, а вмѣсто почтовыхъ взяли обывательскихъ (натуральная земская повинность). Обывательскихъ лошадей взято 1474, и какъ все это дѣлалось въ нѣсколько дней, то можете вообразить, какъ велика должна была быть дѣятельность. Я читалъ маршрутъ Великихъ Князей: въ Мо-

логѣ обѣдъ, въ Рыбинскѣ ночлегъ, въ Угличѣ обѣдъ, въ Ростовѣ ночлегъ, въ Ярославлѣ обѣдъ и, кажется, въ Костромѣ ночлегъ. Такимъ образомъ совершится знакомство съ Россіей и остальныхъ двухъ сыновей Государя!..—Вчера вечеромъ (я остановился въ гостинницѣ) я поспѣшилъ узнать насчетъ своего назначенія въ Коммиссію. Никакого свѣдѣнія изъ Министерства. Я предполагалъ ѣхать нынче въ Ростовъ, но Бутурлинъ не въ состояніи ни думать, ни дѣйствовать и просилъ меня отсрочить свидѣтельство казармъ до окончанія всей этой суматохи, что будетъ не раньше Понедѣльника. Я уже приходилъ въ отчаяніе, потому что жить въ трактирѣ непріятно и дорого, квартиръ въ виду нѣтъ, а на казенную квартиру, гдѣ помѣщена Коммиссія, переѣзжать я не имѣю права, но сейчасъ Графъ Стенбокъ получилъ письмо отъ Муравьева, который пишетъ, что я уже назначенъ членомъ Коммиссіи. А мнѣ сію минуту принесли съ почты объявленіе о полученномъ изъ Петербурга секретномъ пакетѣ: вѣроятно, это самое и есть предписаніе: я еще не успѣлъ получить его съ почты. Что же касается до письма Надеждина, то предложеніе его заключается въ томъ, не хочу ли я взять на себя провѣрку цифръ о числѣ раскольниковъ, представляемыхъ Губернаторомъ. Онъ пишетъ, что Министру давно хотѣлось сдѣлать это въ какой-либо губерніи, т. е. сличить оффиціальныя свѣдѣнія съ неоффиціальными, и Надеждинъ предложилъ поручить это мнѣ; Министръ велѣлъ спросить напередъ меня, а я положительно отказываюсь. Для этого необходимо разъѣзжать вновь и не только по городамъ, но по уѣздамъ; къ тому же вѣрныхъ свѣдѣній о числѣ имѣть невозможно, если не употреблять въ дѣло вовсе оффиціальныхъ путей, а Министръ хочетъ, чтобы это было секретно отъ Губернатора. Да и самый вопросъ этотъ не такъ важенъ; есть много скрытныхъ и двоедушныхъ раскольниковъ, которые числятся православными; важнѣе всего общее значеніе и характеръ раскола. Слѣдовательно, я отказываюсь, тѣмъ болѣе, что это требовало бы особенныхъ многосложныхъ занятій, а съ меня будетъ и моихъ. О деньгахъ онъ ничего не пишетъ, а говоритъ, что это послужитъ къ расширенію моихъ вещественныхъ средствъ. Впрочемъ, не видно, чтобъ онъ зналъ о моемъ назначеніи

въ Коммиссію.—Сейчасъ отправлюсь на почту, потомъ обѣдать къ Андрею Оболенскому. — Лѣто для меня кончилось!

1850 года. Августа 7-го. Ярославль. Понедѣльникъ.

Вчера поутру получилъ я письма Ваши. Слава Богу, что Вы всѣ попрежнему, — боюсь только, чтобы Олинькино нездоровье не помѣшало отъѣзду Вѣры.—Безтолково, суматошно и глупо провелъ я всѣ эти дни. Пріѣздъ Великихъ Князей, ожиданіе ихъ и приготовленіе къ пріему до того скружили голову всѣмъ, начиная отъ Бутурлина до послѣдняго чиновника, что всѣ дѣла остановились. Великіе Князья пріѣхали только вчера вечеромъ и ѣдутъ завтра поутру. По этому случаю я долженъ былъ отложить поѣздку свою въ Ростовъ, но думаю отправиться туда послѣзавтра и пробыть тамъ дня три. Еще не успѣлъ втянуться въ работу, еще не совсѣмъ устроился, и это безтолковое положеніе сердитъ меня. Отъ Министра я получилъ предписаніе принять участіе во всѣхъ занятіяхъ Коммиссіи, какъ членъ ея, но въ особенности заняться тѣмъ, что имѣетъ связь съ расколомъ. На этомъ основаніи я и переѣхалъ въ верхній этажъ дома, занимаемаго Коммиссіей, и гдѣ внизу живетъ Графъ Стенбокъ, съ которымъ мы большіе пріятели и имѣемъ общій столъ. Дѣятельнаго участія въ занятіяхъ Коммиссіи я еще не принималъ, потому что еще читаю дѣло. Признаюсь, мнѣ этого не хотѣлось, т. е. участія *во всѣхъ* занятіяхъ Коммиссіи: съ этимъ сопряжено много непріятностей, напр. обыски, допросы и проч. и проч.—Вчера Вы пріобщались, милый Отесинька. Поздравляю Васъ. Хоть Вы и говорите, что я увезъ жаркое время, но погода все еще хороша; вчера же ночь были чудесная, и уженье Ваше, прерванное говѣньемъ, можетъ вновь возстановиться. Но гдѣ? Только въ двухъ мѣстахъ: Василевѣ и Алексѣевскомъ бачагѣ. А что грибы? Вы жалѣете, что я не догадался взять мѣсто въ почтовой каретѣ, но сожалѣть не о чемъ: и дороже и позднѣе приходитъ. Гришѣ буду отвѣчать съ слѣдующею почтой: я не хочу мѣсто чиновника по особымъ порученіямъ при Хозяйственномъ Департаментѣ и добиваюсь только мѣста чиновника по особымъ порученіямъ при Министрѣ. — Помню,

что въ послѣднемъ письмѣ я обѣщалъ сообщить Вамъ разныя подробности, но какія и о чемъ, теперь совсѣмъ забылъ, такъ что рѣшительно не знаю, о чемъ и писать. Этому причиною дурное расположеніе духа. Если бы Вы знали, какое болѣзненное впечатлѣніе производятъ на меня эта суетня, скакотня въ мундирахъ, безпрестанные разсказы и анекдоты, и т. п. А при этомъ мысль о множествѣ предстоящихъ дѣлъ, изъ которыхъ многія скучны или непріятны, мысль о томъ, что не успѣешь заняться ни «Бродягой», ни тѣмъ, чѣмъ бы именно хотѣлось, а тутъ и прекрасная погода съ голубымъ небомъ. Такимъ образомъ лучше всего закончить письмо. Съ слѣдующею почтой надѣюсь получить отъ Васъ болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о рѣшеніи Вѣры и Маменьки. — Прощайте, дай Богъ, чтобы Вы были всѣ здоровы и бодры и скорѣе бы порѣшили свои недоумѣнія.

1850 года, Августа 14-го. Понедѣльникъ. Ростовъ.

Вотъ, наконецъ, я и въ Ростовѣ. Изъ Ярославля я выѣхалъ въ два часа ночи и поутру нынче пріѣхалъ въ Ростовъ. Хотя Вы и говорите, что началась осень, однако нынче ночь была совершенно лѣтняя и вообще вечера лучше и даже теплѣе дня. Вчера и третьяго дня, часовъ въ 10 вечера, я, Графъ Стенбокъ, Оболенскій и нѣкоторые другіе катались на лодкѣ по Волгѣ, и, несмотря на эту массу воды, не чувствовалось никакой сырости. А нынче день довольно холодный, вѣтреный и пасмурный.—Петру Васильевичу Хлѣбникову я отдалъ Вашу наливку, и онъ Вамъ очень, очень благодаренъ; наливку однакожъ онъ не велѣлъ раскупоривать до какого-нибудь торжественнаго случая. Онъ приглашаетъ всѣхъ Васъ, если Вы пріѣдете въ Ростовъ, остановиться у него въ домѣ. Великіе Князья останавливались также у него и подарили ему брилліантовый дорогой перстень, а онъ поднесъ имъ записку о монументальныхъ древностяхъ Ростова. Какъ въ это время за отсутствіемъ Головы онъ правилъ его должность, то весьма ловко, умно и искусно сдѣлалъ пріемъ Великимъ Князьямъ. Въ поданной имъ запискѣ слегка коснулся онъ того, что древности Ростова рушатся по причинѣ безконечнаго формализма, связавшаго

всѣмъ руки, и что Государь однимъ словомъ можетъ поправить дѣло. Не знаю, что изъ этого выйдетъ. Онъ поднесъ также Великимъ Князьямъ на серебряномъ подносѣ свѣжаго зеленаго горошку и очень было этимъ озадачилъ ихъ, но, разумѣется, сейчасъ же и объяснилъ значеніе зеленаго горошка для Ростова. — Я все еще не могу наладиться, все еще не доволенъ собою, все какъ-то лѣнюсь, хотя работаю очень много. Работа теперь довольно утомительная, потому что имѣешь дѣло съ живыми людьми. Я попросилъ бы Васъ повозиться съ какимъ-нибудь бродягой, который на всѣ вопросы: откуда онъ, гдѣ былъ за день до поимки, какъ зовутъ и проч., отвѣчаетъ: знать не знаю и вѣдать не вѣдаю. Впрочемъ, большею частью послѣ пяти или шестичасоваго допроса, когда разъ 40 предложатъ ему одинъ и тотъ же вопросъ или дадутъ съ кѣмъ-либо очныя ставки, онъ мало-помалу дѣлаетъ сознаніе. Но все это очень утомительно, и время идетъ безтолково. Такъ вчера мы сѣли обѣдать только въ седьмомъ часу вечера, а обыкновенно въ шесть. Относительно раскольниковъ новой секты я долженъ замѣтить, что они большею частью мошенники. Изо всѣхъ видѣнныхъ мною только одинъ чистый фанатикъ, святой жизни человѣкъ, *«рабъ Христовъ»* Яковъ Ѳедоровъ, который обрадовался своей поимкѣ, думая, что его будутъ истязать за имя Христово;—остальные почти всѣ воры, разбойники, пьяницы и развратные люди. Это отзывъ не нашъ, а сосѣднихъ жителей. Еще не отыскалъ я ихъ рукописныхъ сочиненій въ защиту своего ученія, а это было бы важно. Знаю, что они Поморской, Филипповской и Ѳедосѣевской сектамъ ставятъ въ упрекъ: 1) то, что они, т. е. послѣдователи этихъ сектъ, живутъ подъ записью, тогда какъ эти *христіане* исключаются изъ списковъ, какъ бѣглые; 2) что они имѣютъ паспорты и платятъ подати; 3) что живутъ въ домахъ; 4) что живутъ спокойно и не «одержимы страхомъ». Не спорю, что эта секта могла, сама по себѣ, искренно и самостоятельно развиться, но и для мошенника нельзя лучше выдумать. Онъ бѣглый, онъ бѣжалъ изъ полка или съ каторги, или потому, что совершилъ преступленіе,—и званіе бѣглаго освящаетъ, а осуждаетъ состоящихъ подъ записью. Онъ естественнымъ образомъ не можетъ имѣть паспортъ и про-

клинаетъ паспортъ; онъ не можетъ платить повинностей и оправдываетъ себя въ этомъ; у него нѣтъ дома, — онъ говоритъ, что и не надо имѣть дома, что грѣхъ имѣть домъ, и дѣлаетъ изъ укрывательства бѣглыхъ священную обязанность Онъ разорвалъ миръ съ обществомъ и осуждаетъ другихъ, которые съ нимъ въ мирѣ и не одержимы страхомъ, какъ онъ. У нихъ свои кресты на шеѣ, по которымъ можно сейчасъ узнать принадлежащихъ къ ихъ сектѣ.

21-го Августа 1850 года. Ярославль. Понедѣльникъ.

Послѣднее письмо я писалъ Вамъ изъ Ростова, откуда во Вторникъ вечеромъ и выѣхалъ. Тамъ только и толковъ, что о пребываніи Великихъ Князей. Воротясь въ Ярославль, я узналъ, что уже напечатано въ приказахъ о назначеніи сюда Вицегубернаторомъ Богданова, чиновника по особымъ порученіямъ при Министрѣ. Сколько мнѣ извѣстно, этотъ господинъ получалъ жалованье, а потому я, нимало не медля, написалъ письмо къ Гвоздеву (Директору Департамента Общихъ Дѣлъ), прося его, въ случаѣ, если мѣсто никѣмъ не занято, доложить Министру о желаніи моемъ имѣть это мѣсто. Письмо вовсе не носитъ характера просительнаго и написано, кажется мнѣ, съ достоинствомъ. — Могу сообщить Вамъ пріятную новость объ Угличскомъ колоколѣ. На дняхъ полученъ указъ изъ Синода въ здѣшнюю Консисторію, гдѣ прописано отношеніе Министра Внутреннихъ дѣлъ къ Оберъ-Прокурору Синода. Въ этомъ отношеніи Министръ пишетъ: „*Граждане*“ г. Углича въ присланной ко мнѣ просьбѣ изъяснили, что, зная по устному преданію отъ предковъ ихъ, что древній колоколъ, восвѣстившій Угличанамъ 15-го Мая 1591 года о смерти св. благовѣрнаго царевича Димитрія, подвергся ссылкѣ въ г. Тобольскъ, въ которомъ находится и нынѣ, при церкви Всемилостиваго Спаса, — и дорожа родными древностями, они желали бы имѣть тотъ колоколъ у себя, почему и просили о возвращеніи его въ Угличъ на ихъ счетъ. По всеподданнѣйшему докладу моему сказанной просьбы, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: „удостовѣрясь предварительно въ справедливости существованія колокола въ г. То-

больскѣ и по сношеніи съ г. Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода, *просьбу сію удовлетворить*". Почему нашъ Министръ вошелъ въ сношеніе съ Тобольскимъ Архіепископомъ Георгіемъ, который объяснилъ, что въ архивѣ Тобольскаго каѳедральнаго собора нѣтъ никакихъ письменныхъ достовѣрныхъ документовъ о томъ, когда и отъ кого этотъ колоколъ полученъ, съ чьего распоряженія онъ былъ послѣ того перемѣщенъ на Софійскую колокольню, съ котораго времени до 1837 года находился безъ одного уха (въ этомъ году ухо придѣлано) и когда именно вырѣзана на колоколѣ надпись: „сей колоколъ, въ который били въ набатъ при убіеніи благовѣрнаго Димитрія Царевича, въ 1593 году присланъ изъ г. Углича въ Сибирь, въ ссылку, во градъ Тобольскъ, къ церкви Всемилостиваго Спаса, что на торгу, а потомъ на Софійской колокольнѣ былъ часобитнымъ, вѣсу въ немъ 19 пудъ 20 фунтовъ". А въ краткомъ показаніи о Сибирскихъ воеводахъ, писанномъ въ Тобольскомъ Архіерайскомъ домѣ 1791 года, и печатанномъ въ Тобольскѣ въ 1792 году, сказано: „въ 1593 году присланъ былъ въ Тобольскъ въ ссылку колоколъ безъ уха, въ который били въ набатъ, какъ Димитрію Царевичу на Угличѣ сдѣлалось убіеніе, нынѣ же на Софійской колокольнѣ набатный". Все это было передано Министромъ Оберъ-Прокурору, который въ свою очередь предложилъ о томъ Синоду, а Синодъ предписалъ Евгенію: „собрать самовѣрнѣйшія справки, не извѣстно ли Епархіальному начальству или духовенству г. Углича чего-либо положительнаго о томъ колоколѣ". Евгеній же предписалъ о томъ Угличскому духовенству. А я прописываю все это въ подробности для того, чтобы Константинъ могъ сообщить это нашимъ извѣстнымъ археологамъ и просить ихъ: не знаютъ ли они сами, не имѣютъ ли болѣе достовѣрныхъ извѣстій о колоколѣ; если имѣютъ, то пусть сообщатъ Константину, Константинъ мнѣ, а я Евгенію. Очень можетъ случиться, что какой-нибудь Ундольскій или Забѣлинъ, или Бѣляевъ владѣютъ какими-нибудь Сибирскими документами, относящимися къ той эпохѣ. Какъ-то странно видѣть всѣ эти ученыя розысканія подъ формою указовъ и рапортовъ, но тѣмъ не менѣе я очень радъ этому. Пожалуйста, милый братъ и другъ Константинъ, если у насъ

все слава Богу, въ обыкновенномъ порядкѣ, не полѣнись это сдѣлать.—Евгенія со времени пріѣзда своего я еще не видалъ: отъ дѣлъ Коммиссіи я свободенъ только утромъ до 9-ти часовъ и поздно вечеромъ. Кстати: если Константинъ увидитъ Соловьева, то пусть возьметъ отъ него „Челобитную“, рукопись раскольничью, которую Соловьевъ у меня взялъ для переписки.— Сейчасъ получилъ отъ Серебренниковыхъ новое письмо, въ которомъ они пишутъ, что Угличское духовенство уже послало свой отвѣтъ Архіерею, представивъ въ доказательство: 1) мѣстное, глубоко укоренившееся преданіе; 2) мѣсто изъ Сибирской лѣтописи, напечатанной въ Вивліоѳикѣ; 3) 245-е примѣчаніе къ X тому исторіи Карамзина. Поѣду непремѣнно къ Евгенію хлопотать по этому дѣлу.—Нынче совершенная осень: холодно и дождь моросить непрестанно, смеркается рано, уже приходится работать и при свѣчахъ... Грустно, очень грустно. Прощайте! Дай Богъ, чтобы все у Васъ было благополучно.

Августа 24-го 1850 года. Ярославль. Четвергъ.

Ну, слава Богу, наконецъ получилъ я Ваши письма! Просто вѣрить не хочется! Неужели отъѣздъ Вѣры состоялся?.. *) Не получивъ на прошедшей недѣлѣ писемъ отъ Васъ, я уже начиналъ очень безпокоиться; поспѣшно распечалъ письмо и вижу Маменькину записку, по возвращеніи изъ Подольска. Дай Богъ, чтобы эта поѣздка совершилась благополучно; признаюсь, мнѣ было весело прочитать это извѣстіе. Только каково-то Вамъ, милый мой Отесинька, одному теперь, безъ Константина и безъ Маменьки, если Маменька еще въ Москвѣ; каково-то Вамъ, милая моя Маменька, теперь, при хлопотахъ о домѣ, съ безпокойствомъ о путешествующихъ. Подлинно, какъ говорите Вы, Вы сами теперь сердцемъ путешествуете во всѣ 4 стороны: Кіевъ, Москва, Абрамцево, Ярославль и Петербургъ смѣняются другъ за другомъ въ Вашихъ мысляхъ. Какъ я радъ за Надичку и жалѣю, что Марихенъ не поѣхала, ну да она еще успѣетъ побывать въ Кіевѣ и въ другой разъ. Если Константину и непріятна

*) Вѣра Сергѣевна поѣхала съ Константиномъ Сергѣевичемъ въ Кіевъ.

эта поѣздка, то, вѣрно, онъ съумѣетъ пересилить себя и не показывать этого Вѣрѣ; впрочемъ, я надѣюсь, если попадетъ онъ на какое нибудь важное для него открытіе (что для него и не трудно), то онъ станетъ повеселѣе. Какъ Вы съ нимъ разстались, милый Отесинька? Сдѣлайте одолженіе, напишите мнѣ все подробно: заѣзжали ли они къ Горчаковымъ, какъ намѣрены ѣхать, прямо ли, не останавливаясь, съ ночевкой ли, кто да кто поѣхалъ изъ людей, все, все подробно. Можно ли имъ писать туда и куда именно адресовать? Какъ Вы распорядились на счетъ писемъ? Всего лучше, если Вы будете присылать ихъ письма. Какъ мнѣ досадно, что я теперь не съ Вами, милый Отесинька, какъ было бы кстати быть мнѣ теперь при Васъ вмѣсто Константина. И какъ нарочно наступила осенняя сырая погода!—Что касается до меня, то я просто боюсь увязнуть здѣсь въ дѣлахъ. Работы столько, что конца не видишь. Теперь я вовсе не занимаюсь прежнимъ своимъ порученіемъ по городскому хозяйству и оно остается неконченнымъ, а Департаментъ подбавляетъ къ нему все новыя работы. Мое время теперь все почти исключительно занято дѣлами по Коммиссіи. Человѣкъ до ста подсудимыхъ, разныя хитросплетенія, запутанность - все это задолго продлитъ работу. Нѣсколько шаекъ воровъ, разбойниковъ и конокрадовъ составляютъ эту новую секту. Въ предписаніи ко мнѣ Министра именно сказано, чтобъ я обнаружилъ связь ученія раскольничьяго съ преступленіями и вліяніе его на народную нравственность. Слѣдовательно, и въ коммиссіи два предмета: гражданскія преступленія и расколъ съ его догматической и исторической стороной. Сверхъ того, мы же производимъ слѣдствіе о нѣкоторыхъ здѣшнихъ чиновникахъ, покровительствовавшихъ всему этому злу, любимцахъ Губернатора (который, разумѣется, не вѣритъ, чтобы они были мошенники) и могущественнѣйшихъ плутахъ всей губерніи, передъ которыми всѣ трусятъ и подличаютъ Одного мы уже посадили подъ арестъ, завтра посадимъ другаго. Все это возбуждаетъ противъ насъ страшный гнѣвъ всѣхъ губернскихъ мошенниковъ.—Прощайте, буду писать Вамъ съ слѣдующею почтою. Вы пожалуйста не сердитесь, что современи моего возвращенія изъ Москвы письма мои всѣ пишутся такъ безтолково. Мыслей не

сведешь и не имѣешь досуга заняться письмомъ какъ слѣдуетъ,—особенно потому, что слѣдственная часть не терпитъ остановокъ.

28-го Августа 1850 года. Ярославль. Понедѣльникъ.

Вы не пишете, была ли сама Вѣра у Хомяковыхъ и видѣлась ли съ ними, а также въ какомъ расположеніи духа ѣдетъ Константинъ. Какъ жаль, что стоитъ такая гнусная, осенняя погода: она отниметъ у нихъ всю возможную прелесть путешествія, все, чѣмъ бы еще они не могли наслаждаться при разлукѣ и безпокойствахъ.—Я уже писалъ Вамъ, кажется, что теперь все мое время занято дѣлами по Коммиссіи; а отчетъ по городскому хозяйству я буду писать послѣ. Лучше прежде всего раздѣлаться съ Коммиссіей, которая не можетъ, да и не должна долго продолжаться. Познакомившись теперь хорошо съ слѣдственною частью (это не то, что судебная, гдѣ разсматриваются готовыя дѣла), я далъ себѣ зарокъ впредь ею никогда не заниматься, исключая развѣ дѣлъ о притѣсненіяхъ со стороны помѣщиковъ. Столько подлаго, оскорбительнаго и огорчительнаго въ этой части. Не говоря уже о томъ, что вы цѣлый день возитесь съ мошенниками, ворами, разбойниками или съ упрямыми обманщиками, лицемѣрами раскольниками, вы должны состоять въ дружескихъ отношеніяхъ съ сыщиками, которые даютъ себѣ брить головы и подсаживаются къ арестантамъ, вступаютъ сами въ шайку воровъ, чтобы предать ихъ и т. д. Вы обязаны производить внезапные обыски, будить ночью спящихъ, пытать, не физическою, конечно, но нравственною пыткою допроса, сбивать въ показаніяхъ обвиняемыхъ, давать очныя ставки отцу съ сыномъ, дочери съ матерью и т. д. Все это такъ непріятно и такъ способно, кажется, очерствить душу, что я, ложась спать, берусь за какой-нибудь романъ, чтобы почувствовать себя еще способнымъ къ другимъ ощущеніямъ и интересамъ!

31-го Августа 1850 года. Четвергъ. Ярославль.

Съ какимъ удовольствіемъ прочиталъ я письма нашихъ путешественниковъ, присланныя мнѣ Вами изъ Москвы,

милая моя Маменька; очень, очень Вамъ благодаренъ за то, что Вы мнѣ ихъ прислали. Желалъ бы получать и послѣдующія письма. Я отсылаю ихъ на имя Отесиньки въ Абрамцево. Какъ грустно, милая Маменька, что въ это-то время Вы должны жить розно съ Отесинькой. Когда же кончатся эти поиски домовъ? Хотя на дворѣ стоитъ и ясная осень, но морозы утренніе и вообще холодъ воздуха очень, очень ощутительны. Если бъ не совѣстно было, я бы даже рѣшился протопить у себя. Ну что, милый Отесинька, скучаете Вы? Я думаю, что скучаете, потому что уже осень вступила въ свои, слишкомъ раннія права. Какой холодъ! Пропала вся прелесть, нѣтъ тепла, жизнь побиваетъ морозомъ. Очень мнѣ грустна осень. Теперь, когда мнѣ некогда даже вспоминать о томъ, что я когда-то писалъ стихи, когда я вращаюсь въ самой скучной, грязной дѣйствительности, дохнуть теплымъ воздухомъ, взглянуть на небо и заглядѣться на минуту, почуять жизнь природы — было бы для меня цѣлительнымъ средствомъ, высокимъ наслажденіемъ. Но когда, взглянувъ въ окно, я вижу траву, побѣлѣвшую отъ мороза и застывшую грязь, сердце мое съеживается еще болѣе и къ грусти о себѣ прибавляется еще грусть о природѣ. Удите ли Вы, по крайней мѣрѣ, милый мой Отесинька, *гдѣ и когда именно*, какъ выражаемся мы часто въ вопросныхъ пунктахъ? Я думаю въ слѣдующій разъ написать обстоятельнѣе и побольше къ Вамъ, а теперь схожу внизъ предлагать опять вопросные пункты арестованному нами при Коммиссіи бывшему Земскому Исправнику Любимову.

11-го Сентября 1850 года. Понедѣльникъ. Ярославль.

Вчера получилъ я два письма: одно отъ Васъ, милый Отесинька, другое отъ Васъ, милая маменька, съ письмами нашихъ путешественниковъ изъ Сѣвска. Какъ медленно они ѣдутъ! Если они не поѣдутъ скорѣе, то едва ли воротятся въ Москву къ 20-му Сентября. Отъ Сѣвска до Кіева еще очень много ѣзды, а чѣмъ дальше въ осень, тѣмъ хуже будутъ и дороги. Больше всѣхъ удовольствія поѣздка доставитъ Надичкѣ, со днемъ рожденья которой (14-го Сентября)

я Васъ всѣхъ поздравляю; но удивляюсь Константину, что онъ такъ мало извлекаетъ добра для себя собственно изъ той участи, которой онъ по необходимости покорился. День, проведенный имъ въ Дмитровскѣ, давалъ возможность ему походить, посмотрѣть, потолковать въ городѣ и въ окрестностяхъ. Онъ могъ бы даже успѣть въ этотъ длинный досугъ написать письмо нѣсколько пространнѣе и подробнѣе того, которое прислалъ онъ изъ Сѣвска. За то благодаренъ я Надѣ, которая очень обстоятельно и плавно повѣствуетъ; досадно, что она не можетъ иллюстрировать свое путешествіе и что Константинъ помѣшалъ ей рисовать.—Приближаются всѣ наши Сентябрьскіе праздники, и Вамъ придется провести ихъ врозь съ Константиномъ и имянинницами. Я бы желалъ по крайней мѣрѣ, чтобы Вы, милая Маменька, провели все это время въ деревнѣ. Вы пишете, милый Отесинька, что Вѣра 30-го Августа должна пріѣхать въ Кіевъ, а нынче или завтра выѣхать оттуда. Едва ли въ 5 дней доѣдутъ они въ Кіевъ изъ Сѣвска. Въ какомъ маленькомъ обществѣ Вы теперь живете, милый Отесинька. Хорошо, что грибы и уженье Вамъ не измѣняютъ.—Въ прошедшую Субботу ѣздилъ я съ графомъ Стенбокомъ и Оболенскимъ въ Великое Село, на выставку сельскихъ произведеній и ярмарку, верстахъ въ 25-ти отъ Ярославля. Это село принадлежитъ помѣщикамъ Яковлевымъ и подлинно Великое Село. Въ немъ 600 домовъ, изъ которыхъ 200 каменныхъ. Оно знаменито производствомъ холстовъ и полотенъ. Дѣйствительно, Великосельскія полотна считаются лучшими, и Государь приказалъ покупать для себя эти полотна. Впрочемъ, это сдѣлано Государемъ въ видахъ покровительства этой промышленности, потому что въ сущности Голландское полотно и дешевле и лучше. Самое лучшее Великосельское полотно на 12 Голландскихъ рубашекъ стоитъ не дешевле ста рублей серебромъ, но оно никогда не имѣетъ прочности Голландскаго. Этимъ промысломъ занимаются собственно женщины, а мужья торговлей и другими промыслами. Это село съ одной стороны производитъ пріятное впечатлѣніе своимъ богатствомъ и бодрою, умною дѣятельностью, съ другой стороны поражаетъ Васъ непріятно отсутствіемъ всякаго сельскаго характера и фабричнымъ нарядомъ крестьянъ. Послѣ

недавно бывшаго пожара село стало строиться по плану, и каменные дома построены точно такъ, какъ въ Петербургѣ, т. е. домъ къ дому. Въ селѣ нѣсколько улицъ и площадей и 3 церкви. Оно замѣчательно также красивостью своихъ обитателей Великосельскія женщины считаются типомъ Ярославской женской красоты. И дѣйствительно, нѣтъ ни одной безобразной женщины: всѣ — кровь съ молокомъ, румяны, дебелы, довольно хорошаго роста и съ плохими косами, съ прекрасными бровями и большею частью въ нѣмецкихъ платьяхъ. Впрочемъ, здѣсь еще весьма употребителенъ слѣдующій костюмъ: юбка, фартукъ и курточка или кофточка, называемая, и всѣми крестьянками даже, *спензеръ!* Каково! Выставку мы почти не застали, потому что Комитетъ распорядился перемѣнить сроки, а мы этаго не знали. Многіе крестьяне получили награды за полотна свои и другія сельскія произведенія; впрочемъ, разнообразія въ произведеніяхъ, говорятъ было мало: лучшія произведенія были полотна и какія-то сѣмена ячменю. Надобно сознаться, что выставка, сколько я замѣтилъ, поощряетъ крестьянъ. Народу было тысячъ 10, если не болѣе. Всѣ власти присутствовали тамъ-же. Въ день нашего пріѣзда происходило только состязаніе крестьянскихъ лошадей, но это глупость; заставляютъ лошадей крестьянскихъ скакать въ телегѣ, въ одиночку, въ оглобляхъ. Очень нужно это, да и кто скачетъ въ оглобляхъ! Я, впрочемъ, не дождался конца скачки, ибо это продолжалось слишкомъ долго. Вечеромъ уѣхали мы домой, потому что въ Великомъ селѣ нѣтъ ни хороводовъ, ни другихъ игръ, и слышится только одно пѣніе въ кабакахъ и трактирахъ.—Получилъ я письмо отъ Гвоздева, весьма учтивое и любезное, въ которомъ онъ пишетъ мнѣ, что Богдановъ жалованья не получалъ, и спрашиваетъ: хочу ли я взять мѣсто это безъ жалованья. Я отвѣчалъ, что согласенъ, въ надеждѣ, что жалованье мнѣ сыщутъ, но не знаю, что изъ того выйдетъ.

14-го Сентября 1850 года. Четвергъ. Ярославль.

Каково было мое удивленіе нынче, когда мнѣ принесли письмо отъ Вѣры прямо изъ Кіева! Письмо отъ 5-го Сентября. Когда они пріѣхали, изъ письма не видно, но Вѣра

пишетъ, что онп собираются уже въ обратный путь. Скверная осенняя погода помѣшала, кажется, многого ихъ удовольствію видѣть Кіевъ. Вѣра восхищается однако мѣстоположеніемъ Кіева. Я проѣзжалъ черезъ Кіевъ зимой и потому не могу судить объ этомъ; святынь же Кіевскихъ я не осматривалъ также потому, что это было зимой, и на дворѣ было такъ холодно, что всякая охота гулять и осматривать отпадала.— Я всегда въ такихъ попыхахъ пишу Вамъ письма и письма мои уже такъ давно все короткія и неполныя, что это мнѣ и самому надоѣло; а вотъ я какъ-нибудь соберусь да напишу Вамъ большое и подробное письмо. Много любопытнаго въ послѣднее время открыто по Коммиссіи. На этой недѣлѣ двѣ ночи мы работали напролетъ, но не сидпемъ сидя: были обыски и допросы арестованныхъ на мѣстѣ. На этой недѣлѣ мы ѣздили въ уѣздъ и тамъ я осматривалъ знаменитое село Сопелки, гдѣ всѣ почти дома устроены съ потаенными мѣстами, фальшивыми крышами, двойными стѣнами и т. п. Слѣдовательно, уже самыя постройки производились съ умысломъ, и пристанодержательство не случайное, а организованное. Матерьяловъ накопливается много, много будетъ работы при разработкѣ, а любопытная будетъ статья.— Писать рѣшительно некогда, и то не знаю, примутъ ли на почту.

18-го Сентября 1850 года. Понедѣльникъ. С. Сопелки.

Вотъ откуда пишу я Вамъ, изъ с. Сопелокъ, верстахъ въ 15-ти отъ Ярославля. Мы пріѣхали сюда производить слѣдствіе на мѣстѣ, пробудемъ здѣсь нѣсколько дней, а потомъ отправимся по другимъ селамъ и вообще въ уѣздѣ пробудемъ недѣли двѣ, а потому Вы и не ждите отъ меня въ теченіе этого времени частыхъ и подробныхъ писемъ.— Путешествіе по уѣзду, какъ воинствующее и враждующее съ заведеннымъ здѣсь порядкомъ вещей, не ставитъ насъ въ мирныя и дружелюбныя отношенія къ крестьянамъ, а потому и не имѣетъ никакой особенной пріятности.—Помѣщены мы очень хорошо, вчетверомъ и заняты день цѣлый.

28-го Сентября 1850 года. Четвергъ. С. Сопелки.

Васъ, я думаю, не мало удивило, а, можетъ быть, и обезпокоило, что Вы отъ меня 10 дней не имѣли писемъ и что я не поздравилъ Васъ съ праздниками. Еще болѣе удивитесь Вы, когда я скажу Вамъ, что я по дѣламъ Коммиссіи ѣздилъ въ Костромскую губернію, въ Кинешму и дальше; отправился я 21-го и воротился вечеромъ 25-го опять въ с. Сопелки. Въ это время получено было мною только одно письмо отъ Васъ съ извѣщеніемъ о пріѣздѣ нашихъ путешественниковъ. Я не ожидалъ, что они такъ скоро воротятся. Имѣла ли эта поѣздка вліяніе на здоровье Вѣры? Такимъ образомъ это путешествіе, казавшееся несбыточнымъ, совершилось и, повидимому, при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Всѣ наши семейные праздники, начиная съ 20-го, Вы, вѣроятно, проводили вмѣстѣ: когда же рѣшится что-нибудь положительнаго на счетъ дома? — Поводомъ къ поѣздкѣ моей были разныя полученныя свѣдѣнія объ укрывательствѣ въ Кинешемскомъ уѣздѣ двухъ необходимыхъ для насъ раскольниковъ. Они — наставники и учители, и если бъ удалось захватить ихъ рукописныя сочиненія, которыя, я знаю, имѣются и въ которыхъ излагается вся сущность секты, то это было бы также важно, если не важнѣе, какъ и арестованіе самихъ лицъ. Необходимо было также имѣть личныя объясненія съ Костромскимъ Военнымъ Губернаторомъ и дать ему полное понятіе о предметѣ нашихъ изслѣдованій. Все это сдѣлалось такъ внезапно, что я за два часа до отъѣзда вовсе и не предполагалъ этого. Стенбокъ и прочіе члены оставались въ с. Сопелкахъ, а я отправился въ Кострому, гдѣ пробылъ сутки, остановившись у Унковскаго. Взявъ отъ Губернатора 8 человѣкъ жандармовъ и Чиновника, въ ту же ночь уѣхалъ я въ Кинешму, верстахъ въ 85-ти отъ Костромы,—а оттуда отправился по дорогѣ въ Шую, гдѣ, верстахъ въ 35-ти отъ Кинешмы, произвелъ ночные обыски въ двухъ деревняхъ, никого и ничего не нашелъ, кромѣ одной женщины, члена-корреспондента раскольничьяго общества, которую и арестовалъ, утромъ отправился обратно въ Кострому, куда и пріѣхалъ къ вечеру, а на другой день, т. е. 25-го, послѣ свиданія съ Губерна-

торомъ, поскакалъ назадъ въ Ярославль и вечеромъ уже присоединился къ Коммиссіи. О Костромѣ и о Костромской губерніи я не могу дать Вамъ опредѣленнаго понятія. Скажу только, что бытъ и самый народъ тамъ гораздо чернѣе или «сѣрѣе» Ярославскаго. Послѣ Ярославской губерніи Вы невольно поражаетесь грубостью и невѣжествомъ, грязнымъ бытомъ Костромичей. Это, впрочемъ, вовсе не доказываетъ, чтобы нравственность тамъ была лучше. Напротивъ, расколъ въ соединеніи съ цивилизаціей и произвелъ въ Ярославской губерніи такую скверную секту, какъ Сопелковская. Я, кажется, Вамъ писалъ и прежде, что Сопелки—колыбель секты и притонъ сектаторовъ. Здѣсь нѣтъ ни одного православнаго, хотя все село по спискамъ полиціи значится православнымъ и всѣ жители на допросахъ показываютъ себя принадлежащими къ Великороссійской церкви. Но по изслѣдованію оказывается, что ни одна душа никогда не была у Св. Причастія, и когда мы требуемъ объясненія—почему такъ,—то знаете ли, что мужики и бабы отвѣчаютъ? Они отвѣчаютъ, что или не бываютъ у Св. Причастія *за здоровьемъ* (говоря, что въ случаѣ болѣзни или приближенія смерти они причащаются), или «по молодости лѣтъ». Этотъ отвѣтъ я слышалъ, впрочемъ, и въ Костромской губерніи. Баба лѣтъ въ 30 или 35 ссылается на *молодость* лѣтъ, мужикъ лѣтъ въ 45—тоже. «Наше дѣло молодое», говорятъ состоящіе въ бракѣ. Разумѣется, всѣ эти разсужденія сейчасъ обличаютъ скрытаго раскольника, воображающаго, что онъ извиняется въ православномъ духѣ. Въ с. Сопелкахъ есть церковь, въ которую никто никогда не ходитъ. Но когда пріѣзжаетъ какой-либо чиновникъ, то десятскій обходитъ жителей и говоритъ, чтобы шли въ церковь. При насъ церковь всегда полна, и Вы не повѣрите, какое грустное впечатлѣніе производитъ видъ этой толпы, лицемѣрно присутствующей и не умѣющей молиться. Во время праздника всѣ молодыя бабы и дѣвки въ модныхъ Нѣмецкихъ платьяхъ. Если бы этотъ народъ прямо говорилъ, что онъ не по нашей Церкви, такъ съ нимъ легко было бы примириться, но когда слышишь отъ него увѣренія въ противномъ, а между тѣмъ знаешь, что онъ принадлежитъ къ самой злой сектѣ, страшно богохульствующей на нашу Церковь, — такъ нельзя оставаться

равнодушнымъ. Впрочемъ, Вамъ не совсѣмъ понятно, какимъ образомъ къ сектѣ бродягъ принадлежатъ осѣдлые,— и я Вамъ сейчасъ объясню.—Ученіе этой секты тѣсно связано съ общимъ ученіемъ раскольниковъ объ антихристѣ, съ тою разницею, что это послѣднее доведено здѣсь до крайняго своего выраженія. *Всякая* земная власть—есть власть антихриста (для Константина замѣчу, что только современи нарушенія *древняго благочестія* и что этотъ взглядъ вовсе не умозрительный), слѣдовательно, не надо признавать ея. Всякій, пользующійся покровительствомъ земной власти, *безопасностью* отъ нея, живущій подъ нею безъ страха, дѣлается слугою антихриста. Имѣющій паспортъ—живетъ безъ страха. Для спасенія души необходимо быть исключену изъ граждан внѣшняго міра (т. е. числиться въ бѣгахъ или умершимъ), необходимо имѣть страхъ отъ гоненій антихриста, быть преслѣдуему, разорвать узы съ обществомъ. Къ этому присоединяется также и толкованіе словъ Спасителя объ оставленіи дома и семьи, и писанія святыхъ о томъ, что въ послѣднія времена благочестіе должно скрываться. Отъ этого всякій, почему-либо одержимый страхомъ отъ земной власти (за свои преступленія) и враждующій съ обществомъ, поступаетъ въ эту секту, которая перекрещиваетъ даже приходящихъ отъ Филипповскаго согласа. Но странничество было бы весьма невыгодно, если бы не было страннопріимцевъ. А потому догадливые раскольники допустили въ свою секту людей, которые, оставаясь на мѣстѣ, но въ чаяніи будущаго странничества занимаются пристанодержательствомъ бѣглыхъ раскольниковъ. Сектаторъ, отправляясь бродить, сноситъ все свое имущество, продаетъ землю, беретъ деньги и все это складываетъ у «Христолюбцевъ», которые получаютъ за это отъ «странныхъ» большія выгоды. А какъ странники не очень охотно живутъ въ лѣсахъ и пустыняхъ, то Христолюбцы устраиваютъ свои дома съ теплыми и чистыми подпольями и удобными тайниками. Мы поймали, можетъ быть, болѣе 50-ти странниковъ и ни одного—въ нищенскомъ рубищѣ: всѣ одѣты хорошо, даже богато и щеголевато. У нихъ большія деньги, которыя раздаютъ по братіи наставники. Подаяніе идетъ имъ огромное. Жители с. Сопелокъ всѣ христолюбцы, и съ цѣлью укрывательства бѣг-

лыхъ выстроено все селеніе. Нѣтъ дома безъ потаенной кельи. Нелѣпость доходитъ до того, что оставляютъ домъ свой съ тѣмъ, чтобы, заставивъ подать о своемъ побѣгѣ явочное прошеніе, слѣдовательно, записавшись бѣглыми, жить у *сосѣда* въ домѣ! Христолюбцы, любящіе покойную жизнь, передъ самою смертью заставляютъ себя выносить вонъ изъ дому, чтобы умереть будто бы въ странничествѣ, не у себя въ домѣ!.. Нельзя и некогда мнѣ сообщать всѣ подробности разврата нравственнаго этой секты, но Вы поймете, что она, нарушая весь бытъ семейный и порядокъ жизни, является самою вредною изъ сектъ. А если бъ Вы еще видѣли ложь, лицемѣрство, закоснѣлость, развратъ малыхъ дѣтей,—Вы бы ужаснулись.—Всѣ грамотные, всѣ знаютъ наизусть Четью-Минею и Ефрема Сирина. Пусть Константинъ подумаетъ глубже объ этомъ предметѣ и посудитъ, едва ли я не былъ правъ, доказывая ему вредъ *исключительно* чтенія церковныхъ книгъ.

1850 года, Октября 2-го. Понедѣльникъ.

Вы были въ Ростовѣ, милая моя Маменька, и какъ жаль мнѣ, что я не могъ пріѣхать къ Вамъ въ Ростовъ. О Вашемъ пріѣздѣ въ Ростовъ 28-го числа извѣстилъ меня Хлѣбниковъ маленькою запискою, которую я получилъ 29-го вечеромъ въ Сопелкахъ. Я бы и хотѣлъ отправиться, но этому помѣшало многое: 1) на другой день предстояло давать очныя ставки болѣе, чѣмъ ста человѣкамъ и работать въ нѣсколько рукъ, а одного члена Коммиссіи мы отпускали въ отпускъ, слѣдовательно, присутствіе мое было необходимо; 2) я не зналъ навѣрное, долго ли Вы пробудете въ Ростовѣ и могъ, пріѣхавши 30-го Сентября, не застать Васъ тамъ болѣе; 3) послѣ своей поѣздки въ Кострому я получилъ сильный катарръ и даже маленькую лихорадку, больше жаръ, чѣмъ лихорадку, которая теперь проходитъ. Собразивъ все это, а также и то, что по свойству своего характера я не былъ бы свободенъ и спокоенъ духомъ при поѣздкѣ въ Ростовъ, имѣя за собой оставленныя во множествѣ дѣла, я рѣшился не ѣхать. Долго ли Вы тамъ пробыли, милая Маменька, кто сопровождалъ Васъ, все ли Вамъ показали, по-

знакомились ли Вы съ Протоіереемъ и какъ Вамъ понравился Ростовъ? Мнѣ потому уже непріятно ѣздить въ Ростовъ, покуда я чиновникъ Министерства, что ко мнѣ бы немедленно пріѣхали Городничій и другіе должностныя лица, а также и кляузники обѣихъ враждующихъ тамъ между собою партій.—Благодарю Васъ, милая Маменька, и Васъ, милый Отесинька, за поздравленіе съ 26-мъ Сентября. Нынѣшній годъ я этого дня не почувствовалъ, хотя и праздновалъ его нѣсколько противъ обыкновенія. Товарищи мои узнали, что я имянинникъ, и хотя это было въ деревнѣ, но я ради имянинъ поставилъ на столъ бутылку хорошаго Lafitte и Шато д' Икемъ. Стараюсь оглушить себя работой и не думать о томъ, что мнѣ уже 28-й годъ. Въ письмахъ Вашихъ слышится какъ будто упрекъ мнѣ за то, что я слишкомъ занятъ теперешними своими занятіями. Они непріятны, но я въ нихъ вижу для себя большую пользу, конечно, внутреннюю, т. е. для меня собственно. Распространяться объ этой пользѣ теперь не время. Я очень радъ, что получилъ 1000 руб. сер. Эти деньги мнѣ очень кстати. Впрочемъ, за уплатою долговъ не останется изъ нихъ, кажется, ни гроша. Богъ знаетъ, что такое! Служу, служу и никакъ не могу пріобрѣсти капитала! Впрочемъ, эти деньги мнѣ еще не доставлены. Буду писать объ нихъ Гришѣ.—Я радъ по крайней мѣрѣ, что сестрамъ понравился Югъ. Понимаю всю важность Кіева, его воспоминаній и вѣчныхъ святынь, — объ этомъ ни слова, отдаю всю справедливость Сѣверу, но люблю Югъ за его природу, за его красоту. Я часто утомляюсь теперь отъ интересовъ постоянно отвлеченныхъ, общечеловѣческихъ, и если желаю наслажденій чисто личныхъ, то могу находить ихъ только въ природѣ, ибо что касается до нѣжныхъ чувствъ, то я ихъ боюсь, а жениться охоты вовсе не имѣю. И всего болѣе наслажденій даритъ природа южная, теплая, грѣющая. Оттого-то я ее такъ и люблю, отъ того-то мнѣ и хочется на Югъ. Не вѣрю, чтобы Константину южная ночь не нравилась. По части женской красоты онъ, кажется, красавицъ Юга предпочитаетъ Сѣвернымъ.

9-го Октября 1850 года. Мигачевъ, въ 45-ти верстахъ отъ Ярославля.

Вотъ гдѣ мы теперь находимся и живемъ здѣсь уже нѣсколько дней. Послѣ поздравленій съ 26-мъ Сентября я отъ Васъ писемъ не имѣю; думаю, что вчера, вѣрно, получено, письмо, но оно ко мнѣ еще не доставлено. Отъ Хлѣбникова я получилъ письмо: онъ пишетъ, что Вы, милая Маменька, и сестрицы: Надежда, Любовь, Марья и Софья Сергѣевны, кромѣ церкви Іоанна Милостиваго, помолились всѣмъ чудотворцамъ, а сестры были даже на паперти храма Іоанна Богослова и прошли часть стѣны, были у него и въ саду и въ новомъ домѣ, и уѣхали въ Субботу утромъ. Стало быть, получивши извѣстіе о Вашемъ пріѣздѣ въ Пятницу вечеромъ, я могъ Васъ и не застать. Только не понимаю, какъ Вы въ такой короткій срокъ успѣли вездѣ побывать. Были ли сестры въ Спасовой церкви, уже запертой, что на стѣнахъ? — Мы находимся на самой границѣ Костромской губерніи и производимъ здѣсь слѣдствіе уже не собственно о расколѣ, а о переловленной Коммиссіею шайкѣ разбойниковъ, большею частью православныхъ. Мужики говорятъ, что они теперь въ раю Христовомъ: такъ имъ теперь покойно и безопасно. Впрочемъ, эта сторона гораздо сѣрѣе той, гдѣ мы жили: жители бѣднѣе, живутъ хуже и грамотныхъ почти совсѣмъ нѣтъ. Однакожъ и тутъ нѣтъ деревни, гдѣ бы не было бѣглыхъ и довольно въ большомъ числѣ: побудительная причина къ побѣгу—расколъ, странничество. Огорчилъ меня недавно одинъ святой, Василій Новый. У раскольниковъ часто попадается книга его житія, напечатанная въ Почаевской типографіи и списанная съ Макарьевской Четьи-Минеи. Этотъ святой, котораго происхожденіе неизвѣстно, былъ также пойманъ какъ бродяга и преданъ суду, и на всѣ вопросы отвѣчалъ почти такъ же, какъ наши бродяги-раскольники: знать не знаю, вѣдать не вѣдаю. На вопросы: кто ты такой, — онъ отвѣчалъ: рабъ Христовъ; что за человѣкъ—«странный», зовутъ Васильемъ—и больше ничего. Его бросили въ море, однако дельфины его оттуда вынесли на сушу, и онъ сталъ творить чудеса. У Димитрія Ростовскаго также разсказывается это житіе, хотя онъ по-

чувствовалъ необходимость оправдать святаго такимъ разсужденіемъ, что святому пришлось бы публично разсказывать свою добродѣтель, чего ему не хотѣлось по слову, что и правая рука не должна знать, что творитъ лѣвая. Это тотъ самый Василій, въ житіи котораго разсказываются видѣнія ученика его Григорія о 45-ти мытарствахъ того свѣта. А теперь въ той комнатѣ, въ которой я пишу къ Вамъ, передъ моими глазами виситъ на стѣнѣ огромная картинка этихъ мытарствъ, взятыхъ изъ того же житія, съ изображеніемъ чертей во всѣхъ видахъ и положеніяхъ. — Если Васъ радуетъ видъ бѣлаго покрова земли, то, вѣрно, Вы радуетесь теперь, потому что со вчерашняго вечера идетъ постоянно снѣгъ, покрывшій больше, чѣмъ на вершокъ землю. Зима! Все это грустно, да и многое грустно, и какъ другой въ винѣ, въ пьянствѣ запоемъ находитъ себѣ утѣшеніе, такъ и я ищу забвенія и утѣшенія въ служебной работѣ. Кругомъ цѣлый лѣсъ вопросовъ неразрѣшимыхъ или такихъ, которыхъ представляющееся уму разрѣшеніе — страшно, нежелательно. — Мы помѣщены въ хорошемъ крестьянскомъ домѣ (низъ каменный, верхъ деревянный), но не такъ удобно, какъ въ Сопелкахъ.

1850 года, Октября 12-го, Четвергъ. Мигачево, Ярославскаго уѣзда.

Наконецъ я получилъ Ваше письмо. Вы такъ безпокоитесь на счетъ моего здоровья, что Вамъ нельзя сообщать правды. Нездоровье мое продолжалось два или три дня, не больше и не мѣшало мнѣ работать: теперь о немъ я уже и забылъ совсѣмъ и мнѣ жаль, что Вы такъ долго и понапрасну безпокоились. — Какъ Вы скоро оглядѣли Ростовъ, милая Маменька, и я очень благодаренъ Хлѣбникову за его пріемъ и радушіе. Надобно Вамъ сказать, что незадолго до Вашего пріѣзда онъ просилъ меня объ одномъ дѣлѣ, но я находилъ всегда, что онъ въ этомъ дѣлѣ дѣйствуетъ пристрастно и не такъ смотритъ на дѣло; по этому я ему и написалъ прямо, что онъ въ этомъ дѣлѣ не правъ и я содѣйствовать ему въ этомъ дѣлѣ не могу. Онъ очень былъ огорченъ не отказомъ моимъ, а моимъ мнѣніемъ, что и вы-

разилъ мнѣ въ письмѣ, но я ему отвѣчалъ, что не соглашаясь съ нимъ во взглядѣ на дѣло, я нисколько не измѣняю своего о немъ мнѣнія, что ошибаться можетъ каждый, но что я люблю и уважаю его по прежнему; тогда онъ написалъ ко мнѣ славное письмо, въ которомъ радовался, что я сохраняю съ нимъ прежнія отношенія.—Не понимаю, откуда взялись у Васъ подозрѣнія на мой счетъ. Это довольно скучно. 1) съ самаго своего возвращенія въ Ярославль я не видалъ ни одной женщины, кромѣ арестантокъ и крестьянокъ; 2) Вы забываете, что мнѣ уже 27 лѣтъ: возрастъ серьезный, особенно для меня. Человѣкъ моего нравственнаго сложенія въ эти года уже очень, очень немолодъ. Хотя не люблю я этого нерусскаго слова, но придется употребить его: съ каждымъ днемъ я чувствую, что бо̀льшая и бо̀льшая серьезность вкрадывается мнѣ въ душу, и, право, я не думаю ни о красотахъ, ни о любвяхъ и смотрю на это, какъ на что-то, чему пора миновалась. *) — Поздравляю Васъ съ зимою. У насъ съ 9-го Октября стала зима и великолѣпный санный путь, такъ что иначе и ѣздить невозможно.

30-го Октября 1850 года. Сельцо Яковлево, Ярославской губерніи.

Слава Богу, опять вчера выпалъ снѣгъ и зима поддержалась, а то совсѣмъ пути не было. Вѣрно, таже исторія

*) Отецъ отвѣчаетъ Ивану Серг.: 19 Октября. Четвергъ. „Обращаюсь къ твоему письму: изъ него-то ясно вижу я, что тебѣ не 27, а 17 лѣтъ. Во-первыхъ потому, что ты морщишься отъ безпокойства отца и матери о твоемъ нездоровьѣ; а я тебѣ скажу, что ты такой глупый человѣкъ на этотъ счетъ, что непремѣнно надобно безпокоиться о тебѣ, даже о здоровомъ. Во-вторыхъ: ты самую простую и явную шутку принимаешь серьезно и даже немного за нее сердишься. Да намъ никому и въ голову не входило подозрѣвать тебя въ историческомъ чувствѣ. Предупреждаю тебя что Вѣра тебѣ напишетъ новую шутку, узнавъ изъ письма Гриши, что ты поручаешь ему какія-то дѣла (вѣроятно о твоемъ платьѣ) съ Петербургскимъ портнымъ Луа. Серьезность твоя происходитъ отъ твоего положенія. Предсказываю тебѣ, что ты будешь менѣе серьезенъ, когда тебѣ будетъ за 35 лѣтъ: ибо многіе вопросы и стремленія сдашь въ архивъ перѣшенныхъ дѣлъ и живая твоя воспріимчивость поутихнетъ. Ты нисколько отъ этого не опошлишься, ни чѣмъ дурнымъ не примиришься, а будешь только разумнѣе и спокойнѣе“.

съ саннымъ путемъ повторилась и у Васъ въ деревнѣ, милый мой Отесинька. Я пропустилъ къ Вамъ одну почту, потому что хотя и былъ въ этотъ день въ Ярославлѣ, однакоже не успѣлъ, снималъ допросъ, длившійся по крайней мѣрѣ часовъ 8. Не думайте однако-же, что этотъ допросъ былъ инквизиціонный; нѣтъ, я записывалъ только добровольное показаніе одного раскольника другой открытой секты,—раскольника, бродившаго лѣтъ 15 сряду и знакомаго со всѣмъ бытомъ и исторіей этой невидимой для насъ жизни. Я убѣдился, что пропаганда раскола становится все сильнѣе и сильнѣе, и убѣжденъ, что ей суждено еще долго распространяться. Право, Россія скоро раздѣлится на двѣ половины: православіе будетъ на сторонѣ Казны, Правительства, невѣрующаго дворянства и отвращающаго отъ вѣры духовенства, а всѣ прочіе обратятся къ расколу. Берущіе взятку будутъ православные, дающіе взятку—раскольники. Въ здѣшней губерніи православный значитъ гуляка, пьяница, табачникъ и невѣжда. Если бъ Вы знали, какъ иногда дѣлается страшно. Кора все больше и больше сдирается, и язва является Вашимъ глазамъ во всемъ отвратительномъ могуществѣ. Причины язвы—въ крови. Всѣ соки испорчены и едва ли есть исцѣленіе. Кажется, намъ суждено только понять болѣзнь и созерцать, какъ она пожираетъ постепенно еще не вполнѣ зараженные члены.—Когда кончится наша Коммиссія,—Богъ вѣсть. Много важныхъ открытій сдѣлано ею, много пользы въ этомъ отношеніи принесла она мнѣ,—но много и скучныхъ, пустыхъ занятій, много непріятныхъ дѣйствій возбуждаетъ она. Главное то, что нѣтъ отдыха, — ни читать, ни писать почти нѣтъ времени. Положительныхъ границъ нашему слѣдствію нѣтъ, и мы могли бы растянуть его, если бы хотѣли, хоть на два года. Но мы всѣми силами стараемся ограничить кругъ изслѣдованія, и все нѣтъ конца. Можетъ быть, придется всей Коммиссіи переѣхать въ Костромскую губернію на мѣсяцъ времени и больше. — Скоро ли Вы переѣдете? Я продолжаю писать въ деревню. Зима слѣзла было совсѣмъ, но опять воцарилась, кажется.

1850 года, 7-го Ноября. Сельцо Яковлево.

Послѣднее письмо Ваше было отъ 26-го Октября, милый мой Отесинька. Гдѣ Вы теперь: въ деревнѣ или въ Москвѣ? Благодарю Константина за присылку стиховъ. Лучшія строфы вторая и двѣ послѣднія. Я говорю о стихахъ, а не о мысли... Убѣжденіе, изложенное съ этихъ стихахъ, мнѣ извѣстно, я самъ ношу его въ душѣ, только, признаюсь, безъ вѣры, такъ же, какъ невполнѣ вѣрующій человѣкъ носитъ на шеѣ образъ или крестъ по привычкѣ и потому, что ему пріятно имѣть на себѣ признакъ вѣры. Я не въ состояніи былъ бы теперь писать стихи подобнаго рода и толковать о мирѣ, когда душа ежеминутно раздирается на части. Мнѣ кажется, наше положеніе безвыходное, и я не предвижу исцѣленія. Ядъ болѣзни проникъ до костей, а исцѣленіе— исцѣленіе таково, которое не вмѣстить человѣчеству. Христіанское ученіе, приказывающее любить ближняго и ненавидѣть жизнь и миръ и все земное, разрушаетъ жизнь, и эту разрушающую силу сознаю я ежеминутно, не имѣя силъ для зиждительной вѣры... Ну да что объ этомъ говорить... *). Вотъ уже два мѣсяца, какъ я ничего не читалъ и не читаю, даже газетъ... Можетъ быть, я самъ скоро напишу стихи, только не утѣшительные. — Въ головѣ моей роятся разныя намѣренія... Еще нѣсколько лѣтъ путешествія по Россіи, годъ путешествія по чужимъ краямъ, и я думаю закончить свое бродяжничество и служебную карьеру, поселившись вмѣстѣ съ Вами въ Москвѣ, только, конечно, не для женитьбы, а чтобы жить вмѣстѣ съ Вами. — Деньги я получилъ, но изъ 1000 р. сер. вычли 100 р. сер. въ пользу казны! Мы до сихъ поръ еще въ Яковлевѣ и, думаю, не пріѣдемъ въ городъ раньше недѣли.

---

*) Сергѣй Тимоѳеевичъ пишетъ 13 Ноября: „Письмо твое, милый другъ, написано въ раздраженномъ состояніи духа. Неужели ты постоянно въ немъ находишься? Боже сохрани! Думая видѣть ясно, ты доходишь до слѣпоты: гдѣ же христіанское ученіе приказываетъ ненавидѣть жизнь? Нетерпѣливо станемъ ждать отъ тебя стиховъ: содержаніе ихъ будетъ горько, но человѣку отрадно услышать сильное выраженіе общаго намъ безотраднаго чувства“.

13-го Ноября 1850 года. Сельцо Яковлево.

Вчера привезли мнѣ письмо отъ Вѣры, въ которомъ она увѣдомляетъ, что Вы еще въ деревнѣ. Съ каждымъ годомъ переѣзды совершаются все позже и позже. По моему расчету я долженъ былъ бы получить отъ Васъ письмо изъ деревни, однакоже не получилъ. — Впрочемъ, для Константина или для его занятій это хорошо.—Я писалъ Вамъ, что мы надѣемся въ скоромъ времени возвратиться въ городъ, но новыя открывшіяся обстоятельства заставляютъ насъ продолжить свое пребываніе въ уѣздѣ. На этой недѣлѣ мы перечитывали наше дѣло, состоящее уже изъ 3000 листовъ: оказываются, разумѣется, недостатки и неполноты, которыя всѣ должно исправить. А тутъ вдругъ открываются новые случаи, которые нельзя не обслѣдовать. Впрочемъ, до сихъ поръ все было хорошо тѣмъ, что всѣ мы, члены Коммиссіи, между собой были согласны и дружны, всѣ молодые люди, одинаковаго воспитанія и правилъ. Живя почти въ одной комнатѣ, мы никто не стѣснялись другъ другомъ и никогда не ссорились. Все, что есть честнаго въ губерніи, сочувствуетъ Коммиссіи. Но вчера мы получили извѣстіе, что въ составъ нашей Коммиссіи назначенъ *изъ Петербурга* жандармскій офицеръ Чулковъ. Онъ уже пріѣхалъ въ Ярославль и нынче, вѣроятно, явится въ Коммиссію. Постоянное присутствіе человѣка новаго, незнакомаго, разумѣется, стѣснитъ насъ. Слѣдствіе дѣлается не по утрамъ только, какъ въ Присутствіи, но мы работаемъ и утромъ и вечеромъ и весь день.—Вѣра пишетъ, что Каролина Карловна разстроилась духомъ, говоритъ, что стихъ—не дѣльное занятіе и ищетъ себѣ дѣльнаго занятія. Передайте ей, что она ошибается. Дѣло ея жизни—воспитаніе сына и званіе матери. Въ этомъ смыслѣ она уже обезпечена и дѣльное занятіе у нея есть, слѣдовательно, безъ угрызеній совѣсти можетъ предаваться и не дѣльнымъ занятіямъ. Скажите ей что угодно, но только ради Бога—чтобъ она не переставала писать! Я люблю ея стихъ—живой и согрѣвающій: отъ своихъ я мерзну.—Странный человѣкъ Константинъ! Онъ удивительно какъ способенъ удовлетворяться идеею!.. Придетъ ему мысль о равнодушіи къ искусству, и онъ становится равнодушенъ! Я по-

нимаю очень хорошо самъ значеніе искусства, но чувствую, что этотъ взглядъ убиваетъ жизнь. Мы разрушаемъ храмъ и остаемся безъ храма, безъ вѣры, безъ богослуженія... Потому что живая жизнь не мирится съ строгимъ Христіанскимъ ученіемъ.—Оставимъ это... Скоро, въ началѣ Декабря, начинаются выборы губернскіе. Я никогда не видалъ выборовъ, и мнѣ будетъ любопытно взглянуть на всю эту комедію.—Желалъ бы я повидаться съ Вами, а писать письма — длинныя — некогда и подробныя — *неудобно*. Я имѣю причины быть осторожнымъ... — Прощайте, до слѣдующей почты. Я, можетъ быть, скоро напишу стихи, если найду свободное время.

1850 года, Ноября 19-го. Ярославль.

Наконецъ, мы вернулись въ городъ и слава Богу! Съ кѣмъ бы ни жилъ вмѣстѣ, но если это продолжается долго, то необыкновенно пріятно почувствовать себя, наконецъ, одного, безъ посторонняго соглядатая. Впрочемъ наша Коммиссія далеко не кончилась, но здѣсь мы имѣемъ, по крайней мѣрѣ, каждый свой уголокъ. Командированіе въ составъ Коммиссіи г. Чулкова сдѣлано съ цѣлью придать еще больше вѣсу и силы дѣйствіямъ Коммиссіи при противодѣйствіи Бутурлина... На дняхъ, можетъ быть, раньше полученія Вами этого письма, явится къ Вамъ Князь Андрей Васильевичъ Оболенскій. Онъ служитъ здѣсь Товарищемъ Предсѣдателя Уголовной Палаты Если Оболенскіе добрѣйшіе изъ смертныхъ, такъ Андрюша Оболенскій (какъ обыкновенно звали его въ Училищѣ)—добрѣйшій изъ Оболенскихъ. Онъ двоюродный братъ Дмитрія Оболенскаго и родной братъ Княгини Мещерской. Онъ любитъ меня всей душой и хотя проведетъ въ Москвѣ только нѣсколько часовъ, но хотѣлъ непремѣнно заѣхать къ Вамъ. Онъ же Вамъ можетъ сообщить разныя интересныя свѣдѣнія.—Извѣстіе о томъ, что драма Константинова пропущена Цензурою,—для меня совершенный сюрпризъ *). Я даже и не зналъ, что онъ ее отдавалъ въ Цензуру. Сдѣлайте одолженіе, увѣдомьте меня подробнѣе: какъ размѣщены роли, какимъ образомъ все это случилось, когда дается піэса, въ бенефисъ ли чей или такъ, просто. Нако-

*) Освобожденіе Москвы въ 1612 году.

нецъ, какъ Вы думаете, будетъ ли она имѣть успѣхъ на сценѣ. Я непремѣнно стану перечитывать вновь драму, чтобы вывести вѣроятное предположеніе объ успѣхѣ или неуспѣхѣ.—Два мѣсяца сряду я не читалъ ни газетъ, ни журналовъ. Вчера досталъ Москвитянинъ, прочелъ описаніе обѣда, даннаго Вяземскому, Русалку Мея (многое очень не дурно) и вдоволь посмѣялся надъ стихами Ростопчиной: *якъ эльзкаръ дычъ!* О звукъ небесный! Оболенскій рѣшился самъ ѣхать нынче, а потому я это письмо отправляю не съ почтой, а съ нимъ. Сдѣлайте одолженіе, по полученіи письма, пришлите мнѣ сейчасъ, если можно, шубу мою... Не пишу больше, потому что по встрѣтившимся обстоятельствамъ долженъ сейчасъ ѣхать въ Рыбинскъ. Къ тому же Оболенскій передастъ Вамъ изустныя обо мнѣ вѣсти.

1850 года, Ноября 27-го. Понедѣльникъ. Ярославль.

Нынче, кажется, день рожденія Любиньки, поэтому поздравляю и цѣлую ее, поздравляю и Васъ и всѣхъ нашихъ. Вчера получилъ я Ваше письмо отъ 24-го Ноября изъ Москвы: наконецъ-то Вы всѣ вмѣстѣ. Письмо Ваше дѣйствительно написано, какъ видно, въ суетахъ и хлопотахъ, потому что обстоятельныхъ свѣдѣній о состояніи здоровья Олиньки и Вѣры Вы не успѣли сообщить.—Едва ли можно мнѣ будетъ пріѣхать къ 15-му Декабря, т. е. ко дню представленія драмы: я теперь не такъ свободенъ, какъ бывало прежде въ Калугѣ. Какъ странно, что вторая драматическая піэса Константина опять дается въ бенефисъ Леонидова. Думаю, что Дмитревскій въ роли Пожарскаго можетъ быть очень хорошъ: нужно только растолковать ему хорошенько роль и объяснить, что чѣмъ простѣе онъ будетъ играть, тѣмъ лучше. Чрезвычайно любопытно будетъ увидать, какъ вся эта драма выходитъ на сценѣ, въ живомъ дѣйствіи. Надобно сознаться, что женщинъ-то въ драмѣ ужъ черезчуръ мало, всего двѣ, да и послѣдняя-то говоритъ всего три слова. Между тѣмъ ихъ лица и одежды всегда оживляютъ сцену. Мнѣ думается даже, что драма эта выигрываетъ при *внимательномъ* чтеніи: на сценѣ же піэса должна быть такова, что если и половины словъ не услышишь, то живое дѣйствіе и зрѣніе

дополнятъ остальное. Можетъ быть, драма будетъ имѣть и огромный успѣхъ, можетъ быть, и вовсе не будетъ имѣть успѣха, если въ театрѣ, кромѣ знакомыхъ, будетъ еще *публика* (т. е. всякій сбродъ, обыкновенно посѣщающій театръ),— и въ послѣднемъ случаѣ ничего не будетъ удивительнаго. Мы привыкли къ пряностямъ, а предлагаемая пища слишкомъ прѣсна и здорова. Добродѣтель хорошая вещь, но иногда весьма скучная и способная произвесть зѣвоту. Не спорю, что иконопись имѣетъ свое значеніе, но въ области искусства я предпочту Мадонну Рафаэля русскимъ изображеніямъ святыхъ. Надѣюсь, что Константинъ не посѣтуетъ на меня за эти замѣчанія: я ихъ высказывалъ уже не разъ и отъ всей души желаю, чтобъ я ошибся. — Шубу я получилъ. Дѣйствительно, она грѣетъ немного, и по пріѣздѣ въ Москву я хочу ее обмѣнять на другой мѣхъ, болѣе теплый. Скажите Оболенскому, когда его увидите, чтобъ онъ возвращался скорѣе, что мнѣ безъ него чрезвычайно скучно. Этотъ добрѣйшій изъ смертныхъ очень милъ и не только не глупъ, но даже остеръ и въ немъ много своего юмора. Посылаю Вамъ стихи, недавно мною написаные. Надѣюсь, что *никто не можетъ истолковать ихъ въ дурную сторону*. Если же такой дуракъ гдѣ бы нибудь нашелся, то я готовъ дать ему нужное объясненіе *). Только злонамѣренности прилично было бы видѣть въ этихъ стихахъ дурной смыслъ. Вы, пожалуйста, сообщите мнѣ Ваши замѣчанія. Боюсь, чтобы Вы не сказали, что я только повторяю себя, да и видно, что я давно не писалъ стиховъ: такъ они тяжелы и шероховаты. Я, впрочемъ, думаю скоро написать еще стихотвореніе.

Понедѣльникъ, 4-го Декабря 1850 года. Ярославль.

Наконецъ Оболенскій пріѣхалъ и привезъ мнѣ цѣлую связку Вашихъ писемъ. Очень Вамъ благодаренъ, милая Маменька, за посылку и за сигары. Разсказы Оболенскаго были для меня очень интересны. Жалѣю только, что не могу отвѣчать Вамъ такъ, какъ бы хотѣлъ. Письмо Гриши и огорчило и разсмѣшило меня. Разсмѣшило потому, что мнѣ дѣлаютъ

*) См. приложеніе: „Усталыхъ силъ я долго не жалѣлъ“.

упрекъ, будто я не даю службѣ столько времени, сколько могъ бы, и слишкомъ занимаюсь поэзіей!!! А вотъ уже цѣлый годъ, что я не прибавлялъ къ «Бродягѣ» ни строчки... Ѣхать въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы опять воротиться въ Ярославль, я не намѣренъ. Мнѣ Ярославль такъ надоѣлъ, что вырвавшись изъ него, я бы не желалъ осудить себя на долговременное въ немъ пребываніе: я не знаю, сколько бы времени мнѣ пришлось оставаться, можетъ быть, мѣсяца 3 или 4. Я прошу по окончаніи занятій Коммиссіи дозволенія пріѣхать въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы тамъ уже и остаться и тамъ уже доканчивать свои отчеты. Къ веснѣ я ихъ кончу и посмотрю уже тамъ, на мѣстѣ, какъ распорядиться весною. Что же касается до денегъ, то Богъ съ ними. Къ тому же это разсчетъ плохой и подъемныя деньги слишкомъ незначительны.—Оболенскій просто въ восторгѣ отъ Вашей ласки и вообще отъ Вашего пріема, только совѣстится, что онъ иногда засиживался. Въ Субботу вечеромъ я часто посылалъ на почту — освѣдомиться, не пріѣхала ли почтовая карета. Часовъ въ 11 вечера, я бывши въ гостяхъ у одного своего больнаго знакомаго, проѣхалъ на почту и увидалъ почтовую карету. Спрашиваю Оболенскаго—только что уѣхалъ. Я къ нему на квартиру: говорятъ, что князь уѣхалъ къ Вамъ. Наконецъ я его поймалъ, и мы часовъ до трехъ просидѣли. Что за славный человѣкъ этотъ Оболенскій!—На счетъ моихъ стиховъ скажу Вамъ только, что выраженіе: за комаромъ съ топоромъ и проч. — есть русская поговорка, мною подслушанная. Я употребилъ ее въ томъ же смыслѣ, въ какомъ мы говоримъ: буря въ стаканѣ воды и проч. Я хотѣлъ сказать, что мы съ огромнымъ запасомъ силъ воюемъ съ комаромъ, т. е. желая бурь и борьбы, возводимъ пустяки на степень важныхъ событій и готовы разразиться надъ ними со всею важностью, тяжестью и серьезностью удара! Вы, милый Отесинька, кажется, поняли это въ другомъ смыслѣ. Если за комаромъ погнаться съ рампеткой или съ булавкой, такъ его уловишь и уязвишь, но въ томъ-то и смѣшно, что мы расточаемъ на эту борьбу силы, беремъ тяжелый топоръ, орудіе могучей силы, и отправляемся воевать съ комаромъ. Грусть въ томъ, что отважной силы вовсе не нужно. — Вотъ Вамъ еще новость: Аѳанасій женится, и я попрошу Васъ

поискать для меня хорошаго, умнаго человѣка. Впрочемъ, до Января Аѳанасій останется при мнѣ. Беретъ онъ богатую невѣсту, съ двумя или тремя тысячами приданаго, изъ оберъ-офицерскаго дворянства! Впрочемъ, онъ здѣсь оставаться не думаетъ, а хочетъ увезти жену на родину, въ Воронежскую губернію и, если можно, гдѣ-нибудь посѣлиться въ деревнѣ.

18-го Декабря 1850 года. Понедѣльникъ. Ярославль.

Опять пишу къ Вамъ изъ Ярославля: какъ сонъ на сонъ, но сонъ мятежный, пронеслись эти три дня, проведенные мною въ Москвѣ *). Въ Ярославль я пріѣхалъ часовъ въ 10 вечера. По пріѣздѣ я узналъ, что Константинъ Булгаковъ за день до меня пріѣхалъ также изъ Москвы и разсказывалъ, что драма не имѣла успѣха, впрочемъ, самъ онъ на представленіи не былъ. Разумѣется, я далъ нужное объясненіе, почему она, драма, Булгакову не должна нравиться... Новаго въ Ярославлѣ нѣтъ ничего. Выборы еще продолжаются. Бумагъ въ полученіи изъ Петербурга нѣтъ никакихъ, но Каменскій, Костромской губернаторъ, проѣзжая черезъ Ярославль, сказывалъ одному изъ нашихъ знакомыхъ, что въ Костромѣ по поводу указаннаго нами раскола будетъ учреждена цѣлая Коммиссія. Только неизвѣстно: по окончаніи ли нашей Коммиссіи здѣсь или еще во время ея существованія. Меня пугаетъ мысль, что эта Коммиссія будетъ просто наша Коммиссія, переведенная въ Костромскую губернію по окончаніи своихъ занятій здѣсь, или, если и учредятъ особую Коммиссію, такъ меня назначатъ въ нее членомъ, чего мнѣ страшно не хочется. Право, не знаю, какъ быть. Слѣдовало бы мнѣ самому съѣздить въ Петербургъ, а то—смотришь, какъ разъ взвалятъ еще порученіе въ Кострому, да не развяжутъ и съ городскимъ хозяйствомъ въ Ярославлѣ. А убить въ такой работѣ, въ попыхахъ, все ожидая конца, такъ сказать, живя не въ зачетъ, лучшихъ годовъ три—очень, очень, очень тяжело! Напишу Вамъ, какъ я все это порѣшу. Что драма, что второе представленіе? Оболенскій просто въ отчаяніи, что не былъ, и всѣмъ отъ души кланяется.

---

*) Иванъ Сергѣевичъ уѣхалъ на три дня въ Москву присутствовать при представленіи драмы Константина Сергѣевича.

25-го Декабря 1850 года. Понедѣльникъ. Ярославль.

Изъ письма Вѣры вижу, что толковъ о драмѣ много, но не могу толкомъ понять, будетъ или нѣтъ второе представленіе. Сколько можно догадаться, второе представленіе отложено до полученія отвѣта изъ Петербурга. Вчера я получилъ письмо отъ Хлѣбникова: онъ пишетъ, что слышалъ отъ одного купца (Ѳедора Ивановича Соболева), который самъ былъ въ театрѣ во время представленія драмы, что театръ былъ биткомъ набитъ и публика была въ восторгѣ. А не справлялись ли Вы въ книжныхъ магазинахъ, не пошла ли продажа драмы снова въ ходъ? Справьтесь, это любопытно.— Ну что Хомяковъ? Кстати, пожалуйста, не забудьте: у него должны быть три, кажется, мои раскольническія книги— отвѣты Поморскіе и еще двѣ рукописи. Не затерялъ ли онъ ихъ, а если не затерялъ, такъ гдѣ они? Если въ Москвѣ, то сдѣлайте милость, возьмите у него и сберегите до меня. Эти рукописи очень дороги.—Наконецъ, мнѣ достали сочиненія основателя Страннической секты Ефимія и небольшую брошюрку послѣдователя его, еще живущаго, Никиты Семенова. Сочиненіе послѣдняго отличается необыкновенною рѣзкостью, да, впрочемъ, оба дышатъ постоянно негодованіемъ и озлобленіемъ противъ насъ. Впрочемъ, сочиненія эти не противъ насъ направлены. Они писаны для старообрядцевъ другихъ сектъ. Вопроса о вѣрѣ собственно нѣтъ вовсе, а цѣль сочиненій доказать, что у прочихъ раскольниковъ нѣтъ правды въ жизни, въ быту, что они непослѣдовательны, что одного религіознаго несогласія недостаточно, что проповѣдующій древнее благочестіе долженъ или воевать съ бытомъ гражданскимъ, или укрываться, но признавать его не можетъ и не долженъ. Потому-то и сочиненія эти гораздо важнѣе книгъ ихъ собственно о вѣрѣ. Впрочемъ, объ этомъ теперь не время распространяться.—Вы спрашиваете меня, милая моя Маменька, объ Аѳанасіѣ. Онъ отказался отъ невѣсты и рѣшительнымъ образомъ отказался только нынче. Его почти насильно призвали на завтракъ въ домъ невѣсты, и тамъ всѣ родные пристали къ нему съ требованіемъ рѣшительнаго отвѣта. Онъ долго конфузился, наконецъ, потребовалъ листокъ бумаги и написалъ на немъ: «я не могу быть ва-

шимъ женихомъ; я считаю себя недостойнымъ, и вы ропщите не на меня, а на судьбу вашу»! Каково! Бумажку эту онъ свернулъ и, прощаясь, отдалъ ее невѣстѣ, поручая ей прочесть ее послѣ того, какъ онъ уйдетъ. Онъ мнѣ сейчасъ объ этомъ разсказывалъ.

Четверъ 28-го Декабря 1850 года. Ярославль.

Это письмо придетъ къ Новому Году: поздравляю Васъ по обычаю. Я знаю, что Вы не уважаете этого обычая, но я люблю его. Для меня собственно онъ имѣетъ столько же значенія, сколько и день рожденія. Это верстовые столбы времени. Начинается вторая половина XIX вѣка. Впрочемъ, раскольники считаютъ, что теперь 1857-й годъ.—Теперь я жду пріѣзда Костромской Коммиссіи и до того времени рѣшился не писать. Изъ Петербурга ни писемъ, ни извѣстій никакихъ не имѣю. Написалъ нынче письмецо къ С—вой, послалъ ей куплеты Ленскаго и свои стихи. Кстати, что говоритъ Хомяковъ про мои стихи? Праздники я встрѣтилъ и провожу все дома, продолжая работать и читать раскольничьи рукописи. Я и прежде мало выѣзжалъ, а теперь ужъ вовсе не выѣзжаю. У Бутурлина съ поздравленіями также не былъ. Я ѣздилъ поздравлять Гражданскихъ Властей съ рожденіемъ Высшей Власти, т. е. 21-го Ноября и 6-го Декабря, но не вижу никакой надобности и смысла поздравлять Губернатора съ рождествомъ Христа. Въ губерніяхъ же обыкновенно все это ѣдетъ въ мундирахъ съ оффиціальнымъ поздравленіемъ.—По случаю поѣздки моей въ Москву на представленіе драмы, по нѣкоторой извѣстности нашего имени въ губерніи, наконецъ, по милости друзей,— въ городѣ Ярославлѣ явилось много охотниковъ читать драму Константина. По этому случаю два или три экземпляра отданы много въ публику и ходятъ по рукамъ.—Сюда пріѣхала также на время и скоро уже отсюда ѣдетъ какая-то M-lle M. съ матерью. Она возбудила полное сочувствіе въ Оболенскомъ и дѣйствительно, по его разсказамъ, оказывается замѣчательною дѣвушкой, съ мыслью, окрѣпшею въ одинокой жизни въ деревнѣ, гдѣ она научилась понимать и природу и народъ. По крайней мѣрѣ такъ рисуетъ ее Обо-

ленскій. Я ее не видалъ и не знаю, но по желанію ея прочесть драму и по увѣренію Оболенскаго въ ея сочувствіи, я черезъ Оболенскаго послалъ ей драму съ слѣдующею надписью: Катеринѣ Ѳедоровнѣ М. по довѣренности отъ автора, Ив. Аксаковъ. Нравится ли тебѣ это распоряженіе Константинъ?

Ярославль 1-го Генваря 1851 года.

Вотъ и новый 1851-й годъ! Поздравляю Васъ опять. Со вчерашней почтой получилъ я отъ Васъ письмецо: слава Богу, что Вы здоровы и что Софьѣ лучше. Новый годъ я встрѣтилъ вчера въ Собраніи, потому что всѣ мои пріятели были тамъ, и мнѣ хотѣлось встрѣтить годъ вмѣстѣ съ ними.—Посылаю Вамъ стихи, оконченные мною вчера *). По неимѣнію большаго почтоваго листа, посылаю ихъ на простой бумагѣ. Я прошу Васъ, милый Отесинька, такъ же, какъ и по первымъ стихамъ, написать мнѣ въ подробности всѣ Ваши замѣчанія... Я самъ знаю, что они, какъ стихи, не совсѣмъ хороши: все какъ-то тяжело и шероховато, совсѣмъ разучился писать. Стихи эти не слѣдуетъ читать въ тѣ минуты дня, которыя прыщутъ дѣятельностью и бодростью, ни средь толковъ о драмѣ и т. п. Но въ нѣкоторыя разумныя минуты можно прочесть ихъ. Впрочемъ, они никакъ не могутъ быть всѣмъ понятны; необходимы комментаріи. То, что для насъ достаточно въ намекѣ, другимъ не ясно.—Пришелъ Трехлѣтовъ. Прощайте, до слѣдующей почты. Оболенскій кланяется Вамъ. Изъ Петербурга нѣтъ ничего новаго.

1851 года, Января 7-го. Воскресенье. Ярославль.

Я не успѣлъ написать Вамъ въ прошедшій Четвергъ и хотѣлось бы мнѣ нынче, если только успѣю, вознаградить Васъ разомъ за всѣ мои коротенькія письма. Изъ Петербурга о «Бродягѣ» нѣтъ никакихъ извѣстій. Но на этой недѣлѣ я получилъ совершенно секретное порученіе отъ Министра (повѣрить одно донесеніе Бутурлина), порученіе, для котораго я ѣздилъ сутки на полторы въ городъ Романовъ,

*) См. Приложеніе: „Послѣ 48 года“.

откуда и воротился только вчера ночью. Порученіе немудреное, но доказывающее однако неослабѣвшую довѣренность.— Пріѣхали, наконецъ, чиновники, назначенные для Костромской Коммиссіи. Слава Богу, что я не съ ними: что за народъ! Слава Богу и въ томъ, что они не свяжутъ, кажется, дѣйствій нашей Коммиссіи, которую мы намѣреваемся скоро закрыть. Завтра начнется составленіе записки, и на этой недѣлѣ я пошлю письма о дозволеніи мнѣ пріѣхать въ Петербургъ по окончаніи записки, что будетъ не раньше конца Февраля. Итакъ разойдется эта Коммиссія, которая надѣлала столько шуму и которая занимаетъ такое почетное мѣсто въ Ярославлѣ! Нѣкоторые изъ насъ много потеряютъ съ ея отсутствіемъ: въ ней почерпали они себѣ бодрость на всякое честное и доброе дѣло, освѣжались сердцемъ, да и умомъ отчасти. Я, разумѣется, имѣя такое семейство, какъ наше, и такихъ знакомыхъ, какъ наши, потеряю меньше всѣхъ. Но много и мнѣ оставитъ она добрыхъ воспоминаній: къ тому же я люблю связи дружбы и товарищества (гораздо болѣе, чѣмъ связи родства). Въ самомъ дѣлѣ, въ Коммиссіи собрались все чиновники, но не чиновническаго закала, не съ чиновнической душой. Все, что есть только молодаго, честнаго, благороднаго, умнаго, образованнаго и даровитаго въ городѣ,—собралось въ Коммиссіи. Само собою разумѣется, что на счетъ ума и образованія мы не взыскательны: оно и невозможно въ провинціи, но смѣло можно сказать, что воздухъ въ Коммиссіи честный и нравственный. Впрочемъ, кромѣ членовъ Коммиссіи, пріятелей нашихъ человѣка три, четыре, не больше. Оно доходитъ до смѣшнаго: приглашаютъ не Аксакова, не Графа Стенбока, а Коммиссію, значитъ, и Оболенскаго и Авдѣева и проч. «Что думаетъ Коммиссія о томъ-то?» этотъ вопросъ значитъ: что думаютъ честные люди о томъ-то. Есть даже дѣвушки, въ обществѣ, считающія себя въ составѣ Коммиссіи. Одинъ изъ нашихъ товарищей, переведенный въ Кострому, влюбленъ въ одну дѣвушку здѣшняго свѣта: дѣло доходитъ до брака, по крайней мѣрѣ серьезно: тайна для всѣхъ,—не тайна для Коммиссіи, и только съ членами Коммиссіи позволяетъ себѣ дѣвушка говорить о своемъ чувствѣ! А Коммиссія эта носитъ названіе: Коммиссіи о бѣглыхъ, бродягахъ и приста-

подержателяхъ! Пріятели мои, конечно, ѣздятъ въ свѣтъ, чо я остаюсь какимъ-то миѳомъ, неизвѣстнымъ свѣту... Все это очень мило и забавно, но полезно тѣмъ, что многіе нашли себѣ въ Коммиссіи сильную нравственную поддержку. Вы, живущіе въ честномъ кругу, Вы не знаете, что такое провинція, когда въ иномъ уѣздномъ городѣ отъ перваго до послѣдняго буквально—все взяточники, да и въ губернскомъ городѣ по совѣсти никому нельзя и руки подать. Многіе изъ нашихъ рѣшительно обновились духомъ въ Коммиссіи и съ глубокимъ чувствомъ понимаютъ это. Пользы общественной, служебной, можетъ быть, мало, можетъ быть, нѣтъ и вовсе, но хорошая вещь—честный человѣкъ! *) Все это такъ, все это, если не смѣшно такъ выразиться, ублажаетъ мою душу, но все это не мѣшаетъ мнѣ проходить путь внутренняго своего бытія. Поговоримте о стихахъ —Я очень люблю свои послѣдніе стихи, и меня огорчили Ваши слова: лучше, если бъ ты ихъ вовсе не писалъ! *) Мнѣ кажется теперь, что я не могъ бы ихъ не написать, мнѣ нужно было ихъ написать во что бы то ни стало. Это не просто потѣха риѳмъ. Я не понималъ или такъ я чуждъ всякаго дурнаго замысла, что мнѣ казалось невозможнымъ перетолковать стихи въ дурную сторону. Въ нихъ выражается убѣжденіе въ безплодности западныхъ стремленій и требованіе вѣры. Право, я еще столько вѣрю въ правосудіе въ Россіи, что не полагаю возможнымъ подобное нелѣпое обвиненіе. Да я готовъ дать кому угодно нужное объясненіе. Если же держать эти стихи въ секретѣ, то это было бы придавать имъ опасное значеніе, котораго они не имѣютъ. Мнѣ такъ кажется; можетъ быть, я и ошибаюсь. Но все это мнѣ очень тяжело.—Посылаю Вамъ другіе свои

---

*) Отецъ отвѣчаетъ 12-го Генваря 1851 года. „Обращаюсь къ твоему письму. Я очень радъ небольшому порученію твоему въ Романовѣ. Все написанное тобою о коммиссіи, въ полномъ смыслѣ слова, *ублажило* мою душу и долго еще будетъ звучать въ душѣ моей гармоническій тонъ, произведенный твоимъ письмомъ. Ты ударилъ по самой звучной струнѣ моего сердца! Во всю мою жизнь встрѣча съ чѣмъ-нибудь въ родѣ вашей коммиссіи оживляла мою бодрость надолго. Итакъ, да здравствуетъ коммиссія! благодарю ее за привѣтъ и прошу вѣрить въ искренность моего сочувствія. Прошу сказать мое настоящее почтеніе коммиссіи. Что касается до предъидущихъ твоихъ стиховъ, то покуда молчаніе".

*) См. Приложеніе, стихи послѣ 48 года.

стихи, написанные нынче утромъ,—посланіе къ m-lle M. *) Надобно Вамъ объяснить, по какому случаю они написаны. Эта дѣвушка пріѣхала сюда на мѣсяцъ времени, съ матерью своею погостить къ своимъ Ярославскимъ родственникамъ. Въ Москвѣ она много слышала и про Константина и про меня собственно, и умнымъ мнѣ показалось уже то, что услыхавъ, что я здѣсь и состою членомъ такой-то Коммиссіи, она сообщила кому-то свое предположеніе, что я, вѣрно, защищаю раскольниковъ. Оболенскій познакомилъ насъ заочно, и я хотѣлъ было завести съ ней переписку (разумѣется, не тайную), находя, что гораздо приличнѣе переписываться дѣвушкѣ «о матеріяхъ серьезныхъ» съ незнакомымъ человѣкомъ и что, наконецъ, довольно оригинально—не зная другъ друга лично, знакомиться черезъ письма и потомъ повѣрить это черезъ нѣсколько лѣтъ личнымъ знакомствомъ. Однакожъ, какъ я ни рѣдко выѣзжаю, мнѣ все пришлось съ ней встрѣтиться и познакомиться, какъ съ старой знакомкой. Дѣйствительно, умная и славная дѣвушка, уже не въ самой первой молодости... «Хорошій человѣкъ», повторялъ я невольно, возвращаясь домой. Дѣйствительно, мнѣ слышался въ ней больше человѣкъ, чѣмъ дѣвушка. Я видѣлъ ее раза три и, можетъ быть, уже вовсе не увижу, и въ эти три раза нельзя было переговорить обо всемъ. Я давалъ чрезъ Оболенскаго ей всѣ мои сочиненія, и она, кромѣ «Бродяги», довольно строго осудила ихъ: ея душа не удовлетворилась ими; она нашла путь примиренія, выбранный мною, сухимъ путемъ и, не признавая меня сухимъ человѣкомъ, признаетъ мало теплоты въ стихахъ моихъ, а больше какого-то сухаго жару. Не могу не сознаться, что во всемъ этомъ есть часть правды. Что путь примиренія, выбранный мною (практическая дѣятельность), сухой путь, или по крайней мѣрѣ я слишкомъ сухо на него смотрю, какъ говоритъ она,—это доказывается тѣмъ, что я не примиряюсь съ этимъ примиреніемъ и душа у меня отъ него болитъ. Да вѣрно и то, что съ каждымъ годомъ становясь серьезнѣе и проще, я чувствую себя добрѣе и мягче что, я думаю, и Вы знаете. Я уже радъ былъ тому, что не услы-

---

*) См. Приложеніе, стихи къ К. Ѳ. М.

халъ обычныхъ скучныхъ похвалъ своимъ стихамъ. Разумѣется, для женщины не существуютъ вопросы общественные во всей своей важности. Говоря о примиреніи, объ исходѣ изъ анализа, она говорила про свое состояніе, про такія минуты, когда человѣка вдругъ осѣнитъ спокойное сознаніе присутствія какой-то высшей Истины и *«все вдругъ какъ-то просто»*: не апатія, не упадокъ силъ, напротивъ, обновленіе силъ, но не бурное, но не страстное, не увлеченіе... Я употребилъ все ея выраженія, и Вы можете видѣть, что она точно умна. Для успокоенія Вѣры, которая, вѣроятно, убѣжденная въ своей проницательности, пустилась въ разныя соображенія и догадки (признаюсь, довольно скучныя, особенно мнѣ, которому такъ хочется простыхъ отношеній, въ которомъ такъ много серьезныхъ, искренних, строгихъ требованій!), и такъ — для успокоенія Вѣры скажу ей, что у m lle M. есть свой міръ любви есть одинъ человѣкъ, съ которымъ обстоятельства мѣшаютъ ей до сихъ поръ соединиться бракомъ, но еще не совсѣмъ потеряна надежда: сбудется она или нѣтъ, для нея все равно: она вѣрна своему глубокому чувству. не бурному, но довольно свѣтлому, сроднившемуся съ ней... Она скоро ѣдетъ; какъ я выѣзжаю весьма рѣдко, то, можетъ быть, мнѣ и не удастся видѣться съ нею; она же уѣдетъ куда-то въ дальнюю деревню. Но я радъ, что существуетъ для меня на свѣтѣ хорошей душой больше. Истинно радъ! Я такъ люблю въ тоже время душу человѣческую и существованіе добраго человѣка, всякое доброе дѣло, и не мною совершенное считаю для себя пріобрѣтеніемъ. Я надѣюсь, что Вы поймете искренность и простоту моихъ отношеній, не давая имъ ограниченнаго, мелкаго значенія... — Я не знаю, право, какъ благодарить Константина. Двѣ почты сряду пишетъ онъ мнѣ письма! Очень, очень ему за это спасибо. Крѣпко его обнимаю: видно онъ бодръ и въ хорошемъ движеніи духа! Коммиссія проситъ меня засвидѣтельствовать ему и Отесинькѣ свое искреннее почтеніе. Право! Всѣ мои пріятели меня очень любятъ, а знающіе меня хорошо знакомы черезъ меня съ Константиномъ въ особенности, а отчасти и съ Отесинькой. Всѣ они у насъ обѣдали и уѣхали теперь въ гости, а я сѣлъ писать письма, и всѣ меня очень искренно и дружески просили

поклониться отъ нихъ: въ особенности, кромѣ Оболенскаго, Графъ Стенбокъ и Авдѣевъ. Послѣдній еще Оренбуржецъ, изъ Стерлитамака, человѣкъ съ талантомъ и съ истинно доброю душой. Но Оболенскій — истинная моя отрада. Онъ производитъ на меня впечатлѣніе, равное съ впечатлѣніемъ природы. Къ нему можно отнести стихи, написанные мною когда-то: что онъ хорошъ:

Души любовнымъ разумѣньемъ
И сердца мудрой простотой!

Прощайте же: выздоравливайте же, милая Маменька, намъ въ утѣшеніе.

1851 года, Генваря 15-го. Понедѣльникъ. Ярославль.

Весело мнѣ было получить Ваше письмо, милый мой Отесинька, отъ 12-го Генваря, и радъ, что письмо мое доставило Вамъ удовольствіе. Вы желаете, милый Отесинька, чтобы то состояніе духа, при которомъ написано было мое письмо, продолжалось всегда. Но это невозможно: оно явилось какъ отдыхъ послѣ стиховъ 31-го Декабря и отчасти какъ впечатлѣніе стиховъ, писанныхъ къ М. Но на другой же день я почувствовалъ себя барабаномъ и теперь, кажется, никакихъ стиховъ писать не въ состояніи. Гармоническій тонъ вдругъ прерывается возгласомъ: держи, держи, скотина, или не видишь, казенный экипажъ! и опять все идетъ своимъ пошлымъ и пестрымъ чередомъ.—Радъ я отзыву о драмѣ. Еще слава Богу, что высшее Правительство наше не вѣритъ доносамъ безъ разбору! Право, это утѣшительно знать. Но будетъ ли разрѣшеніе играть ее снова? Изъ того же, что Вы мнѣ пишете о моихъ стихахъ 31-го Декабря, я рѣшительно не понялъ ни слова и жду съ нетерпѣніемъ новыхъ отъ Васъ писемъ. — Съ М—lle М. я потомъ хотя и встрѣчался, но все же порядкомъ поговорить не успѣлъ. Думаю однакоже, что похвалы мои не преувеличены. Слаба въ ней была, кажется, сторона религіозная, и странно, что мнѣ, человѣку сомнѣнія, приходится именно возбуждать эту сторону, но не къ сомнѣнію, а къ вѣрѣ!

Правда, если нѣтъ во мнѣ вѣры, то за это постоянно присущи мнѣ строгія нравственныя христіанскія требованія, постоянно взывающія къ отвѣту и—остающіяся безъ отвѣта!—Нынче написалъ къ двумъ Директорамъ Департаментовъ—Гвоздеву и Лексу: прошу позволенія, по окончаніи занятій Коммиссіи, ѣхать въ Петербургъ, а пріѣхавши туда, думаю устроить свои дѣла такъ, чтобы не возвращаться въ Ярославскую губернію. *) Около меня просто всѣ съ ума сошли. Недавно подписалъ я свидѣтельство на бракъ одному изъ своихъ топографовъ; теперь помощникъ мой Эйсмонтъ влюбленъ и собирается жениться. Хорошо еще, что Аѳанасьева свадьба разстроилась! И топографъ и Эйсмонтъ выбрали себѣ бѣдныхъ дѣвушекъ. Право, смѣшно видѣть этихъ господъ влюбленныхъ: первый—пьяница и гуляка, принялъ на себя серьезный видъ, толкуетъ о высокихъ обязанностяхъ мужа, о Богѣ и проч. Второй—наитщеславнѣйшій Петербургскій юноша, пышетъ теперь презрѣніемъ къ богатству, баламъ, свѣту, суетѣ и беретъ уѣздную барышню, жившую весь вѣкъ въ деревнѣ, съ десятью тысячами рублей ассигн. приданаго, не имѣя самъ ничего. Оба—просто поэты! Боюсь, чтобы эта поэзія съ теченіемъ жизни не окончилась взятками! Къ свѣдѣнію Константина сообщаю, что Ив. Александр. Куликовъ вполнѣ, почти единогласно, выбаллотированъ въ Рыбинскіе городскіе Головы на новое трехлѣтіе. На выборахъ, конечно, онъ началъ было отказываться, но ему мѣщане закричали: Ив. Алекс., мы, *бѣдные* люди, васъ просимъ! и онъ согласился. Онъ мнѣ самъ все это разсказывалъ: «вѣдь оно, Иванъ Сергѣевичъ, чувствительно, когда сто человѣкъ въ одинъ голосъ что скажутъ!.. Потомъ на меня нашла хандра: сталъ раздумывать, что все мнѣ приходится служить и всѣ года не на свою службу тратить; такое пришло мнѣніе, что и животъ заболѣлъ и подъ ложечкой стало давить, совсѣмъ разстроился. Вотъ жена моя (новая—Параскева Варѳоломѣевна) и говоритъ: что Ив. Алекс., вы унываете: вѣдь это все же Вамъ не къ обидѣ, а къ чести, ужъ видно такъ Господу Богу угодно, Ив. Алекс., твори, Господи, волю Свою!»—«Вотъ, разсказываетъ Куликовъ, какъ услышалъ я такія умныя рѣчи, мнѣ стало и по-

---

*) См. приложеніе: переписка о „Бродягѣ“.

легче, и животъ отошелъ, я и перекрестился и сказалъ: твори, Господь, волю Свою!»—Приходи въ восторгъ, Константинъ! Узнавай въ немъ Алексѣя Михайловича и другихъ.·. Но Куликовъ, безъ шутки, хорошій и усердный Голова, хотя ума и не пыткаго. Впрочемъ, можно ли быть въ тоже время и умнымъ и простецомъ, блаженнымъ?— Прощайте. На этой недѣлѣ мнѣ, можетъ быть, придется съѣздить въ Пошехонскій уѣздъ. Жду и на слѣдующей почтѣ писемъ отъ Васъ.

1851 года, Января 18-го. Ярославль. Понедѣльникъ.

Нынче поутру получилъ я Ваше письмо, милый мой Отесинька. Слава Богу, что Вы и милая Маменька чувствуете себя хорошо теперь. — Оставлять «Бродягу» при дѣлѣ кажется мнѣ слишкомъ нелѣпымъ. Если рукопись возвратили мнѣ изъ 3-го Отдѣленія, то нѣтъ никакого основанія задерживать ее въ Министерствѣ. Вѣроятно, хотятъ отдать мнѣ ее лично, безъ переписки. Любопытно мнѣ знать, прочелъ ли Министръ «Бродягу» и какъ онъ его находитъ.—Я не зналъ объ участіи Графа С*** въ клеветахъ на драму Константина... Хорошо! Да хорошо и все общество и вся эта знать, у которой, какъ Вы пишете, Константинъ теперь «въ ходу», т. е. чѣмъ-то вродѣ индѣйскаго перца или анчоусова масла для приправы надоѣвшихъ ежедневныхъ блюдъ. Впрочемъ, ихъ желудки и пряность варятъ, какъ ни въ чемъ не бывало. — Такъ А. О. въ Москвѣ. Не знаю, успѣла ли она получить мое послѣднее письмо, писанное, кажется, въ самый день Рождества, письмо, при которомъ я посылаю ей свои стихи: *усталыхъ силъ я долго не жалѣлъ.* Вы пишете, что она меня бранитъ, и сами собираетесь съ нею меня побранить. Да за что же меня бранить? Если за стихи, такъ это странно, какъ будто они отъ моей воли зависѣли. Къ какой стати сталъ бы я среди людей, увѣренныхъ въ силѣ и правотѣ своихъ убѣжденій, бросать свое слово, полное сомнѣнія и ироніи, какъ напр. вышеприведенные стихи; или среди людей, порѣшившихъ для себя вопросы вѣры, являться со стихами 31-го Декабря, съ вопросами и сомнѣніями, старыми, неумѣстными въ томъ Московскомъ кругу, къ которому я принадлежу, кругу, который не смущается вопро-

сомъ: гдѣ истина, потому что увѣренъ, что нашелъ ее. Мнѣ легче было бы написать что-нибудь въ «благонамѣренномъ» вкусѣ. Значитъ, они имѣютъ свое внутреннее основаніе во мнѣ самомъ и искренни... Вы пишете, что читаете мои стихи. Я не спрашиваю Васъ, нравятся ли они, но—понимаются ли они? Я бы желалъ, чтобъ ихъ прочли Грановскому или вообще людямъ, у которыхъ болѣла душа отъ 1848 года. Даже у Константина она не болѣла: онъ безо всякой внутренней душевной боли способенъ заклеймить проклятіемъ $^9/_{10}$ человѣчества и давно не считаетъ людьми бѣдные народы Запада, а чѣмъ-то въ родѣ лошадиныхъ породъ. Оно, можетъ быть, и такъ, но убѣжденіе это полно для меня горечи! — Я былъ бы, конечно, очень доволенъ, если бы Министерство дало мнѣ еще денегъ, но просить объ этомъ мнѣ самому Гвоздева неловко и писать ему объ этомъ я рѣшительно не буду.

1851 года, Января 28-го. Ярославль.

Коммиссія наша расходится: Авдѣева перевели на службу въ Петербургъ, и онъ на дняхъ туда отправляется. Жаль, что въ Москвѣ онъ пробудетъ всего полтора сутокъ: ему бы очень хотѣлось познакомиться съ Вами и Константиномъ. Онъ вовсе не теоретикъ, не мыслитель, но человѣкъ съ теплою душой, съ талантомъ и преданный искусству. Его новая повѣсть, еще не конченная и не напечатанная, очень хороша, а третья глава обличаетъ сильный талантъ, который идетъ впередъ и сбросилъ съ себя всякую чуждую ему драпировку. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы Вы ее послушали. — Я очень радъ, что Тургеневу понравились стихи. Они такъ серьезны, вопросы, въ нихъ заключающіеся, такъ многозначительны, что *здѣсь* рѣшительно никто не могъ понять ихъ изъ моихъ пріятелей, что, разумѣется, не мѣшаетъ имъ быть славными людьми. Оболенскій еще больше всѣхъ понялъ: его душа смутилась во время чтенія стиховъ, но онъ такъ обрадовался послѣднимъ двумъ строфамъ за себя и за меня, что совсѣмъ повеселѣлъ, обнялъ меня и говоритъ, что въ этихъ строфахъ полное примиреніе, полный выходъ, хотя вопросы эти и не совсѣмъ ему понятны.—Исторія съ «Бро-

дягой» должна бы сердить меня, но мнѣ какъ-то не сердится, а просто смѣшно: надо же такъ случиться, что я членъ Коммиссіи о бродягахъ и бѣглыхъ, арестующихъ бродягъ, а тутъ и мой Алешка заарестованъ! Мнѣ кажется, они могли бы оставить у себя копію и выдать мнѣ подлинникъ, а не наоборотъ... На прошедшей недѣлѣ ѣздилъ я съ Стенбокомъ въ уѣздъ, дня на три. Холодно! Мы ѣхали верстъ 60 гуськомъ. Ѣзда довольно живописная, но грустная какая-то: сильнѣе чувствуется власть зимы, стѣсняющая свободу человѣка.—Изъ Петербурга новаго нѣтъ ничего; у насъ составляется записка изъ дѣла. Дай Богъ Великимъ постомъ со всѣмъ раздѣлаться!

1-го Февраля 1851 года. Четвергъ. Ярославль.

Вчера передъ обѣдомъ получилъ я небольшую, полную радости и счастія, записку Гриши, въ которой онъ меня извѣщаетъ о благополучномъ рожденіи сына Константина. Слава Богу! А я такъ безпокоился за здоровье и участь ихъ обоихъ! Воображаю, какъ Константинъ радуется этому продолженію рода. Поздравляю Васъ всѣхъ отъ души съ этою общею нашею радостью, съ этимъ семейнымъ событіемъ! Только какъ Константинъ Аксаковъ родился въ Петербургѣ!...— Отъ Васъ писемъ со вчерашней почтой не было. Да я и самъ едва ли бы сталъ писать нынче, если бъ не этотъ случай, а то, право, писать нечего. Изъ Петербурга ни писемъ, ни бумагъ нѣтъ; работы наши подвигаются впередъ медленно, потому что очень копотливы. А между тѣмъ уже 1-е Февраля! Все это очень скучно и грустно.—Нынче уѣзжаетъ Авдѣевъ, а въ будущій Вторникъ ѣдетъ Оболенскій. Его родные вызываютъ его въ Петербургъ, гдѣ теперь и его мать, поэтому онъ беретъ отпускъ на 28 дней и ѣдетъ, хотя ему и не очень хочется ѣхать... Мнѣ безъ него будетъ очень скучно.— На дняхъ читалъ я преглупѣйшій, но пресмѣшной фарсъ Соллогуба—«Сотрудники, или чужимъ добромъ не наживешься». Тутъ выведенъ на сцену Константинъ—подъ именемъ Олеговича, въ русскомъ платьѣ и съ диссертаціями о землѣ Тмутараканской, буквѣ *ъ* и Чешкомъ корнесловіи!.. Пожалуйста, достаньте и прочтите: глупо, но я хохоталъ много.

1851 года, Февраля 5-го. Ярославль. Понедѣльникъ.

Третьяго дня, часу въ 12-мъ вечера, отправился я гулять и, зайдя на почту, получилъ самъ только что привезенныя письма. Вы совѣтуете мнѣ, милый Отесинька, не надрывать себя усиленною работой... А мнѣ вчера возвратили изъ Министерства „Бродягу“ — съ полнымъ оправданіемъ относительно содержанія и съ непріятными замѣчаніями на счетъ того, что подобныя литературныя занятія сопряжены съ ущербомъ для службы, что я, какъ служащій, не долженъ бы имѣть для такихъ занятій *свободнаго времени*, и съ изъявленіемъ желанія, чтобы, оставаясь на службѣ, я прекратилъ всякіе «*авторскіе труды*». Все это оффиціально, за №. Съ нынѣшнею же почтою я отправилъ въ отвѣтъ на эту бумагу письмо къ Перовскому. Не знаю, какъ оно будетъ имъ принято, но я писалъ, что не намѣренъ прекращать авторскіе труды *). — Я не думалъ, чтобы Константинъ могъ обидѣться глупымъ фарсомъ Соллогуба. Можно ли обижаться каррикатурою? Соллогубу слѣдовало бы, если бы онъ былъ поумнѣе, не читать публично этого фарса, а пріѣхать самому къ Константину и самому прочесть... Если бы Константинъ былъ здѣсь выставленъ въ черномъ видѣ — другое дѣло, но этотъ Олеговичъ все же весьма хорошій человѣкъ и несравненно лучше Петербуржца. Когда эта вещь появилась здѣсь, то — пріѣзжіе ли изъ Москвы или кто другой — пустили въ ходъ свѣдѣніе, что это каррикатура на Аксакова Константина, и я не только подтвердилъ это, но пошелъ навстрѣчу этому слуху и на одномъ вечерѣ, при дамахъ, самъ вызвался прочесть и прочелъ эту піэсу, правда, вполнѣ увѣренный въ своемъ авторитетѣ. И этимъ способомъ я только поднялъ значеніе Константина Сергѣевича на 100%. — Въ Петербургѣ есть художникъ Степановъ, дѣлающій статуэтки въ каррикатурномъ видѣ превосходнымъ образомъ: всѣ — лица болѣе или менѣе извѣстныя въ литературномъ мірѣ и которыя ему случалось видѣть, выставлены у него въ магазинѣ. Если бъ Вы знали, какъ добиваются тамъ этой почести молодые, только начинающіе писатели!... Впрочемъ, я увѣренъ, что Константинъ этимъ

*) Смотри приложеніе: переписка о „Бродягѣ“.

фарсомъ нисколько не обидѣлся, но другіе имѣютъ полное право за него обижаться; это даже дѣлаетъ имъ честь. На дняхъ пріѣхалъ сюда на мѣсто Татаринова новый Профессоръ, Кандидатъ Московскаго Университета Никольскій. Онъ привезъ мнѣ рекомендательное письмо отъ Соловьева. Чуденъ этотъ Соловьевъ! Отчего онъ пишетъ мнѣ: Милостивый Государь, Иванъ Сергѣевичъ? А Никольскій умный и славный молодой человѣкъ, Москвичъ настоящій; такъ отъ него и несетъ Москвой и университетомъ! Только молодъ еще и носитъ въ себѣ еще недостатокъ новѣйшихъ, позднѣйшихъ (послѣ насъ явившихся) молодыхъ поколѣній, состоящій въ томъ, что они черезъ большую часть вопросовъ *перешагнули*, не рѣшивши ихъ, даже не задавшись ими... Странно какъ-то чувствовать себя не самымъ молодымъ поколѣніемъ, а попасть уже въ старшіе, а выходитъ такъ! Мы и забыли, что мы старѣемъ, что каждый годъ приливаютъ новыя волны молодыхъ дѣлателей, горделивыхъ, заносчивыхъ, самонадѣянныхъ, какъ вообще молодость, и воображающихъ, что старшія поколѣнія уже сказали свое слово, что теперь ихъ очередь—провести въ міръ новое, несказанное слово,—точно такъ же, какъ и мы дѣлали, какъ и мы воображали... Того и гляди, что для насъ скоро настанетъ судъ потомства, чего добраго!... Скажите Соловьеву, что я дѣлаю для Никольскаго все, что могу, а самъ къ Сергѣю Михайловичу не пишу потому, что не знаю его адреса.— Константинъ пишетъ піэсу изъ современной жизни. Какъ знать? Можетъ быть, въ немъ таится дарованіе и для драмы изъ современоой жизни, но оно мнѣ еще неизвѣстно. Ему ужъ лучше бы держаться XV, XVI столѣтія, пожалуй и 12-го и 9-го и 8-го, и *изгоя* выставить на сцену. А что бы написать ему драму «Изгой»? Впрочемъ, Вы не сообщаете, что онъ теперь пишетъ, драму или водевиль,—но только современная жизнь общества не годится для иконописи... А я рѣшительно ничего не пишу, да и какъ писать? *).

---

*) Въ отвѣтъ на письмо Ивана Серг., отъ 5 Февр. Сергѣй Тим. пишетъ съ оказіей 9 Февраля 1851 г. „Я получилъ письмо съ Россоловскимъ отъ Надины, въ которомъ она пишетъ слѣдующее: „Министръ приготовилъ докладъ объ Ваничкѣ, чтобы дать ему порученіе и 600 руб. серебр. вознагражденія; но сдѣлался боленъ, а потому докладывалъ Графъ Орловъ и докладъ не утвердили.

1851 года, Февраля 8-го. Четвергъ. Ярославль.

Какія неожиданныя вѣсти сообщаете Вы мнѣ: Константинъ въ Петербургѣ, а сынъ Гриши умеръ... Съ одной стороны хорошо, что пріѣздъ Константина разсѣетъ горе Гриши и Софьи, но съ другой стороны—это неблагоразумно. Быстро смѣнилась радость горемъ! Но конечно, лучше потерять ребенка черезъ два дня послѣ рожденія, нежели даже черезъ два года!... Будетъ ли Константинъ дѣлать знакомства въ Петербургѣ?—О себѣ новаго Вамъ сказать ничего не могу. Изъ Министерства разрѣшенія пріѣхать въ Петер-

---

Всѣ были этимъ поражены. Николай Ивановичъ хотѣлъ Ваничку выписать сюда и дать какое-то дѣло, но не согласились. Разумѣется, боятся". Я спросилъ Россоловскаго, не знаетъ ли онъ чего о назначеніи тебѣ денежной суммы? и онъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ слышалъ отъ Милютина, что Государь не утвердилъ доклада Министра о награжденіи тебя 600 руб. сереб. и только. Теперь я не знаю чему вѣрить. Докладывали Государю о новомъ порученіи тебѣ, или нѣтъ? Точно ли 600 руб. были награжденіемъ за исполненіе прежнихъ порученій или необходимая ассигновка денегъ для новаго порученія? По моему это различіе весьма важно. Если Государь не утвердилъ твоего новаго назначенія — это весьма дурной знакъ: это значитъ, что онъ не имѣетъ о тебѣ хорошаго мнѣнія, слѣдовательно и довѣренности. Если же онъ не утвердилъ только денежнаго награжденія, то это можно объяснить тѣмъ, что онъ считаетъ неприличнымъ публичныя награжденія человѣка съ извѣстнымъ образомъ мыслей; онъ боится публично наградить въ тебѣ мысль и ободрить все русское направленіе. Воля ваша—я тутъ ничего не понимаю. Неужели Министръ докладываетъ Государю о денежномъ награжденіи чиновника? Я самъ получилъ одинъ разъ въ награжденье свое жалованье въ 3 т. руб. ассигн. и знаю, что его назначилъ мнѣ министръ Дашковъ, а не Государь. Министръ имѣетъ въ своемъ распоряженіи экономическія суммы для вознагражденія чиновниковъ. Я не думаю даже, чтобъ о назначеніи чиновника, для исполненія какого нибудь порученія, докладывалось Государю. Надина прибавляетъ въ заключеніе, что она оскорблена и раздражена этимъ отказомъ, какъ будто онъ сдѣланъ ея сыну и оканчиваетъ письмо слѣдующими словами: „во всякомъ случаѣ Ваничкѣ нечего ожидать отъ этой службы". Съ послѣднимъ, къ сожалѣнію, нельзя не согласиться. Мнѣ кажется, что тебѣ было бы нужно, даже необходимо побывать въ Петербургѣ, чтобъ уяснить свои отношенія со службою и Правительствомъ. Не могу повѣрить, чтобы Государь желалъ задавить людей столь чистыхъ и даровитыхъ, какъ ты и Самаринъ, и за что же? Ужъ конечно за одно только то, что они горячую свою ревность къ общему благу простираютъ, положимъ, до излишества рѣзко выражаемаго. Впрочемъ твое положеніе другаго рода; нѣтъ никакого сомнѣнія, что ты оклеветанъ какими-то подлецами въ глазахъ Государя. Еслибъ я могъ удостовѣриться, что принято намѣреніе употреблять тебя на службѣ, какъ ретивую лошадь и дер-

бургъ и тамъ доканчивать отчеты я не получалъ до сихъ поръ, а пора бы, кажется, прислать отвѣтъ... Записка составляется и, какъ всегда случается, при самомъ окончаніи труда оказывается необходимость дополнять, исправлять, объяснять, что нѣсколько замедляетъ трудъ.—Такъ Константинъ въ Петербургѣ! Вамъ, должно быть, очень грустно безъ него и безпокойно за него... Прощайте! Больше писать не о чемъ и некогда. . . . .

1851 года, Февраля 12-го. Ярославль. Понедѣльникъ.

Вотъ и масляница, скверная, пьяная недѣля, а за нею постъ! Не думалъ я встрѣтить снова Великій Постъ въ Ярославской губерніи!.. А изъ Министерства отвѣта на письма мои о дозволеніи выѣхать изъ Ярославской губерніи по окончаніи Коммиссіи—все еще нѣтъ!—Бумага, о которой я писалъ Вамъ прежде, написана больше въ томъ смыслѣ, что литературныя занятія мои сопряжены съ ущербомъ для службы, почему и отвѣтъ заключаетъ въ себѣ большею частью опровержение этого обвиненія. Впрочемъ, копію съ письма моего я доставлю Вамъ на первой недѣлѣ поста съ Оболенскимъ.

жать въ черномъ тѣлѣ, то я захотѣлъ-бы, чтобъ ты немедленно вышелъ въ отставку. При твоихъ умѣренныхъ требованіяхъ, ты будешь имѣть всегда безбѣдный кусокъ хлѣба. Но пожалуй чего добраго, еще не выпустятъ и въ отставку, особенно вскорѣ послѣ этого отказа.—Да, забылъ было тебѣ сообщить самое важное: Надина между прочимъ пишетъ: „Стихи Константина къ Петру, захваченные въ бумагахъ (въ чьихъ?), лежатъ на столѣ у Государя". Если это правда, то это добрый знакъ. Безъ сомнѣнія, извѣстны—чьи стихи, безъ сомнѣнія, они уже очень давно попали въ руки Государю. Съ достовѣрностью можно предположить, что за нихъ преслѣдованія не будетъ; слѣдственно, Государь понялъ цѣлую мысль; понялъ, что не мятежный бунтовщикъ писалъ ихъ, а человѣкъ, проникнутый любовью къ отчизнѣ и вѣрующій, что все дѣло устроится *любовью*, хотя мѣста, отдѣльно взятыя, могли бы внушить противуположное мнѣніе. Когда я прочелъ эти строки въ письмѣ Надины, то едва усидѣлъ на стулѣ: ибо эти отдѣльныя мѣста, читаемыя Государемъ, представились первыя моему воображенію. Надина не прибавляетъ ни одного слова къ этимъ строкамъ и даже весело говоритъ потомъ: „какъ Костинька порадуется, когда узнаетъ, что у Константина Николаевича въ великолѣпномъ мраморномъ дворцѣ есть двѣ крестьянскія избы самой простой отдѣлки, и что въ одной изъ нихъ онъ проводитъ все время своихъ уединенныхъ занятій".

Оно написано твердо, но нерѣзко и умѣренно *). Обо всемъ этомъ я увѣдомилъ и Гришу. Съ мнѣніемъ же Вашимъ о возможныхъ результатахъ этого письма — я совершенно согласенъ, и если по возвращеніи въ Петербургъ буду принятъ дурно, — подамъ просьбу объ отставкѣ; впрочемъ, на эту мѣру я всегда былъ готовъ, да нынче у насъ и служить нельзя.—Послѣднія письма мои очень коротки. Потому, что собственно о себѣ, о своемъ препровожденіи времени писать нечего: работа тянется, тянется, и какъ ни работаешь, а все еще нѣтъ конца: работаешь много, но уже безъ участія, а съ чувствомъ подавляемой скуки. О стихахъ и помину у меня нѣтъ... Грустно подумать, что я безъ малаго здѣсь два года! Два года бивачной жизни, съ постояннымъ ожиданіемъ конца, въ попыхахъ! — Прощайте! Есть ли извѣстія отъ Константина?

19-го Февраля 1851 года. Понедѣльникъ.

Вотъ Вамъ и живая вѣсточка обо мнѣ — Оболенскій. Съ нимъ посылаю я Вамъ всю переписку о „Бродягѣ". Рѣшеніе принято, и я съ нынѣшнею же почтою отправилъ къ Министру *просьбу объ отставкѣ* *). Хочется мнѣ знать, что Вы на все это скажете, т. е., прочитавши всю эту переписку. Нынче же писалъ я Милютину и просилъ его — не дѣлать мнѣ задержки по Хозяйственному Департаменту, отъ котораго дано мнѣ порученіе, т. е. какъ нибудь развязать меня съ порученіями. Разумѣется, здѣсь все это секретъ, чтобы не доставить торжества Бутурлину. — Къ Страстной недѣлѣ я во всякомъ случаѣ буду въ Москвѣ, а Вы между тѣмъ придумайте, какъ мнѣ устроить свою будущность. Послѣ девятилѣтней дѣятельной службы — странно какъ то почувствовать себя развязаннымъ... Жить какъ Константинъ я рѣшительно не могу.—При всемъ томъ я отдаю полную справедливость Перовскому и повторяю, что изо всѣхъ русскихъ Министровъ онъ — лучшій. Во всемъ этомъ дѣлѣ Перовскій

---

*) Смотри Приложеніе: переписка о „Бродягѣ", и письмо Ивана Серг. къ Министру Перовскому.

*) См. Приложеніе къ Ярославскимъ письмамъ: переписка о „Бродягѣ".

въ сторонѣ, тутъ столкновеніе между чиновникомъ и человѣкомъ, между службою и частною жизнью. Но Гвоздевъ долженъ быть скотоватъ. — Передъ отъѣздомъ моимъ мнѣ, можетъ быть, понадобятся деньги, рублей 100 серебромъ. Я разсчитывалъ прежде, что получу деньги отъ Департамента Общихъ Дѣлъ за Коммиссію и вообще за раскольничьи порученія, но теперь эти надежды — тютю! Оболенскій, если не возьметъ отсрочки, черезъ четыре недѣли воротится, и тогда, если только это Васъ не затруднитъ, пришлите съ нимъ мнѣ денегъ. — Добрые знакомые мои разъѣзжаются, Коммиссія рѣдѣетъ, и вмѣстѣ съ Великимъ постомъ принято мною рѣшеніе, конечно, важное для меня во всѣхъ отношеніяхъ. Періодъ чиновничьяго стихотворствованія кончился. — Все это ничего, но воображаю, какъ всѣ, кромѣ Васъ, примутся бранить меня, особенно въ Петербургѣ, — всѣ великіе администраторы Ханыковъ, Поповъ, Самаринъ, какъ отдѣлаетъ меня А. О., упрекая въ неумѣстной гордости, тщеславіи и т. п. Богъ съ ними! Найду себѣ труда и способовъ жизни и знаю одно, что честно пойду черезъ жизнь! — Прощайте. Любопытно было бы мнѣ послушать Константина! Что, братъ, каково Петрятино городище? А все-таки придется туда мнѣ съѣздить. Я твердо рѣшился не оставаться на службѣ.

Четвергъ, 23-го Февраля. 1851 года. Ярославль.

Отвѣчаю на письмо Ваше, милый мой Отесинька. Оболенскій, вѣроятно, передалъ уже Вамъ мою переписку, и Вы прочли письмо мое къ Министру. Я считаю его теперь не только не дерзкимъ, но черезъ чуръ умѣреннымъ. Я имѣлъ право написать ему отвѣтъ болѣе рѣзкій. Можетъ быть, Вы найдете письмо дурно написаннымъ, т. е. слишкомъ пространнымъ, найдете нѣкоторыя разсужденія не то, что бы рѣзкими, но неумѣстными... Это другое дѣло, и я съ этимъ спорить не буду. Но согласитесь, что отвѣтъ Гвоздева, съ выраженіемъ: «возгласы и жалобы» грубъ и неприличенъ въ высшей степени. Мнѣ даже совѣстно, стыдно и перечитывать его. Согласитесь, что другаго исхода изъ этого положенія не могло быть, какъ просьба объ отставкѣ. Я прежде думалъ, что это все дѣло Гвоздева, но письмо Гриши

и Ваше объясняютъ дѣло это иначе, если только Гвоздевъ не вретъ... *) Первая моя мысль была, кромѣ просьбы объ отставкѣ, написать письмо... Хорошее письмо къ Гвоздеву, но совѣты пріятелей, Графа Стенбока и боязнь повредить своей исторіей Гришиной службѣ—заставили меня написать письмо въ другомъ тонѣ. — Вы уже прочли это письмо, и не думаю, чтобы Гвоздевъ имѣлъ право имъ обидѣться. **) Но всѣ объясненія, всѣ слова, сказанныя Гвоздевымъ Гришѣ,—одни петербургскія фразы, одна система надуванія, такъ пышно разработываемая въ Петербургѣ. Они, эти господа, думаютъ тамъ такимъ образомъ: почему же не распечь, всегда полезно распечь молодаго человѣка, кстати,—ну, а чтобъ не сильно обидѣлся, мы, пославъ ему выговоръ несправедливый на бумагѣ, на словахъ извинимся и отдѣлаемся разными дешевыми увѣреніями въ уваженіи и любви... Я служу безъ жалованья и, загроможденный дѣлами по Общему Департаменту, получаю однѣ суточныя и квартирныя отъ Хозяйственнаго Департамента. Если и получилъ я денежную награду, то за $2^1/_2$ года это не много, да къ тому же это было дѣло Милютина по Хозяйственному Департаменту. Отъ Департамента же Общихъ Дѣлъ я не имѣлъ ни копѣйки на прогоны, ни разъѣздныхъ, ни содержанія, ни награды .. А между тѣмъ я безпрестанно получаю оттуда новыя порученія, и, признаюсь, послѣ замѣчанія о моихъ литературныхъ занятіяхъ—это просто безстыдно. Гвоздевъ просто принялъ систему очистки бумагъ, посылая ихъ ко мнѣ на заключеніе (разумѣется, по Ярославской губерніи). Это очень удобно для нихъ и несносно для меня. Слѣдовательно, всѣ эти увѣренія, всѣ эти фразы—гроша не стоятъ.—Но погодите. Я приберегъ къ концу самое сильное доказательство... Онъ говорилъ Гришѣ, «что въ случаѣ присылки мною просьбы объ оставкѣ, оставитъ ее до моего пріѣзда, до моихъ личныхъ переговоровъ съ нимъ, просилъ Гришу употребить всѣ зависящія отъ него средства, чтобы удержать меня отъ рѣшительнаго поступка до пріѣзда въ Петербургъ, куда меня скоро ожидаютъ!.» И Вы, милый Отесинька, въ скобкахъ

---

*) Упоминаемыя письма не нашлись.

**) Смотри Приложеніе: Переписка о „Бродягѣ“.

замѣчаете, что надобно думать, что даютъ мнѣ позволеніе пріѣхать, или ожидаютъ скораго окончанія моихъ дѣлъ... Казалось бы такъ!.. Надобно Вамъ сказать, что еще 15-го Января писалъ я Гвоздеву оффиціальное письмо, что «по окончаніи производимаго Коммиссіею слѣдствія мнѣ необходимо было бы въ одно время съ Графомъ Стенбокомъ представить какъ общій отчетъ по возложенному на меня отъ Департамента Общихъ Дѣлъ порученію, требующій многосложныхъ личныхъ объясненій, такъ и свои собственно замѣчанія о раскольникахъ вообще». Почему и просилъ: исходатайствовать мнѣ у Министра дозволенія: по окончаніи производимаго Коммиссіею слѣдствія—прибыть въ Петербургъ для надлежащихъ объясненій по службѣ...—Если бъ не было у меня на рукахъ городскаго хозяйства, такъ по окончаніи слѣдствія я прибылъ бы въ Петербургъ безо всякаго разрѣшенія. Но, какъ увидите, городское хозяйство вовсе не препятствіе для Министерства .. Къ тому же товарищу моему по Училищу—Купріанову, недавно воротившемуся изъ Петербурга и видѣвшемуся съ Гвоздевымъ (еще до полученія въ Министерствѣ письма моего къ Министру), Гвоздевъ сказывалъ, что мнѣ уже послано или на дняхъ пошлется разрѣшеніе пріѣхать въ Петербургъ. — Вѣроятно, сначала было рѣшено такъ, а потомъ рѣшили иначе.—Посылаю Вамъ копію съ предписанія Департамента и мой отвѣтъ Гвоздеву. Согласитесь, что онъ весьма учтивъ, хотя и слышна въ немъ сдержанная иронія.—Въ это предписаніе вложено было письмецо Начальника Отдѣленія по дѣламъ о раскольникахъ Арсеньева—слѣдующаго содержанія:—«Не сѣтуйте, почтеннѣйшій Иванъ Сергѣевичъ, за отказъ въ *отпускѣ* (да развѣ я просилъ отпуска?). Это мысль Графа; онъ не желаетъ оставить Ярославскую губернію безъ надежнаго надзора (??), но будьте совершенно увѣрены, что немедленно по прибытіи Графа Стенбока пошлемъ къ Вамъ разрѣшеніе пріѣхать въ Петербургъ. Дѣйствіями Вашими по дѣламъ раскольничьимъ здѣсь всѣ (?) весьма довольны, слѣдовательно Вы можете и *должны* ожидать всего хорошаго» *). — Это все похоже на насмѣшку! Какъ, меня, состоящаго подъ надзо-

*) Смотри приложеніе: Переписка о „Бродягѣ“.

ромъ Полиціи и Бутурлина, оставлять для надзора?.. Да что же я за надзиратель? гдѣ инструкціи? Развѣ не кончились дѣла мои по расколу?.. Если бъ мнѣ отказали на томъ основаніи, что по городскому хозяйству у меня не все кончено, такъ это имѣло бы по крайней мѣрѣ смыслъ... Хороши эти увѣренія во «всемъ хорошемъ»!—Словомъ сказать,—все это чортъ знаетъ что такое, и я, право, являю теперь примѣръ кротости. Надо предположить, что есть какая-нибудь причина, можетъ быть, приказаніе—держать меня подальше отъ Петербурга, точно также, какъ не дѣлать меня чиновникомъ особыхъ порученій, о чемъ пришлось бы представлять... — Пожалуйста, сообщите все это сейчасъ же Оболенскому; пошлите за нимъ, онъ живетъ въ домѣ Князя Мещерскаго, на Сѣнной. Если успѣю, то напишу къ нему. Очень люблю я этого человѣка, и мнѣ здѣсь безъ него—тяжело; раза 4 въ день забѣжитъ бывало Оболенскій... Какая чудная душа, отъ которой просто видимо вѣетъ благовоніемъ!..—Прощайте. Вы, милая Маменька, вѣроятно, говѣете на этой недѣлѣ; заранѣе поздравляю Васъ съ пріобщеніемъ. Я же совершенно здоровъ: что мнѣ дѣлается!

Понедѣльникъ, 1851 года, Февраля 26-го. Ярославль.

Благодарю Васъ за письма отъ 23-го Февраля и поздравляю Васъ и всѣхъ нашихъ со днемъ Вашего рожденія, милая моя Маменька. Я не зналъ, что Константинъ говѣлъ на первой недѣлѣ: поздравляю его съ пріобщеніемъ. Въ одно время съ Вашимъ письмомъ получилъ я большое письмо отъ Оболенскаго, подробно описывающаго мнѣ и посѣщенія свои и впечатлѣнія Ваши по поводу переписки о «Бродягѣ». Я сохраню всѣ письма Оболенскаго: они очень хороши; въ нихъ есть какая-то женственность въ высокомъ смыслѣ этого слова.—Совершенно согласенъ съ Вашимъ мнѣніемъ, милый Отесинька, что письменныя объясненія по этому дѣлу неудобны; но на замѣчаніе Ваше, что въ письмѣ къ Министру говорится слишкомъ много обо мнѣ самомъ и проч., я возражу только тѣмъ, что это не оффиціальная бумага, а письмо, что негодованіе мое и чувство собственнаго достоинства были, по моему мнѣнію, совершенно у мѣста, и

что похвалы мои себѣ вовсе выражены не такимъ тономъ, какимъ представляютъ къ наградамъ... Но, впрочемъ, теперь не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что меня не хотятъ выпустить изъ Ярославля, поступая въ этомъ случаѣ со мною такъ и даже употребляя почти тѣ же самыя выраженія, какъ поступаемъ мы относительно подсудимыхъ нашихъ Пятницкаго и Любимова (Становаго и Исправника), обязывая ихъ подпискою не выѣзжать изъ г. Ярославля впредь до окончательнаго разсмотрѣнія о нихъ дѣла, Коммиссіею производимаго. — Тѣмъ не менѣе на Страстной недѣлѣ я все же буду въ Москвѣ. Сдѣлайте милость, не думайте, чтобы вся эта передряга меня разстроивала физически или нравственно, и что я нуждаюсь въ утѣшеніяхъ. Цвѣту здоровьемъ больше, чѣмъ когда либо. Все это разрѣшилось тѣмъ, что получивъ послѣднюю бумагу, я взбѣсился, швырнулъ дѣла подъ столъ и дня три сряду читалъ какой то глупѣйшій изъ глупѣйшихъ Французскій романъ. А прочитавъ романъ, опять принялся за дѣло. Теперь я тороплюсь изо всѣхъ силъ, чтобы покончить записку и отчетъ по Коммиссіи. Это одно дѣло, которое я могу и долженъ добросовѣстно довести до конца. Работы очень, очень много теперь. Жду съ нетерпѣніемъ слѣдующей почты и съ нею Вашего письма.—Оболенскій, вѣроятно, уже уѣхалъ въ Петербургъ; если же нѣтъ, то объявите ему, что я писалъ ему уже въ Петербургъ, на квартиру его брата Алексѣя. Жаль очень, что Вы негостепріимно поступили съ нимъ въ первый день, тѣмъ болѣе, что когда онъ разсчитывалъ со мною время своего пріѣзда и говорилъ, что, можетъ быть, уже не застанетъ у насъ обѣда, то я ему сказалъ, что у насъ накормятъ и напоятъ его во всякое время. Но я извинюсь передъ нимъ за Васъ.—Ты извиняешься, милый другъ и братъ Константинъ, въ томъ, что письмо твое не длинно. Помилуй, братецъ, я и этого количества писемъ, какое ты написалъ мнѣ въ эту зиму, никогда не ожидалъ и столько тебѣ за это благодаренъ, что и требовать большаго не считаю себя въ правѣ. Не говоря о серьезной сторонѣ ихъ, они доставляютъ мнѣ и удовольствіе мѣстами, подобными этому, которымъ начинается твое послѣднее письмо: «наконецъ, явился Князь Андрей Васильевичъ Оболенскій (напоминающій своимъ име-

немъ Князя Андрея Васильевича временъ междуцарствія) и привезъ намъ *важныя* бумаги и проч.» Ну и довольно, я и сытъ! Да напиши чувствительную драму: Изгой XIII вѣка, или хоть Изгой изъ родовыхъ отношеній!.. Плачь, плачь отъ умиленія при встрѣчѣ со всѣми твоими пріятелями, имена которыхъ напоминаютъ тебѣ славныхъ малыхъ, знакомыхъ X, XI, XII вѣка!.. «Какой славный малый, плутъ, каналья!» говоришь ты, осклабляясь и съ умиленіемъ потряхивая головой, по поводу ближайшаго знакомства съ какимъ-нибудь Ростиславичемъ!..

1-го Марта 1851 года. Четвергъ. Ярославль.

Еще разъ поздравляю Васъ съ нынѣшнимъ днемъ. Вѣроятно, у Васъ нынче кто-нибудь изъ гостей да есть. — Письмо Ваше отъ Воскресенья вовсе не подѣйствовало на меня такъ огорчительно, какъ Вы того боялись. Къ тому же, не соглашаясь съ мнѣніемъ Вашимъ, я въ то же время вижу, что Вы писали подъ вліяніемъ опасеній за мою будущность. Я не раздѣляю этихъ опасеній или, лучше сказать, на все готовъ. Вы воображаете, что я ужасно раздраженъ, чуть не хвораю отъ сердца и не помню самъ, что дѣлаю. Константинъ хочетъ даже пріѣхать навѣстить меня. Отъ всей души благодарю его за этотъ братскій порывъ, — но Вы видите все въ преувеличенномъ свѣтѣ. Со мной еще никакой бѣды не случилось, и я не нуждаюсь въ словахъ утѣшенія, а пріѣздъ Константина замедлилъ бы составленіе записки, которою я теперь съ утра до ночи занимаюсь, торопясь совершенно все закончить и закрыть Коммиссію къ Страстной недѣлѣ. А на Страстной недѣлѣ я непремѣнно буду въ Москвѣ. Я совершенно покоенъ духомъ. Я не герой, потому что это все въ отношеніи къ цѣлому вопросу — буря въ стаканѣ воды,—и не жертва (сохрани Богъ!). Я только честный человѣкъ или по крайней мѣрѣ хочу быть такимъ, хочу оставаться неуклонно вѣрнымъ своимъ правиламъ, а потому что̀ бы ни случилось, — въ выигрышѣ — я. И думаю, если бъ опять, съизнова возобновилась эта исторія, я опять поступилъ бы именно такъ, хотя ѣхать съ порученіемъ въ Вятку—у меня нѣтъ никакого желанія: куда угодно, только

не на Сѣверъ и не на Востокъ, а на Югъ или даже Западъ... Впрочемъ, кругъ служебной дѣятельности уже давно сжимается и сокращается для меня. Я уже рѣшилъ самъ въ себѣ, что слѣдствій отнынѣ я производить не буду (исключая нѣкоторыхъ казусовъ); я уже рѣшилъ, что порученій отнынѣ—безполезныхъ, безплодныхъ, а между тѣмъ сухихъ, утомительныхъ и лишающихъ всякаго досуга, какъ вредныхъ нравственному моему бытію — исполнять не буду... Я уже давно говорю своимъ товарищамъ, что моя служебная карьера кончилась и что быть Губернаторомъ я не намѣренъ, потому что на этомъ мѣстѣ буду я вынужденъ дѣйствовать въ противность моимъ правиламъ. Я знаю, что я съ каждымъ годомъ становлюсь честнѣе, т. е. по крайней мѣрѣ хочу, чтобы внѣшніе поступки мои были честны, и никакія препятствія для меня не существуютъ, даже если бъ пришлось ѣхать съ порученіемъ и въ Вятку. Все это очень просто и геройство весьма мелкое, даже въ моихъ собственныхъ глазахъ... Вы скажете, что въ этомъ дѣлѣ поводъ ко всѣмъ моимъ поступкамъ былъ пустой,—не совсѣмъ. Тутъ я отстаивалъ принципъ домашней, нравственной свободы служащаго, самостоятельность чиновника, служащаго не Перовскому и не Правительству, а самому дѣлу, никогда ничего не испрашивающаго, а требующаго себѣ должнаго воздаянія. Не такой же я вѣтреникъ, что не зналъ будто, къ чему это все поведетъ, —и ужъ раскаиваться не буду. Только будьте увѣрены, что я теперь въ самомъ мирномъ расположеніи духа, даже пою пѣсни, чего со мной уже давно не было, и очень занятъ запиской. Подивились бы Вы моему терпѣнію, терпѣнію моей раздражительной натуры, если бы посмотрѣли меня за этимъ скучнымъ трудомъ! —Письмо Ваше сильнѣе, чѣмъ меня, огорчило Оболенскаго, отъ котораго я также получилъ письмо. Онъ очень въ грустномъ расположеніи духа вообще: теперь, вѣрно, уже онъ уѣхалъ изъ Москвы... Да, скажите пожалуйста, что вся эта моя переписка — секретъ у Васъ или нѣтъ? Знаетъ ли объ этомъ дядя Аркадій? *) Какъ я смѣялся, вообразивъ себѣ его при чтеніи этихъ бумагъ. Къ тому же я заранѣе зналъ, что самые лучшіе мои прія-

*) Аркадій Тимоѳеевичъ—младшій братъ Сергѣя Тимоѳеевича.

тели будутъ бранить меня.—Прощайте. Пожалуйста будьте бодры, здоровы и не волнуйтесь. Благодарю тебя, милый мой братъ Константинъ, ты просто сдѣлался борзописцемъ по части писемъ.

5-го Марта 1851 года. Понедѣльникъ. Ярославль.

Вчерашняя почта не привезла мнѣ еще никакого рѣшишительнаго отвѣта: получилъ я письмо отъ Гриши и отъ Самарина. Гриша пишетъ, что Самаринъ и Милютинъ уговаривали Гвоздева не докладывать рапорта Министру до полученія моего отвѣта. Письма моего послѣдняго къ Гвоздеву Гриша еще не читалъ, но говоритъ, что Гвоздевъ не виноватъ въ недозволеніи выѣхать изъ Ярославля, что у него заготовлено было позволеніе, но Министръ не согласился, а почему — не объясняетъ. — Самарина же письмо написано также до полученія моего послѣдняго отвѣта Гвоздеву. Посылаю Вамъ письмо Самарина и мой отвѣтъ ему, которое добрый человѣкъ согласился переписать мнѣ *). Скучною становится мнѣ вся эта переписка, необходимость давать направо и налѣво объясненія, наконецъ, всѣ эти упреки, замѣчанія и порицанія. Я, впрочемъ, знаю, что все хоромъ бранитъ меня. Вмѣсто того, чтобы заставить Гвоздева или кого слѣдуетъ цѣнить меня и дорожить мною, всѣ собравшіеся вмѣстѣ пріятели такъ легко присудили мнѣ средство, которое и предлагаетъ Самаринъ. Никто не хочетъ стать на мое мѣсто, никто не выдерживалъ такихъ нравственныхъ пытокъ, какъ я. Я имѣю счастіе не быть всегда понимаему, хотя, кажется, пишу довольно ясно. Вотъ и Вы въ послѣднемъ письмѣ говорите, что не понимаете письма моего отъ 26-го Февраля, — выраженіе принятое, заведенное, въ порядкѣ вещей.—Я, впрочемъ, не выразилъ Самарину ни тѣни досады, потому что знаю и люблю его. Гриша не совсѣмъ доволенъ участіемъ Хапыкова и въ письмѣ своемъ говоритъ, что онъ, Гриша, хлопочетъ о томъ, чтобы мнѣ написали бумагу, заглаживающую первыя двѣ бумаги, и что онъ споритъ съ Самаринымъ, который говоритъ, что этого не нужно.

---

*) Смотри Приложеніе: Переписка о „Бродягѣ“.

Но этого, прибавляетъ Гриша, мудрено добиться.—Я зарылся въ дѣло по горло, одушевясь или, лучше сказать, остервенясь желаніемъ покончить все къ Страстной. А тутъ еще пропасть писемъ.

1851 года, Марта 12-го. Понедѣльникъ. Ярославль.

И опять пришла почта и опять нѣтъ никакого рѣшенія. Получилъ только письмецо отъ Гриши, которое Вамъ и посылаю. Нынче отвѣчалъ ему и просилъ, чтобы къ Святой недѣлѣ такъ или иначе рѣшили бы мою участь. Дѣло въ томъ, что у меня на столѣ уже лежитъ одно рѣшеніе—это воспрещеніе оставить Ярославль: это уже не подвержено сомнѣнію... Возвращаться же мнѣ въ Ярославль изъ Москвы послѣ Святой, когда Бутурлинъ вообразитъ при моемъ отъѣздѣ, что я совсѣмъ выѣхалъ изъ города,—будетъ невыносимо. Я буду не то что чиновникъ Министерства, не то что частный человѣкъ. Какъ чиновникъ — я не имѣю никакихъ порученій, ибо Коммиссія кончится и ревизія душъ окончена: остается писать отчеты, дожидаться окончанія съемки. Всему городу уже давно извѣстно мое нетерпѣніе уѣхать отсюда, и оставаться здѣсь — это значитъ придется безпрестанно отвѣчать на тысячу и одинъ вопросъ: какимъ образомъ, когда всѣ рѣшительно члены Коммиссіи разъѣдутся (потому что и другіе члены Коммиссіи взяли уже отпускъ и ѣдутъ въ Петербургъ на Святой), — я одинъ остаюсь? — Но скучно и Вамъ и мнѣ только и толковать, что объ этомъ. Однакожъ что дѣлать! Повторяю, мнѣ гораздо было бы пріятнѣе имѣть въ виду всякое другое рѣшеніе, только не то, которое я уже имѣю. Отъ Оболенскаго изъ Петербурга писемъ не имѣю. — Если въ послѣднемъ письмѣ моемъ огорчила Васъ нѣкоторая рѣзкость выраженій, то простите меня пожалуйста.—Я вовсе не смѣюсь, но отъ души благодаренъ тебѣ, милый другъ и братъ Константинъ, за твои письма. Только удивляюсь и радуюсь твоей дѣятельности. Ты просто сталъ молодцомъ. Вѣрно, потерялъ или потеряешь привычку дремать съ семи часовъ вечера.

15-го Марта, 1851 года. Ярославль. Четвергъ.

Опять нѣтъ никакихъ рѣшительныхъ извѣстій изъ Петербурга! Дѣлать нечего, существуй до Воскресенья! Благодарю Васъ за присылку денегъ. Я, впрочемъ, могъ бы обождать ихъ до пріѣзда Оболенскаго. Отъ послѣдняго получилъ я вчера письмо; свѣдѣній никакихъ онъ не имѣетъ, а потому, вѣроятно, и не пишетъ Вамъ: все ждутъ какого-то отвѣта моего! Оболенскій выѣзжаетъ изъ Петербурга 19-го Марта и 21-го или 22-го будетъ въ Москвѣ. Онъ описываетъ мнѣ свиданіе свое съ Самаринымъ, Поповымъ и С—вой и очень ими доволенъ за меня, видя въ нихъ искреннее участіе и пониманіе. Мужъ С—вой уволенъ отъ должности, и это очень разстроило А. О., хотя она и хладнокровно, повидимому, объ этомъ разсуждаетъ.— Работаю я по прежнему, но работы еще такъ много, что еще не могу закричать: берегъ! Просто кажется, что никогда не будетъ конца этимъ занятіямъ. Новостей здѣсь нѣтъ никакихъ, кромѣ того, что вчера было открытіе памятника въ Костромѣ «поселянину Сусанину». Памятникъ этотъ выстроенъ на подписную сумму, собиравшуюся лѣтъ 20; осталось денегъ лишнихъ 2500 рублей серебромъ. Костромское дворянство думало, думало, что дѣлать съ этими деньгами: выстроить богадѣльню, воспитывать на эти деньги бѣднаго мальчика въ гимназіи и проч.— все это имъ не понравилось, и они рѣшились деньги эти съѣсть и съѣсть на славу: выписали припасовъ изъ Петербурга и изъ Москвы, пригласили ѣдоковъ изъ Ярославской губерніи и вчера ѣли. Посылаю Вамъ сочиненный и напечатанный въ Костромѣ церемоніалъ, очень забавный.—Я, если выпустятъ меня въ отставку, вовсе не намѣренъ, по крайней мѣрѣ скоро, вступать въ службу. Право, я такъ усталъ, что мнѣ все грезится Малороссія, тепло, чистый хуторъ, малороссійское сало, лѣнь и проч. Если же я буду искать службы собственно для средствъ существованія, то я постараюсь достать себѣ то мѣсто, которое занимаетъ теперь Клементій Россети, т. е. Чиновника Министерства Финансовъ, объѣзжающаго свеклосахарные заводы въ Россіи. Прощайте, больше Вамъ не пишу, потому что некогда. Будьте

здоровы и спокойны. Очень, очень Вамъ благодаренъ за то, что Вы такъ аккуратно мнѣ пишете!

29-го Марта 1851 года. Ярославль. Четвергъ.

Во Вторникъ утромъ, только что я окончилъ главнѣйшій трудъ свой и увидалъ, наконецъ, берегъ, — явился и Оболенскій. Отъ этихъ двухъ радостей я повеселѣлъ и пополнѣлъ въ одинъ день такъ, что не буду имѣть удовольствія явиться передъ Вами похудѣвшимъ отъ работы: Вы эдакъ, пожалуй, и не повѣрите, что я работалъ. — Вижу берегъ, но дѣла еще много, не знаю, управимся ли. Вы пишете, что можно бы окончить и на Ѳоминой. Нельзя. Дѣло такого рода, что можетъ тянуться годы нескончаемые. на Святой, пожалуй, поймаютъ какого-нибудь неотысканнаго православнаго разбойника или бѣглаго раскольника, и опять начинай слѣдствіе. Намъ надобно закрыть поскорѣе Коммиссію и передать имѣющія возникнуть слѣдствія Губернскому Начальству. — Оболенскій много и много разсказалъ мнѣ интереснаго; онъ до чрезвычайности доволенъ и тронутъ Вашею ласкою. — Признаюсь, когда въ первый разъ Вы мнѣ написали о томъ, что крестьяне въ двухъ губерніяхъ рѣшились не пить, я просто не повѣрилъ Вамъ. Но теперь, когда этотъ фактъ подтверждается, и, говорятъ, Владимірская губернія пристала къ этому дѣлу, такъ все это получаетъ огромный смыслъ. Только каково теперь положеніе Владиміра Святаго: не онъ ли говорилъ: Руси есть веселіе пити, не можетъ безъ того быти! — Петербургская почта, съ которой, впрочемъ, нынче я не жду ничего, еще не приходила: вотъ уже вторыя сутки, какъ она опаздываетъ. Нынче у Васъ, вѣроятно, пропасть гостей: еще разъ поздравляю Васъ всѣхъ и Константина. Больше писать рѣшительно некогда *).

---

*) Это было послѣднее письмо Ивана Сергѣевича изъ Ярославля. Праздникъ Пасхи онъ провелъ въ Москвѣ, гдѣ получилъ бумагу объ отставкѣ отъ службы и не вернулся больше въ Ярославль.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЯРОСЛАВСКИМЪ ПИСЬМАМЪ.

Переписка съ Министерствомъ о „Бродягѣ“.

Министерство Внутреннихъ Дѣлъ.

Особенная Канцелярія.

3-го Ноября 1850 года, № 5007.

Совершенно секретно.

Состоящему при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, Г. Надворному Совѣтнику Аксакову.

До свѣдѣнія моего дошло, что Вами написано какое-то стихотвореніе, подъ названіемъ: *Бродяга*, предосудительнаго содержанія, и что Вы позволили себѣ читать это сочиненіе при нѣкоторыхъ лицахъ.

Не давая, по однимъ только слухамъ, вѣры такому поступку съ Вашей стороны, я тѣмъ не менѣе предлагаю Вамъ, въ личное Ваше огражденіе, немедленно, по полученіи сего предписанія, доставить мнѣ, въ собственныя руки, означенное сочиненіе, если оно существуетъ, оставаясь въ надеждѣ, что, по ближайшемъ разсмотрѣніи онаго, устранится возведенное на Васъ обвиненіе.

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Графъ Перовскій.

Въ собственныя руки.

Его Сіятельству,

Господину Министру Внутреннихъ Дѣлъ, Графу Льву Алексѣевичу Перовскому

Состоящаго при Министерствѣ Надворнаго Совѣтника Аксакова

Рапортъ.

Во исполненіе предписанія Вашего Сіятельства отъ 3-го Ноября за № 5007 (полученнаго мною, по случаю нахожденія моего въ уѣздѣ для производства слѣдствія—только 12-го Ноября), имѣю честь представить Вашему Сіятельству сочиненіе мое въ стихахъ, подъ названіемъ «*Бродяга*» и при томъ объяснить:

1) Рукопись моя представляется не только въ подлинникѣ, но въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она находилась въ 3-мъ Отдѣленіи Собственной Его Величества Канцеляріи, гдѣ она была разсмотрѣна и откуда возвращена была мнѣ въ конвертѣ, съ надписью, въ которомъ я и имѣю честь ее представить.

2) По поводу этого сочиненія въ 3-мъ Отдѣленіи предложенъ мнѣ былъ вопросъ въ 11-мъ пунктѣ, на который я тогда же отвѣчалъ и вѣроятно удовлетворительно, потому что рукопись моя была возвращена безъ всякаго замѣчанія.

3) Сочиненіе это еще далеко не окончено; по предположенію моему оно должно состоять изъ 3-хъ частей,—но обѣ послѣднія части еще не написаны.

4) Я дѣйствительно читалъ «Бродягу» во многихъ домахъ въ Петербургѣ, въ Москвѣ и въ Ярославлѣ, потому что не полагалъ и не полагаю, чтобъ это сочиненіе было предосудительнаго содержанія.

Если, по справедливомъ разсмотрѣніи Вашимъ Сіятельствомъ этого сочиненія, устранится взведенное на меня обвиненіе, то я всепокорнѣйше прошу Ваше Сіятельство возвратить мнѣ мою рукопись, которая, какъ подлинникъ, всегда имѣетъ нѣкоторое значеніе для автора.

Сельцо Яковлево, Яросл. уѣзда.
14 Ноября 1850.

Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Департаментъ общихъ дѣлъ министерства по части Секретаря.

29-го Января 1851. № 66.

Конфиденціально.

Состоящему при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ Господину Надворному Совѣтнику Аксакову.

Разсмотрѣвъ возвращаемое при семъ въ рукописи стихотворное сочиненіе Ваше подъ названіемъ: «Бродяга», считаю нужнымъ Васъ увѣдомить, что я, какъ ожидалъ и прежде, не нашелъ въ немъ ни предосудительныхъ мыслей, ни сомнительнаго направленія по цѣли. Впрочемъ разсматривая этотъ трудъ въ другомъ отношеніи, т. е. какъ занятіе, требующее и времени и даже исключительнаго интереса, не могу не замѣтить, что человѣкъ, посвятившій себя службѣ и занятый, подобно Вамъ, исполненіемъ важнаго порученія, довѣріемъ Начальства на него возложеннаго, едва ли можетъ найти, безъ ущерба для службы, довольно свободнаго времени для литературныхъ или другихъ постороннихъ занятій. Посему желательно, чтобы Вы, оставаясь на службѣ, прекратили авторскіе труды, которые иногда могутъ повести хотя и къ неосновательнымъ, но всетаки непріятнымъ для Васъ предположеніямъ; въ чемъ Вы можете отчасти убѣдиться и изъ настоящей переписки, по этому предмету возбужденной *).

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Графъ Перовскій.

Директоръ Гвоздевъ.

Письмо Ивана Сергѣевича, Графу Перовскому.

Милостивый Государь,

Графъ Левъ Алексѣевичъ!

Ваше Сіятельство, возвративъ мнѣ сочиненіе мое подъ названіемъ «Бродяга», въ то же время изволите дѣлать мнѣ замѣчаніе, что литературныя занятія мои, какъ человѣка служащаго, едва ли могутъ не быть сопряжены съ ущербомъ для службы,—почему и желательно, чтобы, оставаясь на службѣ, я прекратилъ всякіе авторскіе труды.

*) При семъ была возвращена рукопись „Бродяга".

Не только правомъ, но и обязанностью своею считаю объяснить Вашему Сіятельству, что не служба терпитъ отъ моихъ литературнихъ занятій, а литературныя занятія, нравственное и умственное образованіе мое принесены въ жертву службѣ. Никто никогда не могъ и не можетъ упрекнуть меня въ лѣности, или въ нерадивомъ исполненіи своего долга, потому что къ дѣятельному служенію побуждаюсь я отвѣтственностью—не передъ Начальствомъ моимъ,—а передъ моею собственною совѣстью. Напротивъ того, упорные, утомительные, непрерывные труды по возложеннымъ на меня многоразличнымъ и многосложнымъ порученіямъ лишаютъ меня не только возможности предаваться какому либо нравственному отдыху, но не рѣдко и такого досуга, на который имѣетъ право даже и поденщикъ... Предпослѣдняя глава изъ Бродяги написана была въ Декабрѣ 1848 г.; послѣдняя черезъ годъ, въ Декабрѣ 1849-го, и съ тѣхъ поръ къ Бродягѣ не прибавлено ни строчки, хотя съ того времени прошло уже почти 14 мѣсяцевъ... Не думаю, чтобъ эта, тягостная автору, задержка его труда была доказательствомъ предпочтенія мною литературныхъ занятій служебнымъ,— тѣмъ болѣе, что о послѣднихъ могутъ свидѣтельствовать вся здѣшняя губернія и представленные уже мною въ Министерство труды мои по службѣ.

Авторскія занятія мои такъ рѣдки и службѣ моей посвящается мною столько времени, что я не могу убѣдиться въ необходимости прекратить труды, которые, если и не имѣютъ особеннаго литературнаго достоинства,—за то важны для меня, какъ единственный способъ освѣженія моихъ, утомленныхъ службою, нравственныхъ силъ...

Прошу извиненія у Вашего Сіятельства въ томъ, что утруждаю Васъ письмомъ своимъ, но я счелъ нужнымъ со всею откровенностью объяснить настоящее положеніе дѣла и оградить себя отъ незаслуженнаго нареканія...

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностью

имѣю честь быть

Вашего Сіятельства покорнѣйшимъ слугою

Иванъ Аксаковъ.

Февраля 1851. Г. Ярославль.

Письмо А. А. Гвоздева, Директора Канцеляріи Гр. Перовскаго, И. С. Аксакову.

Милостивый государь

Иванъ Сергѣевичъ!

Графъ Левъ Алексѣевичъ, по прочтеніи письма Вашего отъ 5-го сего Февраля, изволилъ приказать мнѣ сообщить Вамъ, Милостивый Государь, что Его Сіятельство находитъ вообще весь тонъ этого письма совершенно неприличнымъ. Дозволивъ себѣ войти въ разборъ полученнаго Вами предписанія отъ Министра, Вы отступили отъ самаго основнаго правила службы — отъ строгой подчиненности; а возгласы и жалобы Ваши о томъ, что отъ служебныхъ трудовъ терпятъ литературныя Ваши занятія, способствующія иногда къ освѣженію утомленныхъ силъ Вашихъ, могутъ привести къ одному лишь заключенію, что эти жалобы и возгласы сами по себѣ странны и крайне неумѣстны. Весь отзывъ Вашъ не могъ не удивить Графа, тѣмъ болѣе, что въ предписаніи Его Сіятельства не заключалось для Васъ не только какого либо обвиненія, но даже ничего, что могло бы огорчить Васъ; къ тому же Вы должны были понять, что Графъ не требовалъ совершеннаго прекращенія Вашихъ литературныхъ занятій, а только выражалъ свои сужденія объ этомъ предметѣ.

Передавая Вамъ приказаніе Г. Министра, я, съ своей стороны, позволяю себѣ присовокупить, что мнѣ чрезвычайно прискорбно было видѣть то непріятное впечатлѣніе, которое произведено письмомъ Вашимъ на Графа Льва Алексѣевича.

Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашимъ,

Милостивый Государь,

покорнымъ слугою

Ал. Гвоздевъ.

12 Февраля 1851 г.

По титулѣ.

Проситъ состоящій при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ Надворный Совѣтникъ Иванъ Сергѣевъ Аксаковъ, а въ чемъ мое прошеніе, тому слѣдуютъ пункты.

1.

Высочайшимъ приказомъ 21 Сентября 1848-го года назначенъ я былъ состоять при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ кандидатомъ на должности въ губерніяхъ.

2.

Нынѣ по разнымъ домашнимъ обстоятельствамъ, не имѣя возможности продолжать службу Вашего Императорскаго Величества, всеподданнѣйше прошу:

Дабы повелено было сіе мое прошеніе принять и меня отъ службы уволить. Къ поданію надлежитъ въ Департаментъ Общихъ Дѣлъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Февраля 19 дня, 1851 года. Городъ Ярославль.

Письмо И. С. Аксакова къ А. А. Гвоздеву.

Милостивый Государь

Александръ Александровичъ!

Принимая въ соображеніе, что письмо ко мнѣ, подобное письму Вашего Превосходительства отъ 12-го сего Февраля — могло быть писано только съ приказанія Его Сіятельства Графа Льва Алексѣевича, я не иначе могу себѣ объяснить это письмо, какъ желаніемъ Графа, чтобъ я оставилъ службу. Вслѣдствіе сего, я съ нынѣшнею же почтой представилъ Его Сіятельству просьбу объ отставкѣ.

Что же касается до возложенныхъ на меня порученій, то я обязуюсь окончить исполненіе оныхъ въ непродолжительномъ времени.

Его Сіятельству, Господину министру Внутреннихъ Дѣлъ

Графу Льву Алексѣевичу

Перовскому

Состоящаго при Министерствѣ

Надворнаго Совѣтника Аксакова

Рапортъ.

Вслѣдствіе неожиданныхъ, весьма важныхъ домашнихъ обстоятельствъ, лишаясь нынѣ возможности продолжать долѣе службу Его Императорскаго Величества, я имѣю честь представить при семъ Вашему Сіятельству просьбу мою на Высочайшее имя объ увольненіи меня отъ службы по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ.

Вмѣстѣ съ симъ долгомъ считаю присовокупить, что находясь нынѣ въ г. Ярославлѣ по возложеннымъ на меня порученіямъ, я предполагаю окончательно исполнить оныя въ непродолжительномъ времени.

№ 1318. 19 Февраля 1851 г.

Секретно.

Состоящему при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, Г. Надворному Совѣтнику Аксакову.

По докладу Господину Министру письма Вашего ко мнѣ, отъ *15 минувшаго Генваря*, Его Сіятельство изволилъ найти неудобнымъ отбытіе Ваше изъ Ярославля до окончательнаго разсмотрѣнія здѣсь того отчета, который будетъ представленъ Коллежскимъ Совѣтникомъ Графомъ Стенбокомъ о дѣйствіяхъ Слѣдственной Коммиссіи о бродягахъ и пристанодержателяхъ. За симъ о дозволеніи Вамъ прибыть въ отпускъ въ С.-Петербургъ я буду имѣть честь испросить разрѣшенія Его Сіятельства, Г. Министра, въ свое время.

Директоръ Гвоздевъ.

Начальникъ Отдѣленія Арсеньевъ.

№ 570. 11 Февраля 1851 г.

Письмо Начальника Отдѣленія Арсеньева къ И. С. Аксакову.

Не сѣтуйте, почтеннѣйшій Иванъ Сергѣевичъ, за отказъ въ отпускѣ; это мысль Графа; онъ не желаетъ оставить Ярославскую губернію безъ надежнаго надзора; но будьте совершенно увѣрены, что немедленно по пріѣздѣ Графа Стенбока—пошлемъ и Вамъ разрѣшеніе пріѣхать въ С.-Петербургъ. Дѣйствіями Вашими по дѣламъ раскольничьимъ здѣсь всѣ весьма довольны, слѣд. Вы можете и *должны* ожидать всего хорошаго.

Я надѣюсь, что Вы не принимаете моего давняго молчанія въ дурную сторону. Я далъ себѣ слово никогда (меня жестоко отучили) не писать къ людямъ, командируемымъ по ввѣреннымъ мнѣ дѣламъ, по предметамъ, касающимся порученій, на нихъ возлагаемыхъ, хотя бы эти люди были самыми близкими моими пріятелями. Вѣрьте, что я уважаю

Васъ искренно и всегда былъ и буду Вашимъ

преданнѣйшимъ слугою

Арсеньевъ.

13 Февраля 1851 г.

Письмо И. С. Аксакова къ А. А. Гвоздеву.

Милостивый Государь

Александръ Александровичъ!

Вынужденнымъ нахожусь вновь нарушить основное правило подчиненности, о которомъ Ваше Превосходительство упоминаетъ въ письмѣ ко мнѣ отъ 12 Февраля и войти въ разборъ полученнаго мною сего числа предписанія Департамента Общихъ Дѣлъ, отъ 11 Февраля, за № 570. Я считаю обязанностью своею объяснить Вашему Превосходительству слѣдующее:

1) Я вовсе не просилъ дозволенія прибыть *въ отпускъ*, а полагалъ необходимымъ быть вызваннымъ для личныхъ

объясненій по дѣламъ службы, и именно по дѣламъ Слѣдственной Коммиссіи. Эти объясненія я считалъ нужными для пользы службы, для облегченія самого Министерства въ разсмотрѣніи нашего отчета.

2) Главный предметъ изслѣдованій Коммиссіи—новая раскольническая секта. На этомъ основаніи Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ призналъ нужнымъ назначить меня Членомъ Коммиссіи, какъ человѣка, (такъ сказано въ предписаніи отъ 25 Іюля 1850 г. за № 3456) *«хорошо знакомаго съ сектаторскими дѣлами губерніи* и *возложить на обязанность мою преимущественно производство тѣхъ изысканій, кои относятся до раскола».* Вмѣстѣ съ симъ предписано мнѣ было о всѣхъ изысканіяхъ и открытіяхъ *доносить* Его Сіятельству въ подробности.

Стало быть Министерство полагало полезнымъ имѣть въ дѣлѣ раскола—мое участіе, мое мнѣніе, и, соображаясь съ этимъ, мы оба, съ Графомъ Стенбокомъ, думали представить отчетъ лично и вмѣстѣ, отъ имени обоихъ, дополнивъ оный личными объясненіями. Я вообразилъ, что если Министерство *признаетъ меня хорошо знакомымъ съ сектаторскими дѣлами губерніи, то и личныя объясненія мои въ этомъ дѣлѣ, можетъ быть, не совсѣмъ излишни,* — но я ошибся.

3) Такъ какъ въ предписаніи отъ 11 Февраля не объяснено мнѣ, въ чемъ состоитъ *«неудобство* отбытія моего изъ Ярославля до окончательнаго разсмотрѣнія въ Петербургѣ отчета, который будетъ представленъ Графомъ Стенбокомъ о дѣйствіяхъ Коммиссіи»,—то это обстоятельство и остается мнѣ совершенно непонятнымъ... Но я съ своей стороны долженъ объяснить, что Графъ Стенбокъ имѣетъ въ порученіи его еще ревизію Приказа Общественнаго Призрѣнія и Ярославской Городской Полиціи, и что окончательное разсмотрѣніе отчета, по важности, обширности и многосложности онаго, можетъ послѣдовать не только не въ скоромъ, но вѣроятно весьма въ продолжительномъ времени.

4) Съ своей же стороны я признаю неудобнымъ дальнѣйшее пребываніе *мое* въ г. Ярославлѣ, по фальшивому положенію, въ которомъ, уже почти два года, нахожусь я относительно здѣшняго Военнаго Губернатора, обязаннаго имѣть

за мною секретный полицейскій надзоръ, и по многимъ другимъ причинамъ, уже побудившимъ меня просить у Г. Министра *чистой отставки.*

Предписаніе же Департамента Общихъ Дѣлъ за № 570, съ отказомъ въ дозволеніи прибыть въ С.-Петербургъ, отказомъ, даже непоясненнымъ какими либо уважительными причинами (тѣмъ болѣе, что Ваше Превосходительство сами не изволили удостоить меня никакимъ отвѣтомъ на письмо отъ 15 Января), и такъ, предписаніе это еще сильнѣе утверждаетъ меня въ принятомъ мною намѣреніи... *Убѣдительно прошу Ваше Превосходительство исходатайствовать мнѣ скорѣе разрѣшеніе на мою просьбу объ оставкѣ,* тѣмъ болѣе, что занятія мои по Коммиссіи придутъ, въ непродолжительномъ времени, къ совершенному окончанію.

Чѣмъ скорѣе Ваше Превосходительство исходатайствуете мнѣ отставку, тѣмъ сильнѣе и *чувствительнѣе* обяжете

имѣющаго честь быть
Вашего Превосходительства
покорнѣйшимъ слугою.

И. А.

№ 1326, 22 Февраля 1851 г. г. Ярославль.

Письмо Ю. Ѳ. Самарина къ И. С. Аксакову.

(По поводу его прошенія объ отставкѣ).

27-го Февраля 1851 года.

Любезнѣйшій Иванъ Сергѣевичъ!

Съ крайнимъ удивленіемъ и прискорбіемъ узналъ я, что Вы подали рапортъ объ отставкѣ. Я не могу говорить съ Вами иначе, какъ совершенно откровенно,—признаюсь, я этого отъ Васъ не ожидалъ. Предшествовавшая переписка между Вами и Министерствомъ была мнѣ извѣстна, также

и послѣдняя бумага Гвоздевской редакціи. Я почувствовалъ на себѣ, что она могла оскорбить, но сообразивъ ее съ ходомъ дѣла, съ заведеннымъ у насъ изстари порядкомъ, по которому, когда по какому бы то ни было поводу отъ подчиненнаго требуются объясненія, послѣднее слово всегда должно оставаться за начальникомъ, и подчиненному дѣлается внушеніе даже въ томъ случаѣ, когда онъ окажется совершенно правымъ,—такъ, для завершенія дѣла, сообразивъ, что въ этомъ случаѣ совѣтъ былъ явно не серьезенъ,—я былъ увѣренъ, что послѣ первой минуты Вы приняли это дѣло, какъ личную, безъ сознанія сдѣланную Вамъ непріятность. Положа руку на сердце, можете ли Вы не признать, что дѣйствительно дѣло это таково? Можете ли Вы съ какой-нибудь стороны, безъ натяжки, прицѣпить его къ одному изъ тѣхъ общихъ началъ и убѣжденій, въ которыхъ уступки не допускаются? А если это личная непріятность, если нѣтъ вопроса о принципѣ, то хорошо ли Вы сдѣлали? Такъ по крайней мѣрѣ я думалъ; но по прочтеніи Вашего письма къ Министру дѣло стало для меня совершенно ясно. Расположеніе духа Вашего въ настоящую миниту отразилось въ немъ вполнѣ, и я вижу, что Вы написали рапортъ объ отставкѣ не вслѣдствіе послѣдней бумаги, а потому, что душа Ваша до края переполнена была горечью, а эта бумага послужила только поводомъ къ ея разлитію.—Я понимаю и сочувствую, можетъ быть, болѣе всякаго другаго душевной мукѣ, которую Вы терпите; но вспомните, что подъ вліяніемъ минутнаго случайнаго повода Вы опредѣлите свою будущность на много лѣтъ. Не стану утѣшать Васъ возможностью загладить дѣйствіе одной бумаги другою—къ чему Вамъ это? Не стану повторять Вамъ то, что говорятъ обыкновенно для удержанія на службѣ. Скажу Вамъ только по совѣсти, что Вашъ поступокъ мнѣ кажется необдуманнымъ, незрѣлымъ. Наконецъ, по праву давнишней связи съ Вами и съ Вашимъ семействомъ, прошу Васъ убѣдительно позволить мнѣ разорвать Вашъ рапортъ и прислать Вамъ клочки въ конвертѣ.—Поповъ, Оболенскій, Ханыковъ, братъ Вашъ—всѣ одного мнѣнія со мною. Искренно Васъ уважающій и любящій Юрій Самаринъ.

Я теперь въ Петербургѣ съ Генераломъ Бибиковымъ.

Отвѣтъ И. С. Аксакова Ю. Ѳ. Самарину.

Любезнѣйшій Юрій Ѳедоровичъ!

Отъ всей души благодарю Васъ за Ваше участіе и за совѣтъ Вашъ, который — мнѣ такъ хочется вѣрить — Вамъ дать было нелегко. Но письмо Ваше было отправлено до полученія Гвоздевымъ моего послѣдняго письма къ нему, а теперь, вѣроятно, сыръ-боръ загорѣлся и дѣло зашло уже слишкомъ далеко. Я усталъ душой и тѣломъ, болитъ душа моя отъ постоянныхъ нравственныхъ тисковъ, которымъ я такъ долго, такъ добровольно подвергался, которымъ я просто, съ какимъ-то отчаяннымъ усердіемъ, шелъ даже на встрѣчу — не ради служебныхъ выгодъ (я не имѣю ни жалованья, ни мѣста), но ради воображаемой вѣры въ администрацію, ради страстнаго желанія пользы. Лопала и лопаетъ эта вѣра на каждомъ шагу, пользы не вижу, кромѣ той мелкой и случайной, которую вездѣ и всюду приносить можно и для которой не стоитъ угнетать свою душу. Мнѣ нуженъ отдыхъ. Мнѣ въ немъ отказываютъ! Знали ли Вы, когда писали послѣднее письмо, что мнѣ отказали и въ дозволеніи прибыть изъ Ярославля въ Петербургъ по дѣламъ службы и просто въ отпускъ? Я два года здѣсь и не могу воспользоваться правомъ отпуска, который я хотѣлъ взять по окончаніи трудовъ Коммиссіи. Мнѣ отказываютъ, не объясняя даже почему и въ такихъ выраженіяхъ, которыя употреблены были мною для взяточника Исправника Любимова и взяточника Становаго Пристава (Коммиссія между прочимъ и объ нихъ производила слѣдствіе), — при обязаніи ихъ подпискою: «не выѣзжать изъ города впредь до окончательнаго разсмотрѣнія въ Петербургѣ всего дѣла.» А дѣло наше на 5000 листахъ, должно быть непремѣнно разсмотрѣно въ Министерствѣ, словомъ, протянется еще около года. — Все это, конечно, объясняетъ мою послѣднюю «выходку», какъ честятъ обыкновенно мои поступки, — но это еще не отвѣтъ на Ваше письмо. Не имѣю времени (я зарылся въ дѣло по горло, желая его скорѣе окончить) отвѣчать Вамъ пространнымъ разборомъ моихъ поступковъ и постараюсь какъ можно

болѣе сократить свой отвѣтъ. Я рѣшительно не согласенъ дозволить Вамъ разорвать мой рапортъ и прислать мнѣ клочки въ конвертѣ... Вы сами бы никогда этого не сдѣлали. Съ одной стороны нѣтъ достаточныхъ причинъ для такого поступка: что положу я на вѣсы? Пользу общественную? Я ей не довольно вѣрю. Частныя мои выгоды? Этого я въ разсчетъ никогда не принимаю и принимать не буду. Съ другой стороны—такимъ поступкомъ я теряю свою *позицію*. Для того, чтобы я могъ съ пользою дѣйствовать на службѣ, необходимо мнѣ уваженіе и нѣкоторый авторитетъ: и того и другаго я лишенъ, если поступлю такъ, какъ Вы совѣтуете. Я не хочу, чтобы отношенія ко мнѣ моего Начальства походили на общія казенныя отношенія; я хочу имѣть право на откровенное, живое слово. Возьмите всѣ мои бумаги, писанныя въ продолженіе девятилѣтней разнообразно—дѣятельной моей службы, возьмите всѣ мои рапорты и записки, писанные въ Министерство: о расколѣ и о другихъ предметахъ: вездѣ слышится искренній, а не оффиціально-лживый языкъ. По одному дѣлу о расколѣ мнѣ пришлось писать совершенно противъ мнѣнія, принятаго Министерствомъ... Во всемъ этомъ есть что-то для меня утѣшительно-честное, послѣ утомительныхъ, нерѣдко подлыхъ работъ служебныхъ. Я хочу, чтобы мнѣ можно было служить *по моему:* иначе я не могу. Если возможно возстановить *прежнія* отношенія, если Министръ подъ той или другой формой уничтожитъ дѣйствіе его оскорбительныхъ бумагъ и дастъ мнѣ длинный отпускъ, — я согласенъ остаться. Я не признаю за Министромъ права обижаться письмомъ моимъ.—Все это Вамъ покажется, можетъ быть, особенно среди Петербургской атмосферы и вѣрующихъ въ свою дѣятельность Петербургскихъ администраторовъ, большею частью благородно-подлыхъ, —смѣшно, дико, *незрѣло*... А со мною странное совершается: чѣмъ болѣе уходитъ моя молодость, чѣмъ дальше въ жизнь, чѣмъ зрѣлѣе становлюсь я,—тѣмъ сильнѣе и сильнѣе во мнѣ потребность говорить словомъ правды, тѣмъ живѣе чувствую я въ себѣ возможность *неблагоразумныхъ, непрактическихъ*, но честныхъ поступковъ, тѣмъ гаже и гаже дѣлается для меня ложь оффиціальности, тѣмъ противнѣе самонадѣянная, довольная собою и игнорирую-

щая живую жизнь манія Администраціи. Но блаженъ всякъ вѣрующій во что бы то ни было! И Вамъ, какъ *служащему*, необходимѣе бывать въ Петербургѣ и подышать Ханыковымъ, чѣмъ Московскою вѣрою и Московскимъ безвѣріемъ!

И мы, трудясь, трудамъ своимъ не вѣримъ
И втайнѣ мы не вѣримъ ничему!

Вотъ два стиха изъ одного стихотворенія, написаннаго мною: они даютъ Вамъ понятіе о моемъ душевномъ строѣ.— Прощайте. Отъ души благодарю Васъ за дружбу и участіе: я вполнѣ имъ вѣрю, но прискорбно мнѣ знать, что Вы меня браните.—5-го Марта 1851 года. Ярославль.

Замѣчаніе Сергѣя Тимоѳеевича о письмѣ Ю. Ѳ. Самарина и отвѣтѣ Ивана Сергѣевича.

Марта 9-го, Пятница.

Письмецо твое, милый другъ Иванъ, отъ 5-го Марта, съ приложеніемъ подлиннаго письма Самарина и копіи съ твоего отвѣта, мною вчера получено. Я писалъ къ тебѣ въ прошедшій Вторникъ и давно уже пишу аккуратно по два раза въ недѣлю. Ничего новаго тебѣ сообщить не имѣю: у насъ все попрежнему, а изъ Петербурга послѣ 1-го Марта писемъ нѣтъ. Безъ сомнѣнія, тамъ происходятъ такого рода обстоятельства по твоему дѣлу, о которыхъ увѣдомлять меня, до окончательнаго ихъ рѣшенія, не хотятъ. Но сегодня долженъ я непремѣнно получить письмо отъ добрѣйшаго и милѣйшаго изъ смертныхъ: если можно, то конечно онъ напишетъ правду. Бѣдному Гришѣ, можетъ быть, и не до того. Совершенно постороннимъ образомъ дошелъ до меня слухъ, что тебя назначаютъ въ Костромскую слѣдственную коммиссію. Впрочемъ, это назначеніе, вѣроятно, было сдѣлано еще до полученія твоего послѣдняго письма къ Гвоздеву: если оно будетъ объявлено оффиціально, то дѣла примутъ другой оборотъ. Я не стану ничего говорить съ тобой о письмѣ Самарина и твоемъ отвѣтѣ: это безполезное водотолченіе, да и ты находишься въ такомъ состояніи духа, что неспособенъ

къ принятію самой очевидной истины, если она несогласна съ твоимъ настоящимъ взглядомъ и пониманьемъ дѣла. Скажу тебѣ только одно: предположи, что все твое семейство и всѣ твои друзья и пріятели совершенно согласны со всѣми твоими убѣжденіями и принимаютъ безусловно всѣ твои тезисы. Что же намъ остается желать? разумѣется одного: чтобъ ты вышелъ въ отставку, не правда ли? такъ пойми же ты, хотя на одну минуту, что ты употребляешь всѣ средства, чтобъ оставаться на службѣ и оставаться самымъ непріятнымъ образомъ. Я не могу думать, чтобъ ты дошелъ до послѣдней крайности и забылъ русскую пословицу, что противъ рожна прать нельзя. — Мать говѣетъ и сегодня будетъ исповѣдываться; конечно она любитъ тебя больше, чѣмъ я; но теплая вѣра, покуда помогаетъ ей переносить твое тяжелое положеніе съ бóльшимъ спокойствіемъ, чѣмъ мнѣ мой ненадежный якорь разума. Смотри, не доведи насъ до ужасной крайности: ожидать можно всего. Крѣпко тебя обнимаю и благословляю.

Между бумагами, относящимися къ перепискѣ о „Бродягѣ“, нашлось еще нижеприведенное письмо Ивана Сергѣевича къ Министру В. Д. Графу Перовскому. Это письмо безъ означенія числа и съ отмѣткой: *непослано*—было, вѣроятно, написано черезъ годъ или два послѣ выхода Ивана Сергѣевича въ отставку. Мы помѣщаемъ его здѣсь потому, что оно служитъ полнымъ выраженіемъ идеальнаго взгляда Ивана Сергѣевича на службу въ то время, когда въ Россіи кромѣ казенной службы не имѣлось никакой общественной дѣятельности, и личныхъ чувствъ его къ бывшему его начальнику графу Л. А. Перовскому—чувствъ полнаго и искренняго уваженія—не смотря на прискорбный эпизодъ о „Бродягѣ“, который Иванъ Сергѣевичъ и впослѣдствіи относилъ гораздо больше къ духу тогдашняго времени въ административныхъ сферахъ, чѣмъ лично къ графу Перовскому.

Милостивый Государь

Графъ Левъ Алексѣевичъ!

Страннымъ, можетъ быть, покажется Вашему Сіятельству, что послѣ выхода моего въ отставку въ 1851 г., я рѣшился теперь утруждать Васъ письмомъ своимъ... Позвольте, Графъ, объяснить Вамъ откровенно всѣ причины такого поступка.

Человѣку съ характеромъ живымъ, съ привычкою и потребностью дѣятельности общественной, съ нелюбовью къ помѣщичьему званію—трудно у насъ въ Россіи оставаться безъ службы. Я нахожусь теперь именно въ этомъ положеніи, въ которое впрочемъ поставилъ себя добровольно: съ одной стороны неумѣстная запальчивость была причиной моей отставки; съ другой—мысль о силѣ всякой неправды въ нашемъ современномъ быту, о безуспѣшности честной съ нею борьбы, о совершенномъ противорѣчіи административнаго формализма съ самобытными началами русской жизни; наконецъ рядъ глубокихъ оскорбленій, происходившихъ отъ столкновенія служебныхъ обязанностей съ нравственными убѣжденіями,—все это поколебало во мнѣ вѣрованіе въ пользу моего труда, раздражило характеръ и содѣйствовало выходу моему изъ Министерства.

Но оставивъ службу, я увидалъ себя въ положеніи, еще болѣе непріятномъ: во первыхъ, мнѣ приходилось жить на чужой счетъ, т. е. на счетъ своихъ крестьянъ; во вторыхъ—при настоящихъ обстоятельствахъ общественная дѣятельность въ литературѣ оказывается невозможною; въ третьихъ—призванія къ чисто отвлеченнымъ ученымъ трудамъ я въ себѣ не слышу, да и не могу оторваться отъ настоящаго для прошедшаго, отъ живой дѣйствительности для области отвлеченной; въ четвертыхъ—ни помѣщикомъ хозяиномъ, ни спекуляторомъ быть не могу. Я долженъ былъ сознаться, что какъ ни безуспѣшна кажется борьба съ современною неправдою, тѣмъ не менѣе обязанъ честный человѣкъ нести подвигъ борьбы до послѣдней крайности; я долженъ былъ согласиться, что недостатки административнаго формализма могутъ отчасти восполняться личностью самого чиновника въ соприкосновеніяхъ его съ дѣйствительностью; что служащему открывается способъ приносить пользу обществу уже тѣмъ, что изучая живыя стороны народнаго быта (съ которыми ничто не даетъ столько столкновеній, какъ служба), онъ можетъ ограждать ихъ самостоятельность—вѣрными объясненіями и ходатайствомъ за нихъ предъ административною властью; что наконецъ замѣняя собою на службѣ взяточника, или бездушнаго чиновника, онъ въ состояніи сдѣлать частнаго добра въ тысячу разъ болѣе, нежели внѣ службы.

Я не измѣнилъ своихъ нравственныхъ убѣжденій, но думаю, что въ сферѣ служебной есть много такихъ отраслей дѣятельности, которыя даютъ возможность избѣжать противорѣчія обязанностей службы съ обязанностями внутренней правды, чиновника съ человѣкомъ.

Графъ, служилъ я и хочу служить—и *право* это не напыщенныя фразы: мнѣ даже и повторять это совѣстно—не ради наградъ и честолюбія, но во имя правды, добра, пользы общественной. Это сильное требованіе души, это глубокое сознаніе своихъ побужденій лишали меня возможности смотрѣть на службу равнодушно, какъ на привычное ремесло,—заставляли меня принимать къ сердцу каждый трудъ и дѣлать изъ него свое личное дѣло,—сообщили наконецъ словамъ моимъ колоритъ искренности и независимости, странной, конечно, въ чиновничьемъ мірѣ. Но Вы, Графъ, Вы, *какъ человѣкъ благородный* —Вы поймете меня и повѣрите мнѣ... *Я хочу* имѣть въ службѣ возможность сохранить подъ чиновническимъ мундиромъ человѣка честнаго (въ обширномъ смыслѣ этого слова); *хочу* имѣть начальника, способнаго понять и уважить это требованіе (а потому и обращаюсь къ Вамъ); хочу пользоваться правомъ говорить правду, безъ лести разумѣется, но и безъ рѣзкости и запальчивости (въ чемъ, по совѣсти, не могу не сознавать себя виновнымъ); желаю наконецъ имѣть средства существованія не по званію помѣщика.

Вотъ мое откровенное объясненіе, съ которымъ—*Вы согласитесь*,—можно обратиться—*только къ человѣку, вполнѣ уважаемому*. Если это объясненіе, въ которомъ нѣтъ ни одного пустаго слова, открываетъ для меня возможность службы, то я готовъ подъ начальствомъ Вашимъ, Графъ, снова принесть на службу и всѣ способности, какія только имѣю, и привычку дѣятельности и всю горячность труда.

Впрочемъ, какъ бы ни было принято это письмо, я всегда сохраню къ Вамъ, Графъ, чувства искреннѣйшаго уваженія, съ которыми и имѣю честь быть

Вашего Сіятельства

покорнѣшимъ слугою

Ив. Аксаковъ.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строк.*	*Напечатано:*	*Слѣд. читать:*
25	3 снизу	отъ нѣкоторыхъ выраженіяхъ	отъ нѣкоторыхъ выраженій
26	5 сверху	и ея поблеклую зелень.	и ея поблеклая зелень.
36	4 снизу	свои училище,	свое училище,
60	3 —	по котороту	по которому
89	16 —	мы только дѣлаетъ	мы только дѣлаемъ
121	5 сверху	Вы пишите, что	Вы пишете, что
131	9 —	Петебургъ.	Петербургъ.
139	7 —	Ко сожалѣнію,	Къ сожалѣнію,
141	8 снизу	я пе успѣлъ написать,	я не успѣлъ написать,
146	6 —	онъ и Константинъ	онъ и Константинъ
154	9 —	коренные начала его быта, неразрывные	коренныя начала его быта, неразрывныя
159	13 —	Франкфутское	Франкуртское
161	8 сверху	удовольсвія.	удовольствія.
200	вверху	— 202 —	— 200 —
216	15 сверху	необходимо разрушиться	необходимо разрѣшиться
217	1 снизу	часъ съ четверью".	часъ съ четвертью".
221	14 сверху	обшества,	общества,
223	1 снизу	убѣжненіемъ,	убѣжденіемъ,
233	4 —	ее теремъ,	теремъ,
238	8 —	смерстью)	смертью)
257	13 сверху	съ направленіемъ общинъ	съ направленіемъ общимъ
272	1 снизу	собственна своя	собственная своя
273	13 —	что за картина природы	что за картины природы
275	5 —	первическій напряженности	первической напряженности
276	16 —	Кассовича,	Коссовича,
293	10 сверху	дан отложите	да и отложите
299	25 —	ливокъ;	лавокъ;
361	7 снизу	на цѣнѣ,	на сценѣ,
362	17 —	написаные.	написанные.
378	12 —	изъ современой	изъ современной

ПРИЛОЖЕНІЕ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

Ивана Сергѣевича Аксакова

за 1848—1851 годы.

БРОДЯГА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Глава первая.

Побѣгъ.

I.

Сіялъ, безоблаченъ, сводъ неба голубой,
На полдень солнце становилось.
Ни звуковъ, ни рѣчей: палитъ и пышетъ зной,
Все будто спитъ, иль притаилось;
Жара и тишина! Манитъ издалека
Безмолвный лѣсъ прохладной тѣнью;
Катилась медленно лѣнивая рѣка,
Послушна вѣчному стремленью!..
Крутаго берега бѣлѣется отвѣсъ,
Водами вешними обмытый;
На немъ село; за нимъ, подалѣ, виденъ лѣсъ;
Внизу копытами изрытый
Песокъ; вверхъ отъ рѣки ползутъ на косогоръ
Дорожекъ узкіе извивы,
А тамъ отлогій скатъ, за нимъ лежитъ просторъ,
И все луга, луга да нивы!..

Благопріятный день! крестьяне дорожатъ
Такими днями сѣнокоса,
И ни души въ селѣ! разбросаны лежатъ
Телѣги, снятыя колеса,

Да по плетню кой-гдѣ развѣшено бѣлье,
Подъ нимъ разостланы полотна;
Но тихо все кругомъ, и всякое жилье
Глядитъ такъ сонно, такъ дремотно!
Томитъ безвѣтріе. Лучъ солнца на пескѣ
Такъ горячо, такъ ярко блещетъ...
Лишь изрѣдка порой послышится въ рѣкѣ,
Какъ будто кто, купаясь, плещетъ!..

Запѣлъ пѣтухъ, другой. Окрестныхъ деревень
Поочередно, другъ за другомъ,
Пропѣли пѣвуны. На половинѣ день,
Пора труды смѣнять досугомъ!...

Да вотъ они! Изъ-за холмовъ
Несутся глухо гулъ и ропотъ,
И слышенъ въ полѣ дружный топотъ
Подъ ладъ ступающихъ шаговъ.
Домой косцы спѣшатъ соборомъ
И, пѣсню подхвативши хоромъ,
Поютъ:

«Ивушка, ивушка, зеленая моя,
«Что же ты, ивушка, не зелена стоишь,
«Или те, ивушка, солнышкомъ печетъ!
«Солнышкомъ печетъ, частымъ дождичкомъ сѣчетъ,
«Подъ корешокъ ключева вода течетъ!...»

Тянулся долго звукъ послѣдній
И стихъ. Слышні́е голоса
И говоръ стали; вотъ коса
Сверкнула вдругъ изъ-за сосѣдней
Опушки лѣса; двѣ.... три.... пять....
Всѣ.... пѣсня грянула опять!

«Ѣхали бояре изъ Нова-города:
«Срубили ивушку подъ самый корешокъ,
«Стали они ивушку потесывати,
«Сдѣлали изъ ивушки два весла,
«Два весла, третью лодочку;
«Сѣли въ лодочку, поѣхали домой,
«Взяли, подхватили красну дѣвицу съ собой!...»

Слетѣла съ шумомъ стая птицъ,
Все ожило. Косцы отрядомъ
Идутъ; съ ихъ загорѣлыхъ лицъ
Обильный потъ катится градомъ;
Но вотъ у самаго села
Вдругъ пѣсня дружно замерла.
Кричатъ мальчишки: «наши, вота!»
Собачій лай, скрипятъ ворота,
И всякъ торопится домой
Къ избѣ утоптанной тропой!

II.

Всѣ по домамъ. Обѣдаетъ село.
Но простъ обѣдъ и длится понемногу,
И скоро, вставъ и помолясь Богу,
Усталые заснули тяжело.
Не спалъ одинъ. Забившись въ клѣть пустую,
Лежалъ да думалъ парень молодой...
Объ немъ-то вамъ я нынѣ повѣствую,
Объ немъ разсказъ правдивый и простой.
Что жъ онъ, каковъ? Лицомъ не очень смуглый,
Ростъ семь вершковъ и подбородокъ круглый,
Носъ невеликъ; особенныхъ примѣтъ
Не указалъ бы паспортный билетъ.
Темноволосъ; лѣтъ 20; худъ немножко,
Матвѣевъ сынъ и звать его Алешка!...

Но парень былъ онъ знатный, хоть куда,
И пѣсни пѣть любилъ на хороводахъ,
Сказать словцо веселое на сходахъ,
И съ дѣвками шутить... Да вотъ бѣда:
Къ крестьянской онъ не прилегалъ работѣ,
На барщинѣ гнела его тоска:
Не такъ ему, на волѣ, по охотѣ
Желалося добыть себѣ куска!
Хоть дома жилъ онъ тихо и нессорно,
Да все не то, все какъ то не просторно;
А за селомъ, куда ни взглянетъ взоръ,
Какая даль, какой лежитъ просторъ!

И онъ любилъ — народною молвою —
Знакомиться съ далекою Москвою...

«Вѣдь вотъ же мнѣ — онъ говорилъ тайкомъ —
«Не привелось родиться ямщикомъ!
«Чего здѣсь ждать? кого? какого чорта?...»
И онъ ходилъ просить себѣ паспорта!
Нѣтъ, говорятъ, ты лишнее тягло,
Женись, пора! Вишь ждетъ тебя Аксютка...
Бурмистръ упрямъ. Какъ быть? плохая шутка!...
И темное въ немъ чувство залегло!...

Что жъ думалъ онъ, о чемъ? О томъ, что на̀ ночь
Ему, вечоръ, сосѣдъ — хромой Степанычъ
Разсказывалъ про подвиги свои:
Онъ «въ склонности къ побѣгамъ былъ замѣченъ»,
Иль, по-просту, онъ бѣгалъ раза три,
Былъ всякій разъ за это много сѣченъ
И наконецъ вернулся изувѣченъ,
Всегда на спросъ отвѣтствуя судей:
«Зачѣмъ бѣжалъ?...»
— «По глупости своей!»

Но самъ бѣжать Алешка не хотѣлъ.
«Нѣтъ — думалъ онъ — бѣжать изъ дому стыдно
«И не съ чего... Хоть иногда обидно
«Бываетъ намъ, да ужъ таковъ удѣлъ!
«Оно, конечно, въ пятницу намедни
«Бурмистръ Корнилъ грозилъ мнѣ: «выкинь бредни!
«   «Эй не дури, ты благо не женатъ,
«   «Забрѣю лобъ, и будешь ты солдатъ!»

«Да смирно жить, такъ гнать не станутъ больно,
«А здѣсь отецъ старикъ... И то сказать,
«Давно Господь прибралъ старушку мать,
«А у отца насъ безъ того довольно...
«Добро бъ еще съ Парашкой подъ вѣнецъ!..
«Эхъ хороша! да скупъ ея отецъ!...»

Съ Парашкою? такъ вотъ еще причина!
У молодца другая есть кручина?...
Что грѣхъ таить! Была зазноба!
Одинъ ли онъ, иль, можетъ, оба,
Но вѣрно то, что всякій разъ,
Когда они сходились вмѣстѣ,
Ему все мнится о невѣстѣ,
Она съ него не сводитъ глазъ.

Бывало, въ праздникъ подъ навѣсы
Присядутъ дѣвки на скамьи —
Кругомъ ихъ парни и повѣсы
Одной деревни и семьи;
И тутъ-то къ слову, прибауткой,
Она его задѣнетъ шуткой,
И долго, долго ходитъ смѣхъ,
И онъ доволенъ пуще всѣхъ!
И не насмотрится, бывало,
Да и сама Параша знала,
Что благость къ ней Господь явилъ,
Ее красой благословилъ!...

За то Алешку и досада
Брала, угрюмая, не разъ.
Въ Парашѣ былъ ему отказъ;
Что жъ, думалъ онъ, чего мнѣ надо?
Что жъ даромъ я крушу себя?
Зачѣмъ, куда суюсь безъ спросу?...
Не насмотрюсь на эту косу,
Не налюбуюсь на тебя,
На поступь ли твою павлину,
На грудь, на шею лебедину,
Да что́ меня съ ума свели,
На очи бодрыя твои!..

Но вотъ ужъ все въ глазахъ мѣшаться стало:
Парашка, клѣть, Степанычъ и Корнилъ,
Дрема́ сильнѣй и крѣпче налегала,
И сонъ его тяжелый полонилъ.

III.

Жаръ свалилъ. Повѣяла прохлада.
Длинный день покончилъ рядъ заботъ;
По дворамъ давно загнали стадо,
И косцы вернулися съ работъ.
Потемнѣть заря уже готова;
Тихо все. Часъ ночи недалекъ.
Подымался и улегся снова
На закатѣ легкій вѣтерокъ!...
Говоръ смолкъ: лишь изрѣдка собачій
Слышенъ лай; промолвятъ голоса...

Пыль слеглась; остылъ песокъ горячій,
Пала сильно на́ землю роса:
По краямъ темнѣющаго свода
Тѣни всѣ, широкія, слились:
Встрѣтить ночь готовится природа;
Запахи отвсюду понеслись.
Въ тишинѣ жизнь новая творится:
Зрячею проснулася сова,
И встаетъ, и будто шевелится,
И растетъ, и шепчется трава!..

Гдѣ жъ крестьяне? День работавъ бодро,
Всѣ теперь за ужиномъ они:
Толкъ идетъ, чтобъ устояло ведро,
Чтобъ еще продлились эти дни!
Нѣтъ, ужъ дождь ихъ къ утру не разбудитъ,
Облака давно сбѣжали прочь!...
Что за вечеръ!... И какая будетъ
Теплая и мѣсячная ночь!

IV.

Всходила ль луна на просторъ голубой,
Блистали ли звѣзды ночною порой,
И свѣтъ серебристый на холмы и на долъ,
На избы и клѣти, на улицу падалъ, —
Деревня нескоро уляжется спать,
И старый и малый выходятъ гулять!
На небо, на звѣзды, на мѣсяцъ полно́чи
Безъ устали смотрятъ, любуются очи,
И ставъ на дорогѣ веселой толпой,
Ведетъ хороводы народъ молодой.
При мѣсячномъ блескѣ смѣнлются лица,
За дѣвицей парень, за парнемъ дѣвица,
И пѣсни поются почти до утра,
А съ утромъ работы настанетъ пора!..

Гдѣ жъ парень уда́лый, Алешка повѣса? —
Поодаль, на лавкѣ, подъ сѣнью навѣса,
Щекой прислонившись къ рукѣ, онъ сидѣлъ
И долгія, долгія пѣсни онъ пѣлъ...
Онъ пѣлъ про тоску, про злодѣйку кручину,
Про молодцовъ добрыхъ, лучину-лучину,
Про бѣлые снѣги, про темную ночь,

Про дѣвицу-душу, отецкую дочь.
Онъ пѣлъ про село, про знакомое горе,
Про дальнюю степь, незнакомое море,
Про Волгу-раздолье, бурлацкій привалъ...
И безъ-вѣсти къ утру Алешка пропалъ!...

V *).

Пошелъ бродить Алешка по полямъ,
По рвамъ, лѣсамъ, да по глуши безвѣстной.
Свободенъ онъ, себѣ не вѣритъ самъ...
Вездѣ просторъ подъ твердію небесной!
И полонъ весь отваги молодой,
Безъ устали, безъ мыслей, безъ оглядки
Онъ долго шелъ, покуда стихъ душой, —
И въ голову полѣзли чередой,
На зло ему, и мысли и догадки:
И честно ли, къ добру ль иль не къ добру?
Что скажутъ *тамъ*, какъ встанутъ поутру?..

Подумалъ онъ: что жъ, развѣ я иду
На промыселъ лихой, какъ душегубецъ?
Не тать же я, не воръ, не празднолюбецъ,
Не отъ труда, а къ новому труду!
На честный трудъ, на вольное терпѣнье!
Себя я самъ работой прокормлю...
Эхъ, Господи! храни мою семью,
Будь въ помощь мнѣ, прости мнѣ прегрѣшенье!..
И отъ души какъ будто отлегло.
Оборотясь, взглянулъ онъ на село
(Въ ту сторону: его не видно было,
Его давно ужъ темью обложило);
Перекрестясь, тихонько онъ вздохнулъ,
Мигъ постоялъ, потомъ рукой махнулъ,
И снова въ путь, куда тоска умчала,
Но тверже шагъ и крѣпче воля стала!

VI.

Впередъ къ межѣ, гдѣ сходятся уѣзды!
Впередъ, впередъ, пока хватаетъ мочь!

---

*) V, VI и VII строфы печатаются въ первый разъ по рукописи Ивана Сергѣевича, найденной послѣ его смерти.

Верстъ семь прошелъ—и закатились звѣзды,
Еще верста и побѣлѣла ночь!
Весь долъ притихъ. И облегла, пылая,
Полнеба вдругъ румяная заря,
И ожилъ долъ, отъ края и до края
Весь золотомъ и красками горя!
И тварью вмигъ наполнившись живучей,
Ужъ воздухъ весь сверкаетъ и жужжитъ,
И солнца лучъ, пока еще нежгучій,
Въ водѣ росы дробится и дрожитъ.
Проснулася, зарѣяла, запѣла
На всѣ лады пѣвучая семья;
Но дремлетъ лѣсъ: безъ вѣтра заалѣла
И стала днемъ недолгая заря!
Но вотъ и онъ: и закачавъ листамы,
Онъ пробѣжалъ шумящими струями,
И въ чащѣ смолкъ межъ листьевъ и вѣтвей,
И длинныя зашевелились тѣни...
И по тѣнямъ, ища привѣтной сѣни,
Шелъ, близъ деревъ, усталый Алексѣй.
Чѣмъ дальше въ даль, тѣмъ солнце было ярче,
Земля пыльнѣй и суше, воздухъ жарче.
Вотъ и межа! «Нѣтъ, надо отдохнуть!
Намаешься: вѣдь дологъ, длиненъ путь!»
Онъ влѣво взялъ: тамъ, межъ горы и лѣса,
Подъ сѣнію вѣтловаго навѣса,
Шумѣла рѣчка. Къ ней онъ поспѣшилъ,
Воды испить хотѣлось груди жадной.
И потъ и пыль обмыть въ струѣ прохладной, —
И весело онъ въ рѣчку соскочилъ!
Одѣлся вновь и помолясь на небо,
Онъ изъ мѣшка досталъ краюху хлѣба.

Куда жъ идти? Туда ль, гдѣ солнце всходитъ?
Туда ль бѣжать, куда оно заходитъ?
Передъ собой, съ краевъ и позади,
Вездѣ просторъ, куда ни погляди!
Гдѣ жъ лучше жить? Какъ тутъ обдумать здраво?
Губерніи налѣво и направо!
Въ какой изъ нихъ работы не найти?
Разскажутъ чай, кто встрѣтятся въ пути!
Хоть сторона и не совсѣмъ знакома
Все Русь да Русь, вездѣ ты будешь дома!

Позавтракавъ и помолясь Богу,
Сквозь сучья въ лѣсъ онъ проложилъ дорогу:
Ему бъ уснуть часочекъ или два!
Вотъ видитъ онъ: хорошая трава!
Какой травы, подумалъ онъ, не жалѣютъ!
Иль брезгаютъ? иль, можетъ, не умѣютъ?
Долой зипунъ! нагнулася она
Подъ ношею нелегкой зипуна.
Повисъ зипунъ, земли едва касаясь,
Но ближе къ ней и ближе наклоняясь,
И смялъ траву, прилегши Алексѣй;
Прижалъ зипунъ всей тяжестью своей,
И такъ заснулъ, что громъ его—увѣренъ!—
Не пронялъ бы!.. И спалъ онъ до вечеренъ.

VII.

Клонилось солнышко за гору,
Работа легче, жаръ слабѣй.
Кто спитъ теперь, объ эту пору?
Вставай, лѣнивецъ Алексѣй!

Крестьяне всѣ трудились нынѣ:
Ты въ полѣ не былъ, не пахалъ
Не побродилъ по десятинѣ,
Косой желѣзной не махалъ!

Такому парню не пристало
Лежать, коль бодрствуютъ отцы!
Что спишь? Иль ночи было мало?
Иль напролетъ душа гуляла
До бѣла утра съ молодцы?

Проснись, вставай, примись за дѣло!
Оставить нѣжбу не пора ль?
Иль будешь ждать, чтобъ солнце сѣло,
И дня пропадшаго не жаль?

Проснулся онъ, какъ будто спозаранку,
Глядитъ вокругъ; и видитъ Алексѣй
Травы исподъ, и влажную изнанку
Пушистыхъ листьевъ, корни стебелей.
Въ травѣ сверлитъ, чирикаетъ, стрекочетъ,

И возится,—и суетно хлопочетъ
Къ нему всползти на шею муравей.
И взоръ его въ травѣ невольно бродитъ,
Сквозь чащу въ даль зеленую уходитъ...
Распуталась, раздвинулась трава...
И видитъ: грибъ! приземистый и плотный,
Приросъ ко мху, здоровый и добротный,
Темнѣется, за нимъ другой и два!
Такъ, бѣлый грибъ! эхъ, тетушкѣ Матренѣ
Его бъ отнесть! Но къ тетушкѣ Матренѣ
Не близокъ свѣтъ!... И быстро онъ вспрыгнулъ...
Пора идти и къ цѣли путь направить;
Надѣлъ зипунъ и кудри отряхнулъ...
А что жъ грибы? нельзя же ихъ оставить!
И, завязавъ ихъ бережно въ платокъ,
Онъ зашагалъ и скоро былъ далекъ.

Отрывки изъ 2-й главы:

Бурмистръ.

I.

Корнилъ бурмистръ ругается,
Кузьма Петровъ ругается:
И шумъ и крикъ на улицѣ,—
Три дня прошло, Алешки нѣтъ,
Пропалъ Алешка бе́зъ-вѣсти.

Денечка три повыждали,
И нынче лишь, ранехонько,
Кузьма Петровичъ, староста,
Сказалъ о томъ Демьянычу.
Какъ взбѣсится Корнилъ бурмистръ,
Какъ замахалъ, задвигался!
Подай отца!.. Зовутъ отца.

Охъ, тошно было старому,
Не мало онъ кручинился;
Вѣщуетъ сердце старое,
Что не бывать ужъ свидѣнью,
Алешкѣ не ворочаться!

Его бранилъ, себя бранилъ,
Просилъ у Бога милости,
Чтобы простилъ онъ блудному,
Чтобъ вразумилъ безумнаго,
Не допустилъ бы глупаго
До худа непоправнаго!..

Матвѣй Лукичъ! Ступай—зовутъ!
Охъ, тошно горемычному!
Идти ему не хочется,
Отвѣтъ давать приходится,
Передъ людьми позориться,
А тутъ, гляди, на улицѣ
Какъ будто сходка цѣлая.
Плетутся другъ за дружкою,
Со всѣхъ концовъ сбираются,
Безъ зова созываются!..
Бабья-то сколько, Господи,
Туда жъ понатолкалося!...

Стоитъ себѣ Степанычъ тутъ,
На палку упирается,
Молчитъ и не промолвится;
Лишь борода шевелится,
Усъ только смѣхомъ дергаетъ!..
Смекнулъ хромой, да прежде всѣхъ,
Съ Алешкой что̀ подѣлалось,
Догадливъ былъ онъ нѐ спроста:
Его разсказы буйные
Мутили сердце мо́лодцу!

Вишь, и ее нелегкая
Туды жъ несетъ на сходбище:
Кузьмы Петрова, старосты,
Жена его, Пахомовна!
Какая баба тучная,
Какая баба сплетница,
Сварлива и назойлива:
Когда другой ругается,
Подругивать охотница!...

Пришелъ Матвѣй, пришелъ Лукичъ,
И слышитъ онъ укорныя

Себѣ слова позорныя:
Что сына онъ сберечь не могъ,
Не вразумлялъ терпѣнію;
Что міру провинился онъ,
Убавилъ имъ работника!
Такой сякой и ты и сынъ!...
Бурмистръ Корнилъ ругается,
Кузьма Петровъ ругается,
А тутъ же и Пахомовна!

Не выдержалъ Матвѣй Лукичъ,
Вдругъ на нее накинулся:
«Молчи ты, вѣдьма старая,
«Вишь, отощала, постница!»
И гулъ пронесся хохота,
Смѣются всѣ надъ бабою,
Надъ бабою Пахомовной!

Махнулъ рукой бурмистръ Корнилъ,
За земскимъ шлетъ онъ старосту,
Велитъ писать скорехонько
Въ судъ земскій объявленіе.
Крестьяне всѣ расходятся,
Да жаль имъ стало бѣднаго
Отца Алешки стараго:
«Что, старичекъ, кручинишься,
«Грѣшна тоска предъ Господомъ;
«Далъ крестъ тебѣ Онъ на̀ плечи —
«Неси его съ терпѣніемъ!»

Стоятъ ребята кучками,
Алешку вспоминаючи,
Плетутся толки разные,
Жалѣютъ парни молодца,
А больше парней—дѣвицы,
Но больше ихъ и больше всѣхъ
Одна крушится дѣвица...

II. *).

Что, Парашка, молвишь?
Что? Пропалъ да сгинулъ!

---

*) Вторая пѣсня печатается въ первый разъ.

Знать, любилъ не крѣпко,
Коль тебя покинулъ!

Что цвѣтокъ весеній
Блекнетъ, опадаетъ,
Плачетъ дѣвка, сохнетъ,
Краса увядаетъ!

День-деньской въ работѣ;
Подъ вечеръ, убравшись,
Сядешь подъ навѣсомъ,
Локоткомъ подпершись.

Локоткомъ подпершись,
Смотришь на дорогу...
Подымаетъ сердце
Старую тревогу!

Пѣсню ли затянешь?
Не поется пѣсня!
Прежнее вспомянешь?
Хорошо жилося!

Пѣсню ли затянешь —
Онъ ужъ тутъ, приходитъ,
Парней созываетъ,
Хороводъ заводитъ!

Кто статнѣе станомъ?
Ростомъ кто повыше?
Чей громчѣе голосъ
Слышенъ въ хороводѣ?

Подъ окошкомъ близко,
На пути широкомъ,
Не пройдетъ, какъ прежде,
Будто ненарокомъ!

Въ церковь ли бывало....
Гдѣ жъ онъ, горемычный,
Силу молодую
По пустому тратитъ?

Иль своя, знать, дома
Надоѣла доля,

Стосковалось сердце,
Расходилась воля!

Голодъ, чай, и стужу
Терпитъ онъ нерѣдко,
Теплой нѣтъ одежи,
Денегъ ни полушки!

И тулупъ овчинный,
Говорятъ, оставилъ!
Что жъ онъ насъ морочилъ,
Тѣшилъ, да забавилъ!...

Вѣдаютъ подружки
Грусть твою дѣвичью,
Не затронутъ горя
Смѣхомъ по обычью.

Думаютъ: пусть плачетъ,
Друга памятуетъ;
Думаютъ: не вѣкъ же
Дѣвка протоскуетъ!

И гадаютъ правду,
Правду о Парашѣ:
Зацвѣтешь съ весною
Ты пышнѣй и краше!

За мужъ, съ мясоѣдомъ,
Много васъ повыйдетъ!
Жениховъ не мало,
Избирай любова;

Матушкиной просьбой,
Батюшкиной волей,
Ты съ своею горькой
Распростишься долей!

III.

Проворенъ земскій: написавъ прошенье,
Понесъ его начальству на прочтенье.
«Написано? сказалъ бурмистръ: ну чтожъ?»
—«Сего числа и мѣсяца и года,
«Ананьина села, Хохлово тожъ,

«Крестьянскій сынъ Матвѣевъ Алексѣй,
«Примѣтъ такихъ, не учинивъ законно—
«Противнаго, до солнечнаго восхода,
«Въ ночь учинивъ побѣгъ, притомъ вещей,
«Кромѣ одежи собственной своей,
«Не сдѣлавъ спосу; гдѣжъ онъ — неизвѣстно.
«О чемъ прошу сей Земскій судъ покорно
«Сіе мое прошенье благосклонно
«Принять, мнѣ копію съ него вручивъ,
«Порядкомъ надлежащимъ закрѣпивъ.»
—«Ну вотъ и все!»
—«И дѣльно и проворно.»
—«Да чтожъ, Корнилъ Демьянычъ, не впервой!—
Отвѣтилъ земскій: трудимся посильно!»
Доволенъ онъ Корнильевой хвалой
И пальцы третъ кафтанною полой,
Чернилами испачканные сильно.
Готова лошадь. Въ земскій судъ Корнилъ
Рѣшился самъ поѣхать съ объявленьемъ,
Да на базаръ къ купцу и съ порученьемъ...
Въ телѣгу сѣлъ и пылью запылилъ!

Верстъ тридцать пять, не больше, отъ Хохлова
До ближняго лежало городка;
Объ немъ теперь я не потрачу слова;
Онъ былъ какъ всѣ: гора, оврагъ, рѣка,
Заставы нѣтъ, стѣна не облегала,
Не видно въ немъ конца или начала!...
Но издали, казалось, на горѣ,
Такъ тѣсно въ немъ дома, сады и кровли
Толпилися, пріютно для торговли,
И въ ясный день, при солнечной игрѣ
Кресты церквей горѣли и сверкали...
Но въ городѣ всѣ врозь они стояли:
Вездѣ пустырь и вдоль его заборъ;
Въ срединѣ—площадь, будка и соборъ,
И подлѣ—домъ,—въ замѣнъ другой огласки—
Въ два яруса, извѣстной желтой краски!

Тотъ городъ былъ не старый и не новый:
А такъ себѣ. Вотъ въѣхалъ: видитъ онъ:
Былъ гдѣ-то въ церкви праздникъ; идутъ вонъ,
И все народъ служилый и торговый!

Вотъ, ускользнувъ отъ скуки дѣловой,
Въ ущербъ казнѣ и службѣ въ проволочку,
Попа Кузьмы хорошенькую дочку
Слѣдитъ въ толпѣ приказный молодой!...

Приходитъ въ судъ. На лѣстницѣ, въ передней,
Толпа крестьянъ, крестьянокъ и дѣтей;
Кто такъ стоитъ, кто тутъ же, безъ затѣй,
Обѣдаетъ. Вотъ волости сосѣдней
Знакомые изъ ближняго села,—
А въ комнатѣ растворенные шкапы,
Столы, писцы, кругомъ бумагъ охапы,
Бумагъ, бумагъ, бумагамъ нѣтъ числа!...

Его зовутъ. Чрезъ комнату проходитъ.
Чиновный людъ глазами косо водитъ,
Едва взглянулъ письмоводитель самъ,
Макаръ Ѳомичъ. Бурмистръ въ другую. Тамъ
Въ усахъ, дородный, нѣкогда военный,
Теперь въ судѣ,—начальникъ преотмѣнный,
Подписывалъ бумаги за столомъ;
Онъ хорошо съ бурмистромъ былъ знакомъ:
«А, старый плутъ! здорово, что такое?»
—«Да ничего-съ, прошеньице пустое»....
«Давай, давай, посмотримъ!... что, бѣжалъ?...
«Эхъ дурачье! Вѣдь хуже будетъ имъ же!»
И взявъ перо, онъ твердо написалъ
Годъ, мѣсяцъ, день, и съ боку: «къ таковымъ же!»
«Ну, братъ Корнилъ! измученъ, чортъ возьми!
«Ну вѣришь ли, день цѣлый за работой,
«Все самъ, вездѣ, свой глазъ, своей заботой!
«Бѣда, бѣда мнѣ съ этими людьми,
«Какъ разъ подъ судъ, коль не мое умѣнье!...
«Макаръ Ѳомичъ!... Вотъ на тебѣ прошенье,
«А книга, чай, гдѣ вписывать, пуста?»....
— «Пуста.»
— «Ну такъ! А явочныхъ-то много?
Штукъ десять есть?»
— «Да будетъ и пол-ста.»

— «Ну вотъ, прошу!... Приказываю строго,
«Чтобъ все сей-часъ внести и записать,
«Чтобъ былъ во всемъ, какъ слѣдуетъ, порядокъ!...
«Ну видишь самъ: ни шагу безъ оглядокъ!»...

Макаръ Ѳомичъ оставилъ ихъ опять.

«Что, Ваша милость, скоро ль къ намъ въ Хохлово?» —
— «Да скоро, братъ, проѣздомъ изъ Соснова:
«Дня черезъ три туда отправлюсь самъ,
«А отъ тебя къ Сычевскимъ господамъ;
«Хоть и не радъ: не больно хлѣбосольны!...
— «Что такъ? Мы вашей милостью довольны...» —
— «Ты говори!... Да тамъ, отъ нихъ верста,
«Въ лѣсу нашли израненное тѣло:
«Убили, знать, какого-то скота,
«Сынъ—жалобу, и завязалось дѣло!
«Ну, здѣсь тебя держать я не хочу....
«Что тамъ у васъ, не жнутъ?»
— «Покуда косимъ.»

— «Такъ свидимся, прощай!...»
— «Прощенья просимъ!...»
Бурмистръ тотчасъ къ Макару Ѳомичу:
«Макаръ Ѳомичъ! Что, справиться нельзя ли
«О купленномъ мной лѣсѣ воровскомъ?...»
— «Обдѣлано.... списали и послали;
«Ко мнѣ ступай, я самъ приду потомъ.»
— «Иду, иду!..»

Доволенъ нашъ проситель;
Вновь за перо взялся письмоводитель:
Пошла писать! Такъ и строчитъ слова!...
Ну, мастеръ былъ, дѣлецъ и голова!

Отрывки изъ 3-й главы:

Шоссе.

I.

Прямая дорога, большая дорога!
Простору не мало взяла ты у Бога,
Ты вдаль протянулась, пряма, какъ стрѣла,
Широкою гладью, что скатерть, легла!
Ты камнемъ убита, жестка для копыта,
Ты мѣрена мѣрой, трудами добыта!...
Въ тебѣ что ни шагъ, то мужикъ работàлъ:

Прорѣзывалъ горы, мосты настилалъ;
Все дружною силой и съ пѣснями взято,—
Вколачивалъ молотъ и рыла лопата;
И дебри топоръ вѣковыя просѣкъ...
Куда какъ упоренъ въ трудѣ человѣкъ!
Чего онъ не сможетъ, лишь было бъ терпѣнье,
Да разумъ, да воля, да Божье хотѣнье!...

А съ каменкой рядомъ, поодаль немножко,
Окольная вьется, живая дорожка!
Дорожка, дорожка, куда ты ведешь,
Безъ званья ли ты, иль со званьемъ слывешь?
Идешь, колесишь ты, не зная разбору,
По рвамъ и долинамъ, чрезъ рѣчку и гору!
Не много ты мѣста себѣ отняла:
Просторомъ телѣжнымъ легла, гдѣ могла!
Тебя не ровняли топоръ и лопата,
Мягка ты копыту и пылью богата,
И кочки мѣстами, и взрѣжетъ соха...
Грязна ты въ ненастье, а въ ведро суха;...

Но теперь, какъ солнца жгучій
Лучъ палитъ ужъ много дней,
Пыленъ твой песокъ, сыпучій
Неудобенъ для коней.

По большой дорогѣ знойно,
Тѣнь далекая, въ лѣсу
Хоть копыту непокойно,
Легче ѣхать колесу *).

Тихо; воздухъ безъ остуды
Душенъ, знойный. Листья спятъ.
По дорогѣ камней груды,
Раскаленныя, стоятъ:
Для того, чтобъ тѣмъ каменьемъ,
Раздробивъ его съ умѣньемъ,
Всю дорогу намостить,
И тяжелый, твердый щебень,
Засадивъ въ бока и въ гребень,
Гладью цѣльною сплотить!...

---

*) Эти 8 строкъ печатаются въ первый разъ.

Вотъ куда тебя отвага
Принесла на вольный трудъ:
Потаскушка, побродяга,
Ты опять, Алешка, тутъ!
Послѣ многихъ дней бродячихъ,
Пѣсни звонко поючи,—
На камняхъ засѣвъ горячихъ,
Подъ палящіе лучи,—
Снявъ зипунъ, его, какъ знамень,
Онъ раскинулъ на сучки,
Тяжкимъ камнемъ бьетъ о камень,
Молоткомъ дробитъ въ куски.
Вотъ съ огромнымъ, черезъ силы,
Камнемъ руки поднялись,
Посинѣвши, вздулись жилы,
Мышцы туго напряглись;
Тяжело приподнимаетъ...
И въ ногахъ держа другой,
Быстро внизъ къ нему спускаетъ,
Камни сшиблись, пыль взлетаетъ!...
Откололся край большой,
Свѣжій, полный искръ блестящихъ...
Такъ, по всей дорогѣ тамъ,
Было много работящихъ,
Колотившихъ по камнямъ!...

Вонъ столбъ на дорогѣ согнившій торчитъ.
Въ немъ выдолбленъ выемъ, тамъ образъ стоитъ.
И съ кружкой, въ надеждѣ на щедрую ревность,
Сидитъ у подножья убогая древность—
Старикъ, и, завидѣвъ пылящихъ вдали,
Сѣдую главу онъ склонялъ до земли,
Дрожащую руку протягивалъ тихо...
Посмотритъ: давно ужъ промчалися лихо!...

II.

Но какъ сюда Алешку принесло?
Каменья бить — его ли ремесло?
Прослышалъ онъ про цѣнную работу
(Красна цѣна! кого не заманитъ!);
Онъ въ Дылдино, къ подрядчику Ѳедоту:
„Вотъ такъ и такъ, желаю!“ говоритъ.

Ѳедотъ Кузьминъ, въ одной косовороткѣ...
(Пройдоха былъ! Дѣла большія велъ,
Снималъ кругомъ подряды въ околодкѣ,
Знакомъ былъ всѣмъ, въ пріятельство вошелъ
Съ сосѣдними дворянскими тузами,
Имъ угодитъ и самъ-то съ барышами!
Чуть взбѣсятся: онъ, боекъ и рѣчистъ,
Докажетъ вмигъ, что онъ и правъ и чистъ!
За то его, въ томъ мѣстѣ пресловутомъ,
Любили всѣ и *чествовали плутомъ.*
Хозяинъ къ нимъ изъ Нѣмцевъ наѣзжалъ:
Тотъ, всякій разъ, толкуя про работу,
За бороду подрядчика трепалъ
И съ милостью говаривалъ Ѳедоту:
„Ты плутъ, Ѳедотычъ! ..“ былъ же онъ Кузьминъ!)

Такъ у воротъ, на лавочкѣ одинъ,
Скончавъ обѣдъ, досужною порою
Ѳедотъ сидѣлъ съ открытой головой
И дочку онъ въ рукахъ своихъ держалъ,
И ласки пѣлъ дѣвченкѣ-замарашкѣ,
Самъ въ плисовыхъ и въ ситцевой рубашкѣ...
И тутъ его бродяга нашъ засталъ.
„Эхъ, молодъ ты! не по тебѣ работа!
„Силенки чай не хватитъ? иль займешь!..“
—„Да ты скажи, берешь иль не берешь,
„А силъ занять ужъ не твоя забота;
„Увидишь самъ...“
—„Ну, ну, ступай, добро,
„Вотъ прямо все, къ Холмамъ...“
—„Найдти съумѣемъ!“—
—„Укажутъ тамъ... А кликать?...“
—„Алексѣемъ
„Матвѣевымъ.“—
Цѣна жъ на серебро
Была рублей... навѣрно положеній
Не знаю я, но мѣдными съ сажени
Онъ за 20 и болѣе считалъ.
Пришелъ въ Холмы, и тамъ ему приказчикъ
Вручилъ чурбанъ и молотъ, да образчикъ,
И мѣсто гдѣ, съ камнями, показалъ...

И горячо и бойко, такъ что любо,
Застукала Алешкина рука.
Работа шла, спорилася сугубо,
Вольна, цѣнна, въ новинку и легка!
Часы труда такъ быстро пролетѣли!
Алешка всталъ, пошелъ; присталъ къ артели
Работниковъ ближайшихъ въ тотъ же день.
Ихъ было семь—все больше деревень
Окрестныхъ; но въ числѣ томъ было трое
Нетутошнихъ, инакого покроя:
Другая рѣчь, и розная у всѣхъ.
„Отколева?“ спросилъ одинъ изъ тѣхъ,
Такъ худенькій, невзрачный, востроносый,
Лѣтъ двадцати, такой бѣловолосый,—
„Отколева?“
—„Да изъ подъ Вязниковъ,
„Владимірскій“...
—„Далече-ль?“
—„Будетъ со сто“.
—„Давно-ль?“
—„Дней семь“.
—„По паспорту иль просто?“.
—„Такъ, самъ собой, пошелъ, да былъ таковъ“.
—„Чтожъ, плохо знать?“
—„Да такъ, житье постыло“.
„А ты отколь?“
—„Ну, а издалека,
„Елабужскій, починка Бугорка“...
—„По паспорту?“
—„Нѣтъ,—чтобъ ужъ вправду было,
„Такъ почитай, что я и самъ бѣжалъ:
„Нашъ Голова за что-то осерчалъ
„И посадить грозилъ на хлѣбъ и воду
„Дней на сорокъ. Я тягу; прямо въ лѣсъ.
„Вотъ съ той поры и коловодитъ бѣсъ!“
—„Такъ вотъ оно! Давно ли?“
—„Близко году“.
—„И ладно все?“
—„Сходило съ рукъ пока;
„Да скучно, братъ. Хожу одинъ; тоска;
„И хоть опять на родину вернуться!“

—„Что скоро такъ? Дай вмѣстѣ оглянуться!
„Вдвоемъ-то намъ чего не перемочь?
„Набьемъ мошну, и выждемъ погодки“...
— Съ товарищемъ? Пожалуй; я не прочь:
„Вѣдь мы съ тобой почти что одногодки!“
—„Какъ звать тебя?“
—„Меня? Матвѣй Сухихъ,
„А по отцу родному Алексѣевъ“.
—„Вѣдь будто тезка! Самъ, братъ, я Матвѣевъ,
„Да Алексѣй! Ну, а вонъ тѣхъ, другихъ?“
—„У насъ у всѣхъ здѣсь прозвища предивны:
„По городамъ уѣзднымъ насъ зовутъ.
„Рабочіе. Какъ разъ услышишь тутъ:
„Елабуга, Дорогобужъ и Ливны,
„Моршанскъ... Вонъ тутъ изъ Ливенъ мужичокъ,
«Къ намъ передомъ, раздвоена бородка,
„Приземистъ, рыжъ... Вѣдь онъ и самъ утекъ
„Отъ своего подальше околодка:
„Безладицу, напасть имъ отъ опекъ
„Послалъ Господь. Онъ, бойкаго десятка,
„Достань билетъ фальшивый для порядка,
„Да и уйди!.. Хорошій человѣкъ!
„Онъ въ пристаняхъ весною перегрузкой
„Все промышлялъ... Куда въ работѣ дюжъ!“
Къ нимъ подошелъ тогда Дорогобужъ,
Въ рубашкѣ бѣлой, шапкѣ бѣлорусской,
Худой, больной, безвременный старикъ,
Плѣшивый лобъ, зубъ рѣдкій, кроткій ликъ.
—„Что, дѣдушка, вѣдь нашего онъ поля“,
Сказалъ Матвѣй: „своя пригнала воля“...
Тутъ спросы вновь, какъ водится, пошли
О томъ, о семъ, да изъ какой земли.
—„Ты здѣсь зачѣмъ?“ спросилъ его Алешка,
„Иль камни бьешь? Вотъ, чай, наколотилъ!“...
—„Не смѣйся, братъ! Набилъ себѣ немножко,
„Елабуга намедни пособилъ.
„Вѣдь дома что? Кто подати заплатитъ?
„Семью корми; дочь за мужъ снаряжай;
„А тамъ глядишь—вездѣ неурожай,
«Когда и такъ земли на квасъ не хватитъ!
„Ну и пойдешь деньжонокъ добывать!“
— „Безъ спросу что-ль, иль старшимъ объявился?“

—„Когда безъ спросу! у бѣды спросился!
„Да долго здѣсь не стану работать,
„Сажень свою покончу—и вернуся,
„Что бъ не было: накажутъ—повинюся.
„Эхъ горюшко, ты горюшко мое!
„Куда ужъ намъ плохое, братъ, житье!...“
—„Ну полно вамъ, пойдемте-ка къ артели“,
Сказалъ Матвѣй: „ужъ тамъ обѣдать сѣли:
„Вишь кашеваръ на васъ свои глаза
„Экъ выпучилъ, чувашская коза!...“ *)

III.

Грѣшную землю своей благостынью
Щедро тѣмъ лѣтомъ Господь посѣтилъ,
Добрымъ ненастьемъ и мягкой теплынью
Жгучее ведро надолго смѣнилъ!
Ясными днями прошла сѣнокоса,
Громкая дружно скончалась гульба...
Въ дождь и овсы и гречиха, и просо,
Всѣ поднялись яровые хлѣба!...
Новую зелень раститъ луговина;
Много грибовъ показалось въ тѣни...

Жаркаго лѣта пришла половина,
Красные снова вернулися дни!
Нива безвредно дождемъ оросилась;
Высохла быстро, зерномъ налилась:
Рано ты нынче, о рожь, колосилась,
Пышно цвѣла ты, самъ-десять далась!...

Ну-те вы, дѣвки, покиньте прохлады:
Вновь оржаныя, томящія страды!
Въ полѣ разсыпьтесь, берите серпы,
Жать и вязать золотые снопы!...
Лѣвой рукой забирая колосья,
Каждая правой ихъ рѣжетъ серпомъ,
Звонко другъ дружкѣ пошлютъ отголосья,
Выжатымъ вмѣстѣ сойдутся путемъ.
Прочь сарафаны! вѣдь жаръ не ознобитъ?
Душно ли стало? купанье пособитъ!...
Ну же, бѣгите, не такъ вдалекѣ,
Шумной толпой окунуться въ рѣкѣ.

---

*) Со словъ: „И горячо и бойко“.. до сего мѣста—въ первый разъ напечатанные стихи.

Съ бѣлаго тѣла рукой загорѣлой
Быстро скидая суровую ткань,
Въ волны студёны бросайтеся смѣло...
Хохотъ и плескъ и шутливая брань!...
Тише вы, тише!... подруги, не балуй:
Парни услышатъ и придутъ пожалуй!...

IV.

Такъ отъ Хохлова до Холмовъ
Повсюду жатва на уборѣ.
Пустѣетъ долъ: просторъ хлѣбовъ,
Ужъ не волнуется, какъ море!
Повсюду острымъ лезвеемъ
Сталь полукружная сверкала,
И нива, сжатая серпомъ,
Соломой рѣзаной торчала.

Тѣмъ временемъ, бродяга нашъ
И въ дождь и въ жаръ балясъ не точитъ;
Когда укроется въ шалашъ,
Когда дождемъ его помочитъ.
Ночлегъ держалъ нерѣдко онъ
У мужика въ избѣ сосѣдней,

Въ Холмахъ — отъ всѣхъ ему поклонъ,
Былъ въ хороводахъ не послѣдній.
И славно трудъ ему дался:
Съ одной покончилъ онъ саженью,
Вотъ за другую принялся,
И деньги взялъ по уложенью.
И стало пуще веселѣй,—
Купилъ рубахъ, одежи новой...
Съ нимъ неразлученъ былъ Матвѣй,
На все согласный и готовый.

Такъ время шло; короче дни;
Ночь длилась дольше до разсвѣта.
Но все же бѣлымъ днемъ они
Еще богаты! Все же лѣто!...

День вечерѣлъ. Косая тѣнь
Ложилась низко и широко...
Заутра праздникъ, вѣщій день
Ильи, гремящаго пророка...

Приди, ты, немощный,
Приди, ты, радостный!
Звонятъ ко всенощной,
Къ молитвѣ благостной.
И звонъ смиряющій
Всѣмъ въ душу просится,
Окрѐстъ сзывающій,
Въ поляхъ разносится!

Въ Холмахъ, селѣ большомъ,
Есть церковь новая;
Воздвигла Божій домъ
Сума торговая;
И службы Божіи
Богато справлены,
Иконъ подножія,
Свѣчьми уставлены.
И старъ и младъ войдетъ:
Сперва помолится,
Поклонъ земной кладетъ,
Кругомъ поклонится;
И стройно клирное
Поется пѣніе,
И дьяконъ мирное
Твердитъ глашеніе:
О благодарственномъ
Трудѣ молящихся,
О градѣ царственномъ,
О всѣхъ трудящихся,
О тѣхъ, кому въ удѣлъ
Страданье задано...
А въ церкви дымъ висѣлъ,
Густой отъ ладона,
И заходящими
Лучами сильными,
И вкось блестящими
Столбами пыльными —
Отъ солнца — Божій храмъ
Горитъ и свѣтится;
Стоитъ Алешка тамъ
И также свѣтится
Довольствомъ, радостью,
Здоровьемъ въ добрый часъ,

Удачей, младостью
И тѣмъ, что въ первый разъ,
На кружку вынулъ онъ
Изъ сумки кожаной
И слышалъ мѣдный звонъ
Копѣйки вложенной,
Въ трудѣ добытой имъ...
Въ окно жъ открытое
Несется синій дымъ
И пѣнье слитое...

Звонятъ ко всенощной...
Къ молитвѣ благостной...
Приди, ты, немощный,
Приди, ты, радостный!...
Въ Хохловѣ также звонъ;
Въ немъ также храмъ стоитъ;
Бѣднѣй убранствомъ онъ,
Поменьше свѣчъ горитъ;
Но дружно клирное
Поется пѣніе,
И дьяконъ мирное
Твердитъ глашеніе:
О благодарственномъ
Трудѣ молящихся,
О градѣ царственномъ,
О всѣхъ трудящихся,
О тѣхъ, кому въ удѣлъ
Страданье задано...
А въ церкви дымъ висѣлъ,
Густой отъ ладона,
Волнами синихъ тучъ
Всѣ лица скрадывалъ,
И солнца слабый лучъ
Едва проглядывалъ
Въ стемнѣвшій Божій храмъ,
Сквозь рощи близкія...
Стоитъ Парашка тамъ:
Поклоны низкіе
Передъ иконами
Кладетъ не по разу,
Вслѣдъ за поклонами
И свѣчку къ образу

Усердно вправила:
Ему въ спасеніе,
Ему во здравіе,
На возвращеніе
Домой бродячаго...
О комъ же молишь такъ?
Худа ты для чего?
Что очи красны такъ?
Ты вѣрно плакала,
Иль ночь работала?...
Взгрустнувъ, поплакала,
Но не работала!...

А что же онъ? Алешкѣ не до плача,
Не до былыхъ потерь!
Въ немъ выросъ духъ! мила ему удача,
Ей бредитъ онъ теперь!
Парашка тамъ, во храмѣ Бога молитъ,
И плачется о немъ,
А онъ—свою, знать, прихоть только холитъ,
И совѣсть дремлетъ въ немъ!

V *).

А въ часъ вечерняго служенья,
О сколько тамъ, у алтарей,
Сказалось истинъ Откровенья,
Премудрыхъ тайнъ, святыхъ рѣчей,

Благихъ, карающихъ, цѣлебныхъ!
И сколько Богу своему
Спѣлъ пѣсней клиросъ тамъ хвалебныхъ?
Природа вторила ему,

И мнилось, тѣмъ словамъ внимая,
Взывала къ миру и любви,
Согласнымъ хоромъ совершая
Священнодѣйствія свои!

Слова, глаголъ, который груди
Былъ долженъ ужасомъ обнять...
Привыкнуть къ нимъ съумѣли люди
И смыслъ изъ памяти изгнать!

*) Печатается въ первый разъ.

И много ль тѣхъ, которыхъ души
Сей вечеръ схоронятъ?
И видятъ очи, слышатъ уши,
Но вникнуть глубже не хотятъ!

Отходитъ служба. Снова тоже:
Засуетился грѣшный вѣкъ!
Какая дрянь, великій Боже,
Подчасъ бываетъ человѣкъ!

Отрывки изъ 4-й главы:

Новый побѣгъ.

«Алешка, братъ, кончаю я сажень,
«Да не стоитъ за тобой работа!
«Эхъ горе-то! Опять пришла забота,
«А мнѣ бродитъ, ей-Богу, стало лѣнь»!

Такъ, поздно, близъ песчанаго сугроба,
Тамъ у шоссе, за грудою камней,
Поужинавъ, они лежали оба:
Бесѣду велъ съ Алешкою Матвѣй;
Ужъ ночь, и мѣсяцъ, съ частыми звѣздами,
Прозрачными прикрылся облаками...

Алексѣй.

Ну здѣсь, въ селѣ, навѣрно до зимы
Съ тобой, какъ разъ, работу сыщемъ мы,
А тамъ и въ путь... Я чай, пробраться можно
Безъ пашпорту!... Въ Москву бы я хотѣлъ!..

Матвѣй.

Какъ до зимы! Намъ срокъ давно приспѣлъ,
Пора идти. Здѣсь мѣсто ненадежно;
Здѣсь мѣсто бой, да и бѣда близка.
Ты слышалъ ли, что давича Лука
Хозяину сказалъ на угощеньѣ
(Онъ служитъ тамъ, при волостномъ правленьѣ):
Исправнику въ наградахъ былъ отказъ.
Отвѣтъ таковъ, что не за что, молъ, васъ!

Что еслибъ вы разбойниковъ поймали,
Иль тѣхъ, что бьютъ фальшивые рубли...
Да, говоритъ, искалъ, да не сыскали;
Разбойниковъ!... давно перевели!—
А тѣхъ, что бьютъ фальшивую монету?
Да гдѣ жъ ихъ взять? Ну, нѣту, просто нѣту!—
Что жъ, говорятъ, несчастье видно вамъ!..
Такъ онъ теперь, озлясь, по деревнямъ,
По селамъ всѣмъ вездѣ снуетъ и рыщетъ,
Безпаспортныхъ, все нашу братью ищетъ!
Нѣтъ, говоритъ, ужъ быть по моему:
Не тѣмъ, такъ вотъ, бродягами возьму:
Хватаетъ всѣхъ, и будто за межою
Чужихъ становъ!

Алексѣй.

Что жъ много толковать!
Вѣдь намъ съ тобой не собираться стать!
Да здѣшней я наскучилъ стороною!
Куда жъ идти?...

—«Богъ помочь, молодцы!»
Вдругъ раздалось; глядятъ во всѣ концы;
Посыпались каменья, захрустѣли
У шалаша сухія вѣтви ели.
Вотъ что-то тамъ, средь мрачной пустоты
Шевелится чернѣе темноты...
Приблизилось... А на небо дугою
И мѣсяцъ кстати выплылъ изъ-за тучъ:
Глядятъ старикъ съ клюкою и сумою,
Сѣдой, какъ лунь, но статенъ и могучъ,
И кушакомъ подтянутъ. Сверхъ сермяжный
На немъ озямъ и шляпа безъ полей,
Короткая; сверкаетъ духъ отважный
И шибкій нравъ изъ-подъ сѣдыхъ бровей.
Хорошъ бы всѣмъ, и голосъ зыченъ,
Да дерзокъ видъ и старцамъ неприличенъ!

Смутились наши. «Эй, куда, постой!
«Ты что за гусь? Куда ты лѣзешь, старый?...»
—«Не бойтеся! Вамъ человѣкъ я свой:
«За дружбой къ вамъ пришелъ я, не за сварой!...»
—«Ну, ну, зачѣмъ?»

—«Да дайте жъ отдохнуть!
«Умаялся... Никакъ у васъ уголья?...
«Да и есть и жаръ? Погрѣюсь... вотъ приволье!...»
Прилегъ старикъ и сталъ въ уголья дуть,
И пепелъ сдулъ, и углей вспыхъ багровый
Ему лицо мгновенно озарилъ.
Свѣжѣе ночь; заходитъ мѣсяцъ новый,
Вотъ огонекъ тревожно запылалъ....
«Вишь, старый чортъ, гляди-ка! будто дома!
«Оно, кажись, не очень-то знакомо!»
Сказалъ Матвѣй: «отколѣ ты, постой!...»
—«Кто, я отколь? Я бѣглый; ты какой?...
«Небось, смолчалъ! Что расходился больно!...»
—«Ну полно вамъ, вступился Алексѣй, —
«Откуда ты?»

—«Съ Саратовскихъ степей».
«—Съ Саратовскихъ!... Слыхалъ про нихъ довольно;
«Степанычъ нашъ ходилъ туда въ извозъ.
«Съ Саратовскихъ! Откуда Богъ принесъ!
«Эй разскажи!...»

—«Тебѣ зачѣмъ? Пустое!
«Ты не туда сбираешься, такъ что жъ?
«Я разскажу, а примется за ложь!...»

Алексѣй.

Ну, полно же! Что тамъ? Житье какое?

Старикъ.

Гм!... Да, у насъ не здѣшніе края!
Тамъ хорошо!... Тамъ родина моя!...
Да мнѣ пришлось терпѣть иную долю!...
Тамъ, братъ, не то: земли, угодій вволю,
Кусочками тамъ поля не кроишь,
Такъ, вспашешь разъ, и землю не гноишь:
Сама родитъ! Засѣялъ ты пшеницей,
У васъ самъ-пять, а тамъ отдастъ сторицей!
Гм!... За травой, за сѣномъ ли пойдешь, —
Ступай себѣ, коси, не безпокоясь!
Что море—степь! Трава ростетъ по поясъ,
Возъ выкосишь, а на десять помнешь!

Чего тутъ нѣтъ?—и вишенье и просо,
Бобы, горохъ... Все мнутъ себѣ колеса!...
Ямщикъ ли ты?—Коней себѣ купи,
Башкирскихъ, братъ, степной породы, кровной!
Я самъ не разъ, дорогой гладкой, ровной,
Хозяиномъ катилъ себѣ въ степи!...
За промысломъ ли ты?—Что думать долго?
Тамъ есть у насъ рѣченка подлѣ... Волга!... —

Алексѣй.

Ой?

Старикъ.

Да, я самъ спускался налегкѣ
По матушкѣ по Волгѣ по рѣкѣ,
Подъ Астрахань и даже дальше, въ море...
Вотъ тамъ-то, братъ, тамъ золотое дно:
Бѣлугами полнехонько полно!
Осетръ, тюлень, севрюга... словно въ сборѣ!...
Ужъ прибыльно! Въ весенній ранній ловъ
Кишма кишатъ они у береговъ,
Сплошной стѣной стоятъ подъ учугами!...
Ей-Богу, такъ! Пошли-бъ, узнали сами!...
Да что ловцы! Весной, повѣришь ты,
Руками дѣвки ловятъ за хвосты,—
Такъ, въ лодочкѣ шаля одновесельной!...

«Вотъ знатный край! Ты слышишь ли Матвѣй?
«Ай хорошо!» промолвилъ Алексѣй.

Матвѣй.

Да, вѣрь ему! и берегъ тамъ кисельный,
Медовый токъ, и мало ли чего!...

Старикъ.

Эхъ, молодецъ, не слушай ты его!
Вѣдь сдуру, такъ, ворчитъ онъ, бѣлобрысый!
Про Астрахань пословицу слыхалъ,
Что осетра мужикъ въ печи поймалъ?...

Алексѣй.

А далеко ль?

Матвѣй.

— Да вретъ онъ много, лысый,
А ты и радъ! Нельзя подняться вдругъ!...

Алексѣй.

А какъ нельзя? Да здѣсь бѣда вокругъ,
Ты знаешь самъ; здѣсь и попасться можно,
Здѣсь мѣсто—бой, здѣсь мѣсто ненадежно...
Ну, онъ приврахъ!... Да врутъ они не всѣ ль?
И правда есть!

— «Кисель хоть не кисель»,
Сказалъ Матвѣй, «а точно край богатый.
«Я имъ сосѣдъ, и рыбой тароватый,
«Да шутка ли, вѣдь верстъ не пятьдесятъ!...

— «Эхъ, мать моя, куда ты плоховатъ!
Старикъ въ отвѣтъ: «Вотъ онъ, такъ смыслитъ дѣло!
«Послушайся и отправляйся смѣло
«Хоть въ Астрахань! Ступай по Волгѣ внизъ,
«Да къ бурлакамъ; тамъ людъ удалый, сбродный,
«Другой такой губерніи народной *)
«И не найдешь.... Татаринъ и Киргизъ,
«Калмыкъ, Бухаръ, Трухменцы, да Армяне
«Все дурачье, ты знай себѣ заранѣ,
«Оно довчѣй!...»

Матвѣй.

— Ты для́ чего не тамъ?

Старикъ.

Эхъ, Астрахань ужъ мнѣ не по лѣтамъ!
А у себя на родинѣ, признаться,
Мнѣ мудрено, не гоже укрываться.
Помѣщикъ мой, Максимъ Кузьмичъ, меня
Вездѣ ловилъ; мои примѣты знаютъ....

Матвѣй.

А ви́докъ ты, тебя какъ разъ поймаютъ!

---

*) Я самъ слышалъ это выраженіе про Астрах. губернію—отъ одного Саратовскаго мужика. *И. А.*

Старикъ.

Вотъ въ томъ и горе!... Ну, подумалъ я,
Максимъ Кузьмичъ! прощай, сердешный, полно!
Ужъ лучше быть подальше отъ грѣха,
Другъ отъ друга приходится намъ солно,
Такъ Богъ съ тобой!.. Ушелъ изъ-подъ тиха....
А онъ куды! и этимъ недоволенъ,
Мои вездѣ примѣты разослалъ!
Да ничего! теперь мой слѣдъ пропалъ,
Съ Саратовскихъ не виденъ колоколенъ!

Алексѣй.

Куда же ты?

Старикъ.

Къ Дунайскимъ берегамъ,
Черезъ Москву: мнѣ дѣло есть и тамъ;
А близъ границъ деревня есть, Вилкбво,
Гдѣ много я товарищей найду....
Да что тапть, и толку я инова!...

Алексѣй.

А далеко?

Старикъ.

Богъ милостивъ, дойду!

Алексѣй.

Вѣдь, и меня помѣщикъ вѣрно ищетъ,
И онъ Кузмичъ, да звать его Семенъ.
Я, чай, бурмистръ такъ пб слѣду и рыщетъ....

Старикъ.

А близко здѣсь?

Алексѣй.

Верстъ сто....

Старикъ.

Дуракъ же онъ!

Какъ не найти!...

Алексѣй.

Матюшка, другъ! какъ хочешь!
Я въ Астрахань.

Матвѣй.

Нѣтъ, вмѣстѣ ужъ пойдемъ!

Старикъ.

Вотъ такъ-то, такъ!....

Матвѣй.

Да ты чего хохочешь?

Старикъ.

Да любо мнѣ! Одинъ, или вдвоемъ,
Сбирайся ты, Алешка, въ путь-дорогу!
Гуляй, душа! Валяй себѣ впередъ!
Здѣсь твой Семенъ Кузмичъ тебя найдетъ,
А тамъ ищи!... Ну, весело, ей Богу!
А, Алексѣй?... Вѣдь Алексѣй зовутъ?...
Кузмичъ Семенъ тебя повсюду ищетъ,
Глядь: онъ себѣ за Астраханью рыщетъ!
Мой сбился съ ногъ, меня искамши тутъ,
Сюда, туда... «Знать, обмѣнился краемъ?...»
А я ему гуляю подъ Дунаемъ!
Эхъ, попросить, чтобъ дали на харчи,
И мой и твой, обои Кузьмичи!
Богъ дастъ, приду въ далекое Вилко̀во,
Ей, закричу: Максимъ Кузмичъ, здорово!
Голубчикъ мой! глядя-тко ты, Кузьмичъ,
Какъ разопью я съ ними магарычъ!
Эхъ, молодца!

Матвѣй.

Вишь, расходился, старый!
А какъ идти?

Старикъ.

Отселѣ выступай
Окольною дорогой до Самары;
Тамъ будетъ вамъ Павлушка Растегай...

Тамъ сыщете, и бурлаки вамъ скажутъ.
Вамъ въ кабакахъ состряпаютъ билетъ;
Ну, на зиму идти туда не слѣдъ,
А раннею весной вамъ путь укажутъ.
Деревня есть, Червонная зовутъ:
Найдете вы косого Ѳедьку тутъ,
Ужъ выучитъ и призритъ и направитъ,
И въ Астрахань обоихъ васъ доставитъ.
А тамъ гуляй, какъ водяная мышь,
То въ морѣ ты, то на берегъ въ камышъ!...
Ну, половилъ, понажился немного ..
Не по душѣ, не взлюбишь сторону:
Валяй себѣ, гуляй до Таганрога!
Ступай въ Ростовъ, въ Ростовъ, что на Дону!
Тамъ цѣлыя живутъ себѣ ватаги,
Лихой народъ, какъ мы съ тобой, бродяги!
Тамъ погулялъ и пожилъ года съ два
Племянникъ мой Непомнящій-Родства!...

Алексѣй.

Эхъ, чорта съ два! Ужъ не въ терпежъ мнѣ болѣе,
Тоска томитъ; смерть хочется и мнѣ
Такъ побродить въ далекой сторонѣ,
Да погулять, да покружить на волѣ!...

Матвѣй.

Не прочь и я!

Алексѣй.

Ну, по-рукамъ впередъ!
Такъ завтра мы съ хозяиномъ разсчетъ?

Матвѣй.

Да, будто намъ на праздникъ деньги нужны!
Однако, братъ, недолго до утра,
А спать-то намъ давно уже пора;
Болтайте же, коль очень вы досужны!

Алексѣй.

Нѣтъ, ляжемъ спать. А гдѣ совѣтчикъ нашъ?
Усталъ, лежитъ... Ну, полѣзай въ шалашъ;
Кажись, тебя тамъ некому увидѣть.

Старикъ.

Спасибо, братъ... Да знай же въ добрый часъ:
Ну, еслибъ кто, изъ нашей братьи, васъ
Вдругъ встрѣтилъ тамъ и вздумалъ бы обидѣть,
Скажи ему—и будешь цѣлъ и сытъ:
Демьянъ Терентьевъ кланяться велитъ!...
  Легли. Уснули. Къ утру посвѣжѣй.
Дохнула ночь; угасли звѣзды вскорѣ...
И грезились Алешкѣ сине-море,
Просторъ степей, приволье камышей!.

Бродяга.

(Очеркъ въ стихахъ).

Отрывки изъ послѣдней главы 1-й и изъ 2-й части. *)

Изъ I-й части.

I.

Ну праздникъ, точно! Отошла
Въ Холмахъ съ молебнами обѣдня,
И всѣ гуляютъ, до послѣдня,
По длиннымъ улицамъ села.
Пока, безъ брани и безъ схватокъ,
Тѣснятся около палатокъ,
Гдѣ ставка съ пивомъ и виномъ;
А тамъ, гдѣ торгъ идетъ дешевый
Платочкомъ, лентою шелковой,
Толпятся дѣвицы гуртомъ!...
Вотъ и гостей почетный кругъ:
Ведутъ купцы своихъ супругъ,
И набѣлены, разряжены,
Какъ павы чопорны на взглядъ,
Едва купеческія жены

---

*) Отрывки эти были напечатаны во 2-мъ № „Паруса“ 10 янв. 1859 г.

Дороднымъ станомъ шевелятъ!...
Но подъ вечеръ, когда темнѣе,
И пѣсни звонкія поетъ
Широкимъ кругомъ хороводъ,
Толпа разгульнѣй и шумнѣе!
Топочетъ много молодцовъ,
Лихихъ, въ пѣньѣ и пляскѣ рьяныхъ,
И сколько пьяныхъ, пьяныхъ, пьяныхъ,
Веселыхъ бабъ и мужиковъ!...

II.

На небѣ мѣсяцъ свѣтилъ молодой,
По небу тучки гуляли толпой.
Черныя тучки на мѣсяцъ нашли,
Черную темнеть на долъ навели.

Тучка въ середкѣ! Скорѣй золотись!
Тучки, гуляючи, вновь разошлись!
Выглянулъ мѣсяцъ, блистая окрестъ
По небу синему, съ тысячьми звѣздъ...

Въ воду глядится. Спускаясь отлого,
Къ берегу прямо сводила дорога,
Тамъ, гдѣ упорную встрѣтивъ плотину,
Рѣчка прудомъ разлилась на долину.

Мельница тамъ межъ кустами стоитъ
Ходенемъ ходитъ и мѣрно стучитъ;
Тамъ, надъ прудомъ наклонившись сонливо,
Дремлетъ ветла, да вѣтвистая ива...

Берегъ противный, обрытый водой,
Къ верху высокой взбѣгалъ крутизной;
Голыми въ землю вцѣпившись корнями,
Вязъ надъ рѣкой протянулся вѣтвями.

Тамъ, на горѣ, гдѣ чуть виденъ плетень,
Длиннаго сада рисуется тѣнь:
Длинный, старинный, густой и огромный,
Чудно заросшій, прохладный и темный...

Кто же тамъ берегъ обходитъ вокругъ?
Двое?... Алешка съ Матвѣемъ самъ-другъ...
По небу мѣсяцъ гулялъ молодой,
По саду платье мелькало порой...

III.

ПОГОНЯ.

(Ихъ приняли за воровъ и гонятъ изъ сада.)

... Едва дыша, то лугомъ, то дорожкой,
Бѣгутъ стрѣлой, бѣгутъ Матвѣй съ Алешкой,
Но садъ великъ—запутались въ саду!..
Черезъ плетень! и тутъ же на бѣду
Въ канаву шлёпъ!... Но чуя близость лова,
Ругнулися, и побѣжали снова!
Вотъ, вотъ они! послышалось вдали...
Ну, дай Богъ ноги! только-бъ унесли!
Еще, еще! уходятъ по немногу...
Отсталъ Матвѣй, Алешка впереди
Прокладывалъ опасную дорогу...
Ну, смолкло все! далеко позади
Остался садъ; еще версту, и болѣ,
Они бѣгутъ, бѣгутъ,—и вышли въ поле...

Поле ты, непаханное поле!
Воля ты, неспрошенная воля!
Ты никѣмъ вѣдь, поле, не распахано,
Никому ты, воля, не приказана!
А нонече къ полю господинъ пришелъ,
Господинъ пришелъ, бѣглый молодецъ!
Ты стелись чистó, пріюти его,
Пріюти его, приготовь постель!...
А гдѣ-жъ у тебя, поле, шелкова трава?...
Посвѣти сыскать, мѣсяцъ на небѣ!
А есть же у поля про молодца трава,
Указалъ траву—мѣсяцъ на небѣ.
—А есть у тебя, поле, студены ключи,
Чтобы было гдѣ молодцу воды испить?...
А есть же у поля и студеный ключъ,
Онъ бѣжитъ, журчитъ, не умолкаючи.
Будетъ кому молодца убаюкивать
Будетъ кому молодцу пѣсни пѣть:
До ранняго ли свѣту кузнечики,
А со ранней зарей всѣ птицы пѣвчія.
А и пологомъ ему—небо синее,

Частыми ли звѣздами усѣянное.
Въ взголовье ль станетъ кудрявый дубъ...
Понагнись ты, дубъ, протяни листы!
Пособите всѣ, чуда Божія!
Послужите всѣ, твари Божія!
Ноне къ вамъ, твари, старшой пришелъ,
Человѣкъ пришелъ, господинъ пришелъ,
Господинъ, удалой, вольный молодецъ!...

Изъ II-й части.

ОСЕНЬ.

I.

Глухо реветъ, на суда набѣгая,
Въ брызги дробясь, за волною волна;
Гуломъ гудитъ, плескъ волны заглушая,
Пристань рѣчная, людна и шумна.
Съ крикомъ и съ бранью и съ дружнымъ призывомъ
До свѣту вставшій трудится народъ,
Пестрымъ отвсюду нахлынувъ приливомъ...
Всѣмъ имъ работу рѣка задаетъ!
Всѣмъ ты кормилица, матушка Волга!
Видишь—какія грузятся суда!
Крючники! къ дѣлу! Что возитесь долго?
Хватятъ морозы—такъ будетъ бѣда!
Время! Ужъ много артелей намедни
Въ путь разбрелись, подѣливши дуванъ *);
Скоро и этотъ осенній, послѣдній,
Съ хлѣбомъ въ путину уйдетъ караванъ!

—

Безъ облака небо, и вѣтеръ студеный,
Поблекшіе листья, и озимь зеленый,
И воздухъ прозрачный, и ясная даль...
Ты, первыхъ морозовъ осеннее ведро,
Какъ смотришь ты красно, какъ дышешь ты бодро!...
Но люди работы покончатъ едва-ль!..
Ужъ скоро дождями дороги изроетъ,

---

*) Выручка.

И землю Покровъ снѣгомъ мокрымъ покроетъ,
И долго-жъ, о осень, протянешься ты,
Сѣра и туманна, съ окрестностью голой,
Пока не нагрянутъ Егорій съ Николой,
И станутъ потоки и лягутъ мосты!

—

Живо трудятся. Вонъ тамъ, близъ залива,
Къ старому судну на сломку идутъ;
Семь уже водъ отслужила расшива,
Днище да ребра какъ разъ разнесутъ.
Грузную кладь на мокшанъ многомѣсный
Съ берега шибко несутъ по доскѣ;
Бодро Алешка свой куль полновѣсный
Тащитъ, согнувшись, держа на крюкѣ;
Тащитъ кули и Матвѣй,—а хозяинъ,
Дюжій купецъ, свой торопитъ народъ,
Самъ-же нерѣдко вкругъ синихъ окраинъ
Робко посмотритъ, боясь непогодъ!
Поздно суда ты отправишь, упрямый!
Видно, надежно глядятъ небеса...
Дай-же Господь, чтобъ до пристани самой
Вѣтеръ попутный имъ дулъ въ паруса!...

II.

Сѣрое небо нависло туманно;
Близится время къ вечерней порѣ;
Мелкимъ дождемъ моросить непрестанно...
Холодно, жутко, темно на дворѣ!
Въ городѣ пусто; на улицѣ слякоть;
Вѣтеръ подчасъ пробѣжитъ у окна...
Ну же, въ кабакъ, поболтать-покалякать,
Чаркой другою согрѣться вина!
Ну же, въ кабакъ! Что по той ли дорожкѣ,
Ночью-ль поѣдешь, не заблудишь никакъ!
Скучно Матвѣю, нѣтъ дѣла Алешкѣ...
Люденъ и шуменъ и паренъ кабакъ!

III.

Кварталы есть въ богатыхъ городахъ:
Простымъ людямъ пришлись они на долю.
Тамъ вѣчно грязь на низменныхъ мѣстахъ,

Тамъ улицы уже выходятъ къ полю;
Тамъ каменныхъ не встрѣтишь ты палатъ,
Но всюду тамъ гнилыхъ и почернѣвшихъ
Ряды домовъ, отъ времени осѣвшихъ,
Или лачугъ погнувшихся стоятъ:
Въ нихъ окна низки, стекла перебиты,
Бумажками залѣплены, прикрыты,
А на углу, на вывѣскѣ иной
Прочтешь слова: „здѣсь вѣчно-цеховой"...

По улицамъ, по смраднымъ тѣмъ мѣстамъ,
Какъ я не разъ, бродилъ ли ты, читатель?
Кто тѣхъ лачугъ всегдашній обитатель,
Ты знаешь ли?... По всѣмъ жилымъ угламъ
Толпится тамъ, народъ чернорабочій,
Лихой въ трудѣ, до кабака охочій;
Тѣснится тамъ, весь вѣкъ нуждаясь свой,
Ремесленникъ съ огромною семьей,
И рядомъ съ нимъ, съ семьей его—заводятъ
Развратъ и лѣнь безстыдный свой пріютъ,
Гдѣ нищіе артелями живутъ
И женщины растрепанныя бродятъ...
Но дальше, въ путь!... Свѣтяся огонькомъ,
Тамъ, на концѣ, стоялъ питейный домъ.

—

IV.

КАБАКЪ.

И полонъ кабакъ, такъ и хлопаютъ дверью,
Все гости, гурьба за гурьбою!
Вотъ съ шумомъ взошли, и втащили Лукерью,
И Груню и Дуню съ собою.
Что смѣху, что крику! Веселье и только!
А штофовъ-то, штофовъ повыпито сколько!...
Раздолье, разгулъ!
Далече кабачный уносится гулъ!

Да, шумно и пьяно,—
Кабакъ безъ изъяна!
Сидѣлецъ-то радъ:
Все новые гости,

Негложены кости,
Что гость, то и кладъ!...
Что гость, то подарокъ!... Да кто же такіе
Тѣ добрые гости, тѣ гости лихіе?

Да мало-ль ихъ, мало-ль, тьма тьмущая,
И порознь, особо, и кучками:
Все жмется, тѣснится, сторонится!
Тамъ пьютъ ли, сидятъ подгородные
Крестьяне, домой поспѣшаючи;
Тамъ пьютъ, да невѣсть что и за люди,
Цыгане-ль, мѣщане-ль проѣзжіе,
Что пьютъ, да мигнутъ, да пошепчутся...
Поютъ, отработавъ, работники,
Артелью веселой гуляючи,
Штофъ третій до дна осушаючи;
Поютъ, угощаются крючники,
Бесѣдой особой бесѣдуя...
А шибче, а громче ихъ, съ дѣвками,
Шумятъ, голосятъ, все ли нищіе,
Тѣ нищіе, люди богатые,
Деньгой на вино тароватые!...

Кабакъ все полнѣе, полнѣе,
Бесѣда шумнѣе, шумнѣе,
Ужъ будетъ доходъ!
Хозяинъ ли явится,
Ѳомой не нахвалится:
Ѳома-то народъ
Пить допьяна выучилъ,
Оброки всѣ выручилъ,
Послѣднее вымучилъ...
Хозяинъ придетъ?
Все пьяные, пьяные!...
И по сердцу рьяное
Усердье ему,
И любитъ хозяинъ сидѣльца Ѳому!

Туда-жъ приходилъ посѣтитель обычный,
Въ лохмотьяхъ, въ лаптяхъ, мѣщанинъ горемычный,
Былъ прежде съ достаткомъ, зажиточенъ былъ!
Кабакъ близъ него пріютился сосѣдомъ,
И, чарка за чаркой, втянулся онъ слѣдомъ,

И вольную волю на вѣкъ погубилъ!
И дѣти и мать день и ночь работали,
Одежу свою отъ отца запирали,—
И мать и дѣтей онъ обкрадывалъ самъ,
И тайно съ добычей въ кабакъ укрывался.
Гдѣ пилъ онъ и пилъ, и виномъ упивался,
Безмолвно, упорно, по цѣлымъ часамъ!
Кабакъ все шумнѣе, шумнѣе.
Бесѣда пьянѣе, пьянѣе...
Ужъ стало темно,
Отъ пару не видно. .
Гостямъ не обидно,
Не такъ ужъ и стыдно,
Смѣлѣе оно!
Вотъ, кто-то въ углу, заплясавши, топочетъ
И звонко хохочетъ!

Туда приходила порою дѣвица,
Была черноброва, была бѣлолица!
Красавицей-Груней въ деревнѣ росла!...
Сгубилъ ее парень и дѣвку съ укоромъ
Прогнали родные,—позоръ за позоромъ,—
И жизнь удалая красу унесла!
Опомниться страшно; вернуться нѣтъ силы,
Забыться, забыться кой-какъ до могилы!...
А парень богатый слыветъ удальцомъ
И выбросилъ Груню изъ памяти слабой...
И сдѣлалась Груня той пьяною бабой,
Что тѣсную дружбу свела съ кабакомъ!...

Кабакъ все шумнѣе, шумнѣе,
Бесѣда пьянѣе, пьянѣе!
Послышался споръ...
Не вышло бы хуже, не долго до ссоръ!
....

И пѣсни и пляски, все вмигъ перестало,
Все громко о дракѣ кругомъ толковало...
Но поздно; кабакъ становился пустѣй
И тише... И только лишь гулъ собесѣдный
Былъ слышенъ порой, да монетою мѣдной
Расплата, да стукъ уходившихъ гостей...

—

V

Межъ многими былъ также въ кабакѣ
Въ изорванной шинелишкѣ, небритый,
Опухшій, красный, оспою изрытый,
И съ шишкою огромной на щекѣ,
Изъ отставныхъ чиновникъ канцелярской:
Онъ тридцать лѣтъ писалъ на службѣ...
И тридцать лѣтъ, все за однимъ столомъ,
У дѣлъ однихъ онъ „проходилъ служенье“.
И девять разъ бывалъ онъ подъ судомъ,
Всѣ девять разъ оставленъ въ подозрѣньѣ,—
Пока его не выгналъ..................
Начальникъ, вновь назначенный туда!
....

И выгнанный чиновникъ Небосклоновъ,
Хоть зачалъ пить, но ловокъ и смышленъ,
Извлекъ весь медъ изъ знанія законовъ,
И виденъ былъ вездѣ на рынкахъ онъ
Съ перомъ въ рукахъ, съ бумагою гербовой.
Писать для всѣхъ и обо всемъ готовый!

Всѣхъ бѣглецовъ, безпаспортныхъ, бывало,
Вмигъ узнавалъ его привычный взоръ...
Вотъ, крючниковъ подслушавъ разговоръ,
О томъ, что время позднее настало,
Что на зиму пристроиться пора,—
Кто здѣсь, кто тамъ, кто хочетъ до двора
Скорѣй добраться,—онъ легко примѣтилъ
Двухъ крючниковъ, двухъ парней молодыхъ...
Сидятъ они поодаль отъ другихъ...
Матвѣя онъ съ Алешкою здѣсь встрѣтилъ!
Мигнулъ сидѣльцу. Тотъ мигнулъ въ отвѣтъ,
И къ сторонѣ отвелъ Алешку, тихо
Шепнулъ ему: „коль надобенъ билетъ,
Вотъ Карпъ Ѳомичъ:—онъ изготовитъ лихо,
Молчи пока!“ Алешка ни гугу,
Хоть рѣчью былъ такой и озадаченъ;
За пазуху,—кошель не весь истраченъ,
Подумалъ онъ, давай поберегу,
Чай заплатить ему придется!... Скоро
Всѣ расходиться стали, и они

Съ Карпъ-Ѳомичемъ осталися одни;
Онъ долго ждать не сталъ переговора.

„Эхъ, началъ онъ, мужичья простота!
Бродяги вы нехитраго десятка!
Я вмигъ узналъ—не такова ухватка!
А отчего?... все совѣсть не чиста!
Билета нѣтъ и трусится немножко...»
—„Билета нѣтъ! сказалъ ему Алешка,
Я давича дорогой обронилъ!...“
„Вотъ горе-то!... Куда же схоронилъ
Ты свой пашпортъ?...“ спросилъ онъ у Матвѣя.
— „*Я*?... дома онъ!...“ сказалъ Матвѣй, робѣя.
„Ну полно вамъ! всю правду знаю я!
Безъ пашпорта зимой вамъ не ужиться!
Берите здѣсь... Вѣдь даромъ что божиться?
А не найти такихъ, какъ у меня!...“
— „Оно бы такъ, и не худое дѣло,“
Сказалъ Матвѣй...
„А стариковъ совѣтъ?“
Алешка молвилъ: „написать билетъ,
Онъ говорилъ, въ Самарѣ можно смѣло!“
— „Какой старикъ, нашли съ кѣмъ толковать!
Самара, братъ, вѣдь не рука подать!“
Сказалъ Ѳомичъ,—„Самара! много звону!
Видалъ не разъ я тамошній пашпортъ:
Да все не нашъ, куда! пониже сортъ,
Съ ошибками, не такъ..............
А я, спроси, какъ руку я набилъ:
Я тридцать лѣтъ въ правленіи служилъ!...“
— „Такъ что жъ цѣна?“
— „Да пара—шесть цѣлковыхъ,
Да сверхъ того, самъ знаешь, магарычъ!...“
„Цѣлковыхъ шесть! Простите, Карпъ Ѳомичъ!
Не сходно намъ!“
— „Да ты листовъ гербовыхъ
Не счелъ, дуракъ!...“
„Найдемъ, сказалъ Матвѣй,
Дешевле мы!...“
— „Эхъ, глупое отродье!...
Такъ что же вамъ?“
„Что, ваше благородье,
Цѣлковыхъ...

„Три!“ прибавилъ Алексѣй.
— „Цѣлковыхъ три?—что спорить съ мужчиной!
Ну такъ и быть, давай и три сюда...
Эхъ Господи! вотъ подлинно нужда:
Пришлось писать и за десять съ полтиной!
Чернильницу!“
Ѳома въ то время мылъ
Посудину, но вмигъ услышалъ слово,
Стеръ со стола, и въ чарочкѣ чернилъ
Ему поднесъ.—„Все, кажется, готово“,
Сказалъ Ѳомичъ. Ну кто же вы, скорѣй,
Зоветесь какъ?“
„Я Алексѣй Матвѣевъ“,
— „А ты, другой?“
„Матвѣй я, Алексѣевъ“.
— „Такъ будешь ты Максимъ, а ты Андрей!...“
„Какъ! зваться намъ чужими именами!
Вотъ новость-то! Куда жъ свои дѣвать,
Крещеныя?...“
— „Толкуй вотъ съ дураками!
Мнѣ все равно, какъ васъ ни называть!
Вамъ выгоднѣй: скоблить не надо строчекъ!
Никто бы ввѣкъ васъ, дурней, не узналъ!“
— „А что, Матвѣй? Вѣдь правду онъ сказалъ?...
Пойду-ка я въ Андрюшки на годочикъ!
Андрюшка я!... О двухъ я именахъ!
Какъ чаешь ты?... о двухъ ли головахъ?“
— „Что-жъ, быть и мнѣ Максимкой, видно, кстати!..„
„Ну, ладно же, со мною здѣсь печати,—
Сказалъ чиновникъ,—и обоихъ васъ
Въ помѣщичьи произведу сейчасъ.
Деревни?... Лапки!... а помѣщикъ?... Савинъ
Костромичи... Уѣздъ... не очень славенъ,
Далекъ, въ глуши, и Буй его зовутъ!..“
— Ну, Буй такъ Буй! Что долго думать тутъ,
Садись, пиши!“
И пальцами поправилъ
Наплывшую свѣтильню Карпъ Ѳомичъ
И сѣлъ за столъ, межъ тѣмъ и магарычъ
Сидѣлецъ имъ, обѣщанный, поставилъ.
Онъ сталъ писать....

VI.

Сѣрое небо нависло туманно;
Близится время къ вечерней порѣ;
Мелкимъ дождемъ моросить непрестанно,
Холодно, жутко, темно на дворѣ.
Пусто въ деревнѣ, на улицѣ слякоть;
Вотъ ужъ въ избѣ засвѣтилось одной...
Тихо сидятъ въ ней, лишь изрѣдка плакать
Примется въ люлькѣ ребенокъ больной.
Пряжу оставивъ, мать люльку качаетъ;
Тетка-старуха прядетъ, и въ свѣтецъ,
Вынувъ лучинку, другую вставляетъ,—
Спитъ на палатяхъ усталый отецъ.
Что жъ ты, Парашка, словцомъ проронися,
Прясть не прядешь, а сидишь у огня,
Будто за пряжей... Пряди, не лѣнися,
Красная дѣвица, пряха моя!
Прясть ли не для кого? Снова ль кручина
Душу томитъ, иль изба не свѣтла?..
Что же не ярко горишь ты, лучина,
Иль ты, лучина, въ печи не была?..
Падаетъ свѣтъ твой, дрожа и порывно,
Въ уголъ на темные лики иконъ,—
Въ сонной тиши раздается унывно
Только гуденье двоихъ веретенъ;
Только одна изъ тѣхъ пряхъ непоспѣшныхъ,
Вѣтеръ заслышавъ, старушка порой:
„Мать Пресвятая, помилуй насъ грѣшныхъ!“
Молвитъ, дрожащей крестяся рукой...
Манитъ котенокъ кошурку въ печурку;
Тамъ, на дворѣ, также тихо кругомъ;
Песъ присмирѣлъ и забился въ конурку,
Мокрыя птицы свернулись клубкомъ...
Только лишь дождь моросить непрестанно,
Вѣтромъ безъ шуму деревья нагнетъ,
Сѣрое небо нависло туманно...
Скучная осень, насталъ твой чередъ!...

—

VII.

ЗИМА.

Снова путь лежитъ привольный,
Въ снѣгъ одѣлися поля,
Облеклась въ тулупъ нагольный
Православная земля!
Пріосанилась съ морозомъ,
Подтянулась кушакомъ,
Промышлять пошла извозомъ,
До весны покинувъ домъ,—
И пройдетъ, пройдетъ обозомъ
Вдоль и вширь, всю Русь кругомъ!

1850 г.

Посланіе къ Л. Н. Арнольди.

(изъ Бессарабіи по случаю даннаго ему порученія произвести слѣдствіе надъ N**).

Нѣтъ не фата формошика *),
Не дудука **) въ цвѣтѣ лѣтъ
Черноброва, мититика ***)
Нѣжный шлетъ тебѣ привѣтъ;
Не молдавская кукона,
Ратникъ правды и закона
Посулитъ тебѣ наградъ...
Нѣтъ, письма сего виновникъ
Стихотворецъ и чиновникъ,
Твой кочующій собратъ.

Славныхъ дѣлъ твоихъ отгула
Вся далекая полна
Отъ Днѣстра и до Кагула,
Новой Руси сторона!

---

*) Хорошенькая дѣвушка.
**) Барышня, demoiselle.
***) Миніатюрная.

Ты бѣжалъ трудовъ доселѣ;
Я твердилъ тебѣ о дѣлѣ,
Я твою позорилъ лѣнь;
Но теперь ты мнѣ любезенъ,
Твой досугъ общеполезенъ,
Труденъ трудъ, но честенъ день!

Жаромъ подвига объята,
Пусть рука громитъ съ плеча
Спѣсь и злость аристократа
И неправду богача!
Станетъ лгать на спросъ докучный,
Оропѣвъ, развратникъ тучный,
Онъ, подобьемъ требуха!..
Ты раскрой тотъ бытъ безбожный,
Наглый срамъ, порокъ вельможный
Мерзость знатнаго грѣха.

И познавши сладость дѣла,
Доведешь его тогда
До желаннаго предѣла,
До надворнаго суда.

1848. Кагулъ.

Пусть сгибнетъ все.

Пусть сгибнетъ все, къ чему сурово,
Такъ долго духъ направленъ былъ:
Трудилась мысль, дерзало слово,
Въ запасѣ много было силъ...
Слабѣйте, силы! вы не нужны!
Смирися духъ! давно пора!
Разсѣйтесь всѣ, кто были дружны
Во имя правды и добра!

Безплодны всѣ труды и бдѣнья,
Безплоденъ слова даръ живой,
Безсиленъ подвигъ обличенья,
Безуменъ всякій честный бой!

Безумна честная отвага
Правдивой юности—и съ ней
Безумны всѣ желанья блага,
Святыя бредни юныхъ дней!

Такъ сокрушись, души гордыня!
Въ борьбѣ неравной ты падешь:
Сплошнаго зла стоитъ твердыня,
Царитъ безсмысленная Ложь!
Она страшнѣй враговъ опасныхъ,
Сильна не внѣшнею бѣдой,
Но тратой дней и силъ напрасныхъ
Въ борьбѣ пустой, тупой, нѣмой!..

Ликуй же, Ложь, и насъ, безумцевъ,
Урокомъ горькимъ испытуй,
Клейми прозваньемъ вольнодумцевъ,
Казни, цари и торжествуй!..
Слабѣйте жъ, силы!. вы не нужны!
Засни ты, духъ! давно пора!
Разсѣйтесь всѣ, кто были дружны
Во имя правды и добра!

Петербургъ, 1849 г. Февраль.

Усталыхъ силъ я долго не жалѣлъ.

Усталыхъ силъ я долго не жалѣлъ.
Не упрекнутъ бездѣйствіемъ позорнымъ
Мою тоску; какъ труженикъ, умѣлъ
Работать я съ усердіемъ упорнымъ.

Моей душѣ тѣ годы не легки;
Скупымъ трудомъ не брезгалъ я лукаво,
И мнится мнѣ,—досуга и тоски
Купилъ себѣ я дорогое право!..

Въ былые дни поэтовъ чаровалъ
Блаженства сонъ, эдемъ въ неясной дали...
Почуявъ ложь, безумецъ тосковалъ
И намъ теперь смѣшны его печали!

Но осмѣявъ его безсильный плачъ,
Я въ жизнь вступилъ путемъ иныхъ мечтаній:
Къ трудамъ благимъ, къ рѣшенію задачъ,
На жаркій бой, на подвигъ испытаній.

Всѣ помыслы, всѣ силы, всю любовь
Направилъ я, и громъ далекій слышалъ!...
Лгала и ты, о молодая кровь,
Изчезъ обманъ, едва я въ поле вышелъ!

И понялъ я, что спитъ желанный громъ,
Что, вмѣсто битвъ, нерѣдко съ бранным духомъ
За комаромъ бѣжимъ мы съ топоромъ,
За мухою гоняемся съ обухомъ!

И понялъ я, что подвиговъ живыхъ,
Блестящихъ жертвъ, борьбы великодушной
Пора прошла,—и намъ, въ замѣну ихъ,
Борьбы глухой достался подвигъ скучный!

Отважныхъ силъ не нужно въ наши дни!
И юности лукавые порывы
Опасны намъ—затѣмъ, что всѣ они
Такъ хороши, такъ ярки, такъ красивы.

Есть путь иной, гдѣ вѣра не легка:
Сгораетъ въ немъ порыва скорый пламень;
Есть долгій трудъ, есть подвигъ червяка:
Онъ точитъ дубъ... Долбитъ и капля камень.

Невзрачный путь! тебѣ я вѣренъ былъ!
Лишенъ ты всей отрады упоенья,
И дерзко я на сердце наложилъ
Тяжелый гнетъ упорнаго терпѣнья!...

Но слышно мнѣ, порой, въ тиши работъ,
Что бурныхъ силъ не укротило время!
Когда же власть, скажи, твоя пройдетъ,
О молодость, о тягостное бремя?...

Ярославль.
23 ноября 1850 г.

Послѣ 1848 года.

Глагола ему Пилатъ:
Что есть истина?
Іоан. XVIII,—38.

Пережита тяжелая година;
Была борьба и пролилася кровь.
Послѣднихъ грезъ рѣшалася судьбина;
Но дряхлый міръ не обновился вновь!

И вѣра въ немъ послѣдняя разбилась!
Онъ счастья ждалъ отъ мудрости земной:
Она ему обманщицей явилась,
А истины не видитъ онъ другой!...

О гордый умъ! средь дерзостной надежды
Вдругъ старымъ вновь ты словомъ пораженъ,
Что вѣчно здѣсь тебѣ удѣлъ невѣжды
Невѣдомой судьбою обреченъ.

Среди побѣдъ надъ силами природы,
Среди чудесъ, что всюду ты воздвигъ,
Раскрылъ-ли намъ ты таинство свободы,
Какимъ путемъ блаженства ты достигъ?...

Смутился міръ... окрестъ себя взирая,
Обломки вѣръ онъ видитъ предъ собой:
Возникнетъ мысль... является иная,
Мигъ отживетъ и смѣнится другой!

Безумецъ палъ, весь преданный мечтанью,
Но сномъ почить страдалецъ не успѣлъ:
Еще живой, онъ преданъ осмѣянью,
Уже забытъ для новыхъ жертвъ и дѣлъ!...

И мы, трудясь, трудамъ своимъ не вѣримъ,
И втайнѣ мы не вѣримъ ничему;
Бѣжимъ-ли въ бой, на гибель?... лицемѣримъ,
На зло судьбѣ, на перекоръ уму!

Гдѣ-жъ истина?... Безмолвствуетъ могила.
Вездѣ алтарь разрушенный стоитъ...
Какая-жъ міръ зиждительная сила
Для жизни вновь и вѣры оживитъ?...

Но слово есть... Любви, свободы, свѣта
Оно создать пыталось дивный храмъ...
Вполнѣ-ль оно дождалося отвѣта?
Сдержало-ль все, что обѣщало намъ?...

Иль на землѣ съ землею примиренье
И счастье дать не властно и оно,
И намъ, живымъ, даруетъ утѣшенье,
Что мертвымъ лишь блаженство суждено?...

Вамъ слово то дало-ль отраду мира,
Скажите мнѣ, вы поняли-ль завѣтъ,
Вы, заживо умершіе для міра,
Ты, на столбѣ стоявшій тридцать лѣтъ,

Ты, цѣлый вѣкъ молившійся въ пустынѣ,
Ты, въ гробовой себя зарывшій мглѣ,
Святые всѣ безумцы! дайте нынѣ
Отвѣтъ: гдѣ жизнь, межъ васъ, иль на землѣ?...

И вправѣ ли, или не вправѣ къ счастью
Стремиться здѣсь, средь міра, человѣкъ,
Онъ, созданный ему безвѣстной властью,
Онъ, мучимый страданьемъ цѣлый вѣкъ?

Въ пещерѣ-ль жизнь? въ пустынѣ-ль примиренье?
Вопросы тѣ ужель не рѣшены?
Стремленіе, мученье и сомнѣнье
Отъ вѣка намъ, какъ видно, суждены!...

Безмолвно все!... Но если, въ мірѣ этомъ,
Есть истина, невѣдомая намъ,—
Блесни лучемъ, откликнись мнѣ отвѣтомъ,
На твой алтарь всего себя отдамъ!

Передъ собой усталъ я лицемѣрить!
Для дѣлъ Твоихъ мнѣ силы сбереги...
О, если есть, чему я долженъ вѣрить,
Ты моему безвѣрью помоги!...

Ярославль.
31 декабря 1850 г.

Е. Ѳ. М-ой.

Есть много истинъ задушевныхъ,
Есть много старыхъ, добрыхъ словъ:
Добыча праздныхъ языковъ
Отъ повтореній ежедневныхъ
Они не будятъ сердце въ насъ,
Звучатъ безъ смысла и значенья...

За то случаются мгновенья,
Такой простой находитъ часъ,
Такія намъ бываютъ встрѣчи,
Когда стыдяся словъ пустыхъ,
Какъ будто вновь тѣ слышишь рѣчи,
Впервые будто молвишь ихъ.

Такъ, вещь, не новую въ подлунной,
Твержу я, съ новой простотой;
Я радъ, что съ Вашей многострунной
Созвучно встрѣтилась душой,
Что много всякаго богатства.
Моя душа въ Васъ обрѣла,
Что правда дружбы, правда братства
Межъ насъ уставиться могла!
Причудамъ мелкимъ не подвластный
Я путы свѣтскіе разсѣкъ,
И честенъ онъ, мой судъ безстрастный;
Мнѣ дѣла нѣтъ, что Вы прекрасны,
Но Вы—-хорошій человѣкъ:
Я не могу хвалить иначе,—
Себя бъ и Васъ я обманулъ....
Я будто самъ душой богаче
Съ тѣхъ поръ, какъ въ Вашу заглянулъ!

Счастливой, трудной ли дорогой,
Я вѣрю—жизнь пройдете Вы—
Путемъ добра и правды строгой
Не оскудѣвъ любовью многой,
Не устрашась людской молвы!
Въ той вѣрѣ твердой—на разлуку
Безъ опасеній я смотрю.
Простите жъ! Крѣпко жму Вамъ руку
И снова Вамъ я повторю
Всей силой трезваго участья
Звучащій искренно привѣтъ:
Бодрѣе въ путь! Дай Богъ Вамъ счастья!
Дай Богъ Вамъ много свѣтлыхъ лѣтъ!...

Ярославль.
7 января 1851 г.

2007056964